ДБ
10
А-87
Архив
историч.
и практич.
сведений
...
кн. 4 (прилож.) 1859

4,50 kos.

ДБ
10
А-87

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

относящихся

ДО РОССІИ,

издаваемый

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ (СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ).

С.-Петербургъ.

1859.

2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Декабря 3-го дня 1859 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№27530 1936

Въ Типографіи II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ

О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ

ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекцій профессора Д. И. Мейера).

§ 1.

ПОНЯТІЕ О ДОГОВОРѢ.

Договоръ (contractus, pactum) представляетъ собою соглашеніе воли двухъ или нѣсколькихъ лицъ, порождающее право на чужое дѣйствіе, имѣющее имущественный интересъ. Вникая ближе въ это опредѣленіе договора, содержащее въ себѣ всѣ существенныя принадлежности его, какъ юридическаго отношенія, разсматриваемаго въ области гражданскаго права, можно отмѣтить въ немъ слѣдующіе моменты: 1) *соглашеніе воли двухъ или нѣсколькихъ лицъ*: оно проявляется въ томъ, что одна сторона даетъ обѣщаніе совершить какое-либо дѣйствіе, представляющее имущественный интересъ, другая принимаетъ обѣщаніе, такъ что договоръ можно, пожалуй, опредѣлить какъ принятое обязательство, относящееся къ предмету, представляющему имущественный интересъ. Одностороннее обѣщаніе, не принятое другою стороною, еще не порождаетъ для нея права, и поэтому напр. обѣтъ пожертвовать что-либо въ пользу церкви юридически не обязателенъ. Правда, въ иныхъ случаяхъ принятіе обѣщанія ускользаетъ отъ наблюденія, не выражается явственно, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ въ каждомъ юридическомъ отношеніи, представляющемся договоромъ. 2) *Договоръ порождаетъ право на чужое дѣйствіе*: одного соглашенія двухъ или нѣсколькихъ лицъ еще недостаточно для существованія договора, а нужно, чтобъ соглашеніе именно порождало право на чужое дѣйствіе. На эту черту договора обратите особенное вниманіе: въ дѣйствительности, а иногда и въ литературѣ, выдаютъ за

договоръ всякое соглашеніе воли двухъ лицъ, но отсюда происходитъ путаница въ понятіяхъ, такъ какъ изъ соглашенія воли двухъ лицъ можетъ вытекать и не *право на чужое дѣйствіе*, а напр. *право на лицо*. Нерѣдко напр. можно встрѣтить, что бракъ выдаютъ за договоръ, но это нелѣпо, потому что изъ брака не вытекаетъ право на чужое дѣйствіе, а вытекаетъ право на лицо (право мужа на лицо жены); если же и возникаютъ изъ брака права на чужія дѣйствія, то права эти вытекаютъ или изъ права на лицо, или они вытекаютъ изъ законныхъ обязательствъ, какъ напр. право жены на полученіе содержанія отъ мужа. 3) *Дѣйствіе другаго лица, составляющее объектъ права, порождаемаго договоромъ, должно представлять собою юридическій интересъ*: въ иныхъ случаяхъ представляется и соглашеніе воли двухъ лицъ относительно какого либо дѣйствія, совершается и дѣйствіе, но оно не имѣетъ юридическаго интереса, потому и соглашеніе не имѣетъ значенія договора. Напр. *A* приглашаетъ своего знакомаго *B* посѣтить его, *B* соглашается и дѣйствительно посѣщаетъ; но здѣсь нѣтъ договора, потому что дѣйствіе, составляющее предметъ соглашенія, посѣщеніе знакомаго, чуждо юридическаго характера. Впрочемъ эта принадлежность договора, чтобъ дѣйствіе, предметъ соглашенія, представляло собою юридическій интересъ, разумѣется уже сама собою изъ того, что договоръ порождаетъ право на чужое дѣйствіе, что дѣйствіе другаго лица, въ слѣдствіе договора, становится объектомъ права, такъ какъ объектомъ права можетъ быть только дѣйствіе, имѣющее юридическій интересъ. Наконецъ 4) *дѣйствіе другаго лица, составляющее предметъ соглашенія, должно представлять имущественный характеръ*: мы разсматриваемъ договоръ только какъ институтъ гражданскаго права, все содержаніе котораго восполняется имущественными правами. Имущественный характеръ дѣйствія, составляющаго предметъ договора, опредѣляется возможностью оцѣнить его на деньги, ибо имущество въ гражданскомъ быту имѣетъ значеніе какъ извѣстная цѣнность, мѣрою же цѣнности служатъ деньги, и потому естественно, что всѣ имущественныя отношенія сводятся къ денежной оцѣнкѣ. Соглашеніе, не представляющее возможности опредѣлить предметъ его на деньги, не представляется договоромъ. Это видно въ особенности на договорѣ *запродажи*, по которому одно лицо обя-

зывается продать другому извѣстную вещь: если впослѣдствіи лицо не исполняетъ договора, то, конечно, оно нарушаетъ тѣмъ право другаго лица, и если есть возможность оцѣнить нарушеніе права на деньги, то лицо, чье право нарушено, можетъ дать значеніе договору, но если нѣтъ такой возможности, то и запродажа не имѣетъ значенія (1).

§ 2.

ВИДЫ ДОГОВОРОВЪ.

Договоры представляются въ различныхъ *видахъ*. Но здѣсь между видовыми ихъ подраздѣленіями мы укажемъ только тѣ, которыя относятся спеціально къ договорамъ, не упоминая о тѣхъ, которыя относятся къ обязательствамъ вообще, а слѣдов., по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, и къ договорамъ, такъ какъ договоръ представляется однимъ изъ источниковъ обязательствъ. 1) Въ ряду такихъ спеціальныхъ дѣленій договоровъ прежде всего представляется намъ дѣленіе, встрѣчающееся въ римскомъ правѣ и играющее тамъ очень важную роль—это дѣленіе договоровъ на *вещественные* (contractus reales) и *совершаемые простымъ соглашеніемъ* (contractus consensuales). *Вещественные*—это такіе договоры, которые совершаются посредствомъ отдачи вещи однимъ контрагентомъ другому. Сюда относятся: *ссуда*, *заемъ*, *поклажа*, *залогъ*: всѣ эти договоры считаются существующими, какъ скоро одно лицо дѣйствительно передало другому вещь, доставленіе которой составляетъ предметъ договора (2). *Консенсуальные*—это такіе договоры, которыя существуютъ на основаніи одного соглашенія. Сюда относятся: *купля-продажа*, *наемъ*, *товарищество* и *договоръ довѣренности*: наприм. купля-продажа существуетъ, какъ скоро съ одной стороны есть соглашеніе доставить вещь, съ другой—заплатить ея цѣну (3). Но это дѣленіе договоровъ не имѣетъ примѣненія къ нашему праву, какъ полагаютъ иные: по нашему праву всякій договоръ считается существующимъ, какъ скоро существуетъ соглашеніе, имѣющее значеніе договора, и для начала его бытія никогда

(1) Св. Зак. Гр. (изд. 1857 г.) ст. 1679, 1681, 1687.
(2) *Puchta*, Curs. d. Institut., Leipzig, 1854, III, § 272.
(3) Тамъ же, § 275.

не требуется передачи вещи, доставленіе которой составляетъ предметъ договора. Правда, и по нашему праву требуется иногда, и очень часто, чтобъ соглашеніе контрагентовъ выразилось въ извѣстной формѣ; но это облеченіе соглашенія въ такую форму, въ которой бы оно пользовалось признаніемъ со стороны общественной власти, совсѣмъ не то, что дѣйствіе, необходимое для жизни римскаго вещественнаго договора. 2) Но очень важное практическое значеніе имѣетъ въ нашемъ правѣ дѣленіе договоровъ по формѣ ихъ совершенія на *словесные*, совершаемые на словахъ, и *письменные*, совершаемые посредствомъ написанія акта, и опять подраздѣляющіеся на *крѣпостные*, *крѣпостные явочные*, *маклерскіе* и *домашніе* (1). Значеніе этого дѣленія заключается въ томъ, что какъ скоро письменная форма существенна для договора, онъ и не существуетъ, не будучи облеченъ въ установленную для него форму, тогда какъ словесный договоръ существуетъ независимо отъ облеченія его въ письменную форму, уже на основаніи одного словеснаго соглашенія контрагентовъ, и очень часто дѣйствительно не излагается на письмѣ, а остается въ формѣ слова. Съ этимъ соединяется и другое послѣдствіе для словеснаго договора: такъ какъ облеченіе его въ письменную форму необязательно, то если контрагенты и вздумаютъ облечь его въ письменную форму, они могутъ избрать любую форму и въ каждой онъ будетъ дѣйствителенъ. Точно такое же, или по крайней мѣрѣ подобное значеніе имѣетъ различіе между договорами крѣпостными, крѣпостными явочными, маклерскими и домашними: домашній договоръ напр. можетъ быть совершенъ и крѣпостнымъ порядкомъ, и если въ крѣпостной формѣ окажется какой либо недостатокъ, то онъ не поражаетъ дѣйствительности договора, развѣ недостатокъ такого рода, что онъ поразилъ бы дѣйствительность договора и въ формѣ домашняго акта. 3) Нѣкоторые договоры указаны въ нашемъ законодательствѣ въ отдѣльности и сообразно существу ихъ болѣе или менѣе подробно опредѣлены;

---

(1) По различію формы совершенія договоровъ они носятъ иногда и различныя названія: такъ крѣпостные договоры называются *актами*, маклерскіе *контрактами*, домашніе *письменными условіями*, а словесные договоры называются собственно *договорами*. Однако это различіе названій довольно произвольное и нельзя сказать, чтобъ оно было постояннымъ и общеупотребительнымъ (Св. Зак. Гр. ст. 1531; Уст. торг. ст. 1775, 1779).

но въ дѣйствительности встрѣчается еще множество другихъ договоровъ, которые не опредѣлены законодательствомъ, хотя и не исключены имъ, такъ какъ законодательство наше допускаетъ всякіе договоры, лишь бы опредѣленія не были противны закону (1). На этомъ основаніи договоры дѣлятся на *самостоятельные* и *несамостоятельные*; *самостоятельные*—указанные въ законодательствѣ и опредѣленные имъ, *несамостоятельные*—всѣ прочіе. Лучше бы однако называть первые договоры *именными*, а вторые *безъименными*, потому что несамостоятельными договорами можно назвать только такіе, которые не существуютъ сами по себѣ, а составляютъ лишь дополненіе къ другимъ договорамъ, или которые не составляютъ самостоятельныхъ видовъ договора, а подходятъ подъ понятія другихъ самостоятельныхъ договоровъ; но ни того, ни другаго не представляютъ такъ называемые несамостоятельные договоры, а только что они не упомянуты въ законодательствѣ и не опредѣлены. Поэтому и лучше, кажется, называть ихъ безъименными, а прочіе именными, подобно тому какъ въ римскомъ правѣ существуетъ дѣленіе договоровъ на contractus nominati и contractus innominati (2). По по значенію своему дѣленіе договоровъ на именные и безъименные по нашему праву отлично отъ соотвѣтствующаго дѣленія договоровъ по римскому праву. Это значеніе по нашему праву заключается въ томъ, что договоръ самостоятельный или именной обсуживается ближайшимъ образомъ по опредѣленіямъ законодательства, установленнымъ относительно того договора, при недостаткѣ же такихъ опредѣленій примѣняются къ нему общія опредѣленія о договорахъ, тогда какъ договоръ несамостоятельный или безъименный обсуживается исключительно по общимъ опредѣленіямъ законодательства о договорахъ, но, конечно, въ томъ и другомъ случаѣ при соображеніи условій договора, постановленныхъ самими контрагентами (3). Наконецъ 4) договоры дѣлятся еще на

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1528.—(2) *Puchta*, Institut., III, § 272.—(3) Замѣтимъ, что это дѣленіе договоровъ особенно важно имѣть въ виду: нерѣдко случается, что практика наша, не сознавая возможности существованія безъименныхъ договоровъ, какъ скоро какой либо такой договоръ представляется обсуживанію суда, употребляетъ всѣ усилія, чтобъ какими нибудь натяжками подвести его къ тому или другому виду договоровъ, указанному законодательствомъ, и обсуживаетъ его по опредѣленіямъ, чуждымъ его существенному характеру.

имущественные и *личные*, смотря потому, составляетъ ли предметъ ихъ доставленіе имущества, или совершеніе другаго дѣйствія, исполненіе того, что называется личною услугою. Практическое различіе между этими видами договоровъ проявляется въ особенности въ способахъ ихъ прекращенія: тогда какъ договоры личные прекращаются смертію того или другаго участника договора, договоры имущественные не прекращаются вслѣдствіе такого обстоятельства, а переходятъ активно и пассивно къ наслѣднику умершаго лица (1). Разумѣется, по взаимному соглашенію контрагентовъ и относительно имущественнаго договора можетъ быть постановлено опредѣленіе, по которому онъ получитъ характеръ договора личнаго: напр. *A* отдаетъ въ наймы домъ на 5 лѣтъ, но условливается съ нанимателемъ, что въ случаѣ смерти его прежде этого срока договоръ долженъ считаться прекратившимся. Но что касается до договоровъ личныхъ, то не зависитъ отъ воли контрагентовъ распространить дѣйствіе договоровъ и на ихъ наслѣдниковъ. Напр. *A* заключаетъ договоръ личнаго найма съ *B*: *A* не можетъ выговорить, чтобъ въ случаѣ смерти лица *B* наслѣдникъ его служилъ ему; равнымъ образомъ и *B* не можетъ выговорить, чтобъ въ случаѣ смерти лица *A* его наслѣдникъ пользовался его услугами. Послѣднее дѣленіе впрочемъ не принадлежитъ исключительно договорамъ, а относится вообще къ обязательствамъ, такъ какъ каждое обязательство или личное или имущественное, смотря по содержанію дѣйствія, составляющаго предметъ его; но мы особо указываемъ на это дѣленіе по отношенію къ договорамъ, потому что характеръ личнаго или имущественнаго договора иногда опредѣляется соглашеніемъ контрагентовъ, въ томъ смыслѣ, что по соглашенію ихъ и имущественный договоръ можетъ получить характеръ личнаго (2).

---

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1543, 1544.

(2) Намъ кажется, было бы правильнѣе вмѣсто этого дѣленія договоровъ на *личные* и *имущественные* принять дѣленіе на *личные* и *наслѣдственные* и отнести къ личнымъ: а) всѣ договоры, порождающіе личныя обязательства и б) всѣ тѣ договоры, порождающіе обязательства имущественныя, которые по опредѣленію контрагентовъ должны прекратиться съ ихъ смертію; къ наслѣдственнымъ же—договоры, порождающіе имущественныя обязательства, не прекращающіяся смертію контрагентовъ. Такое дѣленіе намъ кажется пра-

§ 3.

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩІЯ ВЪ ДОГОВОРѢ.

Въ общемъ ученіи о договорахъ мы должны обратить вниманіе на лица, участвующія въ договорахъ, предметъ ихъ, волю участниковъ, проявляющуюся въ соглашеніи, на форму договоровъ, или ихъ совершеніе, на дѣйствіе договоровъ, ихъ обезпеченіе, исполненіе и прекращеніе. Но всѣ эти вопросы представляютъ множество чертъ, съ которыми мы уже имѣли случай познакомиться прежде, такъ какъ понятіе о договорѣ подходитъ подъ понятіе объ *обязательствѣ*, понятіе же объ обязательствѣ подходитъ отчасти подъ понятіе о *юридической сдѣлкѣ*, которая въ свою очередь подходитъ подъ понятіе о *юридическомъ дѣйствіи вообще*. Поэтому въ ученіи о договорахъ о каждомъ изъ предложенныхъ вопросовъ намъ слѣдуетъ сказать только то, что спеціально относится къ договорамъ, не распространяясь о томъ, что уже было сказано въ другихъ отдѣлахъ науки (1).

Лица, участвующія въ договорѣ, называются *договаривающимися лицами*, *договаривающимися сторонами* или *контрагентами*. Употребительны также названія, обозначающія различныя стороны договоровъ: такъ лицо, обязывающееся по договору, называется иногда *контрактодателемъ*, лицо, пріобрѣтающее право по договору, *контрактобрателемъ* или *контрактопринимателемъ*. Кромѣ того употребляются у насъ еще другія названія договаривающихся лицъ, относящіяся къ опредѣленнымъ видамъ договоровъ: такъ, встрѣчаются названія: *продавецъ*, *покупщикъ*, *заимодавецъ*, *должникъ*, *векселедатель*, *векселепринимать*, *товарищъ*, *довери-*

вильнѣе какъ потому, что оно относится исключительно къ договорамъ, такъ, и это главное, потому, что въ немъ не представляется, какъ въ дѣленіи договоровъ на личные и имущественные, смѣшенія понятія о продолжительности договора съ понятіемъ о характерѣ дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства, порождаемаго договоромъ. *Изд.*

(1) Но замѣтимъ, что наше законодательство не даетъ собственно опредѣленій о юридическихъ дѣйствіяхъ, юридическихъ сдѣлкахъ и обязательствахъ, а излагаетъ свои опредѣленія въ примѣненіи къ договорамъ, такъ что при изложеніи ученій о юридическихъ дѣйствіяхъ, сдѣлкахъ и обязательствахъ намъ приходилось извлекать наши основныя положенія именно изъ законодательныхъ опредѣленій о договорахъ.

тель, повѣренный и т. д. Общія опредѣленія объ участіи лицъ въ юридическихъ сдѣлкахъ подвергаются лишь немногимъ ограниченіямъ по отношенію къ договорамъ. Такъ нѣкоторые договоры предоставляются исключительно лицамъ извѣстнаго класса: именно, договоры, относящіеся къ торговому быту, составляютъ исключительное достояніе лицъ, принадлежащихъ къ торговому классу. Напримѣръ вексельный договоръ, договоръ торговаго товарищества, торговой довѣренности и друг. требуютъ, чтобъ участники ихъ принадлежали къ торговому сословію (1). Впрочемъ бо́льшею частію не самый договоръ, а предметъ его опредѣляетъ, въ правѣ или не въ правѣ извѣстное лицо принять участіе въ договорѣ. Напримѣръ купля-продажа доступна всякому, способному къ гражданской дѣятельности, но въ тѣхъ случахъ, когда предметъ купли-продажи относится къ предметамъ торговли, такъ что самая купля-продажа получаетъ характеръ договора торговаго, она доступна только лицамъ торговаго званія; равнымъ образомъ договоръ подряда, когда онъ по предмету своему является договоромъ торговымъ, доступенъ только лицамъ торговаго класса, тогда какъ въ другихъ случаяхъ доступенъ всѣмъ гражданамъ безразлично, лишь бы они удовлетворяли общимъ условіямъ участія въ гражданскихъ оборотахъ (2) и т. д.

§ 4.

ПРЕДМЕТЪ ДОГОВОРА.

Опредѣленія *о предметѣ договора* представляютъ также лишь нѣкоторыя ограниченія, стѣсняющія общія опредѣленія о предметѣ юридическихъ сдѣлокъ и обязательствъ. Такъ, по опредѣленію законодательства, нѣкоторыя имущества не могутъ быть предметомъ извѣстныхъ договоровъ: напр. иконы не могутъ быть предметомъ залога (3); крѣпостные люди не могутъ быть отдаваемы на горнозаводскія работы (4); не дозволяется заключать договоры отчужденія относительно заповѣдныхъ недвижимыхъ имуществъ (5). Въ иныхъ случаяхъ извѣстныя имущества не могутъ быть предметомъ договора по самому существу его: напримѣръ не всякія

---

(1) Уст. торг. ст. 546, 730, 754. — (2) Св. Зак. Гражд. ст. 1740; Уст. торг. ст. 1—3.

(3) Можно однако же отдѣлять украшенія иконъ и подвергать ихъ залогу (Св. Зак.о Суд. Гр. ст. 2193, 2194).

(4) Св. Зак. Гр. ст. 2208.—(5) Тамъ же, ст. 485.

вещи могутъ быть предметомъ займа, а только вещи, опредѣляемыя мѣрой, вѣсомъ и счетомъ, напримѣръ деньги, хлѣбъ и т. д. За исключеніемъ же этихъ немногихъ ограниченій общія положенія о предметѣ сдѣлокъ и обязательствъ, въ особенности положенія о предметѣ обязательствъ примѣняются и къ договорамъ. Такъ, подобно тому какъ и предметомъ обязательства вообще, предметомъ договора всегда представляется право на чужое дѣйствіе, и притомъ дѣйствіе возможное, физически и нравственно (1). Въ ученіи объ обязательствахъ мы указали уже, какія затрудненія возникаютъ изъ того требованія, чтобъ дѣйствіе, предметъ обязательства, было нравственно возможно. Здѣсь поэтому замѣтимъ только, что именно по отношенію къ договорамъ всего чаще встрѣчаются такія затрудненія. Напримѣръ весьма часто встрѣчаются въ дѣйствительности такъ называемые *договоры объ отсталомъ*, т. е. договоры, по которымъ одинъ контрагентъ съ цѣлью заключить болѣе выгодный для себя договоръ съ сторонним лицомъ, обыкновенно съ казною, обязываетъ за извѣстную плату другаго контрагента не принимать участія въ торгѣ. Правда, что договоры эти большею частію существуютъ втайнѣ или облекаются въ другую сдѣлку; но если существованіе такого договора будетъ обнаружено, или существо сдѣлки будетъ раскрыто и договоръ подвергнется судебному разбирательству, то спрашивается, должно-ли признать его ничтожнымъ? По нашему мнѣнію, договоръ объ отсталомъ должно признать недѣйствительнымъ, какъ договоръ безнравственный, потому что цѣль его—понужденіе сторонняго лица къ заключенію невыгоднаго для него договора. Наши судебныя мѣста, сколько извѣстно, также склонны признавать договоръ объ отсталомъ недѣйствительнымъ, но не по безнравственности его, а потому, что онъ вредитъ интересамъ казны, отстаивать которыя судебныя мѣста считаютъ долгомъ своимъ, иногда и независимо отъ вопроса о правѣ. Но въ этихъ основаніяхъ, различныхъ по существу своему, есть и практическая разница: если признавать договоръ объ отсталомъ недѣйствительнымъ потому только, что онъ клонится къ ущербу казны, то предварительно должно изслѣдовать, произошелъ ли дѣйствительно отъ договора убытокъ и

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1529.

именно для казны, тогда какъ если признавать договоръ объ отсталомъ недѣйствительнымъ по безнравственности его, то должно признать его недѣйствительнымъ совершенно независимо отъ вопроса объ убыткѣ для сторонняго лица и точно также совершенно независимо отъ прикосновенія договора къ интересамъ казны. Далѣе, въ общемъ ученіи о договорахъ о предметѣ ихъ должно сказать еще, что право на чужое дѣйствіе, составляющее предметъ договора, сопровождается обыкновенно извѣстною обстановкою, подвергается точнѣйшимъ, подробнѣйшимъ опредѣленіямъ, которыя въ совокупности составляютъ содержаніе договора и извѣстны подъ именемъ его условій, почему и самый договоръ называется иногда также *условіемъ*, въ смыслѣ совокупности отдѣльныхъ условій договора (1). Между этими условіями различаются иногда *главныя* и *второстепенныя*, на томъ основаніи, что неисполненіе однихъ условій влечетъ за собою болѣе тягостныя послѣдствія, нежели неисполненіе другихъ. Но это различіе не имѣетъ юридическаго значенія, потому что каждое опредѣленіе договора должно быть исполнено, въ противномъ случаѣ является нарушеніе права и для лица нарушившаго возникаетъ обязательство произвести вознагражденіе, а величина его, съ юридической точки зрѣнія, безразлична: въ области права имѣютъ значеніе только юридическіе моменты, они только видоизмѣняютъ юридическія опредѣленія, понятіе же о цѣнности—понятіе экономическое и относится къ области гражданскаго права лишь на столько, что каждое гражданское право, какъ право имущественное, должно представлять собою извѣстную цѣнность, а какъ велика или мала эта цѣнность—это уже все равно. Но вотъ различіе условій договора, имѣющее практическое значеніе: иныя условія, будучи ничтожны, влекутъ за собою недѣйствительность всего договора, иныя же, хотя бы и были недѣйствительны, все таки не поражаютъ цѣлаго договора. Напр. лицо не вправѣ вступать въ договоръ, а вступаетъ въ него (участіе лица въ договорѣ также составляетъ одно изъ его условій) или до-

(1) По *условіе* въ смыслѣ договора не должно смѣшивать съ *условіемъ* въ смыслѣ побочнаго въ сдѣлкѣ обстоятельства, отъ наступленія или неисполненія котораго зависитъ ея бытіе или небытіе: въ послѣднемъ смыслѣ условіе, какъ выраженіе техническое, употребляется преимущественно въ наукѣ и соотвѣтствуетъ латинскому conditio и нѣмецкому Bedingung.

говоръ постановляетъ о правѣ не принадлежащемъ участникамъ договора, или договоръ противенъ опредѣленіямъ законодательства: во всѣхъ этихъ случаяхъ договоръ недѣйствителенъ (1). Но напр. договоръ между другими опредѣленіями налагаетъ также обязательство на стороннее лицо, не участвующее въ договорѣ: во всѣхъ другихъ условіяхъ договоръ дѣйствителенъ, а недѣйствительно только это условіе, по которому на стороннее лицо возлагается обязательство; или напр. съ договоромъ связывается условіе о другомъ договорѣ, на заключеніе котораго нѣтъ какого либо законнаго условія: условіе о заключеніи другаго договора недѣйствительно, но его недѣйствительность не касается цѣлости самаго договора. Спрашивается, какія же это условія, которыхъ недѣйствительность поражаетъ недѣйствительностію весь договоръ, какія условія, которыхъ недѣйствительность падаетъ только на нихъ самихъ, но не касается дѣйствительности и цѣлости всего договора? Основное различіе между различными условіями въ приведенныхъ нами примѣрахъ заключается въ томъ, что одни касаются сущности договора, другія не касаются ея, и вотъ первыя-то условія, касающіяся существа договора, будучи недѣйствительны, разрушаютъ договоръ, тогда какъ вторыя, не касающіяся сущности договора, въ случаѣ недѣйствительности, только сами не имѣютъ значенія, но не дѣлаютъ недѣйствительнымъ всего договора, подобно тому, какъ въ духовномъ завѣщаніи одни недѣйствительныя распоряженія разрушаютъ все завѣщаніе, тогда какъ другія только сами ничтожны (2). При настоящемъ состояніи нашей практики намъ приходится довольствоваться такимъ общимъ положеніемъ, представить же болѣе подробныя и точныя опредѣленія нѣтъ возможности, хотя въ практикѣ и очень часто возникаетъ вопросъ о связи отдѣльнаго условія договора съ цѣлымъ его составомъ, о вліяніи недѣйствительности одного условія на цѣлость договора. Наконецъ, по отношенію къ предмету договора должно обратить еще вниманіе на то, что нерѣдко трудно бываетъ опредѣлить, одинъ-ли договоръ представляется въ данномъ случаѣ или нѣсколько договоровъ, такъ какъ право на чужое дѣйствіе, предметъ договора, можетъ быть и не на одной сторонѣ, а на обѣихъ, и даже бо́льшею частію бываетъ

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1384, 1402, 1406, 1529.

(2) Тамъ же, ст. 1029.

такъ, что каждая изъ договаривающихся сторонъ пріобрѣтаетъ какое либо право на дѣйствіе противной стороны, и притомъ право это въ договорѣ можетъ подвергнуться различнымъ опредѣленіямъ и представиться въ самой разнообразной обстановкѣ (1). Напр. *A* уступаетъ *B* свою вещь за извѣстную цѣну, но кромѣ того *B* обязывается также за извѣстное вознагражденіе предоставить *A* другую вещь въ пользованіе: одинъ ли это договоръ, или условіе о предоставленіи вещи въ пользованіе составляетъ особый договоръ, отдѣльный отъ договора о передачѣ вещи въ собственность? Разрѣшеніе вопроса будетъ еще затруднительнѣе, если мы въ нашемъ примѣрѣ допустимъ предположеніе, что сама по себѣ цѣна, которую *B* даетъ *A* за вещь, не соотвѣтствуетъ ея цѣнности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вознагражденіе со стороны *A* за предоставленное ему пользованіе другою вещію не соотвѣтствуетъ цѣнности пользованія. Но бываетъ и наоборотъ: одинъ договоръ заключается въ видѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ договоровъ. Напр. иногда, вмѣсто того, чтобъ выдать одно заемное письмо на 5000 р. и разсрочить платежъ долга по немъ на пять лѣтъ, должникъ выдаетъ заимодавцу пять заемныхъ писемъ, каждое на 1000 р. и каждое послѣдующее на срокъ годомъ продолжительнѣе предъидущаго: каждое заемное письмо представляетъ отдѣльный договоръ, такъ что всего является пять договоровъ. И вообще можно сказать, что каждое право на чужое дѣйствіе можетъ быть предметомъ отдѣльнаго договора, и наоборотъ—нѣсколько правъ на чужія дѣйствія, если только они сходны, можно отнести къ одному договору. Но одинъ ли дѣйствительно договоръ представляется въ данномъ случаѣ, или совокупность договоровъ?—разрѣшеніе этого вопроса зависитъ ближайшимъ образомъ отъ существа соглашенія контрагентовъ, отъ той

(1) Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ мѣсто не только по отношенію къ договорамъ, но и по отношенію къ обязательствамъ вообще; но въ договорахъ онъ представляетъ ту особенность, что то или другое разрѣшеніе его оказываетъ вліяніе на самое совершеніе договора: извѣстно, что совершеніе договора во многихъ случаяхъ сопрягается съ выгодою для казны, и вотъ должностныя лица, при участіи которыхъ совершаются договоры, настаиваютъ на томъ, чтобъ каждый отдѣльный договоръ совершался отдѣльно, т. е. совершался написаніемъ особаго акта, слѣдов. чтобъ была употреблена особая гербовая бумага, были уплачены особыя пошлины за написаніе акта или его засвидѣтельствованіе и т. п.

обстановки права на чужое дѣйствіе, которую они дали ему: если одно право существенно связано съ другимъ, такъ что оба взаимно опредѣляютъ другъ друга (какъ въ первомъ нашемъ примѣрѣ), то должно признать единство договора, въ противномъ случаѣ—совокупность договоровъ, хотя бы по формѣ заключенія ихъ они и представляли видимое единство.

§ 5.

ВОЛЯ КОНТРАГЕНТОВЪ.

Воля контрагентовъ составляетъ основаніе договора и въ этомъ смыслѣ нерѣдко называютъ договоръ *закономъ между частными лицами:* говорятъ, что точно также, какъ законъ есть выраженіе общей воли, договоръ есть частный законъ. Справедливо конечно, что въ этомъ смыслѣ договоръ можно назвать частнымъ закономъ, но дѣло въ томъ, что далѣе нѣтъ уже ничего общаго между существомъ закона и существомъ договора, такъ что уподобленіе его закону не ведетъ ни къ какому результату. Воля контрагентовъ, проявляющаяся въ соглашеніи, можетъ находиться подъ вліяніемъ стороннихъ обстоятельствъ, *ошибки*, *насилія* и *обмана*—о нихъ-то мы и будемъ говорить въ настоящее время, такъ какъ значеніе ихъ относительно договора представляетъ нѣкоторыя особенности отъ того значенія, какое имѣютъ они для юридическихъ дѣйствій вообще, къ которымъ принадлежитъ и соглашеніе, ибо и оно, какъ внѣшнее проявленіе воли, является юридическимъ дѣйствіемъ. Прежде всего объ *ошибкѣ* (1). Она относится или *къ лицу контрагента*, или *самому договору*, или *къ его мотивамъ*, или наконецъ *къ предмету договора*. а) *Ошибка въ лицѣ контрагента: A* полагаетъ, что заключаетъ договоръ съ *B*, но оказывается, что контрагентъ его *C*; или напр. *A* полагаетъ, что контрагентъ его есть повѣренный лица *B*, но оказывается, что контрагентъ дѣйствуетъ самостоятельно, заключаетъ договоръ отъ своего лица. Личность контрагентовъ, между которыми составляется соглашеніе, конечно, существенна для договора, и поэтому естественно можетъ казаться, что договоръ, заключенный съ ошибкою въ лицѣ контрагента, безусловно и во всякомъ случаѣ ничтоженъ. На дѣлѣ однакожъ оказывается другое: юридическій бытъ обращаетъ вниманіе на то,

(1) *Savigny*, System d. heut. röm. Rts, III, §§ 135—139.

связывается ли въ договорѣ съ личностію контрагента какой либо юридическій интересъ, и только при этомъ условіи признаетъ недѣйствительнымъ договоръ, заключенный съ ошибкою въ лицѣ контрагента, тогда какъ если нѣтъ этого условія, договоръ остается въ силѣ. Напр. купецъ продаетъ товаръ на наличныя деньги и полагаетъ, что покупщикъ есть лицо *A*, тогда какъ это лицо *B*: для купца все-равно, то или другое лицо покупаетъ товаръ, и поэтому, не смотря на ошибку въ лицѣ контрагента, договоръ считается дѣйствительнымъ. Но положимъ, купля-продажа совершается на кредитъ: тогда уже для продавца не все-равно, съ тѣмъ или другимъ лицомъ заключить договоръ, и потому ошибка въ личности контрагента дѣлаетъ договоръ ничтожнымъ. b) *Ошибка касается самого договора: A* заключаетъ куплю-продажу, а *B* заключаетъ договоръ найма, или ссуды. Очевидно, что здѣсь нѣтъ соглашенія воли двухъ лицъ, слѣдов. нѣтъ и договора. c) *Ошибка касается мотивовъ договора, побужденій, по которымъ онъ заключается: A* продаетъ вещь потому, что цѣна, предлагаемая за нее, кажется ему довольно высокою, тогда какъ на дѣлѣ она оказывается незначительною; на оборотъ, *A* покупаетъ вещь, полагая, что требуемая цѣна дешева, тогда какъ на дѣлѣ оказывается противное; или: купецъ покупаетъ товаръ, расчитывая на повышеніе его цѣны въ будущемъ, но цѣна товара понижается; на оборотъ, купецъ, продаетъ товаръ, опасаясь пониженія его цѣны въ будущемъ, но опасеніе оказывается напраснымъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, хотя договоръ, быть-можетъ, и не былъ бы заключенъ безъ вліянія ошибки, но тѣмъ не менѣе онъ считается дѣйствительнымъ, потому что побужденія, мотивы, опредѣляющіе волю,—сторонніе обстоятельства въ договорѣ. Въ дѣйствительности случается иногда, что противная сторона даже старается поддерживать ошибочное представленіе контрагента, но если при этомъ не доходитъ она до обмана, то договоръ все-таки не становится ничтожнымъ. d) *Ошибка, относящаяся къ предмету договора*, представляетъ четыре различныхъ случая: 1) *ошибка касается тождественности предмета: A* продаетъ вещь x, а покупщикъ полагаетъ, что договоръ заключается относительно вещи y. Ошибка относительно тождественности предмета договора обсуживается точно также, какъ ошибка въ лицѣ контрагента, въ его самоличности, какъ говорится у насъ:

если индивидуальность предмета не имѣетъ никакого юридическаго интереса, такъ что лицо готово заключить договоръ безразлично относительно того или другаго предмета изъ вещей извѣстнаго рода, договоръ считается дѣйствительнымъ, хотя бы лицо и представляло ошибочно, что договоръ заключается именно относительно извѣстнаго предмета; но если индивидуальность предмета имѣетъ юридическое значеніе и контрагенты расходятся въ тождественности предмета договора, напр. лицо продаетъ одинъ домъ, а покупщикъ разумѣетъ другой, то понятно, что при такой ошибкѣ нельзя говорить о соглашеніи воли контрагентовъ, слѣдов. нѣтъ и договора. 2) *Ошибка касается существованія предмета*, при чемъ или договоръ заключается относительно предмета, никогда не существовавшаго, или онъ заключается относительно предмета, прежде существовавшаго, но не существующаго уже при заключеніи договора: *A* покупаетъ у *B* домъ, котораго у него никогда не было; или *A* покупаетъ у *B* домъ, который былъ у него, но во время заключенія договора этого дома уже нѣтъ, положимъ, онъ сгорѣлъ. Но въ обоихъ случаяхъ одинаково договоръ долженъ быть признаваемъ недѣйствительнымъ, по недостатку для него одной изъ существенныхъ принадлежностей—предмета договора. Другое дѣло, если вещь существовала прежде въ иномъ видѣ, нежели во время заключенія договора, такъ что только часть вещи уничтожилась: тогда, конечно, договоръ дѣйствителенъ, только что ошибка порождаетъ для контрагента обязательство вознаградить противную сторону за тѣ убытки, которые должна понесть она вслѣдствіе поврежденія вещи. Но, разумѣется, нѣтъ такого обязательства, когда противная сторона знала о случившемся поврежденіи, когда, значитъ, собственно говоря, не было ошибки, ибо въ такомъ случаѣ предложеніе со стороны покупщика цѣны, равной стоимости неповрежденнаго предмета, можно обсуживать какъ даръ въ пользу продавца, какъ желаніе оказать ему благодѣяніе (1). 3) *Ошибка относительно количе-*

(1) Римское право въ этомъ случаѣ обращаетъ вниманіе на степень поврежденія, уменьшается ли отъ него цѣнность предмета менѣе или болѣе, чѣмъ на половину противъ прежней его стоимости, и только въ первомъ случаѣ признаетъ договоръ дѣйствительнымъ, предоставляя контрагенту понизить цѣну предмета соразмѣрно его поврежденію (*Savigny*, System, III, 358). Но независимо отъ прямаго опредѣленія законодательства, не уклоняясь отъ строгой

ства предмета: одинъ контрагентъ имѣетъ въ виду бо́льшее количество предмета, нежели другой, или: одинъ контрагентъ представляетъ себѣ предметъ въ извѣстной мѣрѣ, тогда какъ на дѣлѣ онъ оказывается бо́льшей или меньшей мѣры. Въ этомъ случаѣ должно обращать вниманіе на то, имѣетъ ли количество предмета такое вліяніе на опредѣленіе воли, что при другомъ количествѣ, бо́льшемъ или меньшемъ, не состоялось бы соглашеніе: если такъ, то договоръ, заключенный по ошибкѣ въ количествѣ предмета, должно считать недѣйствительнымъ, въ противномъ случаѣ онъ дѣйствителенъ на меньшую мѣру, ибо на эту мѣру существуетъ соглашеніе обоихъ контрагентовъ, только что и обязательство противной стороны, въ договорѣ возмездномъ, должно опредѣлиться соразмѣрно количеству предмета, развѣ мѣра его, бо́льшая или меньшая, не имѣетъ юридическаго значенія. Напр. *A* покупаетъ поземельный участокъ, полагая его достаточной величины для постройки на немъ фабрики, но оказывается, что участокъ малъ для этого: договоръ недѣйствителенъ. Но напр. *A* покупаетъ 100 четв. хлѣба, а *B* полагаетъ, что *A* покупаетъ у него 150 четв.: договоръ дѣйствителенъ на меньшее количество, сообразно которому должно опредѣлиться и вознагражденіе продавцу. Наконецъ, 4) *ошибка относится къ качеству предмета*, и притомъ или а) *къ его веществу*, или б) *къ его свойствамъ, добротности.* Ошибка относительно вещества предмета представляется напр. когда лицо покупаетъ вещь, полагая, что она золотая, а она оказывается только позолоченною, или напр. когда лицо покупаетъ мебель, полагая, что она сдѣлана изъ березоваго дерева, тогда какъ она сдѣлана изъ липоваго. Вліяніе ошибки обсуживается здѣсь различно, смотря потому, какое вліяніе имѣетъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана вещь, на самое понятіе о вещи: если вещь такова, что понятіе о матеріалѣ существенно для понятія о самой вещи, то договоръ, заключенный по ошибкѣ въ веществѣ предмета, недѣйствителенъ, потому что такая ошибка устраняетъ предположеніе о соглашеніи; въ противномъ случаѣ ошибка имѣетъ вліяніе лишь на опредѣленіе цѣны предмета. Поэтому

послѣдовательности, нельзя придти къ такому положенію, а такого опредѣленія, подобнаго опредѣленію Римскаго права, наше законодательство не даетъ.

во второмъ нашемъ примѣрѣ договоръ дѣйствителенъ, а въ первомъ недѣйствителенъ, потому что понятіе о матеріалѣ существенно для вещей, выдѣланныхъ изъ благороднаго металла, чего нельзя сказать о вещахъ, выдѣланныхъ изъ обыкновеннаго, того или другаго дерева. Ошибка относительно качества предмета договора представляется напр., когда лицо покупаетъ вещь, считая ее неповрежденною, тогда какъ она повреждена: въ этомъ случаѣ ошибка, если она не вызвана противною стороною, не составляетъ обмана, имѣетъ то же значеніе, что и ошибка относительно мотивовъ договора, т. е. она не уничтожаетъ дѣйствительности договора, она не имѣетъ вліянія даже на количество вознагражденія противной стороны, если недостатокъ предмета таковъ, что контрагентъ легко могъ видѣть его. Такимъ образомъ, вліяніе ошибки на дѣйствительность договора во всѣхъ ея отношеніяхъ къ нему можно свести къ такому общему положенію: какъ скоро ошибка касается воли контрагентовъ, то она разрушаетъ договоръ; если же ошибка касается второстепенныхъ обстоятельствъ, то хотя въ иныхъ случаяхъ и влечетъ за собою извѣстныя послѣдствія, но не нарушаетъ самого договора.

Относительно вліянія *принужденія* и *обмана* на дѣйствительность договора существуютъ двѣ теоріи: одни юристы полагаютъ, что договоръ, заключенный подъ вліяніемъ принужденія и обмана, недѣйствителенъ, потому что не представляетъ единства воли—это *теорія унитета;* другіе же утверждаютъ, что договоръ самъ по себѣ дѣйствителенъ, но что сторона принужденная или обманутая въ правѣ требовать прекращенія договора и вознагражденія за понесенные убытки, такъ какъ принужденіе и обманъ составляютъ нарушеніе ея права—это *теорія прекращенія договора* (theorie de rescision) (1). Понятно, что по теоріи унитета, по теоріи безусловнаго признанія недѣйствительности договора, заключеннаго подъ вліяніемъ насилія или обмана, послѣдствія насилія или обмана болѣе рѣзки, нежели по теоріи прекращенія договора. Что касается до нашей практики, то одни судебныя мѣста считаютъ договоръ, заключенный подъ вліяніемъ насилія или обмана, недѣйствительнымъ, другія признаютъ только за принужденною или обманутою стороною право на вознагражденіе. Но если имѣть въ виду, что

(1) *Savigny*, System. III, §§ 114,115.

задача практики не уничтожать, а по возможности поддерживать установившіяся юридическія отношенія, то должно только въ крайности признавать не существующими даже и ненормальныя юридическія отношенія, а такъ какъ законодательство наше не постановляетъ, что договоръ, заключенный подъ вліяніемъ насилія или обмана, самъ по себѣ недѣйствителенъ, то и должно держаться теоріи дѣйствительности договора, признавая, разумѣется, за принужденнымъ или обманутымъ контрагентомъ право на вознагражденіе (1).

§ 6.

СОГЛАШЕНІЕ ВОЛИ.

Договоръ представляетъ собою *соглашеніе воли* двухъ или нѣсколькихъ лицъ: слѣдовательно существенно для договора единство воли. Но само по себѣ единство воли недостаточно, а требуется еще, чтобъ единство относилось къ одному и тому же моменту времени: послѣдовательное соглашеніе воли не составляетъ договора, развѣ можно допустить предположеніе, что соглашеніе, высказанное прежде, продолжаетъ существовать и въ моментъ изъявленія втораго, по времени, соглашенія; но и тогда бытіе договора начинается лишь съ момента соглашенія обѣихъ воль, а если нѣтъ такого момента, то нѣтъ и договора, потому что каждая воля существуетъ отдѣльно, не совпадая съ другою. Напр. *A* выражаетъ обѣщаніе на совершеніе извѣстнаго дѣйствія въ пользу *B*, но прежде чѣмъ *B* соглашается на принятіе обѣщанія, *A* измѣняетъ свою волю, а за тѣмъ уже *B* принимаетъ обѣщаніе, не зная объ отказѣ со стороны *A*: воля того и другаго лица выражается, но она относится къ разнымъ моментамъ времени и нѣтъ такого момента, въ которомъ бы та и другая воля совпадали, нѣтъ поэтому и договора. И такъ существенно для договора, чтобы соглашеніе воли контрагентовъ было одновременно. Въ особенности важенъ вопросъ объ одновременности соглашенія по отношенію къ договорамъ, заключаемымъ между лицами, находящимися въ разныхъ мѣстахъ. Такіе договоры заключаются въ дѣйствительности

---

(1) Но, конечно, если обманъ порождаетъ ошибку такого рода, что въ договорѣ нельзя признать соглашенія воли, то и договоръ должно считать недѣйствительнымъ, но не по обману непосредственно, а по ошибкѣ, вызванной обманомъ.

нерѣдко, особенно въ торговомъ быту: напр. одесскіе, московскіе, петербургскіе купцы часто заключаютъ между собою договоры по перепискѣ. Между тѣмъ требованіе одновременности соглашенія воли для возникновенія договора не устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что контрагенты находятся въ разныхъ мѣстахъ, потому что требованіе это вытекаетъ изъ самаго существа договора, какъ соглашенія воли двухъ или болѣе лицъ. Но спрашивается, когда же является одновременность соглашенія, выражаемаго по перепискѣ? Для разрѣшенія этого вопроса прослѣдимъ въ примѣрѣ процессъ заключенія договора между отсутствующими лицами. Положимъ *A* желаетъ пріобрѣсти партію товара отъ *B* и пишетъ къ нему о томъ письмо, *B* отвѣчаетъ, что онъ согласенъ продать товаръ за такую то цѣну, и *A* согласенъ дать эту цѣну: въ моментъ прочтенія письма есть уже согласіе *A* на заключеніе договора, но нѣтъ еще согласія *B*. Правда, согласіе *B* есть, о немъ свидѣтельствуетъ письмо, въ которомъ онъ соглашается продать товаръ лицу *A* за извѣстную цѣну; но это согласіе *B* существуетъ пока какъ нѣчто отдѣльное, имѣющее только значеніе предложенія, по отношенію къ которому еще не послѣдовало принятія. Слѣдов. изъ того, что *A* по прочтеніи письма *B* изъявляетъ согласіе на предлагаемыя ему условія, еще не слѣдуетъ, что договоръ уже заключенъ, тѣмъ болѣе, что *A* въ душѣ можетъ и согласиться, но можетъ не выразить своего согласія *B*. И такъ, необходимо, чтобъ *A* выразилъ свое согласіе. Допустимъ, что *A* дѣйствительно пишетъ *B* о принятіи его условій и *B* получаетъ письмо: тогда *A* уже связывается, потому что онъ выразилъ *B* согласіе на предложенныя ему условія; точно также *B* связывается согласіемъ *A*, потому что условія соглашенія предложены имъ, слѣдов. возникаетъ уже настоящее соглашеніе между *A* и *B*: *A* знаетъ о согласіи *B*, *B* знаетъ о согласіи *A*. До полученія письма отъ *A*, *B* могъ бы еще отступиться отъ предложенныхъ условій, потому что принятіе ихъ для него не существовало; но когда эти условія оказываются принятыми, онъ уже не можетъ отступиться отъ нихъ, такъ что моментъ извѣщенія *B* о согласіи *A* должно считать моментомъ соглашенія воли, моментомъ заключенія договора (1). Такъ,

(1) Ср. *Savigny*, System, VIII. 235, 256.

дѣйствительно обыкновенно и принимается въ торговомъ быту, что договоръ считается заключеннымъ съ полученіемъ утвердительнаго отвѣта на предложенныя условія, а до полученія отвѣта лицо, предложившее условія, признается въ правѣ отступиться отъ нихъ. Поэтому, если лицо приметъ условія, но въ слѣдъ за тѣмъ раздумаетъ принять ихъ, то должно озаботиться, чтобъ второе извѣстіе, въ которомъ лицо отступается отъ согласія, достигло другаго контрагента прежде перваго извѣстія или по крайней мѣрѣ въ одно время съ нимъ (1). Но встрѣчаются въ дѣйствительности и уклоненія отъ этого юридическаго начала: иногда уже послѣ перваго увѣдомленія договоръ считается заключеннымъ, а не по полученіи только отвѣта о согласіи—это именно тогда, когда предполагается безмолвное соглашеніе считать договоръ заключеннымъ по первому увѣдомленію. Уклоненіемъ отъ нашего начала представляется также и то, что иногда безъ всякаго увѣдомленія совершается извѣстное дѣйствіе, предполагающее существованіе договора. *A* пишетъ *B*, чтобъ онъ выслалъ ему такое-то количество товара за такую-то цѣну, и *B* высылаетъ товаръ: договоръ, слѣдов., представляется заключеннымъ, какъ скоро *B* изъявляетъ согласіе на предложеніе *A*. Но и здѣсь представляется безмолвное соглашеніе, заключающееся въ самомъ званіи лица *B:* если онъ человѣкъ торговый, то само собою разумѣется, что какъ скоро ему предложены выгодныя условія, онъ согласится на нихъ; самое званіе лица *B* служитъ отвѣтомъ на предложеніе, и по этому-то въ самый моментъ его полученія возникаетъ договоръ.—Каждое соглашеніе, будучи юридическою сдѣлкою, существенно нуждается въ

---

(1) Нѣкоторые юристы находятъ, что моментомъ заключенія договора должно считать моментъ отвѣта о полученіи согласія, т. е. B по полученіи письма A долженъ увѣдомить его о томъ, и только тогда уже, когда A получитъ это увѣдомленіе, должно считать договоръ заключеннымъ, потому, говорятъ, что точно также, какъ требуется извѣщенія одной стороны о согласіи, нужно, чтобъ и другая сторона знала о продолженіи согласія. Но это не справедливо: для другаго контрагента нѣтъ надобности знать, что согласіе перваго еще продолжается, иначе должно признать, что B и по полученіи согласія A на его предложенія можетъ отступиться отъ нихъ, т. е. должно допустить, что и послѣ соглашенія можетъ быть изъявлено несогласіе.

извѣстной *формѣ*, такъ что только соглашеніе, облеченное въ установленную форму, получаетъ обязательную силу. Самъ по себѣ фактъ, что у двухъ или болѣе лицъ одинаковая воля, еще не порождаетъ ничего обязательнаго, ибо человѣкъ можетъ имѣть извѣстную волю и впослѣдствіи можетъ измѣнить ее. Конечно, человѣку развитому свойственно не иначе рѣшаться на что либо, какъ по зрѣломъ обсужденіи предмета и за тѣмъ уже держаться своего рѣшенія, развѣ измѣнятся обстоятельства: основательный человѣкъ безъ нужды не измѣняетъ свою волю, но точно также и изъ одного упрямства не остается при ней. По этому-то у всѣхъ народовъ замѣчаемъ особое уваженіе къ высказанному слову: «*давши слово, держись*». Но тѣмъ не менѣе самое слово непосредственно не влечетъ за собою обязательства, хотя бы это слово совпадало съ словомъ другаго лица. Но когда соглашеніе облечено въ форму, упрочивающую изъявленіе воли того и другаго лица, то является уже обязательная сила соглашенія, возникаетъ договоръ. Для различныхъ договоровъ установлена законодательствомъ, а отчасти обычаемъ, различная форма, поэтому мы и скажемъ о ней, когда будемъ говорить о каждомъ договорѣ въ отдѣльности. Здѣсь же замѣтимъ только, что такъ какъ договоръ можетъ касаться различныхъ предметовъ и представлять собою совокупность договоровъ, а форма, достаточная для одного договора, можетъ оказаться недостаточною для другаго, то при недѣйствительности договора по недостаточности формы относительно одного предмета, онъ все-таки можетъ быть дѣйствителенъ для другаго предмета. Замѣтимъ также, что если по договору, совершенному не въ установленной формѣ, послѣдовало уже исполненіе, а впослѣдствіи договоръ признается недѣйствительнымъ, то это не значитъ, чтобъ исполненіе не имѣло никакого юридическаго значенія. Положимъ, заключенъ заемъ подъ залогъ недвижимаго имущества, но при этомъ не соблюдена форма, установленная для залога недвижимаго имущества, а между тѣмъ должникъ уже получилъ занятую сумму: нельзя сказать, чтобъ заимодавецъ не въ правѣ былъ требовать обратно деньги, отданныя должнику, потому что договоръ займа, обезпеченный залогомъ недвижимаго имущества, совершенъ не въ установленной формѣ, ибо все-таки справедливо то, что было соглашеніе на счетъ принятія денегъ заимо-

образно, слѣд. съ предоставленіемъ вѣрителю права потребовать ихъ обратно (1).

§ 7.

ДѢЙСТВІЕ ДОГОВОРА.

Дѣйствіе договора касается ближайшимъ образомъ контрагентовъ и состоитъ, во 1-хъ, въ томъ, что одна сторона пріобрѣтаетъ право на дѣйствіе другой, которая въ свою очередь также иногда (въ договорѣ возмездномъ) пріобрѣтаетъ право на дѣйствіе первой. Но договоръ не рождаетъ ни права на лицо, ни вещнаго права. И вотъ почему бракъ нельзя считать договоромъ: если и вытекаютъ изъ него нѣкоторыя права на дѣйствія для мужа или жены, то они вытекаютъ непосредственно или изъ закона или изъ права на лицо, но не изъ брака. Вотъ почему также какъ скоро слѣдствіемъ договора является установленіе вещнаго права, мы признаемъ, что за соглашеніемъ должна слѣдовать еще передача вещи, по которой установляется право, и даже подразумѣваемъ передачу въ тѣхъ случаяхъ, когда она на самомъ дѣлѣ и не совершается. Во 2-хъ, обяза-

---

(1) Соотвѣтственно различію между существованіемъ соглашенія независимо отъ формы и облеченіемъ его въ установленную форму существуетъ у насъ различіе между *заключеніемъ* и *совершеніемъ* договора. И представляется очень важный вопросъ, имѣетъ ли заключеніе договора, когда существуетъ для него обязательная форма, какое либо значеніе само по себѣ? По мнѣнію профессора, *заключеніе договора*, удовлетворяя сущности его понятія, имѣетъ то юридическое значеніе, что порождаетъ *право на облеченіе заключеннаго договора въ надлежащую форму*, но не порождаетъ еще права на чужое дѣйствіе, вытекающаго изъ договора. Напр. договоръ купли-продажи по недвижимому имуществу нуждается въ крѣпостной формѣ: пока нѣтъ крѣпостнаго акта, покупщикъ въ правѣ требовать только *совершенія купчей крѣпости*, но не въ правѣ требовать передачи самого имущества. Намъ кажется однако болѣе справедливымъ придать *заключенію договора* значеніе предварительныхъ переговоровъ о договорѣ, переговоровъ, которые не имѣютъ въ себѣ ничего обязательнаго: ни въ законодательствѣ, ни въ практикѣ, по свидѣтельству самого профессора, нѣтъ основанія придавать заключенію договора значеніе *договора о договорѣ* (pactum de contrahendo), тѣмъ болѣе, что и этотъ договоръ, чтобъ имѣть юридическую силу, долженъ же выразиться въ извѣстной формѣ, и иногда установлена для него даже обязательная форма—такова напр. форма договора запродажи недвижимаго имущества. *Изд.*

тельство, родившееся изъ договора, переходитъ активно и пассивно на наслѣдниковъ контрагентовъ: только нѣкоторые договоры не представляютъ преемственности, а существуютъ исключительно въ лицѣ самихъ контрагентовъ и прекращаются съ ихъ смертію (1). Контрагентами, собственно, и должно бы ограничиваться дѣйствіе договора и не касаться сторонних лицъ, не принимавшихъ участія въ соглашеніи. Такъ, дѣйствительно, и постановляетъ римское право. Это объясняется тѣмъ, что римское понятіе объ обязательствѣ и договорѣ вышло изъ тѣснаго понятія nexum'a и не высвободилось отъ него вполнѣ даже и впослѣдствіи, такъ какъ римскій бытъ не представлялъ къ тому особенной потребности; но nexum составлялъ чисто личное отношеніе между двумя или нѣсколькими лицами, символомъ котораго, по всей вѣроятности, была связь между договаривающимися лицами: перевязываемы были руки контрагентовъ, или, быть-можетъ, перевязывались они по самому корпусу— nectebantur, по выраженію римскихъ юристовъ. Личная связь между контрагентами до того выдержана въ римскомъ правѣ, что въ древности вѣритель имѣлъ, собственно, право не на имущество должника, а на лицо его и только впослѣдствіи, когда мысль о порабощеніи гражданина стала казаться предосудительною, было принято, что гражданское обязательство ближайшимъ образомъ относится къ имуществу должника, а не къ лицу его (2). При такомъ, нѣсколько узкомъ, взглядѣ римскаго права на обязательство естественно было считать его какъ бы заколдованнымъ кругомъ для участниковъ, въ которомъ нѣтъ мѣста стороннему лицу. Но съ развитіемъ экономическихъ понятій потребности юридическаго быта разширяются и обязательство развивается далѣе и пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія, стѣсняя собою господство вещнаго права. Чѣмъ болѣе развивается въ какомъ либо обществѣ экономическая жизнь, тѣмъ сильнѣе высказывается необходимость дробить вещи по потребностямъ: тогда какъ въ малоразвитомъ экономическомъ быту вещь подлежитъ господству лица для удовлетворенія иногда одной только какой либо его потребности, хотя могла бы удовлетворять и многимъ потребностямъ, въ экономическомъ быту болѣе развитомъ вещь, со-

---

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1543, 1544.

(2) Puchta, Instit., II, § 162, III, § 269.

образно заключающейся въ ней мочи, дѣйствительно удовлетворяетъ всѣмъ тѣмъ потребностямъ, которымъ можетъ удовлетворять, она не подвергается исключительному господству лица, для удовлетворенія одной какой либо его потребности, а лицо только пріобрѣтаетъ право на удовлетвореніе вещію этой потребности. Но такъ какъ вещь должна же подлежать чьему либо господству, то естественно, что право это возникаетъ не относительно вещи непосредственно, а относительно ея хозяина: онъ обязывается предоставить вещь другому лицу въ пользованіе для удовлетворенія той или другой его потребности, а не предоставляетъ ему самого господства надъ вещію. Обыкновенный примѣръ для того, чтобы представить эту истину осязательно, это экипажи, отдаваемые въ наймы: въ малоразвитомъ экономическомъ быту желающій пользоваться услугами лошади пріобрѣтаетъ ее въ собственность, хотя бы лошадь и не постоянно была нужна для него; въ быту же болѣе развитомъ нуждающійся въ услугахъ лошади не имѣетъ надобности пріобрѣтать ее въ собственность, а онъ можетъ пріобрѣтать право на предоставленіе ему пользованія лошадью въ теченіи извѣстнаго времени. Точно также и распространяющіяся все болѣе и болѣе библіотеки для чтенія могутъ служить примѣромъ и доказательствомъ тому, какъ въ развитомъ экономическомъ быту обязательство замѣняетъ собою право собственности. Но при развитомъ состояніи юридическаго быта трудно допустить также и то, чтобы обязательство оставалось въ заколдованномъ кругу, начерченномъ около контрагентовъ, чтобъ при тѣхъ новыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между людьми въ современныхъ обществахъ, обязательство двухъ или нѣсколькихъ лицъ нисколько не отзывалось на другихъ лицахъ. Конечно, и римское право чувствовало потребность распространять обязательство на стороннія лица, но оно не дошло до этого даже и въ послѣднемъ своемъ развитіи, а допустило только уступку права по обязательству, и притомъ первоначально не уступку права, собственно, а только дѣйствіе сторонняго лица въ качествѣ повѣреннаго цедента (1). Въ современномъ быту допускается распространеніе договора и на стороннія лица. Конечно, сообразно существу договора и въ современномъ

(1) *Puchta*, Curs. d. Inst. II, § 203.

быту дѣйствіе его, по общему правилу, не касается лицъ, не участвовавшихъ въ соглашеніи. Но дѣло въ томъ, что въ иныхъ случаяхъ можно, почти какъ на нѣчто вѣрное, расчитывать на согласіе сторонняго лица на договоръ, такъ что отказъ его въ согласіи, если и встрѣчается иногда, составляетъ величайшую рѣдкость, выходитъ изъ всѣхъ обычныхъ расчетовъ и предположеній. Такъ, если кто либо договаривается въ пользу сторонняго лица, не участвующаго въ договорѣ, то имѣется въ виду, что лицо согласится на то, что выговорено для него, и вотъ современное юридическое воззрѣніе прямо приписываетъ стороннему лицу право по договору, хотя контрагентъ и не былъ уполномоченъ на его совершеніе. Но, конечно, если, паче чаянія, стороннее лицо откажетъ въ своемъ согласіи, договоръ не будетъ имѣть для него никакого значенія. Равнымъ образомъ, договоръ можетъ породить для сторонняго лица и обязательство, какъ скоро лицо это изъявитъ согласіе на договоръ, хотя контрагентъ, возложившій на него обязательство, и не былъ его представителемъ, а возложилъ обязательство или потому, что оно связано съ какими либо выгодами, или что по существующимъ между нимъ и сторонним лицомъ отношеніямъ онъ расчитывалъ на его одобреніе. Но, разумѣется, и въ этомъ случаѣ сила договора обусловливается согласіемъ сторонняго лица—согласіе составляетъ душу договора (1). По римскому праву договоръ, по которому стороннему лицу безъ его согласія предоставляется право, или по которому на стороннее лицо возлагается обязательство безъ предварительнаго его согласія, неудобомыслимъ, безусловно ничтоженъ, тогда какъ наши юридическія понятія ушли впередъ и не стѣсняются формализмомъ. Конечно, въ иныхъ случаяхъ и намъ приходится подчиняться безполезному формализму, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда совершеніе договора обставлено формальностями, съ которыми связаны интересы казны: тогда пріобщеніе сторонних лицъ къ договору безусловно не допускается. Но если привлеченіе къ договору сторонняго лица не задѣваетъ интересовъ казны, тогда договоръ имѣетъ силу. Напр. *A* продаетъ *B* домъ и въ купчей крѣпости обязываетъ его предоставить въ домѣ квартиру лицу *C*: хотя бы со стороны *C* и не было изъявлено предваритель-

(1) *Wening-Ingenheim*, Lehrb. d. gem. Civilrechts, II, § 233.

наго согласія на пользованіе квартирою, но *С* все-таки пріобрѣтаетъ право по договору. Но въ иныхъ случаяхъ только по видимому стороннее лицо пріобрѣтаетъ право или становится обязаннымъ по договору—это тогда, когда лицо участвуетъ въ договорѣ чрезъ представителя, потому что тогда собственно это лицо, по видимому стороннее, является контрагентомъ, представитель же является только орудіемъ его воли. Тѣмъ не менѣе въ нашей практикѣ принято выставлять контрагентомъ представителя, а не представляемое лицо. Такъ, когда кто либо совершаетъ купчую крѣпость по довѣренности за покупщика или продавца, то въ актѣ пишется: «*такой-то по довѣренности такого-то купилъ (или продалъ) такое-то имущество*», тогда какъ слѣдовало бы выражаться: «*такое-то лицо чрезъ такого-то повѣреннаго купило (или продало) такое-то имущество*».

Дѣйствіе договора *непосредственное* или *посредственное*. *Непосредственное дѣйствіе* состоитъ въ обязательствѣ совершить то, что прямо выговорено въ договорѣ и что составляетъ съ одной стороны предметъ права, съ другой предметъ обязательства (1). Но по отношенію къ договорамъ возмезднымъ при этомъ представляется еще вопросъ, которому изъ контрагентовъ слѣдуетъ первому исполнить договоръ, которому слѣдуетъ исполнить прежде лежащее на немъ обязательство, чтобъ имѣть право требовать эквивалента отъ противной стороны? Иногда въ самомъ договорѣ, однимъ изъ его условій, опредѣляется, которая сторона должна прежде исполнить обязательство. Но бо́льшею частію въ договорахъ не опредѣляется, кто изъ контрагентовъ первый долженъ выполнить свое обязательство. Возьмемъ куплю-продажу: она очень рѣдко опредѣляется такъ, чтобы видно было, долженъ ли сначала продавецъ передать вещь покупщику, или покупщикъ долженъ прежде заплатить продавцу ея цѣну. И вотъ спрашивается, въ правѣ ли лицо, не исполнивъ договора съ своей стороны, требовать исполненія его отъ другаго контрагента? Если въ договорѣ не опредѣлено, кому изъ контрагентовъ слѣдуетъ первому совершить дѣйствіе, составляющее предметъ его обязательства, и нѣтъ между дѣйствіями естественной послѣдовательности, не нуждающейся въ опредѣленіи контрагентовъ, то

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1536.

дѣйствія должны считаться совмѣстными. Напр. купля-продажа по существу своему такова, что въ одно и то же время должны переходить и деньги и товаръ: поэтому ни покупщикъ, ни продавецъ не въ правѣ требовать отъ противной стороны предварительнаго совершенія дѣйствія, а въ правѣ требовать его лишь тогда, когда и съ своей стороны въ то же время готовъ исполнить обязательство (1). Но въ тѣхъ договорахъ, гдѣ нѣтъ такой тѣсной связи между правомъ и обязательствомъ, какъ въ куплѣ-продажѣ, право подлежитъ осуществленію независимо отъ исполненія обязательства, такъ что, если напр. *A* не совершитъ того дѣйствія, на которое имѣетъ право *B*, то *A* подвергнется всѣмъ послѣдствіямъ нарушенія права, не смотря на то, что и *B* не исполнилъ еще свое обязательство, ибо для него тогда только и наступаетъ время исполненія его обязательства, когда исполнится обязательство *A*. — Съ исполненіемъ обязательства по договору связываются другія, дальнѣйшія обязательства, которыя можно назвать *посредственными дѣйствіями* договора, но которыя однако не всегда проявляются. Сюда именно относится по нашему праву *обязательство очистки*. Допустимъ, что лицо, обязанное по договору, лишено возможности совершить то дѣйствіе, на которое вѣрителемъ пріобрѣтено право, или допустимъ, что дѣйствіе, предметъ обязательства по договору, совершено, но оказывается что оно совершено не такъ, какъ бы слѣдовало, или что совершено не то дѣйствіе, или что должникъ не въ правѣ былъ совершить дѣйствіе, такъ что вслѣдствіе того самое право вѣрителя на дѣйствіе оказывается шаткимъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣритель имѣетъ право на восполненіе несовершенствъ, оказывающихся относительно дѣйствія, и соотвѣтственно тому на должникѣ лежитъ обязательство устранить эти несовершенства, поставить вѣрителя въ такое положеніе, чтобъ осуществленіе права было для него возможно во всей полнотѣ и чистотѣ—это и есть *обязательство очистки*. Оно вытекаетъ изъ существа договора, хотя не прямо, почему и составляетъ *посредственное* его дѣйствіе. Случаи очистки представляются различными по различію договоровъ: договоры личные представляютъ иные случаи очистки, нежели договоры

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1521.

имущественные. Но всегда обязательство очистки есть ничто иное, какъ обязательство вознаградить контрагента за нарушеніе его права, и поэтому подходитъ подъ общую теорію о вознагражденіи за нарушеніе правъ. Но очистка имѣетъ еще и другое, болѣе тѣсное значеніе: несовершенствомъ права, пріобрѣтаемаго вѣрителемъ по договору, можетъ представиться притязаніе на право сторонняго лица; и вотъ обязательство должника противодѣйствовать такому притязанію и называется *очисткою въ тѣсномъ смыслѣ этого слова*(1), соотвѣтствующемъ римскому praestatio evictionis(2). Въ практикѣ обязательство очистки представляется въ двоякомъ видѣ: a) контрагентъ обязывается отвести отъ вѣрителя всѣ могущія явиться притязанія на право, пріобрѣтаемое по договору; b) контрагентъ обязывается вознаградить вѣрителя за всѣ невыгодныя послѣдствія, какія произойдутъ для него отъ какого либо притязанія на право со стороны третьяго лица. Въ первомъ случаѣ, какъ скоро представляется искъ противъ вѣрителя, онъ указываетъ истцу на должника, обязаннаго очисткою, и искъ обращается на должника, во второмъ — вѣритель самъ отвѣчаетъ по иску, но если потерпитъ отъ того какіе либо убытки, въ особенности если проиграетъ дѣло, обращается къ должнику за вознагражденіемъ. Но стороннее лицо, предъявляющее искъ противъ вѣрителя, можетъ и не согласиться обратить его на должника: не отъ отвѣтчика зависитъ отклонить отъ себя предъявляемый искъ. Притомъ же, если и дѣйствительно искъ обратится на должника, то все таки, когда отсудится истцу право, пріобрѣтенное вѣрителемъ по договору, искъ коснется его, право отойдетъ отъ вѣрителя, такъ что, въ окончательномъ результатѣ, должнику придется вознаградить его. И такимъ образомъ, смыслъ очистки и въ первомъ ея видѣ заключается собственно въ томъ, что должникъ обязывается вознаградить вѣрителя за всѣ убытки, могущіе произойти для него отъ притязанія стороняго лица на право, пріобрѣтаемое имъ по договору, все равно, относится ли это право къ договору личному, или имущественному. Но обязательство очистки вступаетъ въ силу лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) въ самомъ правѣ, пріобрѣтаемомъ контрагентомъ по договору, должно скрываться основаніе для

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1127.—(2) *Heimann*, Handlexicon z. Corp. jur. civ., evincere.

нападенія на него со стороны третьяго лица, а если впослѣдствіи право представитъ такую слабую сторону, то дѣйствіе обязательства очистки уже не проявляется. Такъ, если контрагентъ передаетъ другому съ обязательствомъ очистки право собственности по вещи, когда самъ не собственникъ ея, или контрагентъ передастъ полное право собственности по вещи, когда ему принадлежитъ только ограниченное право собственности, или контрагентъ уступаетъ другому право по обязательству, по какому либо основанію недѣйствительному: во всѣхъ этихъ случаяхъ обязательство очистки получаетъ силу (1). Вотъ первое условіе очистки, соотвѣтствующее тому, что въ римскомъ правѣ называется vitium in jure transferendis. 2) Притязаніе сторонняго лица на право должно быть основательно, т. е. таково, чтобы само по себѣ могло имѣть послѣдствіемъ отсужденіе права, пріобрѣтеннаго контрагентомъ по договору. Претензія сторонняго лица можетъ быть сама по себѣ и неосновательна, но можетъ получить значеніе по какимъ либо формальнымъ основаніямъ: они не вызываютъ къ жизни обязательство очистки, потому что начало ихъ не скрывается въ юридическихъ отношеніяхъ должника, а совершенно чуждо имъ. Напр. стороннее лицо предъявляетъ искъ противъ покупщика вещи, утверждая, что она принадлежитъ ему, открывается процессъ и покупщикъ дѣлаетъ какое-либо упущеніе, напр. пропускаетъ какой либо судебный срокъ: очевидно, что здѣсь недостатокъ не лежитъ въ правѣ, которое, быть-можетъ, еще было бы и признано за покупщикомъ, а недостатокъ формальный, не касающійся юридическихъ отношеній должника, обязаннаго очисткою, а касающійся непосредственно вѣрителя, такъ что онъ не въ правѣ обратиться къ должнику за вознагражденіемъ. Точно также лишь окончательное отсужденіе права вызываетъ дѣйствіе обязательства очистки, а пока есть еще возможность добиться отмѣны судебнаго рѣшенія въ высшей инстанціи суда, вѣритель не въ правѣ требовать отъ должника вознагражденія за отсужденіе права. 3) Притязаніе сторонняго лица должно быть заявлено общественной власти: только тотъ считается *вступщикомъ* (2), кто обращается къ общественной власти съ просьбою о

(1) Св. Зак. Гр. ст. 684, 1406, 1427, 2058.

(2) *Вступщиками* технически называются у насъ сторонніе претенденты на право (Св. Зак. Гр. ст. 1427),

признаніи его притязанія, а кто самовольно присвоиваетъ себѣ вещь, переданную контрагенту на основаніи договора, тотъ обсуживается какъ незаконный владѣлецъ и захваченная имъ вещь подлежитъ возвращенію, а не наступаетъ дѣйствіе обязательства очистки. Но нѣтъ надобности, чтобъ вступщикъ обратился именно къ судебной власти, а достаточно, если онъ обратится уже и къ полиціи. Обязательство очистки вытекаетъ для должника изъ самаго существа договора, или, говоря вообще, изъ существа сдѣлки, и нѣтъ надобности, чтобъ оно непремѣнно было включено въ договоръ, а оно разумѣется уже само собою: очистка составляетъ *обыкновенную принадлежность сдѣлки* (naturalia negotii), и это совершенно ошибочное мнѣніе, встрѣчающееся иногда въ нашей практикѣ, будто нѣтъ для должника обязательства очистки, если оно прямо не постановлено въ договорѣ, будто очистка составляетъ *случайную принадлежность сдѣлки* (accidentalia negotii). Дѣйствительно, что такое очистка, какъ не послѣдствіе передачи права? Если стороннее лицо высказываетъ притязаніе на право, то это притязаніе само по себѣ можетъ получить успѣхъ только тогда, когда въ самомъ правѣ, переданномъ вѣрителю, кроется недостатокъ; но между тѣмъ по договору пріобрѣтается право въ томъ предположеніи, что за нимъ нѣтъ недостатковъ, которые бы подали поводъ къ основательному иску. И такъ, если оказываются такіе недостатки, то должникъ становится отвѣтственнымъ лицомъ: онъ, значитъ, не предоставилъ вѣрителю права, какъ это слѣдовало ему по договору, ибо то, что онъ предоставилъ вѣрителю, только мнимое право, а потому должникъ и обязанъ вознаградить вѣрителя. Разумѣется, что по взаимному соглашенію контрагентовъ обязательство очистки можетъ быть и устранено, но такое соглашеніе должно быть явно выражено въ договорѣ, ибо въ противномъ случаѣ получаетъ силу предположеніе о существованіи обязательства очистки, такъ какъ, повторяемъ, обязательство это вытекаетъ изъ существа сдѣлки и составляетъ ея обыкновенную принадлежность. И дѣйствительно случается въ практикѣ, что передается по договору какая либо спорная претензія съ значительною уступкою и обязательство очистки устраняется: это значитъ, что лицо, пріобрѣтающее претензію, беретъ на свой страхъ выигрышъ процесса; за это именно и дѣлается ему значительная уступка, а если бы обязатель-

ство очистки не было устранено, и уступка была бы гораздо менѣе значительна.—Римское право допускаетъ еще какъ обязательство, посредственно вытекающее изъ договора, *обязательство по скрытнымъ недостаткамъ предмета*: напр. продается лошадь или корова, на видъ здоровая, не имѣющая недостатковъ, а впослѣдствіи они окажутся: по римскому праву, продавецъ, хотя бы и не было выговорено о томъ въ договорѣ, все таки отвѣчаетъ за недостатки, на томъ основаніи, что о достоинствѣ нѣкоторыхъ вещей нельзя судить по виду (1). Наше законодательство не налагаетъ такого обязательства на лицо, передающее другому какое либо право по договору, а предоставляетъ контрагентамъ точнѣе опредѣлять условія на счетъ вещи и ея достоинства. Но разумѣется, если передача вещи съ тайными недостатками составляетъ обманъ, то къ договору должны быть приложены законодательныя опредѣленія объ обманѣ: тогда и самый договоръ по присутствію въ немъ обмана со стороны контрагента можно признать ничтожнымъ (2): но сами по себѣ тайные недостатки вещи не рождаютъ даже и обязательства вознагражденія.—Римское право допускаетъ также еще *обязательство по чрезмѣрному нарушенію интересовъ*, по laesio enormis: напр. вещь продана по недоразумѣнію за половину ея цѣны, или вдвое дороже, чѣмъ она стóитъ; римское право въ первомъ случаѣ за продавцомъ, а во второмъ за покупателемъ признаетъ право на вознагражденіе отъ противной стороны, по laesio enormis (3). Наше законодательство не установляетъ и такого обязательства, а довольствуется лишь общими опредѣленіями о нарушеніи права.

§ 8.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ДОГОВОРА.

Договоръ, какъ извѣстно, установляетъ право на чужое дѣйствіе. Но совершеніе дѣйствія зависитъ отъ воли лица обязаннаго: нѣтъ

---

(1) Savigny, System, III, 358.

(2) Но замѣтимъ, что относительно обмана наша общественная мораль слишкомъ снисходительна: напр. умышленно скрыть пороки лошади—это считается извинительнымъ даже въ сдѣлкахъ между людьми, состоящими въ дружескихъ отношеніяхъ, и развѣ только по исключенію когда либо предъявляется со стороны покупщика искъ о недѣйствительности купли-продажи лошади по обману со стороны продавца.

(3) *Puchta*, Curs. d. Inst. § 275 (III, 107).

возможности принудить должника къ совершенію дѣйствія, составляющаго предметъ договора, да и принужденіе само по себѣ дѣйствіе противозаконное, такъ что осуществленіе права по договору, какъ и всякаго обязательнаго права, зависитъ не только отъ воли субъекта права, а также и отъ воли должника. Конечно, есть средства вознаградить вѣрителя за несовершеніе дѣйствія со стороны лица обязаннаго; но это вознагражденіе за неисполненіе дѣйствія не то, что самое дѣйствіе. И такимъ образомъ, нѣкоторая непрочность присуща каждому обязательственному праву. Между тѣмъ по важности обязательственнаго права, о которой мы говорили прежде и которая по мѣрѣ развитія общественной жизни постоянно усиливается, желательно, чтобы право это представляло возможно бо́льшую прочность, такую же прочность, какую представляетъ вещное право. Договоры безпрестанно заключаются гражданами, договорами движется обычный ходъ дѣлъ въ обществѣ, большая часть сношеній между людьми производится по поводу договоровъ. Возьмемъ напр. договоръ купли-продажи: какъ обширно его дѣйствіе! И вотъ юридическій бытъ создаетъ искусственные пріемы для доставленія обязательственному праву той твердости, которой недостаетъ ему по существу его. Эти пріемы, называемые *способами обезпеченія договоровъ*, сводятся къ слѣдующимъ видамъ: 1) обязательство должника въ случаѣ неисправности его разширяется, становится болѣе тягостнымъ, нежели какъ существуетъ по самому договору. Такого обезпеченія достигаютъ назначеніемъ въ договорѣ *неустойки, штрафнаго роста: A* обязывается по договору заплатить *B* въ извѣстный срокъ 1000 р., въ случаѣ же неисправности, *A* обязывается заплатить 1030 р. Понятно, что для должника есть интересъ выполнить обязательство. Но нельзя сказать, чтобъ обезпеченіе было очень надежно: неустойка въ случаѣ неисправности должника только усиливаетъ его обязательство, но оно все таки остается обязательствомъ, съ тѣмъ же недостаткомъ, который сопровождаетъ каждое обязательственное право: какъ должникъ не можетъ быть вынужденъ къ уплатѣ 1000 р., точно также онъ не можетъ быть вынужденъ къ уплатѣ 1030 р. И дѣйствительно очень часто случается, что должникъ оказывается неисправнымъ, не смотря на то, что съ неисправностью связываются для него весьма тягостныя послѣдствія. 2) Обязательство въ случаѣ неисправности должника распро-

страняется на другія лица: заключается договоръ, по которому *A* обязывается совершеніемъ извѣстнаго дѣйствія въ пользу *B*, въ случаѣ же неисправности *A*, другое лицо, напр. *C*, обязывается совершить это дѣйствіе. Такого рода обезпеченіе даетъ *поручительство*. Обезпеченіе представляется именно въ томъ, что если должникъ окажется неисправнымъ, то, быть можетъ, окажется исправнымъ другое лицо, быть-можетъ, оно побудитъ должника къ исправности и, быть-можетъ, уже соображеніе, что въ случаѣ неисправности взысканіе падаетъ на поручителя, послужитъ для должника побужденіемъ къ исправности, тѣмъ болѣе, что при неисправности его обязательство все таки не прекратится, а еще и усилится. Очевидно, что поручительство даетъ обязательственному праву болѣе твердости, нежели неустойка, расширяя кругъ лицъ, обязанныхъ по договору; но и поручительство не уравниваетъ въ твердости обязательственное право съ вещнымъ, ибо по отношенію къ поручителю вѣрителю принадлежитъ также только обязательственное право, сопровождаемое свойственнымъ ему недостаткомъ. И вотъ 3) съ обязательственнымъ правомъ на случай неисправности должника соединяется вещное право: лицо обязывается совершеніемъ извѣстнаго дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ вѣрителю имущество, изъ котораго онъ можетъ получить удовлетвореніе въ случаѣ его неисправности. Таково существо *залога*, какъ способа обезпеченія договоровъ. Понятно, что если при залогѣ въ случаѣ неисправности должника обязательственное право устраняется и замѣняется вещнымъ, то устраняется и недостатокъ, свойственный обязательственному праву, такъ что помощію залога обязательственное право, дѣйствительно, получаетъ желаемую твердость. Недостатокъ залога, какъ способа обезпеченія договора, только тотъ, что при неисправности должника все-таки осуществляется уже не обязательственное право, а вещное, хотя въ результатѣ для вѣрителя представляется одно и то же, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предметъ обязательства не связанъ непосредственно съ личностью должника, такъ что вѣрителю все равно, кто бы ни совершилъ дѣйствіе или какъ бы ни совершилось оно, напр. когда предметъ обязательства составляетъ представленіе денежной суммы.

Но кромѣ исчисленныхъ способовъ обезпеченія договоровъ есть еще и другіе, менѣе надежные или менѣе употребительные. Сюда

относятся: 4) дача *задатка* или *аванса:* уже при самомъ заключеніи договора должникъ начинаетъ его исполненіе, что̀ именно и составляетъ *задатокъ*. Напр. заключается договоръ, по которому *A* обязывается поставить *B* за извѣстную цѣну партію какого либо товара, въ обезпеченіе же платежа суммы со стороны *B* извѣстную часть ея *A* получаетъ впередъ, и такимъ образомъ при самомъ заключеніи договора *B* начинаетъ его исполненіе: понятно, что тогда для *B* есть уже особый интересъ продолжать исполненіе договора, потому что въ противномъ случаѣ *A* съ своей стороны не исполнитъ обязательства, и *B* потеряетъ сдѣланное начало исполненія. 5) Способомъ обезпеченія договора служитъ иногда наложеніе руки на самую личность должника, стѣсненіе его въ его дѣятельности. Таковы по характеру своему: *отобраніе паспорта должника*—мѣра обезпеченія обязательства, обыкновенно примѣняемая у насъ къ домашней прислугѣ и извощикамъ, и *задержаніе должника впредь до исполненія договора* — мѣра обезпеченія, также примѣняемая иногда (*). 6) Встрѣчается иногда такой пріемъ: въ обезпеченіе вѣрителя на счетъ совершенія дѣйствія, составляющаго предметъ договора, должникъ тѣмъ же самымъ договоромъ обязывается воздерживаться отъ другихъ дѣйствій, которыя могутъ быть несовмѣстны съ дѣйствіемъ—предметомъ права вѣрителя. Напр. *A* заключаетъ договоръ займа и въ обезпеченіе своего вѣрителя въ то же время обязывается не заключать другихъ займовъ. Но относительно этого способа обезпеченія договоровъ должно замѣтить, что само по себѣ обязательство воздерживаться отъ заключенія новыхъ договоровъ не имѣетъ никакого значенія, развѣ будетъ гарантировано неустойкою. И всего менѣе можно приписать ему вліяніе на дѣйствительность послѣдующихъ договоровъ, другими словами: дѣйствительность послѣдующихъ договоровъ, какъ это можетъ показаться, нисколько не колеблется отъ того, что уже прежде контрагентъ обязался не заключать этихъ договоровъ. Наконецъ, 7) какъ на способъ обезпеченія договора смотрятъ у насъ

(*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался въ Лейпцигѣ довольно извѣстный Нѣмецкій литераторъ N: по смерти его сдѣлалось извѣстнымъ, что книгопродавцы, пріобрѣтавшіе право изданія его сочиненій, заключали съ нимъ такое условіе, что пока онъ не напишетъ обѣщаннаго сочиненія, книгопродавецъ въ правѣ задерживать его въ своемъ домѣ, гдѣ онъ и трудился.

на условіе контрагентовъ въ случаѣ какого либо спора, имѣющаго возникнуть изъ договора, обратиться къ разбирательству *посредниковъ* или извѣстнаго судебнаго мѣста, напр. *Коммерческаго Суда*, какъ это нерѣдко опредѣляется. Обезпеченіе здѣсь заключается въ томъ, что вѣритель болѣе полагается на правосудіе посредниковъ или извѣстнаго суда, нежели на правосудіе того суда, которому бы подлежало разбирательство спора независимо отъ особаго соглашенія контрагентовъ, и надѣется, что посредники или конвенціональный судъ (forum conventionale) присудятъ должника къ исполненію договора. Иногда бываетъ даже такъ, что сторона, обязанная по договору, въ обезпеченіе вѣрителя вовсе отказывается отъ права судебной защиты по договору. Конечно, такое условіе не можетъ имѣть силы, потому что изъ каждаго договора можетъ возникнуть споръ, и кто же разрѣшитъ его, какъ не общественная власть, если сами контрагенты по взаимному соглашенію не обратятся къ разбирательству посредниковъ? Но все-таки подобный способъ обезпеченія договора, встрѣчающійся въ нашей дѣйствительности, въ высшей степени знаменателенъ: тогда какъ абстрактно вмѣшательство суда или полиціи въ дѣло исполненія договора представляется ручательствомъ за его надлежащее выполненіе, у насъ въ устраненіи вмѣшательства ихъ видятъ нерѣдко обезпеченіе договора. Таковы способы обезпеченія договоровъ, представляющіеся въ нашей современной дѣйствительности. Но можно сказать, что вообще все то, что по правиламъ благоразумія можетъ побудить должника къ точному исполненію договора, будучи совмѣстно съ существующими юридическими опредѣленіями, можетъ служить къ его обезпеченію.

Нѣкоторые изъ приведенныхъ способовъ обезпеченія договоровъ требуютъ разсмотрѣнія болѣе подробнаго, именно: 1) задатокъ, 2) неустойка, 3) поручительство и 4) залогъ.

§ 9.

1) ЗАДАТОКЪ.

Задаткомъ (arrha) называется уплата части денежной суммы, слѣдующей за исполненіе договора, производимая при самомъ его заключеніи. Напр. заключается договоръ купли-продажи: цѣна ея

должна быть выдана продавцу въ то же время (не ранѣе), какъ онъ доставитъ покупщику проданную ему вещь, но иногда, по соглашенію контрагентовъ, часть цѣны вручается продавцу уже при самомъ заключеніи договора. Или напр. при наймѣ личномъ или имущественномъ нерѣдко бываетъ, что наниматель тотчасъ по заключеніи договора уплачиваетъ часть наемной платы въ видѣ задатка (1). Наше законодательство не установляетъ права на задатокъ ни по отношенію къ одному договору (2), а предоставляетъ самимъ контрагентамъ условливаться о задаткѣ; но по обычаю это право существуетъ относительно нѣкоторыхъ договоровъ—есть мѣста въ нашемъ отечествѣ, гдѣ иные договоры обыкновенно обезпечиваются задаткомъ. Бо́льшею частію задатокъ зачисляется потомъ въ сумму, слѣдующую по договору, иногда же и не зачисляется; но тогда значитъ, собственно, что договорная сумма болѣе значительна, чѣмъ нарицательная ея величина: напр. заключается договоръ, по которому лицо, за совершеніе извѣстнаго дѣйствія въ отношеніи къ нему, обязывается заплатить 100 р. и сверхъ того дать задатка 5 р.—лицо обязывается слѣдов. заплатить, собственно, 105 р., а не 100 р. Дѣйствіе задатка состоитъ въ томъ, что онъ побуждаетъ къ исправности: контрагентъ, давшій задатокъ, съ своей стороны, конечно, уже не отступится отъ договора, потому что въ противномъ случаѣ онъ лишается задатка (3). Такъ, если лицо нанимаетъ квартиру и даетъ задато́къ, а потомъ отступаетъ отъ договора, то лишается задатка, тогда какъ если занимаетъ квартиру, задатокъ зачисляется въ наемную плату. Но спрашивается, въ правѣ ли лицо, получившее задатокъ, возвратить его и отступиться отъ договора? Если исполненіе договора со стороны контрагента, получившаго задатокъ, не состоится по винѣ его, то задатокъ обыкновенно возвращается. Но это только одно изъ послѣдствій отступленія отъ дого-

---

(1) Съ задаткомъ не должно смѣшивать предоставленіе денежнаго залога: напр. при договорѣ личнаго найма случается, что лицо нанимающееся въ обезпеченіе своей исправности вручаетъ нанимателю извѣстную денежную сумму, которую по исполненіи договора получаетъ обратно—эта сумма составляетъ *залогъ*, хотя и называется обыкновенно также *задаткомъ*.

(2) Исключеніе установлено лишь по отношенію къ куплѣ-продажѣ съ публичнаго торга (Св. Зак. Гр. ст. 1494; Св. Зак. о Суд. Гр. ст. 2126, 2134).

(3) Св. Зак. Гр., ст. 1495, 1687, 1688.

вора лица, получившаго задатокъ, а кромѣ того оно подлежитъ и всѣмъ другимъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ нарушеніемъ договора, ибо отступленіе отъ договора котораго либо контрагента во всякомъ случаѣ составляетъ нарушеніе права противной стороны и дачею задатка съ одной стороны и принятіемъ его съ другой нисколько не измѣняется существо юридическихъ отношеній, установляемыхъ договоромъ. Но спрашивается еще, не подлежитъ ли возвращенію задатокъ даже и въ томъ случаѣ, когда исполненіе договора не состоится безъ вины лица, получившаго задатокъ? Цѣль задатка обезпеченіе исполненія договора со стороны контрагента, представляющаго задатокъ; но задатокъ составляетъ часть платы, слѣдующей по договору, и если сторона, получившая задатокъ, не совершаетъ того дѣйствія, за которое слѣдуетъ плата, то нѣтъ юридическаго основанія и для платы, и слѣдов. задатокъ, какъ часть платы, подлежитъ возвращенію (1). Обстоятельство, что не по винѣ контрагента, получившаго задатокъ, не исполняется договоръ, не имѣетъ при этомъ никакого значенія: достаточно уже, что дѣйствіе не совершается, а еслибъ была вина, то и отвѣтственность была бы совершенно другая, тогда какъ теперь и отвѣтственности, собственно, нѣтъ. И такъ положимъ, я нанимаю квартиру и даю задатокъ, но прежде чѣмъ занимаю квартиру, домъ сгораетъ: я въ правѣ требовать возвращенія задатка, такъ какъ нѣтъ никакого основанія, по которому бы хозяинъ дома могъ получить отъ меня часть платы. Но, конечно, по взаимному соглашенію контрагентовъ, задатокъ можетъ остаться въ рукахъ лица, принявшаго его, и при неисполненіи договора. Такъ дѣйствительно и бываетъ большею частію, какъ бы по безмолвному соглашенію контрагентовъ, что въ случаѣ неисполненія договора безъ вины лица, получившаго задатокъ, онъ не возвращается.

§ 10.

2) НЕУСТОЙКА.

Неустойкою (Conventionalstrafe) называется условная пеня, налагаемая на контрагента на случай неисправности его по договору. Она состоитъ обыкновенно въ платежѣ извѣстной суммы денегъ, а

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1689.

иногда въ доставленіи другаго имущества, или въ совершеніи какого либо другаго дѣйствія. По отношенію къ нѣкоторымъ договорамъ неустойка опредѣляется самимъ закономъ, напр. по отношенію къ договору займа; по отношенію къ другимъ установляется соглашеніемъ контрагентовъ, такъ что неустойка по нашему законодательству представляется двоякою—*законною* и *договорною*(1). Но существованіе законной неустойки не противорѣчитъ нашему понятію о ней, какъ объ *условной* пенѣ, ибо и законныя опредѣленія о неустойкѣ получаютъ силу по отношенію къ договору также только по желанію контрагентовъ: они примѣняются къ договору лишь тогда, когда не устранены контрагентами, когда, слѣдовательно, они согласны примѣнить ихъ къ установляемому договоромъ юридическому отношенію. Такъ законодательство опредѣляетъ неустойку по займу въ три процента занятой суммы (2); но контрагенты могутъ опредѣлить, что при неисправности должника неустойка вовсе не платится, или платится такая-то неустойка, и тѣмъ устранить отъ своего договора законныя опредѣленія о неустойкѣ. Договорная неустойка всего чаще опредѣляется въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе права, оказывающееся при неисправности по договору, не влечетъ за собою никакого осязательнаго вреда для лица, чье право нарушается, такъ что въ исполненіи договора даже вовсе нѣтъ юридическаго интереса, и вотъ онъ искусственно придается договору опредѣленіемъ неустойки на случай уклоненія отъ него. Напр. заключается договоръ запродажи, по которому лицо обязывается совершить впослѣдствіи куплю-продажу по извѣстному имуществу; но если въ срокъ, когда должна быть совершена купля-продажа, лицо отступится отъ договора, то бо́льшею частію нѣтъ возможности опредѣлить убытокъ, происходящій для противной стороны, а настоять на совершеніи купли-продажи, когда продавецъ или покупщикъ не хочетъ того, также нѣтъ возможности, и вотъ въ договорѣ запродажи опредѣляется неустойка, т. е. тотъ или другой контрагентъ обязывается, въ случаѣ уклоненія отъ совершенія купли-продажи, заплатить другому въ видѣ неустойки извѣстную сумму денегъ или вообще совершить въ его

---

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1573.

(2) Тамъ же, ст. 1575.

пользу какое-либо дѣйствіе (1). Или договорная неустойка нерѣдко опредѣляется въ тѣхъ случаяхъ, когда вредъ отъ неисправности контрагента нельзя или слишкомъ трудно опредѣлить въ точности по его разнообразію, дробности. Напр. лицо подряжаетъ кого либо на выстройку зданія къ извѣстному сроку: зданіе должно быть готово къ сроку, иначе лицо подряжающее потерпитъ убытки; но какіе убытки, какъ велики они будутъ—это нерѣдко затруднительно опредѣлить, и вотъ, чтобы не затрудняться впослѣдствіи вычисленіемъ убытковъ, лицо подряжающее выговариваетъ себѣ на случай неисправности должника опредѣленную сумму въ видѣ неустойки. Дѣйствіе неустойки, сообразно существу ея, состоитъ въ обязательствѣ контрагента, при оказавшейся его неисправности по договору, произвести условленный платежъ: неисправность контрагента служитъ, такимъ образомъ, какъ бы сигналомъ для наступленія этого обязательства (2). Но неустойка имѣетъ значеніе гражданскаго наказанія и поэтому не всякое воздержаніе контрагента отъ совершенія дѣйствія, составляющаго содержаніе договора, вызываетъ къ жизни обязательство неустойки, а только такое воздержаніе, которое составляетъ неисправность, представляетъ собою нарушеніе договора: какъ безъ вины нѣтъ преступленія, влекущаго за собою наказаніе уголовное или полицейское, такъ нѣтъ и гражданскаго наказанія, если нѣтъ на-лицо понятія виновности. И такъ, если совершенно безъ вины контрагента, по какому либо случаю, онъ оказывается неисправнымъ, то для него нѣтъ обязательства платить неустойку, тѣмъ болѣе что она составляетъ обезпеченіе именно противъ неисправности контрагента, а не направляется къ обезпеченію противъ фактовъ, которые внѣ всякой вины лица обязаннаго—противъ обстоятельствъ случайныхъ мы обезпечиваемъ себя иными средствами, напр. прибѣгаемъ къ договору застрахованія. Между тѣмъ наша практика въ этомъ отношеніи не совсѣмъ чиста: у насъ нерѣдко требуется платежъ неустойки даже и тогда, когда со стороны лица обязаннаго нѣтъ неисправности. Справедливо, что въ случаѣ судебнаго разбирательства по договору контрагентъ, обязанный неустойкою, долженъ доказать, что онъ невиненъ въ неисправности, но по

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1679.
(2) Тамъ же, ст. 1575, 1585.

представленіи такого доказательства онъ уже не подлежитъ платежу неустойки. Но платежъ неустойки при неисправности контрагента по договору не устраняетъ обязательства его по самому договору: неустойка служитъ къ обезпеченію договора, но платежемъ ея онъ не прекращается (1). Это, конечно, не значитъ, что необходимо должно быть совершено дѣйствіе, составляющее предметъ договора—принудить контрагента къ его совершенію нельзя,—а значитъ, что независимо отъ платежа неустойки должникъ присуждается къ вознагражденію вѣрителя за неисполненіе обязательства по договору. Напр. заключенъ заемъ и должникъ въ срокъ договора не производитъ платежа: онъ платитъ неустойку; но обязательство заплатить занятую сумму съ нарослими процентами лежитъ на немъ само по себѣ. Только по особому соглашенію о томъ контрагентовъ договоръ можетъ прекратиться платежемъ неустойки: тогда уже, конечно, для должника нѣтъ обязательства совершить дѣйствіе, составляющее содержаніе договора, а онъ платитъ только неустойку (2). Такого рода соглашенія дѣйствительно встрѣчаются въ практикѣ и потому понятно, что въ иномъ случаѣ для должника выгоднѣе нарушить договоръ и заплатить неустойку, нежели исполнить договоръ, именно когда дѣйствіе, выговариваемое по договору, оказывается болѣе убыточнымъ, нежели платежъ неустойки. Независимо же отъ особаго соглашенія контрагентовъ договоръ прекращается съ платежемъ неустойки только тогда, когда вся юридическая сила договора заключается въ неустойкѣ, потому что тогда съ платою неустойки онъ лишается юридическаго интереса и остается безъ юридическаго значенія.

§ 11.

3) ПОРУЧИТЕЛЬСТВО.

Поручительство представляетъ юридическое отношеніе, въ которомъ одно или нѣсколько лицъ обязываются въ случаѣ неисправности лица, обязаннаго совершеніемъ какого либо дѣйствія въ пользу другаго лица, совершить за должника это дѣйствіе или иначе вознаградить вѣрителя за нарушеніе его права. Въ этомъ-то распространеніи обязательства на стороннее лицо на случай неисправ-

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1585.

(2) Тогда неустойка имѣетъ, собственно, смыслъ вознагражденія за прращеніе договора и называется преимущественно *премією*.

ности должника и заключается значеніе поручительства, какъ способа обезпеченія договора: вѣритель имѣетъ въ виду, что если должникъ окажется неисправнымъ, то можно обратиться за удовлетвореніемъ еще къ другому лицу—поручителю. Конечно, и поручитель можетъ оказаться неисправнымъ, но когда одно и тоже обязательство лежитъ на двухъ или болѣе лицахъ, то все-таки вѣроятнѣе его исполненіе, нежели когда оно лежитъ на одномъ лицѣ. Притомъ же, въ поручители избирается обыкновенно такое лицо, имущественныя средства котораго или нравственныя достоинства даютъ достаточную гарантію за исполненіе обязательства. Поручительство удобомыслимо по отношенію къ каждому договору, оно удобомыслимо напр. и при личномъ наймѣ, но обыкновенно поручительствомъ обезпечиваются такіе договоры, по которымъ должнику приходится представить какое либо имущество. Основаніе поручительства—*договоръ* (1). Поэтому, и само поручительство представляется собственно договоромъ, и притомъ не самостоятельнымъ, а второстепеннымъ, дополнительнымъ, относящимся къ другому договору, какъ главному, обезпечиваемому поручительствомъ. Договаривающимися лицами въ договорѣ поручительства являются съ одной стороны вѣритель по договору, обезпечиваемому поручительствомъ, съ другой—лицо (или даже нѣсколько лицъ), ручающееся за должника—*порука* или *поручитель*. Но по поводу поручительства могутъ установиться еще и другія соглашенія. Такъ, можетъ установиться соглашеніе между порукою и лицомъ, за которое ручается порука, должникомъ по обезпечиваемому договору (2). Далѣе, поручительство можетъ послужить поводомъ къ другому договору поручительства. Напр. *A* ручается за *B* (должника), а за *A* (поручителя) ручается *C*: кромѣ договора поручительства, заключеннаго между вѣрителемъ и лицомъ *A*, заключается еще договоръ поручи-

(1) Въ иныхъ случаяхъ поручительство предполагается по закону, но это не значитъ, что бываетъ поручительство *законное*, независимое отъ воли участниковъ. Напр. изъявленіе согласія со стороны господина на заключеніе договора крѣпостнымъ его человѣкомъ составляетъ вмѣстѣ и поручительство за него: это не значитъ, что поручительство господина *законное*, потому что, изъявляя согласіе на договоръ крѣпостнаго человѣка, господинъ тѣмъ самымъ уже изъявляетъ согласіе на поручительство (Св. Зак. Гр. ст. 1563 п. 5).

(2) На нашемъ языкѣ нѣтъ особаго названія для этого лица, но можно бы называть его *поручникомъ*.

тельства между вѣрителемъ и лицомъ *C*. Наконецъ, поручительство же можетъ обезпечивать самого поручителя за должника. *A* ручается за *B*, по лицу *A* за *B* ручается *C*: тутъ кромѣ поручительства, заключаемаго между вѣрителемъ и лицомъ *A* и обезпечивающаго обязательство должника по договору, представляется еще договоръ поручительства между *A* и *C*, обезпечивающій удовлетвореніе *A* со стороны *B*, должника, на случай, что *A*, какъ поручителю, придется удовлетворить вѣрителя по обезпечиваемому договору.

Содержаніе поручительства опредѣляется, ближайшимъ образомъ, соглашеніемъ контрагентовъ: отъ нихъ зависитъ установить юридическія отношенія, имѣющія возникнуть изъ поручительства. Но и законодательство указываетъ на нѣкоторыя условія, долженствующія входить въ составъ поручительства. Такъ: 1) законодательство указываетъ на условіе о срокѣ и принимаетъ два вида поручительства, *поручительство на срокъ* и *поручительство безъ срока* (1). *Поручительство на срокъ*, формулируемое словами: «*ручаюсь на срокъ*», имѣетъ то значеніе, что поручитель подлежитъ отвѣтственности, какъ скоро въ срокъ договора, обезпеченнаго поручительствомъ, вѣритель не получитъ удовлетворенія. Но, конечно, отвѣтственность поручителя предполагаетъ требованіе со стороны вѣрителя въ срокъ договора удовлетворенія отъ должника. И вотъ законодательство постановляетъ, что при поручительствѣ на срокъ вѣритель обязанъ *въ теченіи мѣсяца по наступленіи срока* представить долговое обязательство ко взысканію, иначе уже не въ правѣ требовать удовлетворенія отъ поручителя (2). Но для поручительства можетъ быть назначенъ и другой срокъ, а не тотъ, который назначенъ для обезпечиваемаго договора: тогда и мѣсячный срокъ долженъ считаться отъ срока поручительства. Напр. должникъ выдаетъ заемное письмо на 1 января, поручитель ручается по 1 мая: заимодавецъ можетъ не предъявлять заемное письмо ко взысканію въ теченіи января, а ожидать до мая, но если и къ маю онъ не получитъ удовлетворенія отъ должника, то въ теченіи мѣсяца (до 1 іюня) уже обязанъ представить заемное письмо ко взысканію, иначе потеряетъ право требовать удовлетворенія отъ поручителя.

---

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1557.

(2) Тамъ же, ст. 1560.

Наоборотъ, нѣтъ препятствія назначить срокъ поручительства ближе того срока, какой назначенъ по договору, обезпечиваемому поручительствомъ, только что тогда поручительство не называется уже собственно *поручительствомъ на срокъ*, ибо тогда нѣтъ дѣйствія на срокъ: до наступленія срока договора нельзя требовать взысканія по нему, слѣдов. и дѣйствіе поручительства на срокъ не можетъ наступить, такъ что самое установленіе поручительства на срокъ, ближайшій противъ срока обезпечиваемаго договора, должно имѣть, и дѣйствительно имѣетъ, иной смыслъ, другое значеніе, хотя съ перваго взгляда можетъ показаться даже, что такое поручительство лишено всякаго смысла. Напр. *A* занимаетъ у *B* извѣстную сумму денегъ, въ платежѣ которыхъ ручается *C*,—но срокъ платежа, положимъ, 1-е января 1854 года, а *C* ручается по 1-е сентября 1853 года: до 1-го сентября 1853 года *A* не приходится платить по договору, спрашивается, къ чему же ручаться за него на этотъ срокъ, не безполезно ли ручательство? Но обратимъ вниманіе на то, что въ иномъ случаѣ платежъ по обязательству производится и предварительно, до срока, конечно по особому расчету, именно въ случаѣ несостоятельности лица, и вотъ поручительство на срокъ ближайшій противъ установленнаго въ обезпечиваемомъ договорѣ именно и есть поручительство на случай несостоятельности должника, если она откроется до срока поручительства. Такъ въ нашемъ примѣрѣ, пусть окажется *A* несостоятельнымъ до 1-го сентября 1853 года, тогда *C* отвѣчаетъ за него передъ *B*; но пусть *A* окажется несостоятельнымъ послѣ 1-го сентября 1853 года, или пусть *A* не окажется несостоятельнымъ, а окажется только неисправнымъ въ срокъ договора, тогда *C* уже не отвѣтчикъ за него. Поручительству на срокъ противополагается *поручительство безъ срока*, формулируемое словомъ: «*ручаюсь*», или словами: «*ручаюсь безъ срока*». Оно устанавляетъ отвѣтственность поручителя независимо отъ срока договора, обезпечиваемаго поручительствомъ, такъ что если и не въ срокъ предъявлено будетъ обязательство ко взысканію, а въ послѣдствіи, поручитель всетаки подлежитъ отвѣтственности, и даже при поручительствѣ безъ срока не требуется предъявленія долговаго обязательства ко взысканію, а довольно уже и просрочки со стороны должника, неисправности, для того, чтобъ поручитель

подлежалъ отвѣтственности (1). Но неисправность должника, какъ условіе обязательства поручителя безъ срока, законодательство называетъ *несостоятельностью*, и это слово въ практикѣ подало поводъ къ затрудненіямъ. Извѣстно, что слово «*несостоятельность*» означаетъ неисправность—всеравно, что неустойчивость въ обязательствѣ или словѣ; но кромѣ того оно имѣетъ особое техническое значеніе, выражаетъ именно понятіе о перевѣсѣ долговъ лица надъ его имуществомъ, означаетъ перевѣсъ passiva надъ activa, какъ говорится на юридическомъ языкѣ западной Европы. И вотъ наши юристы-практики нерѣдко принимаютъ слово «несостоятельность», употребляемое законодательствомъ по поводу поручительства безъ срока, въ его техническомъ смыслѣ, толкуютъ, что поручитель безъ срока отвѣчаетъ только при перевѣсѣ долговъ поручника надъ его имуществомъ, а не отвѣчаетъ при одной неисправности его по договору. Но *несостоятельность*, въ техническомъ смыслѣ этого слова, влечетъ за собою весьма тягостныя послѣдствія для должника, такъ что коренное правило и нашего и другихъ образованныхъ законодательствъ, что признаніе несостоятельности лица наступаетъ лишь по опредѣленію суда: извѣстно, какая тяжелая мысль связывается съ словомъ: «*банкротъ*», и естественно, что законодательство требуетъ опредѣленія суда, чтобъ заклеймить человѣка названіемъ банкрота (2). Кромѣ того, по несостоятельности открывается довольно сложное производство (3): задача не маловажная даннымъ количествомъ имущества должника удовлетворить сравнительно бо́льшее количество долговъ, задача, собственно, невозможная и разрѣшаемая только приблизительно, такъ что для всѣхъ законодательствъ *уставъ о банкротствѣ* составляетъ камень преткновенія. По этой-то сложности и запутанности производства, вызываемаго несостоятельностію, при незначительности долговъ, обыкновенно, не допускается даже понятія о несостоятельности, или, собственно говоря, съ нею не соединяются тѣ пріемы и послѣдствія, которыя вызываются несостоятельностію болѣе значительною по количеству долговъ. Напр. у насъ не признается торговая несостоятельность по долгамъ, не превы-

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1538.

(2) Св. Зак., т. XI, Уст. торг. ст. 1880.—(3) Тамъ же, ст. 1880—1981.

шающимъ 1500 р. с. (1). Спрашивается, ужели же справедливо воззрѣніе практики, будто законодательство, подвергая поручителя безъ срока отвѣтственности при несостоятельности должника, разумѣетъ несостоятельность техническую? Мы рѣшительно думаемъ, что воззрѣніе практики неосновательно, что законодательство подъ несостоятельностію разумѣетъ въ настоящемъ случаѣ *неисправность*. И вотъ основанія нашего мнѣнія: a) законодательство имѣетъ въ виду, что поручительство обезпечиваетъ вѣрителя; но какое же оно обезпеченіе для вѣрителя, если при неисправности должника нужно сперва изслѣдовать, превышаютъ ли долги его имущество, нужно судебное опредѣленіе о признаніи должника несостоятельнымъ, нужно приступить къ разсмотрѣнію долговъ несостоятельнаго лица, а на все это нужны, по крайней мѣрѣ, мѣсяцы, если не годы? b) Поручительство часто бываетъ по такому долгу, по которому и при перевѣсѣ долговъ лица надъ его имуществомъ лицо не объявляется несостоятельнымъ, слѣд. нужно допустить, что и поручительство по такому долгу не имѣетъ никакого значенія, но это нелѣпо. c) Вѣритель, заключая договоръ поручительства, именно имѣетъ въ виду, что при *неисправности* должника онъ въ правѣ будетъ потребовать удовлетворенія отъ поручителя, такъ что пониманіе *несостоятельности* въ техническомъ смыслѣ противно той мысли, которою руководится вѣритель, установляя поручительство. d) Какъ при поручительствѣ на срокъ для того, чтобъ наступила отвѣтственность поручителя, требуется только представленіе долговаго акта ко взысканію въ теченіи извѣстнаго срока, а не требуется несостоятельность поручника, точно также и при поручительствѣ безъ срока не требуется несостоятельность, а только фактъ неисправности должника: существо поручительства одно, какъ въ поручительствѣ на срокъ, такъ и въ поручительствѣ безъ срока, поэтому и основаніе отвѣтственности поручителя въ обоихъ случаяхъ также одно, а разница только та, что положеніе поручителя на срокъ выгоднѣе, потому что когда пропущенъ срокъ представленія долговаго обязательства ко взысканію, поручитель уже не отвѣчаетъ, онъ, значитъ, выгораживаетъ себя назначеніемъ срока, тогда какъ поручитель безъ срока не выгора-

(1) Уст. торг., ст. 1838.

живаетъ себя, а отвѣчаетъ во всякое время при неисправности должника; но отъ вѣрителя зависитъ въ то или другое время ухватиться за неисправность должника и подвергнуть поручителя отвѣтственности (1). 2) Законодательство указываетъ также на усло-

---

(1) Къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ покойнаго профессора, настойчиво повторяемымъ каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь о поручительствѣ; напротивъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію, что практика наша въ этомъ случаѣ совершенно согласна съ буквою и мыслію закона. По мнѣнію профессора положеніе поручителя на срокъ выгоднѣе, легче, нежели положеніе поручителя безъ срока, потому что поручитель на срокъ по истеченіи мѣсяца со дня просрочки обязательства, если оно не предъявлено ко взысканію, уже не отвѣчаетъ по обязательству. Но законодательство постановляетъ о поручительствѣ (Зак. Гр. ст. 1557), что оно можетъ быть сдѣлано или только *въ платежѣ суммы*, или съ тѣмъ вмѣстѣ и *въ платежѣ ея на срокъ:* по самому ходу рѣчи видно, что законодательство имѣетъ въ виду установить для поручителя на срокъ обязательство болѣе строгое, болѣе невыгодное для него, чѣмъ для поручителя безъ срока. И вотъ, дѣйствительно, большая тяжесть поручительства на срокъ заключается въ томъ, что поручитель отвѣчаетъ тотчасъ при неисправности должника, тогда какъ при поручительствѣ безъ срока поручитель отвѣчаетъ только при несостоятельности должника. Но такъ какъ было бы уже слишкомъ обременительно для поручителя на срокъ, если бы при неисправности должника онъ могъ быть подвергнутъ взысканію во всякое время, то съ другой стороны законодательство опредѣляетъ для обращенія къ поручителю извѣстный срокъ, по истеченіи котораго онъ уже свободенъ отъ отвѣтственности (ст. 1560). Но можетъ-быть еще, что законодательство и не желало установить для поручителя на срокъ обязательство болѣе строгое, нежели для поручителя безъ срока; можетъ быть, дѣйствительно, обязательство поручителя на срокъ болѣе выгодно для него—онъ выгораживаетъ себя отъ отвѣтственности по истеченіи мѣсячнаго срока со дня просрочки обязательства, тогда какъ поручитель безъ срока не имѣетъ такой выгоды, а при неисправности должника, не при несостоятельности его только, можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности во всякое время до истеченія давностнаго срока по обязательству; словомъ, можетъ быть, что законодательство дѣйствительно при поручительствѣ безъ срока разумѣетъ не несостоятельность техническую, а несостоятельность какъ неисправность? Обращаясь однако же къ относящимся сюда опредѣленіямъ законодательства, мы находимъ, что при поручительствѣ на срокъ законодательство ни слова не говоритъ о несостоятельности должника, какъ условіи отвѣтственности поручителя, напротивъ, прямо постановляетъ, что поручитель подлежитъ отвѣтственности тотчасъ по неисправности должника, *точно также, какъ и самъ должникъ* (ст. 1560), тогда какъ при поручительствѣ безъ срока, по

віе о суммѣ поручительства, ручается ли поручитель въ платежѣ всего долга, или только извѣстной его части. Если поручительство дается безъ опредѣленія, что оно дается въ извѣстной части долга, то оно простирается на весь долгъ; и точно также, если поручительство простирается на весь долгъ, но не опредѣляется его сумма, то оно распространяется не только на долгъ, но и на всѣ нанёты, могущіе нарости по этому долгу, напр. на проценты, которые платитъ должникъ по занятому капиталу, неустойку въ случаѣ просрочки и т. д. (1) Но точно также поручитель можетъ обязаться совершеніемъ не того дѣйствія, которое составляетъ предметъ обезпечиваемаго договора, а совершеніемъ какого либо другаго дѣйствія въ видѣ вознагражденія вѣрителя за убытки, проистекающіе для него отъ нарушенія его права по договору.

Совершается поручительство или подписью поручителя на актѣ того договора, къ которому относится поручительство, или составляется особый актъ о поручительствѣ и свидѣтельствуется у маклера (2). Въ томъ и другомъ случаѣ должны быть съ точностію опредѣлены тѣ условія поручительства, на которыя указываетъ зако-

---

опредѣленію законодательства, поручитель отвѣтствуетъ въ платежѣ суммы *только въ случаѣ несостоятельности должника*, и именно, какъ сказано въ мнѣніи Государственнаго Совѣта 2 іюня 1858 г. (ст. 1558 по Прод. II), «когда все имущество признаннаго несостоятельнымъ должника будетъ подвергнуто продажѣ, вырученныя за оное деньги распредѣлены между заимодавцами по установленному въ законѣ порядку, и за тѣмъ окажется, что суммы сихъ денегъ не довольно для удовлетворенія того долга, по коему дано поручительство». Мнѣніе профессора, намъ кажется, вызвано было тѣмъ, что обыкновенно очень долго тянется дѣло о признаніи должника несостоятельнымъ, а между тѣмъ вѣритель не получаетъ удовлетворенія и не можетъ обратиться къ поручителю. Но это еще не можетъ служить оправданіемъ произвольному толкованію закона, который и при всей недостаточности его все-таки долженъ быть понимаемъ въ его истинномъ смыслѣ. Притомъ же, если вѣритель и не получаетъ, дѣйствительно, удовлетворенія во все время, пока тянется дѣло о признаніи должника несостоятельнымъ и въ то же время не можетъ обратить взысканіе на поручителя, то вѣдь вѣритель не теряетъ при этомъ ни капитала, ни процентовъ на него; а если вѣритель желаетъ имѣть право немедленно по просрочкѣ должника обратиться къ поручителю, то пусть договорится о поручительствѣ на срокъ. *Издат.*

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1558, 1560.—(2) Тамъ же, ст. 1562.

нодательство. Но кромѣ того, какъ сказано, могутъ быть внесены въ договоръ и другія условія по взаимному соглашенію контрагентовъ.

Юридическія отношенія, возникающія по поводу поручительства, довольно разнообразны. Такъ, установляются юридическія отношенія *между вѣрителемъ и поручителемъ*, *между поручителемъ и должникомъ;* кромѣ того иногда по поводу поручительства возникаютъ также юридическія отношенія *между вѣрителемъ и поручителемъ за поручителя; между поручителемъ за должника вѣрителю и поручителемъ за того же должника поручителю*, наконецъ, юридическія отношенія *между нѣсколькими поручителями.* Разсмотримъ существо ихъ. I. *Юридическія отношенія между вѣрителемъ и поручителемъ* опредѣляются существомъ поручительства: при неисправности должника поручитель обязанъ удовлетворить вѣрителя, но сообразно содержанію поручительства, такъ что если содержаніе его совпадаетъ съ содержаніемъ обезпечиваемаго договора, т. е. если поручитель обязанъ въ случаѣ неисправности должника совершить именно то дѣйствіе, которымъ обязанъ должникъ, и вполнѣ, то поручитель становится на мѣсто должника; если же поручитель обязался въ случаѣ неисправности должника совершить другое дѣйствіе въ видѣ вознагражденія вѣрителя, какъ это бываетъ напр. при поручительствѣ по личному наёму, или поручился только въ части долга, то для поручителя наступаетъ обязательство совершить то дѣйствіе, которымъ онъ обязался или уплатить только ту часть долга, за которую онъ поручился (1). Но поручитель отвѣчаетъ только въ случаѣ, когда вѣритель обратится къ нему за удовлетвореніемъ, вѣритель же не обязанъ требовать удовлетворенія отъ поручителя, а онъ въ правѣ требовать его отъ должника и по неисправности его, и поэтому должникъ не въ правѣ настаивать, чтобъ вѣритель обратился за удовлетвореніемъ къ поручителю. Съ другой стороны и поручитель не можетъ устранить отъ себя отвѣтственность потому только, что вѣритель направляетъ взысканіе на должника: собственно говоря, поручитель отвѣтствуетъ только послѣ тщетнаго требованія удовлетворенія отъ должника, слѣд. обращеніе взысканія на должника еще не освобождаетъ

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1556.

поручителя отъ отвѣтственности, а скорѣе можно признать за поручителемъ право требовать, чтобъ вѣритель обратился сперва за удовлетвореніемъ къ должнику, ибо только этимъ путемъ оффиціально открывается его неисправность. Но въ правѣ ли вѣритель обратиться за удовлетвореніемъ къ должнику, послѣ того какъ онъ уже обратился къ поручителю? Такъ какъ не обращеніе взысканія на то или другое лицо прекращаетъ обязательство, а удовлетвореніе по нему, то должно признать, что и требованіе удовлетворенія отъ поручителя не прекращаетъ права вѣрителя требовать его отъ должника. Положимъ, поручительство дано безъ срока, вѣритель знаетъ, что у должника нѣтъ средствъ къ удовлетворенію его по обязательству и обращается къ поручителю; но дѣло затягивается, а между тѣмъ должникъ поправляется: вѣритель можетъ оставить поручителя и обратиться за удовлетвореніемъ къ должнику. Если въ срокъ договора должникъ удовлетворяетъ вѣрителя не сполна, а только отчасти, то по остальной части долга отношенія вѣрителя къ должнику и поручителю тѣ же самыя, что и отношенія по всему долгу.—II. Существо *юридическихъ отношеній между поручителемъ и должникомъ* заключается въ томъ, что по удовлетвореніи вѣрителя поручитель становится на его мѣсто по отношенію къ должнику, подобно тому, какъ производя вѣрителю удовлетвореніе за должника, поручитель оказывается на мѣстѣ должника (1). Конечно, какъ при самомъ заключеніи договора поручительства, такъ и впослѣдствіи, поручитель можетъ отказаться отъ права вступить впослѣдствіи на мѣсто вѣрителя и тогда у него нѣтъ права на удовлетвореніе отъ должника; но если нѣтъ такого отреченія, то поручитель въ правѣ требовать удовлетворенія отъ должника независимо отъ какого либо особаго о томъ соглашенія съ нимъ, какъ этого требуютъ иногда, потому что право это разумѣется само собою. Поручитель удовлетворяется должникомъ за все, что имъ заплачено, или сдѣлано вѣрителю, только что, конечно, поручитель не долженъ дѣлать болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по договору и закону, по крайней мѣрѣ должникъ за излишекъ не удовлетворяетъ его, а онъ въ правѣ только обратно требовать излишка отъ вѣрителя. Такъ, если поручитель по займу заплатилъ вѣрителю 10%, то должникъ

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1561.

не обязанъ платить ему такихъ процентовъ, потому что по закону maximum роста полагается 6% (1). Но если поручитель заплатилъ менѣе, чѣмъ слѣдуетъ по договору и закону, то онъ можетъ требовать отъ должника только того, что самъ заплатилъ. Напр. поручитель склонилъ вѣрителя на уступку, такъ что заплатилъ ему, положимъ, по 80 коп. за рубль: тогда и должникъ обязанъ заплатить поручителю также только по 80 к. за рубль. Разумѣется, если такая уступка со стороны вѣрителя будетъ даромъ его поручителю, тогда онъ въ правѣ требовать отъ должника полнаго удовлетворенія, хотя самъ удовлетворилъ вѣрителя только въ части долга. И точно также, если вѣритель вовсе отречется отъ удовлетворенія со стороны поручителя, не отрекаясь отъ самаго права по договору, поручитель въ правѣ требовать удовлетворенія отъ должника, потому что отреченіе вѣрителя есть ничто иное, какъ даръ съ его стороны въ пользу поручителя (2). Но независимо отъ вознагражденія за удовлетвореніе вѣрителя поручитель имѣетъ иногда право на вознагражденіе со стороны должника за самое поручительство, именно, когда такое право выговорено имъ отъ поручника. Дѣло въ томъ, что, будучи по отношенію къ вѣрителю всегда безмезднымъ—вѣритель обыкновенно ничего не платитъ порукѣ за ручательство,—поручительство по отношенію къ должнику представляется иногда возмезднымъ: въ дѣйствительности должникъ нерѣдко платитъ поручителю за его ручательство или извѣстный процентъ съ той суммы, въ платежѣ которой онъ ручается, или другую какую либо опредѣленную сумму, хотя съ другой стороны должно сказать, что въ большей части случаевъ поручительство составляетъ дружескую услугу, оказывается безмездно, даже въ торговомъ быту, что, пожалуй, можетъ показаться довольно страннымъ, ибо въ торговлѣ каждый шагъ оцѣнивается на деньги, но

---

(1) Св. Зак. Гр. ст. 2020.

(2) Но съ отреченіемъ вѣрителя отъ удовлетворенія по договору по отношенію къ поручителю не должно смѣшивать акта, заключающагося въ отреченіи вѣрителя отъ поручительства, ибо въ этомъ случаѣ устраняется только поручительство — вѣритель, какъ говорится, спускаетъ поручителя съ его обязательства и обезпеченный до того времени договоръ перестаетъ быть обезпеченнымъ, но онъ остается въ силѣ и юридическія отношенія между вѣрителемъ и должникомъ сохраняются въ цѣлости.

тѣмъ не менѣе это справедливо. Но вознагражденіе за поручительство можетъ основываться только на особомъ соглашеніи между поручителемъ и поручникомъ, а независимо отъ такого соглашенія поручитель не имѣетъ права на какое либо вознагражденіе за поручительство. Но съ другой стороны, какъ скоро опредѣлено вознагражденіе за поручительство, поручитель въ правѣ требовать его даже и въ томъ случаѣ, когда ему вовсе не приходилось отвѣчать по данному ручательству, развѣ опредѣлено иначе въ самомъ договорѣ о вознагражденіи за поручительство.—III. *Юридическія отношенія между вѣрителемъ и поручителемъ за поручителя.* Поручительство установляется иногда въ такомъ видѣ, что за поручителя ручается еще другое лицо, а за этого поручителя дается опять поручительство и т. д., такъ что представляется довольно значительный рядъ поручительствъ. При существованіи такихъ послѣдовательныхъ поручительствъ каждое послѣдующее поручительство проявляетъ свое дѣйствіе только при несправности предъидущаго поручителя, т. е. поручитель за перваго поручителя подлежитъ отвѣтственности только тогда, когда первый поручитель оказывается несправнымъ, поручитель за втораго, когда второй поручитель оказывается несправнымъ и т. д. Самая отвѣтственность послѣдующаго поручителя опредѣляется юридическими отношеніями его предшественника, а не обязательствомъ должника по главному договору. Напр. *A* занимаетъ у *B* какую либо сумму денегъ, въ платежѣ извѣстной части ея за *A* ручается *C*, а за *C* ручается *D*: отвѣтственность *D*, какъ поручителя, простирается не на всю сумму долга, а лишь на ту часть ея, за которую поручился *C* (1). IV. Обязательство должника въ отношеніи къ поручителю, какъ обязательство по вознагражденію поручителя за поручительство, такъ и обязательство по вознагражденію за удовлетвореніе вѣрителя по главному обязательству, также можетъ быть обезпечено и дѣйствительно обезпечивается иногда поручительствомъ и такимъ образомъ установляются *юридическія отношенія между поручителемъ за должника вѣрителю и поручителемъ за того же должника поручителю.* Отношенія эти точно такія, какъ и отношенія вѣрителя къ поручителю за долж-

(1) Св. Зак. Гр. ср. ст. 1536, 1998.

ника, ибо поручитель вѣрителю по отношенію къ поручителю за должника себѣ тотъ же вѣритель. V. *Юридическія отношенія между нѣсколькими поручителями* опредѣляются главнымъ образомъ содержаніемъ поручительства. Но вообще, независимо отъ содержанія того или другаго отдѣльнаго договора, отношенія эти представляются въ двухъ видахъ:или предметъ договора распредѣляется между поручителями по частямъ, такъ что каждый изъ нихъ ручается только за часть долга; или всѣ поручители ручаются за долгъ сполна, такъ что въ случаѣ неисправности должника вѣритель въ правѣ потребовать полнаго удовлетворенія отъ любаго поручителя. Въ первомъ случаѣ представляется не одно, а совокупность поручительствъ, существующихъ другъ отъ друга совершенно отдѣльно; во второмъ — поручительство установлятъ корреальное обязательство поручителей въ отношеніи къ вѣрителю, и тотъ изъ нихъ, который произведетъ удовлетвореніе за должника, станетъ по отношенію къ нему на мѣсто вѣрителя, но не по отношенію къ другимъ поручителямъ, ибо корреальное обязательство, возникающее изъ поручительства, прекратится удовлетвореніемъ вѣрителя. — При обсуживаніи юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ поручительства, постоянно должно имѣть въ виду значеніе договора поручительства, какъ договора второстепеннаго, добавочнаго, котораго судьба тѣсно связана съ судьбою главнаго договора, имъ обезпечиваемаго, такъ что при недѣйствительности его и поручительство недѣйствительно. Поэтому, если напр. поручитель произведетъ удовлетвореніе вѣрителю по недѣйствительному договору, то онъ не въ правѣ требовать вознагражденія отъ должника, потому что при недѣйствительности договора на должникѣ не лежитъ никакого обязательства, а поручитель въ правѣ только отъ вѣрителя требовать возвращенія произведеннаго ему платежа, по отсутствію для него законнаго основанія. Бываютъ, однакожъ, случаи, что поручительство обезпечиваетъ вѣрителя именно на случай недѣйствительности главнаго договора: тогда, конечно, поручительство имѣетъ силу и при недѣйствительности обезпечиваемаго договора, только что тогда оно относится собственно не къ договору, не къ тому дѣйствію, которымъ обязывается должникъ, а къ цѣлости того имущества, которое вручается вѣрителемъ должни-

ку при самомъ совершеніи договора въ качествѣ эквивалента за его обязательство. Напр. несовершеннолѣтнимъ заключается заемъ и обезпечивается поручительствомъ другаго лица, при чемъ постановляется, что въ случаѣ судебнаго разбирательства по договору и признанія его недѣйствительнымъ поручитель обязывается удовлетворить заимодавца: спрашивается, будетъ ли такое поручительство дѣйствительнымъ? Въ практикѣ, сколько намъ извѣстно, поручители, обыкновенно, платятъ по такого рода ручательствамъ, но по соображеніямъ болѣе нравственнымъ, нежели юридическимъ. Юридическое же основаніе платежа, намъ кажется, заключается въ томъ, что если заемъ несовершеннолѣтняго и недѣйствителенъ, если недѣйствительно и поручительство по этому займу, то все-таки деньги, получаемыя должникомъ, какъ скоро оказываются на лицо, какъ собственность заимодавца, а не несовершеннолѣтняго должника, подлежатъ возвращенію вѣрителю; но деньги могутъ быть истрачены, и вотъ поручительство стороняго лица имѣетъ тотъ смыслъ, что лицо это на случай признанія договора недѣйствительнымъ принимаетъ на себя отвѣтственность за цѣлость суммы, врученной должнику, и слѣд. въ случаѣ растраты ея дѣйствительно становится отвѣтственнымъ лицомъ въ отношеніи къ вѣрителю. Но поручительство можетъ также оказаться по какому либо основанію недѣйствительнымъ само по себѣ, независимо отъ главнаго договора, который остается дѣйствительнымъ: тогда, если поручитель и производитъ удовлетвореніе вѣрителю, онъ все-таки не въ правѣ требовать вознагражденія отъ должника, а въ правѣ только потребовать заплаченнаго имъ отъ вѣрителя, такъ какъ платежъ произведенъ безъ законнаго основанія.

§ 12.

Нѣкоторые виды поручительства наше законодательство разсматриваетъ въ отдѣльности. Напр. оно разсматриваетъ въ отдѣльности *поручительство по договорамъ частныхъ лицъ съ казною* (1). Но это поручительство вовсе не составляетъ какого либо особеннаго вида, а если и есть нѣсколько отдѣльныхъ опредѣленій,

(1) Св. Зак. Гр. кн. IV, разд. II, гл. 1, отд. 2.

относящихся только къ поручительству по договорамъ частныхъ лицъ съ казною, то опредѣленія эти вызваны не существомъ самаго поручительства, а соображеніями казеннаго интереса, и не измѣняютъ существа поручительства, а только подробнѣе опредѣляютъ его и служатъ руководствомъ органамъ казны—присутственнымъ мѣстамъ при заключеніи отъ ея лица договора поручительства. Какъ на особый видъ поручительства законодательство наше и народное воззрѣніе смотрятъ также на такъ называемую *круговую поруку*, издавна существующую въ нашемъ отечествѣ, хотя и она не представляетъ такихъ особенностей, которыя бы оправдывали такое воззрѣніе на круговую поруку, которыя бы дѣлали изъ нея особый видъ поручительства, отличный отъ настоящаго поручительства. Подъ именемъ *круговой поруки* извѣстенъ договоръ, по которому нѣсколько лицъ обязываются совершеніемъ какого либо дѣйствія въ отношеніи къ другому лицу и съ тѣмъ вмѣстѣ каждый изъ обязанныхъ контрагентовъ ручается за каждаго другаго, такъ что всѣ должники ручаются другъ за друга (1). Напр. *A*, *B*, *C*, *D* принимаютъ на себя обязательство по отношенію къ *E* и съ тѣмъ вмѣстѣ каждый изъ нихъ ручается за исправность исполненія обязательства со стороны каждаго другаго, такъ что за исправность *A* ручаются *B*, *C* и *D*, за исправность *B* ручаются *A*, *C* и *D* и т. д. Вся особенность круговой поруки отъ общаго поручительства состоитъ въ томъ, что она обезпечиваемому договору даетъ видъ корреальнаго обязательства, т. е. дѣйствіе его таково же, какъ бы онъ порождалъ корреальное обязательство, хотя самъ по себѣ договоръ и не рождаетъ корреальнаго обязательства, а установляетъ совокупность отдѣльныхъ, самостоятельныхъ обязательствъ. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, договоръ установляетъ обязательство, падающее по опредѣленнымъ частямъ на *A*, *B*, *C* и *D*, такъ что каждый изъ нихъ обязанъ совершеніемъ отдѣльнаго, опредѣленнаго дѣйствія и, не будь договоръ обезпеченъ круговою порукою, вѣрителъ не имѣлъ бы права потребовать полнаго удовлетворенія отъ каждаго обязаннаго лица, какъ при корреальномъ обязательствѣ, а только удовлетворенія въ опредѣленной для него части; но такъ какъ договоръ обезпеченъ круговою

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1548—1568.

порукою, то при неисправности одного должника вѣритель въ правѣ потребовать полнаго удовлетворенія отъ каждаго другаго должника (1). Но и эта особенность круговаго поручительства, что оно придаетъ обезпечиваемому договору видъ и значеніе корреальнаго обязательства, не имѣетъ значенія для самаго круговаго поручительства: она не измѣняетъ существа его, какъ договора добавочнаго, потому что все-таки нужна неисправность контрагента для того, чтобы для другаго контрагента возникло обязательство полнаго удовлетворенія по договору (мы предполагаемъ, что два должника), такъ что вѣритель только при неисправности одного должника можетъ обратиться съ требованіемъ къ другому, а прежде всего долженъ обратиться къ непосредственному должнику—не къ любому изъ нихъ, какъ при корреальномъ обязательствѣ. Гораздо знаменательнѣе круговая порука въ экономическомъ отношеніи. Очень часто заключаются договоры съ нѣсколькими лицами совокупно, такъ что каждое изъ нихъ является должникомъ въ извѣстной части дѣйствія, составляющаго предметъ договора; но не рѣдко всѣ эти лица оказываются недостаточными, такъ что имущество ихъ представляетъ весьма плохое ручательство за ихъ исправность по договору и необходимо прибѣгнуть къ какому либо способу для его обезпеченія. Но къ какому же? Если имущество должниковъ такъ ничтожно, что заставляетъ сомнѣваться въ ихъ исправности по договору, то, значитъ, нельзя требовать отъ нихъ и залога. Нельзя требовать и неустойки, потому что если и обязательства-то самого они не выполнятъ, такъ гдѣ же имъ заплатить еще неустойку. Обезпечить обязательство свободою этихъ лицъ, что отчасти и дѣлается, въ видѣ отобранія паспорта?—но обезпеченіе ограниченіемъ свободы очень жестко, да и что это за обезпеченіе имущественнаго интереса? Остается прибѣгнуть къ поручительству; но кто же поручится за такія лица? Поручительство за нихъ, если и было бы, то было бы преимущественно возмездное, потому что сопряжено съ большимъ рискомъ; но вознагражденіе, получаемое этими лицами по договорамъ, обыкновенно, такъ скудно, что имъ нѣтъ возможности удѣлять еще что либо поручителю. И вотъ имъ остается только оказать себѣ взаимную помощь, поручиться другъ

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1548.

за друга: авось при неисправности одного должника другіе въ состояніи будутъ выполнить его обязательство. Но это основаніе происхожденія круговой поруки лишено юридическаго значенія. Самое понятіе о круговомъ поручительствѣ не довольно ясно сознано законодательствомъ и практикою. Напр. законодательство, а за нимъ и практика видятъ круговое поручительство въ поручительствѣ юридическаго лица. Такъ, если члены мѣщанскаго или сельскаго общества заключаютъ договоръ за поручительствомъ общества, къ которому они принадлежатъ, то законодательство называетъ это поручительство *круговымъ* (1), тогда какъ съ юридической точки зрѣнія тутъ нѣтъ круговаго поручительства, а есть *поручительство юридическаго лица—совокупности физическихъ лицъ—за одного или нѣсколькихъ членовъ, составляющихъ совокупность*, потому что хотя и многія лица ручаются, но они сливаются въ общество и составляютъ одно юридическое лицо. Или напр. законодательство видитъ *круговое* поручительство въ поручительствѣ членовъ-юридическаго лица—совокупности физическихъ лицъ—за самое юридическое лицо. Напр. при поставкахъ и подрядахъ, заключаемыхъ мѣщанскими и сельскими обществами съ казною, на каждаго члена общества распространяется поручительство при поставкахъ на 45, а при подрядахъ на 15 рублей (2); но и здѣсь нѣтъ *круговаго* поручительства, какъ принимаетъ законодательство, а представляется *поручительство физическихъ лицъ за юридическое лицо*, и притомъ такое поручительство, по которому каждый членъ ручается не во всей суммѣ долга, а только въ извѣстной его части, именно въ 15 или 45 рубляхъ. Справедливо, что когда обязаннымъ лицомъ является юридическое лицо—совокупность физическихъ лицъ, обязательство исполняется чрезъ членовъ совокупности или при участіи ихъ, но тѣмъ не менѣе договоръ заключается обществомъ, *юридическимъ лицомъ*, и обстоятельство, что тѣ же лица, которыя являются поручителями, исполняютъ договоръ, въ юридическомъ отношеніи не имѣетъ значенія, потому что все-таки не они исполняютъ договоръ, а общество чрезъ нихъ. Но можно полагать, что если законодательство и вышло изъ предѣловъ перваго понятія о круговомъ поручительствѣ, то вышло безсознательно,

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1563 п. 3 и 1564.
(2) Тамъ же, ст. 1563 п. 4 и 1564.

не имѣя въ виду понятія о *юридическомъ лицѣ* и увлекаясь тѣмъ, что тѣ же лица, которыя вступаютъ въ договоръ, ручаются и за исполненіе его. При бо̀льшемъ развитіи науки не понимала бы такъ и практика. Да и вообще наше законодательство затрудняется раскрытіемъ поручительства *юридическаго лица*, хотя, руководясь началами науки, нельзя встрѣтить тутъ никакого затрудненія. Напр. законодательство видитъ *поручительство* въ томъ случаѣ, когда лица, принадлежащія къ дворянскому обществу, по порученію его, заключаютъ съ казною договоръ о поставкѣ провіанта (1), тогда какъ здѣсь представляется не поручительство со стороны дворянскаго общества, а *прямое участіе* въ договорѣ. Законодательство находитъ въ настоящемъ случаѣ поручительство со стороны дворянскаго общества, кажется, потому только, что общество не само оперируетъ, а уполномочиваетъ къ тому извѣстныхъ лицъ; но уполномоченные—только *представители общества*, которое и является непосредственнымъ контрагентомъ.

§ 13.

4) ЗАЛОГЪ.

Наконецъ, способомъ обезпеченія договора служитъ *залогъ*. Обезпеченіе, представляемое имъ, состоитъ въ томъ, что лицо, имѣющее право залога, при неисправности должника по договору въ правѣ получить удовлетвореніе изъ выручки за продажу извѣстной какой либо вещи, которая и служитъ, такимъ образомъ, обезпеченіемъ исполненія договора (2), такъ что нѣкоторые юристы представляютъ даже право залога *правомъ на чужую вещь* (3). Но чтобы право на полученіе удовлетворенія изъ выручки за продажу опредѣленной вещи могло считаться правомъ залога, *обезпеченіемъ* по договору, нужно, чтобы оно было предоставлено вѣрителю предварительно, до неисправности должника, до нарушенія имъ права по договору—въ этомъ-то и состоитъ обезпеченіе, а въ противномъ случаѣ можно говорить только о *взысканіи*. Залогъ

---

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1563 п. 1.

(2) Св. Зак. о Судопр. Гр. ст. 30—56.

(3) Въ ученіи о правахъ на чужія вещи мы привели основанія, по которымъ не раздѣляемъ этого взгляда.

можетъ служить къ обезпеченію каждаго договора или даже вообще каждаго обязательства—напр. онъ можетъ обезпечивать и поручительство. Но въ древнемъ нашемъ правѣ залогъ связывался непосредственно съ договоромъ заёма (1): современное законодательство хотя не относитъ залога исключительно къ этому договору (само же оно говоритъ напр. объ обезпеченіи залогомъ договоровъ подряда и поставки, заключаемыхъ частными лицами съ казною (2)), однако слѣдъ древняго воззрѣнія на связь залога съ договоромъ заёма сохранился и въ немъ. Это видно между прочимъ изъ того, что приложенная къ Своду Гражданскихъ Законовъ форма *закладнаго акта* разсчитана на договоръ займа, обезпечиваемаго залогомъ: «*такой-то занялъ у такого-то подъ залогъ такого-то имущества такую-то сумму денегъ*», говорится въ формѣ закладнаго акта (3). И эта форма всегда почти соблюдается въ практикѣ, хотя очень часто залогъ установляется и не по займу. Напр. лицо обязывается подарить другому извѣстную сумму денегъ и обезпечиваетъ обязательство залогомъ; или напр. лицо продаетъ другому имущество на кредитъ, но подъ залогъ продаваемаго имущества: казалось бы, нѣтъ никакого препятствія совершить такой актъ даренія, «*что лицо обязывается въ такой-то срокъ подарить такому-то лицу такую-то сумму денегъ, въ обезпеченіе чего и представляетъ ему въ залогъ такое-то имущество*»; или, казалось бы, нѣтъ никакого препятствія для обезпеченія купли-продажи на кредитъ залогомъ продаваемаго имущества написать купчую крѣпость такъ: «*такой-то продалъ такому-то такое-то имущество за такую-то сумму, которую покупщикъ обязывается заплатить въ такой-то срокъ и обезпечиваетъ свое обязательство покупаемымъ имуществомъ*»; но развѣ рѣдкое присутственное мѣсто согласится совершить дарственный актъ означеннымъ образомъ, а потребуетъ, чтобъ онъ получилъ видъ закладнаго акта, т. е. чтобъ даритель изъяснилъ, «*что онъ занялъ у одаряемаго лица подъ залогъ такого-то имущества такую-то сумму денегъ, которую и обязывается*

---

(1) *Неволина*, Ист. Гр. Зак. III, § 446.
(2) Св. Зак. Гр. ст. 1588.
(3) Тамъ же, прилож. къ ст. 1643, 1669.

уплатить въ такое-то время»; или развѣ рѣдкое присутственное мѣсто согласится совершить купчую крѣпость въ указанномъ видѣ, а потребуетъ совершенія купчей крѣпости, въ которой бы было сказано, «*что деньги за продаваемое имущество получены*», и за тѣмъ въ обезпеченіе дѣйствительнаго платежа денегъ потребуетъ совершенія особаго закладнаго акта, въ которомъ бы было сказано, «*что покупщикъ занялъ у продавца подъ залогъ такого-то имущества такую-то сумму денегъ, которую и обязывается заплатить тогда-то*». Такое противорѣчіе формы сдѣлки съ ея существомъ объясняется тѣмъ, что законодательство наше дало форму нѣкоторымъ актамъ, между прочимъ *дарственной записи*, *купчей крѣпости* и *закладному акту* (1). Но данныя формы относятся къ нормальнымъ случаямъ, когда купля-продажа дѣйствительно совершается на наличныя деньги, когда залогъ дѣйствительно обезпечиваетъ заемъ, и въ законодательствѣ нѣтъ никакого указанія на то, чтобъ эти формы служили и другимъ сдѣлкамъ, представляющимъ какія либо отступленія отъ нормальныхъ отношеній, напр. по куплѣ-продажѣ; въ законодательствѣ нѣтъ даже и намека, чтобъ акты гражданскихъ сдѣлокъ совершались какъ бы притворно, лживо. Но практика не сознаетъ истиннаго значенія формъ, данныхъ законодательствомъ для гражданскихъ актовъ, и во всѣхъ случаяхъ строго держится данныхъ образцовъ: нельзя при этомъ обвинять практику въ какой либо злонамѣренности, недобросовѣстности, а все зависитъ только отъ недоразумѣнія, отъ того, что практика находится въ рукахъ людей, не получившихъ юридическаго образованія, склонныхъ къ какому-то оцѣпенѣлому формализму. Но въ то же время практика на столько здрава, что не отрицаетъ законности сдѣлокъ, представляющихъ уклоненія отъ нормальныхъ отношеній. И вотъ она требуетъ, чтобъ эти сдѣлки были облечены по крайней мѣрѣ въ данную форму, хотя, повторяемъ, и нѣтъ въ томъ надобности: закладывается же напр. имущество въ обезпеченіе какого либо договора съ казною и въ актѣ договора не пишется, что залогъ относится къ займу, а именно означается, что онъ долженъ служить обезпеченіемъ такого-то договора съ казною, напр. подряда, поставки и т. п. (2) Впрочемъ должно сказать,

(1) Св. Зак. Гр. прилож. къ ст. 1420, 1643.

(2) Св. Зак. о Судопр. Гр. прил. къ ст. 1823.

что въ бо̀льшей части случаевъ отъ употребленія формы, несогласной съ существомъ сдѣлки, вреда не бываетъ, споры возникаютъ рѣдко, хотя бы именно такія-то сдѣлки и могли всего чаще порождать споры. Да и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительно изъ несоотвѣтственности формы сдѣлки съ ея существомъ возникаютъ недоразумѣнія и споры, наши судебныя мѣста принимаютъ въ соображеніе, что по формѣ сдѣлки еще нельзя безусловно заключать о ея существѣ и при наличности доказательствъ рѣшаютъ дѣло по существу сдѣлки. Намъ извѣстенъ напр. такой случай: лицо продало другому домъ на кредитъ подъ залогъ самаго дома, совершена была сначала купчая крѣпость, въ которой продавецъ показалъ, что деньги, слѣдующія ему за домъ, онъ получилъ, затѣмъ закладная, въ которой покупщикъ показалъ, что онъ занялъ эти деньги у продавца подъ залогъ дома; но впослѣдствіи при требованіи платежа залогодатель отозвался, что онъ не занималъ денегъ, что закладная крѣпость выдана имъ безденежно и доказалъ это, но съ своей стороны и залогопріниматель доказалъ, что онъ не получилъ удовлетворенія за продажу дома: Судъ рѣшилъ, что хотя въ настоящемъ случаѣ займа и не было, но залогодатель обязанъ удовлетворить залогопринимателя, потому что закладная крѣпость все-таки выдана залогодателемъ не безденежно, а какъ обезпеченіе купли-продажи на кредитъ.

Вещь, назначаемая въ обезпеченіе обязательства по договору въ качествѣ залога, или движимая или недвижимая. На этомъ основаніи и другія и наше законодательство различаютъ два вида залога: *залогъ движимаго имущества* и *залогъ недвижимаго имущества*, выражая различіе между ними въ самыхъ названіяхъ; такъ, у насъ (1) залогъ недвижимаго имущества называется собственно *залогомъ*, а залогъ движимаго имущества *закладомъ* (2), хотя впрочемъ ни законодательство наше, ни практика не держатся строго

---

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1554.

(2) Точно также и въ другихъ законодательствахъ существуютъ различныя названія для залога недвижимаго и залога движимаго имущества: такъ въ римскомъ правѣ залогъ недвижимаго имущества называется hypotheca, а залогъ движимаго pignus; въ германскомъ и французскомъ первый называется также *ипотекою* (Hypotheke, Hypothèque) а второй — въ германскомъ правѣ Faustpfand, во французскомъ—gage.

этой терминологіи, а оба названія употребляютъ иногда безразлично, да и въ названіяхъ самыхъ нѣтъ внутренняго указанія на различіе залога недвижимаго имущества отъ залога движимаго. Различіе между залогомъ и закладомъ имѣетъ, какъ увидимъ, весьма важное практическое значеніе, проявляющееся какъ въ установленіи и прекращеніи права залога, такъ и въ осуществленіи его, такъ что дѣйствительно *залогъ* и *закладъ* представляются двумя особыми видами залога. Кромѣ того, наше законодательство дѣлаетъ еще различіе залога по лицу залогопринимателя—казна ли это, или частное лицо: въ Сводѣ Гражданскихъ Законовъ особо излагаются опредѣленія о залогѣ и закладѣ имуществъ казнѣ (1); особо о залогѣ и закладѣ имуществъ частнымъ лицамъ (2). Однакожъ различіе залога и заклада по личности залогопринимателя чуждо существа права залога и поэтому въ наукѣ лишено значенія. Законодательство, конечно, имѣетъ интересъ вывести, по возможности, всѣ подробности, вытекающія изъ общихъ началъ, установляемыхъ относительно права залога, и вотъ эти то подробности большею частію и наполняютъ собою особый отдѣлъ законодательныхъ опредѣленій о залогѣ и закладѣ имуществъ казнѣ; по онѣ, на сколько вытекаютъ изъ общихъ началъ права залога, относятся и къ залогу и закладу имуществъ частнымъ лицамъ. Дѣйствительно же особенностями представляются только положенія объ имуществахъ, какія принимаются въ залогъ казною, напр. какія строенія принимаются въ залогъ, какія земли, въ какихъ городахъ или губерніяхъ, въ какой цѣнѣ имущества принимаются въ залогъ казною и т. п. (3). Этими положеніями законодательство имѣетъ въ виду опредѣлить дѣятельность органовъ казны при обезпеченіи залогомъ ея правъ по договорамъ: законодательство имѣетъ въ виду, что частное лицо само опредѣлитъ, выгоденъ или невыгоденъ для него залогъ, надеженъ ли онъ, органамъ же казны оно не довѣряетъ въ этомъ случаѣ и потому даетъ имъ правила, которыя должны они соблюдать при установленіи залога въ пользу казны. Но положенія эти не измѣняютъ существа права залога, не дѣлаютъ изъ залога и заклада

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1588—1626, 1654—1562.
(2) Тамъ же, ст. 1627—1653, 1663—1678.
(3) Тамъ же, ст. 1589—1613.

казнѣ какого либо особаго вида залога, потому что для существа права залога всеравно, напр., принимается въ залогъ строеніе съ желѣзною или съ деревянною крышею, всеравно въ той или другой губерніи лежитъ закладываемая земля, и т. д.

§ 14.

Въ ученіи о правѣ залога намъ предлежатъ вопросы: о лицахъ, участвующихъ въ залогѣ, о предметѣ, служащемъ обезпеченіемъ, о происхожденіи залога, его дѣйствіи или юридическихъ отношеніяхъ, возникающихъ по залогу, и о прекращеніи залога—все вопросы, представляющіеся юристу касательно каждаго юридическаго отношенія, установляющаго права.

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩІЯ ВЪ ЗАЛОГѢ.

Два лица, по крайней мѣрѣ, всегда участвуютъ въ залогѣ—лицо, принимающее имущество въ залогъ, *залогопринимательль*, *залогобратель*, и лицо, отдающее имущество въ залогъ, *залогодатель*, *закладчикъ*. Общія опредѣленія законодательства относительно гражданской дѣятельности лицъ имѣютъ примѣненіе и къ участію въ закладныхъ отношеніяхъ. Въ особенности же къ залогу относятся только немногія опредѣленія, сохранившіяся въ современномъ законодательствѣ отъ древняго права или по крайней мѣрѣ навѣянныя его воззрѣніемъ на залогъ. Извѣстно, что по древнему нашему праву залогъ представляется видомъ отчужденія (1). Сообразно такому взгляду и современное законодательство связываетъ съ залогомъ нѣкоторыя ограниченія, касающіяся собственно отчужденія и пріобрѣтенія имущественныхъ правъ. Таково напр. опредѣленіе законодательства, воспрещающее непотомственному дворянину принимать въ залогъ населенное имѣніе (2). Въ опредѣленіи этомъ впрочемъ, кромѣ остатка древняго воззрѣнія на залогъ, кроется еще и другое основаніе: при неисправности должника залогопринимательль недвижимаго имущества вводится во владѣніе имъ (3), и вотъ законодательство предупреждаетъ владѣніе недворянина населеннымъ

(1) *Мейера*, Древн. русск. право залога, стр. 6 и слѣд.—(2) Св. Зак. Гражд. ст. 1628.—(3) Св. Зак. о Судопр. Гр. ст. 30.

имуществомъ, хотя владѣніе по просроченному залогу и не есть право собственности, хотя оно только временное. Конечно непотомственный дворянинъ могъ бы принимать въ залогъ населенное имѣніе только съ правомъ требовать удовлетворенія изъ выручки за продажу его, безъ права вступить во владѣніе имѣніемъ въ случаѣ просрочки должника, такъ какъ владѣніе заложеннымъ имуществомъ нисколько не существенно для того, чтобъ залогъ служилъ обезпеченіемъ договора: принимаетъ же казна въ залогъ недвижимыя имущества и не вступаетъ во владѣніе ими при неисправности должниковъ, а только удовлетворяется изъ выручки за продажу (1). Но опредѣленіе законодательства рѣшительно и безусловно. Между тѣмъ въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ денежные капиталы сосредоточиваются въ рукахъ торговаго сословія, которое состоитъ преимущественно, даже почти исключительно, не изъ потомственныхъ дворянъ, тогда какъ землевладѣльцами являются преимущественно хозяева населенныхъ имѣній, слѣдовательно потомственные дворяне, и такимъ образомъ для землевладѣльцевъ денежные капиталы торговаго класса мало имѣютъ значенія, ибо нѣтъ звѣна, которое бы соединяло интересы денежныхъ капиталовъ съ интересами поземельной собственности и которымъ бы могло служить учрежденіе залога. Конечно, отсутствіе связи между денежными капиталами и поземельною собственностію замѣняются отчасти тѣмъ, что сама казна предоставляетъ землевладѣльцамъ капиталы подъ залогъ ихъ имѣній,—одно изъ главныхъ назначеній государственныхъ кредитныхъ установленій и одна изъ важнѣйшихъ ихъ операцій — производство займа подъ залогъ населенныхъ имѣній (2), но только отчасти. Второе примѣ-

---

(1) Однакожъ это справедливо только по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ—домамъ (Св. Учр. и Уст. гос. кред. устан. ст. 526). *Изд.*

(2) И въ этомъ обстоятельствѣ заключается, быть можетъ, новая причина устраненія непотомственныхъ дворянъ, особенно капиталистовъ-купцовъ, отъ принятія въ залогъ населенныхъ имѣній: извѣстно, что денежные займы, оказываемые кредитными установленіями, доставляютъ имъ доходъ, на счетъ котораго содержатся различныя богоугодныя заведенія — такъ вотъ, чтобъ обезпечить кредитнымъ установленіямъ доходъ и тѣмъ дать имъ возможность содержать лежащія на попеченіи ихъ богоугодныя заведенія, законодательство устраняетъ отъ нихъ конкуренцію и средствомъ для этого избираетъ

неніе къ залогу ограниченія, полагаемаго естественно относительно отчужденія права, представляется въ томъ, что залогодателемъ, по опредѣленію нашего законодательства, можетъ быть только собственникъ закладываемаго имущества или его представитель (1), чѣмъ устраняется залогъ чужаго имущества даже и при согласіи на то его хозяина, залогъ, составляющій потребность развитаго юридическаго быта. Но въ то же время законодательство не запрещаетъ собственнику имущества обезпечивать имъ въ качествѣ залога обязательство другаго лица (2). И дѣйствительно бываетъ, что лицо представляетъ имущество въ залогъ или по своему договору, или въ обезпеченіе договора другаго лица: въ первомъ случаѣ должникъ и залогодатель одно и то же лицо, во второмъ это разныя лица. Участіе сторонняго лица въ договорѣ чрезъ посредство залога въ практикѣ совершается обыкновенно путемъ довѣренности: собственникъ имущества поручаетъ должнику представить его въ залогъ въ обезпеченіе его договора и уже должникъ представляетъ залогъ (3). Такъ соглашается въ практикѣ существующая потребность въ обезпеченіи договора чужимъ имуществомъ съ опредѣленіемъ законодательства, что только собственникъ имущества можетъ подвергать его залогу. Нельзя сказать однакоже, чтобъ такимъ путемъ эта потребность удовлетворялась вполнѣ и удобно: положеніе собственника закладываемаго имущества не одно и то же, представляетъ ли онъ залогъ по стороннему для него договору, или самъ должникъ представляетъ его имущество какъ чужой залогъ, а существенно различно: въ первомъ случаѣ хозяинъ залога непосредственно входитъ въ юридическія отношенія по договору, онъ представляетъ вѣрителю въ залогъ имущество, какъ обезпеченіе по договору; во второмъ же—хозяинъ залога

запрещеніе непотомственнымъ дворянамъ принимать въ залогъ населенныя имѣнія—средство довольно вѣрное, потому, какъ мы сказали, что капиталисты наши преимущественно купцы и лица недворянскаго сословія.

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1627, 1629.—(2) Тамъ же, ст. 1992.

(3) Но очевидно, что должникъ дѣйствуетъ тутъ лишь какъ повѣренный, представитель залогодателя, и не должно смѣшивать этой дѣятельности его съ дѣятельностью его какъ должника: должникъ представляетъ залогъ *не какъ должникъ*, а *какъ повѣренный стороняго лица*, которое и является *залогодателемъ*.

совершенно чуждъ договора, онъ даетъ только разрѣшеніе должнику на представленіе его имущества въ залогъ, но самъ не представляетъ залога. Законодательство дозволяетъ быть повѣреннымъ по представленію залога каждому лицу, безъ различія сословія, такъ что напр. и непотомственный дворянинъ можетъ получить довѣренность на представленіе въ залогъ населеннаго имѣнія (1). И дѣйствительно, населенныя имѣнія путемъ довѣренности, выдаваемой ихъ собственниками лицамъ торговаго класса, нерѣдко служатъ имъ залогами по договорамъ ихъ съ казною, въ особенности по договорамъ о винныхъ откупахъ. И такимъ образомъ выходитъ, что съ одной стороны капиталы торговаго сословія не находятся въ распоряженіи землевладѣльцевъ, такъ какъ населенныя имѣнія не могутъ служить обезпеченіемъ по сдѣлкамъ о купеческихъ капиталахъ; но съ другой стороны населенныя имѣнія находятся въ распоряженіи торговаго класса, какъ обезпеченія по сдѣлкамъ, заключаемымъ имъ съ казною.

§ 15.

ПРЕДМЕТЪ ЗАЛОГА.

Предметомъ залога служатъ имущества, всего чаще *вещи*. Всякаго рода вещи движимыя и недвижимыя могутъ служить залогомъ. Законное ограниченіе касается только св. иконъ: законодательство постановляетъ, что они не могутъ быть закладываемы, точно также, какъ не могутъ быть продаваемы съ публичнаго торга, но оклады и украшенія ихъ отдѣльно дозволяетъ употреблять на обезпеченіе договоровъ въ качествѣ залога (2). Законодательство упоминаетъ еще о запрещеніи закладывать казенныя вещи (3), но оно разумѣется само собою, такъ какъ казенная вещь не составляетъ собственности ея владѣльца и уже поэтому не можетъ быть заложена безъ дозволенія хозяина. Само собою разумѣется также, что крѣпостные люди безъ земли не могутъ слу-

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1305.

(2) Св. Зак. о Суд. Гражд. ср. ст. 2193—2194.—Въ практикѣ однакожъ, особенно по займамъ, оказываемымъ ростовщиками, закладываются и самыя иконы вмѣстѣ съ находящимися на нихъ дорогими окладами и украшеніями.

(3) Св. Зак. Гр. ст. 1664 п. 3.

жить обезпеченіемъ договоровъ въ качествѣ залога, потому что залогъ при неисправности должника подвергается продажѣ съ публичнаго торга, что по отношенію къ крѣпостнымъ людямъ безъ земли не допускается (1). Но и независимо отъ законныхъ ограниченій есть вещи, которыя обыкновенно не представляются въ залогъ: не всякая же вещь можетъ служить обезпеченіемъ, и вотъ вещи, подлежащія скорой и легкой порчѣ, также вещи ничтожныя по своей цѣнности въ дѣйствительности обыкновенно не закладываются. Съ другой стороны въ дѣйствительности случается, что закладывается не самая вещь, принадлежащая лицу, а закладывается актъ, свидѣтельствующій о правѣ лица на вещь. Не рѣдко напр. бываетъ, что хозяинъ дома въ обезпеченіе исправности по заключаемому имъ договору закладываетъ вѣрителю купчую крѣпость на домъ. Спрашивается, какое значеніе такого залога? Истинное значеніе залога то, что при неисправности должника заложенная вещь подвергается продажѣ и залогопринимать удовлетворяется изъ выручки. Но если закладывается купчая крѣпость на домъ, то уже ли это значитъ, что залогопринимать въ случаѣ неисправности должника можетъ продать ее? И кому же нужна купчая крѣпость, если съ нею не связано право на самое имущество, значущееся въ крѣпости? Но чтобъ связать съ залогомъ купчей крѣпости право на продажу дома, нужно заложить не купчую крѣпость, а самый домъ: акты на имущества составляютъ ихъ принадлежность, а не наоборотъ. Не имѣетъ ли, по крайней мѣрѣ, залогопринимать купчей крѣпости права требовать продажи дома со стороны самого хозяина? Но и такого права нѣтъ у залогопринимателя: напротивъ, домохозяинъ, заложивъ купчую крѣпость, въ правѣ заложить потомъ самый домъ другому лицу и въ случаѣ неисправности его домъ будетъ проданъ съ публичнаго торга и выручка пойдетъ на удовлетвореніе залогопринимателя дома. И такъ, какой же смыслъ въ залогѣ акта? Смыслъ тотъ, что закладываемый актъ поступаетъ въ руки залогопринимателя и онъ можетъ не выдавать его залогодателю до удовлетворенія по договору, а такъ какъ залогодатель часто нуждается въ актѣ, то, значитъ, для него есть побужденіе удовлетворить

---

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1397 п. 3, 4, и 1637.

залогопринимателя — вотъ въ этомъ-то и состоитъ обезпеченіе, доставляемое вѣрителю залогомъ акта. Но понятно, что значеніе такого залога совсѣмъ иное, нежели значеніе настоящаго залога, что залогъ акта только повидимому представляется залогомъ, на самомъ же дѣлѣ это только побудительная мѣра для должника къ удовлетворенію по договору, такъ что въ строгомъ юридическомъ смыслѣ о *залогѣ акта* даже нельзя говорить какъ о *залогѣ*.— Но не одни только имущества-вещи могутъ служить предметомъ залога: имъ могутъ быть и другія имущества. Такъ, *право на чужую вещь* можетъ быть предметомъ залога. Напр. лицу принадлежитъ право пользованія чужою вещію: понятно, что оно можетъ служитъ обезпеченіемъ договора въ качествѣ залога, точно также какъ и физическая вещь. И смыслъ этого залога будетъ тотъ же, что и смыслъ залога вещи: точно также при неисправности должника залогопринимать можетъ принять мѣры къ отчужденію права на чужую вещь и изъ выручки получить удовлетвореніе по договору (1). Справедливо, что не всякое право на чужую вещь способно служить обезпеченіемъ по договору въ качествѣ залога. Напр. право проѣзда черезъ дачу: кому оно можетъ быть отчуждено въ случаѣ неисправности должника, кто дастъ за него вознагражденіе, изъ котораго бы удовлетворился залогопринимать? И понятно, что вѣритель не приметъ въ залогъ право проѣзда чрезъ дачу. Но такое право не можетъ быть залогомъ только по отсутствію въ немъ интереса для всякаго другаго лица, кромѣ хозяина того поземельнаго участка, къ которому ведетъ полевая дорога, пролегающая по чужой дачѣ, а не по какому либо юридическому основанію: само по себѣ, юридически, и право проѣзда, какъ и каждое другое право на чужую вещь, можетъ быть предметомъ залога. Да притомъ же, и въ самомъ этомъ свойствѣ права на чужую вещь, что оно не всегда представляетъ интересъ для каждаго лица и потому не всегда можетъ служить предметомъ залога, нѣтъ ничего исключительнаго: и вещи, какъ мы видѣли, не всѣ служатъ предметомъ залога, а только вещи болѣе цѣнныя и не подлежащія легкому поврежденію.—Далѣе, обезпеченіемъ договора въ качествѣ залога можетъ

(1) *Wening-Ingenheim,* Lehrbuch d. gemein. Civilrechts (München, 1837), I, § 163.

служить *право на чужое дѣйствіе* (1). И дѣйствительно, въ практикѣ безпрестанно закладываются напр. заемныя письма, векселя, акціи торговыхъ компаній и т. п. (2). Спрашивается, какое значеніе залога права на чужое дѣйствіе? Сообразно существу права залога, должно бы ожидать, что значеніе залога долговаго акта заключается въ томъ, что залогопринимать въ случаѣ неисправности должника въ правѣ требовать продажи заложеннаго ему долговаго акта съ публичнаго торга и изъ выручки получить удовлетвореніе. Въ дѣйствительности однако залогъ долговаго акта, по самому существу своему, получаетъ нѣсколько иное значеніе. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что понятіе *о продажѣ* неприложимо къ долговому акту, а по отношенію къ нему можетъ имѣть мѣсто только *уступка права по акту*, слѣд. по самому существу предмета подъ рукою залогопринимателя право на продажу долговаго акта обращается въ право на его уступку. Но кромѣ того, нѣтъ никакой необходимости и въ томъ, чтобъ залогопринимать непремѣнно уступилъ заложенный ему долговой актъ какому либо другому лицу, а вмѣсто того залогопринимать можетъ удержать его за собою, ибо тутъ обстоятельства иныя, нежели при залогѣ вещи: выручка за продажу вещи болѣе или менѣе неопредѣ-

---

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1655.

(2) Кстати замѣтимъ, что у насъ нерѣдко государственныя кредитныя установленія считаются какъ бы складочными мѣстами для капиталовъ и кредитные билеты ихъ только свидѣтельствами вкладовъ. Но на дѣлѣ выходитъ иначе: кредитныя установленія, получая денежные вклады, платятъ на нихъ извѣстные проценты, обращаютъ на различныя операціи, напр. оказываютъ заемъ, и пріобрѣтаютъ чрезъ то извѣстныя выгоды, словомъ, кредитныя установленія оперируютъ чужими капиталами, такъ что вкладъ капитала въ кредитное установленіе представляется не *отдачею на сохраненіе*, а *займомъ*, и билетъ кредитнаго установленія не *свидѣтельство о храненіи въ немъ денегъ*, а *актъ займа*, то же, что заемное письмо. Особенность положенія кредитнаго установленія, какъ должника, только та, что обыкновенно должникъ ищетъ заимодавца, а по отношенію къ кредитному установленію выходитъ на оборотъ—заимодавецъ ищетъ должника; но существо юридическаго отношенія отъ того ни мало не измѣняется. Да и самое явленіе это, что заимодавецъ ищетъ должника—кредитное установленіе, далеко не исключительное: очень не рѣдко мелкіе капиталисты, желая помѣстить свои капиталы въ надежныя руки, сами обращаются къ знатнымъ торговымъ домамъ съ предложеніемъ займа.

лепна, а выручка за уступку долговаго акта заранѣе извѣстна – это нарицательная сумма долговаго акта съ расчетомъ процентовъ, которые насчитываются или вычитаются, смотря потому, наступилъ уже, или не наступилъ еще срокъ долговаго акта (1),—такъ что нѣтъ необходимости залогъ долговаго акта непремѣнно подвергать отчужденію. Поэтому въ дѣйствительности залогъ долговаго акта получаетъ то значеніе, что при неисправности должника заложенный долговой актъ переходитъ къ залогопринимателю, т. е. онъ пріобрѣтаетъ право по акту, принадлежавшее прежде закладчику (2), такъ что вслѣдствіе неисправности должника открывается цессія заложеннаго долговаго акта, сумма же долга по обезпечиваемому договору является какъ бы вознагражденіемъ за цессію, и если эта сумма менѣе суммы заложеннаго долговаго акта, то залогодатель имѣетъ еще право на дополнительное вознагражденіе со стороны залогопринимателя (3). Но разумѣется, что пріобрѣвши право по заложенному долговому акту, вѣрителъ можетъ потомъ уступить его и другому лицу, только что обязательство дополнительнаго удовлетворенія залогодателя, если только оно существуетъ для залогопринимателя, все таки лежитъ на немъ, а не

---

(1) Мы предполагаемъ, что долговой актъ надежный, напр. билетъ какого либо государственнаго кредитнаго учрежденія, или вексель какого либо извѣстнаго торговаго дома.

(2) Но конечно для этого нужна надпись залогодателя на долговомъ документѣ объ уступкѣ права по нему залогопринимателю, и въ иныхъ случаяхъ, именно въ случаяхъ представленія долговаго акта въ залогъ какому либо присутственному мѣсту, такая надпись на случай неисправности должника по обезпечиваемому договору дѣлается залогодателемъ уже при самомъ представленіи въ залогъ долговаго акта (Св. Зак. Гр. ст. 1657).

(3) И точно также, если заложенный долговой актъ подлежитъ такой же шаткости въ цѣнѣ, которая свойственна вещамъ, залогодатель въ правѣ требовать отъ залогопринимателя расчета по цѣнѣ, существующей въ срокъ обезпечиваемаго договора, а не по нарицательной цѣнѣ заложеннаго долговаго акта. Напр. заложена акція какой либо торговой компаніи, равная по суммѣ обезпечиваемому договору; извѣстно, что на акціи существуетъ курсъ, такъ что цѣна ихъ то повышается, то понижается: когда вслѣдствіе неисправности должника акція переходитъ къ залогопринимателю, а курсъ ея въ то время выше ея нарицательной цѣны, слѣд. и суммы обезпечиваемаго договора, залогодатель въ правѣ требовать отъ залогопринимателя возвращенія ему излишка.

переходитъ на тѣ лица, которыя впослѣдствіи пріобрѣтутъ долговой актъ и получатъ по нему удовлетвореніе.—Наконецъ, представляется еще вопросъ, можетъ ли быть предметомъ залога само *право залога?* Римское право знакомо съ *залогомъ залога* (pignus pignoris) и *залогомъ заложенной вещи* (pignus rei pignoratae). *Залогъ залога*—это залогъ права залога: залогопріниматель вступаетъ въ какой либо договоръ, по которому становится должникомъ, и обезпечиваетъ свою исправность принадлежащимъ ему правомъ залога (1). Если лицо пріобрѣло по договору какое-либо право на чужое дѣйствіе и это право обезпечено залогомъ, такъ что осуществленіе его становится достаточно надежнымъ, то понятно, что и самое право, дающее обезпеченіе, имѣетъ извѣстную цѣнность и въ свою очередь можетъ служить обезпеченіемъ договора въ качествѣ залога. Значеніе залога права залога по римскому праву въ сущности то же, что и значеніе залога вообще, только что тутъ особенно возможно разнообразіе юридическихъ отношеній и римское право подробно анализируетъ ихъ. Намъ нѣтъ повода пускаться въ подробный анализъ такихъ отношеній съ одной стороны потому, что въ законодательствѣ нашемъ и помина нѣтъ о залогѣ права залога, а съ другой потому, что и въ практикѣ нашей не встрѣчается отдѣльно залогъ права залога, а обыкновенно закладывается самая претензія, обезпеченная залогомъ. И значеніе такого залога то, что при неисправности залогодателя, вѣрителя по договору, обезпеченному залогомъ, право его вмѣстѣ съ правомъ залога переходитъ къ вѣрителю; въ случаѣ же наступленія срока долговаго акта, обезпеченнаго залогомъ, прежде наступленія срока договора, заключеннаго залогопринимателемъ, удовлетвореніе производится вѣрителю по второму договору и получаетъ въ его рукахъ значеніе заклада, замѣняющаго бывшую у него въ закладѣ долговую претензію. *Залогъ заложенной вещи* представляетъ залогъ чужой вещи, вещи залогодателя, произведенный съ его разрѣшенія залогопринимателемъ (2). Тутъ собственно нѣтъ залога права залога, а залогопріниматель, пользуясь предоставленнымъ ему залогодателемъ дозволеніемъ заложить вещь, находящуюся у него въ залогѣ, подчиняетъ свое право по

---

(1) *Puchta*, Pandect. (Leipzig, 1848) § 208.

(2) Тамъ же.

вещи новому праву залога, такъ что при неисправности того и другаго должника заложенная вещь идетъ сперва на удовлетвореніе втораго залогопринимателя. По первый договоръ можетъ прекратиться прежде, чѣмъ наступитъ срокъ второму договору: прекращается ли право залога прежде наступленія его срока? Напр. *A* заложилъ какую либо вещь *B* и потомъ разрѣшилъ ему заложить ее *C*, но срокъ договора между *A* и *B* положимъ 1 марта 1854 года, а срокъ договора между *B* и *C* 1 декабря 1854 года; 1 марта залогодатель удовлетворяетъ *B*: освобождается ли при этомъ залогъ? Если да, то чѣмъ же потомъ будетъ обезпечено требованіе *C* на *B*?—оно останется безъ обезпеченія. Но спрашивается, что значитъ дозволеніе залогодателя на дальнѣйшій залогъ вещи залогопринимателемъ: то ли же, какъ бы вовсе не было дозволенія, или вещь продолжаетъ служить обезпеченіемъ втораго договора и по прекращеніи перваго? Такъ какъ договоръ вообще обезпечивается противъ неисправности должника и залогъ, будучи однимъ изъ способовъ обезпеченія договора, точно также дается какъ защита противъ неисправности должника, то дозволеніе залогодателя на дальнѣйшій залогъ его вещи залогопринимателемъ естественно понимать именно въ томъ смыслѣ, что вещь должна служить обезпеченіемъ по второму договору даже и по прекращеніи перваго. Это положеніе, справедливое само въ себѣ, въ особенности справедливо по отношенію къ нашему юридическому быту: двойной залогъ одной и той же вещи по нашему законодательству не допускается (1), слѣд. собственно нельзя сказать даже, что дозволеніе залогодателя на дальнѣйшій залогъ вещи сохраняетъ силу и по удовлетвореніи перваго залогопринимателя, а нужно принять, что именно тогда только дозволеніе и получаетъ смыслъ. До того времени второй залогъ вещи недѣйствителенъ, а онъ получаетъ силу только высвободившись изъ рукъ перваго залогопринимателя, такъ что между первымъ и вторымъ залогопринимателями составляется собственно такой закладной договоръ: лицо обезпечиваетъ долгъ своему вѣрителю заложенною ему вещію, но такъ какъ въ настоящее время этотъ залогъ недѣйствителенъ, то лицо, съ дозволенія хозяина залога, обезпечиваетъ имъ долгъ въ случаѣ, если залогъ высвободится. Но ни-

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1630, 1664.

какъ не должно думать, что въ предоставленіи залога второму залогопринимателю содержится отреченіе перваго залогопринимателя отъ обезпеченія договора залогомъ, не должно полагать, будто залогопринниматель, испрашивая дозволеніе залогодателя употребить залогъ на обезпеченіе его долга другому лицу, тѣмъ отказывается отъ принадлежащаго ему права залога по вещи и принимаетъ ее для того, чтобъ вручить какѣ залогъ своему вѣрителю. Въ дѣйствительности случается также, что закладывается закладной актъ, подобно тому, какъ закладывается купчая крѣпость; но и здѣсь, точно также какъ при закладѣ купчей крѣпости, не только нѣтъ залога заложенной вещи, а даже вовсе нѣтъ залога и вся обезпечивающая сила такого дѣйствія состоитъ въ томъ, что рано или поздно залогодателю закладнаго акта придется выручить его. Но заложенная вещь дѣйствительно можетъ сдѣлаться предметомъ новаго залога еще въ томъ смыслѣ, что самъ залогодатель, заложивъ ее сначала одному лицу, заложитъ потомъ еще другому лицу: именно это возможно тогда, когда сумма перваго договора, обезпеченнаго залогомъ, далеко уступаетъ цѣнности заложенной вещи, такъ что за покрытіемъ его часть цѣнности вещи остается еще свободною. Напр. закладывается имущество по займу въ 1000 р., тогда какъ имущество стоитъ 10,000 р.: очевидно, что тѣмъ же самымъ имуществомъ можно обезпечить еще другой договоръ или даже нѣсколько договоровъ, лишь бы сумма ихъ не превышала цѣнности свободной части имущества (9000 р.). Но такого рода залоги нашимъ законодательствомъ запрещаются: основное положеніе его относительно залога то, что заложенная вещь не можетъ идти на обезпеченіе дальнѣйшаго обязательства (1). По исключенію однакожъ и наше законодательство допускаетъ такого рода залоги, именно по договорамъ частныхъ лицъ съ казною. Напр. представляется въ казну залогъ цѣнностію въ 10,000 р., тогда какъ обязательство должника по договору простирается только на сумму до 9000 р. и слѣд. требуется отъ него залогъ только въ 3000 р.: тотъ же залогъ на 7000 р. принимается въ залогъ и по другому договору (2). Очевидно, что допуская тутъ дальнѣйшій залогъ вещи, законодательство раздѣляетъ то воззрѣніе, что вещь со-

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1630, 1664.

(2) Тамъ же, ст. 1837.

стоитъ какъ бы изъ нѣсколькихъ частей и только одна часть его заложена, а другія свободны. Но это воззрѣніе справедливо и по отношенію ко всякому другому залогу—не только по отношенію къ залогу, представляемому казнѣ,—когда цѣнность заложенной вещи превышаетъ сумму обязательства, обезпеченнаго залогомъ; а между тѣмъ, кромѣ указаннаго исключенія, дальнѣйшій залогъ вещи залогодателемъ у насъ безусловно запрещается.

§ 16.

ИСТОЧНИКИ ЗАЛОГА.

Источникомъ права залога всего чаще служитъ *договоръ* и, какжется, по мысли нашего законодательства онъ составляетъ даже нормальное основаніе залога. Договоръ этотъ не имѣетъ на нашемъ языкѣ особаго названія, но можно назвать его именно *закладнымъ договоромъ*, соотвѣтственно латинскому contractus pignoratitius и нѣмецкому Pfandcontract. Но договоръ не единственный источникъ права залога: оно можетъ вытекать и дѣйствительно вытекаетъ и изъ другихъ источниковъ, даже въ нашемъ юридическомъ быту, хотя, какъ мы сказали, договоръ и служитъ у насъ нормальнымъ источникомъ юридическихъ отношеній по залогу. Такъ: 1) *законъ* служитъ иногда источникомъ права залога, такъ что лицу принадлежитъ право залога на имущество другаго лица непосредственно на основаніи закона. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ *законные залоги* (pignora legalia) чрезвычайно развиты, напр. въ римскомъ, французскомъ, прусскомъ. Такъ по самому закону предоставляется, напр., право залога женѣ на имущество мужа въ обезпеченіе приданаго, поступившаго отъ нея въ его распоряженіе, дѣтямъ—на имущество родителя, вступившаго во второй бракъ, въ обезпеченіе ихъ имущества, состоящаго въ его распоряженіи; опекаемому—на имущество опекуна и т. д. (1). Но нашему юридическому быту неизвѣстны законные залоги. Хотя въ законодательствѣ нашемъ и нерѣдко встрѣчается указаніе на *обезпеченіе права имуществомъ должника* (2), но это обезпеченіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно опредѣляется законодательствомъ, не имѣетъ значенія

(1) *Wening-Ingenheim*, Lehrb. d. gem. Civilrts, I, 168; Cod. civ. art. 2121.
(2) Св. Зак. Гр. ст. 1098, 1992; Св. Зак. о Суд. Гр. ст. 1078, 1813.

залога, потому что для залога существенно, чтобъ въ случаѣ неисправности должника заложенная вещь была употреблена на удовлетвореніе вѣрителя посредствомъ продажи съ публичнаго торга, существенно, чтобъ залогъ исключительно служилъ вѣрителю, или по крайней мѣрѣ преимущественно ему, а другимъ лицамъ уже только по удовлетвореніи его: въ случаяхъ же, въ которыхъ законодательство допускаетъ обезпеченіе права вѣрителя независимо отъ всякаго договора, порядокъ, установленный относительно залога, не соблюдается и обезпеченіе, полагаемое закономъ, не даетъ вѣрителю даже преимущественнаго права на удовлетвореніе, не говоря уже объ исключительномъ. Напр. наше законодательство обезпечиваетъ внутренніе государственные займы всѣмъ государственнымъ достояніемъ (1); но это не значитъ, что каждый предъявитель государственной облигаціи является залогопринимателемъ въ отношеніи къ государству, что существуетъ какой либо законный залогъ, что вслѣдствіе того государство не въ правѣ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, что при неисправности его предъявитель облигаціи въ правѣ требовать публичной продажи того или другаго имущества казны и изъ выручки получить удовлетвореніе, какъ этого въ правѣ требовать дѣйствительный залогопринимать. Обезпеченіе здѣсь имѣетъ лишь смыслъ указанія на то, что государство приметъ мѣры къ удовлетворенію по облигаціи изъ своего имущества. Тотъ же смыслъ и въ томъ общемъ опредѣленіи законодательства, что имущество должника служитъ обезпеченіемъ вѣрителю (2): это значитъ, что при неисправности должника будутъ приняты мѣры взысканія и его имущество пойдетъ на удовлетвореніе вѣрителя. Вотъ почему и фраза, нерѣдко встрѣчающаяся въ договорахъ, что должникъ обезпечиваетъ свою исправность по договору всѣмъ принадлежащимъ ему имуществомъ, въ сущности остается фразою, не предоставляя вѣрителю никакого особеннаго обезпеченія, всего менѣе права залога: она служитъ только указаніемъ, что въ случаѣ надобности имущество должника пойдетъ на удовлетвореніе вѣрителя, но это разумѣется уже само собою. Далѣе, съ законнымъ залогомъ не должно

---

(1) О чемъ и говорится на оборотѣ каждаго кредитнаго билета.

(2) Св. Зак. о Суд. Гр. ст. 57—60. 71.

смѣшивать залога безмолвнаго (pignus tacitum), т. е. установляемаго по безмолвному соглашенію контрагентовъ. Безмолвный залогъ возможенъ и у насъ при извѣстномъ предположеніи, но только относительно имущества движимаго, ибо относительно недвижимаго имущества залогъ необходимо установляется въ опредѣленной формѣ (1). Наконецъ, съ законнымъ залогомъ не должно смѣшивать также исключительнаго и преимущественнаго права, предоставляемаго иногда законодательствомъ извѣстному лицу относительно какого либо имущества другаго лица при его несостоятельности или по поводу какого либо другаго обстоятельства, такъ что имущество это служитъ къ удовлетворенію другихъ вѣрителей уже по удовлетвореніи лица, которому предоставляется преимущество (2). Такъ напр. по французскому праву предоставляется привилегія домохозяину относительно мебели квартиранта, землевладѣльцу относительно имущества фермера и т. д. (3). И точно также по нашему праву при несостоятельности должника одни кредиторы удовлетворяются преимущественно предъ другими, напр. домашніе служители, поставщики съѣстныхъ припасовъ и т. д. (4). Но такое преимущество не составляетъ законнаго залога: хозяинъ имущества не ограничивается въ его распоряженіи, а преимущество только и имѣетъ то значеніе, что лицо, которому оно предоставляется, при несостоятельности должника удовлетворяется преимущественно предъ другими кредиторами. 2) Источникомъ права залога служитъ иногда *опредѣленіе суда*—бываютъ *залоги судебные* (pignora judicilia). Случается и въ нашей практикѣ, что по опредѣленію суда въ обезпеченіе какого либо взысканія съ лица налагается на имущество его *запрещеніе* или *арестъ*. Напр. лицу приходится получить изъ судебнаго мѣста 1000 р., но въ томъ же судѣ у лица производится дѣло, по которому оно является отвѣтчикомъ, и истецъ

---

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1642, 1643.

(2) На Французскомъ юридическомъ языкѣ такое преимущество называется *привилегіею* (privilège), и юристы большею частію разсматриваютъ эти привилегіи, по сродству учрежденій, совокупно съ правомъ залога, такъ что во Французской юридической литературѣ есть много сочиненій, носящихъ заглавіе «de privilèges et hypothéques».

(3) Cod. civ. art. 2100—2105.

(4) Уст. торг. ст. 1977, 1978.

проситъ наложить арестъ на эти 1000 р.: судъ обыкновенно признаетъ такую просьбу уважительною. Но это только ограниченіе собственника въ распоряженіи его имуществомъ, а не залогъ, потому что не даетъ лицу, по просьбѣ котораго налагается арестъ, никакого преимущества предъ другими вѣрителями. 3) Наконецъ, источникомъ права залога можетъ быть *духовное завѣщаніе:* напр. римское право прямо указываетъ на это (1). И по нашему праву нѣтъ никакого препятствія лицу распорядиться въ духовномъ завѣщаніи, чтобъ извѣстное имущество его служило такому-то его вѣрителю обезпеченіемъ въ качествѣ залога: понятно, что такое распоряженіе не представляетъ въ себѣ ничего незаконнаго и совершенно соотвѣтствуетъ встрѣчающимся житейскимъ отношеніямъ. Но противъ римскаго по нашему праву представляется та особенность, что тамъ немедленно установляется право залога, какъ скоро духовное завѣщаніе получаетъ законную силу, у насъ же непосредственное право залога по завѣщанію подлежитъ сомнѣнію. Если духовное завѣщаніе надлежащимъ образомъ засвидѣтельствовано и вступило въ законную силу, то нельзя, чтобъ судебное мѣсто не признало право залога, только что судебное мѣсто по просьбѣ вѣрителя потребуетъ, вѣроятно, совершенія закладнаго акта, но тогда уже право залога сводится не къ завѣщанію, а къ договору.

И такъ, если и не исключительнымъ, то самымъ обыкновеннымъ, можно сказать даже нормальнымъ источникомъ права залога въ нашемъ юридическомъ быту представляется закладной договоръ. Рѣдко онъ заключается отдѣльно, а большею частію сливается съ обезпечиваемымъ имъ договоромъ. Но при этомъ сліяніи, по важности права, установляемаго закладнымъ договоромъ, онъ не смотря на свое второстепенное, принадлежностное значеніе, выступаетъ на первый планъ, а главный договоръ является уже на второмъ, какъ основаніе, по которому установляется право залога: «*заложилъ я такому-то лицу такое-то, принадлежащее мнѣ имущество, въ обезпеченіе такой-то суммы, которою я состою должнымъ ему по займу*»—такъ обыкновенно пишется въ закладномъ актѣ. Нѣтъ препятствія однакоже заключить закладной договоръ и отдѣльно отъ договора, обезпечиваемаго залогомъ, и въ

(1) *Puchta*, Curs. d. Inst. § 250 (II, 753).

иныхъ случаяхъ отдѣльное заключеніе закладнаго договора даже необходимо. Напр. договоръ въ началѣ не обезпечивается залогомъ, а впослѣдствіи должникъ представляетъ залогъ: очевидно, что здѣсь необходимо совершить особый актъ о залогѣ. Но во всякомъ случаѣ, если представляется и одинъ актъ договора съ обезпеченіемъ его посредствомъ залога, то съ юридической точки зрѣнія большею частію въ этомъ актѣ представляется не одинъ, а два договора, ибо только очень рѣдко установленіе залога можно принять за одно изъ условій обезпечиваемаго договора. Точно также, если при сліяніи закладнаго договора съ договоромъ обезпечиваемымъ онъ и представляется въ закладномъ актѣ на первомъ планѣ, то съ юридической точки зрѣнія существо его отъ этого нисколько не измѣняется: все таки закладной договоръ остается только договоромъ дополнительнымъ, второстепеннымъ, а главнымъ договоромъ является договоръ, обезпечиваемый залогомъ. Совершеніе закладнаго договора различно, смотря по имуществу, представляемому въ залогъ. Относительно имущества недвижимаго закладной договоръ совершается крѣпостнымъ порядкомъ, пишется *закладная крѣпость* (1). Собственно говоря, крѣпостной порядокъ совершенія актовъ расчитанъ на сдѣлки о переходѣ права собственности по недвижимому имуществу, по закладному же договору не переходитъ право собственности и поэтому можно бы ожидать дозволенія совершать его и не крѣпостнымъ порядкомъ. Но по важности, какую приписываетъ наше законодательство недвижимому имуществу, оно опредѣляетъ, чтобъ и закладной договоръ относительно недвижимаго имущества совершался крѣпостнымъ порядкомъ. Ближе всего однако же опредѣленіе законодательства объясняется тѣмъ, что по древнему нашему праву залогъ представляется видомъ отчужденія, становится на одну доску съ куплею-продажею. Да и по современному праву онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ вести къ отчужденію: при неисправности должника заложенное имущество подвергается продажѣ, такъ что продажа составляетъ осуществленіе права залогопринимателя, а отчужденіе вытекаетъ обыкновенно непосредственно изъ права распоряженія, главнѣйшей составной части права собственности. Но могутъ возразить: пусть продажа и совер-

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1642, 1643.

шается крѣпостнымъ порядкомъ, а залогъ могъ бы совершаться и иначе. И такое возраженіе будетъ совершенно справедливо: въ настоящее время залогъ не только непосредственно, тотчасъ же, не составляетъ отчужденія, но не допускается и то, что допускалось еще въ прошедшемъ столѣтіи, не допускается условіе, чтобъ самая закладная при неисправности должника считалась за купчую (1), а требуется продажа съ публичнаго торга и совершеніе особаго акта объ отчужденіи—купчей крѣпости (2). Можно возразить также, что продажею при залогѣ осуществляется непосредственно не право собственника, а право залогопринимателя. Но именно потому, что въ правѣ залога лежитъ право отчужденія, законодательство, вѣрное своему историческому развитію, и въ залогѣ видитъ слѣдъ отчужденія и поэтому-то для установленія права залога по недвижимому имуществу требуетъ крѣпостной формы. Самая форма закладной крѣпости дана Сводомъ Гражданскихъ Законовъ (3) и сводится къ обезпеченію займа, хотя, какъ мы сказали уже, нѣтъ необходимости всегда держаться этой формы и практика напрасно считаетъ образецъ, представленный въ Сводѣ Законовъ обязательною формою закладной крѣпости для всѣхъ случаевъ залога. Договоръ о закладѣ движимаго имущества совершается явочнымъ порядкомъ, т. е. составляется самими контрагентами и свидѣтельствуется у маклера или у крѣпостныхъ дѣлъ (4). Законодательство опредѣляетъ также объ описи и опечатаніи имущества, отдаваемаго въ закладъ, въ предотвращеніе подлога и употребленія его со стороны залогопринимателя (5). Но это опредѣленіе можетъ быть и устранено по взаимному соглашенію контрагентовъ, что и бываетъ иногда въ дѣйствительности. Бываетъ также, и очень нерѣдко, что закладные договоры по движимому имуществу совершаются словесно и даже получаютъ иногда признаніе со стороны присутственныхъ мѣстъ, органовъ общественной власти; но всегда на признаніе ихъ расчитывать нельзя и легко можетъ быть, что въ иномъ случаѣ словесный закладной договоръ будетъ признанъ ничтожнымъ. Письменный договоръ о закладѣ также излагается обыкновенно въ видѣ заклада

---

(1) *Неволина*, Ист. Гр. Зак. III, § 448.—(2) Св. Зак. Гр. ст. 1505—1508; Св. Зак. о Суд. Гр. ст. 40, 2141.—(3) Св. Зак. Гр., прил. къ ст. 1643. (4) Тамъ же, ст. 1667—1669, 1672—1674.—(5) Тамъ же, ст. 1671.

по займу. Но если обезпеченіе договора залогомъ движимымъ, равно какъ и недвижимымъ, представляется лишь однимъ изъ условій обезпечиваемаго договора, то это условіе слѣдуетъ той формѣ, въ которой совершается обезпечиваемый договоръ. Это и видимъ напр. въ обезпечиваемыхъ залогомъ договорахъ частныхъ лицъ съ казною (1).

§ 17.

ДѢЙСТВІЕ ЗАЛОГА.

Говоря о дѣйствіи закладнаго договора или вообще о юридическихъ отношеніяхъ, возникающихъ по залогу, на какомъ бы основаніи онъ ни установился, прежде всего должно сказать, что залогъ, будучи однимъ изъ способовъ обезпеченія обязательства, раздѣляетъ общую судьбу и всѣхъ другихъ способовъ его обезпеченія и тогда только дѣйствителенъ, тогда только оказываетъ вліяніе на юридическія отношенія лицъ, прикосновенныхъ къ залогу, когда дѣйствительно обезпечиваемое имъ обязательство, въ противномъ случаѣ и залогъ недѣйствителенъ. Но къ сожалѣнію должно сознаться, что въ дѣйствительности залогъ нерѣдко служитъ обезпеченіемъ именно такимъ договорамъ, которые по закону недѣйствительны, по которымъ не допускается судебная защита, по которымъ поэтому исполненіе только и можно вынудить обезпеченіемъ, и именно обезпеченіемъ посредствомъ залога. По залогу возникаютъ *юридическія отношенія между залогопринимателемъ и залогодателемъ*, иногда же, именно въ томъ случаѣ, когда должникъ и залогодатель разныя лица, возникаютъ особыя *юридическія отношенія должника къ залогопринимателю и къ залогодателю. Право залогопринимателя*, ядро права залога, состоитъ въ правѣ требовать, при неисправности должника, продажи заложеннаго имущества съ публичнаго торга и изъ выручки получить удовлетвореніе (2). Исключе-

---

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1892, 1895—1899.

(2) Относительно залоговъ, обезпечивающихъ договоры частныхъ лицъ съ казною, постановляется однако же, что когда залогъ принадлежитъ не должнику, а стороннему лицу, то право залогопринимателя, казны, осуществляется лишь при недостаточности имущества самого должника, такъ что не прямо обращаются къ представленному залогу, а только при невозможности по-

ніе представляется лишь при залогѣ долговой претензіи, при которомъ, какъ мы видѣли, по самому существу дѣла, право продажи залога обращается въ право на уступку претензіи, публичная же продажа ея не производится. Но для осуществленія права залогопринимателя необходимо, чтобы право самого залогодателя по отчужденію имущества было ограничено. И вотъ, дѣйствительно, вслѣдствіе залога на имущество налагается *запрещеніе*, такъ что залогодатель ограничивается въ правѣ распоряженія имъ, не можетъ ни подвергнуть его отчужденію, ни заложить по другому договору (1). Но этотъ пріемъ совершенно достаточенъ и собствен-

---

лучить удовлетвореніе независимо отъ него (Св. Зак. Гр. ст. 1992). Такое опредѣленіе вызвано тѣмъ, что казна почти по всѣмъ своимъ договорамъ съ частными лицами требуетъ обезпеченія ихъ залогомъ; но контрагенты часто не въ состояніи представить свои залоги и представляютъ чужіе, а между тѣмъ, если бы казна слишкомъ легко обращала взысканіе на чужіе залоги, то въ лицахъ, не участвующихъ непосредственно въ договорахъ, охладѣла бы охота обезпечивать ихъ своими залогами и для казны заключеніе договоровъ было бы затруднительно: при существующемъ же опредѣленіи положеніе сторонннхъ залогодателей болѣе безопасно и казна находитъ болѣе лицъ, готовыхъ и имѣющихъ возможность заключать съ нею договоры. Впрочемъ на дѣлѣ, сравнительно, только рѣдко контрагенты доводятъ до обращенія на нихъ мѣръ взысканія. Но если приходится прибѣгнуть къ такимъ мѣрамъ, то казна - залогопринпматель рѣдко выжидаетъ результатовъ подробнаго изысканія объ имуществѣ самаго должника, а уже только по одному предположенію, что имущество должника недостаточно для покрытія его долговъ, обращается къ залогу. И такимъ образомъ практика не вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли законодателя.

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1647. Иногда налагается на недвижимое имущество запрещеніе уже при одномъ приготовленіи его къ залогу въ обезпеченіе договора. Именно при заключеніи договоровъ съ казною употребителенъ такой пріемъ: собственникъ недвижимаго имущества, желая обезпечить имъ договоръ съ казною, который онъ намѣренъ заключить съ нею самъ, или намѣрено заключить другое лицо, обращается къ Палатѣ Гражданскаго Суда съ просьбою о выдачѣ ему свидѣтельства на его имущество; Палата собираетъ о немъ подробныя свѣдѣнія отъ полиціи и сообразно имъ выдаетъ свидѣтельство, но въ то же время дѣлаетъ и распоряженіе о наложеніи запрещенія на имущество, такъ что когда оно принимается въ залогъ въ обезпеченіе договора, запрещеніе на него уже наложено и по поводу залога измѣняется собственно только основаніе запрещенія, т. е. дѣлается объявленіе въ *Сенатскихъ Вѣдомостяхъ*, что на такое-то недвижимое имущество налагается за-

но примѣняется только по отношенію къ имуществу недвижимому, отчужденіе котораго происходитъ при участіи общественной власти, посредствомъ совершенія крѣпостнаго акта, чему именно и препятствуетъ существованіе запрещенія, такъ что наложеніемъ его на заложенное недвижимое имущество права залогопринимателя совершенно обезпечиваются, тогда какъ для обезпеченія права залогопринимателя по залогу имущества движимаго, закладу, этотъ пріемъ оказался бы недостаточнымъ, ибо имущество движимое отчуждается безъ участія общественной власти, или и просто можетъ быть скрыто, такъ что осуществленіе права залогопринимателя можетъ быть затруднено или даже сдѣлано невозможнымъ. Поэтому-то при закладѣ движимаго имущества съ запрещеніемъ обыкновенно соединяется *арестъ*: заложенное имущество поступаетъ во владѣніе залогопринимателя, чѣмъ собственно и ограничивается хозяинъ заклада, съ другой же стороны обезпечивается право залогопринимателя, а запрещенія въ техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. объявленія въ сенатскихъ вѣдомостяхъ о наложеніи запрещенія на имущество по залогу по отношенію къ движимости не дѣлается (1). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ движимое имущество передается во владѣніе залогопринимателя лишь съ цѣлью обезпеченія его на случай неисправности должника, то оно представляется въ залогъ въ такомъ видѣ, чтобъ не могло служить какимъ либо другимъ цѣлямъ, напр. чтобъ не могло быть употребляемо: такъ, оно отдается залогопринимателю подъ замкомъ, или съ приложеніемъ печати, хотя конечно по довѣрію къ залогопринимателю залогодатель въ правѣ и не принимать никакихъ мѣръ къ предотвращенію употребленія вещи, противнаго ея назначенію, какъ заклада. При неисправности должника залогопринимать предъявляетъ долговое обязательство ко взысканію и требуетъ продажи заложеннаго имущества съ публичнаго торга. Но при залогѣ недвижимаго имущества продажѣ съ публичнаго торга предше-

---

прещеніе вслѣдствіе отдачи его въ залогъ по договору, заключенному такимъ-то лицомъ съ такимъ-то присутственнымъ мѣстомъ (Св. Зак. о Суд. Гр. ст. 1831).

(1) Св. Зак. Гр. ст. 1671. Конечно, по соглашенію между залогодателемъ и залогопринимателемъ заложенное имущество можетъ быть передано и въ сторонніе руки или даже можетъ быть оставлено и у залогодателя; но мы говоримъ только о нормальномъ послѣдствіи заклада.

ствуетъ еще вводъ залогопринимателя во владѣніе заложеннымъ имуществомъ. Ближайшимъ образомъ это объясняется исторически: по древнему праву, какъ уже не разъ было нами сказано, залогъ составлялъ видъ отчужденія, такъ что залогопринимать недвижимости, равно какъ и движимости, немедленно по установленіи права залога вступалъ во владѣніе заложеннымъ имуществомъ. Впослѣдствіи значеніе права залога измѣнилось: вѣритель началъ вступать во владѣніе заложеннымъ недвижимымъ имуществомъ только по просрочкѣ обязательства, для чего самая закладная крѣпость превращалась въ купчую (1). Наконецъ и это воззрѣніе измѣнилось: залогъ пересталъ считаться способомъ отчужденія имущества и заложенное имущество перестало дѣлаться собственностію залогопринимателя даже и по просрочкѣ обезпечиваемаго обязательства, и стала требоваться продажа залога съ публичнаго торга (2). Такъ и по современному законодательству. Но временный вводъ во владѣніе заложеннымъ имуществомъ сохранился и до настоящаго времени, какъ слѣдъ древняго воззрѣнія на залогъ. Но кромѣ того, можно привести въ пользу опредѣленія о вводѣ во временное владѣніе залогомъ еще и другое основаніе: естественно, что законодательство старается допустить продажу заложеннаго имущества только какъ крайность, заботится доставить залогодателю возможность выручить заложенное имущество удовлетвореніемъ вѣрителя, и вотъ оно установляетъ отсрочку (на годъ) для продажи имущества, а между тѣмъ, чтобъ и вѣритель не оставался безъ удовлетворенія въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, чтобъ и онъ извлекъ какую нибудь выгоду изъ залога, который въ рукахъ неисправнаго должника, пожалуй, можетъ и разстроиться, законодательство предоставляетъ ему право владѣнія заложеннымъ имуществомъ впредь до продажи его и вмѣстѣ право пользованія доставляемыми имъ доходами вмѣсто роста по обязательству (3). Впрочемъ это объясненіе нигдѣ въ законодательствѣ не высказано, а только имъ можно оправдывать разсматриваемое опредѣленіе. Но въ дѣйствительности оно представляетъ ту особен-

---

(1) *Неволина*, Ист. Рос. Гр. Зак. III, §§ 447, 448.—(2) Тамъ же, § 448, стр. 161—166.—(3) Св Зак. о Суд. Гр. ст. 30, 34, 38.

ность, что пользованіе залогомъ не соразмѣрно съ законнымъ ростомъ; можетъ случиться также, что залогопріниматель во время пользованія имуществомъ разстроитъ его; наконецъ, хлопотливо и то, что вѣритель принимаетъ имущество по описи и потомъ, при удовлетвореніи (со стороны ли должника, или со стороны покупщика имущества съ публичнаго торга), сдаетъ его также по описи, такъ что въ небольшое пространство времени приходится составлять двѣ описи недвижимому имуществу. По истеченіи годичнаго срока, если должникъ до того времени все-таки не произведетъ платежа, заложенное имущество подвергается продажѣ съ публичнаго торга и изъ выручки удовлетворяется залогопріниматель какъ въ капитальной суммѣ, такъ и во всѣхъ наращеніяхъ по обязательству, напр. въ процентахъ, неустойкѣ, если она была особо опредѣлена договоромъ, и т. п., но въ процентахъ только до времени ввода во владѣніе заложеннымъ имуществомъ, ибо съ этого времени, какъ сказано, пользованіе имуществомъ замѣняетъ ростъ по обязательству. Излишекъ возвращается залогодателю (1). Если же цѣна продажи оказывается менѣе долговой суммы, то залогопріниматели предоставляется пріобрѣсти заложенное имущество въ собственность, или довольствоваться меньшимъ удовлетвореніемъ: во всякомъ случаѣ онъ не имѣетъ права на дополнительное удовлетвореніе изъ другаго имущества должника (2). При многочисленности долговъ лица обязаннаго, при недостаточности его имущества для полнаго ихъ удовлетворенія, это опредѣленіе, конечно, справедливо Но оно оказывается несправедливымъ, когда нѣтъ другихъ долговъ, или когда имущество должника все-таки достаточно для покрытія ихъ. Конечно, по нашему мнѣнію, это опредѣленіе такого рода, что оно можетъ быть устранено соглашеніемъ контрагентовъ; но не такъ, по крайней мѣрѣ не всегда такъ, понимается оно въ практикѣ. И вотъ залогопріниматели заботятся, чтобъ имущество, принимаемое въ залогъ, по цѣнѣ своей никакъ не было ниже долговой суммы, и обыкновенно залоги далеко превышаютъ долговую сумму. При залогѣ движимаго имущества, закладѣ, въ нормальномъ случаѣ, какъ уже сказано, при самомъ установленіи

---

(1) Св. Зак. о Суд. Гр. ст. 30, 34, 38.

(2) Тамъ же, ст. 2149, 2155.

права залога имущество это поступаетъ во владѣніе залогопринимателя, только что значеніе владѣнія при закладѣ иное, нежели владѣніе при залогѣ имущества недвижимаго: владѣніе закладомъ, безъ особаго о томъ соглашенія контрагентовъ, никогда не соединяется съ правомъ пользованія. При неисправности должника относительно движимаго залога принимаются въ сущности тѣ же мѣры, какія принимаются въ подобномъ случаѣ и относительно залога недвижимаго, равно какъ и послѣдствія публичной продажи одинаковы (1). Но относительно движимаго имущества между контрагентами и заранѣе можетъ состояться соглашеніе, по которому при неисправности должника закладъ немедленно поступаетъ въ собственность вѣрителя взамѣнъ удовлетворенія по обязательству, или такое соглашеніе, что залогопринимателю предоставляется продать закладъ и получить удовлетвореніе изъ выручки, такъ что публичная продажа можетъ быть устранена. Дѣйствительно, обезпеченіе долговаго обязательства закладомъ встрѣчается въ практикѣ чрезвычайно часто, но сравнительно рѣдко доходитъ дѣло до продажи его съ публичнаго торга, а большею частію залогопринимать выговариваетъ право въ случаѣ неисправности должника удержать закладъ за собою, или продать его самому и изъ выручки получить удовлетвореніе, излишекъ же возвратить вѣрителю. Но послѣдствія такого соглашенія вредны и тягостны для должника, потому что залогъ всегда почти далеко превышаетъ сумму обезпечиваемаго обязательства, а нужда, крайность принуждаютъ соглашаться и на тягостныя условія. Вотъ почему римское право, допускавшее столько простора самодѣятельности гражданъ, запрещало однако же такъ называемый lex commissoria, т. е. такое условіе при закладѣ, по которому при неисправности должника заложенное имущество становится собственностію залогопринимателя (2). Это запрещеніе существуетъ и во многихъ другихъ законодательствахъ, заимствовавшихъ свои опредѣленія изъ римскаго права. Оно извѣстно напр. и *Литовскому Статуту*, гдѣ утрата заклада по неисправности должника, и именно обращеніе его въ собственность вѣрителя называется *упадомъ* (3).

(1) Св. Зак. о Суд. Гр. ст. 49—54.

(2) *Wening - Ingenheim*, Civilrecht, I, § 173.

(3) Лит. Стат. Разд. VII, арт. 27.

Право залогодателя состоитъ въ правѣ на освобожденіе залога по исполненіи договора, имъ обезпечиваемаго. При залогѣ имущества недвижимаго это право состоитъ собственно въ томъ, что залогодатель можетъ требовать отъ должника выдачи закладнаго акта и росписки въ полученіи платежа по обязательству, а за тѣмъ уже самъ залогодатель долженъ представить закладной актъ съ росписью вѣрителя Палатѣ Гражданскаго Суда и просить ее *о снятіи запрещенія* съ заложеннаго имущества (1). При залогѣ имущества движимаго, которое обыкновенно находится въ рукахъ залогопринимателя, залогодатель въ правѣ требовать отъ него возвращенія заклада, а также и выдачи закладнаго акта съ росписью въ полученіи платежа (2). Но во многихъ случаяхъ исполненіе договора происходитъ постепенно, или бываетъ, что договоръ исполняется только отчасти, и вотъ представляется весьма важный вопросъ о постепенномъ освобожденіи залога. Напр. лицо заняло подъ залогъ недвижимаго имущества, населеннаго 500 душъ, 100.000 р.; въ срокъ обязательства должникъ уплачиваетъ половину долга: спрашивается, имѣетъ ли онъ право требовать освобожденія половины залога? Намъ кажется, въ этомъ должно отказать залогодателю, потому что право залога представляется единымъ цѣлымъ, такъ что нельзя допустить его раздробленія. Въ нашемъ примѣрѣ, если 100.000 р. обезпечены населеннымъ имѣніемъ въ 500 душъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что половина долга обезпечена 250 душъ—это было бы совершенно произвольное предположеніе,—а весь долгъ обезпеченъ всѣмъ залогомъ. Другое дѣло, если есть на то согласіе залогопринимателя, но мы говоримъ о правѣ залогодателя, основывающемся на самомъ существѣ права залога или его источника—закладнаго договора, независимо отъ какого либо случайнаго соглашенія контрагентовъ, т. е. такого, которое можетъ быть и не быть въ договорѣ. Такимъ-только согласіемъ залогопринимателя и можно объяснить постепенное освобожденіе залоговъ, нерѣдко встрѣчающееся при обезпечиваемыхъ ими договорахъ частныхъ лицъ съ казною. По казеннымъ подря-

(1) Св. Зак. Гр., ст. 1650—1652.—(2) Тамъ же, ст. 1676. Но конечно, если по особому соглашенію контрагентовъ закладъ оставался въ рукахъ залогодателя, то о возвращеніи его не можетъ быть рѣчи, а залогодатель только не подлежитъ болѣе ограниченію въ распоряженіи закладомъ.

дамъ и поставкамъ очень часто приходится производить исполненіе не разомъ, а постепенно, иногда въ нѣсколько сроковъ, раздѣляемыхъ болѣе или менѣе значительными промежутками времени; бываетъ, напр., что заключается договоръ на четыре года съ условіемъ совершать ежегодно извѣстную часть дѣйствія, составляющаго предметъ договора: по мѣрѣ исполненія договора казна допускаетъ и постепенное освобожденіе залога (1). Такъ, положимъ, заключенъ договоръ поставки на 120.000 р. и въ обезпеченіе исправности поставщика представленъ залогъ въ 40.000 р.: когда поставщикъ поставитъ условленнаго товара на 60.000 р. и за тѣмъ остается должнымъ поставкою еще на такую же сумму, то хотя и весь залогъ менѣе этой суммы, составляетъ всего 40.000 р., но присутственное мѣсто, заключившее договоръ, тѣмъ не менѣе освободитъ половину залога, имѣя въ виду, что по опредѣленію законодательства залогъ долженъ составлять третью часть цѣны казеннаго подряда или поставки (2). Видъ постепеннаго освобожденія залога составляетъ также и такъ называемый *перезалогъ* въ кредитномъ установленіи. Кредитное установленіе, оказывая заемъ подъ залогъ недвижимаго имущества, заключаетъ договоръ обыкновенно съ условіемъ ежегоднаго платежа извѣстнаго процента съ занятой суммы на погашеніе долга, такъ что долгъ уплачивается не по истеченіи срока займа, а ежегодно и мало по малу къ сроку займа оказывается уже уплаченнымъ (3). Конечно, тогда и залогъ освобождается. Но справедливо также и то, что гораздо прежде истеченія срока займа залогъ уже значительно превышаетъ сумму долга, имъ обезпечиваемаго. Напр. заложено въ кредитномъ установленіи недвижимое имущество, населенное ста ревизскими душами, и за каждую душу получено 80 р., значитъ всего 8000 р., заемъ заключенъ на 28 лѣтъ: по истеченіи 15 лѣтъ отъ заключенія договора собственникъ имѣнія долженъ кредитному установленію уже не 8000 р., а менѣе 4000 р., между тѣмъ все имѣніе остается въ залогѣ. И вотъ законодательство опредѣляетъ, что собственникъ имущества, заложеннаго въ кредитномъ установленіи, до истеченія

---

(1) Св. Зак. Гражд., ст. 1837.
(2) Тамъ же, ст. 1833.
(3) Св. учр. и уст. гос. кред. уст. ст. 444, 445.

срока заёма можетъ произвести *перезалогъ* (1). Это значитъ, что соразмѣрно погашенной части долга допускается и освобожденіе части залога съ правомъ снова сдѣлать заемъ въ кредитномъ установленіи подъ залогъ этой части. И такъ въ нашемъ примѣрѣ, когда долгу остается только 4000 р., для обезпеченія которыхъ достаточно 50 душъ залога, другія 50 душъ снова могутъ быть употреблены на обезпеченіе заёма. Но въ дѣйствительности эта операція совершается не въ такомъ видѣ, чтобъ одна часть имущества признавалась освободившеюся изъ залога, а другая бы оставалась въ залогѣ, потому что по существу своему право залога представляется нераздѣльнымъ, и въ практическомъ отношеніи рискливо раздѣлять его (которыя же напр. 50 душъ оставить въ залогѣ, которыя высвободить?). А въ дѣйствительности операція совершается такъ, что снова производится залогъ всего имущества (перезалогъ), но собственнику его при перезалогѣ не выдается вся сумма, слѣдующая по займу, а изъ нея вычитается остатокъ прежняго долга, т. е. неуплаченная еще часть его, премія въ пользу кредитнаго установленія (оно считаетъ слѣдов. высвобожденіе залога за уступку съ своей стороны залогодателю и требуетъ за то вознагражденія, процентъ съ занимаемой суммы), взыскивается штрафный ростъ и т. д. (2). Очевидно отсюда, что перезалогъ возможенъ только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ заключенія заёма, ибо въ первые годы уплачивается только весьма незначительная часть долга и вмѣстѣ съ тѣмъ высвобождается только весьма незначительная часть залога, такъ что уже премія поглотитъ почти всю сумму, которая причтется по перезалогу, но кромѣ того необходимы еще различныя издержки, напр. на напечатаніе объявленій о снятіи запрещенія и вторичномъ его наложеніи и т. п. Все это дѣлаетъ перезалогъ довольно раззорительнымъ, особенно во время близкое къ первому залогу, и потому правительство допускаетъ его съ большою разборчивостью, только по особеннымъ уважительнымъ обстоятельствамъ. Но какъ бы ни производился перезалогъ, при какихъ бы условіяхъ онъ ни допускался, съ юридической точки зрѣнія онъ представляетъ только залогъ части заложеннаго иму-

---

(1) Уст. Кредитн., ст. 359.

(2) Тамъ же, ст. 359—363.

щества, высвободившейся изъ залога вслѣдствіе уплаты соотвѣтственной части долга, и самое высвобожденіе залога признается только по особому согласію на то кредитнаго установленія, какъ залогопринимателя, а независимо отъ такого согласія у залогодателя нѣтъ права на постепенное освобожденіе залога по мѣрѣ исполненія обязательства, ибо право залога, повторяемъ, едино и нельзя дробить его.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда залогодателемъ является не самъ должникъ, а стороннее лицо, какъ уже сказано, возникаютъ также *юридическія отношенія между залогодателемъ и должникомъ*. Существо ихъ состоитъ въ томъ, что залогодатель въ правѣ требовать отъ должника исполненія всѣхъ тѣхъ обязательствъ, которыя онъ принялъ на себя: такъ, быть-можетъ, должникъ обязался вознаградить залогодателя за представленіе залога. Или даже и независимо отъ особаго соглашенія должникъ обязанъ вознаградить залогодателя за всѣ убытки, наступающіе для него при неисправности его по договору (1). Но съ другой стороны и должникъ, если стороннее лицо обязалось обезпечить долгъ его своимъ имуществомъ, въ правѣ требовать отъ него, чтобы залогъ дѣйствительно былъ представленъ и соотвѣтствовалъ условіямъ договора, заключеннаго между нимъ и стороннимъ лицомъ.

§ 18.

ПРЕКРАЩЕНІЕ ЗАЛОГА.

Намъ остается сказать о прекращеніи права залога, или лучше о прекращеніи обыкновеннаго источника его—закладнаго договора. Но мы скажемъ въ особенности только о двухъ способахъ—о прекращеніи закладнаго договора *по прекращенію договора обезпечиваемаго* и о прекращеніи его *по давности*, такъ какъ другіе способы прекращенія права залога, напр. прекращеніе *по соглашенію контрагентовъ*, *по уничтоженію имущества, бывшаго въ залогѣ*, и т. п. не представляютъ ничего особеннаго. И такъ, что касается до прекращенія закладнаго договора *по прекращенію договора, обезпечиваемаго залогомъ*, то оно наступаетъ для заклад-

(1) Св. Зак. Гр. ср. ст. 1561, 1966, 1967, 1995—1999.

наго договора по самому существу его, какъ договора второстепеннаго, имѣющаго значеніе только при существованіи главнаго договора (1). Но на оборотъ, прекращеніе закладнаго договора, напр. по соглашенію контрагентовъ, не влечетъ за собою прекращенія договора обезпечиваемаго, развѣ въ отдѣльномъ случаѣ способъ прекращенія закладнаго договора содержитъ въ себѣ безмолвное соглашеніе и на счетъ прекращенія договора обезпечиваемаго. Напр. заемъ обезпечивается закладомъ и постановляется, что въ случаѣ неисправности должника залогопріниматель можетъ оставить закладъ за собою, должникъ дѣйствительно оказывается неисправнымъ, но залогопріниматель, вмѣсто того, чтобъ обратить закладъ въ свою собственность, возвращаетъ его залогодателю: здѣсь возвращеніе вещи, прекращеніе закладнаго договора, дѣйствительно можно понимать какъ прощеніе долга, какъ прекращеніе и самаго договора обезпечиваемаго.—По отношенію къ вопросу *о значеніи давности для прекращенія закладнаго договора* должно различать два случая: заключается ли онъ одновременно съ главнымъ договоромъ, или впослѣдствіи, хотя и оба случая разрѣшаются одинаково. Когда закладной договоръ заключается одновременно съ договоромъ обезпечиваемымъ, то давность не можетъ поразить закладной договоръ въ отдѣльности, не поражая договора обезпечиваемаго, и наоборотъ. Но закладной договоръ можетъ быть заключенъ и впослѣдствіи, такъ что давность можетъ коснуться прежде обезпечиваемаго договора, и возникаетъ вопросъ, поражаетъ ли тогда она вмѣстѣ и закладной договоръ? По общему положенію, что закладной договоръ, какъ договоръ дополнительный, прекращается съ прекращеніемъ главнаго договора, это должно бы допустить несомнѣнно. Но представляется нѣкоторое соображеніе, дѣлающее такое рѣшеніе вопроса сомнительнымъ, именно то соображеніе, что прекращеніе договора по давности не составляетъ удовлетворенія вѣрителя, что вѣритель, имѣя въ рукахъ своихъ залогъ, или по крайней мѣрѣ имѣя за собою право залога, можетъ считать себя болѣе обезпеченнымъ, нежели другіе вѣрители, и потому можетъ не слишкомъ дорожить устраненіемъ давности отъ обезпечиваемаго договора. Однакожъ соображеніе это нисколько не можетъ ослабить того основнаго положенія, что до-

(1) *Wening-Ingenheim*, Civilrecht, I, § 186.

говоръ обезпечивающій, какъ дополнительный, не существуетъ съ прекращеніемъ главнаго договора: неудобомыслимо обезпеченіе того, что не существуетъ, залогъ же только и имѣетъ значеніе обезпеченія главнаго договора, и притомъ, онъ не есть также обезпеченіе на случай прекращенія главнаго договора безъ удовлетворенія вѣрителя, а только обезпеченіе на случай неисправности должника по главному договору, но какъ скоро главный договоръ прекращается, то нѣтъ болѣе должника, не можетъ обнаружиться и неисправность по договору. Поэтому, какъ ни кажется благовиднымъ признать продолженіе существованія закладнаго договора, все-таки этого нельзя признать, а должно принять, что съ прекращеніемъ обезпечиваемаго договора по давности прекращается и право залога, такъ что, если заложенное имущество находится въ рукахъ вѣрителя, залогодатель въ правѣ потребовать его обратно (1). Но представляется еще вопросъ, прекращается ли закладной договоръ по давности, когда договоръ обезпечиваемый продолжаетъ существовать? Возьмемъ такой случай: заключается договоръ и обезпечивается залогомъ, по обоимъ договорамъ течетъ давностный срокъ, но его теченіе по отношенію къ обезпечиваемому договору, и только по отношенію къ нему, прерывается—вѣритель совершаетъ какое либо дѣйствіе, нарушающее теченіе давности, но это дѣйствіе не касается закладнаго договора, напр. вѣритель требуетъ отъ должника платежа по договору, не упоминая объ обезпеченіи его залогомъ,—такъ что для обезпечиваемаго договора давностный срокъ начинается снова, а между тѣмъ для закладнаго договора онъ уже истекаетъ: спрашивается, прекращается ли закладной договоръ при цѣлости и невредимости главнаго договора? По нашему мнѣнію прекращенія его нельзя признать, потому что закладной договоръ состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ договоромъ обезпечиваемымъ, потому что установленіемъ залога дается направленіе самому взысканію по договору, такъ что если напр. требуется удовлетвореніе по обезпечиваемому договору, то въ этомъ требованіи само собою содержится и обращеніе взысканія на залогъ, развѣ въ отдѣльномъ случаѣ такое предположеніе будетъ устранено особою оговоркою со стороны залогопринимателя (2).

(1) Ср. *Savigny*, System, V, § 230.

(2) Ср. *Wening-Ingenheim*, Civilrecht, I, § 185.

Мы окончили наше изложеніе общаго ученія о договорахъ. Слѣдовало бы для полноты его сказать еще многое о совершеніи, исполненіи и прекращеніи договоровъ; но относящіяся сюда положенія, общія всѣмъ договорамъ, относятся также и къ гражданскимъ обязательствамъ вообще, не только къ договорамъ, и уже изложены нами, особыя же положенія, относящіяся только къ нѣкоторымъ договорамъ, или даже только къ одному изъ нихъ, болѣе умѣстно изложить при разсмотрѣніи договоровъ въ отдѣльности.

(Продолженіе обѣщано).

ЗАМѢЧАНІЯ О ГУБЕРНСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ*.

I. Общее понятіе Учрежденій.

Къ дѣйствію законовъ необходимы способы исполненія.
Сіи способы содержатся въ Уставахъ и Учрежденіяхъ.

Въ Уставахъ постановляются правила, какъ должно приводить законъ въ исполненіе, мѣры къ предупрежденію нарушеній и взысканія за пренебреженія сихъ мѣръ.

Въ Учрежденіяхъ установляются власти, охраняющія исполненіе закона по правиламъ, въ Уставахъ положеннымъ.

Отсюда необходимая связь между закономъ, Уставомъ и Учрежденіемъ. Законъ безъ Уставовъ и Учрежденій недѣйствителенъ, Уставы безъ Учрежденій ничтожны, наилучшія Учрежденія безъ добрыхъ Уставовъ всегда будутъ безполезны.

II. Понятія и составныя части Губернскихъ Учрежденій.

Власти, охраняющія исполненіе законовъ, дѣйствуютъ или въ средоточіи государства вообще на всѣ части управленія, или въ особенности въ извѣстномъ кругѣ государственнаго раздѣленія.

Сіи послѣднія, по принятому у насъ раздѣленію, имѣютъ три степени: управленіе губернское, уѣздное и волостное.

Главныя составныя части каждаго изъ сихъ управленій суть: Полиція, Хозяйство и Судъ.

Отъ правильнаго опредѣленія сихъ главныхъ частей зависитъ правильность ихъ учрежденія.

Положить предѣлы между Хозяйствомъ и Судомъ не трудно; но не легко разграничить отъ нихъ Полицію.

(*) Замѣчанія эти, какъ намъ достовѣрно, хотя частнымъ образомъ, извѣстно, были писаны графомъ М. М. Сперанскимъ въ концѣ 1827 года; посему многія изъ нихъ не могутъ имѣть отношенія къ настоящему времени. *Ред.*

Понятіе Полиціи есть чрезмѣрно многосложно. Главная мысль, съ словомъ симъ сопрягаемая, есть мысль надзора въ порядкѣ и благоустройствѣ какой-либо опредѣленной части управленія.

Сей надзоръ можетъ имѣть двоякую цѣль: 1) предупредить безпорядокъ мѣрами предохраненія прежде, нежели онъ случится; 2) остановить и пресѣчь его послѣдствія мѣрами понужденія и укрощенія, когда уже онъ случился. Отсюда возникаютъ два главныя свойства Полиціи: предупрежденіе и пресѣченіе.

Нѣтъ закона и нѣтъ части управленія, которыя бы не имѣли нужды въ сихъ мѣрахъ; но еслибы каждая часть употребляла отдѣльно свои мѣры, тогда во первыхъ, было бы напрасное расточеніе силъ въ одномъ и томъ же предметѣ; во вторыхъ, мѣры сіи, встрѣчаясь и пересѣкая себя взаимно, сами по себѣ произвели бы крайній безпорядокъ и смѣшеніе.

Отсюда необходимость различить въ сихъ мѣрахъ то, что̀ есть для всѣхъ частей общее, и что̀ для нѣкоторыхъ изъ нихъ есть особенное. Отъ совокупленія мѣръ общихъ и отъ приведенія ихъ въ одинъ составъ, въ одно учрежденіе, произошла *Полиція Общая* (Police générale); а отъ того, что изъ сихъ мѣръ осталось въ каждой части особеннаго, что̀ не могло, такъ сказать, сложиться съ другими, составились *Полиціи Отдѣльныя* (Police spéciale).

Слѣдовательно, въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ есть и должны быть два рода Полиціи: общая и отдѣльныя.

Общая Полиція вездѣ образовалась медленно. Она вездѣ слагалась постепенно изъ Полицій Отдѣльныхъ. Не только каждый городъ, но каждое селеніе, каждый замокъ, каждое состояніе, каждый промыслъ, каждая вѣтвь государственныхъ доходовъ прежде имѣли свою полицію.

Но когда изъ сихъ отдѣльныхъ частей составилось одно цѣлое, когда сіе цѣлое содѣлалось не особеннымъ надзоромъ какой-либо части, но надзоромъ общаго порядка и благоустройства, и вмѣсто того чтобъ быть принадлежностью какого-либо управленія, сей надзоръ сдѣлался самъ обширнымъ управленіемъ, то и прежнее именованіе Полиціи сдѣлалось уже для него несовмѣстнымъ. Оно подавало только поводъ къ смѣшенію разныхъ степеней дѣйствія. Полиція, когда она существовала въ отдѣльныхъ ея видахъ, какъ принадлежность другихъ частей управленія, прилагала мѣры ей

свойственныя непосредственно къ самымъ происшествіямъ; но полиція въ видѣ общаго управленія не дѣйствуетъ непосредственно: она управляетъ, учреждаетъ и распоряжаетъ ввѣренными ей способами посредствомъ наказовъ и предписаній.

Посему въ однихъ только нижнихъ степеняхъ, гдѣ Общая Полиція дѣйствуетъ непосредственно, она сохранила прежнее свое имя; средніе же ея разряды получили названіе *Правленій* (Regierungen, administration départementale); а высшія, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ частей хозяйственнаго управленія, приняли именованіе *Внутреннихъ Дѣлъ*.

Сія перемѣна имени не измѣнила существа управленія. Главное его свойство есть одно и то же: надзоръ въ охраненіи общаго порядка и благоустройства; и понеже сей надзоръ дѣйствуетъ двояко—мѣрами предупрежденія и мѣрами пресѣченія, то и Полиція Общая имѣетъ два главные вида: полиціи предохранительной (police administrative) и полиціи исполнительной (police exécutive).

Предѣлы между полиціею общею и отдѣльною установляются различно. Въ большей части государствъ при составленіи полиціи общей, суду и хозяйству оставлены прежнія ихъ полиціи отдѣльныя; полиція исполнительная общая подаетъ имъ только въ случаѣ нужды свою сильную руку помощи. У насъ было то же; но учрежденіемъ 1775 года сей порядокъ измѣнился. Полиція судебная отнесена къ полиціи общей, такъ что судъ у насъ, какъ въ древнемъ Римѣ, никакой исполнительной власти не имѣетъ (jus sine imperio). Полиція хозяйственная также большею частію отнесена къ полиціи общей; въ нѣкоторыхъ только частяхъ хозяйства оставлены отдѣльныя полиціи, каковы суть полиція таможенная, лѣсная, горная и т. п. Такимъ образомъ ни хозяйство, ни судъ не совершаютъ у насъ полнаго своего дѣйствія, но переходятъ въ другое смежное имъ управленіе, примыкаются такъ сказать къ общей полиціи.

Отсюда къ двумъ главнымъ видамъ общей полиціи надлежитъ у насъ присовокупить еще два: полицію судебную и полицію хозяйственную.

Слѣдовательно учрежденіе для управленія полиціи во всѣхъ ея степеняхъ должно имѣть четыре вида: полицію общую предохра-

нительную, полицію общую исполнительную (*), и сверхъ того полицію судебную и хозяйственную.

Составныя части хозяйства и суда извѣстны и не требуютъ особаго объясненія.

Такимъ образомъ самое существо предметовъ указуетъ въ Губернскомъ Учрежденіи необходимость трехъ главныхъ установленій: полицейскаго, хозяйственнаго и судебнаго. Въ высшей степени первое изъ нихъ вмѣщается въ Губернскомъ Правленіи, второе въ Казенной Палатѣ, третье въ Палатахъ: Гражданской и Уголовной.

Нѣтъ достаточныхъ причинъ измѣнять сей порядокъ. Одинъ вопросъ здѣсь представиться можетъ: не полезнѣе ли бы было, по примѣру другихъ государствъ, отдѣливъ полицію хозяйственную и судебную отъ общей, присоединить ихъ къ симъ частямъ, дабы части сіи могли дѣйствовать свободно и независимо? Рѣшеніе сего вопроса весьма трудно, и впрочемъ было бы безполезно. Средства наши не дозволяютъ намъ помышлять о такомъ учрежденіи, которое потребовало бы значительнаго числа чиновниковъ и особенныхъ издержекъ. Довольно здѣсь замѣтить, что въ настоящемъ порядкѣ есть весьма важныя неудобства. Ни судъ, ни хозяйство не могутъ вполнѣ отвѣтствовать за ввѣренное имъ управленіе, ибо успѣшное ихъ дѣйствіе зависитъ не отъ нихъ, но большею частію отъ полиціи, надъ коею они никакой власти не имѣютъ.

III. Составъ губернскихъ мѣстъ.

Опредѣливъ существо главныхъ губернскихъ мѣстъ, надлежитъ приступить къ разсмотрѣнію ихъ состава.

1) Составъ Губернскаго Правленія.

Губернское Правленіе въ составѣ своемъ имѣетъ видъ установленія, но въ существѣ оно есть токмо канцелярія Гражданскаго Губернатора. Какую силу имѣетъ въ немъ голосъ Совѣтника? Предложеніе или резолюція Губернатора рѣшитъ все дѣло, и мнѣніе его

(*) Здѣсь замѣтить должно, что общая исполнительная полиція у насъ ввѣрена особенному, не гражданскому, но военному начальству: это есть составъ Внутренней Стражи.

приводится въ исполненіе, не взирая ни на какія возраженія. Внося голосъ свой въ журналъ, Совѣтникъ освобождаетъ только себя отъ взысканія, когда оно послѣдуетъ; но сіе право имѣетъ и секретарь каждаго судебнаго мѣста. А какъ выше было замѣчено, что судъ и хозяйство не могутъ иначе дѣйствовать, какъ посредствомъ Губернскаго Правленія, то ясно, что одна личная власть Губернатора даетъ всю силу исполненія и суду и хозяйству въ губерніи.

Есть надзоръ прокурора; но, во-первыхъ, протесты его не могутъ остановить исполненія; во вторыхъ, что̀ значитъ надзоръ лица низшаго надъ высшимъ? Что̀ значитъ надзоръ, коего послѣдствія являются мѣсяцъ, два, годъ послѣ исполненія? И что̀ можетъ сей надзоръ, разсѣянный на многія тысячи дѣлъ судебныхъ, хозяйственныхъ и полицейскихъ?

Остается послѣднее средство: жалоба Сенату или Министерству. Но во первыхъ, есть дѣла, есть притѣсненія, упадающія на людей безгласныхъ, каковы суть сельскіе обыватели, отъ коихъ рѣдко могутъ быть жалобы; во вторыхъ, какъ никого нельзя винить безъ отвѣта, а отвѣтъ и объясненіе безъ повѣрки документовъ на мѣстѣ, безъ сообщенія ихъ просителю, рѣдко могутъ быть достовѣрны, то и рѣшеніе Сената или Министерства, на нихъ основанное, случайно только можетъ быть справедливо; а случайность не правило, и не замѣняетъ порядка.

Къ сему присоединивъ непомѣрное количество дѣлъ, стекающихся къ Гражданскому Губернатору, жалобы на земскія и городскія полиціи, жалобы на самые суды уѣздные и городскіе въ медленности рѣшеній, производство разныхъ слѣдствій, пересмотръ всѣхъ безъ изъятія приговоровъ уголовныхъ (а ихъ бываютъ тысячи), участіе во многихъ дѣлахъ хозяйственныхъ, распорядокъ земскихъ повинностей, дѣла Приказа, сношенія со всѣми Министерствами, кипы ежемѣсячныхъ вѣдомостей, объясненій и донесеній, обозрѣніе губерніи, рекрутскіе наборы и во всѣхъ сихъ дѣлахъ помощники исполненія: толпа канцелярскихъ служителей, малограмотныхъ и притомъ нищихъ (такъ по крайней мѣрѣ было до послѣдняго о нихъ Положенія); полиція, составленная большею частію по выборамъ безъ участія Губернатора, изъ людей или неопытныхъ, или служащихъ по неволѣ; городничіе, опредѣляемые посторон-

нимъ начальствомъ, и проч. и проч.,—трудно и безполезно было бы исчислять всѣ неудобства сего положенія, по опыту впрочемъ всѣмъ извѣстныя.

Къ сему присоединяется недостатокъ законной власти при избыткѣ личнаго самовластія. Власть законная каждому начальству дается его уставомъ. Уставы наши, во-первыхъ, недостаточны (*), а во-вторыхъ, всѣ они составлены въ духѣ крайней недовѣрчивости къ мѣстному начальству, и не безъ основанія: ибо какъ можно ввѣрять исполнителю безотчетному? Между тѣмъ отъ сего недостатка законной власти, отъ сего стѣсненія въ самыхъ мелочахъ, рождаются непрестанные вопросы, тысячи сомнѣній, огромная переписка съ высшимъ начальствомъ, медленность въ рѣшеніяхъ, упущеніе времени, предлогъ къ новымъ жалобамъ или злоупотребленіямъ.

2) *Составъ Казенной Палаты.*

Въ составѣ Казенной Палаты, исключая бывшаго питейнаго управленія, менѣе есть личнаго, но то же непомѣрное количество дѣлъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Палаты сіи, устроенныя въ началѣ для управленія однихъ дѣлъ хозяйственныхъ, введены потомъ во всѣ дѣла тяжебныя-судебныя между казною и частными лицами, даже и по имуществамъ недвижимымъ; тотъ же недостатокъ въ уставахъ и въ законной власти, и слѣдовательно то же стѣсненіе въ мелочахъ, непрерывныя сомнѣнія, та же недовѣрчивость, почти тѣ же ея основанія и тѣ же послѣдствія.

3) *Составъ Губернскихъ Судовъ.*

Составъ Губернскихъ Судовъ представляетъ менѣе неудобствъ. Но и здѣсь недостатокъ уставовъ и недостатокъ мѣстной власти, съ одной стороны въ дѣлахъ гражданскихъ стѣсняетъ дѣйствіе сихъ установленій, съ другой въ дѣлахъ уголовныхъ разширяетъ безмѣрно. Гражданская Палата предназначена была къ тому, чтобъ быть послѣднимъ и почти окончательнымъ судомъ въ губерніи, ибо

(*) Изъ 19 разныхъ уставовъ, необходимыхъ къ правильному дѣйствію полиціи, едва есть два или три полныхъ; прочіе суть большею частію отрывки.

рѣшенія ея исполнялись не взирая на переносъ; а переносъ установленъ былъ только въ дѣлахъ выше 2000 рублей. Нынѣ переносъ съ паденіемъ ассигнаціи упизился до 500 рублей, и Палата сдѣлалась не судомъ, но обрядомъ, необходимымъ только для того, чтобъ перевести дѣло въ Сенатъ. Напротивъ, Уголовной Палатѣ, часто состоящей не болѣе какъ изъ 3 или 4 членовъ, дано страшное право: съ утвержденіемъ Гражданскаго Губернатора опредѣлять окончательно торговую казнь и каторгу, замѣнившую у насъ казнь смертную.

Къ сему присоединяется:

1) что дѣйствіе Гражданской Палаты непрестанно преграждается частыми жалобами, въ Сенатъ приносимыми на производство дѣлъ. Отсюда проволочка, пища ябедѣ, тяжбы безконечныя.

2) Палата не имѣетъ почти никакого надзора, никакой ревизіи надъ низшими судами въ губерніи. На медленность ихъ производства приносятся жалобы не къ ней, но въ Губернское Правленіе; оно налагаетъ на нихъ пени и взысканія.

IV. Начала къ исправленію.

Изъ сего краткаго обозрѣнія настоящаго состава мѣстъ губернскихъ сами собою открываются слѣдующія начала къ ихъ исправленію:

I. Настоящее распредѣленіе дѣлъ губернскаго управленія между тремя установленіями оставить въ своей силѣ.

II. Но безотчетное и личное дѣйствіе Губернскаго Правленія подчинить надзору мѣстному, не личному и самовластному, каковъ есть надзоръ Генералъ-Губернатора, и не слабому и ничтожному, каковъ есть надзоръ прокурора, но надзору коллегіяльному, постоянному, на твердыхъ правилахъ установленному, имѣющему власть не только заявлять за тысячу верстъ безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, остановляя зло не спустя мѣсяцы и годы, но въ самомъ его началѣ; держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ; преслѣдовать виновныхъ судомъ.

III. Тому же самому надзору и по тѣмъ же причинамъ подчинить и Казенную Палату.

IV. Другой надзоръ, сему подобный, но независимый, установить

для дѣлъ судебныхъ, давъ ему надлежащій степень власти, не вмѣшиваясь въ судебныя рѣшенія по существу дѣлъ, разрѣшать частныя жалобы на безпорядки и нарушенія формъ въ производствѣ. Личное, разсѣянное по всѣмъ мѣстамъ дѣйствіе прокурора и казенныхъ стряпчихъ соединивъ въ одно постоянное и правильное установленіе, поставить его въ помощь и содѣйствіе сему главному судебному надзору.

V. Для установленія сего двоякаго надзора, не учреждая новыхъ мѣстъ, составить ихъ въ видѣ общихъ присутствій изъ тѣхъ же мѣстъ, но дать имъ особыхъ предсѣдателей, особенный образъ производства дѣлъ и особую канцелярію.

VI. Оставляя какъ Губернское Правленіе, такъ и Казенную Палату въ настоящемъ ихъ кругѣ дѣлъ и въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Сенату и Министерству, поручить общему ихъ присутствію тѣ токмо дѣла, кои или по связи ихъ не могутъ быть поручены ни тому, ни другому мѣсту отдѣльно, или по важности ихъ требуютъ высшаго степени власти, нежели какой можно симъ мѣстамъ присвоить.

VII. Дать болѣе силы и пространства Суду Совѣстному.

VIII. Учредить для каждой губерніи одинъ Судъ Коммерческій.

IX. Общее присутствіе четырехъ губернскихъ судебныхъ мѣстъ поставить подъ предсѣдательствомъ чиновника высшаго разряда, равнаго по степени Гражданскому Губернатору. Онъ будетъ по дѣламъ судебнаго управленія относиться къ Судебному Сенату, также какъ Прокуроръ къ Министру Юстиціи.

X. Сіе присутствіе не вводитъ ни въ какія дѣла тяжебныя, оставивъ движеніе ихъ обыкновенной аппелляціи въ Сенатъ; но доставитъ оному, вмѣстѣ съ надзоромъ въ успѣшномъ теченіи дѣлъ, содержать въ дисциплинѣ всѣхъ какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства, предавать виновныхъ суду, разрѣшать частныя просьбы въ нарушеніи судебныхъ обрядовъ.

XI. По важнымъ дѣламъ уголовнымъ окончательные приговоры о торговой казни и каторжной работѣ не вершить безъ пересмотра и утвержденія общаго присутствія въ полномъ его собраніи. Не вершить также безъ утвержденія его и тѣ приговоры, гдѣ болѣе

10 человѣкъ въ одномъ дѣлѣ подвергаются тѣлесному наказанію со ссылкою на поселеніе.

Съ утвержденіемъ сихъ началъ установится власть правильная, съ достаточными силами и средствами; пресѣчется вмѣстѣ съ тѣмъ непомѣрный приливъ дѣлъ и мелочныхъ подробностей къ Сенату и Министерству, и сіи высшія мѣста, не бывъ, какъ нынѣ, подавляемы бременемъ дѣлъ текущихъ, будутъ имѣть время и возможность заниматься дѣлами важными.

V. Составъ мѣстъ уѣздныхъ.

Послѣ того, что всѣмъ извѣстно, и выше сего кратко было замѣчено о состояніи губернскаго управленія, излишне было бы распространяться объ управленіи уѣздномъ. Одинъ взглядъ на составъ его будетъ къ сему достаточенъ.

Тѣ же составныя части, и слѣдовательно тѣ же три установленія находятся и въ уѣздѣ, какъ и въ губерніи. Уѣздный Судъ представляетъ сокращенно двѣ Судныя Палаты, Казначейство съ Соляным и Винным Приставомъ Казенную Палату, а Земскій Судъ—Губернское Правленіе. Начнемъ съ сего послѣдняго.

Земскій Судъ вмѣщаетъ въ себѣ три вида полиціи: общую предохранительную, судебную и хозяйственную.

Въ управленіи сихъ трехъ полицій та есть разность между Земскимъ Судомъ и Губернскимъ Правленіемъ, что сіе послѣднее распоряжаетъ и предписываетъ, а первый хотя въ меньшемъ кругѣ, но самъ непосредственно все почти исполняетъ. Если трудно предписать, то труднѣе еще исполнить, когда нѣтъ средствъ къ исполненію. Отъ слѣдствія о маловажномъ пожарѣ до исполненія судебнаго приговора по тяжебному дѣлу, рѣшенному въ Общемъ Сената Собраніи, составляющаго часто огромную тетрадь разныхъ распоряженій, коей содержаніе и силу и законнику разобрать бываетъ трудно, Земскій Исправникъ или Засѣдатель все долженъ знать, все обязанъ исполнить. Отъ поимки простаго бродяги до самыхъ важныхъ и многосложныхъ уголовныхъ слѣдствій, все лежитъ на его попеченіи. Отъ полтинной пошлины за гербовую бумагу до сотень тысячъ недоимокъ, во всемъ онъ отвѣтствуетъ, за все его винятъ и съ него взыскиваютъ. Но кто же есть сіе странное лицо, отъ коего

требуютъ такой всеобъемлемости? Это бо́льшею частію отставной офицеръ, весьма малограмотный, служащій или поневолѣ, или изъ куска насущнаго хлѣба.

Слѣдовательно, не то удивительно, что есть злоупотребленія и упущенія, но дивиться по истинѣ должно, что есть еще въ уѣздахъ какая-нибудь тѣнь управленія,—правда, что одна только тѣнь, и то весьма слабая.

VI. Начала къ исправленію.

Тѣ же самыя начала, кои выше сего означены для губернскаго управленія, полагаются и здѣсь основаніемъ къ исправленію.

I. Полицію, хозяйство и судъ въ уѣздѣ сохранить въ настоящемъ дѣлъ ихъ раздѣленіи; но

II. дабы удалить смѣшенія понятій и утвердить еще болѣе различіе между судомъ и полиціею, Земскій Судъ переименовать Уѣздною Управою.

III. Въ Управу, сверхъ нынѣшнихъ выборныхъ засѣдателей, опредѣлить еще двухъ: одного по избранію и утвержденію Общаго Судебнаго Присутствія, а другаго по избранію и утвержденію Общаго Присутствія Губернскаго Правленія и Казенной Палаты. На перваго изъ нихъ возложить въ особенности полицію судебную, на втораго хозяйственную, не занимая ихъ никакими другими дѣлами. Прочіе засѣдатели должны имъ содѣйствовать, завѣдывая разныя части полиціи общей.

IV. Изъ разсѣянныхъ должностей казначея и двухъ приставовъ, также имѣющихъ на рукахъ казну, т. е. соль и вино, составить одно мѣсто подъ именемъ Казенной Управы.

V. Надъ сими двумя Управами установить постоянный мѣстный надзоръ, подобно надзору губернскому, соединивъ начальниковъ сихъ мѣстъ въ видѣ Общаго Присутствія, подъ предсѣдательствомъ чиновника, представляющаго въ уѣздѣ лицо Гражданскаго Губернатора, и сіе Присутствіе именовать Уѣзднымъ Правленіемъ.

VI. Уѣздному Правленію дать степень власти въ уѣздѣ, подобную той, какую имѣетъ Общее Правительственное Присутствіе въ Губерніи. Всѣ предписанія губернскаго начальства должны про-

ходить чрезъ Уѣздное Правленіе, такъ чтобъ обѣ Управы были какъ бы его отдѣленіями.

VII. Предоставить усмотрѣнію Общаго Губернскаго Присутствія соединять въ одномъ лицѣ званіе предсѣдателя Уѣзднаго Правленія со званіемъ Уѣзднаго Предводителя, но не ставить сіе соединеніе въ правило, ибо есть уѣзды обширные и многолюдные, въ коихъ дворянъ мало, выборъ труденъ, и есть предводители, ни къ какому значительному дѣлу неспособные. Правиломъ при опредѣленіи можно поставить одно: чтобъ чиновникъ сей былъ помѣщикъ той же губерніи.

На сихъ главныхъ началахъ установивъ уѣздное управленіе, можно надѣяться, что въ немъ болѣе будетъ силы и правильности.

VII. Составъ Волостнаго Правленія.

Но уѣздное управленіе, какъ дѣйствующее непосредственно на волости и селенія, столь связано съ ихъ внутреннимъ управленіемъ, что безъ лучшаго устройства въ семъ послѣднемъ оно не можетъ быть твердо. Всѣ основныя части его дѣйствія находятся въ волостяхъ.

Здѣсь нѣтъ нужды изображать, сколь волостное наше управленіе слабо и ничтожно. Одно только примѣчаніе, кажется, будетъ не излишнимъ.

Извѣстно, что вообще злоупотребленіе власти менѣе дѣйствуетъ на цѣлыя общества и сословія, нежели на частныя лица. Отъ сего первоначально и возникли городскія, а потомъ и сельскія общества. Если бы земскій чиновникъ менѣе имѣлъ дѣла съ лицами и болѣе съ мірскими обществами, т. е. если бы мирскія сіи общества были лучше образованы и имѣли свое собственное твердое управленіе, то нѣтъ сомнѣнія, что симъ однимъ пресѣкся бы главный поводъ къ притѣсненіямъ и жалобамъ, нынѣ столь вопіющимъ.

VIII. Начала къ исправленію.

Начала къ сему образованію мірскихъ обществъ могутъ состоять въ слѣдующемъ:

I. Уѣздъ раздѣляется на волости, волости на селенія, какъ и нынѣ.

II. Два степени управленія полагаются въ волости: волостное и сельское; первое называется Волостнымъ Правленіемъ, второе Сельскою Управою.

III. Въ вѣдомствѣ Сельскоіі Управы состоитъ отъ 50 до 100 дворовъ, болѣе или менѣе, не раздробляя селеній. Малолюдныя селенія приписываются по Сельскоіі ихъ Управѣ къ многолюднымъ.

IV. Сельская Управа состоитъ: 1) изъ сельскаго старшины, избираемаго хозяевами домовъ одного сельскаго вѣдомства на одинъ годъ; 2) изъ сельскаго міра, который составляютъ всѣ хозяева домовъ одного сельскаго вѣдомства; 3) изъ десятниковъ, по каждому селенію избираемыхъ, отъ каждыхъ 10—25 дворовъ, болѣе или менѣе, не раздробляя селеній.

V. Сельская Управа, т. е. старшина съ десятниками вѣдаетъ сельскую полицію; съ міромъ она вѣдаетъ сельскій судъ и какъ казенное, такъ и сельское хозяйство. Дѣла въ ней всѣ производятся словесно. Съ Волостнымъ Правленіемъ по дѣламъ обыкновеннымъ она сносится посредствомъ десятниковъ; по дѣламъ значительнымъ посредствомъ личныхъ объясненіи и донесеніи сельскаго старшины.

VI. Волостное Правленіе состоитъ: 1) изъ волостнаго головы; 2) изъ двухъ старостъ, избираемымъ волостнымъ міромъ изъ сельскихъ старшинъ; 3) изъ волостнаго міра, который составляютъ сельскіе старшины.

VII. При Волостномъ Правленіи состоитъ волостной писарь, опредѣляемый Уѣзднымъ Правленіемъ, съ утвержденія Общаго Губернскаго Присутствія, изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ канцелярскихъ служителей, съ достаточнымъ жалованьемъ отъ казны и на высшемъ окладѣ.

VIII. При Волостномъ Правленіи находится, по очереди, опредѣленное число десятниковъ для полицейскихъ исправленіи.

IX. Волостное Правленіе, т. е. волостной голова съ старостами, управляетъ волостною полиціею; вмѣстѣ съ міромъ онъ вѣдаетъ волостной судъ и волостное хозяйство какъ внутреннее, такъ и казенное.

X. Волостное Правленіе даетъ, по опредѣленной формѣ, во всемъ

его управленіи ежегодный отчетъ волостнымъ выборнымъ, кои ежегодно для сего избираются отъ каждой Сельской Управы по одному изъ хозяевъ домовъ. Отчеты сіи послѣ ревизуются въ Уѣздномъ Правленіи и восходятъ на окончательное утвержденіе въ Губернское Присутствіе.

СЫПЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ XVII ВѢКА.

(Изъ архива фамильныхъ преданій).

I.

Въ 1671 году, въ августѣ мѣсяцѣ, по дорогѣ, составлявшей боковую вѣтвь большой дороги въ Саранскъ, проѣзжали двое путешественниковъ: одинъ былъ лѣтъ двадцати семи; другому, по его черной съ просѣдью бородѣ и морщинистому лицу, казалось подъ пятьдесятъ. Молодой былъ одѣтъ въ суконную чугу вишневаго цвѣта, съ короткими рукавами, достигающую до колѣнъ, и съ нашивками голубой матеріи вдоль передняго разрѣза, на которыхъ прикрѣплены были петли съ пуговицами; поясъ изъ полосатой матеріи бѣлаго, чернаго и алаго цвѣтовъ обхватывалъ его станъ; за нимъ былъ заткнутъ кинжалъ въ ножнахъ, и пистолетъ; на лѣвомъ боку пристегалась къ поясу на серебряной цѣпочкѣ сабля. Подолъ чуги окаймленъ былъ широкою желтою полосою; изъ-подъ него выказывались штаны малиноваго стамеда, убранные въ большіе сапоги, которые были нѣкогда зеленые, но отъ пыли порыжѣли. На головѣ у него была четвероугольная шапочка съ раздутыми углами, краснаго сукна съ околышкомъ изъ собольяго мѣха: фигура этой шапочки обличала малороссійское происхожденіе: такія шапки стали входить въ употребленіе только послѣ присоединенія Малороссіи, и то преимущественно между служилыми, перенимавшими этотъ покрой въ странѣ, гдѣ бывали. За широкимъ сѣдломъ, состоявшимъ изъ раскрашенной пестрыми узорами луки, желтаго чепрака и зеленой подушки, былъ прикрѣпленъ такой высокій чемоданъ, что почти до-

стигалъ до плечъ всадника, и всадникъ могъ облокачиваться на него какъ на спинку кресла; на внѣшней сторонѣ были привязаны къ нему овчинная шуба и бурка изъ верблюжьей шерсти; а между ними и всадникомъ прикрѣплено къ сѣдлу ружье, положенное поперегъ. На правой сторонѣ зацѣплялся за луку сѣдла мѣшокъ съ сапогами и пороховницей, въ немъ былъ другой мѣшокъ съ сухарями и вяленой рыбой; на лѣвой висѣла большая мѣдная сулея, привязанная цѣпочкой къ сѣдлу. Такъ какъ тогда было время утреннее, то на молодцѣ сверхъ чуги былъ накинутъ опашень темнозеленаго сукна съ широкими желтыми нашивками и длинными рукавами, которыхъ концы спускались ниже стременъ. Когда солнце пригрѣло, онъ скидывалъ съ себя эту верхнюю одежду и привязывалъ къ чемодану. Сбруя его лошади была украшена множествомъ маленькихъ серебряныхъ бляхъ; подлѣ ушей были на каждой сторонѣ по два бубенчика, а подъ мордой висѣли два длинныхъ сборныхъ, разширяющихся къ концу ремня, окованные серебряными бляхами по каждой сборкѣ или чешуѣ. Звукъ бубенчиковъ на далекое пространство кругомъ разносился въ утреннемъ воздухѣ.

Другой, ѣхавшій позади молодаго, былъ одѣтъ въ кафтанъ синяго сукна съ зелеными нашивками, застегнутый большими мѣдными пуговицами; за краснымъ шерстянымъ поясомъ былъ у него заткнутъ огромный складной ножъ; на головѣ была остроконечная войлочная шапка; за плечами у него былъ привязанъ саадакъ съ стрѣлами и лукъ. Позади его торчалъ чемоданъ, а на немъ два большихъ узла; на правой сторонѣ у стременъ висѣлъ мѣшокъ, на лѣвой баклагъ съ водою; у стременъ съ обѣихъ сторонъ было заткнуто по копью. Лошадь его была не такъ породиста, какъ у ѣхавшаго впереди, сбруя съ простыми мѣдными бляхами.

Первый изъ нашихъ путниковъ былъ Оспиъ Нехорошевъ, дворянскій сынъ, возвращавшійся изъ похода въ Малороссію, на родину; второй—его слуга; какое имя дано ему было при крещеніи, мало кто зналъ это, и всѣ звали его Первуномъ или сокращенно Первушей. Тогда, какъ извѣстно, оставался еще обычай давать, кромѣ крестнаго имени, другое, составленное на своемъ языкѣ, и по этимъ именамъ людей чаще звали, чѣмъ по крестнымъ.

Оспиъ Капитоновъ былъ сынъ Капитона Михайлова Нехорошева, жившаго въ Саранскомъ уѣздѣ въ селѣ Нехорошевкѣ. Его отецъ,

дѣдъ Осипа, Михайло, былъ сынъ боярскій, испомѣщенный въ Корѣльской землѣ. Послѣ столбовскаго договора, когда московское государство должно было купить спокойствіе цѣною Водской пятины и Корѣлы, древнихъ волостей Великаго Новгорода, многіе изъ помѣщиковъ не захотѣли служить свейскому государю, покинули свои имѣнія, прибыли въ Москву, и били челомъ государю помѣстить ихъ въ московскомъ государствѣ. Михайло Нехорошевъ былъ въ числѣ ихъ.

Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ сказка сказывается. Переселенцы оставались безъ помѣстьевъ цѣлыхъ семь лѣтъ, даромъ что вездѣ были неисповѣдимыя пространства пустыхъ земель, и отвести земли можно было не только нѣсколькимъ корѣльскимъ помѣщикамъ, но такому же числу людей, сколько было тогда въ московскомъ царствѣ; и тогда бы еще все отзывалось пустыремъ. Михайло Нехорошевъ былъ грамотнѣе противъ своихъ товарищей, и потому писалъ за всѣхъ челобитныя за челобитными, стараясь разжалобить правительство увѣреніями, что они и босы, и голодны, и холодны, и съ женишками, и съ дѣтишками волочатся межъ дворовъ и умираютъ голодною смертію. Но Помѣстный Приказъ привыкъ къ такого рода трогательнымъ выраженіямъ и не принималъ всякое лыко въ строку, а по обычной безпечности откладывалъ эти челобитныя на предніе годы; дворяне же хоть и описывали свой голодъ, а при каждой новой челобитной все-таки должны были являться съ пирогами да оладьями къ приказному люду, чтобы по крайней мѣрѣ не смотрѣли на нихъ волками. Наконецъ послѣ многолѣтнихъ проторей и убытковъ послѣдовалъ указъ отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи—испомѣстить перешедшихъ изъ-за свейскаго рубежа въ украинныхъ городахъ на саранской чертѣ. Тогда сплошь отъ Волги до Дона и до Воронежа проводились валы и по нимъ строились города, острожки и засѣки; хотѣли заселить пустыя земли: возникали города Тамбовъ, Шацкъ и др.; въ ихъ числѣ Саранскъ. Около этихъ городковъ являлись сельца, деревни, майданы между мордовскихъ и чувашскихъ селеній, и послѣднія изчезали съ появленіемъ русскихъ: жители ихъ убирались въ лѣса, и хотя должны были все-таки признавать власть бѣлаго государя, но старались жить какъ можно подальше отъ пришельцевъ, съ своими кереметями, которымъ становилось не безопасно по близости христіанскихъ церквей. Русскіе жители это-

*

го края, кромѣ помѣщиковъ и служилыхъ въ городахъ и слободахъ, построенныхъ близь городовъ, были по селамъ отчасти гулящіе люди, то есть не записанные въ тягло отъ отцовъ дѣти, отъ дядей племянники, а отчасти бѣглые: имъ здѣсь было безопасно на срочные десять лѣтъ, послѣ которыхъ они могли оставаться свободными и не бояться сыска отъ вотчинниковъ, старостъ и прикащиковъ. Помѣщики, которымъ раздавались земли, называли къ себѣ такой народъ, а другіе приводили съ собой холоповъ и крестьянъ изъ верховыхъ городовъ, т. е. изъ сѣверныхъ провинцій. Эти возникшія селенія стояли одно отъ другаго верстъ на тридцать и на пятьдесятъ; всѣ были приписаны къ тому или другому городу и вмѣстѣ съ городомъ составляли уѣзды; воевода того города, куда приписывалось селеніе, держалъ судъ и расправу надъ его жителями, высылалъ помѣщиковъ на службу, посылалъ служилыхъ собирать съ людей царскія дани, выгонять народъ на городовыя работы и скликать ихъ въ городъ въ осаду, когда слышалъ *вѣсти* о приближеніи непріятеля.

Нехорошева произвели въ дворяне. Въ чемъ заключалось, различіе между дворяниномъ и сыномъ боярскимъ, этого, кажется, еще не порѣшила археологія наша; но во всякомъ случаѣ дворяне получали больше жалованья, назначались на лучшія мѣста къ службѣ, и вообще ихъ считали за «лучшихъ людей», по выраженію того времени. Нехорошевъ получилъ «пятьсотъ четей въ полѣ и въ дву потомужъ» и кромѣ того копенъ двѣсти пятьдесятъ сѣна, да лѣса совмѣстно съ другими поверстно. По воеводской разверсткѣ, рядомъ съ Нехорошевымъ дали жеребьи его сверстникамъ, пришедшимъ съ нимъ изъ Корѣлы: Жареному, Худому, Черепанову, Лукоперову, Пауку. Земляки выбрали себѣ усадьбы на рѣкѣ Иссѣ одинъ близь другаго, дали обѣщаніе создать церковь и начали тотчасъ строить себѣ дома. Немедленно стали набираться къ нимъ разные охотники селиться. Одинъ за другимъ являлись бездомные бобыли и захребетники, въ лаптяхъ, въ дырявыхъ шапкахъ, въ зипунахъ съ заплатами, съ заплечнымъ мѣшкомъ, гдѣ было по двѣ рубахи, праздничный зипунъ, да сухари. Одинъ и тотъ же тулупъ служилъ и лѣтней и зимней верхней одеждой; разница была та, что зимой его носили шерстью къ тѣлу, а лѣтомъ вверхъ. Въ воеводской памяти было сказано, чтобъ принимать только по проѣзжимъ

памятямъ и по отпускнымъ, а не бѣглыхъ; но распоряженіе это во всей силѣ оставалось на бумагѣ, на дѣлѣ же правительственный порядокъ исполнялся только тѣмъ, что помѣщикъ спрашивалъ приводимаго, откуда онъ. Въ такомъ случаѣ отвѣтъ былъ почти всегда ложный. Еслибъ захребетникъ и не зналъ за собой грѣха, и тогда бы не сказалъ правды: такъ ужъ было принято. Коль скоро человѣка допрашивали съ видомъ власти и закона о его житьѣ-бытьѣ, надобно было лгать. Одни отдавались въ крестьяне, другіе въ холопы, третьи въ бобыли. Холопъ жилъ въ дворѣ; только немногихъ выселяли въ такъ называемые людскіе дворы; во всякомъ случаѣ они дѣлали то, что имъ прикажутъ, и не были обязаны ничѣмъ заранѣе опредѣленнымъ: крестьянинъ получалъ жеребій земли и отправлялъ за него повинность; а бобыль не бралъ жеребья, потому что не въ силахъ былъ съ нимъ справиться, и жилъ у помѣщика на особыхъ условіяхъ, которыя уже тогда превращались въ произволъ владѣльца.

Селеніе, основанное Нехорошевымъ съ товарищами, разросталось; лѣтъ черезъ пять владѣльцы исполнили свой обѣтъ и построили церковь. И великая радость была всѣмъ прихожанамъ, когда ее освящалъ саранскій протопопъ. Нехорошевъ былъ между всѣми важнѣйшее лицо, и оттого село назвалось само собою Нехорошевкою, или Нехорошевымъ, хотя другіе помѣщики упрямились: почему жъ не Худовка? говорили *Худые*; почему не Черепановка? ворчали Черепановы. Церковь освящена была во имя Покрова Богородицы, въ память того, что въ этотъ день прибыли въ первый разъ на мѣсто помѣщики. Нехорошевъ, чтобъ избѣгнуть зависти, самъ предложилъ назвать село Покровскимъ; но имя Нехорошева усвоилось ему болѣе, и даже писцы записали въ писцовыхъ книгахъ: «село Покровское, Нехорошевка тожъ».

Проживши на новосельѣ лѣтъ пятнадцать, Михайло Нехорошевъ преставился и былъ погребенъ въ созданной имъ съ товарищами церкви. Онъ оставилъ троихъ сыновей: Петра, Капитона и Ивана. Имѣніе не раздѣлилось: братья жили вмѣстѣ, и Петръ заступилъ мѣсто главы семьи. Послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича и первые Алексѣя Михайловича протекли мирно, и помѣщики, не тревожимые службою, спокойно занимались хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ; только изрѣдка посылали ихъ къ астра-

ханскимъ степямъ, прослышавъ о замыслахъ ногайскихъ мурзъ; случалось тоже раза три ходить усмирять Мордву, которая вздумала-было не платить меду и воску. Старыя оружія, привезенныя Михайломъ изъ корѣльской земли, лежали въ кладовой и покрылись бы ржавчиной, если бъ Петръ не чистилъ ихъ и не выносилъ ради забавъ, которыя учреждалъ съ сосѣдями, чтобы не разучиться воинскому дѣлу. Въ лѣтніе праздники, созвавши сосѣдей и собравши слугъ, онъ затѣвалъ стрѣльбу изъ ружьевъ и луковъ въ цѣль, назначалъ за то награды, поилъ и дарилъ слугъ, которые показывали ловкость; тогда и въ запуски бѣгали, и боролись, и рубились на сабляхъ. Петръ очень любилъ охоту, держалъ большую псарню и часто осенью и зимой выѣзжалъ съ сосѣдями и съ толпою крестьянъ и людей сражаться съ волками и медвѣдями, которыхъ тогда было много въ томъ краѣ. Были у него и соколы; онъ выѣзжалъ съ ними на ставки за село; иногда же, когда ему приходила охота, то занимался рыбною ловлею. Онъ былъ чрезвычайно гостепріименъ, и каждое воскресенье всѣ сосѣди-помѣщики считали обыкновеніемъ ѣздить къ нему обѣдать. Такіе обѣды шли часа по четыре; а послѣ обѣда гости, нагруженные виномъ и медами, отправлялись съ нимъ за дворъ на воинственныя забавы. Въ большіе праздники устраивалъ онъ «гостьбу толстотрапезну», какъ говорилось тогда; такой пиръ длился до ночи. Покончивъ яствы, гости должны были пить разныя заздравныя чаши, а «умѣльцы» потѣшали честную бесѣду громкими пѣснями. Хозяинъ со всѣми жилъ въ ладахъ и умѣлъ погашать всякое возникающее несогласіе; одного слова его довольно было, чтобы помирить поссорившихся. «Кто своему брату недругъ, тотъ не ходи ко мнѣ», говорилъ онъ, и тотчасъ сводилъ враговъ вмѣстѣ и давалъ имъ пить изъ серебряной чаши, на которой было вычеканено мудрое изрѣченіе о кратковременности житія сего и о пользѣ любви и согласія. Читать онъ самъ не умѣлъ и не занимался ничѣмъ церковнымъ, однако зналъ на память нѣсколько выраженій изъ св. писанія, относящихся къ союзу между ближними и къ враждѣ съ иновѣрными языками. Живой, дѣятельный, веселый характеръ не склонялъ его къ хозяйственнымъ занятіямъ. Меньшой братъ Иванъ, нрава тихаго и флегматическаго, предался всею душою земледѣлію, и съ весны до осени проводилъ дни въ полѣ съ рабочими. Средній, Капи-

тонъ, имѣлъ наклонность болѣе всего къ торговымъ занятіямъ; чрезвычайно способный, онъ не прочь былъ и отъ забавъ старшаго брата, хорошо читалъ и писалъ; одаренный чудной памятью, умѣлъ поговорить изъ св. писанія; покупалъ разные сборники, гдѣ записывались повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, слова святыхъ и разныя иноземныя диковинки. Но болѣе всего Капитонъ любилъ выгодно продать и купить; смѣтливый, расторопный, онъ ѣздилъ по ярмаркамъ и продавалъ произведенія своего хозяйства, шерсть, ленъ, хлѣбъ, медъ, и привозилъ домой сукна, матеріи, вина и сласти; на немъ лежало все письменное управленіе хозяйства.

Оба первые брата женились, Иванъ все откладывалъ и говорилъ, что успѣетъ. У Петра не было дѣтей даже и послѣ десяти лѣтъ брачнаго союза, къ крайней его досадѣ, потому что его добрая натура любила дѣтей; за то, когда у Капитона родился сынъ Осипъ, Петръ привязался къ нему какъ къ своему собственному дѣтищу. Онъ самъ училъ его ходить, дѣлалъ для него деревянныхъ лошадокъ, и когда племяннику было шесть лѣтъ, смастерилъ ему лукъ и такъ выучилъ стрѣлять, что маленькій Осипъ попадалъ въ воробья на лету.

— Учись, Оська, стрѣлять изъ лука, говорилъ онъ: стрѣльба изъ лука всему воинскому дѣлу голова; будешь хорошо стрѣлой попадать, и пулей попадешь.

Такъ безмятежно жилось въ селѣ Нехорошевкѣ. Но вотъ на западѣ русской границы поднялась страшная гроза, втянувшая и мирную Московію въ продолжительную брань. Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ принесъ подданство восточному государю, и великій земскій соборъ всей русской земли 1 октября 1653 года приговорилъ объявить польскому государю Яну Казиміру за его неправды и за неправильныя написанія царскаго титула войну, и во всѣ стороны изъ Разряда полетѣли гонцы съ приказомъ воеводамъ собирать помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, новокрещеновъ, мурзъ татарскихъ и всякихъ служилыхъ людей, и высылать ихъ въ Сѣвскъ и Смоленскъ. По сельскимъ торжкамъ бирючи кликали кличъ и сзывали ихъ на пересмотръ въ города.

Тревожно и тяжело загремѣлъ этотъ кличъ въ ушахъ отвыкшихъ отъ войны помѣщиковъ. Иные спѣшили не въ городъ, куда ихъ звали, а куда-нибудь далеко, чтобъ спрятаться и ускользнуть отъ

службы. Не такъ принялъ царскій приказъ Петръ Нехорошевъ. Онъ давно уже скучалъ бездѣйствіемъ; однообразная охота не удовлетворяла его; ему хотѣлось дать настоящую пробу своему умѣнью стрѣлять въ цѣль и рубиться; его жажда дѣятельности давно искала простора. Петръ съ веселымъ лицомъ отправился въ Саранскъ. Капитонъ сначала было призадумался, но вскорѣ утѣшился, узнавъ, что его оставляютъ на мѣстѣ. Ивана также не тронули: оба брата служили съ одного жеребья съ Петромъ, и на этотъ разъ не трогали тѣхъ, которые не имѣли собственныхъ, отдѣльныхъ жеребьевъ. Капитонъ чрезвычайно былъ втайнѣ доволенъ тѣмъ, что не будетъ съ нимъ брата; хотя Петръ почти не вмѣшивался въ хозяйство, но иногда принималъ тонъ старѣйшины и показывалъ, что ему не хочется, чтобъ это забывали братья. Теперь Капитонъ былъ полный глава. Петръ созвалъ всѣхъ сосѣдей и всѣхъ крестьянъ своего села отъ мала до велика, и задалъ имъ такую прощальную попойку, что одного меду выпита была цѣлая бочка; каждому онъ самъ подносилъ чашу и съ каждымъ цѣловался; не только весь дворъ, но и все околодворье было уставлено столами и досками, на которые ставили яства и напитки. За то на другой день, когда онъ выѣзжалъ въ путь, народъ не пошелъ на работы; всѣ столпились провожать его. Только разлука съ Оспиомъ нѣсколько навела на него тоску. Онъ очень любилъ его, и не безъ слезъ въ послѣдній разъ прижалъ его молодыя щечки къ своей обросшей жесткими волосами щекѣ. Онъ выбралъ съ собой трехъ слугъ, отличныхъ стрѣлковъ; за нимъ въ лубочной кибиткѣ четвертый повезъ его имущество. Самъ Петръ поѣхалъ верхомъ на породистомъ аргамакѣ, котораго ему купилъ братъ Капитонъ въ Астрахани, славной тогда лошадьми во всемъ русскомъ мірѣ.

Не даромъ прошли его военныя забавы. Вскорѣ онъ отличился на Дрожи-полѣ; послѣ того подъ Уманью привелъ къ воеводѣ плѣннаго польскаго пана, котораго разбилъ съ товарищами на подъѣздѣ, когда Хмельницкій шелъ къ Львову; подъ Гродекомъ его ранили по головѣ саблею: онъ пролежалъ мѣсяца четыре; уже отчаявались въ его выздоровленіи, но сильная натура взяла верхъ, и Петръ всталъ съ огромнымъ сабельнымъ рубцомъ черезъ все лицо и не думалъ объ отставкѣ. Когда наконецъ Поляки, пораженные со всѣхъ сторонъ, обманули царя Алексѣя обѣщаніемъ возвести его

на престолъ и устроили виленскій миръ, Петръ былъ переведенъ въ Лифляндію. Тамъ онъ отличился противъ Шведовъ, отмщая имъ за землю своихъ предковъ, но при штурмѣ Риги ядро ударило его въ лѣвую ногу: ему отрѣзали ее по колѣно. Тогда только Петру пришлось разстаться на вѣки съ боевою жизнью, и онъ, придѣлавъ себѣ ключку, воротился въ далекое свое помѣстье уже не на бодромъ аргамакѣ, потерявшемъ жизнь за отечество гдѣ-то въ Украйнѣ, а въ кибиткѣ, сопровождаемый вѣрными слугами. Изъ Помѣстнаго Приказа велѣно было обратить изъ его помѣстья земли двѣсти четей въ вотчину.

Но не такъ-то радостно стало ему, когда онъ вступилъ на порогъ отцовскаго дома. Жены его уже не было въ живыхъ. Братъ Иванъ погибъ напрасною смертію, какъ говорилось: зашелъ споръ о межѣ съ сосѣдомъ Жарскимъ; воевода приказалъ развести ихъ; пріѣхалъ изъ Саранска сынъ боярскій съ служилыми, собралъ всѣхъ односельцевъ, пригласивъ сосѣдей, которыхъ ближе не было, какъ верстъ за сорокъ, призвали попа; понесли по межѣ икону; попъ долженъ былъ сказать правду по священству, а мірскіе люди по евангельской непорочной заповѣди ей-ей: какъ были мѣжи земель Нехорошевскихъ и Жарскихъ. Вдругъ шествіе наткнулось на посѣянную рожь. «Здѣсь была межа, говорили старики: Жарскіе запахали ее.» Крестьяне Жарскаго стали кричать, чтобъ по хлѣбамъ не шли; а Нехорошевцы говорили, что имъ дѣла нѣтъ, что тутъ хлѣбъ; посѣянъ онъ не по закону; они пойдутъ...Слово за слово, дали рукамъ волю, принялись потомъ за дубье. Иванъ бросился въ средину, и кто-то неосторожно хватилъ его въ високъ— тутъ Иванъ Нехорошевъ и душу Богу отдалъ. Воевода послалъ сдѣлать сыскъ, но никакъ не могли найти виновнаго, и дѣло кончилось тѣмъ, что крестьяне Жарскаго заплатили «вѣру за голову». Когда Петръ пріѣхалъ домой, то засталъ въ домѣ одну жену Капитонову полною хозяйкою. Вскорѣ пріѣхалъ изъ ярмарки Капитонъ. Петръ по прежнему не вмѣшивался въ его хозяйство, и весь посвятилъ себя племяннику, котораго еще болѣе полюбилъ, увидѣвши уже не ребенкомъ, но здоровымъ юношей. Изрубленный воинъ любилъ сидѣть на крыльцѣ и смотрѣть, какъ Осипъ стрѣлялъ въ цѣль да примѣрно рубился съ слугами; часто устроивалъ онъ охоту, и приказывалъ везти себя туда; когда дѣлали облаву, запряженныя

въ телѣжку или въ сани лошади скакали во весь опоръ вслѣдъ за верховыми, и Петръ, посвистывая и прикрикивая, ободрялъ ловцовъ. Зимою, посадивъ подлѣ себя Осипа и созвавши гостей всякаго званія безъ разбора, Петръ разсказывалъ о своей боевой жизни и съ удовольствіемъ поглядывалъ на племянника, когда замѣчалъ на лицѣ его охоту испытать самому то же. Капитонъ рѣдко бывалъ дома, все ѣздилъ по торговымъ дѣламъ. Имѣніе ихъ увеличилось, потому что Капитонъ получилъ особый жеребей; свою всю вотчину Петръ заранѣе отдалъ Осипу. Но вдругъ разнеслись лихія вѣсти: Шереметевъ разбитъ подъ Чудновымъ и отданъ Татарамъ Поляками, которымъ сдался военноплѣннымъ. Украина отпала отъ царскаго скипетра. Изъ Разряда послѣдовалъ указъ собирать дворянъ и дѣтей боярскихъ. Пришелъ указъ и въ Саранскъ; Нехорошевыхъ потребовали. Приходилось идти Капитону; но пошелъ за отца Осипъ, настроенный разсказами и примѣромъ дяди. Горько убивалась родимая матушка, и сама не знала, какія нескладныя рѣчи говорила въ припадкѣ родительскаго горя. Капитонъ настаивалъ, что сыну надобно идти служить за отца, а Петру хоть и очень не хотѣлось разстаться съ племянникомъ, но онъ не показалъ этого; напротивъ, полюбивъ Осипа еще больше за его готовность, онъ твердилъ, что такому молодцу слѣдуетъ проливать кровь за вѣру святую и за его царское величество. Онъ далъ ему опытнаго слугу, одного изъ тѣхъ, которые были съ нимъ самимъ въ походѣ. Этотъ слуга долженъ былъ не только служить Осипу, но быть его пѣстуномъ. Повозки не повезли за нимъ: «такой молодецъ, говорилъ Петръ, долженъ все съ собой за сѣдломъ возить, а то съ повозкой одна возня; я самъ этого дознался.» Такимъ образомъ выѣхалъ Осипъ съ Первуномъ, и такимъ же точно, хоть на другихъ лошадяхъ и въ другихъ лѣтахъ, возвращался теперь на родину.

Въ тѣ времена сообщенія были трудны, и потому естественно, что Осипъ не зналъ ничего о своихъ домашнихъ и не получалъ отъ нихъ никакого извѣстія во все время своей службы. Поэтому можно себѣ вообразить тревожное состояніе и ожиданіе, когда онъ приближался къ мѣсту родины. Живы ли батюшка съ матушкой? живъ ли дядюшка, котораго онъ любилъ больше отца, рѣдко его видѣвшаго и почти никогда не ласкавшаго?... Воспоминанія

дѣтства воскресли одно за другимъ въ его памяти. Вотъ еще немного, и онъ увидитъ знакомый домъ, садъ, хоромы, увидитъ матушку... Образъ доброй матери, сопровождавшій его благодатнымъ ангеломъ-хранителемъ во все время его странствованія, теперь предсталъ предъ нимъ, полный надежды и отрады...

II.

Уже оставалось до Нехорошевки верстъ десять. Осипъ съ нетерпѣніемъ шелъ поглядывая и впередъ, и вправо, и влѣво: не засинѣетъ ли гдѣ гора, подъ которой расположено было село; не заблеститъ ли на солнцѣ крестъ храма, гдѣ его крестили и въ первый разъ причащали. Дорога шла по опушкѣ лѣса, который болѣе и болѣе рѣдѣлъ, и наконецъ потянулась по равнинѣ. Вдругъ Первунъ закричалъ:

— Это, осударь мой, наша степь: вонъ колодецъ нашъ, а вонъ лошади, чай нашп!

Онъ свистнулъ и махнулъ рукой. Прибѣжалъ табунщикъ въ синей рубахѣ съ длинными засученными рукавами, безъ пояса, въ лаптяхъ, въ войлочной шапкѣ, съ длинною крючковатою палкою въ рукѣ.

— Чей табунъ? спрашивалъ слуга Осипа.

— Капитона Михайловича, отвѣчалъ табунщикъ.

— Всѣ ли живы-здоровы? тревожно спросилъ Осипъ.

— Не знаемъ, отвѣчалъ табунщикъ: давно у двора бывали, недѣли двѣ будетъ; а въ тѣ поры, далъ Богъ, всѣ были живы-здоровы— и Капитонъ Михайловичъ, и Наталья Андреевна.

— А Петръ Михайловичъ? спросилъ Осипъ.

— Петръ Михайловичъ? сказалъ съ удивленіемъ табунщикъ. Почитай, осударь, ты не здѣшній. Какой Петръ Михайловичъ! Нешто братецъ Капитона Михайловича? Такъ ужъ будетъ годовъ шесть, какъ его схоронили.

Осипъ поблѣднѣлъ, потомъ потрясъ головою, снялъ шапку и перекрестясь сказалъ: царство небесное! воля Божія! Тоже повторилъ и Первунъ.

— А вы, видать, издалека? спросилъ табунщикъ. Къ нашему осударю ѣдете?

— Это молодой сударь, сказалъ Первунъ. Кланяйся, дурень! Знаешь ли ты его?

— Нѣтъ, государь-свѣтъ, не приходилось видѣть. Мы издалека пришли, а твоя милость въ службѣ тогда былъ.

— Ну, будешь знать, сказалъ Осипъ. Куда ѣхать? далеко до Нехорошева?

— А вотъ какъ поѣдешь, проминешь колодецъ, такъ влѣво поверни,—дорога пойдетъ,—тамъ подъ гору спустишься, а тамъ и Нехорошево.

Путники поѣхали. Осипъ оглянулся: Первунъ плакалъ.

— Что, жаль дядюшки? спросилъ его господинъ.

— Ахъ, бояринъ, какъ же не жаль! Не привелъ Господь Богъ увидать его, моего кормильца. А куда бы какая радость была теперь!

Осипъ не плакалъ, но еще больше его загрустилъ и молча ѣхалъ, повѣся голову. Наконецъ лошади побѣжали подъ горку, и Первунъ закричалъ: Государь, Нехорошево!

Село Нехорошево было расположено на берегу Иссы подъ горою, покрытою кустарникомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запаханною. За рѣкою по горѣ стояли тамъ и сямъ помѣщичьи усадьбы въ видѣ укрѣпленій. Усадьба Нехорошевыхъ была пространнѣе другихъ и глядѣла съ возвышенія надъ самою рѣкою. Прямо противъ нея за Иссою на площади виднѣлась деревянная церковь съ позолоченымъ и потускнѣвшимъ крестомъ на полумѣсяцѣ. Стѣны церкви были не побѣлены, крыша изъ драни. Не должно думать, чтобы села въ то время были похожи на теперешнія. Въ тотъ вѣкъ въ землѣ украинскихъ городовъ селенія носили видъ крѣпостей. Околица села окаймлялась оградою, иногда и рвомъ. Каждая усадьба укрѣплялась то тверже, то слабѣе, смотря по состоянію и по расчету владѣльца; частые набѣги Татаръ, еще не установившіяся отношенія съ Мордвою и наконецъ нерѣдкіе разбои заставляли жить въ страхѣ нападенія. Тогда не только дозволялось, но приказывалось всѣмъ держать оружіе. Всѣ помѣщичьи усадьбы огорожены были высокими плетнями или заборами, а въ нихъ сдѣланы, какъ въ крѣпостяхъ, узкія отверзтія, чтобы стрѣлять

или камни метать на непріятеля. Крестьянскіе дворы огорожены были крѣпко, а нѣкоторые обведены кругомъ рвами; не всѣ избы выходили наружу: бо́льшею частію онѣ скрывались въ срединѣ ограды. Дворы устроивались крытые, и потому снаружи трудно было видѣть крестьянскія жилья, кромѣ деревянныхъ крышъ, обыкновенно безъ трубъ. Только низенькія бобыльскія избушки съ маленькими закопченными отверстіями, заслоненными тряпицами, торчали тамъ и сямъ съ развалившеюся оградою, и около нихъ въ оградѣ не было ничего кромѣ сарайчика или навѣса съ соломенною крышею, израненною вѣтрами. Усадьбы, построенныя вдоль рѣки, представляли непрерывную линію; другія стояли по двѣ и по три вмѣстѣ; въ иныхъ мѣстахъ были за плетнями однѣ гумна или огороды, безъ избъ, и такимъ образомъ все село представляло нѣсколько разсѣянныхъ группъ, раздѣленныхъ между собою пустырями. Поэтому пространство, занимаемое селомъ, было огромно, а самые дворы тѣсны и какъ-будто жались другъ къ другу. Проѣхавши по извилинамъ между дворами, огородами и гумнами, путники очутились на площади, гдѣ паслись овцы и телята, и подъѣхали къ церкви. Осипъ снялъ шапку, перекрестился и увидалъ сквозь рѣшетчатую огородку, въ церковной оградѣ около самаго трехчастнаго алтаря, возлѣ дубоваго креста, свѣжую, незарытую могилу и при ней два брошенныхъ заступа. Такъ какъ табунщикъ сказалъ, что недѣли двѣ тому назадъ родители Осипа были живы и здоровы, то онъ не подумалъ ничего страшнаго, полагалъ, что эта могила назначается для кого-нибудь изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, и пожелалъ новопреставленному незнакомцу небеснаго царствія; Осипъ хотѣлъ было сойти и поздороваться съ дядюшкою, догадываясь, что онъ лежитъ подъ дубовымъ крестомъ; но подумавши, отложилъ на будущее время это грустное свиданіе: въ его мысли блеснулъ образъ любимой матушки и радость ея, когда она прижметъ къ сердцу свое милое чадо. Онъ переѣхалъ черезъ мостъ безъ перилъ, сложенный изъ хвороста и покрытый соломою, и поворотилъ къ отцовской усадьбѣ.

Усадьба Нехорошевыхъ была огорожена бревенчатымъ заборомъ въ неправильныхъ линіяхъ, то выдаваясь выступами наружу, то углубляясь внутрь и образуя углы, треугольники и четыреугольники; кругомъ нея былъ ровъ. Этого укрѣпленія было доста-

точно, чтобъ выдержать напоръ небольшаго татарскаго загона или разбойничьей шайки. Одни ворота прямо вели къ хозяйскимъ жильямъ, другіе были назади. Передніе ворота построены были подъ башенкой, на которой находился большой образъ Богородицы, а передъ нимъ висѣла лампада, зажигаемая передъ праздниками. Внутренность двора была усѣяна разными постройками, извѣстными въ нашемъ старомъ быту подъ именемъ избъ, горницъ, повалушъ, сѣнниковъ, амбаровъ. Тогда не дѣлали большихъ домовъ, а по надобности, если семья прибавлялась, строили особые домы: такимъ образомъ еще Михайло Нехорошевъ построилъ четыре избы, одну для себя, три для сыновей. Когда у Капитона родился Осипъ, онъ ему построилъ заранѣе повалушу. Избы эти были соединены связью сѣней, но стояли не на одной линіи. По въѣздѣ на дворъ, на лѣвой сторонѣ была большая одноэтажная столовая изба, выстроенная Петромъ Михайловичемъ для пировъ; къ ней примыкала, составляя съ ней уголъ, другая прямо противъ воротъ—изба собственно Капитона Михайловича. Она была трехэтажная. Второй этажъ, съ открытой галлереей на столбахъ, имѣлъ три продолговатыхъ окна съ круглыми верхними окраинами; въ нижнемъ этажѣ или подклѣтѣ было два четвероугольныхъ окна, между которыми находилась широкая дверь: онъ служилъ для прислуги; съ галлереи втораго этажа вела внизъ лѣстница, крытая сверху и съ боковъ, и оканчивалась у земли двухступеннымъ рундукомъ и пирамидальнымъ верхомъ, на выточенныхъ кувшинообразныхъ столбахъ. Сверху втораго этажа, на большой деревянной крышѣ надстроенъ былъ чердакъ, пространствомъ меньше втораго этажа, съ окнами во всѣ стороны, покрытый покрашеннымъ зеленою краскою тесомъ, сквозь который проросла трава. Вправо отъ этого дома былъ другой, соединенный съ нимъ сѣньми. Онъ былъ двухъ-этажный, безъ чердака; второй этажъ былъ надстроенъ на подклѣтѣ не въ одну съ нимъ линію; но подклѣтъ былъ покрытъ особою кровлею, а второй этажъ углублялся отъ него назадъ: въ каждомъ ярусѣ было по четыре окна. Отъ него слѣдовалъ, соединяясь сѣнями со стеклами, третій двух-этажный домъ, съ небольшою вышкою на верху, а отъ него въ заворотѣ была повалуша, построенная нѣкогда собственно для Осипа; она болѣе походила на башню, чѣмъ на домъ, была трех-этажная

въ три окна и соединялась съ предыдущимъ строеніемъ не сѣньми, но широкимъ низкимъ досчатымъ коридоромъ внизу. Отъ нея вправо стояла избушка съ двумя оконцами вверху, пустая, назначенная для гостей, которые пріѣзжали къ Петру. Между вторымъ и третьимъ домами сѣни были только на верху и связывали верхніе этажи, а внизу между подклѣтами были проѣздныя ворота на другой дворъ. Тамъ направо было огромное строеніе, гдѣ рядомъ помѣщались разныя хозяйственныя кладовыя клѣти, анбары, сараи и наконецъ конюшня, въ заворотѣ противъ домовъ, съ проѣздными воротами на третій дворъ. Строеніе это было въ одну линію, но не въ одну высоту: въ трехъ мѣстахъ на кровлѣ были надстроены сѣнникъ, сушильня и сѣнница; налѣво отъ него стояли поварня, хлѣбня, медоварня, пивоварня, кладовая для храненія винныхъ кубовъ и винокуренной посуды, и четыре людскія избы. Всѣ эти строенія связывались между собою сѣньми. Прошедши черезъ проѣздныя ворота къ конюшнѣ, можно было выйти на скотный дворъ, птичій дворъ и псарню, отдѣленные одно отъ другаго плетнями. По лѣвую сторону отъ всѣхъ этихъ строеній за внутреннимъ плетнемъ былъ садъ, засаженный плодовитыми деревьями, и близъ него гумно; за садомъ стояла винокурня.

При въѣздѣ въ переднія ворота, глаза поражались пестротою фигуръ и красокъ, которыми были изукрашены въ хозяйскихъ жильяхъ столбы галлерей, крыльца, окранны крышъ, сдѣланныя съ прорѣзными гребнями, но въ особенности окранны оконъ: тутъ видѣлись наклеенные изъ дерева и размалеванные разными цвѣтами звѣри, птицы, деревья и такія фигуры, которымъ нельзя дать названія. Столовая изба была обшита тесомъ и раскрашена всѣми возможными узорами. По срединѣ двора стоялъ колодецъ съ журавлемъ.

Осипъ и Первунъ подъѣхали къ крыльцу съ пирамидальной кровлей. У крыльца стояло нѣсколько дворовыхъ людей, по лѣстницѣ сновали женщины съ печальными лицами. Увидя пріѣзжихъ и узнавши въ нихъ своихъ, они всплеснули руками и вскрикнули. Осипъ соскочилъ съ коня, перекрестился, и обращаясь къ людямъ сказалъ:

— Узнаёте меня? Богъ привелъ насъ къ вамъ живыхъ и здоровыхъ. Гдѣ батюшка и матушка?

Но люди не отвѣчали и съ тревожными взглядами обращая головы другъ къ другу, какъ-будто хотѣли сказать между собою: вотъ не въ добрый часъ принесло его! Въ недоумѣніи Осипъ сдѣлалъ нѣсколько ступеней на лѣстницу и увидалъ крышку гроба. Онъ вошелъ въ сѣни; тамъ стоялъ гробъ. Осипъ подошелъ къ нему и увидѣлъ въ немъ свою мать.

III.

На большомъ столѣ, въ дубовомъ, выдолбленномъ изъ одного большаго дерева и потому цилиндрической фигуры гробѣ, украшенномъ снаружи изображеніями крестовъ, лежала мертвая женщина въ бѣломъ саванѣ, сверху покрытая кускомъ матеріи, предназначенной на церковное облаченіе. Священникъ и два дьячка отправляли обрядъ погребенія. Осипъ подбѣжалъ къ трупу матери и приподнялъ краи савана, обвивавшій ей голову; на головѣ былъ надѣтъ бархатный черный волосникъ, изъ подъ него виднѣлась на вискѣ синева съ запекшеюся кровью.

— Ее убили! Матушку убили! закричалъ Осипъ.

Поблѣднѣвшая толпа стояла, не только не смѣя сказать что-нибудь, но едва переводя дыханіе. Священникъ и дьячки, какъ бы желая перекричать Осипово восклицаніе, запѣли сильнѣе.

— Матушка убита? повторилъ Осипъ, и поглядѣвши кругомъ дикимъ взглядомъ, спрашивалъ: Говорите, кто убилъ ее? Она убита. Говорите! крикнулъ онъ такъ, что всѣ попятились назадъ, но молчали. Дьячки запнулись на половинѣ ирмоса, но священникъ, поглядѣвши на нихъ съ укоромъ, запѣлъ «на него же не смѣютъ взирати» такъ громко, какъ-будто бы хотѣлъ заглушить голосъ Осипа. Осипъ, выйдя изъ себя, выхватилъ саблю.

—Вотъ вамъ Христосъ Богъ—велико слово! сказалъ онъ: я начну васъ всѣхъ крошить, если вы мнѣ не скажете, кто убилъ мою мать?

Всѣ бросились въ испугѣ изъ сѣней. Въ это время вышелъ стоявшій за дверьми въ комнатѣ, граничившей съ сѣньми, Капитонъ Михайловичъ, старичокъ съ круглой сѣдоватой бородкой, съ блестящими вертящимися глазами, въ синемъ кафтанѣ.

— Что̀? что̀? закричалъ онъ, и приглядываясь ближе, вдругъ съ видомъ радости отскочилъ и сплеснулъ руками.

— Оська! это ты! сказалъ онъ. Боже ты мой! Сынокъ мой любезный!.. Вотъ не чаялъ, не гадалъ!

И онъ бросился его обнимать.

Осипъ, опустивши саблю, не зналъ, что̀ ему говорить, и глядѣлъ на отца какъ-то безсмысленно. Капитонъ обратился къ священнику, который тогда совершенно уже прервалъ богослуженіе, сложилъ руки на поясъ, и поклонившись сказалъ:

— Простите, отцы и братія, Христа ради, моему безумію: сына девять лѣтъ не зрѣлъ, чувствами возмутился. Сыночикъ, поди отсюда! Послѣ поговоримъ, потужимъ вмѣстѣ, а теперь иди, омойся съ дороги, покушать вели себѣ подать. Иди сынокъ. Ключникъ тебѣ медку, вина доставитъ. Иди, дружокъ!

— Батя! Кто убилъ ее? сказалъ Осипъ, указывая на мать.

— Поди, сынокъ! успокойся, успокойся, дитятко мое! И вмѣстѣ съ этимъ взялъ у него саблю. Тогда Осипъ оттолкнулъ отъ себя отца и закричалъ:

— Ты что ли убилъ ее?

— Грѣховодникъ! воскликнулъ священникъ: на родителя руку дерзаетъ поднять!

— Прости ему, отче, ради его невѣдѣнія и возмущенія душевнаго, сказалъ Капитонъ. Эй вы! отведите его въ повалушу! прибавилъ онъ слугамъ, которые боязливо выглядывали изъ дверей.

— Какъ въ повалушу? говорилъ Осипъ. Здѣсь мать мою хоронятъ, а ты меня посылаешь въ повалушу! скажи, что̀ это такое? кто убилъ мою мать?

— Свяжите его и отведите въ повалушу! грозно крикнулъ отецъ.

Осипъ судорожно сжалъ кулаки... грудь его вздымалась, на лицѣ написано было страшное отчаяніе. Отецъ взялъ веревку; нѣсколько слугъ подбѣжали и связали Осипу руки.

— А! вотъ что! проговорилъ Осипъ, поглядѣлъ грозно на отца, и повинуясь пошелъ въ повалушу. Развяжите меня! я не убѣгу, я не пойду никуда, буду исполнять то, что̀ велятъ, сказалъ онъ.

Однако его привели въ повалушу, и только тогда развязали руки; повалушу заперли за нимъ.

Прерванный чинъ погребенія былъ оконченъ; гробъ подняли и понесли. Духовенство протяжно пѣло: «Святый Боже». За гробомъ шли дворовыя женщины и вопили, причитывая, но остерегаясь, чтобъ ихъ фантазія въ сложеніи причетовъ не выдумала невольно чего нибудь такого, что̀ походило бы на правду. Капитонъ шелъ позади съ поникшею головою, съ кислою миною, стараясь показаться міру сколько возможно печальнѣе.

Осипъ былъ между тѣмъ запертъ въ комнатѣ съ тремя маленькими слюдными оконцами. Стѣны ея были мытыя; на нихъ не было никакихъ украшеній, кромѣ трехъ образовъ; средній былъ въ окладѣ; передъ ними стояли втулки для свѣчей. На лѣво отъ дверей была большая муравленая печь зеленаго цвѣта, съ лежанкой, а вдоль стѣны тянулись лавки, постланныя кусками зеленаго сукна съ позументами по краямъ. Между печью и стѣною находилась деревянная широкая скамья съ изголовьемъ, покрытая ковромъ, на которомъ были изображены птицы; простой дубовый столъ, застланный бумажною пестрою скатертью, стоялъ передъ лавками; полъ былъ устланъ рогожею. Между печью и скамьею маленькая, низенькая дверь вела въ каморку съ однимъ окномъ, гдѣ была скамья, столикъ и пустой шкафикъ.

Осипъ нѣсколько времени стоялъ, безсмысленно глядя въ воздухъ; вдругъ раздался погребальный звонъ. Пробужденный отъ своего оцѣпененія, онъ подбѣжалъ къ окну. Ему было видно, какъ толпа народа собиралась въ оградѣ, около могилы, приготовленной для его матери. Бѣшенство уступило въ немъ религіозному чувству.—Разберемъ дѣло послѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, а теперь помолимся о душѣ родительницы.—Онъ началъ творить крестныя знаменія и читалъ какія зналъ молитвы, приличныя его положенію, но запасъ ихъ скоро истощился, и Осипъ, творя крестныя знаменія, молился уже не словами, а сердцемъ. Между тѣмъ звонъ затихъ, потомъ опять раздался. Осипъ подошелъ снова къ окну и увидѣлъ, что народъ расходится: то былъ знакъ, что мать его въ сырой землѣ. Закрывъ руками лицо, Осипъ припалъ къ изголовью скамьи и долго рыдалъ; потомъ вскочилъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, ударилъ себя въ грудь, и ставъ на колѣни, передъ образомъ, произнесъ:

— Господи Боже, каратєлю грѣшниковъ! покарай лихаго чело-

вѣка, лишившаго живота мать мою, хотя бы то отецъ мой былъ! Господи праведный, молю Тебя, даруй мнѣ силы и крѣпость взыскать правду на убійцѣ моей родительницы! Воздай ему по дѣламъ его, да восчувствуетъ онъ мерзость дѣянія своего, а мать мою, рабу твою Наталію, упокой въ царствіи Твоемъ небесномъ, идѣже нѣсть печали и воздыханія, но радость безконечная, и меня по волѣ Твоей соедини съ нею, да прославимъ вкупѣ благость Твою!

Онъ сѣлъ въ изнеможеніи на лавку. Дверь отперлась, и въ комнату вошелъ священникъ. Забросивъ за собой дверной крючокъ, священникъ благословилъ Осипа и сѣлъ возлѣ него.

— Вотъ, сыне, говорилъ онъ: Господу угодно было посѣтить насъ скорбію; но не подобаетъ намъ унывать, а надлежитъ возлагать упованіе на Бога милосердаго, Его же судьбы неисповѣдимы. Временная жизнь исполнена горестей и лишеній, но скончавшихся праведниковъ ожидаетъ награда на небеси несказанная. Посему подобаетъ молиться о усопшихъ сродникахъ и въ церковь по ихъ душѣ приносы давать, и милостыню щедро раздавать, а не подобаетъ, чадо, предаваться несумѣстной тоскѣ: великій грѣхъ есть и въ пагубу душу ведетъ; и ты нынѣ, чадо, утиши свои чувствія и покорись родителю твоему, ибо тяжекъ грѣхъ предъ Господомъ непокорство родителямъ.

— Батюшка! перервалъ его Осипъ: кто извелъ мою мать?

— Твою мать никто не изводилъ; не годится говорить такія безлѣпичныя рѣчи. Твоя родительница умре отъ недуга. Господу угодно было переселить ее въ вѣчную обитель.

— Какъ отъ недуга, когда я видѣлъ у ней рану на головѣ!

— Не рана, сыне, то не рана, и не отъ того она умре. Отецъ твой за вину ея, якоже подобаетъ мужу учити жену свою, ударилъ ее легко: отъ того маленькая ссадина у ней осталась. Самъ сочетаешься бракомъ, и самъ будешь учить жену свою, какъ придетъ къ случаю, единый разъ рукою, другій же разъ жезломъ побити, иногда же и плетію; отъ того жена не умретъ, но паче ума пріемлетъ и здрава бываетъ; и Церковь повелѣваетъ мужу наказывать по винѣ жену свою, и кто наказанія женѣ не творитъ, тотъ самъ себѣ грѣхъ на душу возлагаетъ. Паки же мать твоя умре не отъ удара, и то ужъ давно было, а приключился ей недугъ, и отъ того недуга волею Божіею помре. Ты же не строптствуй и не будь непокорливъ отцу

*

твоему; да не лишишься родительскаго его благословенія. Ты нынѣ согрѣшилъ тяжко, сынъ, въ ярость пришелъ, пѣніе божественное остановилъ, и того ради повелѣлъ тебя отецъ заключить, а теперь онъ, чадолюбивый, прощаетъ тебѣ юности твоей ради и тоски. Хочешь ли идти къ отцу? Тамъ христолюбцы собираются, трапеза учреждается; хочешь ли тутъ оставаться, то пребывай тихо, кротко, не буйствуй, но всячески молись Господу, въ его же власти вси есмы.

Осипъ слушалъ съ поникшею головою, и отвернувшись отъ проповѣдника, сказалъ:

— Я останусь тутъ: грустно мнѣ въ люди идти.

— Оставайся, сыне, оставайся и молись, Господь съ тобой! сказалъ священникъ, и, благословя его, вышелъ.

Осипъ сидѣлъ опустя голову, нѣсколько разъ закрывалъ лицо руками и открывалъ, нѣсколько разъ припадалъ къ изголовью скамьи, потомъ вскочилъ и сказалъ:

— Накажу, накажу того, кто лишилъ живота мать мою! Живъ не буду, а накажу!

Вся грусть разомъ спала съ сердца у Осипа, и вмѣсто ея вступила въ душу твердая, разсудительная, непреклонная рѣшимость, и жажда дѣла замѣнила бездѣйствіе тоски. Осипъ принадлежалъ къ такимъ натурамъ, у которыхъ поражающее горе, потрясая ихъ организмъ, уступаетъ скоро намѣренію, какое укажетъ голосъ разсудка, руководимаго чувствомъ. Иногда нѣсколько минутъ сильнаго перелома измѣняютъ ихъ и указываютъ такой путь, какого они не выбрали бы передъ тѣмъ ни за что, и они послѣ того до такой степени дѣлаются иными, какъ будто въ нихъ не осталось уже и капли прежней крови. Осипъ въ эти горькія минуты перенесъ такое потрясеніе, отъ какого могъ бы разорваться иной духовный организмъ. Его одолѣвали минуты того паденія, послѣ котораго человѣкъ часто дѣлается на весь вѣкъ неспособнымъ плаксою или сумасшедшимъ. Передъ приходомъ священника его одолѣвало религіозное чувство: ему представлялся монастырь, куда можно уйти отъ людской неправды; но пришелъ священникъ побесѣдовать съ Осипомъ, и Осипова мысль отвернулась отъ монастыря. Въ монастырѣ бы ему напомнили, что онъ не смѣетъ судить поступковъ отца, а долженъ съ покорностью цѣловать ноги убійцѣ матери.

Его дѣтство, ласки матери пришли ему на память; но онъ уже не плакалъ; и чѣмъ яснѣе ему представлялось то, чего онъ лишился, тѣмъ сильнѣе укоренялась жажда правды, воздаянія за злодѣйство.

— Господи! воскликнулъ онъ еще разъ: не дамъ очамъ моимъ дреманія, ногамъ отдохновенія, пока не совершу правды за убіеніе матери моей! Я найду путь къ этой правдѣ! Я пойду искать суда, приведу душегубца подъ кару закона!

И Осипъ рѣшился разузнать, какъ было дѣло, послѣдній разъ спросить отца и тогда посмотрѣть, что̀ сдѣлаетъ отецъ: если раскается—пусть идетъ въ монастырь, пусть самъ себя осудитъ на жесточайшее наказаніе за злой грѣхъ; а не покается—тогда Осипъ пойдетъ искать правосудія во имя царя и правды его.

Въ это время вошелъ въ повалушу Первунъ съ заплаканными глазами. Осипу стало какъ-то совѣстно своего слуги: ему стыдно было заговорить о такомъ дѣлѣ, гдѣ срамится отецъ его, о которомъ онъ не дозволилъ бы никому отзываться иначе какъ съ почтеніемъ. Но Первунъ упалъ передъ нимъ, обнялъ его колѣни и зарыдалъ.

— Ахъ, государь, государь! Не на радость мы пріѣхали домой!

— Первунъ! сказалъ Осипъ: ты одинъ мнѣ вѣрный человѣкъ. Будешь ли мнѣ служить?

— И въ огонь и въ воду съ тобой, государь! сказалъ Первунъ.

— Слушай же: ты долженъ узнать, досконально все узнать, какъ было съ матушкой.

— Я все узналъ, государь, да говорить страшно!

— Говори, милый мой, садись и говори, сказалъ Осипъ.

IV.

Если въ нашемъ быту есть что-нибудь неизмѣнное, что̀ можетъ дать понятіе о прежнемъ бытѣ нашихъ прадѣдовъ, такъ это слуги, которые подъ именемъ дворовыхъ людей наполняли и наполняютъ дворы нашихъ дворянъ. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ дворянъ было обиліе челяди; ходили они зачастую оборванные и босые; не столько служили, сколько обкрадывали господъ и тунеядствовали,

а подъ часъ и безчинствовали, но чаще чѣмъ у насъ исчезали между ними старыя и появлялись новыя лица.

Дворъ Нехорошевыхъ не уступалъ другимъ, и было въ немъ такое множество холоповъ, что изъ нихъ составился бы порядочный гарнизонъ. Тутъ было всего, чего только желать можно, холопы всякаго рода—и полные, и кабальные. Были и такіе, что являлись къ господину, били челомъ и представляли отпускныя: оказывалось, что прежній господинъ передъ кончиною отпустилъ ихъ на волю ради спасенія души своей, думая сдѣлать доброе дѣло, потому что Церковь издавна поставляла въ заслугу человѣку, когда онъ дастъ свободу ближнему своему, и часто господа отпускали холоповъ на волю, а въ часъ смерти наипаче, потому что въ предсмертныя минуты, когда знаешь, что нельзя болѣе дѣлать зла, является охота къ добрымъ дѣламъ. Отпущенные не находили лучшаго способа употребить дарованную себѣ свободу, какъ отдаться снова въ холопство. Но были и такіе, которые бѣжали отъ прежнихъ господъ, были посадскіе, убѣжавшіе изъ тягла, когда имъ надоѣдали воеводскія разверстки и слупы, или когда наѣзжалъ на посадъ какой-нибудь сыщикъ открывать табачниковъ. Бѣгали и служилые отъ службы, и преступники, что-нибудь накуралесившіе и ускользавшіе отъ тюрьмы и висѣлицы. У Нехорошевыхъ вдоволь народу было. Они рядились съ «государемъ», брали отъ него деньги впередъ и обязывались заслужить, иные до срока за ростъ, съ тѣмъ, что если не заплатятъ, то останутся на службѣ до смерти; другіе продавали себя съ потомствомъ, а болѣе всего живали у господъ безъ всякаго ряда и дѣлались вѣчными холопами сами собою, по обычаю, и законъ освящалъ такой обычай, ибо тотъ, кто проживалъ въ домѣ господина безъ ряда долгое время, дѣлался его холопомъ.

Наймы въ холопы въ то время нѣсколько походили на наймы охотниковъ въ рекруты въ наше время. Холопъ получитъ деньги и пропьетъ ихъ въ нѣсколько дней, и потомъ остается въ неволѣ. Немногіе приходили съ семействами; большая часть была одинокихъ—и мужчинъ, и женщинъ; очень часто у первыхъ были жены, у послѣднихъ мужья, но тѣ и другіе скрывали это, и поселившись во дворѣ, снова женились или выходили за-мужъ, по приказанію господъ, которые обыкновенно находили себѣ развлеченіе въ однообразіи своей жизни, устраивая сватьбы слугъ. Однажды у Нехо-

рошевыхъ случилось по этому поводу забавное приключеніе. Капитонъ женилъ какого-то Аверку на какой-то Матренкѣ; вдругъ приходитъ къ нему рядиться въ холопы мужъ съ женою, и оказывается что первый былъ прежде мужемъ Матренкѣ, а вторая женою Аверки. Изъ этого народа были мастеровые, и учили они разнымъ художествамъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, и оттого во дворѣ зажиточнаго помѣщика было, словно въ посадѣ, всякаго промышленнаго и умѣлаго народу много: и ткачихи, и портнихи, и столяры, и сапожники, и иконописцы, и Богъ знаетъ, кого только не было. Необученныхъ мастерству опредѣляли въ конюхи, скотники, псари; другихъ вооружали луками и сайдаками, и держали на случай опасности; были и такіе, которыхъ должность въ томъ только и состояла, чтобы по ночамъ бить въ желѣзную доску и пугать воровъ. Большая часть ихъ проводила время праздно, да и самые мастеровые работали умѣренно, за то не совсѣмъ умѣренно пьянствовали. У Нехорошевыхъ была своя винокурня и пивоварня: поэтому веселящаго сердце питія было вдоволь. Капитонъ былъ для нихъ мало грозенъ, да и дома живалъ рѣдко, какъ сказано. Привыкши находиться подъ слабою десницею женскаго правленія покойницы Натальи Андреевны, дворня отличалась распущенностью, лѣнью и своеволіемъ. Начальникомъ надъ нею былъ ключникъ Герасимъ; подъ его управленіемъ состояло нѣсколько второстепенныхъ начальниковъ; свой староста былъ надъ псарями, свой надъ скотниками. Каждаго такого старосту имѣлъ право бить Герасимъ, и въ свою очередь, староста, получивъ отъ Герасима тумаки и оплеухи, отплачивалъ за нихъ такою же монетою своимъ подчиненнымъ. Женщины были подъ надзоромъ жены ключника, а потому въ начальствѣ у нея находились старостихи, вѣдавшія каждая толпу служанокъ, сообразно ихъ занятіямъ. Ключницу билъ мужъ, ключница била старостихъ, а послѣднія били своихъ подручницъ; женщины вообще были подчиненнѣе мужчинъ: кромѣ того что рабу била другая раба, которой поручали надъ ней надзирать,—ее билъ еще и собственный мужъ; и коль скоро мужа побьютъ по начальству, онъ съ досады колотилъ жену, не смотря на то, что ее недавно колотили также по начальству. Такой порядокъ не возбуждалъ ропота, потому что былъ согласенъ съ общими понятіями; если случались побѣги, то не отъ жестокости, а оттого, что захочется въ другомъ мѣстѣ отвѣдать

житья-бытья холопскаго и денегъ съ новыхъ государей взять. При этомъ не обходилось безъ того, чтобы бѣглецъ чего-нибудь не укралъ, что̀ ему подъ руку попадется. Всѣ думали, что они на то и родились, чтобъ ихъ били; воображеніе ихъ не могло себѣ представить существованія на землѣ безъ побоевъ: «та̀къ отъ Бога постановлено»! гласила тогдашняя философія. За то всякій старался обмануть и провести того, кто имѣлъ надъ нимъ власть и могъ его бить, и это было вовсе не изъ мщенія: напротивъ, еслибъ кто съ холопомъ обращался мягко, то могъ ожидать отъ него воровства и обмана.

Между властями и подвластными происходила своего рода война. Всякая власть, въ какомъ бы лицѣ она ни являлась—въ лицѣ господина или ключника—всегда знала, что ее обманутъ, и заранѣе назначала за обманъ себѣ возмездіе раздачею побоевъ, гордо хвастая: меня не проведешь! Подвластный же въ томъ поставлялъ свое достоинство, что съумѣетъ обмануть того, кто думаетъ, будто его провести нельзя. Ключникъ Герасимъ былъ любимецъ Капитона и пользовался его довѣріемъ; и когда умерла Наталья Андреевна, онъ созвалъ слугъ и приказалъ имъ, чтобъ они не смѣли говорить непристойныхъ рѣчей про государынину смерть, а наипаче ничего не болтать молодому осударскому сыну и его слугѣ Первушкѣ; когда же увидѣлъ заплаканныя лица близкихъ къ покойницѣ служанокъ, то надавалъ имъ оплеухъ. «Вамъ, говорилъ онъ, не рюмить, а дѣло свое дѣлать велѣно!» Не смотря на такое строгое предостереженіе, Первунъ тотчасъ же узналъ всю подноготную отъ одной старой дѣвки, съ которой былъ въ сердечныхъ отношеніяхъ еще до своего отъѣзда: эта дѣвка особенно плакала по своей госпожѣ, и все разсказала своему старому возлюбленному, увлеченная свиданіемъ съ другомъ юности. Первунъ, въ походной жизни получившій такую привязанность къ своему господину, какую трудно было найти въ холопѣ, живущемъ постоянно въ мирномъ домѣ, явился пересказать ему страшную тайну.

V.

— Съ тѣхъ поръ какъ мы уѣхали, говорилъ Первунъ, батюшка твой, осударь, какъ и прежде, все былъ въ ѣздѣ, а осударыня покойница матушка сама оставалась въ домѣ. Всѣ любили твою

матушку покойницу, только не взлюбилъ се ключникъ Герасимъ; а за то не взлюбилъ, что покойница государыня знала его хитрость, что онъ государскому добру не радитъ, а себѣ мошну набиваетъ и всячески своихъ государей обманываетъ. Вотъ и сталъ ключникъ Герасимъ придумывать, какъ бы засмутить между батюшкой и матушкой. А батюшка твой,—прости, государь, на этомъ словѣ—падокъ на женскую плоть, не такъ какъ ты, государь—по дядюшкѣ пошелъ. Вотъ, государь, знаючи это ключникъ Герасимъ... а у ключника Герасима жена вѣдунья сущая и всякому вѣдовству и нечистому дѣлу знатна; и стали они вдвоемъ, мужъ съ женою, помогать твоему батюшкѣ во всякихъ тайныхъ женскихъ дѣлахъ, совѣтливость съ нимъ обо всемъ имѣть, гдѣ какую женщину на блудъ достать: то ключникъ Герасимъ въ этомъ ему помогалъ, а жена приворaживала.

А у сосѣда Жарскаго жена Непила Филипповна красота безпримѣрная. Смутилъ врагъ... сталъ Капитонъ Михайлычъ съ ключникомъ совѣтъ держать, какъ бы ее съ ума свести. Ключница сейчасъ же найди кунку себѣ, такую жъ вѣдьму, какъ сама, у Жарскихъ—Аксинью; денегъ ей пообѣщала, и стали двѣ вѣдьмы за одно лиходѣять. Ключница наша спекла пирогъ и положила туда крови своего государя, да наговорила своею бѣсовскою наукою; а Аксютка отдала тотъ пирогъ своей государынѣ, а потомъ взяла волосъ ея, да сожгла, и дала нашей ключницѣ: на, говоритъ, своему дай, чтобы какъ моя не можетъ жить безъ твоего, такъ чтобъ и твой безъ моей не жилъ. Послѣ того, государь, довели они обоихъ до того, что Непила Филипповна не съѣстъ, не выпьетъ, не поспитъ—все бредитъ Капитономъ Михайлычемъ, свѣтомъ-животомъ своимъ называетъ, а Капитонъ Михайлычъ у себя только и помышляетъ, какъ бы съ Непилой Филипповной любовь сотворить. Вотъ и стали они сходиться у крестьянской вдовы Злодѣевой, а Непилина мужа въ тѣ поры въ домѣ не было, въ походѣ былъ; и прошло времени чай съ полгода. Батюшкѣ твоему своя жена, твоя, государь, матушка, горше полыни горькой стала: не посмотритъ на нее, не заговоритъ съ ней! И прежде не больно ласковъ былъ, а теперь все бы ему браниться се да побить. Бѣдная все терпѣла, все выносила: и прежде грѣхъ за мужемъ былъ, да все не то; хоть на сторонѣ сотворитъ грѣхъ, а все-таки не привьется къ чужой, на свою не смѣняетъ; а

теперь, вѣстимо, какъ на сторонѣ есть зазнобушка, такъ все къ ней да къ ней, а своя костью въ горлѣ стоитъ: какъ ужъ тутъ не бить ее! Стала матушка государыня наша думать, гдѣ бы это проявилась ей разлучница? Ну, а наше холопье дѣло: хоть знаешь, да боишься сказать! Одна только и была у ней вѣрная слуга, старая дѣвка Ганка. Она государыню больно любила, и государыня ее жаловала. Видитъ она, что государыня все тоскуетъ, и спрашиваетъ ее: скажи, молъ, кормилица, что̀ у тебя за горе? авось я тебѣ помогу. Та и говоритъ ей: такъ и такъ, чай у моего мужа зазнобушка, а у меня разлучница есть. Ганка говоритъ ей: правда твоя, государыня, есть; и все ей разсказала. Стали онѣ вдвоемъ думать, какъ дѣлу помочь. А тутъ какъ разъ пріѣзжаетъ мужъ Ненилинъ Жарской: напередъ насъ съ мѣсяцъ пріѣхалъ изъ Чернигова со службы. Охъ, на бѣду видно приключилось матушкѣ нашей кормилицѣ-голубушкѣ! Не въ силу стало переносить сердцу: послала Ганку разсказать про все Жареному. А ему, дураку, чѣмъ бы собрать людей, да ночью накрыть свою жену съ твоимъ батюшкой, онъ же взялъ да и разсказалъ ей самой, что вотъ молъ про тебя что̀ прислала сказать Нехорошева. Вѣстимо, не дура Нениля, чтобъ ей признаться: разрюмилась, расплакалась... клянется, присягаетъ— и ничего такого не было, и въ голову ей того не приходило, и во снѣ не видѣлось; да сейчасъ же и послала къ Капитону сказать: не могу, молъ, съ тобой болѣе свидѣться: твоя женушка Наталья хочетъ меня со свѣту сжить,—все мужу моему передала. Какъ взбѣсится твой батюшка, прискочитъ къ матушкѣ, давай допрашивать да бранить, а та ему не смолчала да ругнула его; а онъ съ сердцовъ, какъ держалъ въ рукахъ палку, такъ и хватилъ ей по головѣ; а государыня тутъ такъ и упала! Сейчасъ за священникомъ: куда тебѣ! ни слова не говоритъ. Такъ безъ исповѣди и святаго причастья преставилась, для того что безъ рѣчей ужъ была. Теперь... Богъ вѣсть, что̀ съ Ганкой и станется! Еще батюшка твой не знаетъ, кто матушкѣ вѣсть передалъ про то, что онъ Ненилу любитъ; а какъ узнаетъ—смотри, убьетъ!

Оспиъ не проронилъ слова изъ разсказа Первуна.

— Слушай, сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ: мы ѣдемъ въ Саранскъ судиться съ батюшкой. Я подаю челобитную воеводѣ: пусть доводитъ все дѣло; на то оно убивственное есть. Царская

правда покаретъ батюшку за бѣдную матушку. Я поклялся дойти до правды, чтобъ не даромъ пропадала кровь христіанская. Какъ думаешь, Первунъ: скажутъ люди правду по сыску?

— Гдѣ сказать правду, государь! сказалъ Первунъ; народъ все лестный, побоится. Капитонъ Михайлычъ великъ человѣкъ, съ воеводой въ пріятствѣ. Воть хоть и попъ: какъ ему не знать, какъ не вѣдать дѣла, а даетъ видъ, будто государыня своей смертью умерла! Батюшку твоего всѣ уважаютъ и почитаютъ за перваго въ уѣздѣ.

— Правда на него найдется, говорилъ Осипъ: и я найду ее! А не найду, такъ самъ пропаду. Коли батюшка хочетъ остаться безотвѣтенъ за матушку, пусть меня убьетъ и положитъ съ ней въ одной могилѣ; а пока я живъ,—не миновать ему суда. Мы ѣдемъ въ Саранскъ.

— Съ тобой, кормилецъ, куда велишь! сказалъ Первунъ.

VI.

Вечерѣло. Въ хоромахъ, гдѣ жилъ Капитонъ, холопъ зажигалъ лампаду передъ образомъ и лежавшимъ на столѣ павлинымъ перомъ обмахивалъ пыль. Капитонъ вышелъ изъ другой комнаты въ синемъ поношенномъ кафтанѣ, въ туфляхъ, похожихъ на валенки, сдѣлалъ крестное знаменіе и сказалъ:

— Позови ко мнѣ Герасима.

Въ ожиданіи Герасима, Капитонъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Видъ его былъ задумчивъ; его бѣгающіе во всѣ стороны глаза блистали чѣмъ-то зловѣщимъ.

Вошелъ Герасимъ.

Герасимъ, сказалъ Капитонъ: надѣлали мы бѣды! Истинно бѣды! Вотъ до чего лукавый доводитъ! Только поддайся ты ему, а онъ тебя какъ разъ въ пропасть заведетъ! Мало того, что бѣдная Наталья Андреевна подвернулась... еще и сынокъ на бѣду пріѣхалъ. Что̀ ты съ нимъ будешь дѣлать! Нельзя же, чтобъ онъ свою родную мать забылъ. А что̀ съ того? хошь бы корысть какая!... Охъ, Неонила Филипповна, Неонила Филипповна! Все черезъ тебя. Что̀ намъ за корысть, за радость? Неонилушка все таки моя не будетъ...

Капитонъ заплакалъ.

— Ахъ, Герасимушко! продолжалъ онъ: не жизнь мнѣ безъ Неонилушки! За нее не то что одинъ грѣхъ, сто грѣховъ принять радъ — колибъ она, моя голубушка, зазнобушка моя, со мной неразлучна была. Эхъ, лучше бы мнѣ смерть была вмѣсто Натальи!

— Не кручинься, кормилецъ! говорилъ Герасимъ: еще и наша голова не бѣдна, и мы умомъ повернемъ да дѣло склеимъ. За семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Коли въ воду по колѣни, такъ хоть и по шею. Найдемъ тебѣ Неонилу Филипповну. Не то, что тайкомъ учнемъ ходить къ тебѣ: вѣкъ будетъ съ тобой жить, нашей государыней станетъ! Эхъ! То-то радость будетъ! То-то на свободѣ вина напьюсь!

И Герасимъ, говоря это, прищелкивалъ да подпрыгивалъ, потомъ, упершись руками въ колѣни, нагнулся и вытянулъ голову къ Капитону, засматривая ему въ лицо.

— Какъ же это? говорилъ Капитонъ.

— Бояринъ, любишь Неонилу Филипповну?

— Я ли не люблю ее! Въ огонь и въ воду пойду! Что жену!— отца роднаго, душу отдамъ за нее!

— Не тужи, не грусти, не кручинься! продолжалъ ключникъ. Твоя будетъ Неонила Филипповна. Съумѣли приворожить, съумѣемъ и женить. Все въ нашихъ рукахъ! Жена моя не даромъ вѣдунья...

— А мужъ?

— Пойдетъ за Натальей Андревной.

— Какъ! зелья дать отравнаго?

— Не то чтобъ зелья отравнаго, а вѣдовство. Что жъ дѣлать! Грѣхомъ спознался съ ней, тѣмъ же грѣхомъ и получишь. А безъ грѣха такому дѣлу не быть.

— Эхъ, коли грѣшить, то грѣшить! Я безъ нея не жилецъ на свѣтѣ. Что хотите творите, лишь бы мнѣ съ ней, моей лебедушкой бѣлой, въ неразлучности быть. Изсушила меня эта любовь!

— Вотъ жена сама, сказалъ Герасимъ, и вошла жена его, стоявшая за дверьми. Она тебѣ, государь, лучше разскажетъ.

Жена Герасима была женщина лѣтъ тридцати пяти, одѣтая въ синемъ опашнѣ съ мѣдными пуговицами съ верху до низу, съ длин-

ными собранными въ складки рукавами. Подолъ опашня былъ опушенъ красною полосою, а изъ-подъ него выглядывалъ пестрый подолъ лѣтника бумажной матеріи, называемой кындякомъ, желтаго цвѣта; ноги обуты были въ сапоги. На груди у ней было множество крестовъ, сердечекъ и ожерельевъ. Голова была сверхъ волосника обвита бѣлымъ повоемъ, котораго концы завязывались подъ бородою. У ней было жирное лицо съ выдувшимися впередъ щеками; сѣрые глаза имѣли въ себѣ что-то особенно непріятное.

— Ну, Маланья, сказалъ ключникъ: сдѣлаешь такъ, чтобы Ненила Филипповна стала супружницею нашего государя?

— Можно, коли боярину угодно, сказала Маланья: это въ нашихъ рукахъ.

— А съ мужемъ Мирономъ Малафѣевичемъ что̀ станется?

— Да что̀ станется? сказала Маланья. Что̀ со всѣми нами станется; вдова послѣ него останется, а пойдетъ за Капитона Михайлыча, за нашего государя.

— Маланья! вѣдь это ты убивство замышляешь?

— Зачѣмъ убивство! Я зелья ему давать не стану; я просто смерть на него нашлю по вѣтру. Я такое слово знаю, что куда хочу, туда смерть и направлю, и на кого озлюсь, на того ее и нашлю. Мнѣ можно только троче такъ насылать. За каждый разъ съ моего вѣка десять лѣтъ скотится: положить, мнѣ бы судьба шестьдесятъ лѣтъ прожить на свѣтѣ, такъ за первый разъ мнѣ придется только пятьдесятъ прожить.

— Что̀ жъ, ты насылала на кого-нибудь прежде смерть? спросилъ Капитонъ.

— Насылала, батюшка, одинъ разъ, нече грѣха таить!

— На кого?

— Этого ужъ твоя милость не допытывай. Хоть ты мнѣ и боринъ, а я того тебѣ не скажу, хоть ты рѣжь, хоть ты жги меня. А вотъ коли хочешь возобладать Ненилой Филипповной, такъ это можно. Я сослужу тебѣ службу, сама за то десятъ лѣтъ своей жизни утеряю, да тебя, мой свѣтъ, съ дружкомъ обвѣнчаю.

— Ахъ, дѣлай, дѣлай, что̀ хочешь дѣлай! сказалъ Капитонъ. Лишь бы Ненилушка моя была.

— Сдѣлаю, батюшка; покоенъ будь, сдѣлаю.

И она вышла.

— Герасимъ! дружище мой! сказалъ Капитонъ: если твоя жена правду говоритъ, если вы меня жените на Неняшкѣ—чѣмъ тебя и ее наградить?

— Мы всѣмъ твоей милости довольны, сказалъ Герасимъ.

— Волю тебѣ дать что ли? Я и безъ того тебѣ готовъ дать: ты и такъ много послужилъ. Нѣтъ, этого мало; я хочу тебя наградить... чѣмъ? говори.

— Бояринъ! ничего намъ отъ тебя не надо. Мы и сыты, и одѣты, и пьяны... что̀ нашему брату! живемъ какъ у Христа за пазухой. Ничѣмъ отъ тебя, свѣта нашего, кормильца, не обижены. Твоей милости счастіе сложить—это намъ всего охотнѣе.

— Ну, пошли-ка сына: я хочу поговорить съ нимъ.

— Ка̀къ же ты думаешь говорить съ нимъ? что̀ про мать скажешь?

— Сперву я было думалъ ничего не говорить: на то я отецъ, власть имѣю, и не смѣетъ онъ съ меня спрашивать; а послѣ раздумалъ: хуже станетъ, его раздоришь. Эхъ, нехорошее дѣло! скверное дѣло! причинное дѣло! А право слово, не думалъ, не помышлялъ! Та̀къ вотъ склалось! Воля Божія видно!

— Та̀къ и говори, бояринъ, та̀къ и говори! Всего бы лучше лаской спровадить его куда-нибудь, а то какъ Неняшинъ мужъ дуракъ умретъ, да затѣемъ мы свадьбу, такъ оно не хорошо.

— Да, подумаемъ... вотъ оно что̀: надобно сперва приласкать его, а потомъ пошлю его къ своему пріятелю въ Нижній. А у него дочка есть. Вотъ мой Оська, того и гляди, тамъ и останется. Лишь бы старый хрѣнъ не пряталъ дочки, чтобъ Оська ее увидѣлъ.

— Лучше и придумать ничего нельзя, сказалъ Герасимъ: сынъ женится и горе позабудетъ!

Послѣ такого домашняго совѣта, Капитонъ приказалъ позвать сына.

Осипъ между тѣмъ собирался-было съ Первуномъ ночью уѣхать; но оба увидѣли, что это трудно, ибо ворота на ключь запираются. Рѣшились лучше переждать еще день, и на третій день, когда будетъ поминовеніе по матушкѣ и трапезное учрежденіе, тогда и махнуть. Въ это время холопъ позвалъ его къ отцу.

Когда Осипъ изъ своей повалуши переходилъ къ отцу съ холопомъ, несшимъ передъ нимъ свѣчу, то не безъ ужаса вошелъ въ тѣ сѣни,

гдѣ поутру видѣлъ мертвую мать. Изъ этихъ роковыхъ сѣней дверь вела въ двѣ разныя комнаты: въ одной жила его мать, и тамъ совершилось убійство. Дверь была полуотворена; Осипъ взглянулъ туда и задрожалъ. Месть проснлась сильнѣе изъ сердца наружу. Холопъ растворилъ другія двери и ввелъ Осипа туда, гдѣ Капитонъ только что бесѣдовалъ съ ключникомъ. Осипъ вошелъ блѣдный, съ посинѣлыми губами, но старался придать себѣ видъ спокойствія и безстрастія, чтобъ отецъ ничего не могъ прочесть на его лицѣ.

Здравствуй, Оська, сынъ мой любезный! сказалъ Капитонъ, и схвативъ его, началъ цѣловать въ обѣ щеки; и казалось Осипу, эти поцѣлуи походили на прикосновеніе змѣи. Когда онъ поцѣловалъ отца—еще отвратительнѣе показался ему собственный поцѣлуй.

— Садись, сынокъ, садись.

Сынокъ сѣлъ.

— Дай посмотрѣть на тебя, дитя мое! Девять лѣтъ не видались. Разскажи-ка про житье-бытье, какъ Богу и государю служилъ. Какія напасти чай переносилъ! Охъ, воинское дѣло, воинское дѣло! Слава всемилосердому Богу, что не лишилъ меня на старости лѣтъ радости тебя увидѣть. Охъ, никто какъ Богъ! Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!

Осипъ молчалъ.

— Ну, сынокъ! видишь, у насъ-то, у насъ какое горе приключилось! О, великое несчастье! Божіе попущеніе, сынокъ! Давеча, какъ ты только пріѣхалъ, я не могъ тебѣ ничего сказать—самъ знаешь! Такое горе—и чужіе люди кругомъ... ты же въ безпамятствѣ, въ ярости... что̀ дѣлать! не виню я тебя. Никто какъ Богъ; на все Божіе попущеніе! Теперь же все тебѣ разскажу, дитя мое милое! Ничего отъ тебя не сокрою. Ты, любезный сынъ мой, мое единое утѣшеніе въ скорбяхъ!

Онъ поцѣловалъ его въ голову. Осипъ молчалъ и глядѣлъ внизъ.

— Теперь я тебѣ всю правду скажу. Хоть кляни меня, сынокъ. Оно конечно, Богъ свидѣтель—не думалъ, не помышлялъ—рукамъ воли и тутъ не давалъ... Охъ! врагъ силенъ, заводитъ и въ синемъ! Двадцать девять лѣтъ прожили вмѣстѣ, душа въ душу, по Божьему закону жили; дай Господи всѣмъ добрымъ людямъ такъ согласно жить, какъ мы жили: не бранились, не дрались... а на старости пришлось... Охъ, охъ! Никто какъ Богъ! На все Божіе попущеніе!

Говорится не даромъ: хмѣль. О, хмѣль, хмѣль! къ добру не приведетъ! Извѣстно, въ хмѣлю какъ въ бреду: не помнитъ человѣкъ что̀ речетъ, что̀ творитъ. На все Божіе попущеніе! И власъ съ главы нашей не спадетъ безъ воли его! А съ чего сталось? Стали мы счеты сводить по хозяйству; покойница сосчитала; я говорю: не такъ! она говоритъ: такъ! я говорю: не такъ! а она на меня: ахъ ты такой-сякой! что̀, я развѣ мало тебѣ управляла домомъ! ты, говоритъ, шатаешься всюду, а я одна всему порядокъ даю, да ты жъ меня учить хочешь!.. А нече грѣха таить, стала покойница прихлебывать, и на тотъ часъ была въ подпитіи. А я, сынокъ, ухъ какъ этого не люблю! Ужъ давно и многажды журилъ ее, и изъ святаго письма уговаривалъ и призывалъ священника въ чувствіе приводить, а напослѣдокъ она передъ образомъ мнѣ поклялась, что не возьметъ вина въ ротъ: пусть говоритъ, материнское мое благословеніе побьетъ меня, если хоть разъ напьюсь! Послѣ всего этого, вижу опять напилась и бранится. Я сперва лаской ей говорю: Натальюшка, другъ мой! ты опять за проклятую дьявольскую воду берешься! Какъ же тебѣ не стыдно? клятву свою вспомни, что ты сказала: материнское благословеніе тебя побьетъ! Вотъ оно, погляди! А она... извѣстно, пьяный человѣкъ свѣчки не поставитъ, а свалитъ—прямо къ образу, да и говоритъ: что̀ мнѣ материнское благословеніе! я сама себѣ госпожа, а ты мнѣ не указъ! Тутъ я не вытерпѣлъ и ударилъ ее, памятуючи, яко мужу подобаетъ жену учити и наставляти. Она же, чѣмъ бы покориться мнѣ, прямо съ кулаками ко мнѣ; я сталъ отъ нея отмахиваться, да какъ-то ненарокомъ зацѣпилъ по виску: она, голубушка, тутъ такъ и упала! Ужъ чего-чего мы не дѣлали! Нѣтъ, ничего не помогло! Слава Создателю, хоть священникъ успѣлъ исповѣдать и причастить святыхъ таинъ, по христіански скончалась. Вотъ до чего хмѣль проклятый доводитъ! Знаю, сынокъ, знаю, тяжело тебѣ: пріѣхалъ черезъ девять лѣтъ въ родной свой уголокъ, да матушку засталъ на столѣ. Развѣ оно легко! Да вѣдь и мнѣ, сынокъ, она жена законная; двадцать девять лѣтъ прожили!..

Капитонъ закрылся обѣими руками и всхлипывалъ. Ему казалось, что онъ притворялся искусно, но сынъ получилъ къ нему въ эту минуту еще болѣе отвращенія, и еще сильнѣе въ сердцѣ его укоренилось желаніе возмездія за смерть матери, ибо онъ не видалъ и тѣни

раскаянія въ этомъ человѣкѣ, который назывался его отцомъ. Осипъ не противорѣчилъ ему и не поддакивалъ. Осипъ молчалъ, повѣсивъ голову. Какъ ни старался Капитонъ расшевелить его и вызвать по крайней мѣрѣ хотя бы на какое-нибудь слово, даже непріятное— нѣтъ! Осипъ стоялъ безчувственнѣе дерева. Не вторилъ онъ искреннымъ сердечнымъ слезамъ притворнымъ слезамъ убійцы; не прояснилось его лицо и тогда, когда отецъ увѣрялъ его, что за сіе невольное прегрѣшеніе онъ всю жизнь будетъ жить только для ненагляднаго сына; наконецъ Капитонъ заговорилъ о необходимости Осипу жениться: Осипъ и тутъ молчалъ. Только тогда, когда Капитонъ, выведенный изъ терпѣнья этой безгласностью, сказалъ съ сердцемъ: «Да что жъ ты стоишь какъ пень? говори что-нибудь!» Осипъ приподнялъ голову и отрывочно произнесъ, безъ всякаго чувства:

— Твоя воля, батюшка!

Отецъ проводилъ сына поцѣлуями и объятіями, и возненавидѣлъ его вполнѣ. Онъ бы гораздо менѣе раздражился, если бъ сынъ засыпалъ его укорами, если бъ даже поднялъ на отца руки, чѣмъ убивать такою зловѣщею покорностью. А Осипъ, пришедши въ свою повалушу, еще разъ далъ волю слезамъ. Онъ проплакалъ до полуночи. Наконецъ Осипъ сказалъ:

— Теперь я оплакалъ и тебя, приснопамятная родная матушка, и тебя вмѣстѣ, батюшка! Я теперь круглый спрота; нѣтъ у меня ни роду ни племени: матушка въ сырой могилѣ, а батюшка на кару пойдетъ... Не минешь, не минешь ты ее!... отъ меня не минешь ты ее!

VIII.

Третій день послѣ погребенія былъ въ старину днемъ погребальнаго торжества. Съ самой зари во дворѣ Нехорошевыхъ поднялась суета и бѣготня; печи его поварней дымились; ключникъ безпрестанно бѣгалъ изъ одной клѣти въ другую, побрякивая связками ключей; слуги, по его приказанію, сновали въ разныя стороны, подгоняемые то бранью, то подзатыльниками: одни въ мѣдныхъ ендовахъ выносили изъ погребовъ медъ и пиво, другіе несли къ столу въ лукошкахъ кубки, чарки, братины, солонницы; на дворѣ уставляли рядомъ колоды, а на нихъ накладывали доски, на кото-

рыхъ подавался обѣдъ крестьянамъ и нищимъ. Часовъ въ семь поутру, по нашему счисленію времени, зазвонили къ обѣдни. Капитонъ Михайловичъ одѣлся въ поношеный кафтанъ, надѣлъ сѣрую шапку, и, взявъ въ одну руку четки, а въ другую посохъ, вышелъ изъ горницы и тихо спускался по лѣстницѣ; когда онъ явился на дворѣ среди суетливой дворни и крестьянъ, то всѣ кланялись ему въ поясъ; онъ отвѣчалъ наклоненіемъ головы, и шелъ опустивъ глаза въ землю, испуская вздохи. Пришедши въ церковь, онъ стоялъ у столба, крестился очень усердно, клалъ земные поклоны, и то поднималъ взоры къ небу, съ видомъ возношенія помысловъ горѣ, то опускалъ ихъ долу, съ видомъ задумчивости и грусти.

Его сынъ стоялъ у столба на противуположной сторонѣ, съ какимъ-то безразличнымъ, равнодушнымъ видомъ, не плакалъ, не водилъ глазами; на лицѣ его нельзя было прочесть ничего. Крестьяне Нехорошева отъ мала до велика стеклись въ церковь, довольные тѣмъ, что въ этотъ день не будутъ работать и притомъ поѣдятъ и попьютъ за обѣдомъ.

По окончаніи литургіи отправлялась панихида на гробѣ. Капитонъ Михайловичъ разливался слезами; сынъ по прежнему не плакалъ, и смотрѣлъ въ сторону, отворотившись отъ отца, который былъ для него невыносимо противенъ въ эту минуту. Послѣ панихиды всѣ приложились къ кутьѣ изъ ячменныхъ крупъ съ медомъ, потомъ понесли въ домъ кутью въ чашкѣ, къ краямъ которой прилѣплены были восковыя свѣчи. На дворѣ Нехорошевыхъ уже были разставлены доски въ видѣ столовъ, и подлѣ нихъ стояли скамьи, колоды, обрубки, все, на чемъ только можно было присѣсть. Уже на столахъ виднѣлись большія деревянныя солонницы, круглыя деревянныя ложки, ломти хлѣба и большіе чугуны съ вареными яицами. Народъ, крестясь, занималъ мѣста. Между крестьянами явилось множество нищей братіи.

Христовы слова: «нищіе всегда имате», запечатлѣлись надъ всею исторіею Россіи. Казалось, откуда бы взяться такому обилію нищихъ въ странѣ, такой дѣвственной и мало населенной? А между тѣмъ гдѣ только отправлялось поминовеніе по усопшемъ, являлось ихъ чрезвычайное множество. Какъ во́роны на добычу, стекались они на эти грустные пиры. Они были необходимы тогда для общества; подачею милостыни нищимъ выражалось у Русскаго чувство

милосердія и состраданія. Если бъ не было нищихъ, благочестивый человѣкъ не могъ бы утѣшать своей совѣсти: подать нищему значило проложить себѣ путь къ прощенію грѣховъ отъ Бога. Всѣ обстоятельства тогдашней жизни такъ слагались, чтобы плодить нищую братію: ихъ плодили и воеводы, и дьяки, и приказчики, и помѣщики, и ратные люди, и татары. Какъ набѣжитъ ногайская орда изъ степей, да пожжетъ хлѣбъ на поляхъ, а въ селеніяхъ избы, жители, успѣвъ спастись отъ татарскаго аркана въ болотахъ и лѣсахъ и очутившись безъ крова и безъ хлѣба, расходились по Руси просить милостыни. Случалось, у дворянина или сына боярскаго отбиралось помѣстье на великаго государя за то, что онъ убѣгалъ или прятался отъ царской службы: такой бывшій помѣщикъ просилъ милостыни. Работать ему было неприлично; въ лохмотьяхъ, возбуждавшихъ состраданіе, таскался онъ изъ села въ село, изъ города въ городъ, и восклицалъ подъ окнами: «дайте бѣдному дворянину кусокъ хлѣба, Христа ради!» Напрасно было бы, если бъ добрые люди взяли его къ себѣ, обули или одѣли: онъ сейчасъ же пропьетъ свою одежу или обувь, и уйдетъ изъ душнаго дома на улицу да на дорогу: надо же залить зеленымъ виномъ горе жизни! А одежу дареную пропить—чистый расчетъ: въ хорошемъ платьѣ просить—не дадутъ; лохмотья лучше располагаютъ нищедателей къ щедротамъ. А жить въ чужомъ углу—о, какъ тяжело! Чужой хлѣбъ безъ труда горекъ; шатаясь подъ окнами, человѣкъ чувствуетъ себя свободнымъ; тутъ есть и трудъ: придется и ноги помять, и отъ собакъ убѣгать, и зною и холоду натерпѣться—вотъ оно и кажется, что хлѣбъ трудовой!

Къ Нехорошевымъ на поминки собралось мало слѣпыхъ, хромыхъ, безногихъ: такіе не шли пропитывать себя нищенскимъ подвижничествомъ; нищіе, собравшіеся туда, были люди здоровые, всякаго возраста и обоего пола. Когда хозяинъ, Осипъ, священники и причетъ проходили изъ церкви въ домъ съ кутьею, нищая братія подняла нестройный вой и плачъ, смѣшеніе всевозможнѣйшихъ звуковъ. Иные просили милостыни, затягивая самымъ плачевнымъ напѣвомъ: «побейте меня, да покормите! Руки-ноги поламайте, да милостинки христовой подайте!» Женщины заводили всѣми родами пискливыхъ дискантовъ, въ которыхъ нельзя было разобрать ни одного слова; а такъ называемые божіе старцы, полу-нищіе, полу-

монахи, обрекавшіе себя, какъ они говорили, на странническое житіе, не просили, а пѣли нравоучительные стихи о кратковременности человѣческой жизни и о превосходствѣ монастырскаго житія предъ мірскимъ. Съ пищими садились за столы и крестьяне, считая приличнымъ почаще вздыхать и говорить: царство небесное! царство небесное! Среди этой толпы въ сѣрыхъ зипунахъ и кафтанахъ сновала пестрая толпа челяди, завѣдывавшей учрежденіемъ трапезы.

Священники съ хозяевами и гостьми дворянскаго происхожденія вошли въ столовую. Тамъ, въ просторной избѣ, назначенной исключительно для трапезы, поставлены были два стола, одинъ угломъ къ другому, покрытые узкими скатертьми, а на нихъ стояли серебряныя солоницы на ножкахъ, съ рукоятками, уксусницы, перечницы, и лежали большіе ломти чернаго хлѣба; ни тарелокъ, ни салфетокъ не было. Въ углу передъ образами теплились лампады и горѣли свѣчи. Прямо противъ столовъ стоялъ поставецъ въ три полки кругомъ, уставленный посудою—кубками, достаканами, братинами, ковшами, мисами, такъ что внизу были болѣе массивные, а наверху мелкіе. Входя въ столовую избу, надобно было пройти чрезъ просторныя сѣни, гдѣ стояли широкія мѣдныя сидовы съ носками и съ крышками, кувшины съ раздутыми боками и съ узкими и длинными горлышками, а на столѣ лежали кучами ложки, ножи и вилки. Почетное мѣсто было подъ образами; его занималъ священникъ; по правую руку садился хозяинъ, по лѣвую сѣлъ Осипъ, а отъ нихъ рядами садились гости, которыхъ было всего четырнадцать человѣкъ, одни мужчины. Женщины обѣдали на верху въ избѣ, подъ учрежденіемъ священниковой жены, занимавшей должность хозяйки. Причетники не садились за столъ: имъ подавали въ сѣняхъ, ибо они вмѣстѣ съ нѣсколькими охотниками должны были въ сѣняхъ пѣть «яко по суху пѣшествова Израиль», а между прочимъ прикладывались и къ вину.

Подали пироги съ рыбой; потомъ подали въ мисахъ съ разложистыми краями горячую уху краснаго цвѣта, пропитанную шафраномъ и перцемъ съ толченниками или галушками, сдѣланными изъ тертой рыбы; при каждой мискѣ было положено по двѣ ложки; двое ѣли изъ одной миски. Когда поѣли уху съ пирогами, поставили гостямъ тарелки; впрочемъ, не наблюдали, чтобъ передъ каждымъ непремѣнно была особая тарелка, а ставили какъ придет-

ся: такъ передъ однимъ стояла особая тарелка, у другихъ передъ двумя. Мисы съ остатками ухи принимали только тогда, когда онѣ занимали мѣсто, нужное для другой посуды. За ухой слѣдовалъ рыбный коровай—тѣльное съ разными пряностями, запеченное въ духовой печи и обильно облитое орѣховымъ масломъ. Потомъ несли жареную рыбу на двухъ большихъ круглыхъ блюдахъ съ широкимъ ободомъ, который былъ украшенъ выпуклостями и впадинами, чередовавшимися между собою. Двое слугъ несли одно блюдо, держа его за придѣланныя къ краямъ кольца: такъ слѣдовало по приличію. Блюдо ставили прежде передъ дворецкимъ въ сѣняхъ, который разрѣзывалъ лежавшую на немъ рыбу, клалъ на немъ нѣсколько двузубыхъ вилокъ, и тогда холопы, называемые, по поводу услуженія за столомъ, стряпчими, несли его передъ гостей. Гости ѣли руками, обтирая ихъ о собственные платки, лежавшіе у кого въ шапкѣ, а у кого въ зепи (карманѣ); вилки же служили больше для помощи рукамъ, да и самыхъ вилокъ положено было меньше, чѣмъ сколько было всѣхъ обѣдавшихъ. Очищая рыбу отъ костей, гости бросали ихъ на тарелки, гдѣ были остатки тѣльнаго. За жареною рыбою слѣдовали леваши и аладьи, облитыя жидкимъ медомъ; потомъ клали на столѣ большіе калачи пшеничной муки, но не излишней бѣлизны, ставили въ оловянныхъ складняхъ медовые соты, и приносили ножи. Каждый изъ гостей отламывалъ себѣ кусокъ калача и накладывалъ на него кусокъ медоваго сота. Потомъ принесли въ большихъ мисахъ взваръ съ сушеными вишнями, яблоками, малиною, и наконецъ въ серебряныхъ братинахъ кутью. Вся посуда, исключая братинъ, была оловянная. Между кушаньями безпрестанно подавались напитки. Ключникъ Герасимъ ставилъ передъ гостьми высокія серебряныя стопы и наливалъ въ нихъ домашняго пива; послѣ жаренаго приносилъ кубки разной фигуры съ затѣйливыми узорами и наливалъ ихъ наливкою; а когда подали взваръ и кутью, то принесли въ братинахъ малиноваго меда и разставили передъ гостьми ковши той формы, какую можно видѣть теперь въ церквахъ. Священникъ, обратясь къ образамъ, запѣлъ: «зряще мя безгласна». Капитонъ опустилъ глаза. Сынъ, сидѣвшій до сихъ поръ угрюмо, воспользовался общимъ обращеніемъ къ образамъ и ушелъ. Отецъ не обратилъ на него вниманія. Пропѣвши пѣснь, выпили медъ и сѣли

ѣсть вареныя въ патокѣ яблоки, а ключникъ наливалъ въ кубки другаго сорта наливку. Бесѣда стала оживляться, и священникъ разсказывалъ, какъ человѣческая душа послѣ разлуки съ тѣломъ скитается по мытарствамъ, какія приключенія терпитъ, какъ ангелы съ бѣсами спорятъ за нее, какъ кладутъ на вѣсы добрыя и злыя дѣла покойника, какъ перетягиваютъ злыя и какъ спасаютъ человѣка отъ конечной отправки въ адъ церковные приносы и подаянія. Мало по малу отъ небесныхъ предметовъ разговоръ сталъ сходить на плачевную земную юдоль, и священникъ замѣтилъ, что живой думаетъ о живомъ, и что Капитону Михайловичу еще есть надежда вступить во второй бракъ и добрымъ людямъ погулять на его свадьбѣ.

Въ то же время повсюду учинился шумъ и оживленная бесѣда. Женщины, пировавшія въ избѣ, подняли такой разговоръ, что слышно было въ столовую, хотя нельзя было разобрать, что̀ онѣ говорили; да и сами одна другую не разбирали, потому что говорили всѣ разомъ. На дворѣ нищіе жалобнымъ тономъ затягивали духовные стихи; другіе, развеселясь, насвистывали болѣе веселые напѣвы, оглядываясь по сторонамъ, чтобы кто нибудь не ругнулъ ихъ за это, и весь этотъ шумъ сливался съ грустными ударами колокола подъ рукой звонаря, которому приносили яства и питіе къ низенькой деревянной колокольницѣ.

Не ранѣе какъ часа черезъ два гости стали расходиться. Капитонъ ушелъ въ свою избу, холопы стали убирать посуду, а потомъ въ свою очередь принялись поминать покойницу, хотя и во время обѣда не забывали себя до того, что къ концу его нѣкоторые уже не могли прямо ходить. Такимъ образомъ имъ некогда было замѣтить, гдѣ былъ Осипъ. Наконецъ Герасимъ, остававшійся трезвѣе другихъ, спросилъ о немъ, и узналъ отъ конюховъ, что Первунъ осѣдлалъ двухъ копей, привязалъ къ сѣдламъ дорожные узлы, и молодой государь уѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ черезъ задніе ворота и поскакалъ по дорогѣ въ Саранскъ. Такъ какъ они государскихъ дѣлъ не знатны, такъ имъ и въ голову не пришло сказать объ этомъ.

Ключникъ покачалъ головой, смекнувъ, что тутъ что-то не ладно, и отправился донести Капитону Михайловичу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. КОСТОМАРОВЪ.

О слѣдствіи.

Изслѣдованіе преступленій составляетъ существенную и трудную часть уголовнаго кодекса. На какихъ бы правильныхъ началахъ ни былъ организованъ уголовный судъ, какъ бы ни были справедливы законы собственно уголовные, но когда слѣдственный порядокъ не предоставляетъ полной гарантіи правды, нельзя ожидать никакого удовлетворительнаго результата. Не такъ существенно для блага государства сколькимъ ударамъ подвергнутъ преступникъ, или сколько времени высидѣлъ онъ въ смирительномъ или рабочемъ домѣ, какъ общее убѣжденіе, что ни одно преступленіе не можетъ быть утаено отъ суда общества и государства. Законы уголовные могутъ имѣть примѣненіе только къ ясно изложенному и отчетливо представленному факту преступленія. Но этотъ фактъ скрывается и спутывается ежедневными житейскими отношеніями. Выдѣлить изъ этихъ отношеній самый фактъ, обстановить его, какъ обстановила самая жизнь,—дѣло не такое легкое, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Нерѣдко жизнь раскидывается такъ своенравно, случаются такія странныя стеченія обстоятельствъ, что пытливый умъ человѣка останавливается въ тоскливомъ недоумѣніи. Чрезвычайно любопытно иногда заглянуть въ юридическую уголовную литературу, а еще лучше въ практическое дѣлопроизводство слѣдователя.

Имѣя возможность ex officio ближе познакомиться съ этой стороной человѣческой дѣятельности, я намѣренъ передавать по временамъ, на общее обсужденіе, особенно замѣчательные по чему либо факты преступленій (1).

У насъ общественное мнѣніе требуетъ отъ слѣдователя особенной хитрости, изворотливости, умѣнья группировать обстоятельства къ обвиненію подозрѣваемаго. Въ угоду этому требованію

---

(1) Въ концѣ статьи изложенъ подобный фактъ. Интересно было бы знать мнѣніе объ немъ гг. криминалистовъ и медиковъ.

каждый, а въ особенности добросовѣстный слѣдователь, напрягаетъ все свое соображеніе къ такому комбинированію обстоятельствъ, которое бы спутывало подозрѣваемаго и лишало его всѣхъ средствъ къ оправданію. Часто между подозрѣваемымъ и слѣдователемъ завязывается игра, очень напоминающая игру кошки съ мышкой, игру безспорно интересную для публики, но нисколько не радостную для обвиняемаго. Каждому изъ насъ случалось слышать и въ свою очередь передавать подобные болѣе или менѣе справедливые разсказы. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ. Въ одной изъ великороссійскихъ губерній славился П—скій земскій исправникъ репутаціей лихаго слѣдователя. Въ одно прекрасное утро П—скій епископъ получилъ рапортъ отъ священника недавнообращенной въ православіе черемисской деревни о томъ, что новообращенные продолжаютъ свое идолопоклонство и потому совершенно не посѣщаютъ православное богослуженіе. О справедливости такого заявленія поручено было произвести изслѣдованіе П—скому земскому исправнику. Вѣрный своему характеру и зная, что обыкновенными расспросами, при уклончивости Черемисъ, онъ не достигнетъ положительнаго результата, нашъ исправникъ тотчасъ же изобрѣлъ оригинальный способъ. Созвавъ по пріѣздѣ своемъ въ деревню сходку, онъ объявилъ о порученіи будто бы данномъ ему изслѣдовать, по предъявленію священника, о томъ, что они, Черемисы, отъ частаго посѣщенія и отличнаго усердія изломали почти весь церковный полъ и потому требовалъ указанія особенно ревностныхъ, на счетъ которыхъ должно быть сдѣлано исправленіе. Простодушные Черемисы, разумѣется, заклялись въ своей невинности и въ доказательство объявили, что этого и не могло быть, такъ какъ они уже очень давно вовсе и въ церкви не были. Сообразно этому отобраны отъ нихъ въ тоже время и показанія. Я не знаю дальнѣйшихъ результатовъ слѣдствія, но въ истинѣ факта, переданнаго мнѣ очевидцами, не имѣю никакой причины сомнѣваться.

Такой взглядъ на обязанности слѣдователя унизителенъ, какъ для званія самого слѣдователя, такъ и вообще для уголовной юстиціи. Неужели государство, для открытія виновныхъ, можетъ имѣть необходимость прибѣгать къ подобнымъ средствамъ? Неужели можетъ быть недостаточно простое, безхитростное изложеніе факта, слѣдствія, произведеннаго съ полнымъ знаніемъ и соблюденіемъ уголовныхъ

законовъ? Но кромѣ недобросовѣстности такой способъ положительно вреденъ тамъ, гдѣ обязанности слѣдователя соединены съ обязанностями обвинителя. Раздѣляя вполнѣ мнѣніе, высказанное по этому поводу почтеннымъ профессоромъ Баршевымъ (Русск. Вѣстникъ N° 6-й 1859 г.), мы имѣемъ добавить только то, что въ практикѣ какъ нельзя яснѣе подтверждаются теоретическіе выводы. Соединеніе званій обвинителя и слѣдователя требуетъ отъ послѣдняго слишкомъ большаго запаса и неподкупной честности, и полнаго, отчетливаго знанія законовъ и благородной проницательности. А большое ли количество такихъ лицъ можетъ выставить общество? И удовлетворятся ли такія лица скромнымъ и труднымъ званіемъ слѣдователя, особенно при незаманчивой обстановкѣ? Между тѣмъ недостатокъ котораго нибудь изъ этихъ качествъ, при значительной степени власти слѣдователя, тяжко отзывается обществу. Отсутствіе честности отнимаетъ всякую гарантію безопасности частныхъ лицъ, отсутствіе знанія законовъ или должной проницательности увлекаетъ даже добросовѣстнаго слѣдователя къ производству такихъ слѣдствій, которыя увеличиваютъ только число дѣлъ и судебныя издержки, безъ всякаго результата. Не этимъ ли объясняется и тотъ фактъ, что, прислушиваясь къ говору народа, къ его болѣзнованію о «несчастныхъ» (подсудимыхъ въ уголовныхъ дѣлахъ), мы очень часто не замѣчаемъ въ немъ никакой увѣренности въ виновности преступника.

У насъ слѣдствія производятся вообще чрезвычайно недостаточно. Кромѣ того, что судебныя мѣста иногда возвращаютъ ихъ по нѣскольку разъ для дополненій, они въ существѣ своемъ часто измѣняютъ направленіе уголовной юстиціи. Въ практикѣ не соблюдаются слѣдователями нѣкоторыя извѣстныя требованія закона и объ этихъ то камняхъ преткновенія мы скажемъ теперь нѣсколько словъ.

Для того, чтобы извѣстный фактъ преступленія подвергался извѣстному наказанію, необходимо, чтобы онъ былъ доказанъ. По нашему законодательству (Св. Зак. т. XV Уг. Суд. ст. 304) доказательства совершенія какого либо преступленія бываютъ двухъ родовъ: совершенныя и несовершенныя. Изъ нихъ одни только совершенныя доказательства достаточны (ст. 306 того же т.) для осужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснено, что совершенными доказательствами

считаются такія, которыя исключаютъ всякую возможность (ст. 305 того же т.) къ показанію невинности подсудимаго. Далѣе, въ исчисленіи доказательствъ законодательство (ст. 197 того же т.) приводитъ показанія свидѣтелей. Этотъ видъ доказательствъ играетъ особенно значительную роль. Оно такъ и должно быть. Отъ власти преступника зависитъ большею частью скрыть всѣ другіе признаки преступленія, онъ имѣетъ полную возможность напр. уничтожить всѣ находящіеся у него письменные документы или орудія совершенія. Оттого и слѣдователи въ своихъ изслѣдованіяхъ болѣе всего обращаютъ вниманія на показанія свидѣтелей. По нашему законодательству (ст. 329 того же т.) «свидѣтельство двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, не отведенныхъ подсудимымъ и совершенно согласныхъ въ своихъ показаніяхъ, составляетъ совершенное доказательство, если противъ онаго не будетъ представлено подсудимымъ достаточныхъ опроверженій». И на оборотъ показанія свидѣтелей, спрошенныхъ безъ присяги (ст. 334 того же т.) вовсе не имѣютъ силы доказательствъ. Однимъ словомъ нашъ уголовный кодексъ признаетъ достовѣрными только присяжныя показанія свидѣтелей. Извѣстно, что предварительно отобранія показаній свидѣтелямъ съ обвиняемымъ дается очная ставка, на которой подозрѣваемый долженъ объявить отводитъ ли онъ свидѣтелей отъ показанія или нѣтъ. Если не отводитъ, то свидѣтель немедленно приводится къ присягѣ и допрашивается. Но если обвиняемый отводитъ свидѣтеля? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наше законодательство опредѣляетъ: «отводъ принимается только тогда, когда онъ основанъ на уважительныхъ причинахъ и доказательствахъ. Если для удостовѣренія въ правильности отвода потребны справки и изслѣдованія, то, до собранія ихъ, свидѣтель, *хотя и можетъ быть допрошенъ, но не подъ присягою*» (ст. 232 того же т.). Далѣе мы встрѣчаемъ слѣдующее объясненіе: «если свидѣтель допущенъ будетъ къ свидѣтельству прежде присяги, но потомъ въ тотъ же день присягнетъ, то показаніе его за равное, какъ бы подъ присягою сдѣлалъ, принять надлежитъ» (ст. 238 того же т.). Слѣд. если собраніе справокъ продолжится болѣе одного дня, то свидѣтельскія показанія недоказательны. Изложеніе этихъ статей просто и повидимому ясно, но въ практикѣ подаетъ поводъ къ огромнымъ злоупотребленіямъ. Такъ какъ мы уже замѣтили выше, что большая часть преступленій до-

казывается только свидѣтельскими показаніями, отобранными подъ присягою или по крайней мѣрѣ подтвержденными присягой въ тотъ же день, то дозволеніемъ слѣдователю до собранія справокъ допрашивать, дается ему страшный произволъ. Принимая во вниманіе выгоду слѣдователя оправдывать преступника, намъ становится яснымъ отчего такое огромное количество преступленій остается ненаказаннымъ и особенно такъ называемыя преступленія слѣдственныя. Обыкновенно въ практикѣ бываетъ такимъ образомъ. Положимъ, слѣдствіе производится по такому преступленію, которое вполнѣ можетъ быть обнаружено и доказано показаніями свидѣтелей, между тѣмъ слѣдователь лично заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Для того, чтобы скрыть преступленіе ему представляется самый легкій способъ. Онъ даетъ предварительную очную ставку. Подсудимый пользуется однимъ изъ способовъ заподозрить свидѣтелей. Причины къ отводу отыскать не трудно (1). Для опредѣленія справедливости отвода слѣдователь обращается съ требованіемъ должныхъ свѣдѣній отъ кого слѣдуетъ, а между тѣмъ пользуется дозволеніемъ, изложеннымъ въ ст. 232 и допрашиваетъ свидѣтелей. Показанія ихъ согласны и положительно обвиняютъ, но вожделѣнныя справки, которыя можетъ быть и обнаружатъ несправедливость отвода, никогда почти не могутъ получиться въ тотъ же день. А по смыслу 238 ст. показанія свидѣтелей, не подтвержденныя въ тотъ же день присягой,—недоказательны! Такимъ образомъ преступленіе остается безъ возмездія и преступникъ привольно наслаждается свободой и совершаетъ новыя безнаказанныя преступленія (2).

Съ своей стороны и слѣдователь правъ. Не можетъ онъ ожидать полученія справокъ, когда самъ законъ уполномочиваетъ его допрашивать прежде собранія ихъ, и ему вмѣняется въ обязанность производить слѣдствіе по горячимъ слѣдамъ,—когда преступленіе такъ свѣжо въ памяти каждаго.

Очевидно въ этомъ случаѣ, случаѣ впрочемъ огромной важности, законодательство непослѣдовательно. Для отвращенія вреда должно или допустить присягу свидѣтелю въ подтвержденіе его допроса,

---

(1) Ст. 215 и 216 XV т. Уг. Суд.

(2) Кажется этотъ вопросъ уже возбужденъ, и едвали не разсматривается въ 1-мъ Департаментѣ Прав. Сената.

отобраннаго прежде собранія справокъ, когда эти справки будутъ получены и по истеченіи одного дня, или запретить отбирать показанія до полученія справокъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда болѣзнь свидѣтеля или другія уважительныя причины не позволятъ отлагать допроса. Но допустить первый способъ, значитъ допустить тоже непослѣдовательность и притомъ такой способъ кажется неудобнымъ въ томъ отношеніи, что можетъ быть побудительною причиной къ другому преступленію—нарушенію клятвы. Наше же законодательство въ этомъ отношеніи особенно осторожно. Даже въ гражданскихъ дѣлахъ законъ позволяетъ прибѣгать къ присягѣ только какъ къ крайнему средству и притомъ съ особенною осторожностью. Второй же способъ совершенно согласенъ съ духомъ законодательства. Правда, могутъ возразить, что это ожиданіе справокъ можетъ продолжить слѣдствіе на неопредѣленное время, тогда какъ одно изъ главныхъ достоинствъ слѣдствія быстрота и производство по горячимъ слѣдамъ, но это возраженіе только мнимое. Особенная быстрота и производство по горячимъ слѣдамъ необходимы въ предварительномъ изслѣдованіи, въ такъ называемомъ предварительномъ слѣдствіи, но въ формальномъ, въ которомъ собираются доказательства, особенной поспѣшности, кажется, не требуется. На такое толкованіе указываетъ самое выраженіе закона: «до собранія справокъ, свидѣтель, хотя и можетъ быть допрошенъ;» въ этомъ слышится дозволеніе на непредвидѣнные, особенные случаи, но не общее правило. Общее же правило, по нашему мнѣнію, то, что свидѣтели не должны быть допрашиваемы безъ присяги, или присяга должна непремѣнно слѣдовать за допросомъ въ тотъ же день (1). Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдователь долженъ быть очень остороженъ. Въ практикѣ иногда выпадаютъ такія обстоятельства, въ которыхъ допущеніе предварительнаго допроса служитъ къ ненаказанности преступника. Я знаю одинъ довольно интересный случай. Становой приставъ П. производилъ слѣдствіе по какому то воровству. Преступникъ, не смотря на упорное запирательство, изобличался свидѣтельскими показаніями, изъ которыхъ одно и самое главное давала женщина. На

(1) Мы не разбираемъ источниковъ, выставленныхъ подъ 232 ст., потому что подобный разборъ въ настоящемъ дѣлѣ нисколько не разъяснилъ бы значенія этой статьи.

предварительной очной ставкѣ подсудимый не имѣлъ никакой возможности ее отвести. Нашъ становой, торопившись куда-то по другому дѣлу, по окончаніи очной ставки, тотчасъ же послалъ за священникомъ въ сосѣднее село, а самъ между тѣмъ приступилъ къ допросамъ. Наконецъ показанія отобраны и вскорѣ пріѣзжаетъ священникъ. Женщина произнесла присягу, но когда ей надобно было въ удостовѣреніе своей клятвы поцѣловать Слова и крестъ Спасителя, она отказалась по случаю бывшей у нея менструаціи. Священникъ, подтвердивъ ея отклоненіе по правиламъ церковнымъ, объявилъ присягу недѣйствительною, и подсудимый именно только вслѣдствіе этого остался въ подозрѣніи.

Въ началѣ статьи высказана была мысль о богатствѣ матеріаловъ нашей практической уголовной слѣдственной части. Сколь возможно подробное изложеніе нѣкоторыхъ особенно замѣчательныхъ случаевъ намъ кажется и интереснымъ и чрезвычайно полезнымъ, какъ для юристовъ, такъ и для медиковъ и физіологовъ. Заимствую подобный случай изъ моей записной книжки, съ исключеніемъ только излишнихъ подробностей.

Недавно, именно 18 числа мая, нашъ земскій исправникъ предложилъ суду объ открытіи временнаго отдѣленія, для изслѣдованія признаковъ преступленія, совершеннаго наканунѣ вечеромъ въ деревнѣ Миловкѣ г-жи Васильевской, верстахъ въ 8 отъ города. Крестьянинъ этой деревни Анаиій Павловъ Кузнецовъ зарѣзалъ свою беременную жену Дарью Михайлову, своего четырехлѣтняго сына Михайла и дѣвку Татьяну Васильеву. Вечеромъ этого же числа весь составъ временнаго отдѣленія открылъ въ Миловкѣ свои засѣданія, затребовалъ отъ вотчинной конторы необходимыя свѣдѣнія, а на другой день сдѣлалъ осмотръ убитымъ тѣламъ. Изба крестьянина Кузнецова раздѣлялась сѣнями на двѣ половины; въ сѣняхъ напротивъ двери въ избу, въ висячей люлькѣ, во всю длину ея лежалъ на лѣвомъ боку трупъ 4-лѣтняго ребенка; на трупѣ ясно видѣнъ разрѣзъ горла, начиная съ подбородка, въ полтора вершка, сдѣланный острымъ ножемъ. Выбойчатая рубашка младенца и постель его облиты кровью, но другихъ ранъ на тѣлѣ не было. При входѣ въ избу, возлѣ дверей, ногами у самаго порога лежалъ трупъ крестьянки Кузнецовой, лицомъ на верхъ, съ раскинутыми обѣими руками и перерѣзаннымъ горломъ, почти до

половины шеи; кругомъ трупа полъ, сарафанъ и рубашка въ крови, но другихъ признаковъ насилія на тѣлѣ не было; по возвышенности живота можно судить о пятимѣсячной беременности; по виду можно дать убитой 32 года. Саженяхъ во ста отъ избы Кузнецова, въ боковомъ пристроѣ, отдѣленномъ отъ большой избы, находился трупъ вольноотпущенной дѣвки Татьяны Васильевой, на постелѣ, положенной на полу, лицомъ внизъ, головою къ стѣнѣ, а ногами къ двери, руки сложены подъ грудью; на этомъ трупѣ также оказалось горло разрѣзаннымъ почти до половины шеи, другихъ признаковъ насилія не было; по виду Васильевой казалось лѣтъ сорокъ, одѣта въ шерстяномъ вишневаго цвѣта платьѣ, въ полотняной рубашкѣ и шерстяныхъ чулкахъ.

Передняя сторона платья преступника, рубашка, грудь и рукава измараны кровью, въ особенности правое колѣно, которымъ, какъ замѣтно, онъ стоялъ въ крови; на тѣлѣ у него особыхъ знаковъ нѣтъ, только на правой рукѣ выше локтя два небольшія синебагровыя пятна; ему 37 лѣтъ.

Въ тотъ же день произведенъ былъ допросъ преступнику Ананію Кузнецову, который, безъ малѣйшаго запирательства, сознался въ преступленіи. Постараюсь передать его разсказъ: «назадъ тому 13 лѣтъ женился я на крестьянкѣ помѣщика Васильевскаго изъ села Петропавловскаго Дарьѣ Михайловой и жилъ съ нею постоянно въ любви и согласіи; четвертой годъ назадъ родила она отъ меня сына Михайла и въ послѣднее время, какъ она мнѣ говорила, была беременною. Въ деревнѣ нашей жила тоже отпущенная на волю моею помѣщицей Татьяна Васильева; къ моему несчастію познакомился я съ нею и въ три года до того сблизился, что имѣлъ съ нею любовную связь. Преступленіе это мучило постоянно мою совѣсть и я постоянно старался какимъ нибудь образомъ отъ нея удалиться, но любовь моя не допускала разлуки. Я уже годъ тому назадъ намѣренъ былъ лишить ее жизни и съ этого времени мысль о убійствѣ ея была у меня постоянно, собственно для того только, чтобы не дѣлать съ нею грѣха. Въ послѣднее время совѣсть меня мучила ужасно: съ одной стороны страшно мнѣ было грѣшить, имѣя связь съ Татьяной Васильевой, а съ другой жаль мнѣ было жены и сына, потому что я зналъ, что если лишу жизни Васильеву, то меня разлучатъ

съ ними. Наконецъ въ воскресенье, 17 мая, рѣшился я намѣреніе свое исполнить и для этого въ тотъ же день подъ вечеръ попросилъ у брата моего Ѳедора его острый ножикъ, сказавъ, что пойду въ лѣсъ вырѣзать себѣ палку. Но это былъ только предлогъ: я хотѣлъ въ этотъ самый день исполнить свое намѣреніе. Ножъ братъ мнѣ далъ, а чтобы не навести на себя никакого подозрѣнія, я пошелъ въ лѣсъ и вырѣзалъ палку. Возвращаясь въ деревню, въ проулкѣ встрѣтился съ своей женой, которой сказалъ, чтобы шла ужинать, а я пойду къ Татьянѣ Васильевой. Тутъ я засталъ хозяина дома Дмитрія Никанорова съ женой, но они скоро вышли на улицу играть, и я остался одинъ съ Татьяной, у которой была отдѣльная комнатка. Тамъ на полу лежала постель и мы на нее легли, но я легъ уже съ намѣреніемъ зарѣзать ее; для того будто бы чеша ногу вытащилъ изъ-за сапога спрятанный мною тамъ и заблаговременно распертой ножъ, лѣвою рукою зажалъ ротъ Татьянѣ, а правою, въ которой у меня находился ножъ, съ двухъ разъ перерѣзалъ ей горло. Испугавшись, выбѣжалъ изъ комнаты и пошелъ къ своему дому. Намѣреніе мое тутъ было такое, чтобы зарѣзать жену и четырехлѣтняго сына: мнѣ было жаль съ ними разстаться, а я зналъ, что за убійство меня сошлютъ куда либо и я не буду съ ними. Съ этою то мыслью пошелъ въ домъ, гдѣ отецъ мой Павелъ, мать Анна, сестра Наталья и теща, тоже Наталья, уже спали, братъ былъ наряженъ для караула бревенъ на рѣкѣ Бѣлой, его не было дома, а жена его ушла къ матери въ деревню Мармылевку и не возвращалась; жена же моя лежала уже въ постелѣ на полу въ сѣняхъ, но еще не спала, а сынъ спалъ въ сѣняхъ въ люлькѣ. По приходѣ я имѣлъ въ рукахъ ножикъ и подойдя къ женѣ сказалъ, что съ нею лягу спать, но когда прилегъ, то ножемъ повелъ по ея горлу, и думая, что она зарѣзана, пошелъ рѣзать сына; но она встала и побѣжала въ избу, увидѣвъ же, что я рѣжу сына, воротилась къ нему на помочь, а между тѣмъ я уже успѣлъ зарѣзать сына и опять бросился къ ней. Тутъ она упала черезъ порогъ въ избу, гдѣ я ее и дорѣзалъ. Услышавъ шумъ, встали отецъ, мать, сестра, теща и закричали на меня, что я сдѣлалъ; я сказалъ, что зарѣзалъ Татьяну Васильеву, жену и сына и подавъ ножъ матери примолвилъ: на тебѣ, вотъ и ножъ. Послѣ этого собрался народъ и я сказалъ, чтобъ меня взяли и сдѣлали со мною то, что я заслужилъ;

они меня посадили подъ караулъ, гдѣ я нахожусь и нынѣ. Это была единственная причина моего злодѣйства и объ моемъ намѣреніи рѣшительно никто не зналъ».

Признаніе преступника подтвердилось обстоятельствами событія и показаніями свидѣтелей. Братъ подсудимаго, крестьянинъ Федоръ Кузнецовъ, разсказавъ тоже что и онъ о ножѣ и объ отсутствіи своемъ для караула господскаго лѣса на р. Бѣлой, добавилъ: братъ мой съ своею женой жилъ въ любви, ссоръ между ними не было. Къ дѣвкѣ Васильевой ходилъ онъ часто, но имѣлъ ли съ нею любовную связь я никогда не замѣчалъ, а предполагалъ, что онъ ходитъ къ ней по знакомству и, какъ братъ и самъ говорилъ, чтобы слушать чтеніе священныхъ книгъ. Братъ мой былъ человѣкъ набожный, но грамотѣ не зналъ, а дѣвка Васильева была грамотная. Къ работѣ въ послѣднее время былъ лѣнивъ, отзываясь болѣзнію.

Довольно любопытны показанія матери преступника, крестьянки Анны Антоновой: въ воскресенье, 17 мая, въ темныхъ сумеркахъ, я съ дочерью своей Натальей легла спать въ особой чрезъ сѣни избѣ, а мужъ мой Павелъ и сваха Наталья въ другой избѣ чрезъ эти же сѣни; сыновей моихъ Ананія и Федора не было дома и куда первый ушелъ не знала. Чрезъ нѣсколько времени вдругъ я проснулась отъ крика въ сѣняхъ, гдѣ оставалась сноха моя Дарья съ малолѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, спавшимъ въ люлькѣ. Соскочивъ съ постели, я увидѣла, что сноха лежитъ возлѣ порога на полу и, думая, что она упала, хотѣла подойти ей помочь, но сынъ мой Ананій, стоявшій тутъ же, сказалъ мнѣ, чтобы я не безпокоилась, что онъ ее зарѣзалъ и сверхъ того зарѣзалъ сына Михаила и дѣвку Татьяну Васильеву. Видя сноху и внучка зарѣзанными, я въ испугѣ закричала: «что ты, злодѣй, сдѣлалъ», а онъ, подавая мнѣ ножъ отвѣчалъ: «молись Богу, что тебя не зарѣзалъ». Я взяла отъ него ножъ и не помню куда спрятала, но послѣ нашла. Потомъ собрались жители съ бурмистромъ и взяли сына Ананія подъ караулъ. Ананій былъ всегда въ полномъ и здравомъ разсудкѣ; что его побудило совершить злодѣйство не знаю; съ женою своею онъ жилъ хорошо и имѣлъ ли связь съ дѣвкой Татьяной Васильевой не замѣчала, а ходилъ онъ къ ней, какъ самъ говорилъ, слушать священныя книги. Въ послѣднее время, подъ видомъ болѣзни, онъ сталъ

уклоняться отъ господскихъ и своихъ работъ, и въ особенности передъ тѣмъ временемъ какъ, вѣроятно, задумалъ злодѣйство, а къ послѣднимъ днямъ былъ задумчивъ.

Крестьянинъ Дмитрій Никаноровъ, съ женою, жившіе въ одной избѣ съ дѣвкой Васильевой, показали, что Кузнецовъ пришолъ къ нимъ въ воскресенье вечеромъ еще засвѣтло и пожелавъ имъ добраго ужина, такъ какъ они въ то время ужинали, прошолъ въ комнату дѣвки Татьяны, которую посѣщалъ нерѣдко для разговора и слушанія священныхъ книгъ. Поужинавъ и убравшись, Никаноровъ съ женою вышли на улицу къ хороводу, гдѣ и были въ то время какъ совершено преступленіе.

Вотъ все, что открыто было слѣдствіемъ. Теперь дѣло находится въ разсмотрѣніи судебнаго мѣста, а преступникъ препровожденъ въ тюремный замокъ. Къ этому добавить можно только одно: во время содержанія въ замкѣ Кузнецовъ ведетъ себя тихо, скромно, застѣнчивъ, любитъ посѣщать богослуженіе и молится усердно. Въ его тихихъ голубыхъ глазахъ не видно ни малѣйшаго признака сумасшествія.

По нашему личному убѣжденію подобный фактъ заслуживаетъ глубокаго изученія медиковъ, психологовъ и криминалистовъ. Какія обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія вину, должны имѣть мѣсто въ примѣненіи закона къ этому случаю? Въ заключеніе скажу, что Кузнецовъ не принадлежитъ къ сектѣ раскольниковъ.

О. Г.

ЕЩЕ О ВЫКУПѢ ПОМѢЩИЧЬЕЙ ЗЕМЛИ ВЪ НАДѢЛЪ КРЕСТЬЯНАМЪ.

Напрасно нѣкоторые думаютъ о выкупѣ помѣщичьей земли, что это дѣло невозможное: намъ кажется напротивъ, что онъ весьма возможенъ, не прибѣгая ни къ заграничному, ни къ внутреннему займу и притомъ нисколько не дѣлая измѣненій въ теченіи дѣлъ по оборотамъ кредитныхъ установленій. Вотъ наши соображенія по этому предмету.

1) Въ промысловыхъ имѣніяхъ слѣдовало бы миновать выкупомъ

пристани, базары и базарныя площади, мельничныя права, фабричныя и заводскія заведенія, шинки, кабаки, постоялые дворы, корчмы и т. п., составляющіе особый доходъ помѣщика, дѣлающіе затрудненія въ оцѣнкѣ и могущіе составить въ выкупной суммѣ высокую цифру, не представляющую прямаго интереса для цѣли выкупа: всѣ поименованныя статьи должны оставаться за помѣщиками въ ихъ пользу.

2) Слишкомъ много назначать 6 процентовъ сбора съ капитальной суммы за отходящую къ крестьянамъ землю: довольно 4-хъ, только на долгайшій срокъ уплаты, чѣмъ на двѣнадцать лѣтъ; вѣдь привыкли же капиталисты къ полученію 3 процентовъ на свой капиталъ; слѣдовательно, въ патріотическомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе помѣщики должны удовлетвориться означеннымъ процентомъ. Кромѣ того, 6-процентный сборъ былъ бы слишкомъ обременителенъ для крестьянъ при тѣхъ взносахъ податей и повинностей, которыя они теперь уплачиваютъ.

3) Выданныя при выкупѣ учрежденнымъ для сего Крестьянскимъ (или другаго названія) Банкомъ серіи и другаго наименованія бумаги не могутъ понизить собою курсъ кредитныхъ билетовъ: онѣ, какъ приносящія доходъ 3-процентный, всегда будутъ сберегаться, какъ и теперешнія серіи: всякій будетъ ими дорожить, въ особенности при допущеніи обращенія ихъ между частными людьми и казною, и при размѣнѣ ихъ казною на монету. Если бы даже въ извѣстной пропорціи они могли быть принимаемы въ казначействахъ по податямъ и повинностямъ, то тѣмъ скорѣе придутъ къ ихъ собственному погашенію. Это можетъ случиться такъ. Владѣлецъ рентоваго листа (серіи) купитъ у крестьянина товаръ, и вмѣсто кредитныхъ билетовъ заплатитъ рентовымъ листомъ (серіею предположительно въ 150—1600 р. сер.); крестьянинъ можетъ промѣнять его въ кассѣ своего или посторонняго общества на кредитные билеты, а общество представитъ въ казначейство въ оброкъ или подати (*). Казначейство немедленно пересылаетъ ихъ въ кассу Крестьянскаго Банка, которая, съ возвратомъ слѣдующей за нихъ

(*) Подобное принятіе въ казначейства предполагаемыхъ серій могло, по нашему мнѣнію, допустить по государству въ годъ не болѣе какъ на 16 милліоновъ р. сер.

суммы казначейству, уничтожаетъ ихъ какъ уже совершенно оплаченныя.

4) Окончанію государственнаго переворота освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права нѣтъ другаго исхода, какъ выкупъ ими земли и за тѣмъ напскорѣйшій переходъ ихъ къ вольному труду: мѣра эта справедлива и полезна во всѣхъ отношеніяхъ; нѣтъ надобности ее доказывать.

5) Освобождаемыя лица (если не ошибаемся, въ числѣ 11 милліоновъ) надѣляются, сверхъ усадьбы, по двѣ десятины помѣщичьей земли на каждую мужескаго пола душу, оцѣнивъ весь такой надѣлъ одной круглой цифрой (напр. во 150 р. сер.). Нѣкоторые мыслители говорятъ, что слѣдуетъ оцѣнить землю по ея качеству, достоинству и разнымъ разностямъ; но такія подробности повели бы лишь къ оттяжкѣ окончанія въ дѣлѣ, которое того не допускаетъ. Если бы даже принятіе одной цифры для выкупа было для нѣкоторыхъ помѣщиковъ отчасти стѣснительно, а для другихъ слишкомъ выгодно, то на это достаточно замѣтить, что въ дѣлѣ, касающемся всего государства, соблюденіе математической точности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшительно невозможно.

6) Для выкупа 11 милліоновъ лицъ, съ усадьбою и двумя десятинами земли на каждое, на основаніи вышесказаннаго, потребуется одинъ милліардъ шесть сотъ пятьдесятъ милліоновъ. Если на эту сумму опредѣлить 3 процента въ пользу владѣльцевъ рентъ, и 1 процентъ на погашеніе, всего 4 процента, то на весь капиталъ ежегодно потребуется 66 милліоновъ: цифра значительная! Гдѣ ее взять? Предложимъ въ отвѣтъ слѣдующее. Нельзя думать, чтобы предстоящая реформа не имѣла своею цѣлью сгладить неравенство между различными разрядами крестьянъ, одинаково земледѣльцевъ, именно крестьянами помѣщичьими, государственными и удѣльными; нельзя думать, чтобы на нихъ были оставлены и впослѣдствіи неодинаковыя повинности, и за одними изъ нихъ удержаны права и преимущества въ ущербъ другимъ. Если такъ, то почему бы къ 11 милліонамъ помѣщичьихъ крестьянъ не присоединить удѣльныхъ и государственныхъ? Такимъ образомъ составилось бы приблизительно до 25 милліоновъ пашущаго землю сословія. Если общее число крестьянъ помѣщичьихъ и государственныхъ положить въ 9 милліоновъ тяголъ, то изъ требуемыхъ 66 милліоновъ пришлось бы

на тягло не болѣе 7 р. 50 коп. въ годъ, которые и могли бы быть взимаемы съ нихъ уравнительно.

7) Порядокъ выкупа почему бы не сдѣлать такъ: учредить Дворянскій, Крестьянскій или Національный Банкъ и при немъ кассу погашенія; Банкъ выпуститъ серіи, нынѣшняго вида и правъ, въ 150, 300, 600, 1200 и 1600 рублей на весь требуемый капиталъ для выкупа 11 милліоновъ. Такими серіями, за вычетомъ у помѣщика, если его имѣніе заложено въ кредитномъ установленіи, суммы залога, Банкъ удовлетворяетъ его по расчету; а помѣщику по полученнымъ серіямъ выдаются изъ казначейства ежегодно кредитными билетами проценты, по 3 на 100 (*), въ Банкъ же идетъ одинъ процентъ, которымъ онъ погашаетъ ежегодно долгъ серій, такъ что изъ 66 милліоновъ четвертая часть, т. е. 16½ милліоновъ, пойдетъ ежегодно на погашеніе серій государственными кредитными билетами, получаемыми въ оброкъ или подать съ тяголъ, которые сами уже обезпечены государственными фондами. На первый годъ уплаты помѣщикамъ процентовъ и погашенія части серій можетъ быть отпущено Банку изъ Государственнаго Казначейства заимообразно 66 милліоновъ, которые оно получитъ въ возвратъ въ послѣдній годъ операціи въ тѣхъ видахъ, что когда въ первый разъ настанетъ срокъ выдачи владѣльцамъ ренгъ, сборъ оброка еще не успѣетъ совершиться. На всякій случай, если предполагать можно недоимки въ сборѣ тягловаго взноса, почему бы не пригласить сословіе купцовъ къ принятію участія въ государственномъ переворотѣ; прибавить 10 процентовъ на гильдейскія пошлины ничего не значитъ, а все было бы пособіе! Равнымъ образомъ почему бы и винным откупщикамъ не пожертвовать на великое дѣло 10 копѣекъ съ ведра?

8) Выкупъ земли отдѣльными крестьянами по добровольному соглашенію ихъ съ помѣщиками можетъ имѣть мѣсто лишь при значительномъ пониженіи крестьянскихъ повинностей, ибо даже въ малоземельныхъ имѣніяхъ, при уплатѣ казенныхъ податей, крестьяне платятъ помѣщикамъ оброку отъ 18 до 25 руб. съ тягла, мѣстами даже съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей по

(*) Само собою разумѣется при этомъ, что казначейство на выданныя въ теченіи извѣстнаго времени проценты по представленнымъ ему серіямъ получаетъ эти проценты обратно отъ Крестьянскаго Банка.

хозяйству, какъ-то: подводами, подвозкою дровъ, денькомъ пожать, помолотить и проч.

9) Всѣ административныя хозяйственныя мѣры должны опираться на составѣ сельскихъ общинъ, которыя получаютъ самостоятельное устройство.

10) Такъ какъ за выкупомъ земли, по переселеніи крестьянъ, въ случаѣ нужды, на другія мѣста, помѣщики обратятся къ вольному труду, то между ими и крестьянами никакихъ уже столкновеній не предвидится, и потому помѣщики должны быть чужды всякаго распорядительнаго вліянія на общества; вся полицейская часть должна оставаться въ вѣдѣніи и на отвѣтственности общиннаго начальства, подъ надзоромъ начальства уѣзднаго; со стороны помѣщика достаточно однихъ указаній на какіе-либо безпорядки; напротивъ, наложеніе на него обязанности вмѣшиваться въ разбирательство и наблюденіе за крестьянами было бы для него новымъ родомъ службы, иногда вовсе не соотвѣтствующей его силамъ и притомъ не ограниченной никакой отставкой.

11) Если допустить могущій случиться дефицитъ въ сборѣ оброка, то въ видахъ резерва, вмѣсто вышесчисленныхъ 7 р. 50 коп., съ тягла собирать по 8 р. 50 коп., и эту сумму легко будетъ уплачивать каждое тягло, ибо для взноса такого сбора, положимъ, имѣніемъ во 100 душъ, въ которомъ 33 тягла, достаточно только 14 изъ нихъ. Этимъ 14 тягламъ помѣщикъ, въ наемщиковъ котораго они бы обратились, охотно заплатитъ въ годъ каждому, т. е. мужу и женѣ, или неженатому работнику и взрослой дѣвкѣ (конечно не лѣнивымъ, а благонадежнымъ) по 20 рублей на господской пищѣ. За тѣмъ остальныя 19 тяголъ останутся въ общинѣ для производства домашнихъ работъ.

12) Такъ давно заявленное желаніе освобожденія крестьянъ произвело нѣкоторую разладицу въ стройномъ ходѣ хозяйственныхъ работъ и оборотовъ помѣщика; дальнѣйшее замедленіе въ рѣшеніи вопроса можетъ имѣть вредныя послѣдствія какъ для крестьянъ, такъ и для владѣльцевъ. Но и рѣшеніе это желательно въ видахъ скорѣйшаго, по возможности, освобожденія крестьянскаго труда отъ всякихъ обязательныхъ отношеній. Переходный періодъ составитъ конечно періодъ по преимуществу непріязненныхъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами: дурно вспаханное

поле, небрежно сжатый хлѣбъ, заморенная безкормицею скотина и дурной за нею надзоръ невознаградимы для хозяина. И ужели помѣщику обращаться въ этихъ случаяхъ къ пособію начальства, къ которому онъ доселѣ бо́льшею частію не имѣлъ надобности прибѣгать, живя въ патріархальныхъ отношеніяхъ съ своими крестьянами? Нѣтъ, одно спасеніе и помѣщиковъ, и крестьянъ—въ выкупѣ предполагаемой въ надѣлъ послѣднимъ помѣщичьей земли, и выкупѣ наискорѣйшемъ для скорѣйшаго ихъ перехода къ вольному труду, безъ всякихъ стѣснительныхъ ограниченій.

ВЕТЕРАНЪ 1813—1814 ГОДОВЪ.

Пенза.
Августа 1859 г.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ

ОБЪ ОСНОВАНІЯХЪ ДЛЯ АКЦИЗА НА ВИНО ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

---

1) Такъ какъ акцизъ не тягостенъ для производителей и народа, то правительство можетъ назначить на ведро вина такой акцизъ, какой признаетъ необходимымъ для интересовъ казны.

2) Если мы еще не достигли возможности избавиться посредничества откупщиковъ между интересами производителей и казны, то можно отдать акцизъ на откупъ, но, для соблюденія интересовъ казны, не иначе какъ съ торговъ по губерніямъ, отстранивъ откупщиковъ отъ всякаго вліянія на продажу оплаченнаго акцизомъ вина.

3) Въ нынѣ существующихъ предѣлахъ чарочныхъ откуповъ назначить патентовыя свидѣтельства по разрядамъ, безъ ограниченія числа, на право продажи вина, оплаченнаго акцизомъ въ одномъ городѣ, мѣстечкѣ или деревнѣ.

4) Предоста́вить право брать свидѣтельства эти въ Казенныхъ Палатахъ и уѣздныхъ казначействахъ дворянамъ, купцамъ всѣхъ гильдій, мѣщанамъ и вообще всѣмъ людямъ свободнаго званія, обязавъ притомъ въ городахъ, мѣстечкахъ, посадахъ и селеніяхъ всѣ трактиры, харчевни и винные погреба брать ежегодно также свидѣтельства.

5) Оптовые склады для продажи оплаченнаго акцизомъ вина дозволить повсемѣстно въ видахъ поощренія сельскаго хозяйства, покровительствуемаго законами, прямымъ производителямъ, т. е. однимъ только владѣльцамъ-винокурамъ всѣхъ привилегированныхъ губерній, и дабы не было иногда недостатка въ винѣ, выдавать имъ по разрядамъ патентовыя свидѣтельства. Общаго же недостат-

ка въ винѣ въ 16 привилегированныхъ губерніяхъ опасаться не должно, да оно и быть не можетъ, если винокуры будутъ одни имѣть склады; при тщательномъ разсмотрѣніи цифръ за 4 года, съ 1851 по 1855-й, видно, что въ нѣкоторые года былъ недостатокъ вина, а въ другіе даже излишекъ (въ 4 года недоставало вина 7.313.052 ведра, а излишекъ спирта былъ 3.343.339 ведеръ), и при малѣйшемъ поощреніи винокуренія недостатокъ легко пополнится.

Эта простая система приведетъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) казна получитъ, безъ стѣсненія производителей и народа, далеко больше противъ цифры, получаемой нынѣ отъ акцизныхъ и чарочныхъ откуповъ въ привилегированныхъ губерніяхъ. 2) Производители будутъ продавать свое произведеніе тамъ, гдѣ для нихъ это будетъ болѣе выгодно, а народъ и владѣльцы не-винокуры, при дѣятельности производства, будутъ продавать производителямъ съ выгодою тѣ сорты хлѣба, которые, по качеству ихъ, не требуются за границу. Для составленія этой системы необходимо участіе практическихъ людей, понимающихъ дѣло, къ которому отнюдь не допускать откупщиковъ.

Не лишнимъ считаю объяснить слѣдующее. Изъ свѣдѣній, предъявленныхъ Правительствующимъ Сенатомъ во время торговъ, бывшихъ въ прошломъ году, видно, что во всѣхъ привилегированныхъ губерніяхъ въ 1852 году оплачено акцизомъ вина 18.376.876 ведеръ и спирту 453.279 ведеръ, а доходу получается ежегодно отъ акцизнаго откупа 10.271.674 руб., чарочнаго 5.363.326 руб., а всего 15.635.000 р. сер. Не касаясь чарочнаго откупа, видно, что если бы правительство получило акцизъ безъ посредства акцизныхъ откупщиковъ, то одного акцизнаго сбора получило бы, по нынѣ дѣйствующему положенію, полагая по 75 коп. сер. съ ведра вина и по 1 р. 20 коп. съ ведра спирту, 14.326.591 р. 80 коп., т. е. почти столько же, сколько получаетъ отъ чарочнаго и акцизнаго откуповъ вмѣстѣ, и сумма, платимая чарочнымъ откупомъ, пополнила бы окончательно ту невѣрность цифръ, которая можетъ существовать въ цифрахъ, доставленныхъ Правительствующему Сенату, за вѣрность которыхъ, какъ въ свѣдѣніяхъ Сената объяснено, онъ ручаться не могъ. Эти цифры служатъ 1) столь же вѣрнымъ, но болѣе справедливымъ ручательствомъ, какъ и самые

залоги откупщиковъ, и правительство получитъ доходъ тамъ, гдѣ будетъ дѣйствительное потребленіе вина; теперь же часто случается, что въ одной губерніи или городѣ, вслѣдствіе различныхъ случайностей, одинъ откупщикъ пріобрѣтаетъ милліоны на счетъ другаго или на счетъ казны, а другой гибнетъ самъ и влечетъ за собою гибель и раззореніе толпы его залогодателей; и 2) вышеприведенныя цифры ясно убѣждаютъ, что казна безъ всякаго опасенія можетъ перейти къ предлагаемой системѣ и получитъ болѣе дохода, безъ стѣсненія производителей винокуренія и народа, ибо въ свѣдѣніяхъ Правительствующаго Сената цифры эти должны быть совершенно вѣрны, такъ какъ въ вино, употребленное чарочными откупами, вливается столько воды, что съ избыткомъ пополнитъ ошибку въ цифрахъ, если бы она и была.

Если правительству угодно будетъ принять эту систему и уничтожить совершенно чарочные откупа, назначивъ предположенный уже акцизъ по 1 р. 15 коп. съ ведра вина и по 1 р. 90 коп. съ ведра спирту, то, сложивши цифры вина и спирта, оплаченныя акцизомъ въ 1852 году, и помноживъ количество ведеръ вина и спирта, приведенное выше, на 1 р. 15 коп. съ ведра вина и 1 р. 90 коп. съ ведра спирта, получится 21.994.637 руб. 50 коп.; отбросивъ изъ этой суммы 1.994.637 руб. 50 коп. на непредвидимыя случайности, казна получитъ 20.000.000 р. сер. отъ одного акциза, безъ свидѣтельствъ; за свидѣтельства же, въ предѣлахъ нынѣ существующихъ чарочныхъ откуповъ, которыхъ взято будетъ огромное количество, казна получитъ сверхъ того также огромный доходъ.

Съ уничтоженіемъ чарочныхъ откуповъ и съ правомъ брать свидѣтельства всѣмъ сословіямъ, какъ объяснено выше, на чарочную продажу и на выносъ вина, безъ ограниченія числа свидѣтельствъ, въ предѣлахъ нынѣ существующихъ чарочныхъ откуповъ, хотя бы правительство признало необходимымъ увеличить акцизъ противу предлагаемаго нынѣ, это не будетъ тягостнымъ для народа, потому что при соревнованіи въ продажѣ, не смотря на возвышеніе акциза, вино будетъ продаваться гораздо дешевле, чѣмъ продается теперь.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ что, взявъ цифры 1852 года (годъ, въ который наименѣе было потреблено вина и спирта) и помноживъ ихъ только: вино на 1 р. 25 коп., а спиртъ на 2 р.

10 коп. сер., мы увидимъ, сколько казна теряетъ выгодъ, разстроивая притомъ капиталъ, дающій эти выгоды, т. е. всѣ сословія государства.

Для убѣжденія правительства, что предлагаемая система представитъ значительныя выгоды не только казнѣ, но и акцизнымъ откупщикамъ, можно произвесть торги на отдачу акцизнаго откупа не за 6 мѣсяцевъ, какъ это дѣлалось обыкновенно, а за 1½ года; въ такомъ случаѣ если бы даже никто не явился на торги, правительство имѣло бы время составить новое положеніе по своему усмотрѣнію.

Противники этой системы не могутъ сказать, что при соревнованіи въ продажѣ вина, оно будетъ потребляться въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ нынѣ. Если бъ однако они согласились, что количество потребляемаго нынѣ вина во всѣхъ привилегированныхъ губерніяхъ не уменьшится, то, можетъ быть, возразятъ, напротивъ, что система, не ограничивающая числа питейныхъ заведеній, поведетъ къ непомѣрному пьянству и повредитъ нравственности народа. Многое можно было бы сказать въ опроверженіе этого, но здѣсь не мѣсто, и мы ограничимся только тѣмъ, что укажемъ на Малороссію, гдѣ и теперь еще всякому казаку предоставлено право раздробительной продажи вина, которое, до введенія акцизной системы, въ иные годы продавалось отъ 40 до 60 коп. сер. ведро: между тѣмъ нравственность и благосостояніе народа въ Малороссіи не хуже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, въ которыхъ право это предоставлено однимъ чарочнымъ откупщикамъ и владѣльцамъ недвижимыхъ состояній.

Въ заключеніе скажу, что пьяницы—каста исключительная, которой бо́льшее число питейныхъ заведеній не увеличитъ и не уменьшитъ. Стѣснительное же для сельскаго хозяйства полученіе косвенныхъ налоговъ даже увеличитъ пьянство и повредитъ нравственности народа. Кто яснѣе можетъ видѣть, какъ не мы, помѣщики, живущіе постоянно съ народомъ, какія распоряженія правительства могутъ улучшить нравственность или нѣтъ? Приведу примѣръ, который каждый изъ насъ ежедневно видитъ. Когда у крестьянина есть, положимъ, 50 коп. сер., онъ пропьетъ ихъ непремѣнно; но имѣя 5 руб. сер. онъ въ ближайшемъ городѣ купитъ скорѣе необходимое для своего семейства или исполнитъ обязанность, требуемую отъ него правительствомъ. Это доказываетъ, что только

хорошій бытъ народа можетъ улучшить его нравственность. Отмѣните стѣснительную для сельскаго хозяйства систему въ полученіи косвенныхъ налоговъ, и хорошій бытъ народа улучшитъ его нравственность.

Въ десятилѣтней сложности, въ бо́льшей части привилегированныхъ губерній одна треть годовъ бываетъ такихъ, въ которые крестьянинъ за цѣну двухъ четвертей ржи, т. е. за 4 р. сер., не можетъ въ предѣлахъ чарочныхъ откуповъ имѣть ведро вина, тогда какъ двѣ четверти ржи при самомъ дурномъ винокуреніи даютъ 10 ведеръ вина. Вотъ начала, которыя должны быть взяты за основаніе при составленіи законоположеній, необходимыхъ для интересовъ казны.

Повторимъ еще разъ сказанное уже здѣсь, что предлагаемая система приведетъ къ слѣдующимъ результатамъ: казна получитъ значительно болѣе дохода противу получаемаго нынѣ отъ акцизныхъ и чарочныхъ откуповъ въ привилегированныхъ губерніяхъ, монополисты падутъ, а народъ, сбывая выгодно излишекъ хлѣба владѣльцамъ-винокурамъ, при соревнованіи въ продажѣ вина, будетъ покупать его гораздо дешевле, чѣмъ нынѣ.

А.

ОПИСАНІЕ

ДОМА ДЛЯ РАБОЧИХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ С. СКОПИНѢ (*).

Весь домъ имѣетъ въ длину 32, въ ширину 12 аршинъ; каждый этажъ состоитъ изъ 2 избъ (12 арш. въ квадратѣ), соединенныхъ сѣнями 8 арш. ширины и 12 арш. длины.

Нижній этажъ.

Нижній этажъ каждой избы каменный, 3¼ ар. вышины; выстроенъ слѣдующимъ образомъ: 1 аршинъ углубленъ ниже поверхности земли; вырытая часть въ землѣ на ½ аршина выложена только въ одинъ кирпичь, остальные ½ ар. находятся подъ бу-

(*) Сельцо Скопино—Владимірской губерніи Александровскаго уѣзда; описываемый здѣсь домъ выстроенъ помѣщикомъ—г. Солениковымъ, для помѣщенія въ немъ рабочихъ людей писчебумажной фабрики.

томъ, а внутренняя сторона обложена въ одинъ кирпичь; на этомъ бутѣ выстроены каменныя стѣны въ 2½ кирпича; окна только ¼ ар. выше поверхности земли; вышиною окна въ 1¼ ар., шириною въ ¾ аршина.

Очерченные точками (на прилагаемомъ при семъ рисункѣ) квадраты подъ №№ 1 суть подполья для храненія овощей, квасу, и проч.

Квадраты по срединѣ №№ 2—русскія печи, въ одной избѣ о двухъ челахъ, въ другой объ одномъ челѣ, или топкѣ.

Потолокъ собранъ изъ досокъ, положенныхъ на балки и служитъ поломъ для верхняго этажа; доски потолка не вплоть пригнаны къ стѣнамъ, а не доходятъ до нихъ на 1 верш. для того, чтобы печи нижняго этажа нагрѣвали верхній.

№№ 4 означаютъ двери изъ сѣней, №№ 5 приступокъ, а №№ 6 лѣстницы въ верхнія избы.

Сѣни выстроены на каменномъ фундаментѣ деревянныя; №№ 3 означаютъ лари для храненія муки, крупы и др. припасовъ; № 7 лѣстница на верхній этажъ сѣней.

Верхній этажъ.

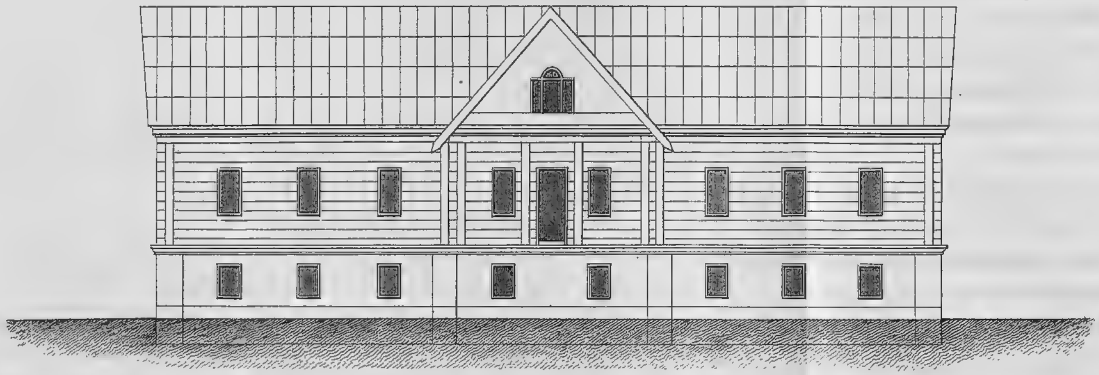
Бревенчатый, вышиною 3¼ аршина; верхнія избы раздѣлены: одна на 4, а другая на 5 отдѣленій; для большихъ семействъ отдѣленія назначены пообширнѣе—№№ 1, 2, 3 и 4, для малосемейныхъ №№ 5, 6, 7 и 8; № 9 назначенъ для холостаго работника; № 10 и 11 означаютъ продолженіе печей нижняго этажа; онѣ обложены въ этомъ этажѣ изразцами, но не обливными; топки не имѣется. Въ сѣняхъ верхняго этажа устроены чуланы для храненія платья: № 12, 13 и 14, и ходъ на балконъ, который снизу поддерживается двумя колоннами.

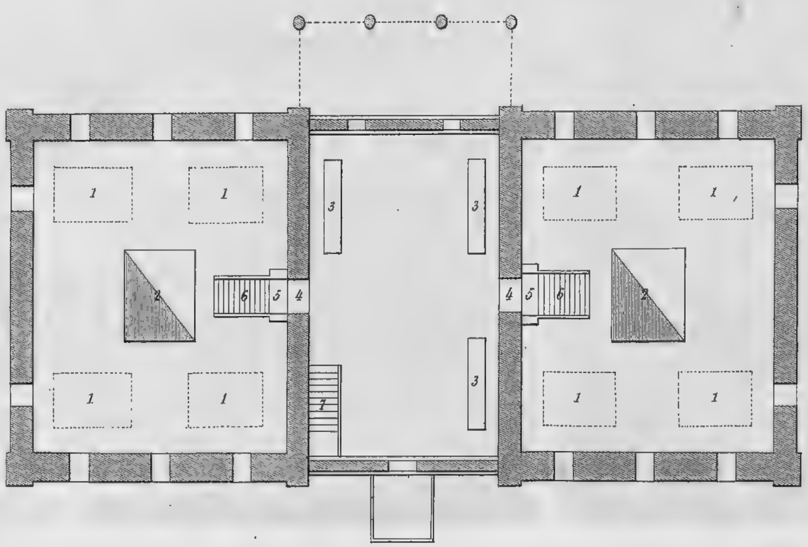
Домъ выстроенъ для помѣщенія рабочихъ фабричныхъ семействъ; нижній этажъ не раздѣленъ перегородками, но каждая семья имѣетъ свой уголъ; въ этомъ этажѣ кухня и столовыя, а въ верхнемъ этажѣ каждая семья имѣетъ свою особую чистую комнату.

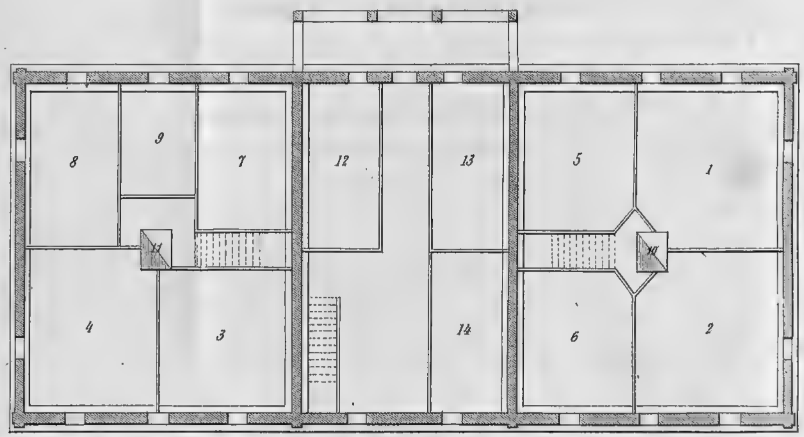
Недостатокъ замѣчается въ слѣдующемъ: двери изъ сѣней въ нижнія избы сдѣланы по срединѣ стѣны, отчего лѣстница на верхній этажъ нѣсколько крута. Если бы двери отнесены были на 1 арш. къ которому нибудь углу, то лѣстница вышла бы отлогая.

ДОМЪ

для фабричныхъ рабочихъ.







3 2 1 0 1 2 3 Саж.

О СОСТОЯНІИ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ МІХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА И АЛЕКСѢЯ МІХАЙЛОВИЧА.

(ТРЕТЬЯ КНИГА «ПУТЕШЕСТВІЯ» ОЛЕАРІЯ).

ГЛАВА ШЕСТАЯ. (*)

О бракѣ и образѣ совершенія русскихъ свадебъ.

Супружество у Русскихъ.

При всей склонности Русскихъ къ сладострастію, у нихъ не найдешь ни одного публичнаго развратнаго дома, что, къ сожалѣнію, встрѣчается въ Персіи и въ нѣкоторыхъ другихъ образованныхъ государствахъ, гдѣ правительство пользуется отъ того доходами.

Русскіе почитаютъ супружескій союзъ и дорожатъ имъ, такъ какъ каждому изъ нихъ позволяется имѣть только одну жену. Въ случаѣ смерти жены, мужъ можетъ жениться въ другой и третій разъ; въ четвертый же разъ вступать въ бракъ запрещено, и если священникъ въ такомъ случаѣ обвѣнчаетъ кого либо, то отрѣшается отъ своей должности. Священники Русскіе должны быть непремѣнно женаты, и, въ случаѣ смерти жены, не имѣютъ права жениться въ другой разъ; въ противномъ случаѣ, они лишаются своего сана и скуфьи (Мйцс) и записываются въ сословіе купцовъ или ремесленниковъ. При бракосочетаніи принимается ими въ соображеніе родство (arbor consanguinitatis); такъ они не должны вѣнчать близкихъ родственниковъ, свойственниковъ, двухъ братьевъ на двухъ сестрахъ, а равнымъ образомъ и тѣхъ, которые были воспріемниками при крещеніи. Священники совершаютъ обрядъ бракосочетанія въ церквахъ, съ особенными церемоніями, которыя я постараюсь здѣсь описать.

Молодымъ людямъ и дѣвушкамъ не позволяется, сходясь вмѣ-

(*) Первыя пять главъ см. въ третьей книгѣ Архива.

стѣ, толковать о супружествѣ, тѣмъ менѣе обѣщать себя другъ другу. Родители, имѣющіе многихъ дѣтей мужескаго пола и желающіе женить ихъ, еще болѣе тѣ, у коихъ много дочерей, сами отправляются къ своимъ знакомымъ, и если считаютъ дѣтей ихъ пригодными для своихъ, то обращаются или прямо къ нимъ, или къ ихъ родителямъ или друзьямъ, и намёкомъ даютъ знать имъ о своемъ намѣреніи. Въ случаѣ согласія, они просятъ, чтобы имъ показали невѣсту, въ чемъ хотя и получаютъ отказъ, но все таки невѣста, если она хороша собою, показывается или матери или подругѣ молодаго человѣка, желающаго жениться; если онѣ найдутъ, что невѣста ни слѣпа, ни хрома и не имѣетъ за собою никакого видимаго недостатка, то родители заключаютъ между собою условія о придачѣ, которую они называютъ *приданымъ* (pridanna). Вообще же всѣ болѣе или менѣе знатные вельможи воспитываютъ дочерей своихъ въ недоступныхъ никому теремахъ, тщательно скрывая ихъ отъ постороннихъ людей, и женихъ не раньше можетъ видѣть свою невѣсту, какъ только по совершеніи брака, въ брачной комнатѣ. Поэтому самому случается, что жениха иногда обманываютъ, и молодой человѣкъ, думая найти въ невѣстѣ своей красавицу, горько разочаровывается, увидя безобразную, хилую и хворую женщину. Бываетъ иногда, что родители подмѣняютъ дочь свою кѣмъ либо изъ ея родственницъ, или даже просто какою нибудь дѣвкою, чему встрѣчаются примѣры между знатными, и потому весьма неудивительно, что новобрачные обходятся въ такомъ случаѣ другъ съ другомъ какъ кошки съ собаками; отсюда происходитъ и то, что мужья бьютъ своихъ женъ,—дѣло столь обыкновенное между Русскими.

Свадьбы у Русскихъ совершаются съ особенными церемоніями и большою пышностью. Свадьбы княжескія, боярскія и дѣтей боярскихъ (Kinder derer, т. е. бояръ), справляются слѣдующимъ образомъ:

Сначала, со стороны жениха и невѣсты, выбираются двѣ женщины, называемыя у нихъ свахами (Swacha), обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ должны, подобно дружкамъ, заготовлять въ домѣ вѣнчающихся все необходимое для свадьбы. Сваха невѣсты, въ день свадьбы, отправляется въ домъ жениха и приготовляетъ тамъ брачную постель; вмѣстѣ съ нею идутъ до ста человѣкъ слугъ, одѣтыхъ въ кафтаны, которые несутъ на головахъ все

необходимое для украшенiя брачной постели, равно какъ и комнаты, въ которой она поставлена. Постель приготовляется изъ 40 ржаныхъ сноповъ, положенныхъ другъ на друга. Первые снопы кладетъ самъ женихъ. За тѣмъ ставятся подлѣ постели нѣсколько боченковъ, наполненныхъ пшеницею, ячменемъ и овсомъ, что̀ означаетъ надежду и желанiе, чтобы женихъ и невѣста, во все время ихъ супружества, не терпѣли никакого недостатка въ пропитанiи и жизненныхъ припасахъ. Проведя такимъ образомъ цѣлый день въ приготовленiяхъ и устройствѣ брачной комнаты, женихъ, уже позднимъ вечеромъ, отправляется вмѣстѣ съ своими друзьями и пріятелями въ домъ невѣсты, а впереди себя посылаетъ попа, долженствующаго вѣнчать его. Здѣсь уже ждутъ ихъ друзья и пріятели невѣсты и радушно принимаютъ жениха вмѣстѣ съ его свитою, послѣ чего болѣе знатные изъ нихъ приглашаются къ столу, который уставляется множествомъ блюдъ. Гости же только сидятъ, не прикасаясь къ яствамъ. Первое мѣсто, въ верхнемъ концѣ стола, оставляется для жениха, который въ это время бываетъ занятъ разговоромъ съ друзьями и пріятелями невѣсты; между тѣмъ на его мѣсто сажаютъ мальчика, и тогда женихъ, почтительно снявъ съ скамьи этого мальчика, самъ садится на приготовленное ему мѣсто. Вскорѣ приводится невѣста, съ закрытымъ лицемъ, одѣтая въ великолѣпное платье, и усаживается подлѣ жениха своего, а чтобы они не могли видѣть другъ друга, то между ними протягивается кусокъ красной тафты, который держатъ два мальчика. Тутъ подходитъ къ нимъ сваха, чешетъ невѣстѣ волосы, заплетаетъ косы, надѣваетъ на голову вѣнецъ и наконецъ открываетъ ей лицо. Вѣнецъ дѣлается изъ тонкаго золота или серебра и подбивается матерiею; къ вѣнцу, въ той его части, которая немного съуживается, именно около ушей, привѣшивается нѣсколько нитокъ жемчугу, которыя ниспадаютъ на грудь. Сверху надѣваютъ на невѣсту что-то въ родѣ сюртука съ рукавами, длиною въ три аршина, съ стоячимъ и весьма жесткимъ воротникомъ, шириною въ три пальца, похожимъ нѣсколько на собачiй ошейникъ; воротникъ этотъ густо усаживается жемчугомъ. Такой кафтанъ стоитъ иногда болѣе 100 талеровъ.

Сваха чешетъ волосы также и жениху. Между тѣмъ женщины встаютъ на лавки и поютъ разнаго рода пѣсни, большею частiю любовнаго содержанiя. Затѣмъ приходятъ два молодыхъ человѣка,

очень хорошо одѣтые, съ носилками, на которыхъ положенъ сыръ и хлѣбъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанный соболями; такой же хлѣбъ приносится и изъ дому невѣсты, и называется *коровайникомъ* (Krabeinicke). Священникъ сначала благословляетъ молодыхъ людей, потомъ хлѣбъ и сыръ. Хлѣбъ этотъ съ сыромъ носятъ и въ церковь. Послѣ этого на столъ ставятъ большое серебряное блюдо, куда кладутъ небольшіе тафтяные или атласные лоскуточки, въ видѣ четвероугольниковъ, столько, сколько необходимо ихъ для того, чтобъ сшить небольшой кошелекъ, также нѣсколько кусочковъ серебра, нѣсколько хмѣлю, ячменя и овса, и все это перемѣшиваютъ. Тогда приходитъ сваха, снова покрываетъ невѣсту и осыпаетъ ее изъ блюда, равно какъ бояръ и всѣхъ присутствующихъ мужескаго пола, и если кто хочетъ, то можетъ подобрать съ полу кусочки атласу и серебра. Между тѣмъ во все это время поютъ пѣсни. Вслѣдъ за тѣмъ встаютъ съ своего мѣста отецъ жениха и отецъ невѣсты и обмѣниваютъ ихъ кольцами.

По совершеніи всѣхъ этихъ обрядовъ, сваха беретъ невѣсту за руку, сводитъ ее съ мѣста, усаживаетъ въ сани и, все еще закрытую, везетъ въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту въ церковь, обвѣшивается, около шеи и подъ дугою, лисьими хвостами. Вскорѣ за невѣстою слѣдуетъ и женихъ, сопровождаемый своими друзьями, пріятелями и священникомъ. Подлѣ саней ѣдутъ нѣкоторые изъ короткихъ пріятелей жениха и множество слугъ, при чемъ отпускается не мало довольно грубыхъ шутокъ. Каменный полъ церкви въ томъ мѣстѣ гдѣ должно происходить вѣнчаніе, покрывается красною тафтою, а на нее постилаютъ еще другую, на которой должны стоять женихъ и невѣста (*). Послѣ вѣнчанія, въ церкви женщины осыпаютъ жениха и невѣсту льняным и конопляным сѣменемъ и желаютъ имъ счастья; за тѣмъ начинаютъ отнимать невѣсту отъ жениха, но тѣ крѣпко держатся другъ за друга. Послѣ такой возни, женихъ отводитъ невѣсту въ сани, самъ садится верхомъ на коня и поѣздъ отправляется въ обратный путь. Подлѣ саней невѣсты несутъ шесть зажженныхъ восковыхъ свѣчей, при чемъ поются разнаго рода пѣсни.

(*) Здѣсь у Олеарія вставлено нѣсколько словъ о самомъ вѣнчаніи, которыя опущены въ переводѣ. *Ред.*

Прибывъ въ домъ жениха, гости садятся съ нимъ за столъ, пьютъ, ѣдятъ и веселятся, невѣста же тотчасъ раздѣвается и укладывается въ постель. Лишь только женихъ начнетъ ѣсть, какъ его отзываютъ къ невѣстѣ. Предъ нимъ идутъ 6 или 8 мальчиковъ съ горящими факелами въ рукахъ. Заслышавъ приближеніе жениха, невѣста тотчасъ встаетъ съ постели, надѣваетъ на себя соболью шубу и съ поклономъ принимаетъ своего любезнаго; между тѣмъ мальчики, вставивъ факелы въ упомянутыя нами бочки и получивъ въ подарокъ по парѣ соболей, уходятъ прочь. Женихъ садится тогда съ невѣстоій за накрытый столъ, и тутъ только въ первый разъ видитъ въ лицо супругу свою; приносятся кушанья, и, между прочимъ, жареная курица, которую женихъ разрѣзываетъ, и первую отрушенную ногу или крыло бросаетъ позади себя, а другую съѣдаетъ самъ. Послѣ этого обѣда, или скорѣе ужина, продолжающагося очень недолго, идетъ онъ съ невѣстою въ постель; тогда всѣ удаляются изъ комнаты, за исключеніемъ одного стараго служителя, взадъ и впередъ прохаживающагося предъ дверьми спальни. Между тѣмъ родители и пріятели жениха и невѣсты колдуютъ, желая этимъ наворожить новобрачнымъ счастливое супружество. Слуга, поставленный на часахъ у дверей брачной комнаты, долженъ по временамъ спрашивать: «какъ идутъ дѣла?» Если женихъ отвѣтитъ ему, что хорошо, то тотчасъ начинаютъ трубить и играть въ литавры, принесенные уже заранѣе. Потомъ приготовляется баня, въ которую, нѣсколько часовъ спустя, идутъ женихъ и невѣста, каждый отдѣльно, гдѣ они моются и обливаются виномъ и мёдомъ; послѣ бани молодая прекрасная жена даритъ молодаго мужа своего рубашкою съ воротникомъ, унизаннымъ жемчугомъ, и новымъ богатымъ платьемъ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни они только тѣмъ и занимаются, что ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ и проводятъ это время въ разнаго рода увеселеніяхъ, какія могутъ только придумать. Тутъ можно слышать разнаго рода музыку. Между прочими музыкальными инструментами особенно замѣчателенъ такъ называемый *псалтырь* (Psaltir), устройствомъ и видомъ своимъ очень похожій на цимбалъ; во время игры инструментъ этотъ кладется на колѣна. Играютъ на немъ пальцами, какъ на арфѣ.

Вотъ все, что успѣлъ я узнать объ обрядахъ и обычаяхъ, которые соблюдаются на свадьбахъ знатныхъ бояръ въ Москвѣ.

Когда же кто либо задумаетъ жениться изъ простаго народа или горожанъ, то посылаетъ избранной имъ невѣстѣ, за день до свадьбы, шапочку и пару сапоговъ, также сундучекъ, въ которомъ положены румяна, гребень и зеркало. На другой день (день свадьбы) приходитъ попъ съ серебрянымъ небольшимъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженныя восковыя свѣчи, благословляетъ сначала мальчиковъ, а за тѣмъ и гостей; потомъ женихъ и невѣста садятся за столъ, и между ними также протягивается кусокъ тафты. Убравъ и снарядивъ невѣсту, сваха заставляетъ ее и жениха сойтись лицами и такимъ образомъ смотрѣться въ одно зеркало, а за тѣмъ дружески улыбнуться другъ другу. Между тѣмъ ходятъ свахи по комнатѣ и осыпаютъ гостей хмѣлемъ.

По окончаніи этихъ обрядовъ, отправляются въ церковь, гдѣ и совершается вѣнчаніе совершенно такимъ же образомъ какъ и при бракосочетаніи знатныхъ.

Послѣ свадьбы, молодыя жены содержатся въ теремахъ и не показываются на глаза постороннимъ; онѣ очень рѣдко выходятъ въ люди и болѣе навѣщаются своими подругами, чѣмъ сами посѣщаютъ ихъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О положеніи Русскихъ женщинъ.

Женщины сидятъ въ заперти.—О томъ, какъ женщины проводятъ время.—Почему Русскіе бьютъ женъ своихъ?—Правда ли что женщины вслѣдствіе побоевъ бываютъ вѣрны мужьямъ своимъ?

Такъ какъ дочери знатныхъ вельможъ и купцовъ нисколько не пріучаются къ хозяйству, то и въ замужествѣ онѣ очень мало имъ занимаются; почти все время проводятъ онѣ только въ томъ, что шьютъ, или вышиваютъ носовые платки золотомъ и серебромъ по бѣлой тафтѣ или тонкому полотну, или вяжутъ небольшіе кошельки

для денегъ и т. п. вещи. Онѣ никогда не осмѣлятся убить курицу, или какое нибудь другое животное, тѣмъ менѣе приняться за приготовленiе какого нибудь кушанья—изъ опасенiя осквернiться, а потому всю эту работу предоставляютъ своимъ слугамъ. Ревнивые мужья весьма рѣдко выпускаютъ ихъ изъ дому, въ слѣдствiе чего онѣ даже рѣдко ходятъ въ церковь. Между простымъ же народомъ это не соблюдается съ такою точностью и строгостью.

Дома ходятъ онѣ въ худыхъ платьяхъ; если же, по приказанiю мужа, выходятъ къ гостямъ поподчивать кого либо изъ нихъ водкою, или когда идутъ въ церковь, то одѣваются въ самыя драгоцѣнныя и великолѣпныя платья, сильно нарумянивши себѣ лицо и набѣливши шею.

Жены княжескiя, боярскiя и другихъ знатныхъ людей лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ, которое употребляютъ они и зимою, когда катаются въ саняхъ. Какъ богини, сидятъ онѣ въ колымагахъ, во всемъ своемъ великолѣпiи; въ погахъ у нихъ помѣщаются дѣвочки изъ крѣпостныхъ людей. Подлѣ каретъ ихъ бѣгутъ холопы и крѣпостные люди, числомъ иногда до 30 и 40 человѣкъ. Лошадь, запряженная въ сани или карету, увѣшивается подобно тому, какъ и на свадьбѣ, лисьими хвостами, что, впрочемъ, теперь уже рѣдко можно встрѣтить. Подобное украшенiе видѣли мы не только на лошадяхъ, везущихъ кареты знатныхъ женщинъ, но также и въ поѣздѣ великаго князя, лошади котораго были увѣшаны отличными собольими хвостами.

Проводя все время дома, не показываясь въ люди и притомъ почти ничего не дѣлая, молодыя дѣвицы естественно имѣютъ очень мало развлеченiя, а потому со своими дѣвушками выдумываютъ разнаго рода игры и забавы. Изъ нихъ замѣчательны качели, до которыхъ дѣвицы страстныя охотницы, и скаканiе на доскѣ, для чего скачущiя кладутъ доску на колоду, становятся на концы ея и высоко подбрасываютъ другъ друга на воздухъ. Есть у нихъ также качели на веревкахъ; качаясь на такихъ качеляхъ, онѣ могутъ высоко подниматься вверхъ. Простой народъ, живущiй въ деревняхъ и при городахъ, потѣшаетъ себя подобными играми на улицахъ. Обыкновенныя качели устраиваются на подобiе висѣлицы, съ перекладиною на верху, къ которой прикрѣпляются мѣста для сидѣнья

въ видѣ креста; на такихъ качеляхъ за разъ могутъ качаться 2, 3 и 4 человѣка. Качаніемъ увеселяетъ себя народъ всего болѣе по праздникамъ. Молодые парни стоятъ у качелей и за нѣсколько копѣекъ предлагаютъ желающимъ покачаться. Мужья позволяютъ женамъ своимъ такія увеселенія, и часто сами раздѣляютъ ихъ вмѣстѣ съ ними.

Неудовольствія, влекущія за собой иногда и побои, происходятъ между супругами оттого, что жена поноситъ мужа бранными словами (ибо въ такихъ случаяхъ онѣ всегда бываютъ готовы браниться) или оттого, что чаще его напивается, или обхожденіемъ своимъ, уже слишкомъ вольнымъ, съ нравящимся ей мужчиною, возбуждаетъ ревность въ мужѣ. Эти три недостатка довольно часто встрѣчаются въ русской женщинѣ.

Жены нисколько не обижаются тѣмъ, что мужья бьютъ ихъ, въ упомянутыхъ случаяхъ, палкой или плёткой, такъ какъ чувствуютъ себя виновными, и утѣшаются тѣмъ, что съ ихъ сосѣдками и пріятельницами случается то же самое.

Мнѣ не приводилось ни видѣть, ни слышать, чтобы русскія женщины (какъ пишутъ нѣкоторые историки, заимствовавшіе извѣстія свои изъ Петрея, который вѣроятно, выписалъ ихъ изъ Герберштейна и Барклая въ его *Icone animorum*) отъ битья становились ласковыми, а безъ него нелюбезно обходились со своими мужьями и чрезъ то возбуждали въ нихъ ревность. Я не могу себѣ представить, чтобы онѣ могли любить то, что отвращаетъ отъ себя всякое живое существо, и чтобы люди, возбуждающіе противъ себя одну ненависть и вражду, могли быть ими любимы.

Извѣстна пословица: «битье не радуетъ никого», и мнѣ кажется, что ее можно примѣнить и къ русскимъ женщинамъ. Никто, я думаю, будучи въ своемъ разумѣ, не будетъ ненавидѣть и мучить самого себя. Можетъ быть, что нѣкоторыя изъ русскихъ женщинъ въ шутку допускали себѣ подобныя рѣчи съ своими мужьями, или ужъ это, должно быть, была сумасшедшая женщина, которая, прожившн съ мужемъ своимъ долгое время въ согласіи и дружбѣ, сказала, что она не замѣчаетъ его любви, такъ какъ ни разу еще не получала отъ него побоевъ. Мужъ, желая доказать ей любовь свою, не заставилъ долго просить себя и поколотилъ ее порядкомъ; спустя нѣсколько времени, онъ побилъ ее снова (ибо женѣ его это

очень нравилось), потомъ въ третій разъ, и наконецъ, изъ той же любви къ ней, убилъ ее. Человѣкъ этотъ по имени *Іорданъ* (Jordan) былъ родомъ Итальянецъ. Герберштейнъ называетъ его нѣмецкимъ кузнецомъ (alemannum fabrum ferrarium). Происшествіе это случилось въ бытность его въ Москвѣ. Подобный случай, повторяю, еще не слѣдуетъ примѣнять къ прочимъ женщинамъ, такъ какъ упомянутая мною сумасшедшая жена выказала совершенно противуестественныя чувства.

За прелюбодѣяніе у нихъ не наказываютъ смертью, и самый проступокъ этотъ не имѣетъ особаго названія.

Если мужъ узнаетъ, что жена измѣнила ему, то бьетъ ее плетью и потомъ отсылаетъ на нѣсколько дней въ монастырь на хлѣбъ и воду, послѣ чего виновная снова возвращается домой и принимается за запущенное свое хозяйство.

Если супруги наскучатъ другъ другу и не могутъ ужиться вмѣстѣ, то одинъ изъ нихъ удаляется въ монастырь; если это дѣлаетъ мужъ, то жена можетъ выдти за другаго (*). Если же жена безплодна, то мужъ воленъ заточить ее въ монастырь, и спустя шесть недѣль жениться на другой.

Подобные примѣры случались съ великими князьями—такъ именно поступилъ Василій Ивановичь (**), заточившій въ монастырь супругу свою *Соломонію,* отъ которой не имѣлъ дѣтей въ продолженіи 21 года брачной жизни, и женившійся потомъ на *Еленѣ*, дочери *Михаила Глинскаго* (Linski). Въ монастырѣ прежняя супруга его разрѣшилась отъ бремени сыномъ, какъ объ этомъ говорятъ гораздо подробнѣе Герберштейнъ на стр. 19 и Тилеманъ Бредеабасъ (Tileman Bredeabas) на стр. 251.

Точно также и частный человѣкъ, если замѣтитъ, что жена его поступила съ нимъ нечестно, можетъ заточить ее въ монастырь, при чемъ большею частью мужья поступаютъ несправедливо, единственно по своей прихоти. Такъ иногда изъ одного пустаго подозрѣнія или по какимъ либо ничтожнымъ причинамъ мужъ

(*) При этомъ Олеарій замѣчаетъ неосновательно, будто въ такомъ случаѣ она можетъ выдти только за человѣка, который долженъ сдѣлаться священникомъ. *Ред.*

(**) Олеарій несправедливо называетъ его Иваномъ Васильевичемъ. *Ред.*

возненавидитъ жену свою, подкупаетъ бѣдныхъ мальчиковъ и идетъ съ ними въ судъ жаловаться на жену, въ доказательство чему представляетъ ложное свидѣтельство подкупленныхъ, будто бы они застали ее въ прелюбодѣяніи, и иногда до того доводятъ дѣло (особенно если этому помогаютъ деньги), что добрая, невинная женщина, даже безъ всякаго подозрѣнія, принуждена бываетъ надѣть на себя черное платье и тотчасъ отправляться въ монастырь, гдѣ и проводитъ всѣ остальные дни своей жизни, такъ какъ у Русскихъ, если кто вступилъ въ монашеское званіе и постриженъ, уже никогда не можетъ выдти изъ монастыря, тѣмъ менѣе вступить вторично въ бракъ.

Подобное случилось съ однимъ молодымъ Полякомъ, принявшимъ русскую вѣру и женившимся на одной прекрасной молодой женщинѣ. По дѣламъ своимъ онъ долженъ былъ разлучиться съ женою и въ продолженіи цѣлаго года жить съ нею врознь. Между тѣмъ въ отсутствіи его она родила. Услышавъ о скоромъ возвращеніи своего мужа и не видя себя въ состояніи отдать ему отчетъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, она со страху удалилась въ монастырь и тамъ постриглась. Вскорѣ мужъ вернулся домой и узнавъ о поступкѣ жены своей, не столько опечалился ея измѣною, сколько тѣмъ, что она постриглась. Онъ простилъ ее и обѣщалъ снова принять ее къ себѣ въ домъ, да и она была не прочь отъ этого, но, не смотря на все свое желаніе, не могла уже сойтись съ своимъ мужемъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О власти свѣтской и о внутреннемъ управленіи Россіи.

Образъ правленія.—Собственныя царскія деньги.—Тяжелыя пошлины. — Хорошее распоряженіе относительно скорой ѣзды.

Что касается до образа правленія въ Россіи, то уже изъ предыдущихъ главъ частью можно видѣть, что оно монархическое, неограниченное (Monarchia dominica et despotica, какъ говорятъ политики). Царь или великій князь, наслѣдуя престолъ по извѣстному порядку престолонаслѣдія, одинъ управляетъ государствомъ; князья, благородные граждане и простой народъ — всѣ подданные его,

надъ которыми онъ производитъ судъ и расправу, какъ отецъ семейства. Подобный родъ правленiя весьма сходенъ съ тѣмъ, который описанъ у Аристотеля: «est alia species Monarchiae qualia suntapud quosdam barbaros regna vim habentia proximam tyrannidi » *(Pol. 3, l. cap. 14)*.

Знатные вельможи не считаютъ для себя унизительнымъ, вмѣстѣ съ уменьшительнымъ обозначенiемъ именъ своихъ, называться холопами. Въ прежнiя времена знатныхъ купцовъ, если они не являлись безъ уважительныхъ причинъ на торжественныя аудiенцiи (въ которыхъ засѣдаютъ въ великолѣпныхъ платьяхъ), наказывали кнутомъ; теперь же обыкновенно сажаютъ ихъ за такой проступокъ въ тюрьму на два или на три дня, если только при Дворѣ они имѣютъ покровителей и ходатаевъ.

Русскiе называютъ своего государя великимъ княземъ (Welikoi Knes), также царемъ (Zaar). Нѣкоторые производятъ это послѣднее слово отъ слова Цезарь. На государственномъ гербѣ и печати изображается у нихъ, какъ и у римскаго императора, двуглавый орелъ, съ крыльями, опущенными внизъ, съ тремя, на мѣсто прежнихъ двухъ, коронами, обозначающими три государства: Русское, Казанское и Астраханское. На груди орла помѣщается щитъ, съ изображенiемъ всадника, поражающаго копьемъ дракона. Такой гербъ учрежденъ въ Россiи впервые царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который славился своимъ родствомъ съ римскимъ императоромъ. Толмачи великаго князя и нѣкоторые изъ живущихъ въ Москвѣ Нѣмцевъ также называютъ его императоромъ. Такъ какъ русскiе называютъ также царемъ и короля Давида, то слово царь, какъ кажется мнѣ, обозначаетъ скорѣе короля, и, можетъ быть, происходитъ отъ Еврейскаго слова *zarah*, что значитъ *бальзамъ* или *миро*, также *помазанный*, какъ это видно изъ первой книги Моисея (Быт. гл. 37) и изъ пророка Iеремiи (гл. 5, 1), ибо въ древности цари помазывались на царство муромъ.

Русскiе имѣютъ о царѣ своемъ чрезвычайно высокое понятiе и произносятъ имя его съ величайшимъ почтенiемъ. Поэтому они внушаютъ дѣтямъ своимъ, еще въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ, говорить о царѣ, какъ о земномъ богѣ; въ слѣдствiе этого, они часто повторяютъ: «про то вѣдаетъ Богъ и В. Князь». Отсюда же происходятъ и разнаго рода другiя ихъ рѣчи и выраженiя. Такъ напр. вмѣсто

выраженія: явиться предъ царя, они говорятъ: «стать предъ его свѣтлыя очи;» желая выказать свое глубокое смиреніе и покорность великому князю, они говорятъ, что все, чѣмъ они ни владѣютъ, принадлежитъ не столько имъ, сколько Богу и государю. Къ подобнымъ рѣчамъ пріучилъ ихъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный своими насильственными поступками, что не могло быть иначе, въ слѣдствіе полной зависимости отъ него какъ ихъ самихъ, такъ и имущества имъ принадлежавшаго. Желая держать подданныхъ своихъ въ рабствѣ и постоянномъ страхѣ, онъ приказалъ, чтобы никто, подъ опасеніемъ смертной казни, не смѣлъ выѣзжать изъ государства ради какихъ либо своихъ выгодъ и ознакомляться съ свободою иностранныхъ земель; равнымъ образомъ никто изъ купцовъ, по своимъ дѣламъ, не смѣлъ безъ царскаго позволенія производить торговли внѣ предѣловъ Россіи.

За 10 лѣтъ передъ симъ, одинъ переводчикъ нѣмецкій, по имени *Іоаннъ Хельмъ* (Hans Helm), умершій на 97 году своей жизни, съ большимъ трудомъ упросилъ великаго князя отпустить сына своего, воспитаннаго имъ въ Москвѣ и предназначавшагося въ великокняжескіе доктора, для окончательнаго усовершенствованія въ медицинѣ, въ Германію, въ одну изъ тамошнихъ академій. Молодой Хельмъ вскорѣ оказалъ тамъ большіе успѣхи и, получивъ степень доктора, отправился въ Англію, въ Оксфордъ, гдѣ пріобрѣлъ огромную извѣстность. Докторъ этотъ и до сихъ поръ живетъ за границею, не думая возвращаться въ Москву, откуда ему удалось вырваться. Новгородскій купецъ *Петръ Миклафъ* (Peter Miklaff), пріѣзжавшій къ намъ годъ тому назадъ посланникомъ, человѣкъ умный и честный, захотѣлъ отдать мнѣ сына своего для обученія латинскому и нѣмецкому языкамъ, но не могъ получить на то позволенія ни отъ великаго князя, ни отъ патріарха.

Что же касается до нынѣшняго великаго князя, то, благодаря благоразумному правленію его, уже ничего не найдешь въ Россіи изъ того, что напр. было при Иванѣ Васильевичѣ, который насильственнымъ образомъ отнималъ имущества у своихъ подданныхъ. Нѣкоторые историки и теперь еще продолжаютъ сообщать ложныя свѣдѣнія о Россіи, приписывая ей то, что было при Герберштейнѣ, Павлѣ Іовіѣ и Гваньини, познакомившихъ насъ съ тѣмъ бѣдственнымъ ея состояніемъ, въ какомъ она находилась подъ желѣз-

нымъ скипетромъ Грознаго. Въ настоящее время многое уже измѣнилось изъ того, что писано было о Русскихъ въ прежнее время, многое уже и вовсе не существуетъ, что, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать всеизмѣняющему времени, правительству и самимъ Русскимъ. Нынѣшній великій князь человѣкъ умный и государь благочестивый; подобно чадолюбивому отцу своему, онъ не дозволяетъ обижать кого либо изъ своихъ подданныхъ и никого не допускаетъ до нищеты. Такъ, если кто либо изъ нихъ потерпитъ неурожай въ хлѣбѣ, или подвергнется какому либо несчастію и чрезъ то впадетъ въ бѣдность, то ему выдается, не смотря на то, государственный ли онъ или помѣщичій крестьянинъ, вспомоществованіе изъ учрежденнаго царемъ Приказа или Канцеляріи съ тѣмъ, чтобы онъ снова могъ поправиться, заплатить долги и за тѣмъ какъ слѣдуетъ нести государственныя повинности. Тѣ, которые за оскорбленіе его царскаго величества, или за другія большія преступленія ссылаются въ Сибирь (что впрочемъ теперь случается рѣже), въ настоящее время получаютъ, смотря по званію и состоянію своему, довольно порядочное содержаніе; вельможи же преступники на содержаніе свое получаютъ деньги. Такъ провинившійся писецъ получаетъ мѣсто писца же въ Приказѣ какого либо города въ Сибири; солдатъ и стрѣлецъ переводятся въ тамошнія войска, и какъ тотъ, такъ и эти получаютъ годовой окладъ и приличное содержаніе. Самое тяжкое наказаніе для Русскихъ состоитъ въ томъ, когда они не допускаются предъ лицо его царскаго величества и не могутъ видѣть его свѣтлыя очи.

При всемъ томъ, бываютъ примѣры, что нѣкоторые изъ этой немилости извлекаютъ выгоды, находя болѣе удобнымъ для себя жить въ Сибири, чѣмъ въ Москвѣ; тамъ наживаютъ они хорошее состояніе, и если имѣютъ при себѣ жену и дѣтей, то вовсе не желаютъ возвращаться въ Москву, даже и тогда, когда получаютъ полную свободу.

Великій князь русскій хорошо понимаетъ свое значеніе, а потому, подобно другимъ монархамъ и полновластнымъ властителямъ, соблюдаетъ jura Majestatis: онъ не подлежитъ никакому закону, самъ же, по своему усмотрѣнію, можетъ издавать разнаго рода постановленія, которыя (если они только могутъ быть осуществимы) принимаются и исполняются безъ всякаго противорѣчія и при-

томъ съ такимъ послушаніемъ, какъ будто бы даны были отъ самого Бога. Такое безпрекословное исполненіе царскихъ узаконеній вытекаетъ изъ того убѣжденія Русскихъ, что все, что ни дѣлаетъ великій князь (какъ справедливо пишетъ объ этомъ Chytraeus lib. 1. Saxon.), онъ дѣлаетъ по волѣ Божіей. Поэтому, въ доказательство справедливости и безукоризненности дѣйствій государя, у нихъ существуетъ пословица: «Бога и царя слово ненарушимо и должно быть почитаемо».

Великій князь назначаетъ и смѣняетъ властей, ссылаетъ и казнитъ ихъ по своему усмотрѣнію: слѣдовательно, у Русскихъ такой же образъ правленія, какой, по изреченію пророка Даніила, былъ въ царствованіе Новуходоноссора.

Великій князь назначаетъ по городамъ и провинціямъ воеводъ (Weiwoden), которые съ канцлерами, дьяками и писцами производятъ въ нихъ судъ и расправу; рѣшенія ихъ одобряются Дворомъ и на нихъ не бываетъ апелляціи. При такомъ управленіи провинцій и городовъ, великій князь держится того правила, которое выхваляется у *Барклая* (Barclajus l. 3. c. 6.) *Клеобуломъ* (Cleobulus), совѣтовавшимъ королю Сицилійскому не оставлять воеводъ или управителей на одномъ мѣстѣ болѣе 2 или 3 лѣтъ, въ слѣдствіе той уважительной причины, что государство можетъ пострадать отъ злоупотребленій при долговременномъ ихъ правленіи, и что самые правители, снискавъ дружбу и расположеніе народа, могутъ сдѣлаться независимыми.

Великій князь имѣетъ право объявлять войну иностраннымъ державамъ, вести ее или окончить по своему усмотрѣнію, а если и спрашиваетъ въ этомъ совѣта у своихъ бояръ, то дѣлаетъ это подобно Ксерксу, созвавшему азіатскихъ сатраповъ единственно для того, чтобы показать имъ свое могущество, а не испрашивать у нихъ совѣта и мнѣнія касательно второй предпринимаемой имъ тогда войны. Такъ онъ объявилъ сатрапамъ, что они созваны имъ не для того, чтобы высказывать свои мнѣнія, но ради того только, чтобъ напомнить имъ, что они должны болѣе повиноваться, чѣмъ совѣтовать.

Великій князь обыкновенно отличаетъ высокими почестями, возводя въ княжеское достоинство, тѣхъ изъ государственныхъ сановниковъ, которые оказали особенныя услуги ему и государству. Нѣ-

которые изъ великихъ князей, узнавши, что въ Германіи лекарямъ даютъ дипломы на степень доктора, старались подражать этому обыкновенію и возводили (какъ выше мы уже видѣли) въ достоинство это своихъ лекарей, иногда даже простыхъ цирульниковъ.

У царя Русскаго есть собственныя деньги, которыя чеканятся изъ чистаго серебра, частію и изъ золота, въ 4-хъ городахъ: Москвѣ, Новгородѣ, Твери и Псковѣ. Всѣ русскія монеты вообще невелики (небольше датскихъ Sechsling и меньше еще нѣмецкаго пфеннига), частью круглы, частью продолговаты. На лицевой сторонѣ ихъ изображается всадникъ, поражающій копьемъ дракона—гербъ, принадлежавшій прежде одному только Новгороду; на другой—русскими буквами, имя великаго князя и города, въ которомъ онѣ вычеканены. Монеты эти называются *денежками*, *деньгами* (Denning) и *копѣйками* (Kopeck), каждая цѣною въ голландскій *стюзеръ* (Stüffer), въ половину Мейссенскаго гроша (Meißnischer Groſch), или въ голландскій шиллингъ; 50 такихъ монетъ составляютъ рейхсталеръ. Есть монеты еще мельче, называемыя *полушками* (Poluske) и *Московскими* (Mußkoffske). Всѣ эти монеты, по своей мелкости, весьма неудобны въ торговлѣ, такъ какъ очень легко провалпваются сквозь пальцы и пропадаютъ изъ рукъ. Для отвращенія этого неудобства, Русскіе, осматривая, отмѣривая и вывѣшивая товары, часто берутъ въ ротъ до 50 штукъ полушекъ, и между тѣмъ говорятъ, продолжаютъ торговаться, такъ что невозможно ни замѣтить, что у нихъ ротъ полонъ денегъ, ни представить себѣ, чтобы онъ замѣнялъ у нихъ карманы. Они торгуютъ на *алтыны*, *гривны* и *рубли* (Griffen, Altin, Rubeln), хотя, собственно говоря, подобныхъ монетъ у нихъ и не имѣется; ихъ замѣняютъ они извѣстнымъ числомъ копѣекъ. Алтынъ заключаетъ въ себѣ три копѣйки, гривна—десять, рубль—сто. Употребляются у Русскихъ и наши рейхсталеры, называемые у нихъ ефимками (отъ Іохимсталя); они даютъ за него 50 копѣекъ, но вскорѣ обращаютъ въ мелкія монеты, находя въ томъ свою выгоду, такъ какъ рубль, или 100 коп., менѣе рейхсталера нѣсколькими лотами. Что касается до золотыхъ монетъ, то ихъ нельзя найти у нихъ въ большомъ количествѣ. Великій князь приказываетъ чеканить ихъ только по случаю какой либо побѣды надъ врагами и потомъ или дарптъ ихъ солдатамъ, или раздаетъ ими милостыню, какъ это дѣлалось прежде.

Великій князь налагаетъ на товары въ разныхъ мѣстахъ государства своего довольно тяжелыя пошлины. Всѣ купцы, какъ иностранные, такъ и Русскіе, торгующіе въ Архангельскѣ и Астрахани, платятъ пять процентовъ, что ежегодно приноситъ ему большой доходъ.

Онъ отправляетъ великолѣпныя посольства къ императору римскому, королю датскому, шведскому, шаху персидскому и другимъ владѣтельнымъ особамъ. Значительные посланники называются у нихъ *великими послами* (Welikoi Posol), менѣе значительные *посланниками* (Poslanik). Великій князь посылаетъ иногда иноземнымъ государямъ большіе подарки, состоящіе большею частью изъ мѣховъ. Между прочими, замѣчателенъ подарокъ, присланный великимъ княземъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ германскому императору Рудольфу II, при великолѣпномъ посольствѣ въ 1595 году, состоявшій, какъ я узналъ отъ вѣрнаго человѣка, изъ 1003 сороковъ соболей, 519 куницъ, 120 чернобурыхъ лисицъ, 337000 лисицъ, 3000 бобровъ, 1000 шкуръ волчьихъ, 74 рысьихъ.

Посланники, въ особенности же гонцы, которые привозятъ царскіе подарки, обыкновенно предлагаютъ съ своей стороны нѣсколько паръ соболей; въ замѣнъ этого, слѣдуетъ дарить ихъ другими вещами и если подарокъ будетъ незначителенъ, они сами намекаютъ объ этомъ.

Великій князь почти ежегодно отправляетъ посла или небольшихъ посланниковъ къ шаху персидскому по торговымъ дѣламъ, которыя, надо признаться, идутъ плохо, хотя царь и посылаетъ туда своихъ купцовъ; эти купцы, получая во время своего проживанія въ Персіи готовое содержаніе отъ шаха, могутъ пользоваться большими выгодами. Довольно часто отправляя посольства къ иностраннымъ государямъ, великій князь въ свою очередь принимаетъ и чужеземныя посольства; случается иногда, что въ Москвѣ сходится до 2 и 3 посольствъ отъ иноземныхъ государей. Выполненіе и отправленіе ихъ тянется долгое время. У нѣкоторыхъ изъ иноземныхъ государей есть постоянные консулы (consules perpetui) или резиденты; живутъ они на своихъ консульскихъ дворахъ. Въ Москвѣ выстроены весьма удобные дома и дворы, гдѣ могутъ помѣщаться посольства; въ нихъ не найдешь ни одной по-

стели, и если кто не желаетъ спать на соломѣ или на лавкѣ, то ему нужно привозить собственныя постели. Ворота Посольскаго Двора охраняются крѣпкою стражею, и до сихъ поръ соблюдалось очень строго, чтобы никто изъ иноземцевъ не выходилъ со двора. Посольства содержались точно въ плѣну. Въ настоящее же время, послѣ первой торжественной аудіенціи, каждый можетъ идти, куда ему вздумается. Москвитяне говорили намъ, что мы первые изъ иноземцевъ, участвовавшихъ въ посольствѣ, пользовались совершенною свободою.

Посланники, вмѣстѣ съ штатомъ своимъ, получаютъ хорошее содержаніе, и во все время пребыванія ихъ въ Москвѣ посѣщаются весьма часто назначаемыми для нихъ *приставами* и дворецкими, которые предлагаютъ имъ свои услуги. Обыкновенные вопросы, съ которыми они обращаются къ посламъ, состоятъ въ слѣдующемъ: что за дѣла у нихъ съ великимъ княземъ; не знаютъ ли они о содержаніи письма къ царю; есть ли у нихъ дары и сколько вручатъ ихъ его царскому величеству; не имѣютъ ли они чего нибудь поручить имъ отъ себя? Принявъ подарки, великій князь, черезъ два или три дня, щедро одаряетъ пословъ различными вещами самой высокой цѣны.

Въ прежнія времена, иноземные посланники, по выслушаніи торжественной аудіенціи, въ продолженіи всего пребыванія своего въ Москвѣ жили въ великокняжескихъ палатахъ и по временамъ обѣдали за столомъ его царскаго величества. Въ настоящее же время посылаются на Посольскій Дворъ только однѣ милостивыя подачи кушаній и напитковъ съ царскаго стола.

Посланники, также какъ и свита ихъ, при выѣздѣ, получаютъ въ подарокъ соболей и разнаго рода другіе мѣха, смотря потому сколько они представятъ даровъ отъ своихъ государей. Если они привезутъ отъ кого либо изъ иноземныхъ государей только одно дружественное письмо, то получаютъ въ подарокъ одинъ сорокъ или 20 паръ соболей цѣною въ 100 талеровъ, а въ Москвѣ стоющихъ еще дороже.

Посланники и гонцы могутъ ѣздить въ Россіи очень скоро и безпрепятственно, такъ какъ относительно этого предмета существуетъ весьма хорошее постановленіе; такъ въ различныхъ мѣстахъ государства содержатся крестьяне-ямщики, которые еже-

дневно должны имѣть на готовѣ 40 или 50 лошадей, и, по полученіи великокняжескаго приказа, немедленно ѣхать впередъ. Самъ приставъ, или кто либо другой, посылается впередъ и предувѣдомляетъ о скоромъ прибытіи посольства, и проѣдетъ ли оно днемъ или ночью, крестьяне непремѣнно должны явиться со своими лошадьми. Такимъ образомъ отъ Новгорода до Москвы (разстояніе между этими двумя городами будетъ до 120 нѣм. миль) можно доѣхать въ 6 или 7 дней; зимою же, по санной дорогѣ, можно прибыть въ Москву еще скорѣе. Каждый крестьянинъ, обязанный такой службой, получаетъ въ годъ до 50 рублей или до 60 рейхсталеровъ; притомъ, государь даетъ ему землю для хлѣбопашества и освобождаетъ отъ всѣхъ повинностей и налоговъ. Сверхъ того, во время разгону, приставъ долженъ давать каждому изъ этихъ крестьянъ по 1 или по 2 алтына, смотря по обстоятельствамъ. Такую подачу называютъ они хлѣбомъ съ масломъ. Многіе изъ крестьянъ стараются получить подобную должность, такъ какъ находятъ ее довольно покойною и притомъ выгодною.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О Московскихъ великихъ князьяхъ, царствовавшихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ другъ за другомъ въ продолженіи 100 лѣтъ, и о томъ, что случилось при нихъ замѣчательнаго.

Прежде нежели приступлю къ болѣе подробному изложенію внутренняго управленія Россіи и образа правленія, представлю здѣсь краткій обзоръ царствованій великихъ князей русскихъ и того, что случилось при нихъ замѣчательнаго. Начну съ Ивана Васильевича Грознаго и продолжу повѣствованіе мое до царя Михаила Ѳедоровича и нынѣшняго великаго князя Алексѣя Михайловича.

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ.

Царь Иванъ Васильевичъ вступилъ на престолъ въ 1540 году и велъ съ сосѣдями продолжительныя и тяжкія войны; онъ привелъ

въ Москву изъ Лифляндiи много плѣнныхъ Нѣмцевъ (потомки которыхъ и теперь еще живутъ въ Москвѣ въ крайней бѣдности). Кромѣ Нѣмцевъ плѣнилъ онъ и многихъ другихъ, изъ коихъ нѣкоторые были Хрiстiане, другiе—Татары и Турки. Съ этими послѣдними обходился онъ безчеловѣчнымъ (не скажу нехрiстiанскимъ) образомъ; точно также поступалъ онъ съ своими подданными. То, что я разсказалъ объ этомъ государѣ, при описанiи города Новгорода, весьма мало можетъ подтвердить слова Павла Iовiя, который, въ началѣ первой книги своей исторiи, несправедливо говоритъ, будто бы онъ былъ: «Christianae religionis cultor sane egregius», т. е. отличнымъ ревнителемъ хрiстiанской религiи. Писатель этотъ уже черезъ чуръ много приписываетъ ему религiозности. Безъ-всякаго сомнѣнiя, онъ усвоилъ себѣ подобный взглядъ на этого государя потому, что видалъ, какъ онъ налагалъ на себя священническiй санъ, рѣшалъ споры въ церковныхъ дѣлахъ, лицемѣрнымъ образомъ, подобно священникамъ и монахамъ, самъ совершалъ богослуженiе и церковные обряды, и что за столомъ пѣлъ Символъ Вѣры (Symbolo Athanasii).

Иванъ Васильевичъ имѣлъ семь женъ; отъ первой было у него два сына: Iоаннъ, котораго онъ самъ убилъ палкою, и Ѳеодоръ, наслѣдовавшiй ему престолъ. Отъ послѣдней супруги онъ имѣлъ сына, по имени Димитрiя, котораго Борисъ Годуновъ велѣлъ умертвить, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Грозный умеръ въ 1584 г. по Рожд. Христ., 28 марта, на 56 году отъ рожденiя, самымъ страшнымъ образомъ, испустивъ духъ съ жалкимъ рыданiемъ и воплемъ. Тѣло его, еще за нѣсколько дней до смерти, начало гнить и издавать нестерпимый запахъ.

ѲЕДОРЪ IОАННОВИЧЪ.

Сынъ его Ѳеодоръ Iоанновичъ былъ коронованъ на царство того же года, 31 iюля, будучи 22 лѣтъ отъ роду.

Такъ какъ этотъ великiй князь былъ еще очень молодъ и притомъ не выказывалъ особенныхъ способностей въ управленiи государствомъ, которое, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, нуждалось въ государѣ умномъ и дѣятельномъ, а съ большею охотою занимался тѣмъ только, что звонилъ въ колокола предъ церковною службою и послѣ нея (какъ объ этомъ упоминаетъ Соло-

монъ Хеннингъ въ своей Лифляндской хроникѣ), то прекрасно сдѣлалъ, что поставилъ правителемъ государства *Бориса Годунова* (Boris Gudenow), государственнаго конюшаго, любимаго брата молодой великой княгини.

Этого Бориса Годунова, за его великій умъ, благоразумно-осторожное, правленіе и за услуги государству, полюбили всѣ до такой степени, что, въ случаѣ смерти Ѳеодора Іоанновича и брата его, царевича Димитрія, никто не находилъ кромѣ его кого либо другаго достойнымъ занять великокняжескій престолъ. Услыхавъ объ этомъ и горя желаніемъ какъ можно скорѣе выполнить давно задуманный имъ планъ, Борисъ Годуновъ приказалъ подкупленнымъ имъ придворнымъ слугамъ умертвить молодаго царевича Димитрія, жившаго въ то время въ Угличѣ и имѣвшаго отъ роду только 9 лѣтъ. Совершивъ возложенное на нихъ порученіе, убійцы, въ надеждѣ на большую награду отъ правителя, пришли въ Москву, но правитель, желая сохранить въ тайнѣ это злодѣяніе, приказалъ умертвить убійцъ и въ то же время во многихъ мѣстахъ зажечь Москву, на тотъ конецъ, чтобы Москвитяне сокрушались не столько о смерти царевича, сколько о потерѣ домовъ своихъ и имущества, и такимъ образомъ, при своемъ собственномъ несчастіи, забыли о другомъ. Самъ же онъ, извѣстясь о убіеніи царевича, представился весьма опечаленнымъ и огорченнымъ, и немедленно отдалъ приказаніе отправить въ ссылку многихъ жителей города Углича, а самый дворецъ царевича срыть, какъ мѣсто, запятнанное убійствомъ.

Великій князь Ѳеодоръ Іоанновичь, послѣ 12 лѣтняго правленія, впалъ въ кратковременную болѣзнь и умеръ въ 1597 году по Рожд. Христ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ умеръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ (брата его царевича Димитрія не было въ живыхъ), а потому бояре начали совѣтоваться, кого бы имъ избрать на царство. Послѣ кратковременнаго совѣщанія, они единодушно присудили корону Борису, который своимъ умомъ, осторожностью и искусствомъ править государствомъ превосходилъ всѣхъ знатныхъ

людей русскихъ. Услышавъ о своемъ избранiи, Годуновъ притворился, будто бы никогда не помышлялъ о царской коронѣ, сопряженной съ заботами, безпокойствами, завистью и враждой, и сказалъ имъ, что охотнѣе будетъ носить на головѣ своей монашескiй клобукъ, чѣмъ царскiй вѣнецъ; въ слѣдъ за тѣмъ онъ удалился въ монастырь. Между тѣмъ, отъ друзей своихъ и преданныхъ ему вельможъ, онъ зналъ навѣрное, что никого кромѣ его не изберутъ на царство, и удалился въ монастырь единственно для того, чтобы потомъ согласиться на усиленныя просьбы бояръ. И дѣйствительно, все исполнилось такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Узнавъ объ удаленiи его въ монастырь къ сестрѣ своей, Русскiе поспѣшили къ нему толпами, пали на землю и съ плачемъ умоляли его не спѣшить постриженiемъ, такъ какъ они желаютъ избрать его на царство. Борисъ отказывался, но наконецъ, тронутый ихъ слезами и просьбами сестры своей, согласился принять корону, которой домогался уже давно и которой никогдабъ не уступилъ никому на свѣтѣ. Такимъ образомъ Борисъ Годуновъ избранъ былъ на престолъ русскiй въ 1597 году.

При этомъ государѣ появился въ Россiи одинъ русскiй монахъ по имени Гришка Отрепьевъ (Griska Uttereja), родившiйся въ Ярославлѣ (Gereslaw), сынъ незначительнаго дворянина; за вольное поведенiе свое и разныя шалости былъ онъ заточенъ до того въ одномъ изъ монастырей. Убѣжавши оттуда, сталъ онъ выдавать себя за сына Грознаго Дмитрiя Ивановича, и довелъ дѣло до того, что дѣйствительно былъ признанъ за него и коронованъ въ Москвѣ. Онъ достигъ этого слѣдующимъ образомъ: будучи отъ природы уменъ и смѣтливъ, въ юношескихъ лѣтахъ, по внушенiю и наущенiю одного стараго хитраго монаха, тайно бѣжалъ онъ изъ монастыря въ Литву, гдѣ поступилъ въ услуженiе къ Адаму Вишневецкому и въ скоромъ времени успѣлъ пріобрѣсть всеобщее расположенiе своею обходительностiю. Случилось однажды, что Вишневецкiй, за что то разсердившись на него, обругалъ его и въ добавокъ поколотилъ; Гришка началъ горько плакать и сказалъ своему господину, что еслибы онъ зналъ, кого онъ прибилъ, то не сталъ бы поступать съ нимъ такимъ образомъ. На вопросъ князя, кто бы онъ былъ таковъ, онъ отвѣчалъ: «я любимый сынъ великаго князя Ивана Васильевича, на жизнь котораго покушался Борисъ Году-

новъ, но по ошибкѣ вмѣсто меня убилъ сына одного священника однихъ со мною лѣтъ и весьма на меня похожаго. Я-же, при помощи добрыхъ людей, тайно увезенъ былъ въ монастырь». Сказавъ это, Гришка показалъ ему золотой крестъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, присовокупивъ, что онъ данъ ему при крещеніи, а что до сихъ поръ онъ не объявлялъ о себѣ, то это дѣлалъ изъ страха къ Борису Годунову. Тутъ упалъ онъ въ ноги князю и въ жалобныхъ выраженіяхъ умолялъ его взять подъ свою защиту. Князь не могъ не повѣрить всей этой сказкѣ, когда Гришка разсказалъ ему подробно и притомъ съ увлеченіемъ о всѣхъ обстоятельствахъ своей прежней жизни (вымышленныхъ имъ заранѣе), сопровождая этотъ разсказъ приличными и даже изящными тѣлодвиженіями; немедленно приказалъ онъ выдать ему отличныя одежды, лошадей, и сталъ оказывать ему съ этого времени почести, приличныя сыну государя.

Между тѣмъ, тамъ и сямъ по государству русскому, начали поговаривать, что настоящій наслѣдникъ великокняжескаго престола живъ и что Богъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ враждебныхъ рукъ. Этому повѣрили, и стали вѣрить еще болѣе, когда великій князь Борисъ Годуновъ, смущенный подобными вѣстями, обѣщалъ большія деньги тому, кто доставитъ ему ложнаго Димитрія. Но Лжедимитрій, для большей его безопасности, отправленъ былъ изъ Литвы въ Польшу, гдѣ воевода Сендомірскій принялъ его очень благосклонно, за что тотъ обѣщался съ своей стороны, по восшествіи своемъ на престолъ русскій, утвердить тамъ католическую вѣру; воевода обязался помогать ему въ томъ, какъ войсками, такъ и деньгами. Недовольствуясь этимъ, Димитрій тайно принялъ римско-католическую вѣру, обѣщался жениться на дочери воеводы и сдѣлать ее великою княжною московскою. Подобное предложеніе поправилось воеводѣ, который въ скоромъ времени представилъ его польскому королю; при Дворѣ польскомъ онъ принятъ былъ за истиннаго царевича и пользовался почестями, приличными великому князю. Питая себя обольстительною надеждою на будущее счастіе супруга своей дочери и горя желаніемъ распространить въ Россіи католическую вѣру, воевода Сендомірскій продалъ имѣніе свое и вмѣстѣ съ другими панами вскорѣ собралъ значительное войско, съ которымъ Гришка немедленно и

отправился на Россію. Послѣ кровопролитныхъ сраженій и неудачныхъ переговоровъ съ великимъ княземъ, Димитрій сталъ дѣйствовать съ огромнымъ успѣхомъ и нашелъ многихъ себѣ приверженцевъ, даже между начальниками войска, высланнаго противъ него Борисомъ, изъ коихъ нѣкоторые перешли на его сторону. Все это до такой степени поразило Бориса Годунова, что 13 апрѣля 1605 года онъ умеръ скоропостижно.

ѲЕДОРЪ БОРИСОВИЧЪ.

(Избранъ В. Княземъ въ 1605 г.).

По смерти Бориса, бояре Московскіе избрали на престолъ сына его Ѳеодора Борисовича, бывшаго еще въ молодыхъ лѣтахъ; но видя, что Димитрій все болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ приверженцевъ, они, считая это дурнымъ для себя предзнаменованіемъ, собрали совѣтъ, разсуждали и рѣшили, что это дѣйствительно долженъ быть истинный царевичь, подмѣненный въ Угличѣ, и потому положили не сопротивляться ему долѣе. Допустивъ такую мысль на своемъ собраніи, они, подобно легкомысленной черни, легко согласились съ нею и громко закричали: «Боже, даруй счастье Димитрію и истреби всѣхъ враговъ его!» Послѣ этого поспѣшили они въ Кремль, гдѣ не постыдились наложить руки на недавно избраннаго ими великаго князя Ѳеодора Борисовича, приставили къ нему стражу и умертвили всѣхъ оставшихся еще въ живыхъ отъ роду Годунова. Тогда отправили они пословъ къ Димитрію съ просьбою, чтобы онъ пришелъ въ Москву, сѣлъ на отцовскій престолъ и простилъ ихъ за долгое ему сопротивленіе, которое произошло частью по незнанію, частью же по побужденію Бориса Годунова, что теперь они открываютъ ему свободный путь и отдаютъ ему во власть Ѳеодора Борисовича съ его матерью и сестрою. Димитрій давно ждалъ этого; но прежде нежели идти въ Москву, ему необходимо было избавиться отъ Годуновыхъ. Для этого послалъ онъ въ столицу одного дьяка, или писца, по имени Ивана Богданова (Ivan Bogdanow), который долженъ былъ умертвить юнаго царя вмѣстѣ съ матерью его и разгласить въ народѣ, что они сами себя отравили ядомъ. Въ слѣдствіе такого распоряженія

молодой великій князь Ѳеодоръ Борисовичъ былъ удавленъ веревкою на другой мѣсяцъ своего царствованія, 10 іюня 1605 года.

ЛЖЕДИМИТРІЙ.

16-го іюня Лжедимитрій подступилъ къ Москвѣ со всемъ своимъ войскомъ. На встрѣчу къ нему вышло все высшее и низшее сословіе народа, поднесены были богатые дары и выражено желаніе счастливаго въѣзда; 29 іюня онъ былъ коронованъ съ большимъ торжествомъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Лжедимитрій повелѣлъ призвать въ Москву мать царевича Димитрія, жившую до тѣхъ поръ, по приказанію Бориса Годунова, въ заточеніи въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей Россіи; этимъ самымъ желалъ онъ еще болѣе скрыть обманъ свой и показать, что онъ истинный царевичь. Лжедимитрій, въ день въѣзда царицы-матери, самъ лично, съ великолѣпною свитою, вышелъ къ ней на встрѣчу, радостно привѣтствовалъ ее, приказалъ держать для нея царскій столъ въ Кремлѣ и посѣщалъ ее ежедневно, однимъ словомъ, оказывалъ ей такія почести, какія только можно было оказать любимой матери. Добрая женщина очень хорошо знала, что истинный любимый сынъ ея умерщвленъ и что этотъ ничто иное какъ обманщикъ, но частью изъ боязни, частью же потому, что могла теперь пользоваться почестями и спокойною жизнію послѣ всѣхъ бѣдствій, которымъ она подвергалась въ ссылкѣ, ни въ чемъ не противорѣчила Лжедимитрію.

Достигнувъ престола, Димитрій ни при Дворѣ, ни въ управленіи государствомъ не соблюдалъ тѣхъ обычаевъ и правилъ, коимъ слѣдовали всѣ прежніе великіе князья; такъ онъ женился на Полькѣ-Католичкѣ, дочери Сендомірскаго воеводы, взялъ большія суммы денегъ изъ великокняжеской казны, отослалъ ихъ въ видѣ приданаго невѣстѣ своей въ Польшу и наконецъ самому бракосочетанію допустилъ совершиться болѣе на польскій, чемъ на русскій ладъ. Еще на другой день послѣ свадьбы, молодая великая княгиня сняла уже съ себя русское платье и надѣла польское; самъ Димитрій приказывалъ поварамъ своимъ приготовлять телятшну и ѣлъ ее, которой Русскіе не только что не ѣдятъ, но питаютъ къ ней сильное отвращеніе), ни разу послѣ брака не ходилъ въ баню, немытый съ собаками посѣщалъ церковь (въ слѣдствіе чего святыня

была поругана), не кланялся низко въ землю предъ св. иконами, и другими тому подобными несообразными съ духомъ русской жизни поступками поселилъ скорбь и печаль въ сердцахъ своихъ подданныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали уже догадываться, что они обмануты. Между тѣмъ знатнѣйшій изъ вельможъ русскихъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій велъ тайныя совѣщанія съ прочими князьями и духовенствомъ и представлялъ имъ, какой большой опасности можетъ подвергнуться отъ этого великаго князя и ихъ религія и государство и всѣ Русскіе, такъ какъ съ самаго прибытія своего выказываетъ онъ изъ себя не истиннаго царевича и не отца отечества, но измѣнника и обманщика. Доводы и убѣжденія Шуйскаго подѣйствовали на бояръ, участвовавшихъ въ заговорѣ, и общимъ, единодушнымъ рѣшеніемъ положено было свергнуть Лжедимитрія. Но тайный замыселъ ихъ не удался: Лжедимитрій узналъ о немъ и приказалъ казнить многихъ заговорщиковъ, а Шуйскаго, какъ зачинщика и предводителя, предать пыткѣ, бить и потомъ казнить смертью. Шуйскій выведенъ былъ на лобное мѣсто, голова его уже лежала на плахѣ, какъ неожиданно воспослѣдовало прощеніе. Лжедимитрій простилъ Шуйскому на этотъ разъ его преступленіе, желая такимъ поступкомъ выказать себя строгимъ, а вмѣстѣ и милостивымъ государемъ, внушить боязнь своимъ подданнымъ, въ случаѣ еслибъ они задумали вторичный заговоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсть любовь своего народа. Русскіе дѣйствительно успокоились, но не надолго, только до свадьбы великаго князя, совершившейся 8 мая 1606 г., когда вмѣстѣ съ невѣстою прибыло въ Москву много Поляковъ и другихъ иноземцевъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы; тогда Русскіе снова открыли глаза. Князь Василій Ивановичъ опять собралъ у себя въ домѣ знатныхъ вельможъ московскихъ, представлялъ имъ, въ какомъ опасномъ положеніи находится ихъ отечество подъ властью Лжедимитрія и говорилъ, что если онъ еще долѣе останется на престолѣ, то всѣмъ имъ ничего не придется ожидать, какъ только одной погибели. Самъ онъ готовъ былъ жертвовать жизнію своею за спасеніе православной вѣры и за благоденствіе отечества и просилъ ихъ содѣйствія; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на совѣщаніи бояръ, не думая много, обѣщали ему помогать въ низверженіи Лжe-

димитрія и клялись Богомъ кровью своею жертвовать за него, лишь бы онъ только началъ.

Принявъ такое рѣшеніе, бояре положили хранить его въ глубокой тайнѣ и не приступать къ дѣлу до тѣхъ поръ, пока не представится къ тому удобный случай. Случай этотъ не замедлилъ представиться въ послѣдніе дни празднованія свадьбы. Ночью 17 мая, въ 9-й день послѣ бракосочетанія Лжедимитрія, въ то самое время, когда онъ, отягощенный виномъ, наслаждался пріятнымъ сномъ вмѣстѣ со своими приближенными, вдругъ поднялась тревога, зазвонили въ колокола, и весь городъ вооружился съ удивительною поспѣшностью. Первое нападеніе сдѣлано было на дворецъ, находящійся въ Кремлѣ; истребивъ польскую стражу, стоявшую у воротъ, Русскіе отворили ихъ, проникли въ великокняжескіе покои, уничтожая и умерщвляя всѣхъ попадавшихся имъ на встрѣчу. Великій князь, думая о своемъ спасеніи, въ отчаяніи бѣгалъ по комнатамъ и выскочилъ въ окно на площадку, гдѣ стояла остальная стража, но былъ схваченъ, битъ и съ ругательствами снова приведенъ въ комнаты дворца. Здѣсь нашелъ онъ и мнимую мать свою. На вопросъ Шуйскаго, дѣйствительно ли Димитрій сынъ ея, она при крестномъ цѣлованіи отвѣчала отрицательно, утверждая, что у ней былъ одинъ только сынъ, который еще въ отроческихъ лѣтахъ былъ умерщвленъ измѣннническимъ образомъ; послѣ этого показанія, Лжедимитрія тутъ же на мѣстѣ застрѣлили изъ пистолета. За нимъ, безъ всякой пощады, умертвили слугъ его, гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу, и многихъ другихъ иноземцевъ, всѣхъ числомъ до 1700 человѣкъ, между копми было много ювелировъ, прибывшихъ въ Москву съ драгоцѣнными вещами. Великая княгиня, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, братьями, воеводами, а равнымъ образомъ и польскіе королевскіе посланники, отправленные въ Москву по случаю бракосочетанія Димитрія, были взяты въ плѣнъ и получали весьма дурное содержаніе; одна благородная женщина была обезчещена и убита. Трупъ Димитрія, раздѣтый до-нага, волочили по площади предъ Кремлемъ и потомъ положили на столъ, на которомъ онъ лежалъ въ продолженіи трехъ дней, чтобъ всякій могъ видѣть обманщика и проклянуть его; потомъ зарыли его въ землю, но вскорѣ вырыли и сожгли.

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Исполнивши такимъ образомъ задуманное дѣло; Русскіе 1-го іюня 1606 года возвели на престолъ великокняжескій главнаго предводителя и виновника возстанія, князя Василья Ивановича Шуйскаго (Knes Wasili Iwanowitz Suski). Едва вступилъ онъ въ управленіе государствомъ, какъ появился новый обманщикъ, князь *Григорій Шаховскій* (Gregori Schakopski), хотѣвшій воспользоваться именемъ бывшаго Лжедимитрія. Во время мятежа московскаго онъ успѣлъ захватить изъ дворца великокняжескую печать, ушелъ вмѣстѣ съ двумя Поляками въ Польшу и на всѣхъ постоялыхъ дворахъ распускалъ слухи, что онъ Димитрій, спасшійся отъ Русскихъ во время самой жаркой схватки, что они вмѣсто него, по ошибкѣ (ибо дѣло было ночью), убили другаго, что теперь онъ идетъ въ Польшу собирать новое войско для отмщенія Москвитянамъ за всѣ нанесенныя ему поношенія и обиды, при чемъ давалъ хозяевамъ и содержателямъ гостинницъ приличное награжденіе. Тѣ, которые не были въ Москвѣ во время мятежа, повѣрили ему и немедленно дали знать объ этомъ московскимъ жителямъ, что̀ многихъ привело въ крайнее смущеніе и возбудило новыя опасенія. Теперь Русскіе должны были вести войну и съ этимъ обманщикомъ и еще съ приверженцами третьяго Лжедимитрія. Этотъ третій Димитрій былъ никто иной, какъ незначительный писецъ Московскій, весьма хитрый и притомъ краснорѣчивый человѣкъ. Польша, желавшая отмстить Россіи, не мало помогала этимъ обманщикамъ. Теряя одно сраженіе за другимъ, Русскіе приписывали неудачи царю своему Василію Ивановичу Шуйскому, полагая, что онъ по злополучной судьбѣ своей не можетъ выиграть побѣды, постоянно одерживаемой непріятелемъ; такъ они говорили, что кровопролитіе не уймется до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ править государствомъ. По внушенію трехъ знатныхъ вельможъ русскихъ: *Захарія Ляпунова* (Zacharias, Lippenow), *Михайла Молчанова* (Michael Molzane) и *Ивана Косовскаго(?)* (Iwan Kesefski), они, въ третій годъ его царствованія, заключили его въ монастырь и противъ воли постригли въ монахи. За тѣмъ рѣшились они избрать себѣ великаго князя не изъ Русскихъ, но кого либо изъ великихъ иноземныхъ государей, королевскаго или великокняжескаго роду; выборъ палъ на польскаго королевича Вла-

дислава, который болѣе всѣхъ другихъ способенъ былъ занять царскій престолъ по своему могуществу, доблестямъ, наконецъ, по языку, нравамъ и одеждѣ. Вслѣдствіе этого, сдѣлали они предложеніе польскому королю, который и принялъ его на извѣстныхъ условіяхъ. Это было въ 1610 году по Рожд. Хр.

Тогда вывели Русскіе своего бывшаго великаго князя изъ монастыря и, вмѣстѣ съ братьями его, а также нѣкоторыми русскими вельможами, отправили плѣнными подъ Смоленскъ къ королю польскому; Василій Шуйскій умеръ въ Польшѣ въ темницѣ и погребенъ на дорогѣ между Варшавою и Торномъ.

ВЛАДИСЛАВЪ, СЫНЪ ПОЛЬСКАГО КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА.

Между тѣмъ король польскій далъ приказаніе главнокомандующему польскими войсками Станиславу Жолкевскому (Stanisław Żółkiewski), стоявшему въ то время подъ Москвою и находившемуся еще въ непріязненномъ къ ней отношеніи, чтобы онъ, заключивъ перемиріе, привелъ ее къ присягѣ Владиславу и до тѣхъ поръ оставался въ этомъ городѣ, пока не прибудетъ королевичъ. Жолкевскій спѣшилъ привести въ исполненіе приказаніе своего короля, не встрѣтивъ на это со стороны Русскихъ никакого сопротивленія; они клялись ему въ вѣрности Владиславу и, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе, впустили въ городъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 1000 человѣкъ, которое тотчасъ овладѣло Кремлемъ. Остальное польское войско расположилось лагеремъ подъ Москвою и вошло съ русскимъ войскомъ въ самыя дружественныя отношенія. Между тѣмъ мало по малу Поляки проходили въ городъ и въ скоромъ времени вмѣсто 1000 человѣкъ въ Кремлѣ оказалось до 6000 вооруженныхъ солдатъ. Наводнивъ собою почти всѣ дома, церкви и улицы, Поляки до того надоѣли наконецъ Русскимъ, что они отказались отъ всякихъ съ ними сношеній. Время текло, а великій князь все еще не являлся къ сроку. Это казалось Русскимъ подозрительнымъ. 26 января 1611 г. собрались они на площади предъ Кремлемъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и громко жаловались на солдатъ польскихъ за ихъ насильственные поступки, за оскорбленія, причинённыя ихъ женамъ, и въ особенности на то, что они не уважаютъ святыни, стрѣляя изъ пистолетовъ въ св. иконы. Такія тол-

пы по цѣлымъ днямъ стояли на площади. Содержаніе 6000 человѣкъ войска составляло не малую тягость для жителей, тратившихъ на это большія деньги, притомъ они постоянно были отвлекаемы Поляками отъ своихъ занятій и работъ, вслѣдствіе чего пришли въ крайнее истощеніе. Между тѣмъ Владиславъ не являлся, время проходило, и Русскіе не знали на что рѣшиться. Наконецъ терпѣніе ихъ истощилось, и они для спасенія своего рѣшились принять иныя мѣры. Не смотря на увѣщанія военачальника польскаго, старавшагося успокоить Русскихъ, не смотря даже на строгое наказаніе нѣкоторыхъ Поляковъ, Русскіе начали выказывать враждебное расположеніе къ врагамъ своимъ. Опасаясь всеобщаго возстанія, Поляки усилили стражу, заняли всѣ ворота, улицы и запретили Русскимъ имѣть при себѣ оружіе. Мѣра эта не успокоила, но еще болѣе раздражила Москвитянъ; большими толпами начали они сходиться въ разныхъ мѣстахъ, намѣреваясь, въ случаѣ нападенія, раздѣлить силы Поляковъ. Враги зажгли городъ въ различныхъ частяхъ его, что понудило Русскихъ спѣшить для спасенія женъ своихъ, дѣтей и всего того, что было для нихъ дорого въ домѣ. Въ скоромъ времени занялся такой страшный пожаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ кровопролитіе, что въ продолженіе 2 дней вся Москва, за исключеніемъ Кремля и каменныхъ церквей, обратилась въ пепелъ; до 200,000 Москвитянъ погибло отъ меча и пламени, остальные были разогнаны. Зажегши городъ, Поляки опустошили великокняжескій дворецъ, казну, церкви и монастыри; награбленныя сокровища—золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнныя камни и другія цѣнныя вещи отправили въ Польшу. Солдаты, по свидѣтельству Петрея, въ тщеславной гордости, заряжали ружья крупнымъ жемчугомъ и стрѣляли на воздухъ. Съ сожалѣніемъ вспоминаютъ Русскіе еще и донынѣ объ этомъ грабежѣ, въ которомъ похищенъ былъ большой единорогъ, усаженный алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

14 дней спустя послѣ этого возмущенія, прибылъ въ Москву съ нѣсколькими тысячами войска Захарій Ляпуновъ (который съ двумя другими боярами свергнулъ съ престола Шуйскаго, какъ выше уже сказано нами), осадилъ Поляковъ въ Кремлѣ (во время мятежа также довольно пострадавшемъ), нанесъ имъ нѣсколько пораженій

и наконецъ довелъ до того, что они принуждены были сдать Кремль и выйти изъ государства.

МИХАИЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Овладѣвши такимъ образомъ снова своимъ государствомъ, Русскіе избрали и короновали на царство въ 1613 г. Михаила Ѳеодоровича. Великій князь этотъ былъ сынъ Ѳеодора Никитича (Fedor Nikitiz), одного изъ потомковъ царя Ивана Васильевича. Оставивъ супружескую жизнь, Ѳеодоръ Никитичъ постригся въ монахи и потомъ избранъ сыномъ своимъ въ патріархи подъ именемъ Филарета Никитича (Filaret Nikitiz). Михаилъ Ѳеодоровичъ оказывалъ отцу своему во все время его жизни величайшее уваженіе и глубокую сыновнюю покорность. Князь этотъ отъ природы былъ человѣкъ благочестивый и богобоязненный. Такъ на торжественныхъ аудіенціяхъ, когда чужеземные послы являлись предъ его царскимъ величествомъ, отецъ его со всемъ клиромъ своимъ сидѣлъ по правую отъ него руку. Патріархъ этотъ скончался въ 1633 г., незадолго до нашего прибытія въ Москву. Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, вступивъ на престолъ Русскій, нашелъ государство свое въ большомъ разстройствѣ, вслѣдствіе чего спѣшилъ заключить миръ съ сосѣдственными государями. Правленіе его было мирно и спокойно. Будучи надѣленъ отъ природы прекрасными качествами, государь этотъ оказывалъ удивительную снисходительность, какъ къ подданнымъ своимъ, такъ и къ иностранцамъ; всѣ говорили, что въ продолженіи 100 лѣтъ государство не имѣло еще подобнаго благочестиваго великаго князя. Онъ умеръ скоропостижно въ 1645 году по Р. Хр. 12-го іюня, правивъ государствомъ 33 года, на 49 году отъ рожденія. Восемь дней спустя по смерти государя, умерла и супруга его великая княгиня. Ему наслѣдовалъ сынъ его Алексѣй Михайловичъ (Alexei Michailowiz), который царствуетъ въ настоящее время.

Теперь, прежде нежели перейду къ описанію царствованія этого великаго князя и народа Русскаго въ современномъ его состояніи, я упомяну здѣсь объ одномъ новомъ обманщикѣ, который въ исходѣ прежняго и въ началѣ нынѣшняго царствованія, подобно прежнимъ Лжедимитріямъ, безъ всякаго стыда и совѣсти выдавалъ себя за истиннаго наслѣдника великокняжескаго престола.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О Лже-Шуйскомъ, иначе называемомъ Тимошкою Анкудиновымъ, его происхожденiе, замыслы и смерть.

Въ обозначенное уже нами время появился между Русскими одинъ человѣкъ, выдававшiй себя за *Iоанна Синенса* (Johannes Sinenſis) или по Русски (какъ онъ самъ называлъ себя) за *Ивана Шуйскаго* (Iwan Zuski, или Siuski). Будучи уличенъ въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ преступленiяхъ, бѣжалъ онъ въ чужiя земли и вздумалъ выдавать себя за сына Василiя Ивановича Шуйскаго, бывшаго великаго князя Московскаго. Царь Алексѣй Михайловичъ, нынѣшнiй великiй князь, приказалъ отыскать его, схватить и привезти въ Москву, что сопряжено было съ немалыми трудностями и издержками; при всемъ томъ онъ былъ схваченъ и въ прошедшемъ году казненъ въ Москвѣ.

Настоящее имя этому обманщику было *Тимошка Анкудиновъ* (Timoska Ankudina). Родился онъ въ городѣ Вологдѣ, въ уѣздѣ того же имени, отъ бѣдныхъ и незнатныхъ родителей: отецъ его былъ продавцемъ полотна, по имени *Дёмка* или *Дементiй Анкудиновъ* (Demka или Dementi Ankudina). Замѣтивъ въ сынѣ своемъ большiя способности и охоту къ ученью, отецъ послалъ его въ школу, гдѣ онъ въ скоромъ времени выучился читать, очень хорошо писать, чрезъ что и достигъ высшей степени русской учености. Владѣя отличнымъ голосомъ, онъ пѣлъ въ церквахъ на клиросѣ и этимъ то обратилъ на себя вниманiе тогдашняго архiепископа Вологодскаго и Великопермскаго, по имени *Нектарiя* (Nectari), который взялъ его къ себѣ въ услуженiе при своемъ домѣ и церкви; исправляя эту должность, онъ велъ себя такъ примѣрно, что въ скоромъ времени архiепископъ выдалъ за него единственную дочь свою, прижитую имъ еще въ бытность его мiрянином. Тимошка возгордился такою женитьбою и называлъ себя въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ внукомъ намѣстника великопермскаго. Ведя безпорядочную жизнь, онъ прожилъ все имѣнiе своей жены, и, по смерти архiепископа, вмѣстѣ съ нею и дѣтьми отправился въ Москву, гдѣ принятъ былъ хорошимъ своимъ пріятелемъ *Иваномъ Патрикѣевымъ* (Ivan Patrikeew), служившимъ прежде при архiепископ-

скомъ Дворѣ, тогда же дьякомъ Приказа Новой Четверти (Nova Zetvert). Здѣсь Тимошка, въ этомъ же Приказѣ, опредѣлился писцомъ и, исправляя эту должность, велъ себя такъ примѣрно, что вскорѣ получилъ на свои руки приходъ и расходъ суммъ, идущихъ въ этотъ Приказъ отъ царскихъ кружечныхъ дворовъ. Нѣсколько времени велъ онъ дѣла свои честнымъ образомъ, но когда связался съ однимъ распутнымъ товарищемъ, началъ пить и играть, то рѣшился наложить руки на царскую казну. Замѣтивъ, что при предстоящемъ отчетѣ, (который при Московскомъ Дворѣ соблюдается весьма строго) недостаетъ въ царскихъ деньгахъ 100 рублей, онъ сталъ придумывать разныя средства какъ бы пополнить сумму и возвратить украденныя деньги. Наконецъ рѣшился онъ идти къ одному писцу того же Приказа *Василью Григорьевичу Шпилькину* (Vasili Gregoriwitz Spilki), своему куму, человѣку извѣстному въ Москвѣ по своей честности, который много помогалъ ему, и обмануть своего благодѣтеля. Въ Москву, говорилъ онъ ему, пріѣхалъ одинъ богатый купецъ изъ Вологды, хорошій мой пріятель, котораго я пригласилъ на завтрешній день къ себѣ въ гости, и такъ какъ желаю, чтобы жена моя, одѣвшись получше, могла выдти и поднести дорогому гостю чарку водки, то и прошу тебя, какъ моего кума и друга, ссудить меня жемчугомъ и другими драгоцѣнностями, что̀ я въ скоромъ времени возвращу тебѣ въ совершенной цѣлости. Шпилькинъ, не подозрѣвая его злаго замысла, охотно, даже безъ всякаго залога, снабдилъ его драгоцѣнностями, стоившими до 1000 талеровъ. По прошествіи срока, Тимошка нетолько не думалъ возвратить ему взятыя вещи, но на вопросъ его о нихъ, отвѣчалъ, что онъ ничего не бралъ отъ него, и что если и взялъ, то онъ долженъ ему доказать это. Шпилькинъ потребовалъ Тимошку въ судъ и когда онъ и тутъ запирался, то приказалъ взять его подъ стражу. Но такъ какъ виновнаго ничѣмъ не могли уличить въ утайкѣ вещей, то его выпустили на поруки, а между тѣмъ онъ не досталъ и украденныхъ въ Приказѣ денегъ. Упрекаемый своею женою (съ которой онъ обходился очень дурно) за свое плутовство и распутную жизнь и опасаясь притомъ, чтобы она не донесла на него и не уличила въ воровствѣ, Тимошка рѣшился на слѣдующую плутовскую уловку: взявъ небольшаго сына своего и передавъ его на руки хорошему своему пріятелю *Ивану Пескову* (Ivan Peskou), въ Раз-

бойный Приказъ (Rosboynoy Prikase), пришелъ онъ ночью въ свой домъ (находившійся на Тверской (Tversky), неподалеку отъ двора шведскаго резидента), заперъ жену въ комнатѣ и зажегъ его, а самъ убѣжалъ въ Польшу, такъ что долгое время не знали, живъ ли онъ или сгорѣлъ вмѣстѣ съ женою въ домѣ. Это случилось осенью 1643 года.

Два года спустя, Русскіе послы прибыли въ Польшу и узнали о пребываніи здѣсь какого то Русскаго. Тимошка, опасаясь розыска, убѣжалъ въ 1646 г. къ казацкому вождю Хмѣльницкому (Chmielnizki), открылъ ему, что его преслѣдуютъ единственно за то, что онъ происходитъ отъ царской крови, и своими льстивными рѣчами вскорѣ успѣлъ снискать его любовь и милостивое расположеніе, вслѣдствіе чего онъ пользовался здѣсь очень хорошимъ содержаніемъ. Спустя нѣсколько времени, царскій посланникъ по имени *Яковъ Козловъ* (Iacob Koslou), будучи по одному дѣлу посланъ къ Хмѣльницкому, встрѣтился однажды съ Тимошкою и узналъ его; добрыми словами онъ увѣщевалъ его оставить перебѣжки и возвратиться въ Москву, обѣщая ему, по ходатайству и просьбѣ друзей, выхлопотать прощеніе въ похищеніи царскихъ денегъ. Въ Москвѣ тогда еще не знали, что въ бытность свою въ Малороссіи онъ выдавалъ себя за сына великаго князя Василія Ивановича Шуйскаго. Но Тимошка, не довѣряя этому предложенію и побуждаемый дурною совѣстью, въ 1648 г. бѣжалъ въ Турцію, гдѣ обрѣзался и принялъ магометанскую вѣру; но и здѣсь онъ не могъ ужиться долго, такъ какъ совершилъ какое то преступленіе и, изъ боязни потерять голову, бѣжалъ въ Италію, въ Римъ, гдѣ принялъ римско-католическую вѣру. Отсюда отправился онъ въ Австрію, въ Вѣну, а въ 1656 г. въ Трансильванію или Семиградію, къ князю Рагоцію, который повѣрилъ хитрымъ рѣчамъ обманщика, принялъ въ немъ живое участіе и согласился на неотступную просьбу—отправить его къ какому либо изъ государей съ рекомендательнымъ письмомъ. Отсюда отправился онъ въ Швецію, гдѣ королева Христина, по рекомендательному письму князя Рагоція, приняла его весьма милостиво и отпустила отъ себя съ подобающими его происхожденію почестями. Между тѣмъ въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ русскихъ купцовъ, проживавшихъ въ Стокгольмѣ, что обманщикъ, котораго отыскиваетъ царь, прибылъ въ Швецію. Вслѣдствіе это-

го, его царское величество немедленно отправилъ писца Козлова (Cosloff) съ слѣдующимъ письмомъ въ Швецію: «дошло до свѣдѣнія его царскаго величества, что живетъ въ Стокгольмѣ одинъ русскій человѣкъ, который, къ большому вреду его величества, выдаетъ себя за сына царя Василья Ивановича Шуйскаго (да будетъ вамъ извѣстно, что сей послѣдній умеръ, не оставивъ дѣтей мужескаго пола) и называетъ себя Иваномъ Спиенсомъ (Johannem Sinenſem), а потому его царское величество желаетъ, чтобы этотъ ложный Шуйскій, во уваженіе сосѣдственной дружбы, выданъ былъ нашему депутату». Но Тимошка, еще прежде прибытія этого депутата, успѣлъ уйти изъ Стокгольма и пробраться въ Лифляндію; оставшійся же въ Стокгольмѣ слуга его *Костька* (Coſtka, Conſtantin) былъ схваченъ, закованъ въ цѣпи и отправленъ въ Москву. Вслѣдъ за тѣмъ, по сыскной грамотѣ его величества, схваченъ былъ въ Ревелѣ и взятъ подъ стражу и самъ Тимошка, но успѣлъ освободиться и бѣжать оттуда. Между тѣмъ захвачены были въ Москвѣ мать Тимошкина и нѣкоторые изъ его друзей (такъ какъ ихъ подозрѣвали въ участіи въ заговорѣ), преданы пыткѣ и иные замучены до смерти. Убѣжавъ изъ Лифляндіи, Тимошка былъ въ Брабантѣ и потомъ, какъ самъ пишетъ, у эрцъ-герцога Леопольда, отсюда отправился онъ въ Лейпцигъ, потомъ съ однимъ Полякомъ, по имени Стефаномъ Липуцкимъ, въ Виттенбергъ, гдѣ принялъ религію по аугсбурскому исповѣданію и пріобщался св. таинъ, что видно изъ собственнаго его признанія, написаннаго имъ собственноручно на латинскомъ языкѣ съ приложеніемъ печати. Рукопись эта хранится въ библіотекѣ виттенбергскаго университета. За тѣмъ прибылъ онъ въ Голштинію, гдѣ схваченъ былъ въ городѣ Нейштадтѣ и взятъ подъ стражу Новгородскимъ купцомъ *Петромъ Миклафомъ* (Peter Miklaff), который посланъ былъ отъ его царскаго величества съ сыскною грамотою къ нѣмецкимъ князьямъ и владѣтелямъ; отсюда, по просьбѣ этого и другаго любскаго купца, перевезенъ онъ былъ въ Готторфъ, столицу Голштиніи, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока не получены были отъ его царскаго величества особенныя по этому предмету письма къ его свѣтлости герцогу Голштинскому.

Озабоченный этимъ обманщикомъ, его царское величество разо-

слалъ посланниковъ и гонцовъ по различнымъ мѣстамъ Германiи, снабдивъ ихъ ссыскными грамотами къ нѣмецкимъ князьямъ и владѣтелямъ, чтобы бѣжавшiй нигдѣ не могъ найти безопаснаго для себя убѣжища. Услышавъ отъ отправленнаго по этому же дѣлу посланника, что Тимошка въ голштинскомъ городѣ Нейштадтѣ взятъ подъ стражу, его царское величество немедленно отправилъ къ герцогу голштинскому двухъ гонцовъ, одного за другимъ, съ письмомъ слѣдующаго содержанiя (по нѣмецкому переводу):

«Его Царскаго Величества письмо къ Его Княжеской Свѣтлости Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому».

«Милостью Всемогущаго Бога, Творца всей вселенной, добраго утѣшителя и защитника народовъ, славнаго во Св. Троицѣ и Единосущности, всемогуществомъ и сопзволенiемъ Господа нашего Iисуса Христа избранный держать въ рукахъ своихъ скипетръ Христiанской вѣры, управлять и надзирать за обширнымъ Государствомъ Россiйскимъ и защищать другiя завоеванныя съ Божiей помощью земли, Мы Великiй Государь и Великiй Князь Алексѣй Михайловичъ всея Россiи и пр. и пр. (тутъ слѣдуетъ весь обыкновенный титулъ его)—Высокомощному Фридриху, Наслѣднику Норвежскому, Герцогу Шлезвигскому, Голштинскому, Готторпскому, Штормарскому, Дитмарскому, Графу Ольденбургскому и Дельменгорскому, нашъ дружескiй привѣтъ».

«Въ прошедшемъ 1644 г. (по московскому календарю 7152 г.) обокрали нашего Царскаго Величества казну нѣкто по имени Тимошка Анкудиновъ съ Костькою Конюховымъ (Kostka Koniſchov); воры и грабители эти, страшась смертной казни, убѣжали изъ земли нашего Царскаго владѣнiя въ Константинополь, гдѣ приняли магометанскую вѣру. Учинивши и тамъ плутовства разнаго рода, убѣжали они отъ смертнаго наказанiя и пришли въ Польшу, а потомъ и въ Литву, гдѣ возмущали владѣтелей; за тѣмъ были у Запорожскихъ Казаковъ, у Гетмана Богдана Хмѣльницкаго (Theodato Chmelinski), который по нашему Царскому повелѣнiю и Великаго Государя Яна Казимiра, брата нашего, Короля Польскаго, приказалъ схватить этихъ воровъ и мошенниковъ и передать сему послѣднему, вслѣдствiе чего и были они къ нему отправлены, какъ писалъ объ этомъ Хмѣльницкiй Его Королевскаго Величества Камеръ-Юнкеру *Гермолицовскому* (Germoliţowi) и нашему *Петру Протасову*

(Protesiovi), равно какъ и нашему Царскому Величеству. Но враги и измѣнники наши убѣжали въ Римъ и приняли тамъ Латинскую вѣру. Потомъ ѣздили они по другимъ Государствамъ и возмущали противъ насъ Государей, перемѣнили свои имена и выдавали себя— одинъ за Шуйскаго, въ другихъ мѣстахъ за Синенса (Sinensis), другой—Костька—за слугу перваго. Оба они появились потомъ въ Шведскомъ Королевствѣ, гдѣ были замѣчены нашими купцами изъ Новгорода и другихъ городовъ, схвачены и посажены въ тюрьму: Тимошка въ Ревелѣ, Костька же въ Нарвѣ. А какъ губернаторы, взявшіе плѣнниковъ, не хотѣли выдать ихъ намъ безъ повелѣній Шведской Королевы, то мы написали Великой Королевѣ чрезъ нашего Камеръ-Юнкера NN, чтобы она выдала намъ обоихъ вышеупомянутыхъ измѣнниковъ, на что Королева Шведская охотно согласилась и приказала передать ихъ нашему Камеръ-Юнкеру, когда онъ прибудетъ въ Ревель изъ Стокгольма. Пріѣхавъ въ Ревель, Камеръ-Юнкеръ нашелъ одного только Костьку, такъ какъ Тимошка убѣжалъ изъ тюрьмы, и во все время своего тамъ пребыванія нигдѣ не могъ найти убѣжавшаго измѣнника. Наконецъ поймали его въ Голштиніи, въ городѣ Нейштатѣ, и посадили въ тюрьму. По этой причинѣ, послали мы къ Вашей Свѣтлости письмо съ Посланникомъ нашимъ Василіемъ Шпилькинымъ (Wasili Spilkin) и другими подданными нашими, чтобы Вы выдали имъ нашего измѣнника и переслали къ намъ».

(Этимъ кончается первое письмо отъ 31 октября 1652 г., другое—отъ 5 января 1653 года слово въ слово сходное съ первымъ).

Послѣднее письмо имѣетъ слѣдующее прибавленіе: «но въ минувшемъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, прибылъ къ намъ изъ Новгорода Петръ Миклафъ и привезъ извѣстіе отъ вашихъ Совѣтниковъ въ доказательство тому, что онъ, съ *Іоанномъ фонъ Гореномъ* (Johann von Goren), изъ Любека, взялъ подъ стражу измѣнника нашего, вслѣдствіе чего мы извѣстили васъ, что онъ воръ и мошенникъ, и вы перевели его изъ Княжескаго города вашего Нейштата въ Готторфъ и содержите его подъ крѣпкою стражею. По этой причинѣ, посылаемъ Мы съ этимъ Нашего Царскаго Величества письмомъ Петра Миклафа, чтобы вы, въ силу нашего перваго и настоящаго письма, приказали выдать вышепомянутаго плѣннаго

посланнику нашему Шпилькину, Петру Миклафу и прочимъ подданнымъ нашимъ, и пріятно бы намъ было, еслибы измѣнникъ не убѣжалъ снова и не причинилъ намъ новыхъ безпокойствъ, за что наше Царское Величество взаимно окажетъ Вашей Свѣтлости одолженіе, гдѣ бы оно ни приключилось.

«Воръ и измѣнникъ нашего Царскаго Величества именемъ Тимошка ничтоженъ по своему происхожденію, сынъ одного торговца полотномъ, называемаго *Демкою Анкудиновымъ*, изъ предмѣстья Вологды; мать его *Саламанидка* (Salmanitka) и сынъ *Сережка* (Sereska) еще находятся въ живыхъ. Этотъ Тимошка служилъ въ Москвѣ въ Приказѣ Новой Четверти, обокралъ казну нашу, умертвилъ жену свою и сжегъ домъ свой, причемъ погорѣли и другіе дома, однимъ словомъ, нанесъ много вреда подданнымъ нашимъ, вслѣдствіе чего приговоренъ онъ былъ къ смертной казни, но убѣжалъ и до настоящаго времени скрывался внѣ Государства нашего, причиняя безпокойства иноземнымъ Государствамъ. Дано въ нашей Царской столицѣ Москвѣ 5 января въ 7061 г. отъ сотворенія міра» (или 1653 г. по Р. Христ.).

Третье и послѣднее письмо, присланное отъ его царскаго величества его свѣтлости, по этому же дѣлу, было отъ 17 октября того же года, по которому плѣнный былъ выданъ Русскимъ.

Однимъ изъ депутатовъ, которые привозили эти письма и увезли плѣннаго, былъ, какъ видно изъ царскаго письма, Григорій Шпилькинъ, бывшій сотоварищъ Тимошки, писецъ въ Новой Четверти, обманутый имъ въ драгоцѣнныхъ жениныхъ вещахъ. Однажды, въ присутствіи нѣкоторыхъ придворныхъ, дозволено было ему войти къ Тимошкѣ и поговорить съ нимъ; обманщикъ подошелъ къ нему съ важною осанкою и сначала не хотѣлъ ни узнать его, ни говорить съ нимъ по Русски, а повелъ рѣчь на языкѣ Сарматскомъ (?) (Sarmatische Sprache), котораго, разумѣется, Шпилькинъ не могъ понимать. На вопросъ Шпилькина, не онъ ли Тимошка Анкудиновъ, обокравшій казну великаго князя и учинившій много другихъ преступленій, обманщикъ отвѣчалъ: «очень легко можетъ быть, что какой нибудь Тимошка Анкудиновъ и обокралъ княжескую казну (подъ выраженіемъ «обокрасть великокняжескую казну» не слѣдуетъ понимать покражу со взломомъ, а просто похитить деньги, принадлежащія казнѣ), но это не относится ко мнѣ

ибо я называюсь Іоанномъ Синенсисомъ, по Русски Шуйскимъ». Сказавши это, онъ не утверждалъ уже, что онъ сынъ бывшаго великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго. Когда же Шпилькинъ заговорилъ снова и напомнилъ ему о прежней его жизни, то Тимошка началъ ругать Шпилькина, не признавая его за посланника и объявляя, что онъ продавецъ булавокъ, при чемъ упомянулъ о его имени. Въ другой разъ, Тимошка, по собственному своему желанію, былъ допрашиваемъ государственнымъ канцлеромъ и членами совѣта касательно нѣкоторыхъ пунктовъ, а именно: какого онъ происхожденія и роду; не родственникъ ли онъ нынѣшнему великому князю; почему великій князь его преслѣдуетъ, и чѣмъ онъ могъ вредить ему? На всѣ эти вопросы онъ отвѣчалъ частью устно, частью же письменно въ своемъ признаніи. Вотъ собственныя слова его: «всѣмъ извѣстно, что я Іоаннъ Синенсисъ, по Русски же Иванъ Шуйскій, названный въ святомъ крещеніи Тимоѳѣемъ, сынъ Василія Домиціана Шуйскаго (получившаго это имя отъ города Шуи (Suia), лежащаго въ московскомъ княжествѣ), происхожу отъ роду московской націи (ex familia nationis Moscoviticae), воспитанъ въ одной изъ провинцій царства польскаго (in parte quadam regni Poloniae provincia) Новгородѣ Сѣверскомъ (Novogardka Severskhio), наслѣдственный владѣтель принадлежащей мнѣ Сѣверской Украйны, страны болотистой (Hukragina Serverska), лежащей близъ Московской границы. Нынѣшній великій князь мнѣ не родственникъ, такъ какъ отецъ его происходитъ изъ дворянскаго рода, мой же изъ княжескаго, и за то онъ и преслѣдуетъ меня. Ханъ Татарскій (Chan Tatarski), который теперь снова ведетъ войну съ Польшею, побуждалъ меня напасть на московское государство, на что я не согласился; потому что предки мои называли эти земли своимъ отечествомъ, да и изъ любви къ нему я не рѣшился на это. Я могъ идти на владѣніе великаго Князя съ 100,000 человѣкъ, но Богъ не допустилъ меня до этого и т. п.» Объ этомъ же говорилъ онъ и въ письмѣ своемъ къ патріарху. Московскій посланникъ, прибывшій изъ Швеціи, явился къ Тимошкѣ и, возбудивъ въ немъ къ себѣ довѣріе, посовѣтовалъ ему, чтобы онъ билъ челомъ патріарху, который имѣетъ большой вѣсъ у великаго князя и можетъ выхлопотать ему помилованіе; самъ онъ, съ своей стороны, обѣщалъ сдѣлать въ его пользу всё,

что только будетъ въ его силахъ. Тимошка повѣрилъ словамъ этого Русскаго и передалъ ему запечатанное письмо къ патріарху, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что онъ именемъ Тимоѳѣй, названный такъ во св. крещеніи (отсюда и уменьшительное Тимошка), былъ ослѣпленъ до того, что хотѣлъ идти войною на Россію съ 300,000 человѣкъ, но ангелъ Божій явился къ нему ночью и удержалъ его отъ этого намѣренія, противнаго вѣрѣ и отечеству. Послѣ этого, продолжалъ Тимошка, желалъ онъ возвратиться домой и хотя могъ бы уйти изъ нейштатской темницы, но не хотѣлъ этого сдѣлать и счёлъ за лучшее съ депутатомъ возвратиться въ Москву. Когда же посланникъ, въ моемъ присутствіи, прочиталъ это письмо, то онъ, отказываясь отъ своей руки, утверждалъ, что ничего не знаетъ объ этомъ, представлялъ другой почеркъ, ругалъ и поносилъ посланника, который, не вытерпѣвъ этого, бросилъ ему письмо въ лицо и плюнулъ, Тимошка же тотчасъ поднялъ его и разорвалъ на мелкія куски. Своими непостоянными, перемѣнчивыми рѣчами и письмами онъ доказалъ ясно, что былъ обманщикъ. Иногда говорилъ, что онъ Русскій и сынъ великаго князя Василья Ивановича Шуйскаго, а въ признаніи письменномъ называлъ отца своего Васпліемъ Домиціаномъ; но извѣстно, что изъ трехъ братьевъ Шуйскихъ не было ни одного Домиціана, а кромѣ этихъ тогда не было ни одного въ Россіи. Иногда называлъ онъ себя Русскимъ, а въ признаніи говорилъ совсѣмъ противное: «я осмѣлюсь попробовать наглядно доказать, что въ настоящемъ моемъ положеніи, будучи совершенно измученъ болѣзнію и пытками, я никакимъ образомъ, ни по языку, ни по нравамъ не могу быть признанъ за Русскаго (Москвича.)» Этотъ Лже-Шуйскій не носилъ окладистой бороды, какую обыкновенно можно видѣть у Русскихъ. Странствуя по различнымъ землямъ, онъ очень хорошо выучился латинскому, итальянскому, турецкому и нѣмецкому языкамъ, такъ что могъ свободно объясняться на каждомъ изъ нихъ. Отлично зная русскую грамоту, онъ могъ подписываться подъ различныя руки, чѣмъ и пользовался для своей выгоды. Онъ хотѣлъ заподозрить дьяковъ, присланныхъ за нимъ отъ великаго князя къ его свѣтлости, стараясь доказать, что письма, данныя имъ, ложны, потому что не подписаны ни великимъ княземъ, ни даже кѣмъ либо изъ русскихъ вельможъ. «Всякому извѣстно, говорилъ онъ, что письмо безъ собственно-

ручной подписи не имѣетъ никакой силы.» Тимошка воображалъ, что мы не знаемъ правилъ и обычаевъ русскихъ приказовъ: ни одно царское посланіе или письмо къ иностраннымъ государямъ, ни одинъ контрактъ не подписывается собственноручно самимъ государемъ, а прикладывается къ нимъ только большая царская печать. Вмѣсто царя, на документахъ, при совершеніи контрактовъ, подписываются бояре и высшіе государственные сановники и прилагаютъ свои печати, что̀ имѣетъ такую же силу, какъ и царская подпись. Видя такимъ образомъ, что хитрость не удалась и обманъ замѣченъ, Тимошка, будучи уже выданъ Русскимъ, задумалъ лишить себя жизни. Такъ на дорогѣ въ Травемюнде (откуда его слѣдовало отправить моремъ), недалеко отъ Нейштата, онъ выскочилъ изъ кареты и изо-всей силы ударился головой о землю, въ надеждѣ попасть подъ колёса и тутъ найти вѣрную смерть, но почва въ этомъ мѣстѣ была песчаная и карета была тотчасъ остановлена; невредимымъ подняли его съ земли, посадили въ карету, и съ этихъ поръ стали присматривать за нимъ строже. Приближаясь къ Москвѣ, онъ придумывалъ различныя средства лишить себя жизни, но замысловъ своихъ не могъ привести въ исполненіе, такъ какъ за нимъ постоянно былъ тщательный надзоръ. При всемъ томъ, до пріѣзда въ Новгородъ, онъ былъ довольно веселъ, но по мѣрѣ приближенія своего къ Москвѣ, сталъ онъ замѣтно печалиться и не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить.

По прибытіи въ Москву, тотчасъ подвергнули его пыткѣ, въ которой онъ выказалъ удивительное терпѣніе вмѣстѣ съ какою-то дерзостью, изъ чего можно заключить, что онъ дѣлалъ это или по сумашествію, или потому что не думалъ уже найти себѣ пощады ни въ случаѣ признанія, ни въ случаѣ упорства; поэтому, въ отчаяніи, рѣшился онъ продолжать начатыя имъ ложныя показанія, которыми хотѣлъ оставить по себѣ память у иноземныхъ государей, повѣрившихъ его льстивымъ рѣчамъ. Что же касается до совѣсти, то въ этомъ дѣлѣ ея было у него столько же, сколько и при измѣненіи имъ различныхъ вѣроисповѣданій; можетъ быть, поступая такимъ образомъ, думалъ онъ, лучше стремглавъ влетѣть въ адъ, чѣмъ просто войти въ него.

Когда его привели къ допросу и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли подвергнуть пыткѣ, то онъ въ присутствіи нѣкоторыхъ бояръ, назначен-

ныхъ по этому дѣлу, сказалъ, что «никого не считаетъ болѣе достойнымъ, съ кѣмъ бы онъ могъ поговорить надлежащимъ образомъ, какъ боярина Никиту Ивановича Романова» (это сказалъ онъ потому, что Никита Ивановичъ уже давно былъ извѣстенъ ему своими доблестями и добротою). Два боярина пошли къ Никитѣ Ивановичу и попросили его придти на пытку. Между тѣмъ Тимошкѣ захотѣлось пить, и когда ему подали квасу въ деревянной чашкѣ, то онъ не хотѣлъ до нее и дотронуться, а потребовалъ мёду и притомъ въ серебряной чашкѣ. Желаніе его было исполнено, но онъ выпилъ немного. При входѣ Никиты Ивановича Романова, онъ поклонился ему довольно почтительно, но все таки продолжалъ утверждать, что онъ сынъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Присутствовавшіе на пыткѣ доказывали ему, что онъ сынъ Дементья Анкудинова, бывшаго бѣднаго торговца полотномъ въ Вологдѣ, и что онъ никакимъ образомъ не можетъ быть изъ роду князей Шуйскихъ, ибо бывшій блаженной памяти великій князь Василій Ивановичъ Шуйскій не имѣлъ дѣтей, а только двухъ братьевъ, князей Димитрія Ивановича и Ивана Ивановича, которые также не оставили послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Всѣ три брата отправлены были въ Польшу вмѣстѣ съ тогдашнимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ; изъ нихъ первые два умерли въ Польшѣ, а третій Иванъ Ивановичъ, прибывши обратно въ Москву вмѣстѣ съ Филаретомъ Никитичемъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ царствованіе нынѣшняго государя. Былъ еще одинъ изъ роду Шуйскихъ, именно дядя трехъ вышепомянутыхъ нами братьевъ, Василій Ѳедоровичъ Шуйскій, имѣвшій одного только сына, князя *Михаила Васильевича Скопина Шуйскаго* (Knes Michail Wasilowitz Zuski-Skapin), который умеръ при взятіи Новгорода Шведами и также не имѣлъ наслѣдниковъ. Изъ всего этого ясно видно, что Тимошка никакимъ образомъ не могъ быть изъ роду князей Шуйскихъ.

На пытку привели и мать обманщика (въ настоящее время она постриглась въ монахини). Горько плакала она о его несчастіи и совѣтовала ему опомниться, бросить задуманныя имъ глупости, сознаться въ нихъ и просить царя о помилованіи. Тимошка грустно смотрѣлъ на нее, но все таки не хотѣлъ признать ее за свою мать. Сюда-же привели также и бывшаго пріятеля его дьяка Ивана Пескова (Peskou), которому поручилъ онъ своего сына предъ бѣг-

ствомъ изъ Москвы. Довольно грубо Песковъ напомнилъ Тимошкѣ, что пора бы ему ужъ и перестать дурачиться, хитрить и обманывать, и что великій князь причинилъ ему (Пескову) за него много непріятностей и оказываетъ величайшую немилость: «Пора бы тебѣ подумать о Богѣ», продолжалъ онъ, «признаться во всемъ и вспомнить о сынѣ, котораго ты поручилъ мнѣ». (Нужно замѣтить, что сына этого онъ прижилъ не съ своею законною супругою, а отъ служанки.) Тимошка посмотрѣлъ на сына, потомъ на Пескова, поздоровался съ нимъ и не сказалъ болыше ни слова. Приводили еще нѣсколькихъ прежнихъ его пріятелей и сослуживцевъ, но на всѣ ихъ увѣщанія—признаться въ истинѣ, Тимошка отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ. Потомъ осматривали его и нашли, что онъ былъ обрѣзанъ, чѣмъ и кончилась пытка. На другой день привели его опять къ допросу по нѣкоторымъ пунктамъ, но онъ не отвѣчалъ уже никому. Тогда вывели его на большую площадь, предъ Кремлемъ, и прочитали приговоръ о казни за его преступленія. Судъ присудилъ четвертовать обманщика. Его раздѣли, положили на землю, сначала отрубили по локоть правую руку, потомъ лѣвую ногу по колѣно, тоже самое сдѣлали съ остальною рукою и ногою, и въ заключеніе отрубили голову. Отрубленныя части тѣла выставлены были на показъ: голову воткнули на одинъ изъ пяти находившихся тутъ столбовъ, руки же и ноги размѣстили по остальнымъ четыремъ. Все это оставалось на площади до слѣдующаго дня. Туловище оставлено было на землѣ, между столбами, и ночью съѣдено собаками. На другое утро палачь собралъ отрубленныя части тѣла и вмѣстѣ съ остатками туловища и самыми столбами, положивъ въ санп, вывезъ за городъ и бросилъ въ грязную, помойную яму.

Что же касается до бывшаго слуги Тимошки, Костьки, то судъ опредѣлилъ ему присутствовать при казни своего господина; его не лишили жизни, какъ человѣка во всемъ искренно признавшагося, но какъ преступнику противъ его царскаго величества ему присудили отрубить на правой рукѣ два пальца. Но по ходатайству патріарха, наказанію этому подверглась лѣвая рука, на томъ основаніи, что правою рукою онъ долженъ былъ молиться, что весьма важно въ ихъ вѣроисповѣданіи. Послѣ этого Костьку сослали въ одинъ изъ Сибирскихъ городовъ, съ назначеніемъ пожизненнаго содержанія.

Въ тотъ самый день и часъ, когда совершилась казнь Тимошки, польскій посланникъ, прибывшій не задолго предъ тѣмъ въ Москву, будучи приглашенъ на аудіенцію, умышленно привезенъ былъ на лобное мѣсто, для того чтобы могъ быть свидѣтелемъ казни и потомъ извѣстить свое правительство, что ложный Шуйскій, бывшій нѣсколько времени въ Польшѣ, публично преданъ смерти.

Вотъ истинное описаніе жизни и смерти Лже-Шуйскаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О коронованіи великаго князя Алексѣя Михайловича и о коронованіи вообще.

12 іюля 1645 года по Р. Христ. умеръ, какъ выше сказано, великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, самодержецъ всея Россіи. Тотчасъ же, на другой день, объявленъ былъ государемъ и великимъ княземъ всея Россіи 16-лѣтній сынъ его *Алексѣй Михайловичъ* (Alexei Michailovitz); того же дня его короновали и присягали всѣ сословія, по единодушному согласію бояръ, вельможъ и всего народа.

По особеннымъ видамъ и расчетамъ одного сильнаго вельможи русскаго, *Бориса Ивановича Морозова* (Boris Ivanovitz Morosov), бывшаго гофмейстера молодаго государя и его воспитателя, коронованіе должно было совершиться какъ можно скорѣе: это было причиною тому, что не всѣ, обыкновенно присутствующіе при коронованіи, могли на него явиться.

Коронованіе московскихъ великихъ князей, когда оно должно производиться по установленнымъ единожды правиламъ, совершается слѣдующимъ образомъ:

Сначала сзываются въ Москву всѣ митрополиты, архіепископы, епископы и игумены, князья, воеводы и всѣ службой обязанныя лица, равнымъ образомъ и знатные купцы изъ всей Россіи и областей, подвластныхъ великому князю.

Предъ совершеніемъ коронованія, патріархъ съ митрополитами и другими духовными особами идетъ въ кремлевскую церковь. За нимъ слѣдуетъ новый великій князь, съ боярами, государст-

венными сановниками и служащими людьми. Въ церкви устраивается на это время возвышенное мѣсто (въ 3 ступени вышиною) и покрывается драгоцѣнными коврами; потомъ ставятъ на него три стула, обитые золотою матеріею, одинъ для великаго князя, другой для патріарха, на третій же кладется шапка великокняжеская, украшенная драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, съ небольшою короною, унизанною алмазами. Подлѣ этой шапки полагается драгоцѣнный кафтанъ, кругомъ обшитый золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и подбитый совершенно черными соболями. Кафтанъ этотъ, какъ говорятъ Русскіе, получилъ Владиміръ (*) Мономахъ во время Татарской войны изъ Кафы и повелѣлъ употреблять его при коронованіи великихъ князей.

Когда царь, сопровождаемый боярами, войдетъ въ церковь, то священники начинаютъ пѣть; потомъ патріархъ читаетъ молитву, въ коей молитъ Бога, Николая чудотворца и прочихъ св. угодниковъ Божіихъ—освятить присутствіемъ своимъ настоящее коронованіе. Тогда выступаетъ впередъ одинъ изъ знатныхъ государственныхъ сановниковъ съ избраннымъ великимъ княземъ, обращается къ патріарху и говоритъ отъ лица прочихъ, что они считаютъ его за ближайшаго наслѣдника царства русскаго и желаютъ, чтобы онъ благословилъ и короновалъ его. Тогда беретъ патріархъ новоизбраннаго государя, сажаетъ его на стулъ и благословляетъ небольшимъ золотымъ крестомъ, унизаннымъ драгоцѣнными камнями. Послѣ этого одинъ изъ митрополитовъ читаетъ слѣдующую молитву, какъ ее записалъ Петрей въ своей Московской хроникѣ: «Господи Боже нашъ, царь царствующимъ, избравшій чрезъ пророка Самуила раба твоего Давида и помазавшій его на царство народа Израильскаго! Услышь нынѣ молитву нашу, приносимую Тебѣ недостойно и воззри съ высоты Твоей на вѣрнаго раба Твоего, сидящаго здѣсь на тронѣ, котораго Ты удостоилъ править народомъ, искупленнымъ кровью Единороднаго Сына Твоего; помажь его елеемъ радости, защити его силою Твоею, возложи на главу его корону, украшенную драгоцѣнными камнями, даруй ему долголѣтнюю жизнь, вручи въ руки ему царскій скипетръ,

(*) Олеарій называетъ его ошибочно Димитріемъ.

посади его на престолъ правосудія, покори ему всѣ языцы варжескіе; пусть будутъ сердце и чувства его всегда пребывать въ страхѣ Твоемъ и во все время жизни своей да будетъ онъ послушенъ Твоимъ повелѣніямъ; освободи его отъ всѣхъ ересей и заблужденій, наставь его защищать и сохранять въ цѣлости все, что установила Греческая Церковь. Суди право народъ Твой, окажи милость Твою неимущимъ, чтобы они могли наслѣдовать Царствіе Божіе». Молитву эту заключаетъ патріархъ громкимъ возгласомъ: «Яко Твое есть царство, и сила, и слава, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

По окончаніи этой молитвы, два епископа берутъ со стула шапку и кафтанъ и держатъ ихъ, между тѣмъ какъ патріархъ велитъ боярамъ взойти на площадку и надѣть кафтанъ на великаго князя, послѣ чего благословляетъ его. Потомъ беретъ онъ самъ царскую шапку, отдаетъ ее одному изъ бояръ и, проговоривъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», велитъ ему надѣть ее на великаго князя, причемъ благословляетъ государя въ третій разъ. Потомъ призываетъ онъ все присутствующее на коронованіи духовенство, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ благословилъ великаго князя. По окончаніи этой церемоніи, садятся великій князь и патріархъ на стулья, но вскорѣ встаютъ съ нихъ снова. Тогда священники начинаютъ пѣть литію (Litaney) «Господи помилуй» (Gospodi pomilui), и, при всякомъ третьемъ возгласѣ, поминаютъ великаго князя, послѣ чего патріархъ и великій князь снова садятся, а одинъ изъ митрополитовъ идетъ къ алтарю и говоритъ громкимъ голосомъ: «Боже соблюди намъ нашего царя и великаго князя всея Руси и даруй ему жизнь долгую и доброе здравіе!» Подобное желаніе повторяется всѣми прочими священниками и боярами, всѣми присутствующими въ церкви, и внѣ ея раздаются клики радости. Потомъ бьютъ челомъ царю всѣ знатные вельможи и цѣлуютъ у него руку. Послѣ этого выступаетъ предъ нимъ патріархъ и говоритъ ему краткое наставленіе въ слѣдующихъ словахъ: «такъ какъ онъ (т. е. государь), промысломъ Божіимъ и по желанію всѣхъ государственныхъ чиновъ свѣтскаго и духовнаго сословія, избранъ на царство и коронованъ великимъ княземъ всея Руси, и ему поручена столь важная обязанность управленія государствомъ, то да будетъ любить онъ Бога, поступать по его

законамъ, руководствоваться справедливостью, защищать и распространять истинную греческую вѣру».

Послѣ этого, снова получаетъ великій князь благословеніе отъ патріарха и идетъ изъ церкви въ другую, противоположную ей, называемую Михайло-Архангельскою. Между тѣмъ народу бросаютъ деньги, а въ церкви поютъ литію. Отсюда идетъ великій князь въ церковь Св. Николая, изъ которой, въ сопровожденіи бояръ, отправляется въ большую залу (Saal), гдѣ приготовляется какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ великолѣпное угощеніе, съ котораго многіе съ трудомъ убираются домой.

Титулъ, присвоиваемый Русскими ихъ великому князю, пишется слѣдующимъ образомъ:

«Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя Росіи Самодержцу, Московскому, Кіевскому, Владимірскому, Новгородскому, Царю Казанскому, Царю Астраханскому, Сибирскому, Государю Псковскому и Великому Князю Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгарскому и иныхъ, Государю и Великому Князю Новагорода Низовскія земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и всея сѣверныя страны Повелителю и Государю Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и инымъ многимъ государствамъ и землямъ восточнымъ, и западнымъ и сѣвернымъ отчичу и дѣдичу (Otschitschen, Dedischen) и наслѣднику и государю и обладателю.»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Die Befreiung der Leibeigenen in Russland. Berlin, 1859. Ferdinand Schneider.

Насъ (я разумѣю литераторовъ) нельзя упрекнуть въ излишней скромности: когда мы паримъ на крыльяхъ нашего идеала, тогда, какъ выразился Шиллеръ, ни высота, ни даль не сдерживаютъ нашего полета. Самые трудные, самые сложные общественные вопросы разрѣшаются нами съ изумительной легкостью, и мы такъ же мало ломаемъ голову надъ ними, какъ македонскій герой передъ гордіевымъ узломъ. Благо у каждаго есть свое оружіе, и едва ли перо не дѣйствуетъ смѣлѣе меча. Но, признавая себя виновными въ этой отвагѣ, мы съ нѣкоторымъ смущеніемъ взираемъ на иноземныхъ собратій, взявшихся за наши дѣла: сравнивая себя съ ними, мы приходимъ къ сознанію своей непростительной робости...

«Россія, говоритъ неизвѣстный авторъ брошюры, заглавіе которой мы выписали выше, занята теперь разрѣшеніемъ задачи, которая будетъ имѣть вліяніе на судьбу не только Имперіи, но и самой Европы».

Этотъ трудъ германскій публицистъ беретъ на себя и старается сначала разъяснить вообще происхожденіе потребности въ преобразованіяхъ.

Потребность эта является, по его мнѣнію:

во-1) когда одна сторона народной жизни уклонилась случайно отъ пути своего естественнаго развитія;

во-2) когда развитіе народа пережило юридическія установленія, облеченныя неизмѣннымъ авторитетомъ;

въ-3) когда предшествовавшія произвольныя реформы повели какую-либо сторону народной жизни неестественнымъ путемъ.

По словамъ брошюры, изъ нашей исторіи видно, что крѣпостное право возникло не изъ первоначальныхъ условій народнаго быта, но

вслѣдствіе случайныхъ административныхъ распоряженій, что цѣль послѣднихъ заключалась въ упроченіи осѣдлости населенія, и что наравнѣ съ сословіемъ крѣпостныхъ образовалось другое совершенно естественно—государственныхъ крестьянъ.

И такъ причина преобразованія кроется въ уклоненіи народной жизни отъ естественнаго пути историческою случайностію. По мнѣнію автора, необходимо поворотить на прямую дорогу и устранить различіе въ правахъ, представляемое двумя земледѣльческими классами, различіе опасное (?!) для тишины и порядка въ государствѣ. Здѣсь онъ задастъ себѣ глубокомысленный вопросъ, который, къ счастію, никому не приходилъ въ голову въ Россіи: слѣдуетъ ли государственныхъ крестьянъ обратить въ крѣпостныхъ, или крѣпостныхъ въ государственныхъ? Такъ какъ исторія научаетъ насъ, что послѣднее сословіе развивалось естественно (иначе, быть можетъ, авторъ избралъ бы первую часть своей дилеммы), то надо обратить крѣпостныхъ людей въ государственныхъ. Государственные крестьяне осуществляютъ въ своемъ быту идеалъ русской жизни, и вотъ почему:

1) въ Россіи не было побѣдителей и побѣжденныхъ, и каждый имѣлъ право на владѣніе землею;

2) земля принадлежала государству или общинѣ, и только въ послѣднее время часть ея перешла въ частную собственность;

3) при образованіи общинъ мысль о правѣ каждаго на участіе въ общемъ пользованіи явилась преобладающею, и съ этой христіанской, справедливой и практической идеей каждый Русскій, такъ сказать, является на свѣтъ...

Но между тѣмъ какъ государственный крестьянинъ платитъ только обыкновенныя подати, крѣпостной вноситъ еще оброкъ, или отправляетъ барщину за пользованіе землею.

Отсюда слѣдуетъ, что за освобождаемыми крестьянами должна быть оставлена земля, и что они должны быть избавлены отъ частныхъ повинностей и уравнены съ государственными поселянами.

Освобожденіе безъ земли повело бы къ пролетаріату 20 милліоновъ населенія, а мѣры, не уравнивающія правъ обоихъ классовъ, повели бы ко всеобщему преобразованію ради осуществленія идеи. Но возможно ли что-нибудь подобное? не нелѣпость ли это? восклицаетъ богобоязливый публицистъ.

Убѣдивъ насъ въ необходимости реформы и обозначивъ ея характеръ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію пути и средствъ для выполненія своего плана, и начинаетъ съ поземельнаго надѣла.

Количество земли, потребное для существованія крестьянъ, опредѣлено долголѣтнимъ опытомъ; эту землю должно сохранить за ними не только для того, чтобы не нарушить хода хозяйства, но и для того, чтобы не предпринимать новыхъ измѣреній по цѣлой Россіи и не вызвать вопроса о размѣрѣ надѣла. Угодья, остающіяся за помѣщикомъ, будутъ обработываться по найму, а такъ какъ освобожденнымъ земледѣльцамъ придется платить, кромѣ податей, и сборъ для выкупа имуществъ, то недостатка въ рабочихъ рукахъ не будетъ.

Само собою разумѣется, что предпріимчивые и богатые крестьяне предпочтутъ земледѣлію другія занятія; но такіе люди и теперь не обработываютъ земли, а живутъ въ городахъ и вносятъ оброки владѣльцамъ. Возрастаніе этого класса не будетъ велико, притомъ же свободный выборъ труда есть такая необходимая принадлежность предстоящаго преобразованія, безъ которой пришлось бы отказаться отъ послѣдняго.

Опасеніе, что крестьяне, получивъ средства къ жизни, перестанутъ работать, касается главнымъ образомъ Малороссіи. . . Случайное знакомство съ однимъ великорусскимъ управляющимъ на югѣ открыло автору одну изъ главныхъ причинъ, почему Малороссіяне лѣнивы и почему въ этой части Россіи крѣпостные крестьяне бѣднѣе государственныхъ. Причина, по его словамъ, очень проста: помѣщики распространяютъ запашку на всѣ земли и переводятъ людей съ пашни на мѣсячину.

Объявляя себя въ пользу обязательной продажи поземельнаго надѣла, увеличиваемаго тамъ, гдѣ крестьяне лишены необходимаго, германскій публицистъ не безъ основанія предполагаетъ, что найдутся люди, которые сочтутъ подобную покупку нарушеніемъ права собственности. Такимъ господамъ, по его мнѣнію, не стоитъ и отвѣчать; но для уясненія дѣла, онъ припоминаетъ имъ, что они не обработывали крестьянской земли и за послѣднюю пользовались барщиною. При продажѣ они получаютъ капиталъ, проценты съ котораго достаточны для воздѣлыванія ихъ полей по найму.

При этомъ возникаетъ еще другой вопросъ. Есть имѣнія, въ ко-

торыхъ мало удобной земли; есть крестьяне, приписанные къ домамъ. Изъ крѣпостнаго права развилось право на оброкъ съ безземельнаго крестьянина; уничтоженіе этого права влечетъ за собою нарушеніе собственности: и такъ въ этомъ случаѣ также необходимъ выкупъ; подобное право на личность неестественно, но не будучи пророкомъ, можно смѣло сказать, что пока крѣпостные не будутъ выкуплены, не будетъ и свободы.

Выкупъ удовлетворяетъ всѣхъ. Кто можетъ быть недоволенъ?— Господа, которые имѣютъ притязаніе знать финансовыя системы. Почему?—Потому что они не знаютъ, какъ принять финансовую мѣру, и не размышляли зрѣло о ея возможности. То что было не по сплямъ финансовымъ головамъ, очень просто.

Одному благочестивому русскому купцу явилась во снѣ Матерь Божія и приказала ему выкупить 50000 душъ. У купца былъ всего одинъ милліонъ, а надо было заплатить семь. Купецъ предложилъ владѣльцамъ векселя, съ условіемъ платить по нимъ 4%; съ общинами же заключилъ договоръ о платежѣ оброка, достаточнаго не только для выдачи процентовъ, но и для постепенной уплаты капитала.

Это видѣніе и подвигъ благотворительности, совершенной неизвѣстнымъ купцомъ (исторія умалчиваетъ его имя) навели благочестиваго писателя на мысль о выкупѣ крѣпостнаго права посредствомъ выпуска облигацій. Развивая свой проектъ въ сократической формѣ, при чемъ на долю Сократа досталась благая часть, авторъ доказываетъ, что совершенно все равно — выпустить ли облигацій на 5 мил., или на 5000 мил. руб., если по подобнымъ бумагамъ будутъ обезпечены исправные платежи процентовъ и капитальной суммы. Справедливость обязываетъ насъ однако же замѣтить, что германскій реформаторъ дѣлаетъ своему собесѣднику важную уступку и не считаетъ возможными неограниченныхъ государственныхъ займовъ, впрочемъ только потому, что такой капиталъ не получаетъ производительной затраты.

Въ примѣрномъ разчисленіи, для опредѣленія итога облигацій, авторъ довольствуется средней цифрой во 130 рублей, для выкупа души мужескаго пола вмѣстѣ съ участкомъ земли, и находитъ, что на 11 милліоновъ душъ придется выпустить облигацій на 1430 мил. руб. сер. Четыре процента съ этой суммы составятъ 57.200.000 руб., а ¼%, на погашеніе въ теченіи 72 лѣтъ, потребуетъ

3.375.000 руб. въ годъ. Всего придется платить, вмѣстѣ съ 2 руб. 50 коп. податей, 8 руб. съ души или 20 руб. на хозяйство, полагая въ послѣднемъ 2½ души.

Въ теченіи разговора любопытный собесѣдникъ убѣждается:

1) что по облигаціямъ слѣдуетъ назначить 4%, потому что цѣны имѣній установились еще до пониженія банковаго процента на 3, и хотя при этомъ облигаціи поднимутся выше пари, но это не помѣшаетъ ихъ выкупу;

2) что разсрочка въ уплатѣ капитала на 72 года необходима для уменьшенія крестьянскихъ платежей;

3) что надо сдѣлать оцѣнку каждаго имѣнія, и что для этого владѣлецъ обязанъ:

1) представить планъ своего имѣнія и показать количество какъ обработываемыхъ имъ десятинъ, такъ и зерна, употребляемаго для посѣва;

2) показать количество средняго годоваго сбора за вычетомъ посѣва;

3) число крестьянскихъ хозяйствъ, обработывающихъ землю и платящихъ извѣстный налогъ;

4) число душъ на оброкѣ и величину послѣдняго;

5) число дворовыхъ и издержки на ихъ содержаніе;

6) приблизительное исчисленіе смѣшаннаго дохода;

7) опредѣленіе годоваго чистаго дохода;

8) вычисленіе суммы, которую владѣлецъ требуетъ за выкупъ крестьянъ съ землею.

Операцію эту авторъ надѣется окончить въ три года, и излагаетъ административныя мѣры, необходимыя для ея выполненія.

Таково содержаніе берлинской брошюры. Знакомя съ нею нашихъ читателей, мы заслуживаемъ упрекъ только въ одномъ отношеніи—въ томъ, что не приводимъ цѣлыхъ отрывковъ съ разсужденіями о выкупѣ. Достаточно сказать, что ученый публицистъ считаетъ эту операцію существеннымъ условіемъ успѣха; переводить подобныя мѣста значило бы передавать юношескій пылъ, внесенный въ изслѣдованіе предмета, но не въ самое дѣло, кажется достаточно уясненное въ предъидущемъ.

Намъ предстоитъ теперь обязанность рецензента.

Мысленно благодаря нѣмецкаго ученаго за участіе, которое онъ

выказалъ къ дѣлу русскому, мы однакоже не можемъ не задать себѣ вопроса: для кого написана брошюра? Если авторъ хотѣлъ убѣдить Германію въ необходимости выкупа крѣпостнаго права въ Россіи, то едва ли форма соотвѣтствовала цѣли: изложеніе для этого слишкомъ популярно и грѣшитъ противъ науки. Если же авторъ желалъ помочь поборникамъ преобразованія у насъ, то онъ могъ бы оказать имъ болѣе пользы, позаимствовавъ нѣкоторыя данныя изъ исторіи освобожденія крестьянъ въ Пруссіи и Австріи... Ему нетрудно было сдѣлать послѣднее, потому что при нѣкоторомъ знакомствѣ съ Россіей, легко было выбрать въ своемъ домашнемъ опытѣ то, что̀ поучительно для насъ. Но не будемъ черезчуръ придирчивы, и вмѣсто того чтобы разсуждать о томъ, что̀ могло бы быть, скажемъ о томъ что̀ есть.

Заявляя о нашемъ согласіи съ авторомъ относительно назначенія крестьянамъ поземельныхъ надѣловъ и пріобрѣтенія послѣднихъ въ собственность, мы смѣемъ думать что мысль эта принадлежитъ не ему, и не намъ, но огромному большинству мыслящей Россіи. Это разрѣшеніе (Lösung) давнымъ-давно уже найдено, и всѣ убѣждены, что выкупъ устраняетъ существенныя затрудненія, представляющіяся при освобожденіи крестьянъ.

За тѣмъ, оставляя главную мысль въ сторонѣ, мы не можемъ согласиться съ бо̀льшею частію остальнаго.

Мы не знаемъ нашей исторіи на столько, чтобы приписать происхожденіе крѣпостнаго права случайнымъ административнымъ распоряженіямъ. Мы думаемъ, что потребность въ реформѣ явилась не потому, что одна изъ сторонъ народной жизни уклонилась случайно отъ своего естественнаго пути, а потому, что современное нравственное и хозяйственное развитіе общества требуетъ установленія болѣе разумныхъ правоотношеній.

Развитіе современнаго общества требуетъ возстановленія права собственности. Идея, высказанная Локкомъ и физіократами какъ отвлеченный принципъ, начала осуществляться на западѣ въ реформахъ промышленныхъ и земледѣльческихъ, и въ XIX вѣкѣ, въ борьбѣ съ соціализмомъ, достигла значенія доктрины. По этому ученію собственность не составляетъ привилегіи, потому что основаніе ея заключается въ трудѣ. Дать свободу труду значитъ возстановить первоначальную, самую неприкосновенную, самую свя-

щенную собственность человѣка, источникъ всякой другой собственности на землѣ. Всѣ великіе преобразователи, и въ томъ числѣ увѣнчавшіе себя неувядаемой славою освободителей землевладѣльцевъ отъ крѣпостнаго права, были ревностными поборниками этой мысли, даже и тогда, когда имъ не удавалось дать себѣ строгій отчетъ въ величіи избранной цѣли и ея практическихъ результатахъ. Отсюда слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, что задача, предстоявшая Россіи, заключалась не въ томъ: сдѣлать ли крѣпостныхъ государственными крестьянами или на оборотъ, а въ возстановленіи права согласно съ началами христіанскими и съ требованіями, постановленными исторіею.

Автора брошюры пугаетъ мысль сдѣлать государственныхъ крестьянъ собственниками; онъ называетъ ее «Unding», безсмыслицей. По нашему, эта безсмысленца есть историческая необходимость. Разногласіе наше главнымъ образомъ проистекаетъ оттого, что мы не понимаемъ государственной земледѣльческой собственности какъ предмета частнаго права; оттого что автору неизвѣстно существованіе оброчной подати за пользованіе казенною землею (онъ полагаетъ, что государственные крестьяне платятъ ту же самую цифру налоговъ, какъ и всѣ прочіе); оттого наконецъ, что фактъ частный—общинное владѣніе, несуществующее въ значительной части Россіи, возведено имъ на степень идеи, прирожденной каждому Русскому. Мы знаемъ, что Малороссы не рождаются съ нею на свѣтъ и что между Русскими найдутся сильные ея противники... Уважая каждое явленіе народной жизни, и признавая его права на существованіе, пока оно обладаетъ силами и средствами для своего развитія, мы не беремся рѣшить, долго ли придется еще русскому земледѣльцу рождаться съ идеей общиннаго владѣнія, въ особенности же если онъ получитъ болѣе простора для устройства своего хозяйственнаго быта.

Признаемся откровенно, мы не видимъ, въ чемъ заключается опасность для государства, если право собственности, общинное или личное, освобождается изъ-подъ его верховнаго авторитета, если оброкъ получаетъ значеніе подати съ доходовъ, а крестьяне вступаютъ въ полныя права владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ.

Но сказанное нами доселѣ—не болѣе какъ эпизодъ; главнаго во-

проса мы еще не коснулись: какимъ образомъ возстановить право собственности?

Правительство наше, слѣдуя естественному чувству справедливости, указало на самое вѣрное разрѣшеніе задачи преобразованія: оно признало за помѣщикомъ право собственности на всю землю, за крестьяниномъ право выкупа усадьбъ и безсрочнаго пользованія надѣленною землею. Оно не пошло далѣе, но заявило свое сочувствіе дворянамъ, которые пожелали распространить выкупъ на другія угодья.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны нельзя было не признать права земледѣльца на то, въ чемъ затраченъ былъ его трудъ, быть можетъ трудъ его отца и дѣда (усадьба въ особенности). Такимъ образомъ уваженіе къ факту привело къ признанію права помѣщика на цѣнность, которая ему принадлежала всегда, а уваженіе къ собственности трудовой привело къ признанію за крестьяниномъ права владѣнія усадьбою и вѣчнаго пользованія надѣломъ (за извѣстное вознагражденіе владѣльца).

Это обоюдное право, по своей неопредѣленности, вызываетъ необходимость въ сдѣлкѣ, имѣющей цѣлью освобожденіе труда и возстановленіе собственности въ ея первоначальной чистотѣ, и само собою разумѣется, что эта сдѣлка становится легкою и удобною, когда разграниченіе правъ происходитъ при содѣйствіи капитала, когда запутанный узелъ обязательныхъ отношеній развязывается выкупомъ усадьбъ и надѣловъ. Но для этого необходимы: 1) инпціатива со стороны самихъ владѣльцевъ и 2) возможность выгодной и справедливой сдѣлки для крестьянъ. Эта возможность является тогда, когда крестьяне уплачиваютъ свой долгъ помѣщикамъ при посредствѣ правительства или частныхъ банковъ облигаціями, и становятся къ учрежденію, завѣдывающему кредитной операціей, въ отношеніе должника къ кредитору.

Авторъ пишетъ такъ, какъ будто бы эта мѣра никому не приходила въ голову, между тѣмъ какъ объ ней толкуютъ у насъ болѣе двухъ лѣтъ, а въ Германіи она составляетъ очень старый секретъ; мало того, онъ считаетъ согласіе владѣльцевъ на выкупную операцію совершенно излишнею. Затѣмъ онъ осыпаетъ упреками нашихъ финансовыхъ людей за то, что они не вызвались выпустить облигаціи на сумму, имъ неизвѣстную, и съ своей точки зрѣнія

онъ совершенно правъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому (кромѣ нашего германскаго ученаго) приходило въ голову, что можно выпустить такъ же легко на 5.000 милліоновъ рублей облигацій, какъ и на 5 милліоновъ? *люди финансовые*, или *эти господа*, какъ называетъ ихъ авторъ брошюры, воображаютъ, что облигаціи имѣютъ цѣнность только тогда, когда есть капиталъ, на который онѣ могутъ быть куплены; иначе обезпеченный по нимъ % (особенно при скудости капиталовъ свободныхъ) и обѣщаніе уплаты долга въ теченіи 72-лѣтняго періода не поддержатъ ихъ курса . . . Но мало ли чего не приходитъ въ голову *этимъ господамъ!* Имъ не понять, что при пониженіи банковыхъ процентовъ съ 4 на 3, четырех-процентныя облигаціи должны ходить выше пари, что въ Англіи авторъ взялся бы выпускать 1% облигаціи, ходящія выше пари, потому что лондонскій банкъ имѣетъ значительные вклады, не приносящіе процентовъ!

Да не пугается только нашъ читатель цифры въ 1430 милліоновъ рублей! Мы имѣемъ глубокое убѣжденіе, что при самомъ честномъ, безобидномъ выкупѣ и при удачно устроенной операціи едва ли ½ или ¼ доля облигацій явится вначалѣ на рынкѣ, и что слѣдовательно ни государственный кредитъ, ни частныя лица не могутъ пострадать отъ избытка кредитныхъ процентныхъ бумагъ.

Не стѣсняясь никакими практическими трудностями, авторъ брошюры предложилъ въ заключеніе порядокъ оцѣнки имѣній. Мы привели этотъ способъ, и тѣмъ самымъ высказали свое мнѣніе. Чего бы и желать болѣе, еслибъ каждый помѣщикъ былъ въ состояніи вычислить свой чистый доходъ!

Таково ученo-литературное произведеніе, вызванное нашей реформой на берегахъ Шпрее—ученое, потому что оно говоритъ о серьозномъ предметѣ; литературное, потому что въ немъ есть цѣлая легенда. Мы не отвергаемъ, что признаніе необходимости выкупа, удержанія существующихъ надѣловъ, освобожденія съ землею и пр.—мысли очень вѣрныя, но всѣ эти Lösungen заставили насъ воскликнуть: «Ничто не ново подъ луною!» Да простятъ намъ нашу холодность! Мы утратили способность увлекаться не только подобными идеями, но и степенью теплоты, съ которой онѣ высказаны. Мы сдѣлались скептиками, потеряли вѣру въ новыя открытія, въ финансовые секреты, въ милліарды, являющіеся въ туманѣ,

и наконецъ въ милліоны, жертвуемые за бокаломъ шампанскаго и улетучивающіеся вмѣстѣ съ винными парами! . . .

Н. БУНГЕ.

О ФИНАНСОВЫХЪ ПРОЭКТАХЪ

для пріобрѣтенія земель владѣльческимъ крестьянамъ.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько предположеній о покупкѣ для освобождаемыхъ крестьянъ удобныхъ земель, чтобы тѣмъ упрочить окончательно ихъ бытъ и осѣдлость. Кромѣ проэктовъ Френкеля и Гомберга въ газетѣ Le Nord, о которыхъ я уже высказалъ свое мнѣніе въ 18 № Экон. Записокъ И. Вол. Экон. общества за настоящій годъ, и послѣ предположеній г. Ржевскаго въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и Русскомъ Вѣстникѣ, г. Кисловскаго въ Журналѣ Землевладѣльцевъ, г. Сабурова въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, г. Корвинъ-Круковскаго въ Отечественныхъ Запискахъ, и нѣкоторыхъ другихъ, появился еще проэктъ экономиста Бунге въ 8 книжкѣ Русскаго Вѣстника, который я сравню съ предположеніями г. Неронова, напечатанными въ 15 кн. Журнала Землевладѣльцевъ какъ потому, что послѣдній остался незамѣченнымъ въ журналистикѣ, такъ и потому, что онъ, по мнѣнію моему, заслуживаетъ преимущественнаго вниманія по дѣльности мыслей и первенствѣ его, ибо написанъ еще въ началѣ 1858 года и представленъ былъ въ Московскій и Рязанскій Комитеты, гдѣ вѣрно и остался втунѣ. Г. Нероновъ предлагалъ: купить у помѣщиковъ для освобождаемыхъ крестьянъ по 2 десятины удобной земли на ревизскую душу, и для операціи этой учредить въ каждомъ уѣздѣ Комитетъ по выбору дворянства, съ тѣмъ, чтобы крестьяне поступили въ вѣдѣніе этого Комитета и управлялись особыми лицами подобно удѣльнымъ крестьянамъ; а для покупки земли крестьяне платили бы оброкъ по 9 руб. сер. съ души, или 18 руб. сер. съ тягла, каковыя деньги въ два раза вносили бы въ Комитетъ, который отчислялъ бы 5% въ пользу владѣльцевъ, уплачивая изъ нихъ долги сколько слѣдуетъ въ кредитныя мѣста, а остальныя выдавалъ бы на руки; 1 процентъ долженъ сверхъ того вноситься на ежегодный платежъ помѣщикамъ

полной капитальной суммы за землю по жеребью, начиная съ мелкихъ владѣльцевъ, для чего всѣмъ дворянамъ должны быть выданы *сертификаты* или свидѣтельства въ видѣ обязательства въ платежѣ денегъ за землю. Погашеніе или тиражъ сертификатовъ долженъ быть произведенъ въ срокъ, какой установленъ для кредитныхъ учрежденій; въ числѣ плательщиковъ за землю должны быть включены и дворовые люди, кои причисляются къ общинѣ крестьянъ, а если пожелаютъ выйти въ другія сословія, то вносятъ слѣдующія съ душъ деньги на покупку земли, которую могутъ уступать другимъ одновотчинникъ крестьянамъ. На содержаніе Комитета и на прочіе расходы по этой операціи должны быть особые сборы по раскладкѣ съ помѣщиковъ и крестьянъ, по числу удобныхъ десятинъ.

Вотъ главныя, существенныя основанія проэкта г. Неронова. По крайнему разумѣнію моему, эти предположенія болѣе другихъ раціональны и удобоисполнимы, съ нѣкоторыми измѣненіями, согласно съ финансовыми и экономическими расчетами и распоряженіями. Изъ всѣхъ же прочихъ предложеній заслуживаетъ нашего полнаго вниманія статья профессора Бунге, участвующаго нынѣ въ Финансовой Коммисіи, принадлежащей къ составу Редакціонныхъ Коммисій по крестьянскому дѣлу. Г. Бунге, разобравъ проэкты Френкеля, Ржевскаго, Кисловскаго, считаетъ непрактичнымъ избраніе одного способа или формы вознагражденія помѣщиковъ за землю, потому что лица, имѣющія на это право, могутъ находиться не въ одинаковыхъ экономическихъ положеніяхъ. Одни предпочли бы полученіе наличнаго капитала, для того чтобы сдѣлать прибыльныя затраты; другіе—постоянную денежную ренту, доходъ, хотя умѣренный, но непрерывный; третьи—доходъ высшій, но срочный въ теченіи 25—37 лѣтъ; наконецъ четвертые—пожизненную ренту, болѣе или менѣе значительную, смотря по возрасту лицъ, которымъ слѣдуетъ вознагражденіе или уплата за землю. Для этого необходимо посредничество кредитныхъ банковъ, куда крестьяне будутъ вносить уплату процентами постепенно, а владѣльцы могли бы получать деньги разнообразными кушами, какъ кто пожелаетъ, почему и не понадобится выпускать облигацій на всю сумму уплаты долга за землю, что и могло бы поддерживать всегда курсъ означенныхъ бумагъ. Если допустить, что помѣщикамъ должно будетъ выплатить 1½ милліарда,

то, быть можетъ, они согласятся получать на $^1/_8$ часть непрерывную ренту, $^1/_5$ пойдетъ на уплату банковыхъ и частныхъ долговъ, $^1/_{50}$ можетъ обратиться въ пожизненныя и срочныя ренты; затѣмъ уже не много будетъ выдано облигацій, изъ коихъ не всѣ останутся на нашихъ рынкахъ, ибо при пониженіи ихъ курса отъ большаго ихъ предложенія будутъ онѣ притекать въ банки и замѣняться временными процентными билетами, кои привлекутъ къ нашимъ рынкамъ свободные капиталы, не только отечественные, но и заграничные, и понизятъ плату за пользованіе имп.

Не буду выписывать всѣхъ финансовыхъ и экономическихъ разсужденій г. Бунге, что̀ было бы несогласно съ цѣлью этой статьи и предѣлами настоящихъ замѣтокъ; но считаю долгомъ сказать, что для совершенія покупки земель у помѣщиковъ для крестьянъ желательно бы вовсе избѣжать продажныхъ облигацій. Для этого есть способы, на которые я и считаю долгомъ обратить здѣсь вниманіе читателей.

Во-первыхъ, необходима гарантія правительства, и съ тѣмъ вмѣстѣ переводъ банковыхъ долговъ съ душъ на землю, со всего имѣнія на часть земель, остающихся во владѣніи помѣщиковъ, а отводимыя крестьянамъ для выкупа земли принять въ залогъ особо въ настоящей ихъ цѣнѣ (по оцѣнкѣ, согласно мѣстныхъ покупокъ и продажъ). Г. Бунге отдаетъ преимущество свободнымъ условіямъ и договорамъ купли и продажи земель, но вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ обязать помѣщиковъ, чтобъ они брали назадъ имущества по опредѣленной оцѣнкѣ назадъ, если никто не дастъ оцѣночной суммы при продажѣ участковъ земли и усадьбы, несостоятельныхъ къ платежу выкупныхъ денегъ, крестьянъ. Намъ кажется такое предложеніе противнымъ духу самой реформы и экономическимъ соображеніямъ, ибо для какой надобности принуждать помѣщиковъ, чтобъ они брали крестьянскія имущества себѣ, когда усадьбы и прочія земли крестьянъ будутъ отдѣлены отъ владѣльческихъ въ особые участки, кои получать обратно нѣтъ выгодъ по чрезполосности и мелочности ихъ для каждаго помѣщика?

Во-вторыхъ, кромѣ помѣщичьихъ земель можно дозволить покупать крестьянамъ и *казенныя* оброчныя пустопорожнія *земли*, какъ пахатныя, сѣнокосныя, такъ и лѣсныя, гдѣ лѣсъ не приноситъ особенной пользы государству и въ будущемъ не обѣщаетъ ника-

кихъ выгодъ. Казна можетъ выбрать съ крестьянъ деньги за свои земли по частямъ, съ разсрочкой, чего частнымъ владѣльцамъ невозможно сдѣлать по хозяйственнымъ, домашнимъ, семейнымъ обстоятельствамъ. Имѣя въ виду эти соображенія, можно, кажется, обойтись и безъ выпуска облигацій, которые влекутъ за собой упадокъ бумажныхъ цѣнностей и возвышаютъ цѣны предметовъ потребленія, также побуждаютъ къ биржевой игрѣ, съ коей является аяіотажъ, имѣющій вредныя послѣдствія.

Кредитъ съ гарантіей правительства (какъ обезпечиваются напр. акціи Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, или государственные непрерывно-доходные билеты и вообще долги внутренніе и внѣшніе), для выкупа крестьянами земель владѣльческихъ и казенныхъ, былъ бы самымъ лучшимъ, вѣрнымъ, безобиднымъ и спокойнымъ средствомъ къ благополучной развязкѣ великаго вопроса объ улучшеніи быта поселянъ. Напротивъ всякое насиліе, редукцію, экспропріацію я почитаю несогласными съ общею пользою и нарушеніемъ общечеловѣческихъ правъ, которыя утверждены и наукою и дѣйствующими законами, вездѣ уважаются и признаются неприкосновенными, обезпеченными. Необходимо, по моему мнѣнію, дозволить крестьянамъ и помѣщикамъ торговаться въ покупкѣ земли, и для этого должно допустить добровольныя сдѣлки не только между помѣщиками и крестьянами одного и того же имѣнія или вотчины, но и между разновладѣльческими поселянами и разными помѣщиками, въ одномъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ жительства крестьянъ. Точно также и относительно покупки казенныхъ земель долженъ быть допущенъ свободный торгъ, аукціонъ, или вольная покупка; при чемъ произойдетъ конкурренція казны съ помѣщиками и слѣдоват. цѣны земель не дойдутъ до чрезвычайно дорогихъ. Пусть при этомъ крестьянамъ дано будетъ право покупать и болѣе нормальнаго количества, опредѣленнаго на душу, десятинъ земли, съ уплатою за излишнее число наличными деньгами; нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ правѣ богатые изъ нихъ сдѣлаются значительными собственниками.

Что касается до того, какъ дозволить покупку крестьянами земель: въ общинное владѣніе, или въ частную собственность (особнякъ), то я думаю, что и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ допустить совершенную свободу, т. е. предоставить самимъ крестьянамъ

сдѣлать такое пріобрѣтеніе на томъ основаніи, какъ они сами того пожелаютъ, цѣлыми селеніями ли, или мелкими товариществами (*себрами*, нѣсколькими домохозяевами-поселянами), или же совершенно отдѣльными, односемейными участками. Мѣстныя условія и топографическія соображенія будутъ лучшими указателями и руководителями для крестьянъ въ покупкѣ ими земель, на коихъ они могутъ хозяйничать по старому или новому порядку; смѣтливость и предпріимчивость поведетъ ихъ къ лучшему, къ раціональности. Быть можетъ, чрезполосность владѣнія, или общинность пользованія сдѣлаются въ глазахъ крестьянъ неудобными для правильнаго и выгоднаго хозяйства; но мелкая и раздробленная собственность хуже общаго владѣнія, если съ нею сопряжены разныя неудобства къ жизни и домохозяйству.

И такъ кредитъ, гарантія, свобода должны быть фундаментомъ финансовыхъ плановъ и залогомъ улучшенія быта крестьянъ; всякое же насиліе и стѣсненіе, всякая искусственность должны быть изгнаны изъ предполагаемыхъ реформъ. Свобода пусть будетъ вполнѣ свободой для всѣхъ.

Хр. Козловъ.

О правахъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ вообще, и объ умерщвленіи и умышленномъ изгнаніи плода въ особенности, Д-ра Г. Г. Блосфельда, орд. проф. государственнаго врачебновѣдѣнія при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, и проч. 1856 года.

Изъ введенія, которое предшествуетъ изложенію самаго сочиненія, видно, что авторъ имѣлъ въ виду выполнить слѣдующія цѣли: 1) доставить юристамъ матеріалъ для точнѣйшаго опредѣленія правъ утробныхъ и новорожденныхъ недоношенныхъ младенцевъ; 2) привести судебную медицину въ тѣснѣйшую связь и взаимное отношеніе съ родовспомогательной наукой, и 3) снабдить акушеровъ краткимъ руководствомъ. Поэтому главной задачей при составленіи настоящаго труда было удовлетвореніе юридической потребности:

дополнить судебную медицину новѣйшими открытіями въ родовспомогательной наукѣ и эмбріологіи. Сообразно съ симъ сочиненіе раздѣлено на части: юридическую и судебно-медицинскую.

Краткое содержаніе разсматриваемой книги слѣдующее.

Часть юридическая. Исторія законодательствъ относительно правъ утробныхъ и новорожденныхъ младенцевъ представляетъ пять различныхъ періодовъ. Въ первомъ періодѣ младенцы не имѣли никакихъ правъ; во второмъ они считались полною собственностію родителей; въ третьемъ—признаются членами государства; въ четвертомъ—Церковь оказываетъ имъ свое покровительство, и въ пятомъ—они пользуются правами человѣчества.

Въ глубокой древности утробные и новорожденные младенцы не имѣли никакихъ правъ, и умерщвленіе ихъ было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. У Платона и Аристотеля (Respubl. t. V; Polit. VII, 14) есть указаніе на законы объ умерщвленіи дѣтей слабыхъ и уродливыхъ, а также и прочихъ, если число рожденныхъ младенцевъ превосходитъ извѣстную норму. Въ Римѣ былъ особый классъ женщинъ, занимавшихся изгнаніемъ плода, какъ публичнымъ ремесломъ. Женщинамъ этимъ были извѣстны такія плодоизгоняющія средства, къ какимъ уже не прибѣгаютъ въ настоящее время. Онѣ употребляли также прободеніе головки зародыша чрезъ маточное рыльце посредствомъ иголки,—средство, употребляемое, какъ говорятъ, для изгнанія плода и нынѣ во Франціи и Италіи.

Несправедливо было бы утверждать, что причиною этихъ варварскихъ обычаевъ была низкая степень гражданственности древнихъ народовъ, потому что никто не станетъ смѣшивать Грековъ и Римлянъ съ нынѣшними жителями Канады и Цейлона, у которыхъ такое преступленіе есть обыкновенное дѣло. Народамъ этимъ недоставало истиннаго направленія, даннаго христіанскою вѣрою и ея нравственнымъ ученіемъ. Образованные народы древности не считали зародышей и младенцевъ за человѣческія существа, поэтому и обходились съ ними такъ жестоко.

Въ послѣдствіи законодательство Римлянъ обратило вниманіе на зародышей по отношенію къ правамъ на наслѣдство; съ этою цѣлью, въ случаѣ открытія наслѣдства послѣ умершаго, изъ оставшагося имѣнія выдѣлялись части въ пользу зародышей. Что же

касается до изгнанія плода, то тяжбы объ этомъ возникали только въ тѣхъ случаяхъ, когда было причинено поврежденіе самой матери.

Первое запрещеніе дѣтоубійства встрѣчается при императорахъ Валентиніянѣ, Валентѣ и Граціанѣ. Замѣчательно, что въ этомъ же періодѣ начали обращаться за совѣтами къ врачамъ. Впрочемъ вопросъ о томъ, съ какого времени должно считать жизнь утробнаго ребенка, былъ еще спорнымъ. Ссылаясь на авторитетъ Аристотеля, утробнаго ребенка считали живымъ съ 30-го (мужескаго пола) и 42-го (женскаго пола) дня отъ зачатія. Иппократъ нисколько не затруднился открыть присутствіе плода у одной танцовщицы въ первыхъ недѣляхъ беременности только потому, что беременность мѣшала ей являться на сценѣ.

Признаніе человѣческихъ правъ въ зародышѣ начинается собственно со времени распространенія христіанской религіи, которая утвердила убѣжденіе, что главное въ человѣкѣ есть его нравственная сторона и что незрѣлый плодъ посредствомъ крещенія можетъ пользоваться безсмертіемъ будущей жизни. Съ этого же времени начинаются и постановленія о наказаніи за изгнаніе плода и убійство новорожденныхъ.

Переворотъ, произведенный Реформаціею, отразился благотворно и на вопросахъ о правахъ зародышей и новорожденныхъ дѣтей. Уголовное Уложеніе Карла V (Constitutio criminalis Carolina) 1533 года впервые заключаетъ въ себѣ законъ объ этомъ предметѣ и опредѣляетъ наказанія за дѣтоубійство. Впрочемъ въ немъ еще не сдѣлано различія между зародышемъ, плодомъ и младенцемъ.

Наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ развитіе наукъ юридическихъ и медицины дало возможность разъяснить означенные выше вопросы по этому предмету; почему въ особенности было важно въ настоящемъ случаѣ открытіе кровообращенія Гарвеемъ (въ 1628 г.) и легочной пробы Шрейеромъ (въ 1682).

Въ наше время мнѣніе, что зародыша нельзя считать человѣкомъ, имѣетъ мало вліянія на законодательство. Эрнстъ Платнеръ, Гассе, Іёргъ отказываютъ утробному младенцу не только въ правахъ на человѣчество, но даже въ жизни, потому что жизнь, по ихъ мнѣнію, начинается или съ дыханіемъ (Платнеръ) или со вступленіемъ въ свѣтъ (Гассе). Если бъ однако и было какое основаніе зародышу, изъ котораго въ послѣдствіи образуется человѣкъ, от-

казать въ человѣческой природѣ, то всетаки непонятно, какимъ образомъ вдыханіе воздуха и вступленіе въ свѣтъ сообщаютъ ему самую существенную принадлежность человѣчества — душу. Въ противномъ случаѣ кретинъ, человѣкъ въ обморокѣ, подверженный апоплексическому удару—также не человѣкъ. Если же утробный плодъ въ минуты зачатія есть существо живое и одушевленное, то умственное уничтоженіе и изгнаніе его всегда останется преступленіемъ, къ которому законодательство можетъ лишь допускать бо́льшее или меньшее снисхожденіе, смотря по развитію плода, совершенно по другимъ причинамъ, не касающимся до общечеловѣческихъ правъ самого плода.

Въ новѣйшее время начали различать *чадоубійство* (убійство законнорожденнаго ребенка) отъ *дѣтоубійства* (убійства незаконнорожденнаго ребенка). Между тѣмъ какъ первое наказывается законами со всей строгостью, второе считается гораздо менѣе тяжкимъ преступленіемъ. Причины, по которымъ дѣтоубійство наказывается слабѣе, заключаются въ несвоевременномъ развитіи и образованіи младенца и въ возможности естественной смерти. Тутъ принимаются въ расчетъ неожиданность родовъ, которыя у незамужнихъ тяжелѣе, чѣмъ у замужнихъ, кровотеченіе, незнаніе какъ помочь себѣ, боль, обморокъ, головокруженіе, безпамятство, и проч. Принимаются въ уваженіе также беременность матери и слѣдов. сохраненіе чести женщины, опасеніе публичнаго стыда, сильное волненіе нервной системы и душевныхъ способностей. Все это не предполагается у замужнихъ женщинъ и не должно приниматься во вниманіе въ отношеніи къ публичнымъ женщинамъ.

Понятіе о убійствѣ и умышленномъ изгнаніи недоношеннаго плода не такъ опредѣлительно. Хотя Савиньи и защищаетъ мнѣніе, что жизнь зародыша есть ненужное условіе его законности, и что дѣтоубійствомъ должно назвать всякое уничтоженіе зародыша со времени его зачатія; но нынѣ болѣе утвердилось мнѣніе, что способность къ жизни есть необходимое условіе для того, чтобы умерщвленіе плода признавать преступленіемъ. Вообще въ этомъ случаѣ основательно можно принять за правило, что наказаніе должно увеличиваться или уменьшаться смотря по степени развитія зародыша и потому болѣе или менѣе можно надѣяться, что онъ останется живымъ.

По Фейербаху къ этому роду преступленій относятся: 1) вредное механическое или динамическое дѣйствіе въ отношеніи къ плоду; 2) умерщвленіе плода преждевременными родами; 3) если доказано будетъ, что плодъ или родился мертвымъ или скоро умеръ послѣ родовъ въ слѣдствіе насилія, произведеннаго въ чревѣ матери; 4) противузаконное намѣреніе матери произвести изгнаніе плода. Это преступленіе можетъ быть разсматриваемо или какъ поврежденіе, нанесенное будущему человѣку, либо самою матерью, либо съ ея согласія, или же какъ повреждения будущаго человѣка и самой матери, учиненныя безъ вѣдома и согласія послѣдней.

По русскимъ законамъ преступленіе это опредѣлено тремя степенями: а) изгнаніе плода безъ вѣдома и согласія беременной женщины; б) изгнаніе съ вѣдома и согласія беременной женщины, и в) изгнаніе плода самою беременною женщиною. Наказанія усиливаются если въ изгнаніи плода изобличены врачь, акушеръ или повивальная бабка; при этомъ нужно замѣтить, что наказаніе за нанесеніе беременной женщинѣ завѣдомо увѣчья, ранъ, побоевъ или истязаній, если послѣдствіемъ сего будутъ преждевременные роды и смерть младенца, назначается всегда въ высшей мѣрѣ (XV т. Св. Зак. Улож. о нак. ст. 2010—2012 и 2040).

Если убійство зародыша (embryocidium) слѣдуетъ наказывать слабѣе, чѣмъ плодоубійство (foeticidium), то изслѣдованіе должно преимущественно быть обращено на опредѣленіе времени начала движенія зародыша, вмѣстѣ съ которымъ начинается жизнь плода.

Разсматривая критически различныя опредѣленія и постановленія о плодоубійствѣ, по мнѣнію автора, должно сообразоваться съ правилами судебной медицины, потому что въ юридическихъ руководствахъ есть много произвольнаго и шаткаго, между тѣмъ какъ медицина, по свойству космополитической науки, довольно ясно сознаетъ свою цѣль. Руководствуясь ею, необходимо сдѣлать существенное различіе между *дѣтоубійствомъ* и *плодоубійствомъ*.

Дѣтоубійство почти единогласно во всѣхъ узаконеніяхъ опредѣлено какъ убійство *новорожденнаго, жизнеспособнаго* и *родившагося живымъ младенца,* совершенное самою незамужнею женщиною съ преступнымъ умысломъ или изъ небрежности. Не всѣ однако согласны между собой относительно свойствъ и состава этого преступленія.

Чтобы съ медицинской точки зрѣнія признать младенца новорожденнымъ, на тѣлѣ его должны находиться такіе признаки, которые несомнѣнно доказываютъ бывшую связь его съ тѣломъ матери (присутствіе творожной слизи на тѣлѣ, остатокъ пуповины, головная опухоль, и проч.). Въ Прусскомъ Landrecht новорожденнымъ называется младенецъ, который еще не прожилъ 24 часа. По русскимъ законамъ кратчайшій срокъ означается словами: «при самомъ рожденіи».

Что значитъ *жизнеспособный?* Выраженіе: gliedmässig, употребляемое въ Каролинѣ, какъ принадлежность дѣтоубійства, было объясняемо различно. Мнѣніе Фейста (Berliner, Encycl. Wörterb. d. med. Wiss.) въ этомъ случаѣ имѣетъ несомнѣнное преимущество: онъ соединяетъ понятіе жизнеспособности не только съ извѣстною степенью зрѣлости, но и съ надлежащимъ развитіемъ необходимыхъ для жизни органовъ и отсутствіемъ такихъ уродливостей, которыя дѣлаютъ жизнь невозможною. Болѣзненныя состоянія и уродливости могутъ дѣлать продолженіе жизни также невозможнымъ какъ и незрѣлость, на что и намекаетъ слово gliedmässig. Замѣтимъ здѣсь кстати, что утаиваніе родовъ вообще можетъ быть разсматриваемо какъ признакъ или улика, но отнюдь не составляетъ необходимаго условія дѣтоубійства, потому что часто женщина, скрывая беременность, старается сохранить свою честь отъ нареканія: у самыхъ порочныхъ женщинъ сокрытіе беременности встрѣчается рѣже, чѣмъ у нравственныхъ.

Непзлишнимъ кажется также замѣтить, что о дѣтоубійствѣ близнецовъ ни въ руководствахъ, ни въ законодательныхъ кодексахъ не упоминается.

Понятіе о *плодоубійствѣ* заключаетъ въ себѣ убійство плода, состоящаго въ возрастѣ между предѣлами первыхъ признаковъ движенія и начала зрѣлости и жизнеспособности, и обнимаетъ слѣдовательно пространство времени между 18-й и концомъ 30-й недѣли беременности. Такъ какъ убійство плода должно имѣть опредѣлительный моментъ, то изгнаніе его, какъ необходимое послѣдствіе убійства, есть понятіе однозначащее съ самимъ убійствомъ, потому что рожденный въ этомъ возрастѣ плодъ не можетъ жить внѣ матки; слѣдовательно всеравно родился ли онъ живымъ или мертвымъ. Поэтому и вопросъ о томъ, родился ли плодъ живымъ или мертвымъ, такъ

важный въ отношеніи къ дѣтоубійству, не имѣетъ здѣсь мѣста. Опредѣленіе способности жить, возраста и порочнаго образованія въ этомъ случаѣ можетъ потребоваться только при вопросахъ о правѣ наслѣдства, законности и т. п. на основаніи гражданскихъ законовъ.

Три условія придаютъ убійству и изгнанію плода характеръ самостоятельности: 1) полное убѣжденіе о существованіи плода въ утробѣ женщины; 2) умышленное употребленіе такихъ средствъ, которыя непремѣнно могутъ ускорить ходъ беременности и 3) умерщвленіе плода преждевременными родами.

Кромѣ главныхъ вопросовъ о существованіи беременности и преждевременныхъ родовъ и преступномъ умыслѣ, при обсужденіи отдѣльныхъ случаевъ, надлежитъ имѣть въ виду еще слѣдующее:

1) Могла ли беременная женщина или посторонній человѣкъ и именно въ какомъ періодѣ имѣть убѣжденіе въ беременности?

2) Есть-ли такія средства, которыя навѣрно могутъ ускорить роды?

3) Въ какомъ случаѣ преждевременные роды могутъ быть единственною и исключительною причиною смерти плода?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ сопряжено съ большими затрудненіями; во всякомъ случаѣ жизнеспособность можетъ быть опредѣлена только на основаніи тщательнаго изслѣдованія, въ какомъ періодѣ учинено преступленіе. По римскому праву срокъ 180 дней считался достаточнымъ для утвержденія гражданскихъ правъ за ребенкомъ, при чемъ не требовалось, чтобъ онъ могъ продолжать жизнь. Хотя и были примѣры, что младенцы, родившіеся на 175—180 день, оставались живыми, но они, какъ рѣдкія исключенія, не могутъ служить нормою. Поэтому врачь въ данныхъ случаяхъ долженъ необходимо принимать въ соображеніе совокупность представляющихся обстоятельствъ.

Хотя есть основаніе полагать, что женщина послѣ 30 недѣль можетъ чувствовать беременность, но это не безусловно справедливо, ибо признаки беременности становятся ощутительными не прежде какъ въ 6-мъ, 7-мъ, и 8-мъ мѣсяцахъ. Поэтому умышленное изгнаніе плода оказывается покушеніемъ на преступное дѣйствіе, когда оно можетъ быть доказано чрезъ соображеніе совокупности обстоятельствъ. Возраженіе, что плодопзгоняющія средства употребля-

лись для возстановленія мѣсячнаго очищенія и что женщина не знала о беременности, не легко опровергнуть.

Беременная женщина не знаетъ беременна она однимъ или нѣсколькими плодами, живы ли они или мертвы, правильно образованы или уродливы, способны жить или нѣтъ, и т. п. О беременности она заключаетъ, основываясь на предшествовавшихъ отношеніяхъ ея къ мужчинѣ, на остановившемся мѣсячномъ очищеніи, на возвышеніи живота, наполненіи грудей, движеніи плода и т. п. Но и то и другое и третье въ теченіи весьма долгаго времени суть признаки, еще нерѣшительные. Ко всему этому, если женщина чувствуетъ себя виновною, присоединяется грусть, страхъ, обманутая надежда, стыдъ, отчаяніе и проч. Задумчивая и полупомѣшанная, она болѣе по слѣпому побужденію, чѣмъ по намѣренію рѣшается на убійство. Правда, каждое умышленное изгнаніе плода есть преступленіе; но если вмѣсто плода былъ клубъ, заносъ или уродъ, то можно признать, что подобное существо, лишенное способности быть одушевленнымъ, не можетъ быть и умерщвленнымъ, слѣдовательно не требуетъ и защиты со стороны государства.

Такъ какъ плодоизгоняющія средства дѣйствуютъ на женщину вреднѣе, чѣмъ на самый плодъ, то преступленіе изгнанія плода юридически доказать очень трудно. Если плодъ не найдется, то и нѣтъ улики, даже если были предшествовавшіе роды.

Часть медицинская. Не приводя изложенія содержанія каждой главы медицинской части отдѣльно, потому что она къ намъ не относится и притомъ не можетъ быть изложена въ сокращенномъ видѣ, мы ограничимся слѣдующими извлеченіями.

При изслѣдованіи плодоубійства и дѣтоубійства, врачу принадлежитъ важнѣйшая роль, потому что на его показаніяхъ долженъ основываться судебный приговоръ. Къ изслѣдованію этому относятся:

1) Опредѣленіе и доказательства беременности (средній срокъ до 280 дней).

2) Доказательства родовъ и тождества плода.

3) Опредѣленіе возраста плода. Въ главѣ разсматриваемаго сочиненія, посвященной этому предмету, излагаются физіологическіе признаки плода въ каждомъ мѣсяцѣ беременности отдѣльно, начиная съ перваго мѣсяца. Въ приложенной при семъ таблицѣ (на 53 стр.) показаны размѣры костей плода въ разные періоды беременности.

4) Жизнеспособность плода (не раньше 210 дней послѣ зачатія).

5) Раскрытіе причинъ смерти плода: родился ли плодъ живымъ вообще трудно опредѣлить у плодовъ моложе 8 мѣсяцевъ, потому что легочная проба при слабомъ дыханіи довольно невѣрна. Сверхъ того жизнь при бездыханіи можетъ продолжаться нѣсколько времени, какъ видно изъ движенія, біенія пульса и проч.

6) Обстоятельства, относящіяся къ преступному дѣйствію или небрежности роженицы.

В. А.

Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи. Сочиненіе П. Даневскаго. С.-Пб. 1857 года, въ 8 д. л., 79 стр.

Въ первыхъ трехъ главахъ этой книги содержится краткое историческое обозрѣніе источниковъ мѣстнаго законодательства Остзейскихъ губерній, Бессарабской области и прежней Грузіи. Заглавіе 4-й главы: «О мѣстныхъ законахъ и обычаяхъ инородцевъ и кочевыхъ народовъ, подвластныхъ Россіи.» Сюда относитъ авторъ инородцевъ Ставропольской губерніи, кочевыхъ и осѣдлыхъ, внѣшнихъ или залинейныхъ Магометанъ Закавказскаго края, Киргизовъ Малой, Внутренней и Большой орды, Сибирскихъ инородцевъ, кочующихъ и осѣдлыхъ, и Самоѣдовъ. Содержаніе этой главы составляютъ законы, изданные Русскимъ Правительствомъ о порядкѣ судопроизводства по гражданскимъ тяжбамъ инородцевъ между собою и по дѣламъ о преступленіяхъ, совершенныхъ Киргизами Внутренней орды. Но эти законы едва ли могутъ быть названы въ собственномъ смыслѣ *мѣстными*. Въ противномъ случаѣ слѣдовало бы отнести къ мѣстнымъ законамъ всѣ постановленія, изданныя для отдѣльныхъ мѣстностей: мѣстнымъ закономъ можно было бы назвать, напримѣръ, особенныя учрежденія, изданныя для нѣкоторыхъ Коммерческихъ Судовъ, особенныя правила для производства безспорныхъ взысканій въ Петербургѣ, особенныя правила о производствѣ казенныхъ подрядовъ въ Сибири и Финляндіи, объ опекѣ надъ дѣтьми Татаръ Таврической губерніи и т. под. Такимъ образомъ область мѣстныхъ законовъ

расширилась бы чрезмѣрно и въ нее вошло бы всякое изъятіе изъ общихъ правилъ, постановленное дѣйствующимъ законодательствомъ сообразно условіямъ той или другой мѣстности, того или другаго племени. Подъ словомъ: «мѣстные законы» мы привыкли, напротивъ того, разумѣть право, самобытно развившееся въ народѣ или принятое имъ для себя и потомъ удержавшееся въ немъ, не смотря на соединеніе его съ другими племенами подъ одною политическою властію. Въ этомъ смыслѣ мѣстные законы должны быть отличены отъ учрежденій, изданныхъ центральнымъ правительствомъ для отдѣльной мѣстности. Инородцы, о которыхъ говоритъ г. Даневскій, разбираются въ судахъ своихъ по своимъ древнимъ обычаямъ, законамъ и обрядамъ, и эти то обычаи, законы и обряды и составляютъ ихъ мѣстное право, имѣющее, безъ сомнѣнія, главнымъ источникомъ устное преданіе и общее обыкновеніе; въ такомъ смыслѣ законъ (ст. 1228 т. IX Св. Зак.) предполагаетъ существованіе особеннаго Свода степныхъ законовъ и обычаевъ; но этотъ Сводъ, если и существуетъ, не былъ изданъ для всеобщаго свѣдѣнія. Впрочемъ 4-я глава книги не даетъ полнаго свѣдѣнія о всѣхъ инородцахъ, которые въ особенныхъ судахъ разбираются по своимъ законамъ и обычаямъ: въ ней не упоминается, напр. о судопроизводствѣ между Астраханскими Калмыками, которые разбираются въ Улусныхъ судахъ и въ Судѣ Зарго также по древнимъ Калмыцкимъ постановленіямъ (Зак. о Суд. Гр. ст. 1537); о судѣ по дѣламъ Калмыковъ Войска Донскаго, который производится по собственнымъ ихъ обычаямъ (тамъ же ст. 1648); о судѣ по дѣламъ Астраханскихъ Армянъ, Башкирцевъ и Мещеряковъ; объ особомъ разбирательствѣ дѣлъ о раздѣлѣ наслѣдства у Магометанъ Таврической губерніи по ихъ закону (Св. Зак. Гр., ст. 1161, 1338, 1339). Наконецъ, въ сочиненіи г. Даневскаго упоминается не о всѣхъ мѣстныхъ законахъ, дѣйствующихъ или дѣйствовавшихъ прежде въ разныхъ частяхъ Россійской Имперіи. Авторъ не говоритъ, напримѣръ, вовсе о Литовскомъ Статутѣ, хотя до новѣйшаго времени Литовскій Статутъ сохранялъ почти исключительную силу и дѣйствіе въ Малороссіи и присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ; въ послѣднихъ онъ и донынѣ принимается въ руководство, вмѣстѣ съ конституціями Польскихъ королей, по дѣламъ прежняго времени; а для губерній Черниговской и Полтавской

нѣкоторыя постановленія Литовскаго Статута оставлены постоянным закономъ и включены въ составъ общаго Свода. Городское и мѣщанское сословіе Малороссіи, по привилегіямъ, даннымъ Польскими королями, издревле пользовалось *Магдебургскимъ правомъ*,— слово, подъ которымъ въ началѣ разумѣлось право городовъ управляться по собственнымъ законамъ, дополняя и развивая ихъ автономически, а въ послѣдствіи разумѣлись частныя собранія постановленій, приговоровъ и обычаевъ, взятыхъ изъ городоваго Германскаго права. Въ этомъ видѣ Магдебургское право послужило отчасти источникомъ самаго Литовскаго Статута, но и при Статутѣ оставалось до 1831 года дѣйствующимъ закономъ въ Малороссіи. Сверхъ того извѣстно, что нѣкоторымъ племенамъ на Кавказѣ предоставлено разбираться въ ихъ дѣлахъ своими судами по Адату и Шаріату; извѣстно, что въ 1779 г. Обществу Армянъ, вышедшихъ изъ Крыма и поселившихся въ бывшей Азовской губерніи, дозволено было учредить у себя особенную Ратушу подъ названіемъ Католическаго Суда и въ ней производить судъ и расправу по ихъ правамъ и обыкновеніямъ. Это право въ 1784 и 1799 годахъ было подтверждено всѣмъ Грекамъ и Армянамъ, поселившимся въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, при чемъ дозволено имъ имѣть свои суды Греческаго и Римскаго Закона и свой Армянскій Магистратъ, учрежденный въ городѣ Нахичевани (на Дону). Нахичеванское армянское общество и донынѣ, по торговымъ дѣламъ между собою, разбирается по особымъ своимъ законамъ. Законы эти, выбранные изъ Юстиніанова Уложенія, изложены въ видѣ кодекса, извѣстнаго подъ названіемъ *Армянскаго Судебника* и переведеннаго по распоряженію Правительства, на Русскій языкъ при Азіятскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Сюда же можно прибавить еще мѣстные коммерческіе обычаи, которые могутъ быть принимаемы въ руководство при рѣшеніи дѣлъ торговыхъ Коммерческими Судами; мѣстныя Персидскія обыкновенія и отчасти Вахтанговы законы, которыми руководствуются суды Россійской Миссіи при разборѣ тяжебъ между русскими подданными, торгующими въ Персіи, и Французскій Уставъ Мореходства 1581 года, по которому до изданія новаго Консульскаго Устава разбирались въ Русскихъ Консульствахъ споры шкиперовъ съ служителями или хозяиномъ на русскомъ суднѣ.

Первыя три главы книги вкратцѣ даютъ понятіе объ источникахъ мѣстныхъ законовъ Остзейскаго Края, Бессарабскихъ и Грузинскихъ. Но нельзя не пожалѣть, что авторъ ограничился одними только этими мѣстностями, не указавъ на источники всѣхъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Россіи: тогда сочиненіе его имѣло бы полноту, которой недостаетъ ему въ настоящемъ его видѣ.

Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изданіе Археографической Коммиссіи, подъ редакціей члена Коммиссіи Н. Калачова, томъ первый. С.П.Б. 1857 г. Цѣна 2 р. сер. (*)

Новое изданіе Археографической Коммиссіи составилось изъ коллекцій актовъ, собранныхъ г. Калачовымъ, во время археографическаго путешествія его по Россіи, изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и отъ частныхъ лицъ. Кромѣ того въ составъ этой коллекціи вошли матеріалы, доставленные въ Коммисію владѣльцами фамильныхъ актовъ, снятые въ библіотекахъ: Публичной, Академической, Синодальной, въ Архивахъ Старыхъ Дѣлъ и бывшей Иностранной Коллегіи, и полученные г. Кавелинымъ отъ нѣкоторыхъ студентовъ Московскаго Университета. Напечатанный томъ составляетъ еще начало всего предполагаемаго изданія; но и содержаніе этого перваго тома весьма богато и разнообразно. Прежнее изданіе Юридическихъ актовъ 1838 года названо было «Собраніемъ формъ старинnаго дѣлопроизводства». Нынѣшнее названіе: «Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи», ближе и полнѣе выражаетъ то значеніе, которое имѣютъ для науки памятники юридической жизни. Мало сказать, что они служатъ необходимымъ пособіемъ при изученіи древняго законодательства: въ нихъ выражаются отжившія юридическія начала, которыя не

(*) Разборъ этотъ былъ написанъ вскорѣ по выходѣ «Актовъ», но не былъ до сихъ поръ напечатанъ; между тѣмъ мы увѣрены, что занимающіеся исторіей русскаго законодательства прочтутъ его съ удовольствіемъ и пользой. *Редакторъ.*

всегда можно отыскать и въ памятникахъ законодательныхъ; выражается жизненный процессъ древняго общества съ ежедневными его интересами, которые не только для юриста, но и для историка, нерѣдко бываютъ любопытнѣе интересовъ политическихъ; въ нихъ является передъ глазами читателя живой человѣкъ минувшаго времени съ тѣмъ, что занимало его въ сферѣ гражданскаго быта.

Въ этой статьѣ мы постараемся представить читателямъ по возможности полный очеркъ содержанія новыхъ актовъ.

Начнемъ съ суда. Прежде всего останавливаемся на льготныхъ жалованныхъ грамотахъ. Всѣ акты этого рода относятся къ тому періоду, когда система такъ называемыхъ кормленій была еще во всей своей силѣ, и состоятъ въ необходимой связи съ этой системой. Самая ранняя изъ княжескихъ грамотъ, въ которыхъ жалуется право суда, нераздѣльно отъ владѣнія вотчиннаго, принадлежитъ ко второй половинѣ XIV столѣтія (52, I), самая поздняя къ первой половинѣ XVI столѣтія (31, XXIII). На оборотѣ одной, писанной въ 1511 году, отмѣчено подтвержденіе, данное царемъ Михаиломъ, но тутъ же сказано, что старую грамоту велѣно переписать «по новому уложенію». Судныя льготы относятся большею частью къ землямъ монастырскимъ; только въ трехъ грамотахъ онѣ предоставляются частнымъ лицамъ (31, XX; 44, I; 52, 1). Формула, въ которой выражается при этомъ случаѣ судная льгота, почти одинакова: «а кто у нихъ въ той деревнѣ учнутъ жити людей и крестьянъ», или «а кто имѣтъ жити людей старожильцевъ....и наши намѣстници и волостели и ихъ тіуни тѣхъ людей не судятъ ни въ чемъ и кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не вылаютъ къ нимъ ни по что, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей самъ....или кому прикажетъ». Но формула эта дополняется или измѣняется смотря по тому, расширяется или ограничивается предоставляемое право. Такъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ князь удерживаетъ у себя только дѣла о душегубствѣ, въ другихъ кромѣ того разбой и татьбу съ поличнымъ, въ иныхъ предоставляется архимандриту судить дѣла послѣдняго рода, съ доклада князю или его боярину введенному (31, XIV, XXI). Въ большей части грамотъ дается полная льгота отъ всякаго сбора и простирается на всѣхъ людей, но въ иныхъ случаяхъ князь, соблюдая свою выгоду, прямо

запрещаетъ владѣльцу перезывать къ себѣ людей изъ его княженія, волостей и вотчинъ, или исключаетъ ихъ изъ льготы, или ограничиваетъ льготу для пришлыхъ людей только тѣмъ временемъ, пока они «отсидятъ свой урокъ.» Есть грамоты, которыми владѣлецъ обязанъ платить князю оброкъ за дань, и за всѣ пошлины давать одинъ или два корма въ годъ намѣстнику или волостелю съ тіуномъ. Существенною и можетъ быть самою важною частью суда было по понятіямъ того времени право на судебные сборы и пошлины: отъ того опредѣленіе подсудности издревле составляло и отчасти донынѣ составляетъ у насъ предметъ запутанныхъ споровъ и пререканій. Во всѣхъ почти грамотахъ князь удерживаетъ для себя и для своихъ намѣстниковъ право участвовать въ судѣ смѣсномъ: «лучится судъ смѣсной монастырскимъ людямъ съ городскими или съ волостными, и намѣстницы мои и волостели и ихъ тіуни судятъ, а игуменъ или кому прикажетъ съ ними судитъ». Доходы при этомъ распредѣляются такимъ образомъ, что или судьи «прибыткомъ ся дѣлятъ на полы», или каждая власть особо «вѣдаетъ своего человѣка и въ правдѣ и въ винѣ.» Искъ на самаго вотчинника или его прикащика князь судитъ самъ или чрезъ своего боярина введеннаго; а въ одной изъ грамотъ (31, VI) великая княгиня Софья на случай такого иска привлекаетъ къ своему суду и игумена; въ другой (52, I), данной на имя чернеца Саввы, великій князь предоставляетъ себѣ «учинить ему исправу» совокупно съ митрополитомъ. Три грамоты XVII столѣтія на имя шуйскихъ посадскихъ людей служатъ новымъ доказательствомъ того, что въ устройствѣ суда и расправы правительство руководствовалось не постояннымъ началомъ, а случайными побужденіями или финансовою цѣлью. Подъ 1615 годомъ видимъ, что Шуянамъ, по просьбѣ ихъ, подтверждается право, данное уставною грамотой 1606 и 1614 годовъ, судиться между собою мимо воеводъ, выборными цѣловальниками, и присылать собираемыя пошлины въ Москву погодно. Вскорѣ послѣ того судъ и расправа Шуянъ между собой и съ уѣздными людьми возложены на новаго воеводу Змѣева, съ тѣмъ, чтобъ онъ собиралъ судныя пошлины и присылалъ въ Москву; но какъ Змѣевъ оказался неисправнымъ въ присылкѣ денегъ, то съ 1620 года оставлены въ его вѣдѣніи одни только судныя дѣла до десяти рублей цѣною, а всѣ дѣла высшей цѣнности велѣно судить на Москвѣ въ Галицкой Чети;

посадскимъ людямъ вовсе уже не дается право на судъ, но на нихъ возложена обязанность записывать чрезъ земскаго дьячка въ книгу пошлины, собираемыя воеводою, для повѣрки. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство строго запрещаетъ въ большихъ дѣлахъ приходить на судъ къ воеводѣ. Въ слѣдующемъ, 1621-мъ году, видимъ, что воевода отставленъ и посадскимъ людямъ велѣно ходить подъ судъ въ малыхъ дѣлахъ къ губному старостѣ, а для сбора пошлинъ выбрать цѣловальниковъ, которые должны для того сидѣть въ судѣ со старостой. Чрезъ три мѣсяца послѣ того опять введенъ прежній порядокъ: присланъ новый воевода и ему предоставленъ судъ въ дѣлахъ ниже 10 рублей.

Трудно себѣ представить что либо запутаннѣе подсудности въ XVII столѣтіи. Ранѣе этого времени мы еще видимъ, что подсудность распредѣляется по какому то началу, которое можно назвать механическимъ; видимъ, что отдѣльныя мѣстности съ живущими на нихъ людьми пріурочиваются такъ сказать къ личностямъ правителей владѣльцевъ; судъ не отдѣляется отъ власти, а понятіе о власти, повидимому, не отдѣляется отъ понятія о владѣніи и собственности. Въ XVII столѣтіи система кормленія уже оставлена; несудимыя льготныя грамоты вотчинникамъ отмѣнены; правительство, какъ бы смутно сознавая потребность новаго, болѣе правильнаго порядка, ищетъ новыхъ началъ, но ни одного не держится съ тою рѣшимостью и послѣдовательностію, которыя свойственны только твердой идеѣ государственной. Въ Московскихъ Приказахъ есть еще нѣчто похожее на систему, но и эта система построилась какъ то сама собою, по самымъ разнороднымъ началамъ. Вѣдомства Приказовъ не всегда были строго разграничены, притомъ каждый Приказъ дѣйствовалъ самостоятельно, отдѣльно, такъ что съ этой точки зрѣнія невозможно и назвать ихъ въ строгомъ смыслѣ центральными мѣстами: сами они нуждались въ центральной власти или въ центральномъ началѣ, которое держало бы ихъ въ равновѣсіи. Въ самихъ Приказахъ не замѣчаемъ ничего похожаго на правильную юрисдикцію; понятіе объ апелляціи еще не существуетъ; въ жалобахъ ищущихъ суда и расправы слышится большею частью не сознательное: разсуди! но безсознательное: укажи, пожалуй, или помилуй! И такъ не мудрено, что, при отсутствіи твердыхъ и опредѣленныхъ началъ подсудности, порядки смѣнялись и разстроивались

непрерывно, и исключенія изъ общаго вѣдомства были дѣломъ обыкновеннымъ. Многимъ хотѣлось устроить свою подсудность по своему желанію, иному прямо въ Москвѣ, другому у того воеводы, у кого казалось лучше; всякому было позволено просить себѣ милости, къ чему можно было отыскать много предлоговъ, а образцы на милость этого рода конечно всегда находились многочисленные. Указныя грамоты 1677—1700 годовъ (55, XXVIII, XXXIX, XLIX, LII, LVI; 56, II; 58, I, II, V) представляютъ примѣры того, какимъ порядкомъ давались подобныя привилегіи. Истецъ или отвѣтчикъ обращался въ Приказъ съ просьбой, что такой-то воевода съ нимъ въ недружбѣ, а съ противникомъ его въ дружбѣ и хлѣбосольствѣ, и дѣло предписывалось передать къ другому воеводѣ или переслать въ Москву: незамѣтно, чтобы въ такихъ случаяхъ наводились какія либо справки о справедливости показаній просителя; случалось, что въ теченіи одного года одно и то же дѣло, по просьбѣ той и другой стороны, нѣсколько разъ предписывалось передать изъ одного города въ другой: въ такомъ случаѣ ясно, что справокъ не было: нельзя было истребовать ихъ въ короткое время. Такъ въ 1690 году, по дѣлу о покражѣ у вдовы Игнатьевой, воръ приведенъ былъ въ Сапожокъ и тамъ распрошенъ, но тамошній воевода не смѣлъ безъ указу послать въ Ряжской уѣздъ за оговорными людьми: по этому поводу и по просьбѣ господина тѣхъ людей Макшѣева, грамотой изъ Сыскнаго Приказа велѣно передать все дѣло для розыска въ Коломну. Вслѣдъ за тѣмъ Игнатьева стала отводить Коломенскаго воеводу недружбою съ ея сыномъ: тогда велѣно взять дѣло съ колодникомъ въ Пронскъ; но когда и Пронскаго воеводу Макшѣевъ заподозрилъ въ дружбѣ съ Игнатьевою,—изъ Сыскнаго Приказа предписано производить дѣло въ Переславлѣ Рязанскомъ.—Въ 1684 году дѣло о грабежѣ крестьяниномъ помѣщика Филитова крестьянина, принадлежавшаго Селиванову, по просьбѣ сего послѣдняго, велѣно розыскивать въ Переславлѣ; тогда Филитовъ, изъ рейтаровъ, заподозрѣвъ Переславскаго воеводу, прислъ дать ему судъ на Москвѣ въ Рейтарскомъ Приказѣ, и изъ Рейтарскаго Приказу царскимъ именемъ велѣно прислать туда дѣло; а въ слѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ Селиванова, отъ Сыскнаго Приказа, предписано Переславскому воеводѣ, розыскавъ дѣло, прислать его въ Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ. Въ иныхъ случаяхъ привилегія распространялась на всѣхъ людей и крестьянъ просителя:

приказывалось вѣдать ихъ всякимъ судомъ и расправою, или только губными дѣлами не въ томъ городѣ, къ которому приписана деревня, а въ другомъ,—по недружбѣ воеводы, или просто отъ того, что по увѣренію просителя «крестьянамъ его отъ приказныхъ и присылныхъ людей чинятца убытки и разоренье». Такъ на крестьянъ кн. Козловскаго не велѣно было вовсе давать никому суда и управы, кромѣ татьбы и разбоя съ поличнымъ, покуда помѣщикъ будетъ на Сибирской службѣ воеводою. Въ 1696 г., по челобитью всѣхъ Вологодскихъ монастырей, велѣно всѣхъ слугъ и крестьянъ ихъ вѣдать въ большихъ искахъ въ Приказѣ Большаго Дворца.

Изъ числа судныхъ дѣлъ XVII-го столѣтія одно—о завладѣніи землею, разбиралось въ съѣзжей избѣ,—у стольника и воеводы съ подьячимъ. Въ приказной избѣ разрѣшены дѣла о подтопѣ берега мельницей и о безчестіи и побояхъ: въ послѣднемъ дѣлѣ истецъ выставлялъ свидѣтелемъ *попа*, въ слѣдствіе чего изъ Переславской приказной избы отъ воеводы послана была память въ духовный Приказъ Рязанской митрополіи, гдѣ и отобрано было показаніе отъ попа предъ судіями преображенскаго монастыря (74,87). Споръ о холопѣ рѣшался въ Холопьемъ Приказѣ у стольника съ товарищи. Искъ на подьячемъ Мастерской Палаты по роспискѣ былъ предъявленъ въ той же Палатѣ; въ Аптекарскомъ Приказѣ судился у боярина Морозова искъ о безчестьѣ на лекарѣ того Приказа, вмѣстѣ со встрѣчнымъ искомъ. Въ 1620 году искъ князя Барятинскаго о вотчинѣ, неправильно утвержденной за монастыремъ, былъ предъявленъ въ Дворцовомъ Приказѣ у патріарха передъ дворецкимъ да дьякомъ и разрѣшенъ патріархомъ Филаретомъ. Онъ же разбиралъ споръ о правѣ на рыбныя ловли между своимъ домовымъ монастыремъ и Суздальскимъ Евѳиміевымъ, и рѣшилъ дѣло въ пользу перваго; но архимандритъ Суздальскаго монастыря возобновилъ споръ въ Приказѣ Большаго Дворца, гдѣ, по царскому вершенью, снова было ему отказано. Въ 1678 году Трофимъ Жуковъ билъ челомъ патріарху на зятя своего, что не возвращаетъ ему по рядной приданаго по смерти бездѣтной жены, и патріархъ послалъ на отвѣтчика зазывную грамоту къ Инсарскому воеводѣ, чтобъ учинилъ ему срокъ стать въ Патріаршемъ Разрядѣ предъ думнымъ дворяниномъ, приказнымъ старцемъ и дьякомъ.

О порядкѣ, какимъ образомъ производился судъ и о существѣ спорныхъ дѣлъ даютъ понятіе правыя грамоты (числомъ 10) и рѣшенія, въ актахъ разнаго рода прописанныя. Сверхъ того въ актахъ г. Калачова въ первый разъ встрѣчаются такъ называемыя *дѣла*, то есть производства разныхъ мѣстъ и лицъ: къ сожалѣнію, между ними немного дѣлъ собственно судныхъ или розыскныхъ. Во всѣхъ этихъ актахъ, изъ которыхъ 6 относятся къ XV-му, 5 къ XVI-му и 11 къ XVII-му столѣтію, предметъ спора составляютъ по большей части поземельная собственность и завладѣніе землею (52, I—III, VI; 65, III; 103, I, II), недопущеніе до владѣнія по купчей, съ насиліемъ (52, IV), названіе и принадлежность къ дачѣ спорнаго угодья (52, VIII; 103, III), дѣйствительность вклада въ монастырь (52, IX), право на рыбныя ловли (52, X). Остальныя дѣла—объ уплатѣ по закладной и о составленіи фальшиваго акта (52, V, VII), объ убыткахъ и безчестьи (87, 104), о подтопѣ берега мельницею (97), о принадлежности тяглаго человѣка къ посаду (55, XXXV), о холопѣ (13), о покражѣ (55, XXI; 100), и о убійствѣ (102).

По дѣламъ XV и XVI ст. судъ производился великимъ княземъ и «по грамотѣ великаго князя» судьей, боярином, дворецкимъ, «по слову великаго князя» писцомъ, и въ одномъ случаѣ, по спору митрополичьяго посельскаго съ княжескимъ,—судьями съѣзжими: дворецкимъ отъ митрополита и княжескимъ судьей. Вездѣ упоминается о бывшихъ на судѣ *мужахъ*, но ничто не даетъ повода предполагать, чтобъ это были люди выборные; напротивъ можно думать, что назначеніе ихъ зависѣло отъ произвола судьи или отъ случайныхъ обстоятельствъ; только званіе этихъ свидѣтелей суда было не одинаково смотря по тому, кто производилъ судъ. Такъ на великокняжескомъ судѣ означены по именамъ бояре, окольничій, дьяки, иногда просто мужи; у судей бо̀льшею частью значатся только имена и прозванія присутствовавшихъ: у боярина и дворецкаго—дѣти боярскія; у писцовъ—товарищи ихъ и подьячіе; у съѣзжихъ судей—сотскій и десятскій, при четырехъ другихъ свидѣтеляхъ. Вообще число свидѣтелей неодинаково во всѣхъ случаяхъ—отъ 2 до 6. Судья въ иныхъ случаяхъ самъ постановляетъ рѣшеніе, въ другихъ ставитъ истцевъ передъ великимъ княземъ: это дѣлается или по усмотрѣнію судьи («и о семъ судья

ялся доложити государя своего великаго князя»), или по предписанію самаго великаго князя, даннаго при самомъ назначеніи судей («и вы бы ихъ судили да судъ свой скажите мнѣ, поставя обоихъ истцовъ»), или по особой привилегіи, данной монастырю либо частному лицу и его людямъ, или наконецъ потому, что съѣзжіе судьи «зарядили себѣ третьяго великаго князя». Великій князь въ такомъ случаѣ не повторяетъ суда, а слушаетъ списокъ, потомъ спрашиваетъ: «таковъ ли былъ вамъ судъ», и сказываетъ свое рѣшенье; на судѣ у князя присутствуютъ особые мужи. Иногда судья, не ставя истцовъ передъ великаго князя, сказываетъ судъ «по слову его». Положеніе судьи и отношеніе его къ тяжущимся представляется вовсе не пассивнымъ: это не простой посредникъ, выслушивающій судныя рѣчи тяжущихся, но лицо, принимающее живое участіе на судѣ: къ нему обращены всѣ показанія сторонъ; форма суда выражается именно въ распросѣ и этимъ распросомъ дается суду направленіе. Здѣсь видно какъ будто желаніе узнать сущую правду, добиться матеріальной истины; съ этой цѣлью согласуется и первобытная простота производства, еще неуспѣвшая облечься въ приказныя формальности. Вопросы, предлагаемые судьей, въ родѣ слѣдующихъ: «твоя ли это рука? отъ чего ты до сѣхъ мѣстъ молчалъ? гдѣ у тебя крѣпость? чѣмъ ты уличаешь противника? кому вѣдомо что такъ было?—скажи что нибудь одно», и т. под. При всякой почти ссылкѣ одной стороны на доказательство, судья спрашиваетъ другую сторону: шлешься ли и ты?—вопросъ, въ которомъ выражается намѣреніе утвердить согласіемъ обѣихъ сторонъ формальную достовѣрность и силу доказательства. Судья постоянно обращаетъ вниманіе на противорѣчіе въ рѣчахъ, и при рѣшеніи дѣла «размолвка» или «росписка» служитъ иногда главнымъ основаніемъ обвиненія. Тяжущіеся являются на судъ безъ приготовленій, не всегда приносятъ съ собой и свои крѣпости; но по мѣрѣ того какъ дѣлается ссылка на доказательства, судья даетъ имъ срокъ поставить передъ собой свидѣтеля или положить крѣпость. Въ земляныхъ дѣлахъ судъ производится на мѣстѣ,—на спорной землѣ становятся и судьи и тяжущіеся; если нуженъ осмотръ и освидѣтельствованіе межи, старожильцы указываютъ ее и за ними идутъ судьи, такъ что и въ производствѣ суда и въ собраніи доказательствъ и въ постановленіи рѣшенія видно непосредствен-

ное участіе судьи: здѣсь нѣтъ еще слѣдовъ приказнаго канцелярскаго дѣла. Въ судныхъ актахъ XVII-го столѣтія формы становятся сложнѣе и участіе судьи въ спорѣ почти незамѣтно: судъ принимаетъ видъ юридическаго спора тяжущихся передъ судьей, который выслушиваетъ ихъ, нисколько имъ не содѣйствуя. Здѣсь вступаетъ уже въ силу приказный, канцелярскій элементъ. Досмотръ и доѣздъ, освидѣтельствованіе и изслѣдованіе на мѣстѣ совершаются безъ прямаго участія судей, особо отъ суда, и облекаются потомъ въ форму письменнаго акта, представляемаго на судъ. Судьи въ Приказахъ постановляютъ рѣшеніе, «слушавъ суднаго дѣла и выписки». Въ составленіи приговора прямое участіе судьи также становится болѣе и болѣе сомнительнымъ, потому что въ Приказахъ сидятъ дьяки, которымъ принадлежитъ вся письменная часть, наука грамотная и вѣдѣніе законовъ. Нѣтъ основательныхъ поводовъ заключить, что судопроизводство воеводское и волостное отличалось въ этомъ отношеніи отъ того порядка, который развился преимущественно въ Московскихъ Приказахъ. Напротивъ, немногіе примѣры, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ, что приказный порядокъ служитъ образцомъ для дѣлопроизводства въ областномъ управленіи.

Изъ доказательствъ, которыми стороны подтверждаютъ на судѣ свое право, всего чаще встрѣчаются крѣпости и послушество. За неимѣніемъ крѣпостей на землю обѣ стороны указываютъ на старожильцевъ, свидѣтельствующихъ о владѣніи, и въ такомъ случаѣ преимущество отдается тѣмъ показаніямъ, которыми удостовѣряется владѣніе за бо́льшее число лѣтъ. Впрочемъ ссылка отвѣтчика на старожильцевъ и знахарей принимается и тогда, когда истцомъ представлены крѣпости на спорную землю. Въ случаѣ спора о подлинности купчей или кабалы, допрашиваются послухи и дьякъ, которые подъ нею подписались, и дѣлается справка съ книгами, въ которыхъ она записана. Формальное значеніе послуховъ, принятыхъ въ этомъ качествѣ обѣими сторонами, всегда строго отличается отъ общей ссылки, какъ скоро одна сторона, не давая полнаго довѣрія послухамъ другой, объявляетъ, что шлется на нихъ только въ послушество. Для того, чтобы ссылка имѣла силу общей правды, надлежало, чтобы стороны, одна утверждая, а другая отрицая одно и то же событіе, обѣ равно положились въ доказатель-

ство на показаніе одного и того же лица. Какъ особый видъ ссылки встрѣчается еще ссылка *изъ виновата*: когда истецъ или отвѣтчикъ или оба вмѣстѣ, ссылаясь на доказательство, сами желали придать ему въ отношеніи къ себѣ рѣшительную силу: это значило, что они хотятъ быть правы и виноваты смотря по тому, что окажется. Въ XVI и XVII столѣтіи это доказательство, по видимому, было весьма употребительно: къ нему отнесено нѣсколько особыхъ статей и въ Уложеніи 1649 года. Изъ виноватыхъ ссылались и не на однихъ свидѣтелей: на обыскъ, на справку съ другимъ дѣломъ, на письменный документъ. Въ одномъ дѣлѣ отвѣтчикъ, доказывая, что въ закладной деревнѣ было строеніе, разоренное залогодержателемъ, проситъ дать ему изъ виноватыхъ: «ззорщика, буде найдетъ на тѣхъ деревняхъ хоромы, коп въ кабалѣ писаны, и язъ тѣмъ и виноватъ» (стр. 225, 326, 648). Въ правой грамотѣ 1547 г. (52, V) упоминается о *полѣ*: въ одномъ мѣстѣ требованіе поля представляется какъ будто уловкою отвѣтчика, который, чувствуя, что его уличаютъ въ подлогѣ и не зная, чѣмъ оправдать себя, проситъ поля съ приставомъ, недѣльщикомъ, истцомъ и понятыми въ томъ, что они при выемкѣ въ домѣ его подкинули къ нему улику; съ кабальными послухами и дьякомъ въ томъ, что они фальшиво подтвердили дѣйствительность записи, отъ которой онъ отговаривался; въ другомъ мѣстѣ дьякъ, отрекаясь отъ своей руки подъ кабалой, которая оказалась фальшивою, просплъ поля съ отвѣтчикомъ, представившимъ эту кабалу за подлинную. Здѣсь кто требовалъ поля, желалъ, по видимому, показать этимъ, что онъ считаетъ себя правымъ и стоптъ на своемъ. Есть три случая, въ которыхъ судьи признаютъ показаніе старожильцевъ, сдѣланное по ссылкѣ одной стороны, неопровержимымъ, потому что другая сторона не проспла поля, или старожильцы другой стороны «непоймались съ ними за поле»; даже сила общей правды окончательно утверждается тѣмъ, что сторона, противъ которой она показана, не проспла съ нею поля и цѣлованья (Судн. д. 1481—1555 год.). Въ дѣлахъ о границахъ владѣнія указаніе ихъ сторонними людьми и старожильцами происходитъ въ присутствіи суда; когда нужно привесть въ извѣстность фактъ, утверждаемый стороною, посредствомъ осмотра, это дѣлается чрезъ пристава. Такъ въ одномъ дѣлѣ истецъ доказываетъ, что должникъ его хочетъ составить подложный актъ объ

уплатѣ по закладной: «у себя на подворьѣ наряжаетъ съ подпищики кабалы выкупные и записи нарядные». Тогда, по челобитью его, ему данъ приставъ да три недѣльщика и велѣно имъ ѣхать съ истцомъ на дворъ къ должнику искать у него подписчиковъ и письма подписною кабалъ (стр. 193). Обыскъ былъ сдѣланъ при понятыхъ и найденныя кабалы, оказавшіяся подозрительными, запечатаны въ ширинку и отданы «за понятыхъ людей за добрыхъ». Въ другомъ дѣлѣ (стр. 204) истецъ, доказывая что должникъ его раззоряетъ заложенную вотчину и рубитъ въ ней лѣсъ, проситъ дать ему «пристава съ записью на полчное».

Поручительство служитъ главнымъ средствомъ къ обезпеченію исполненія какъ въ предварительныхъ, такъ и въ окончательныхъ распоряженіяхъ суда. Для призыва на судъ отвѣтчика требовалось собрать по немъ поручную запись (89). Послѣ суда до вершенья истецъ и отвѣтчикъ давались на поруки съ записями (стр. 649). Когда при исполненіи рѣшенія выдавалась выпись на правежъ, то и правежъ производился съ поручною записью, которую собиралъ по себѣ плательщикъ (55, LVIII): взысканіе обращалось на его имѣніе тогда уже, когда онъ, выстоявъ на правежѣ указное время, объявлялъ, что поруки и переводу по немъ нѣтъ и что новаго срока на платежъ ему ненадобно (прав. грам. XVI ст. стр. 191, 229). Наказаннаго вора отпускали на мѣсто жительства подъ чистые поруки съ записью, что онъ впредь воровать не станетъ (100). Для обезпеченія предполагавшейся отвѣтственности дворы и животы оговорныхъ людей описывались, запечатывались и отдавались на сохраненіе окольнымъ людямъ, съ поруками (55, X). Если человѣка, котораго требовалось привесть, не находили на мѣстѣ жительства, то вмѣсто него брались отъ помѣщика или изъ деревни правые люди и крестьяне (55, I; 80, XI, XIV; 102). На крѣпостныхъ людяхъ и крестьянахъ правилось взысканіе, положенное на помѣщика, если самъ онъ укрывался отъ исполненія приговора (55, XLV и стр. 633).

Самый полный и любопытный образецъ приказнаго суда представляетъ судное дѣло 1646 года объ убыткахъ и о безчестьи по взаимнымъ искамъ иностранцевъ мастера кружевнаго дѣла Томсона и лекаря Аптекарскаго Приказа Роланта. Судьей былъ начальникъ Аптекарскаго Приказа боярин Морозовъ. Объ стороны отдавали

искъ другъ другу на душу, и одна подавала на судъ 5 ссылочныхъ памятей: на свидѣтелей, на письменную явку и на справку изъ прежняго дѣла; но крестнаго цѣлованья никому дано не было, и свидѣтели, на которыхъ одна сторона слалась изъ виновата, а другая въ послушество, не были спрошены, а въ основаніе приговора приняты исключительно судныя рѣчи: одна сторона (лекарь того же Приказа, въ которомъ производился судъ) оправлена, а другая обвинена, по умозаключенію, основанному на *роспискѣ* и *размолвкѣ* отвѣтчика. Въ этомъ умозаключеніи нѣтъ одной посылки, которая по юридическимъ понятіямъ нашего времени, почиталась бы необходимою. Приговору недостаетъ фактической основы, и судья повидимому объ ней не заботится, разсуждая о показаніяхъ самихъ сторонъ и о томъ, которая изъ нихъ заслуживаетъ болѣе вѣроятія. Томсонъ обвиненъ въ искѣ Роланта о безчестьи, хотя осталось неразъясненнымъ, дѣйствительно ли онъ Томсонъ «лаялъ Роланта всякою неподобною лаею и билъ до крови»; но Томсонъ разрознилъ рѣчи свои въ многихъ статьяхъ: сперва сказалъ, что не было у него съ истцомъ никакой драки, а потомъ, что драка была; не хотѣлъ слаться изъ виноватыхъ на свидѣтелей истца, потому что они ему недруги, а между тѣмъ прежде по другому дѣлу слался на одного изъ нихъ въ общую ссылку, а другому дался на поручительство: на этихъ основаніяхъ велѣно доправить на Томсонѣ тридцать рублей безчестья, меньше прежняго, что было присуждено Роланту по подобному дѣлу съ другимъ отвѣтчикомъ, потому что Томсонъ человѣкъ небогатый, «а впредь ему Роланту сесь приговоръ о безчестьѣ не примѣръ и не образецъ». Томсону же отказано въ его искѣ о безчестьи «за неподобную лаю Роланта, потому-что ссылки въ томъ у него ни на кого не было», а въ искѣ объ убыткахъ отъ невозвращенія заклада отказано, потому что весь закладъ не стоилъ того сколько показано убытковъ.

О судѣ третьихъ упоминается подъ 1432 годомъ въ грамотѣ, данной Троицкому монастырю на землю княгиней Аграфеною. Здѣсь постановлено, что въ случаѣ споровъ монастырскаго прикащика съ княгининымъ будетъ имъ третьимъ монастырской игуменъ. Въ 1462 году съѣзжіе судьи судили судъ, зарядивъ себѣ третьяго, великаго князя. Изъ XVII-го столѣтія есть нѣсколько записей (111, 112, III, VII), въ которыхъ стороны договариваются

положить запись за третьяго, который долженъ выдать его въ случаѣ спора «правому на виноватаго, съ воеводскаго докладу, при добрыхъ людяхъ», или спорщиковъ «во всемъ развести въ правду». Въ третейскихъ записяхъ, писанныхъ между 1679 и 1691 годами, стороны, выбравъ для разбору себѣ третьихъ, предоставляютъ имъ «судить и третьевать съ записною и по душамъ насъ и обчихъ нашихъ ссылочныхъ людей допрашивать и всякими сыски сыскивать и спорной земли досматривать и по допросу и по сыску и по суду дѣло вершить» всѣмъ вмѣстѣ, а не одному безъ одного. Тутъ же назначается срокъ, когда съѣхаться на судъ, съ тѣмъ, что послѣ срока запись не въ запись; за неустойку полагается взаимно штрафъ, да третьему безчестье. Есть три случая мироваго соглашенія спорщиковъ: въ первомъ, стороны мирятся съ доклада судьѣ при свидѣтеляхъ послѣ допроса; во второмъ, мирятся при понятыхъ, на земляномъ разъѣздѣ, предъ образнымъ хожденіемъ и тутъ же полюбовно проводятъ между собою межи; въ третьемъ на судѣ у великаго князя мирятся въ одной части иска, а въ другой разверстываютъ межъ себя полюбовно судныя пошлины. Въ 1507 году причетъ Архангельскаго собора, въ спорѣ съ Чудовскою братіей, положились предъ судьей на старожильцевъ въ отводѣ межи и дѣло рѣшилось по разъѣзду старожильцевъ (70, 80, 112).

Тѣми же льготными жалованными грамотами, которыми монастыри и отдѣльныя лица освобождаются отъ суда княжескихъ намѣстниковъ и волостелей, предоставляется по бо́льшей части имъ и людямъ, живущимъ на ихъ земляхъ, свобода отъ разныхъ сборовъ, пошлинъ и повинностей: «а кто имѣтъ жити людей старожильцевъ, и тѣмъ людемъ ненадобѣ моя никоторая дань, ни писчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни восмничее, ни вѣсчее, ни костка, ни иная никоторая пошлина... ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни дровъ не гонятъ, ни закоснаго, ни ставленаго на нихъ не емлютъ, ни двора моего, ни волостелевыхъ дворовъ не ставятъ, ни портнаго, ни воротнаго не даютъ... ни плодщикъ, ни ошитковъ, ни явленое имъ не надобѣ... ни къ дворскому, ни къ сотнику съ волостными людьми не тянутъ ни по что.... ни въ черныи сътяглыми людьми не тянутъ никоторыми проторы... а волостели мои и ихъ тіуни не всылаютъ къ нимъ ни по что, ни кормовъ у нихъ не емлютъ, ни доводчики, ни праведчики у нихъ поборовъ не берутъ...

ни путей непошлыхъ на тѣ ихъ земли не накладываютъ». Впрочемъ не во всѣхъ грамотахъ упоминается обо всѣхъ этихъ сборахъ. Въ иныхъ особо говорится о пятенной пошлинѣ (съ продажи лошадей и скота): «а пятенщикъ мой къ нимъ не ѣздитъ, ни коневъ у нихъ не пятнитъ, а держитъ игуменъ свое пятно у своихъ людей у монастырскихъ или кому прикажетъ», или доходъ съ пятна раздѣляется, смотря по тому волостной-ли человѣкъ покупаетъ у льготнаго или льготный у волостнаго. Есть особыя грамоты монастырямъ на льготу отъ таможенныхъ пошлинъ при провозѣ товара. Здѣсь упоминается между прочимъ о гостиномъ, помѣрномъ, побережномъ, ваганномъ, караульномъ, дѣтиномъ, дѣлярномъ. Къ льготамъ относится также запрещеніе княжескимъ людямъ ѣздить незвано на пиры и братчины, «а кто пріѣдетъ незванъ, того высылать безпенно», или «а кто къ нимъ незванъ пріѣдетъ и учинится въ пиру какая гибель, ино та гибель платити тому незваному безъ суда и безъ исправы». (31, XIV, XVII, XVIII; 38, 43). На нѣкоторыхъ грамотахъ есть надписи о томъ, что новый князь или царь, слушавъ грамоты, подтвердилъ ее и рушить не велѣлъ; но иногда при этомъ первоначальная льгота ограничивалась. Послѣдняя надпись этого рода сдѣлана при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, но при этомъ, какъ было уже выше упомянуто, велѣно переписать грамоту вновь сообразно «новому нашему государскому уложенью». Въ однихъ грамотахъ дается полная свобода отъ всѣхъ сборовъ, въ другихъ неполная, или дѣлаются нѣкоторыя исключенія, напр., опричь Татарскаго яму, опричь подводъ для ратныя вѣсти и проч.; иногда льгота дается на срочное время, «а отсѣдятъ тѣ люди пришлые свой урокъ, и они потянутъ въ дань мою по силѣ». Иногда вмѣсто всѣхъ пошлинъ полагается въ княжескую казну единовременный оброкъ. Изъ XVII столѣтія есть одинъ только примѣръ льготы, данной въ 1654 году Шуйскимъ посадскимъ людямъ на промыселъ безъ откупу и безъ оброку, сусломъ, квасомъ, площаднымъ письмомъ и мелкою мыльною рѣзью.

Изъ актовъ XVII вѣка по этому предмету видно, съ какими затрудненіями сопряжено было для правительства дѣйствіе тогдашней сложной и запутанной финансовой системы и взысканіе положенныхъ сборовъ. При томъ порядкѣ, какимъ оно производилось, едва ли могли почитаться исключеніями тѣ примѣры неисправно-

сти, которые мы встрѣчаемъ постоянно въ извѣстныхъ актахъ того времени. Не было центральнаго мѣста, которое завѣдывало бы этою частію управленія; но главное вѣдомство распредѣлялось по разнымъ Приказамъ. Такъ мы видимъ, что за сборомъ полоняничныхъ и ямскихъ денегъ наблюдали то Приказъ Большой Казны, то Монастырскій, то Приказъ Б. Дворца, то Ямской (55, XLI). Въ 1670 году Монастырскій Приказъ наблюдалъ за взысканіемъ денегъ заданочныхъ конныхъ людей съ помѣстья вдовы Китаевой (55, XXII). Въ 1696 году, когда велѣно было со всѣхъ чиновъ Московскаго государства, съ помѣщиковъ и крестьянъ, собрать деньги на корабельное строеніе, Судному Володимерскому Приказу было поручено завѣдывать сборомъ съ тѣхъ вотчинниковъ, за которыми меньше ста дворовъ, а тѣ, за которыми больше ста дворовъ, подчинены въ сборѣ денегъ Помѣстному Приказу. Въ 1670 году Бѣлозерскій воевода по указнымъ грамотамъ изъ разныхъ Приказовъ посылалъ приставовъ и подьячихъ въ разныя волости, помѣстья и вотчины, для отдачи приказчиковъ, старостъ и цѣловальниковъ и крестьянъ на крѣпкіе поруки съ записьми въ полоняничныхъ и ямскихъ полупошлинныхъ деньгахъ, въ стрѣлецкомъ хлѣбѣ и разныхъ другихъ государевыхъ доходахъ; велѣно за поруками тотчасъ выслать ихъ въ городъ, чтобы платежи объявляли въ съѣзжей избѣ; но никто изъ тѣхъ людей поручныхъ записей по себѣ не далъ: учинились сильны и на Бѣлоозеро не поѣхали (80, V, VI, X). Но и собранныя деньги неисправно доставлялись отъ воеводъ въ Приказы: въ такомъ случаѣ отвѣтственность возлагалась на пріемщиковъ, бывшихъ у сбора денегъ: такъ въ 1699 г. изъ Приказа Холопья Суда подтверждалось Каспиовскому воеводѣ о присылкѣ кабальныхъ и записныхъ книгъ съ собранными по нимъ пошлинами за 7 лѣтъ, вмѣстѣ съ подьячими, которые за тѣ годы у сбору были; если же казны на лицо по книгамъ нѣтъ и подьячіе уже умерли, то доправить деньги на вдовахъ ихъ и дѣтяхъ, вмѣстѣ съ кормомъ и прогонами подьячему, присланному изъ Москвы съ грамотою; но вмѣстѣ съ тѣмъ само Московское правительство какъ бы сомнѣвалось въ томъ, что книги и деньги подлинно не были высылаемы въ Москву, потому что приказывало, если есть при книгахъ росписки дьяковъ о томъ, что книги были уже въ Приказѣ,—прислать эти росписки (55, LVII). Когда оказывалось невозможнымъ

пропзвесть взысканіе съ лицъ, прямо обязанныхъ платежемъ, оно обращалось обыкновенно на поручителей. Примѣръ того, какимъ порядкомъ производилось это взысканіе, можно видѣть въ грамотѣ 1646 года изъ новой Чети Шуйскому воеводѣ (55, IX). Неисправный откупщикъ Лучка Ляпуновъ съ товарищи, съ порутчиками взяты въ Приказъ, «а изъ Приказу на немъ Лучкѣ съ товарищи и на порутчикахъ его тѣ деньги правятъ нещадно, а съ платежу въ Приказъ емлютъ». По полюбовной розвыткѣ Лучки съ товарищи, почему платить каждому, описаны были у нихъ въ Шуѣ дворы и лавки и животы, и оцѣнены Шуянами посадскими людьми; сверхъ того оказались у нихъ заемныя кабалы на разныхъ людяхъ. Тогда велѣно, чрезъ воеводу, Шуйскому земскому старостѣ и всѣмъ посадскимъ людямъ выбрать человѣкъ 3 или 4 людей добрыхъ и зажиточныхъ, «да тѣмъ выборнымъ людямъ продать имущество откупщиковъ на сторону повольно, передъ оцѣнкой съ большою наддачею, вскорѣ, а что передъ оцѣнкою не дадутъ, то взять на оцѣнщикахъ, а что наддачи дадутъ сверхъ оцѣнки, то всѣ выборные люди должны написать въ списокъ и закрѣпить своей рукой; по кабаламъ-же взыскать съ запмщиковъ, а буде ихъ на лицо нѣтъ или за бѣдностью доправить съ нихъ нельзя, то въ тѣ деньги дворы ихъ продать или заложить или до окопу въ міръ отдать, а вмѣсто кабалъ до присылки подлинныхъ изъ Приказа, дать имъ запмщикамъ росписки въ полученіи денегъ».—Въ 1665 году у Шуйскаго откупщика велѣно оцѣня продать за недоборныя деньги дворъ; по цѣновной росписи Шуянъ посадскихъ людей, дворъ оцѣненъ въ двадцать пять рублей, но желающихъ купить его не оказалось вовсе, и потому велѣно означенныя деньги доправить на оцѣнщикахъ, а имъ выдать данную на полное владѣніе тѣмъ дворомъ (64, III).

Тамъ, гдѣ правительству нужно было обезпечить для себя состоятельность своего должника, или вѣрность казеннаго взысканія,—поручительство было самымъ употребительнымъ средствомъ. Правительство не могло расчитывать на быстроту исполненія, и не въ силахъ было достигнуть ея при тогдашнемъ устройствѣ мѣстнаго управленія: оно по необходимости должно было всѣми мѣрами заботиться о томъ, чтобы предметъ, подлежавшій отвѣтственности, не ускользнулъ отъ нея, и потому старалось сколь возможно далѣе ее расширить. Эта именно цѣль достигалась посред-

ствомъ поручительства нѣсколькихъ за одного, и потому мы встрѣчаемся съ этимъ видомъ обезпеченія всякій разъ, когда, въ дѣлѣ производимомъ отъ лица правительства, возникаетъ предположеніе объ отвѣтственности частнаго лица; особенно если эта отвѣтственность касается финансовыхъ интересовъ власти. Поручительству же соотвѣтствовалъ такъ называемый *переводъ*, когда одно лице брало на свою безусловную отвѣтственность удовлетвореніе взысканія, падавшаго на другое лице; такую переводную запись старосты Мегорскаго погоста дали на себя въ 1620 году посадскому человѣку, присланному изъ Олонца съ памятью для взысканія недоимки съ Якушка Путилова: они обязались развесть и собрать ту недоимку въ своемъ погостѣ съ жилецкихъ людей, а если не успѣютъ, то недоимка съ пеней на нихъ.

Съ тою же, повидимому, цѣлью,—умножить число отвѣтственныхъ людей,—правительство замѣщало многія мѣста при казенныхъ дѣлахъ по выборамъ: въ этомъ случаѣ избиратели отвѣчали за выбраннаго человѣка. Такъ при отдачѣ на вѣру откупнаго сбора, Суздальскимъ посадскимъ людямъ велѣно сказать указъ, чтобы выбрали въ головы тотчасъ самаго лучшаго и зажиточнаго и правдиваго человѣка, котораго бъ «въ такое наше великаго государя дѣло стало, и кому бъ въ томъ мочно было вѣрить, а въ цѣловальники къ нему тоже добрыхъ людей, которые бъ собрали государеву казну передъ откупомъ съ немалою прибылью, а буде выберутъ изъ малоумныхъ людей или бражниковъ, и они за ихъ выборомъ противъ откупу чего не доберутъ, то недоборныя деньги велѣно будетъ доправить на нихъ выборныхъ людяхъ вдвое». Въ другомъ подобномъ случаѣ Каширянамъ посадскимъ людямъ сказано, чтобъ они надъ головою съ цѣловальниками смотрѣли накрѣпко, а буде, за ихъ досмотромъ, они чего, противъ большаго сбору, не доберутъ, то недоборные деньги доправятъ на всѣхъ на нихъ Каширянахъ (55, XVIII, XXIV). Такая обязанность часто бывала отяготительна для посадскихъ людей: въ 1666 году Шуйскіе посадскіе люди просили избавить ихъ отъ выбора кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ на кружечный дворъ; «у нихъ де посадъ малолюдный, и люди скудные и должные, и отъ пожарнаго разоренья многіе не построились, а тотъ де новостройной кружечный дворъ отъ нихъ верстъ со сто (во Владимірскомъ уѣз-

дѣ)»: тогда сборы велѣно отдать на отвѣтственность Суздальцевъ. Случалось иногда (55, XLVI), что земскій староста съ посадскими людьми вовсе чинились непослушны въ выборѣ цѣловальниковъ къ сборамъ. Впрочемъ голова не всегда назначался къ таможеннымъ сборамъ по выбору мірскихъ людей: въ 1687 году на Верхотурье посланъ былъ въ таможенные кабацкіе головы съ Москвы по царскому указанью изъ гостиной сотни человѣкъ, и ему самому поручено выбрать къ себѣ въ цѣловальники лучшихъ людей въ Верхотурьѣ (55, XLIV). Изъ другихъ должностей, замѣщавшихся по мірскимъ выборамъ, въ «Актахъ» упомянается о судныхъ старостахъ и подсудныхъ цѣловальникахъ, чтобъ сидѣли на судѣ для сбора судныхъ пошлинъ (2, 55, IV). Въ выборѣ, данномъ по этому случаю земскимъ старостою, цѣловальниками и посадскими людьми Нерехчанами удостовѣряется годность выбранныхъ людей къ государеву дѣлу къ денежнымъ сборамъ. Другіе выборы даны пашенными крестьянами—въ тюремные цѣловальники, оброчными Ирбитскими крестьянами—въ тюремные сторожа и въ старосты на Верхотурье (3, 4, 5). Здѣсь тоже выборщики принимаютъ на себя отвѣтственность за избираемаго: «которой изъ выборщиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ пеня и выборъ весь». Въ 1689 году велѣно Олонецкому земскому старостѣ съ посадскими людьми «для сыску и высылки изъ уѣзду на Олонецъ прошлыхъ лѣтъ старостъ съ платежемъ недоимочныхъ денегъ выбрать изъ посадскихъ людей человѣкъ пять добрыхъ, которыхъ бы съ ту службу стало (8)». Наконецъ, мы уже говорили о выборныхъ для оцѣнки и продажи имущества, описаннаго за казенное взысканіе.

При системѣ раскладки и взысканія податей, господствовавшей въ XVII столѣтіи, для цѣлой общины, на которой лежала отвѣтственность, не легко было выпустить изъ тягла записаннаго человѣка, особенно если онъ, владѣя тяглымъ участкомъ, отказывался отъ участія въ тяглѣ. Это сопротивленіе общины подавало поводъ къ спорамъ, разрѣшавшимся иногда посредствомъ суда. Любопытный примѣръ такого спора представляетъ судное дѣло 1681 года (55, XXXV), въ которомъ Касимовскіе посадскіе люди въ Приказѣ Казанскаго Дворца искали посадства на тамошнемъ подьячемъ Акимѣ Никитинѣ съ дѣтьми. Истцы жаловались, что «Акимко съ братомъ и съ дѣтьми отъ посаду отбиваются и тягла

съ ними не платятъ, живутъ безданно», и ссылаясь на обыскъ, доказывали, что всѣ родные отвѣтчика и самъ онъ написаны въ черной сказкѣ гулящими людьми на посадской землѣ, и были искони посадскими людьми; но отвѣтчикъ доказалъ свое подьячество прежними грамотами, писцовыми и разборщиковыми книгами, такъ что судъ и безъ обыска, основываясь на документахъ, рѣшилъ оставить его въ прежнемъ чинѣ.

Въ немногихъ грамотахъ упоминается о временныхъ сборахъ и повинностяхъ, и о способѣ ихъ взиманія. Сюда относится грамота 1699 года (55, LIX) Переславскому воеводѣ о сборѣ стрѣлецкаго хлѣба и житничныхъ денегъ съ уѣздныхъ сошныхъ людей, дворцовыхъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ, бобылей и разночинцевъ, и о порядкѣ людей для отвоза собраннаго хлѣба въ Бѣлгородъ. Для этого велѣно воеводѣ выбрать въ съѣзжей избѣ подьячихъ добрыхъ и по городу въ торговые многіе дни кликать биричамъ, а въ уѣздъ послать съ наказными памятьми подьячихъ и служилыхъ людей сказать сошнымъ людямъ, чтобы тотъ хлѣбъ и деньги везли на срокъ неотложно, а буде они на срокъ того хлѣба въ Бѣлгородъ не заплатятъ, то взыскано будетъ съ нихъ вдвое. Замѣчательно, что въ этой грамотѣ, полученной 3 декабря, начальный срокъ для поставки хлѣба на мѣсто назначенъ 10 числа того жъ мѣсяца. Въ 1670 году, по случаю разрушенія въ Вологдѣ городской стѣны, посланъ туда мастеръ, и велѣно дать ему для житья съѣзжіе дворы, а къ пріѣзду его заготовить всякіе каменные и деревянные запасы посадскими и всякими жилецкими и уѣздными людьми, «помѣщиковыми и вотчинниковы, и митрополичьи и архіепископлими и монастырскими крестьяны, по сошному письму съ живущихъ четвертей», и для каменной смѣты давать ему дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей и подмастерей и разсыльщиковъ и для письма подьячихъ, и чертежника или иконника, и чернила, бумагу и свѣчи (55, XXIII). Въ 1666 году при отправленіи изъ Переславля въ Астрахань ссыльнаго, подводы подъ него и провожатаго велѣно взять съ сошныхъ людей. Такая же повинность возложена въ 1695 году на мѣстныхъ жителей при обратномъ проѣздѣ изъ Царицына до Москвы людей, посланныхъ съ жалованьемъ ратнымъ людямъ (55, XIX; 61, I).

Казенныя оброчныя статьи отдавались въ содержаніе охочимъ

людямъ съ торговъ изъ наддачи; а когда желающихъ не являлось, воевода дѣлалъ распоряженіе объ отдачѣ сборовъ на вѣру выборнымъ людямъ. Въ 1688 году въ Касимовѣ, при отдачѣ въ содержаніе казенной мельницы, охочихъ людей не явилось на мѣстѣ, и она въ Москвѣ уже отдана изъ Приказа Большаго Дворца челобитчику на десять лѣтъ изъ одного строенія, а послѣ того на пять лѣтъ изъ оброку (55, XLVI). Содержатель, желавшій отказаться отъ содержанія, долженъ былъ объявить о томъ за два мѣсяца до срока; въ противномъ случаѣ статья оставалась за нимъ, пока не являлся охочій человѣкъ съ наддачею. Подобный же порядокъ наблюдался и при отдачѣ на откупъ сборовъ. Для передачи вновь открытыхъ оброчныхъ статей былъ особый порядокъ. Въ 1633 году Петръ Строгановъ просилъ объ отдачѣ ему новоприсаднаго песку, «что присадило вновь послѣ писцовъ къ крѣпостнымъ его пожнямъ»; по этой просьбѣ воевода посылалъ изъ съѣзжей избы цѣловальниковъ со стрѣльцомъ дѣлать большой повальный обыскъ; на обыскѣ того песку досматривали и записали, на сколько десятинъ его присадило, и когда на тотъ песокъ крѣпостей никто не сказалъ, и оказалось, что онъ изъ оброку никому не отданъ, и не владѣетъ имъ никто,—мѣсто порожнее, то воевода обложилъ его оброкомъ и выдалъ просителю на него данную (65, I). Иногда при осмотрѣ земли или угодья оказывалось, что имъ уже владѣетъ другое лицо, и въ такомъ случаѣ возникало сомнѣніе: точно ли порозже просимое мѣсто и какое право имѣетъ на него наличный владѣлецъ. Въ такомъ случаѣ сомнѣніе разрѣшалось разборомъ дѣла на основаніи обыска по приговору воеводы (65, II).

Въ связи съ финансовою системой XVII столѣтія состоялъ особый существовавшій тогда порядокъ явки, записки и укрѣпленія за владѣльцами по актамъ недвижимыхъ имѣній и крестьянъ. Порядокъ этотъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что въ немъ видна послѣдовательность, которой не замѣчаемъ въ другихъ частяхъ общей системы управленія. Центральнымъ мѣстомъ этого порядка былъ Помѣстный Приказъ, вѣдомству котораго подлежали главнымъ образомъ всѣ дѣла о записке недвижимыхъ имѣній. Первымъ необходимымъ дѣйствіемъ по совершеніи акта на переходъ недвижимой собственности была явка его въ Приказъ для записки въ книги. Покупщикъ вотчины предъявлялъ свою купчую въ Помѣстный Приказъ: «та-де куплен-

ная вотчина за нимъ не записана, и намъ великому государю пожаловать бы его, велѣть тое вотчину за нимъ справить и купчую записать въ книгу» (57, IX). Приданая, данная на вотчину, предъявлялась сюда для той же цѣли (65, II). Залогодержатель приносилъ сюда просроченную закладную, когда нужно было за неплатежъ записать за нимъ заложенную вотчину, и просилъ допросить залогодателя: «есть ли ему до тоѣ вотчинки дѣло» и по тому его допросу записать вотчину. (92). Дворы и дворовыя мѣста въ городахъ завѣдывались до 1686 года Приказомъ Большаго Прихода; сюда явлены были въ 1683 году колокольныхъ дѣлъ мастеромъ Маторинымъ купчія на кузницу, да на кадь квасную, да на сусленой кувшинъ и съ мѣсты, да на лавку и сѣнницы, съ просьбою записать ихъ за нимъ въ книгу (10). Семенъ Нероновъ, купивъ человѣка, въ 1693 году предъявляетъ купчую къ запискѣ въ Приказъ Холопья Суда. Въ Приказахъ дѣлается справка объ имѣніи по дачамъ писцовымъ, по переписнымъ лавочнымъ книгамъ. По купчей и по закладной (до указа 1684 года) производится допросъ продавцу и залогодателю, акты записываются въ записную вотчинную книгу, а взятыя пошлины въ приходную, и имѣніе справляется за пріобрѣтателемъ. Купленный человѣкъ тоже допрашивается въ Приказѣ и купчая записывается въ книги. По мѣновнымъ записямъ на вотчины наблюдается такой же порядокъ. За тѣмъ слѣдуетъ новое челобитье: вотчина записана въ книги, но не дано на нее отказной грамомы (15, V, IX, XII; 57, IX). Тогда въ Приказѣ дѣлается вновь справка о прежнемъ производствѣ и посылается къ мѣстному воеводѣ грамота: «послать на мѣсто кого пригоже, и велѣвъ ему взять съ собою тутошнихъ и сторонніхъ людей, старостъ и цѣловальниковъ и крестьянъ, велѣть переписать въ той вотчинѣ дворы, и въ дворахъ людей по именамъ, и мѣста дворовыя, пашню и лѣсъ и всякія угодья, и все то написавъ въ книги, прислать въ Приказъ, а списокъ оставить въ приказной избѣ впредь для вѣдома и спору.»— Вотчина отказана, и отказныя книги къ Москвѣ присланы; но владѣлецъ проситъ еще ввозной послушной грамоты крестьянамъ, «чтобъ они его слушали» (60, III), и Помѣстный Приказъ, учинивъ вновь справку, посылаетъ ввозную или послушную грамоту: «и выбъ всѣ крестьяне, которые тутъ живутъ и учнутъ жить, Василья да Андрея Суворовыхъ слушали, пашню на нихъ пахали и доходъ вот-

чинщиковъ имъ платили.» Впрочемъ изъ бо́льшей части подобныхъ актовъ (15, 21, V; 28, 29, 60, 71, 98) видно, что предписаніе крестьянамъ о послушаніи обыкновенно соединялось съ отказомъ. При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ необходимымъ условіемъ было взиманіе въ Приказѣ пошлинъ. Но независимо отъ финансовой цѣли могла быть еще и другая цѣль такого порядка явки, справки и отказа. Центральныя мѣста, завѣдывавшія дѣлами этого рода, дѣлались такимъ образомъ хранилищемъ документовъ на владѣніе недвижимою собственностью, и посредствомъ справки и допроса тотчасъ могло быть приведено въ извѣстность, правильно ли совершился переходъ имѣнія отъ одного лица къ другому, а посредствомъ мѣстнаго изысканія этотъ переходъ оглашался на мѣстѣ и открывалась возможность спорить тому лицу, чьи права могли быть нарушены. Этотъ порядокъ въ главныхъ основаніяхъ удержался на практикѣ до самаго Учрежденія о Губерніяхъ, и безъ сомнѣнія приносилъ въ свое время пользу: онъ былъ замѣненъ явкою другаго рода—публикаціями и вводомъ во владѣніе, а отказъ, вошедшій также въ составъ новой системы, потерявъ внутреннее значеніе, мало по малу превратился въ формальность, почти никогда не соблюдавшуюся.

Новые акты представляютъ довольно полную картину производства по дѣламъ помѣстнымъ. Бо́льшею частью они относятся къ вѣдомству Помѣстнаго Приказа; но есть нѣсколько актовъ по этому предмету, относящихся къ дѣлопроизводствамъ Приказа Большаго Дворца (о дачѣ помѣстій изъ Касимовскихъ земель 55, XXXVIII; 57, I, II), и Приказа Казанскаго Дворца (о помѣстьяхъ Касимовскихъ служилыхъ Татаръ, Пензенскихъ и Инсарскихъ служилыхъ людей 15, III, IV XIII; 55, XXXIV; 57, III, VIII). Дѣло 1613 года по челобитью Ивашка Харламова о дачѣ ему помѣстья въ Шелонской пятинѣ производилось «королевскаго величества и Ноугородскаго государства у бояръ и воеводъ Якова Пунтосовича Делагардъ, волнаго господина въ Екхолмѣ и Колкѣ и Рунсіѣ, да у князя Одоевскаго» (71,90). Подобное дѣло о Новгородскомъ помѣстьѣ въ 1625 году производилось у боярина и воеводы Великаго Новгорода съ дьякомъ (49). По всѣмъ актамъ этого рода можно прослѣдить какъ подавалась въ подлежащій Приказъ просьба о сдачѣ помѣстья послѣ родственниковъ, о дачѣ изъ порожнихъ и обводныхъ (55, XII) земель, о мѣнѣ и поступкѣ помѣстій, какъ дѣлалась справка и произ-

водился допросъ о мѣнѣ (15, XIII; 57, III, IV, V, VI, VII; 98), какъ посылалась къ мѣстному воеводѣ грамота о произведеніи обыска, объ отдѣлѣ или объ отказѣ, какъ по наказной памяти воеводы составлялись на мѣстѣ мѣрныя, отдѣльныя, и отказныя книги (14, 15, 49, 55, VI, XXXIV; 57, 71, 98), а излишняя земля противъ дачи отписывалась на государя въ *отписныя* книги (55, XXXIV), какъ потомъ, по новому челобитью, посылались послушныя и ввозныя грамоты. Одинъ актъ относится къ верстанью помѣстьемъ (55, LIV); въ одной отказной грамотѣ изъ Казанскаго Дворца прописано рѣшеніе по спорному дѣлу о помѣстьѣ, оставшемся послѣ князя Кугушева, между чужеродцемъ и родственникомъ умершаго, пропустившимъ указное время просить объ его помѣстьѣ (57, VIII). Примѣръ государева жалованья прибавкою помѣстнаго оклада, по случаю рожденія царскаго сына, встрѣчается въ царской грамотѣ 1675 года Новгородскому воеводѣ (55, XXVI); въ одной записи 1615 года упоминается о помѣстьѣ, пожалованномъ «государемъ королемъ и великимъ княземъ Густавомъ Адолфомъ Карлусовичемъ» (112, IV). Подъ № 44 помѣщена царская жалованная грамота 1546 года на помѣстье, съ правомъ суда, Григорію Жедринскому, да подъ № 21 выпись, данная въ 1612 году писцами по наказу бояръ и воеводъ и стольника и воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго съ товарищи Лукьяну Полтеву, на помѣстье изъ дворцовыхъ земель. Два документа изъ XVII столѣтія относятся къ пожалованію земли и посада въ вотчину отъ государя монастырямъ; а одна грамота 1625 года дана иноземцу Юрію Безсонову на пожалованіе части помѣстья въ вотчину.

Въ числѣ прочихъ актовъ, относящихся къ поземельному владѣнію, помѣщены выписи изъ писцовыхъ книгъ XVII столѣтія (17) и изъ переписныхъ книгъ новымъ селеніямъ и починкамъ, образовавшимся послѣ писцовъ (16 и стр. 71). Въ одной данной 1679 года (65, IV) упоминается еще о *слободныхъ*, которыя выдавали слободчики крестьянамъ, когда прибирали и селили ихъ по наказу отъ воеводъ, въ слободы,—на владѣніе землями и угодьями изъ платежа оброку.

Нѣкоторые изъ актовъ, относящихся до церковнаго управленія въ древней Россіи, прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что монастыри съ принадлежащими къ нимъ землями переходили изъ рукъ въ руки

въ видѣ частной собственности. Такъ, напримѣръ, въ XIV столѣтіи великій князь Дмитрій Ивановичь промѣнялъ чернецу Саввѣ монастырекъ пустыньку церковь Спаса Преображенія «что поставилъ на землѣ его игуменъ Аѳанасій» и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ ему судъ надъ всѣми людьми, черпцами и бѣльцами, кто на той землѣ жить будетъ, освободивъ ихъ отъ суда не только своихъ намѣстниковъ и волостелей, но и митрополичьихъ десятпльниковъ и тіуновъ. За тѣмъ тотъ же монастырь купленъ былъ у Симоновской братіи Симоновскимъ же попомъ Іовомъ въ пожизненное владѣніе (стр. 165, 166). Въ XV столѣтіи князь Иванъ Андреевичь и княгиня Аграфена пожаловали въ домъ Св. Троицы Сергіеву монастырю: первый—монастырекъ св. Юрія въ своей вотчинѣ со всѣмъ тѣмъ, что къ нему потягло, а вторая—монастырекъ св. Николы на Шексиѣ, съ землею, съ пожней и съ лѣсомъ. Въ 1454 году монастырь св. Саввы на Москвѣ на посадѣ съ землей и съ пустошью подаренъ Петромъ Константиновичемъ Іонѣ, митрополиту Кіевскому (30, I; 63, VII, XI). Есть нѣсколько помѣстныхъ грамотъ послѣдней четверти XVII столѣтія, данныхъ митрополитомъ Новгородскимъ своимъ служилымъ людямъ на пожалованныя земли изъ вотчины дому Св. Софіи, съ правомъ суда надъ живущими на землѣ людьми: одною изъ этихъ грамотъ передается вдовѣ помѣстье умершаго ея мужа, митрополичья сына боярскаго, съ тѣмъ, чтобы дѣти ея служили съ того помѣстья царскую службу. Изъ другихъ актовъ (XV и XVI стол. N 68, 118) видно, что митрополиты жаловали разнымъ людямъ церковныя земли, съ правомъ селить на нихъ людей, и рыбныя ловли, не въ прокъ, но на безсрочное время или пожизненно, или «доколѣ митрополитъ пожалуетъ» безоброчно, или изъ оброку, и получали отъ нихъ отписныя записи о томъ, что имъ тѣхъ земель «не освоити, ни продати, ни промѣнити, ни закабалити, ни по душѣ не дати, ни иною никоторою хитростью отъ церкви Божіей и отъ митрополита не отстаивати». Нѣкоторые акты показываютъ, что монастырь не только отдавалъ свои земли въ наемъ и въ кортому, но и продавалъ частному лицу и монастырю же. Одна такая купчая дана цѣлому роду, доколѣ родъ изведется, съ тѣмъ, чтобы послѣ того земля снова воротилась въ монастырь по старинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ покупщикъ обязывается платить оброкъ за землю (69, III). Въ другихъ случаяхъ монастырская земля продается только въ пожизненное вла-

дѣніе (стр. 167). Въ одномъ изъ подобныхъ актовъ (1486 года) о продажѣ не упоминается, но владѣлецъ принимаетъ у монастыря село съ тѣмъ, что послѣ смерти его оно возвращается снова въ монастырь на помнокъ души его. Можетъ быть при такой сдѣлкѣ владѣлецъ имѣлъ въ виду воспользоваться преимуществами и льготами, предоставленными церковнымъ имѣніямъ, потому что село, и находясь въ его владѣніи, не переставало называться церковнымъ. Случалось, что изъ монастырской казны давались деньги въ займы частнымъ людямъ за ростъ. Такъ въ первой половинѣ XVI столѣтія Никита Шарапъ занялъ у казначея Махрищскаго монастыря монастырскихъ казенныхъ денегъ 40 руб. подъ залогъ вотчины: «а ростъ дати по расчету, какъ идетъ въ людехъ, на пять шестой» (стр. 181). По всему видно, что эти деньги отданы въ заемъ отъ имени монастырской общины, потому что заемщикъ въ той же кабалѣ обязывается не отчуждать заложенной земли мимо игумена съ братіей, да и кабала была въ послѣдствіи представлена къ судному дѣлу отъ самого игумена.

Существенною принадлежностью монастырскаго и церковнаго управленія была, какъ извѣстно, цѣлая система пошлинъ и сборовъ въ пользу власти духовной и людей, получавшихъ отъ нея мѣста на правѣ кормленія. Въ этомъ отношеніи замѣчательна жалованная грамота патріарха Іова 1602 года Константиновскому монастырю о судныхъ льготахъ архимандриту съ братьей и съ монастырскими слугами и крестьянами. Патріархъ запрещаетъ выдавать на нихъ изъ своего Дворцоваго Приказа во всякое время грамоты зазывныя и подписныя челобитныя, и всѣ предъявленные на нихъ иски предоставляетъ судить себѣ самому или своему дворецкому на одинъ срокъ въ году; своихъ дворцовыхъ селъ прикащикамъ и дѣтемъ боярскимъ и ихъ людямъ запрещаетъ ѣздить къ нимъ безъ зову: «къ людямъ, живущимъ въ монастырскихъ селахъ, намѣстникъ патріаршій володимерской не въѣзжаетъ и людей своихъ не посылаетъ ни почто, и не судитъ ихъ ни въ чемъ», а всякіе иски на нихъ судитъ архимандритъ или монастырскій прикащикъ; въ случаѣ же смѣснаго суда съ волостными (патріаршими) людьми судитъ намѣстникъ вмѣстѣ съ архимандритомъ, причемъ всякій судья знаетъ своего человѣка. Далѣе опредѣляются повинности крестьянъ въ пользу монастыря и архимандрита и плата за вѣнеч-

ныя памяти, наконецъ количество въѣзжаго (кормовъ) слугамъ, которыхъ архимандритъ «пожалуетъ сельскимъ и деревенскимъ приказомъ и доводомъ», и количество платимыхъ ими же пошлинъ: здѣсь означены судныя пошлины, смотрѣное (за осмотръ убитаго) съ хоженымъ и ѣздомъ, съ записки суднаго списка, выводная куница и убрусное, явка съ продаваемаго скота, хлѣба и сѣна, и съ варки пива, да сверхъ того прикащику въ осень по курятн да по поярку съ дыму. Всѣ эти сборы прикащикъ долженъ писать въ книгу для вѣдома архимандриту съ братьей. Церковные причты тоже были обложены сборами въ пользу митрополита: эти сборы не всегда бывали подъ силу причту. Въ вотчинѣ Московскаго Успенскаго Собора въ Бѣжецкомъ верху въ сельцѣ Дымцовѣ запустѣвшій храмъ стоялъ тридцать шесть лѣтъ безъ пѣнья, потомъ призвали священника, но и онъ отошелъ прочь; Успенскій протопопъ съ братьей въ 1631 году билъ челомъ новгородскому митрополиту, что «у той церкви и нынѣ попа нѣтъ, и болн помираютъ безъ причастья, а родильницы безъ молитвъ, а младенцы безъ крещенія бываютъ многое время, а отъ иныхъ церквей попы къ тѣмъ людемъ и ко крестьянамъ ходить не смѣютъ, блюдясь митрополичьихъ десятильниковъ». Тогда митрополитъ пожаловалъ, велѣлъ протопопу призвать къ пустой церкви попа и причетниковъ, и положилъ мѣру, сколько причетъ долженъ платить за митрополичь подъѣздъ и за десятину и за казенную пошлину, съ тѣмъ чтобы вся церковная дань погодно платилась въ Городецкѣ поповскимъ старостамъ, а десятильникамъ своимъ не велѣлъ въѣзжать къ причту ни по что, развѣ мимоѣздомъ на ночлегъ для корму, съ тѣмъ чтобы съ собоіі ничего не брали, и ни въ какихъ дѣлахъ не судили ихъ, а только давали бы по грамотамъ на поруки; къ суду же велѣлъ причту ставиться у себя въ псковыхъ дѣлахъ на одинъ срокъ, а въ духовныхъ (т. е. въ жалобахъ на нарушеніе церковныхъ правилъ) безсрочно. Подобная же полная льгота отъ всякихъ сборовъ дана въ 1562 году митрополитомъ Макаріемъ опустошенной церкви на пять лѣтъ, а послѣ срока тому попу «ся наша грамота явить на Москвѣ нашему казначею, и мы тогды посмотря по приходу и данью обложимъ». На построеніе вновь церквей выдавались отъ патріарха, митрополита или епископа благословенныя грамоты по просьбѣ церковнаго старосты или священ-

ника съ прихожанами, причемъ иногда разсматривался чертежъ предполагаемаго строенія (27); въ тѣхъ же грамотахъ указывается откуда взять антимисъ для новой церкви, откуда звать на освященіе ея дьякона, и сколько платить ему. Къ XVII же столѣтію относятся двѣ настольныя грамоты отъ патріарха и архіепископа архимандритамъ, съ подробнымъ означеніемъ тѣхъ правъ и отличій, которыя предоставляются имъ въ служеніи; три акта о выборѣ прихожанами на праздныя мѣста священниковъ, и одинъ о выборѣ нижегородскими попами и дьяконами дьякона Ивана въ десятскіе къ поповскому старостѣ. Нѣкоторые акты того же времени свидѣтельствуютъ и объ участіи свѣтской власти въ назначеніи на должности по духовному управленію. Такъ въ 1661 году, по челобитью строителя Кириллова монастыря на Бѣлоозерѣ, царскимъ указомъ изъ Монастырскаго Приказу велѣно отставить тамошняго архимандрита за болѣзнь, а на его мѣсто братіи выбрать новаго, кого излюбятъ, и о поставленіи его послать на Вологду къ архіепископу (55, XVI). Въ 1677 году Симону, архіепископу Вологодскому, дано знать, что царскимъ указомъ велѣно быть у домовыхъ дѣлъ его въ приказныхъ Борису Маркову (56, I, III).

Разные акты и производства по дѣламъ о кабальномъ холопствѣ составляютъ одну изъ любопытнѣйшихъ частей новаго изданія. Всѣ они относятся къ XVII столѣтію: только въ одной данной XVI вѣка (63, XVI) встрѣчается по этому предмету замѣчательное указаніе: Неклюдъ Якшиловъ, отдавая племяннику своему съ дѣтьми деревню, постановляетъ въ числѣ условій даренія, что «будетъ имъ не до земли, и имъ тое деревеньки мимо дома Пречистые ни продати, *ни въ холопи съ нею не датися* безъ митрополича вѣдома». Обезпеченіе займа личною свободою было весьма употребительно въ XVII-мъ вѣкѣ; но встрѣчаются и такія кабалы служилыя, въ которыхъ о займѣ вовсе не упоминается. Въ первыхъ обязывающееся лицо пишетъ обыкновенно: «Се язъ занялъ у такого-то такую-то сумму до такого-то числа, а за ростъ мнѣ во дворѣ у него жити и служити, а полягутъ деньги по срокѣ, и мнѣ потому же у него жити и служити»; въ послѣднихъ пишется, что «такой-то бьетъ челомъ въ кабальное холопство такому-то и служилую кабалу дастъ на себя своею волею, а служить мнѣ у него по его животъ». Тѣ и другія кабалы явлены, однѣ въ приказ-

ной или съѣзжей избѣ у воеводъ, въ губной избѣ губнаго старосты, другія въ Приказѣ Холопья Суда: сюда кабальный человѣкъ подавалъ свою кабалу, съ приложеніемъ отпускной, если былъ отпущенъ на волю прежнимъ господиномъ; подателю дѣлали допросъ, точно ли онъ вольный человѣкъ, или идетъ въ холопство волею, описывались его примѣты и лѣта и за тѣмъ кабала записывалась въ книгу со взятіемъ пошлинъ. Мужъ отдается въ холопство съ женою и дѣтьми, при чемъ всѣ за одно пишутся въ кабалѣ заемщиками. Въ одномъ случаѣ кабальные люди занимаютъ деньги у крѣпостнаго человѣка, а кабалу на себя даютъ его господину (93, III). Записка въ книги приводимыхъ полоняниковъ произведена въ одномъ случаѣ въ Приказѣ полоняничныхъ дѣлъ (96), въ другомъ въ губномъ стану.

О поселеніи и переходѣ крестьянъ до запретительныхъ указовъ упоминается въ одномъ только актѣ, если не считать льготныхъ грамотъ, о которыхъ говорено было выше. Въ жалованной грамотѣ XV столѣтія Троицкому монастырю (37) великій князь Василій Васильевичь приказываетъ вывесть назадъ въ монастырское село крестьянъ, которые вышли оттуда въ села великаго князя и боярскія, а «которые люди живутъ въ монастырскихъ селахъ нынѣча», тѣхъ не велитъ «пущати прочь». Къ XVII столѣтію относится ссудная запись Ивана Большакова стольнику Неронову въ томъ, что взялъ у него на ссуду 10 рублевъ, «и на тѣ ссудныя деньги мнѣ Ивану завести лошади и коровы и овцы и свиньи и всякой крестьянской заводъ, и съ тѣмъ заводомъ жить мнѣ Ивану за нимъ государемъ своимъ во крестьянствѣ, гдѣ онъ укажетъ; а будетъ я за нимъ, взявъ тое ссуду, жить не стану и заводу крестьянскаго не заведу и изъ за него куда сбѣгу, и ему по сей ссудной записи тѣ свои ссудныя деньги взять на мнѣ Иванѣ, а крестьянство и впредь крестьянство, и вольно ему государю моему меня продать и заложить и самому владѣть». Запись эта записана въ приказной избѣ послѣ обычнаго осмотра и допроса (94). Изъ одного дѣла 1673 года (22) о бѣгломъ человѣкѣ видно, что и крѣпостные люди въ свою очередь владѣли крѣпостными: человѣкъ княгини Ромодановской имѣлъ у себя во владѣніи купленную женку, и выдалъ ее замужъ за человѣка, котораго ему отдала его же боярыня.

Изъ дѣлъ объ отысканіи бѣглыхъ два относятся къ вѣдомству

Судпаго Приказа: въ одномъ (22), помѣщикъ, думный дьякъ Дохтуровъ, жившій, по видимому, въ Москвѣ, представляетъ въ Судный Приказъ для допроса и отдачи бѣглаго человѣка своего, проживавшаго у княгини Ромодановской и возвратившагося къ нему «*на сопасъ*». Изъ другаго дѣла видно, что по просьбѣ Новгородца Чоглокова о бѣглыхъ людяхъ, проживавшихъ въ разныхъ станахъ Бѣлозерскаго уѣзда, изъ Суднаго Приказа послана была на Бѣлоозеро къ воеводѣ такъ называемая *погонная* грамота: велѣно дать просителю стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, сколько пригоже, для поимки людей, гдѣ онъ укажетъ, и по приводѣ, распрося ихъ по указамъ и крѣпостямъ, отдать Чоглокову (51). Изъ другихъ двухъ дѣлъ (88), производившихся въ приказной и въ съѣзжей избѣ, видѣнъ весь порядокъ производства. Онъ состоялъ въ томъ, что, по просьбѣ помѣщика, съ указаніемъ мѣста жительства бѣглыхъ крестьянъ его, посланы для поимки ихъ подьячій съ депьщиками, при чемъ велѣно взять старосту и старожиловъ дворцовой волости, въ которой бѣглые поселились, а домы ихъ и животы отдать на сохраненіе десятникамъ. Потомъ, по приводѣ бѣглыхъ, отобранъ отъ нихъ при дворцовомъ стряпчемъ допросъ о томъ, чьи они, когда и почему бѣжали, у кого жили, и какое у нихъ имущество; дѣлалась справка о принадлежности крестьянъ съ крѣпостями, представленными или указанными просителемъ, и если показаніе его подтверждалось, люди отдавались ему со всѣми животами, со взысканіемъ поголовныхъ денегъ, подъ росписку, въ которой онъ обязывался поставить ихъ, гдѣ укажутъ, буде спросятъ по чьему либо челобитью. Допросъ и справка съ крѣпостями производились и въ томъ случаѣ, когда помѣщикъ самъ представлялъ бѣглыхъ людей, добровольно къ нему явившихся. Это былъ безспорный порядокъ отдачи: онъ въ главныхъ чертахъ своихъ соотвѣтствуетъ тому порядку, который и нынѣ соблюдается въ полиціи при подобныхъ случаяхъ, съ тою разницею, что справка дѣлается нынѣ въ безспорныхъ дѣлахъ только съ ревизскими сказками.

Въ отношеніи къ порядку военной службы въ XVII столѣтіи слѣдуетъ обратить вниманіе на указныя грамоты разнымъ воеводамъ изъ Иноземскаго Приказа и Казанскаго Дворца: о переписке на Бѣлѣозерѣ отпускныхъ и бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, о высылкѣ

на службу въ полкъ и въ Москву на смотръ начальныхъ людей рейтарскаго и солдатскаго строю, о присылкѣ списковъ касимовскимъ ратнымъ людямъ, о розысканіи по разнымъ городамъ и уѣздамъ бѣглыхъ солдатъ; доѣзды приставовъ въ слѣдствіе подобныхъ же грамотъ по предписанію воеводъ (55, XX, XXV, XL, LV, LXI; 80, II, III, IX); грамоты воеводамъ объ осмотрѣ ранъ служилыхъ дворянъ, и объ отставкѣ ихъ отъ службы по осмотру и обыску (55, XXIX, XXXIII, XXXVI, XLVII); одна грамота содержитъ въ себѣ рѣшеніе по спору о мѣстничествѣ. Акты подъ № 73 и 55, LI, относятся къ приказной службѣ. Подьяческія мѣста переходили иногда отъ отцевъ къ сыновьямъ и родственникамъ, которыхъ они еще при жизни держали при себѣ и пріучали къ приказному дѣлу. Въ 1693 году по смерти подьячаго касимовской приказной избы двоюродный братъ его билъ челомъ на Москвѣ о порожжемъ мѣстѣ и въ слѣдствіе того воеводѣ велѣно опредѣлить его, *буде онъ градскимъ и уѣзднымъ людемъ угоденъ и выборъ на него дадутъ*. Изъ акта подъ № 95 видно, что въ 1693 году въ числѣ подьячихъ Приказа Большой Казны былъ *человѣкъ* боярина Шеина.

Изъ частныхъ актовъ гражданскаго быта въ актахъ г. Калачова помѣщены: духовныя, вкладныя, данныя и разнаго рода договоры и обязательства. Завѣщательныхъ актовъ мы встрѣтили здѣсь 11: древнѣйшій изъ нихъ относится къ концу XIV столѣтія, три принадлежатъ къ XV и два (на стр. 188 и 189) къ XVI. Сами завѣщатели по большей части даютъ своему распоряженію названіе изустной памяти; завѣщаніе, въ которомъ родители, распредѣляя имѣніе между дѣтьми, употребляютъ слово: благословляю,—называется у дѣтей благословленною грамотой. Главное содержаніе этихъ актовъ состоитъ въ исчисленіи оставляемаго имущества и въ означеніи того, «кому что дати, и гдѣ что взяти». Замѣчательно, что при этомъ завѣщатель иногда назначаетъ дѣтямъ своимъ такое имущество, которое еще при жизни его было ими пріобрѣтено; оставляетъ во владѣніи вдовы невѣстки ея приданое (84, II, 86, I, II); почти во всѣхъ актахъ есть распоряженія объ отпускѣ на волю холоповъ и кабальныхъ людей: иногда это выражается словами: «холопъ мой (такой-то)—человѣкъ великаго князя;» въ окончаніи изъяснено, кому завѣщатель приказываетъ свою душу или приказываетъ животъ свой строити, и означены переписчикъ и свидѣтели; но въ

числѣ сихъ послѣднихъ обыкновенные послухи часто отличаются отъ такъ называемыхъ *сидпльцевъ* (а надъ головой у меня сидѣлъ; у духовныя сидѣлъ), или посаженныхъ мужей; но трудно опредѣлить, въ чемъ состояло существенное отличіе ихъ отъ послуховъ; на допросъ же сидѣльцы показываютъ, что духовная «передъ ними писана». Названіе сидѣльцевъ встрѣчается и въ актахъ другаго рода: въ данныхъ и раздѣльныхъ (63, XVII, XVIII; 105, II; 117). При явкѣ духовныхъ требовались, какъ видно, для допроса всѣ свидѣтели, а съ тѣхъ, которые почему либо не могли явиться, отбирались письменныя показанія.

Для явки духовныя подавались къ митрополитамъ и архіепископамъ, вѣдомству коихъ подлежали вообще дѣла о завѣщаніяхъ; отчасти и по этой причинѣ священникъ былъ въ то время необходимымъ лицемъ при составленіи завѣщаній. Въ 1646 году Шуяне всѣмъ посадомъ подали Суздальскому архіепископу извѣтную челобитную, что кабацкій откупщикъ «Лука Ляпуловъ лежитъ боленъ, и умысля воровски хочетъ писать духовную ложную на нихъ посадскихъ людей, многіе большіе долги, поклепавъ напрасно, въ ту духовную писать, и чтобъ такіе ложные духовные писать не велѣть, чтобъ имъ въ томъ его воровствѣ послѣ его живота проданымъ не быть». По этой челобитной архіерей предписалъ своимъ десятильникамъ и дѣтямъ боярскимъ въ Шуѣ сказать всѣмъ тамошнимъ попамъ, чтобы они ложной духовной писать не велѣли, а если станетъ писать въ духовной свои безкабальныя взятки, то на комъ онъ скажетъ ихъ, того къ нему призывать, и писать только того, кто долгъ его на себя скажетъ (55, VIII).

Число данныхъ на вклады частныхъ лицъ въ монастыри и церкви простирается до 23; древнѣйшая писана въ 1253 году, двѣ относятся къ XIV, четырнадцать къ XV, четыре къ XVI и двѣ къ XVII столѣтію. Всѣ онѣ выданы на земли и угодья, рыбныя ловли и соляныя варницы, иныя, при жизни самихъ вкладчиковъ, ими самими, иныя по смерти и по приказу ихъ или въ исполненіе завѣщанія родственниками и душеприкащиками. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ писаны прямо на имя монастыря: «Даю ко св. Василью, даю въ домъ Пречистѣй, въ домъ чудотворцу Петру» и т. под. Въ другихъ сверхъ того прибавлено: «и игумену такому-то съ братьей», или «и митрополиту такому-то, и кто

по немъ иной будетъ». Пространство правъ, предоставляемое на имущество, неодинаково во всѣхъ данныхъ. Такъ въ данной на село Успенскому собору, включено условіе: держать то село въ дому Богородицы, никому не отчуждая; въ другой постановлено, что если сынъ вкладчика возвратится изъ плѣна, то монастырь долженъ возвратить ему имѣнье. Иногда вкладчикъ возлагаетъ на игумена обязанность отдавать часть дохода съ деревни въ другой монастырь; иногда предоставляетъ себѣ владѣть имѣньемъ до своей смерти. На случай выкупа постановляется какую сумму долженъ платить выкупщикъ монастырю. Есть акты, въ которыхъ передающій имѣніе другому частному лицу обязываетъ его не продавать села мимо назначеннаго монастыря, или самъ владѣлецъ деревни даетъ на себя монастырю подобное обязательство (63, XVI; 115).

Изъ данныхъ на приданое, XVII столѣтія, и другихъ актовъ видно, что приданое давалось не только родителями, но и братьями родными и двоюродными. Данная была только окончательнымъ актомъ «почему владѣть», но первоначальное назначеніе совершалось посредствомъ духовныхъ завѣщаній, рядныхъ и поступныхъ записей, и раздѣльныхъ актовъ между родственниками (66, 67, II; 86, IV; 105, III; 116, 52, VII, стр. 220 и 225). Акты, писанные въ XV и XVI столѣтіи, показываютъ, что и въ то время приданое жены хотя находилось въ распоряженіи мужа, почиталось ея собственностію: напримѣръ, одинъ завѣщатель 1459 года заботится, чтобъ жена его получила по смерти его все, что дано было за нею, вмѣсто одной лошади, которую за ней дали, назначаетъ ей другую и приданыхъ холоповъ, которыми распорядился прежде, замѣняетъ другими. Въ другомъ случаѣ (1525 года) вдова за свое приданое, истраченное мужемъ, получаетъ вознагражденіе отъ митрополита, взявшаго вотчину ея мужа за свой искъ, и даетъ ему запись, что ей до той деревни болѣе нѣтъ дѣла (84, I, II; 119, II; 52, VII, стр. 220). Но изъ тѣхъ же актовъ видно, что приданое вдовы, жившей по смерти мужа въ одномъ домѣ со свекромъ, оставалось въ его распоряженіи; что мужъ закладывалъ имѣніе жены, и т. под.

Намъ остается еще упомянуть о разнородныхъ обязательствахъ и договорныхъ записяхъ. Купчія, закладныя, мѣновныя записи и простыя заемныя кабалы не вошли въ составъ этого тома юридическихъ актовъ подъ особыми нумерами. Здѣсь помѣщены: раздѣль-

ныя или дѣловыя между родственниками (10б, 106, 107, 116), жилыя записи (113), отступныя (119), третейскія (123) и разнаго рода договорныя (111—114). Въ числѣ лицъ, обязывающихся договорами встрѣчаются и помѣщичьи крестьяне. Между разными способами обезпеченія обязательствъ между частными лицами всего чаще встрѣчается *зарядъ*, или условная пеня за неустойку; въ одной изъ раздѣльныхъ записей встрѣчается особенное условіе о *счипѣ*, т. е. о пенѣ, которую долженъ по договору заплатить въ государеву казну тотъ, кто станетъ просить о передѣлѣ (106). Поручительство, какъ обезпеченіе договора, встрѣчается въ жилыхъ записяхъ; изъ одной указной грамоты видно, что крестьяне были означены въ заемной кабалѣ поручителями за своего помѣщика; при чемъ самъ же онъ за нихъ подписался (55, LVIII). Иногда договаривающіяся стороны соглашаются положить свою запись «за третьяго» и положиться на его приговоръ въ случаѣ прерѣканій, при чемъ и третьему назначается безчестье за нарушеніе этой статьи которою либо стороною. Раздѣлъ производится иногда предъ третьимъ (третейская дѣловая запись), или обозначаются въ записи независимо отъ послуховъ сторонніе люди, бывшіе на дѣлу. Одна изъ дѣльныхъ записей (10б, II) начинается съ того, что мать благословляетъ одного изъ сыновей отцовскою старинною вотчиной, а прочіе братья дѣлятъ остальныя вотчины между собою. Изъ жилыхъ записей двѣ писаны отъ имени родителей и родственниковъ на отдачу дѣтей въ работу колокольныхъ дѣлъ мастеру Пушкарскаго Приказа Маторину, съ правомъ смирять за непослушаніе. Въ первомъ случаѣ сынъ отдается на пять лѣтъ за наемную плату, съ полученіемъ ея по отживѣ; во второмъ сестра отдаетъ несовершеннолѣтнюю сестру до возраста, съ тѣмъ, чтобы хозяинъ выдалъ ее за мужъ съ приданымъ за вольнаго человѣка, или за кого похочетъ. Прочія жилыя записи писаны отъ имени самихъ лицъ, нанимавшихся въ работы: дѣлать колокольное, всякое домашнее дѣло, стеречь дворъ по ночамъ, и проч. Изъ нихъ одна, данная Маторину, явлена въ Пушкарскомъ Приказѣ, а другая, данная гостю Нестерову—въ Приказѣ Большой Казны. Во всѣхъ записяхъ обезпеченіемъ исполненія служитъ, кромѣ поручительства, неустойка.

Къ договорнымъ актамъ разнаго рода принадлежатъ записи: кор-

томная, мировыя, разъѣзжія (XV, XVI и XVII столѣтія), о размежеваніи земли въ присутствіи стороннихъ свидѣтелей, запись о полюбовномъ размежеваніи чрезполосной помѣстной земли, по жеребьямъ, при посредствѣ третьяго, который долженъ дать каждому особую выпись на его участокъ; запись о платежѣ новому владѣльцу помѣстной земли за хлѣбъ, посѣянный на ней по оброчному условію съ прежнимъ владѣльцемъ; запись дворянъ и крестьянъ, принадлежавшихъ разнымъ помѣщикамъ, о построеніи новой приходской церкви на мѣсто старой, съ договоромъ о томъ, по скольку съ каждаго, какой мѣры и къ какому сроку должно было поставлено лѣсу на строеніе и по скольку дано денегъ и хлѣба. По содержанію своему особенно замѣчательны слѣдующія договорныя записи: въ 1699 году нѣсколько помѣщиковъ села Ярышева, заботясь о защитѣ пашенной и луговой земли своей отъ притязаній столповаго прикащика Брехова, начавшаго съ ними тяжбу, заключили между собою договоръ: стоять за ту землю всѣмъ заодно и бить челомъ государю и за дѣломъ ходить на Москвѣ и на городахъ съ 75 четвертей по человѣку, а на протори и на убытки и на приказные всякіе харчи собрать денегъ, тоже противъ дачь, съ 75 четвертей по 5 рублей; если же Брехов засѣетъ ихъ землю своимъ хлѣбомъ, то всѣмъ имъ тотъ хлѣбъ сжать и у жнитва и покоса быть всѣмъ вмѣстѣ съ своими людьми, и другъ друга не выдавать; а буде при жнитвѣ учинится отъ Брехова ссора, и въ ней убьютъ до смерти кого либо изъ крестьянъ ихъ, то всѣмъ имъ платить по расчету противъ дачь деньги помѣщику за убитаго, по общему приговору; если убитъ будетъ человѣкъ Брехова, то хожденіе по дѣлу тоже общее; если будетъ присланъ по спорному ихъ дѣлу межевщикъ, то вмѣстѣ же собрать денегъ на всякіе харчи и расходы, чѣмъ ему межевщику и подьячимъ и окольнымъ людямъ быть сытимъ. Къ 1635 году относится складная запись о торговомъ товариществѣ: двое купцовъ, собираясь на торговлю и промыселъ въ сибирскіе города, складываются товаромъ и деньгами, занятыми съобща по кабаламъ, съ тѣмъ, чтобъ складочнаго имущества никто не расходовалъ на свои особыя издержки и не выкупалъ имъ своихъ особенныхъ обязательствъ, а выкупать общія кабалы съобща, прибыль же и кабалы дѣлить пополамъ. Другой примѣръ товарищества встрѣчается въ артельной записи 1654 года: здѣсь три складчика, снявъ на откупъ

таможенный сборъ въ Арзамасѣ, да таможенныя и проѣзжія пошлины въ боярскомъ селѣ Стексовѣ, принимаютъ къ себѣ въ паи еще по человѣку для перемѣны и договариваются: во всемъ другъ другу радѣть, и всѣ распоряженія по откупу дѣлать съобща, «за щеку и въ мошну» артельныхъ денегъ не класть, и всякую почесть, если кто изъ плательщиковъ пошлины ударитъ челомъ какимъ товаромъ, не скрывать другъ отъ друга, а дѣлить между собою; также въ случаѣ чьего-либо иска по откупному дѣлу харчи и убытки платить изъ артели; если же кто изъ товарищей умретъ, то всю прибыль и накладъ артельный счесть, и что окажется заводныхъ денегъ и прибыли на часть умершаго, отдать женѣ его и дѣтямъ, или кому прикажетъ. Изъ этого же акта видно, что таможенный и проѣзжій сборъ въ селѣ Стексовѣ уплачивался въ боярскую казну приказнымъ людямъ помѣщика.

Въ числѣ вновь изданныхъ актовъ помѣщено шесть докладовъ Помѣстнаго Приказа по общимъ вопросамъ, возникавшимъ изъ частныхъ дѣлъ; но эти документы, извлеченные изъ рукописнаго сборника новоуказныхъ статей, не могутъ быть названы новыми. Пять докладовъ, съ состоявшимися по нимъ царскими приговорами, были уже напечатаны въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ №№ 89, 512, 580, 784 и 1115; а шестой (72, I) также вполнѣ помѣщенъ въ видѣ справки въ составѣ доклада 1689 года, тамъ же напечатаннаго подъ № 1334. Тѣ списки, которые имѣла въ виду редакція Полнаго Собранія, были, повидимому, полнѣе и исправнѣе, потому что, по сравненію съ этимъ изданіемъ, въ напечатанныхъ нынѣ спискахъ недостаетъ многихъ словъ, а въ одномъ мѣстѣ и цѣлыхъ 17 строкъ (*).

Обзоръ нашъ конечно далеко не исчерпываетъ богатаго содержанія книги. Въ ней помѣщено около 370 актовъ. Изъ нихъ 70 относятся къ числу договоровъ и обязательствъ между частными лицами, въ томъ числѣ одинъ принадлежитъ XIII-му столѣтію, четыре—

(*) Противъ этого замѣчанія почтеннаго критика считаю долгомъ пояснить, что найденное мною несходство въ редакціи указываемыхъ имъ тождественныхъ актовъ въ Полномъ Собраніи Законовъ съ тѣми, которые помѣщены въ моемъ изданіи (отчего произошла и неодинаковая ихъ полнота), даетъ поводъ къ нѣкоторымъ выводамъ относительно составленія самихъ докладовъ въ древней Россіи; почему я и напечаталъ вновь эти акты. *И. Калачовъ.*

XIV-му, семнадцать—XV-му, восемь—XVI-му, и пятьдесятъ одинъ XVII-му. Всѣ остальные (какъ то: выписи, грамоты, допросы, дѣлопроизводства и т. под.) относятся болѣе или менѣе къ сферѣ правительственной дѣятельности XV, XVI и XVII столѣтій: первому принадлежатъ въ этомъ отдѣлѣ 55 актовъ, второму 24 и третьему 220.

Что касается до матеріальной части изданія, то справедливость требуетъ замѣтить, что редакторъ не пожалѣлъ трудовъ для того, чтобы удовлетворить самыхъ взыскательныхъ любителей древностей. Каждая страница снабжена десятичною нумераціею строкъ; внизу въ выноскахъ указаны поправки очевидныхъ ошибокъ и пропусковъ, какіе замѣчены въ оригиналѣ актовъ; но всѣ особенности мѣстнаго говора или нарѣчія, выразившіяся въ составленіи акта, удержаны и въ печати. Сверхъ того въ памятникахъ XV и предшествовавшихъ столѣтій буквы, находящіяся вверху надъ отдѣльными словами, напечатаны въ отличіе отъ прочихъ буквъ курсивомъ.

Нельзя не пожелать, чтобы остальные три тома, которые обѣщаетъ намъ редакція, не замедлили явиться въ свѣтъ, и чтобы обѣщаемый Указатель ко всѣмъ томамъ былъ вполнѣ достоинъ цѣлаго изданія. Относительная польза всего собранія при исправномъ указателѣ будетъ несравненно ощутительнѣе. Къ сожалѣнію подобныя изданія по большей части лишены такихъ указателей; причину этому искать недалеко: составленіе хорошаго указателя требуетъ не только опытности и знанія, но и труда добросовѣстнаго. Но этотъ трудъ тяжелъ и неблагодаренъ: его никто не станетъ прославлять, и немногіе оцѣнятъ по достоинству. Указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій, которымъ ограничивались прежнія изданія актовъ, весьма еще недостаточенъ; его можетъ составить всякій, но за то и польза отъ него не велика. Нынѣшнее же изданіе въ особенности нуждается въ указателѣ, потому что здѣсь акты размѣщены подъ тѣми названіями, которыя придавали имъ составители; а эти названія въ томъ смыслѣ, какой теперь съ ними соединяется, не всегда соотвѣтствуютъ содержанію самыхъ актовъ.

К. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

ШЕМЯКИНЪ СУДЪ.

«Шемякинъ судъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній старой нашей словесности, въ которыхъ выразился, съ сатирическимъ характеромъ, взглядъ нашихъ предковъ на дѣйствительность ихъ быта. Кромѣ «Шемякина суда» къ разряду подобныхъ произведеній старины можно отнести извѣстное «Судное дѣло у леща съ ершомъ», направленное противъ того же общественнаго недостатка, т. е. противъ судейской несправедливости; далѣе, интересную «Челобитную Колязина монастыря» (Толст. 5, 62)—сатиру на монастырскіе нравы, и нѣсколько другихъ памятниковъ, еще не объясненныхъ критикою. Народный юморъ въ этихъ случаяхъ попадаетъ на дѣйствительно слабыя стороны быта и тѣмъ придалъ названнымъ памятникамъ нѣкоторый историческій интересъ. Два изъ нихъ особенно пользуются извѣстностью и давно перешли въ лубочныя изданія; въ нихъ достигли они и до нынѣшняго поколѣнія, которому все еще понятна и близка выходка стариннаго остроумія противъ неправедныхъ судей и подкупныхъ подьячихъ. «Шемякинъ судъ» имѣлъ даже и новыя литературныя обработки: въ 1794 г. онъ пересказанъ вмѣстѣ съ нѣсколькими баснями въ стихахъ въ книжкѣ, довольно рѣдкое изданіе которой находится въ Публичной Библіотекѣ (см. Отчетъ ея за 1852 г.); извѣстна другая передѣлка ея, написанная Полевымъ. Переводъ «Шемякина суда» на нѣмецкій языкъ помѣщенъ въ книгѣ Дитриха: Russische Volksmährchen, Leipzig, 1831, стр. 187—192.

Наиболѣе старый, извѣстный намъ списокъ «Шемякина суда» находится въ рукописи Толстовскаго собранія 2, 230, л. 42—46 (Публ. Библ. отд. XVII, Q, № 41): эта рукопись есть сборникъ разныхъ статей, писанныхъ въ концѣ XVII и началѣ прошлаго столѣтія, гдѣ рукопись «Шемякина суда» едва ли не самая старая въ сборникѣ. Другое чтеніе мы встрѣтили въ рукописи прошлаго вѣка, сообщенной намъ г. Забѣлинымъ, гдѣ «Шемякинъ судъ» и

отрывки изъ Соломоновыхъ судовъ помѣщены вмѣстѣ съ польскими новѣйшими жартами и фацеціями. По словамъ Сахарова, прекрасный, но неполный списокъ находится въ рукописи Бѣльскаго, изъ прошлаго вѣка. Мы сочли нелишнимъ передать эту сатиру въ томъ видѣ, какъ находится она въ рукописныхъ текстахъ, тѣмъ болѣе, что лубочныя изданія, весьма впрочемъ сходныя съ рукописями, становятся болѣе и болѣе рѣдки и малопзвѣстны. Мы воспользуемся для этого Толстовскимъ и Забѣлинскимъ списками, отмѣчая главные варіанты послѣдняго и помѣщая въ скобкахъ то, что̀ есть лишняго въ немъ противъ перваго списка:

Судъ Шемяки судьи, выписано изъ польскихъ книгъ.

Въ нѣкихъ мѣстѣхъ живяше два пустынника (1), единъ богатъ, а другій убогъ. Богатый же, ссужая многа лѣта убогова и не возможе его скудости исполнити; и по нѣколику времени пріиде убогій къ богатому брату просити лошади, на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богатый, не хотя убогому брату лошади дать и рече ему: «брате, ссужахъ тебя многое (время), а наполнити тебя не могу» и даде ему лошадь. (Онъ же взявъ) и нача у него просити: хомута нѣтъ,—и оскорбися на него богатый братъ, и нача ему поносити и рече ему: «како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ», и не даде ему хомута. Убогій же (вземъ лошадь) поиде къ себѣ, и пришедъ взя свои дровни и привяза дровни къ лошади за хвостъ, и поиде въ лѣсъ, и насѣкши дровъ и наклатчи на дровни елико лошади возможно везть, и повезе ко двору своему, и привесчи дрова, и отворивъ ворота, а подворотни забывъ выставить, ударп лошадь кнутомъ; лошадь же изо всей мочи бросися съ возомъ черезъ подворотню и хвостъ у себя оторвала. Убогій же (зѣло о томъ печаленъ бысть, не знаетъ, какъ лошадь отдать безъ хвоста брату своему), вземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ же, росмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и поиде на него бить челомъ во градъ (къ судьи Шемякѣ) въ лошади. (Братъ же убогій, видя, что пошелъ братъ на него бить челомъ, поиде) за нимъ же. вѣдая, что будетъ по него изъ города присылка, чтобъ ему ѣзду приставомъ не платить. И пріидоша до нѣкоего села, не доходя города; богатый поиде ноче-

(1) Два брата земледѣльцы, *въ Заб.*

вать къ попу того села по знакомству; убогій же братъ пріиде къ тому же попу. И пріиде, ляже на полати, а богатый братъ нача попу сказывати про лошадь свою, чего ради идетъ въ городъ. Потомъ же нача (2) попъ съ богатымъ ужинать, и учалъ ясти и пити и веселитися (3); убогій же нача съ полатей смотрить, что попъ съ братомъ его пьетъ и ѣстъ, а его не позовутъ, и незапу убогій урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же видѣ сына своего смерть (4) и совѣщася съ богатымъ, пошелъ въ городъ бить челомъ на убогова же въ убійствѣ сына своего. И пріидоша ко граду, гдѣ живяше судія Шемяка, убогій же иде за ними же, и внидоша всѣ во градъ, и какъ убогій попде мостомъ,—мостъ же сдѣланъ надъ глубокимъ рвомъ,—и нѣкій человѣкъ, житель того града, рвомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій же, размышляя въ себѣ, что ему отъ брата и отъ попа будетъ погибель, и умысля въ себѣ и хотя самъ себѣ смерти предати, бросися съ мосту въ ровъ и упаде на стараго человѣка..... убогій же до смерти уби его; тогожъ убогово поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку. Убогій же мысляше, какъ бы ему бѣдъ избыти (5), и умысля (сице): взя камень и завертѣ въ платъ (6) и положи въ шапку и ста предъ судьею. И принесе братъ его псковую челобитную въ лошади и подаде судьѣ (Шемякѣ). Судіяжъ, выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому: «отвѣщай»; убогій же, не вѣды, что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченой камень и показа судьѣ и поклонися (и рече судіѣ: «суди, а сюда глядн»). Судія жъ надѣяся, что ему отъ дѣла сулилъ, и рече судія истцу богатому брату: «когда де братъ твой (тако сдѣлалъ безъ хитрости) у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не емли до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ, и въ то время у него лошадь и возми.» И потомъ нача другій судъ быти и подаде попъ псковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ; той же убогій такъ же выня платъ съ камнемъ и такожъ судьѣ показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему отъ другова суда сулилъ убогій же,—рече судія (Шемяка) попу: «когда той убогій ушибъ сына

---

(2) *въ Т. испорчено; такъ въ Заб.*—(3) и пити и ясти, *въ Т.*—(4) бѣду свою, *въ Заб.*—(5) отвѣтъ творити, *въ Заб.*—(6) взя три камеия и завертѣ ихъ въ платокъ по узлу, *въ Заб.*

твоего, ты попъ отдай тому убогому свою попадью (и да будетъ у него по тѣхъ мѣстъ, какъ тотъ убогій изъ твоей попадьи ребенка добудетъ, и въ то время возми у того убогаго свою попадью).... Потомъ нача третій судъ быти, что былъ челомъ сынъ во отцевѣ смерти, что тотъ же убогій бросился съ мосту, ушибъ у него отца; убогій же вынявъ изъ шапки тотъ же заверченой камень въ платѣ и показа судьѣ. Судья же, чая, что ему третій узолъ сулилъ, и рече истцу: «взыди ты на мостъ, а ты убогій же стань подъ мостомъ, и съ мосту бросись на того убогово, яко же бросился онъ на отца твоего». Убогій же нача Бога хвалити, что судія по немъ судъ судилъ. Послѣ суда изыде истцы со отвѣтчикомъ изъ приказу, и нача богатый просити у убогово лошади своей; онъ же рече ему: «по (указу) судейскому, какъ у лошади твоей хвостъ выростетъ, въ ту пору и лошадь тебѣ отдамъ». Богатый же даде убогому брату своему 5 рублевъ денегъ, чтобы онъ лошадь ему отдалъ и безъ (хвоста; убогій же взя деньги и лошадь ему отдалъ). Потомъ же убогій нача попадьи просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадью, ребенка у ней добыти и съ робенкомъ попу попадью отдать. Попъ же нача убогому бить челомъ, чтобъ у него попадьи не ималъ; а убогій же нача гордитися (7) и попадью хотя у попа взяти; и даде попъ убогому за попадью тридцать (8) рублевъ денегъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да быка съ коровою, да запасу всякаго хлѣба сорокъ четвертей. Потомъ же нача убогій третьему истцу по судейскому указу говорить: «я де стану подъ мостомъ, а ты взыди на мостъ; а ты съ мосту бросися на меня такоже, яко же азъ на отца твоего». Онъ же размышляя въ себѣ, аще (съ мосту) мнѣ бросится, его будетъ не убити, а себя будетъ погубити (9),—и нача истецъ мириться и даде ему двадцать рублевъ денегъ, да лошадь съ коровою. Судія же выслa человѣка своего ко отвѣтчику и велѣлъ у его взять показанныя три узла....; человѣкъ же судейской нача у него трехъ узловъ просити; онъ же, вынявъ изъ шапки заверченой камень въ платѣ, показа тому человѣку, и человѣкъ нача его вопрошати: «что то за камень кажешь?» Онъ же рече: «я де того ради сей камень судьѣ казалъ..... кабы онъ не по

---

(7) носится, *въ Т.*—(8) *Въ Толст.* 50, *и далѣе вмѣсто* двадцати—30.—(9) буде убити, *въ Т.*

мнѣ судилъ, и я тѣмъ каменемъ хотѣлъ его ушибити». И пришедъ человѣкъ и сказалъ судьѣ; судья же слыша отъ человѣка своего и рече: «благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ; а кабы я не по немъ судилъ, и онъ бы меня ушибъ». Потомъ убогій отиде въ домъ свой, радуяся и хваля Бога (10).

Одна извѣстность «Шемякина суда», вошедшаго въ поговорку, могла бы служить доказательствомъ его древности. Народная память, вѣроятно, не безъ основанія придала разсказу имя Шемяки, хотя самый мотивъ его могъ быть и еще старѣе. Упомянутый здѣсь Шемяка принимается обыкновенно за князя Дмитрія Шемяку, извѣстнаго врага Василія Темнаго; старинный хронографъ именно замѣчаетъ, что «отъ сего убо времени въ Великѣй Русіи на всякого судью и восхищника во укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ» (Ист. Гос. Росс. V, прим. 338). Въ одномъ мѣстѣ книги Каменевича-Рвовскаго Шемякинъ судъ опять относится ко временамъ кн. Василія Васильевича: «во время Шемякина суда, бывшаго на него государя» (тамъ же, IV, пр. 323). Полевой, защищая Шемяку отъ осужденій Карамзина, хочетъ, кажется, отстранить отъ него и эту сатиру, и приводитъ нѣсколько князей того же имени, къ которымъ бы она могла относиться; но его утвержденія весьма недостаточны.

Въ заглавіи Толстовскаго списка, приведенномъ нами выше, происхожденіе разсказа, по-видимому, указывается изъ польскаго источника, что странно противорѣчитъ русскому характеру содержанія и имени главнаго дѣйствующаго лица—судьи. Внѣшнія черты повѣсти, языкъ ея нисколько не наводятъ на мысль о польскомъ оригиналѣ ея; языкъ этотъ полукнижный, полународный, не страдаетъ полонизмами, какіе составляютъ отличительную черту старинныхъ переводовъ съ польскаго и почти всегда сохраняются даже въ позднѣйшихъ спискахъ. Мы дѣлали предположеніе, что ссылка на польскія книги въ Толстовскомъ спискѣ основывается только на томъ, что въ оригиналѣ его разсказъ о Шемякинѣ судѣ поставленъ былъ рядомъ съ повѣстями, дѣйствительно переведенными съ польскаго, и что писецъ, выбирая повѣсти изъ такого сборника, отнесъ

(10) *Въ Заб. такъ:* тогда судія рече: слава великому Богу, яко судихъ судъ по правдѣ; аще бы судъ судилъ не тако и убогаго обвинилъ, то бы азъ отъ него цѣми каменьями убитъ былъ, а нынѣ себѣ животъ пріобрѣтохъ.

къ польскимъ книгамъ и русское сказаніе о Шемякинѣ судѣ. Упомянутая Забѣлинская рукопись оправдываетъ нѣсколько наше предположеніе, потому что въ ней Шемякинъ судъ именно поставленъ рядомъ съ повѣстями, переведенными изъ польскаго шуточнаго сборника: ихъ легко было соединить подъ общее заглавіе, потому что Шемякинъ судъ, какъ забавный анекдотъ, близокъ къ тону польскихъ фацецій. Такимъ объясненіемъ можно пока удовольствоваться въ ожиданіи новыхъ фактовъ.

Не имѣя теперь достаточныхъ данныхъ для опредѣленія исторіи Шемякина суда, остановимъ вниманіе изслѣдователей народной словесности на одномъ восточномъ произведеніи, которое было намъ указано г. Шиффнеромъ. Въ тибетскомъ «Дзанглунѣ», заключающемъ въ себѣ религіозныя буддійскія преданія, во множествѣ разныхъ поэтическихъ сказаній находится одно весьма сходное съ темой нашего разсказа. Въ тибетскомъ текстѣ оно принадлежитъ къ одному общему повѣствованію, которое, какъ обыкновенно въ «Дзанглунѣ», представляетъ двѣ главныя части: сначала описывается исторія какого-нибудь человѣка и потомъ судьба его объясняется изъ прежнихъ добрыхъ или злыхъ дѣлъ, совершенныхъ имъ въ періодъ прежняго метемпсихоза. Любопытно между прочимъ, что въ разсказѣ о *Джугпачанѣ* вставлена также и извѣстная повѣсть о судѣ Соломона; мудрое рѣшеніе приписано здѣсь царю Дзейпа.

Разсказъ «Дзанглуна» передается отъ лица самаго «Побѣдоносно-Совершеннаго», т. е. Будды, слѣдующимъ образомъ:

Въ давно прошедшія времена жилъ царь, по имени Дзейпа (прекрасный), который правилъ своимъ царствомъ сообразно предписаніямъ религіи. Въ той странѣ жилъ тогда браминъ Джугпачанъ (владѣющій жезломъ), крайне бѣдный и терпѣвшій всякую нужду: ему нечего было ѣсть, нечѣмъ было одѣться. Этотъ человѣкъ попросилъ у одного домовладѣльца быка для работы, и продержавши его день у себя, отвелъ опять къ хозяину; но какъ хозяинъ въ то время обѣдалъ, то онъ загналъ быка въ средину двора: быкъ вышелъ въ другія ворота и убѣжалъ. Послѣ стола, хозяинъ вышелъ, и не видя быка на дворѣ, спросилъ Джугпачана: «гдѣ мой быкъ?» Онъ отвѣчалъ: «я привелъ его на твой дворъ.» Хозяинъ возразилъ: «ты упустилъ моего быка, возврати его мнѣ»,—на что тотъ сказалъ:

«я не упускалъ твоего быка». Тогда они сговорились идти къ царю и отдать на его судъ, кто изъ нихъ правъ и кто неправъ. Когда они шли дорогою, у другаго хозяина ушла кобыла, и онъ закричалъ Джугпачану: «погони мою кобылу назадъ!» Этотъ схватилъ камень, бросилъ въ кобылу и переломилъ ей ногу. Тогда хозяинъ ея закричалъ: «ты убилъ мою кобылу; вознагради меня за нее.» Джугпачанъ возразилъ: «почему же долженъ я вознаградить тебя за кобылу?» Тотъ сказалъ: «такъ пойдемъ къ царю; пусть онъ рѣшитъ нашъ споръ!» Они пошли, и Джугпачанъ на дорогѣ попытался убѣжать; онъ вспрыгнулъ на стѣну, за которой работалъ ткачь; Джугпачанъ упалъ на ткача и убилъ его. Тогда жена его схватила Джугпачана и сказала: «ты убилъ моего мужа; отдай мнѣ его.» Онъ возразилъ: «какъ я отдамъ тебѣ мужа?» Но женщина сказала; «постой! мы пойдемъ къ царю; онъ рѣшитъ нашъ споръ.» Они отправились, и на дорогѣ подошли къ глубокой рѣкѣ; черезъ рѣку переходилъ дровосѣкъ, держа во рту маленькій топоръ. Джугпачанъ спросилъ дровосѣка: «глубока ли рѣка?» Дровосѣкъ отвѣчалъ: «вода глубока», и въ эту минуту его топоръ упалъ въ воду. Дровосѣкъ не могъ найти его въ рѣкѣ, схватилъ Джугпачана и сказалъ ему: «ты забросилъ въ воду мой топоръ!» Когда Джугпачанъ отвѣчалъ, что не бросалъ въ воду его топора, тотъ возразилъ: «постой! мы пойдемъ вмѣстѣ къ царю и онъ рѣшитъ нашъ споръ.» Джугпачанъ очень утомился и зашелъ въ погребокъ, чтобы спросить себѣ вина; у жены винопродавца недавно родился сынъ, онъ спалъ закрытый одеждами, Джугпачанъ сѣлъ на него и умертвилъ ребенка. Мать схватила Джугпачана и вскричала: «ты убилъ моего сына; отдай мнѣ сына!» Джугпачанъ отвѣчалъ: «какъ я отдамъ тебѣ сына, когда я не убивалъ его?» Женщина сказала: «пойдемъ къ царю; онъ рѣшитъ нашъ споръ.»

Они шли всѣ мѣстѣ и по дорогѣ пришли въ другое мѣсто, гдѣ на деревѣ «шакотака» сидѣлъ воронъ, который увидѣвъ Джугпачана, закричалъ ему: «куда ты идешь?» на что Джугпачанъ отвѣчалъ: «я иду не своей волею; меня ведутъ эти люди, и ведутъ къ царю.» Воронъ сказалъ: «если такъ, то передай царю обо мнѣ такую вѣсть,—въ такомъ-то мѣстѣ сидитъ на деревѣ «шакотака» воронъ (который говоритъ): когда я сижу на другомъ деревѣ, голосъ мой бываетъ дикъ и непріятенъ; если же я сажусь на это дерево, голосъ мой

становится удивительно хорошъ: отчего это происходитъ?» Далѣе, въ другомъ мѣстѣ, Джугпачана увидѣла змѣя; она переговорила съ нимъ такимъ же образомъ и послала къ царю слѣдующій вопросъ: «когда я выползаю изъ своей норы, мнѣ бываетъ пріятно; когда возвращаюсь въ нее, мнѣ дѣлается тяжело: отчего это происходитъ?» Они шли дальше по дорогѣ, и въ другомъ мѣстѣ увидѣла Джугпачана молодая женщина, которая такимъ же способомъ послала слѣдующій вопросъ: «когда я бываю въ домѣ родителей своихъ, мнѣ хочется быть въ домѣ свекра; а когда я нахожусь въ домѣ свекра, меня тянетъ въ домъ родителей моихъ: отчего это происходитъ?»

Оттуда отправились они далѣе и пришли къ царю; они преклонились къ ногамъ его и стали по одной сторонѣ. Царь спросилъ ихъ: «зачѣмъ пришли вы сюда?» Въ отвѣтъ на слова его, домовладѣлецъ, поспорившій съ Джугпачаномъ, изложилъ свое дѣло. Царь спросилъ Джугпачана: «бралъ ли ты у него быка?» Отвѣтъ: «да, я бралъ».—«Возвратилъ ли ты его?»—«Думая, что онъ видѣлъ, какъ я привелъ быка, я загналъ быка на дворъ». Царь рѣшилъ: такъ какъ Джугпачанъ, приведши быка, не объявилъ объ этомъ, то ему должно отрѣзать языкъ; и такъ какъ хозяинъ видѣлъ приведеннаго быка и не привязалъ его, то ему слѣдуетъ выколоть глазъ. Домовладѣлецъ сказалъ: «во-первыхъ, Джугпачанъ потерялъ у меня быка, да во-вторыхъ, я долженъ еще лишиться глаза; нѣтъ, пусть лучше Джугпачанъ выиграетъ дѣло!» Потомъ другой человѣкъ сказалъ: «божество! Джугпачанъ убилъ у меня лошадь». Царь спросилъ Джугпачана: «какимъ образомъ ты убилъ лошадь?»—«Я шелъ дорогою, и этотъ человѣкъ закричалъ мнѣ: погони лошадь сюда! Я взялъ камень, бросилъ въ нее и она издохла». Царь изрекъ: такъ какъ хозяинъ лошади сказалъ—гони лошадь сюда, то ему должно отрѣзать языкъ, а такъ какъ Джугпачанъ бросилъ камень, то ему слѣдуетъ отрубить руку». Тогда этотъ человѣкъ сказалъ: «не только у меня убита лошадь, но и мнѣ хотятъ отрѣзать языкъ; нѣтъ, пусть лучше Джугпачанъ выиграетъ дѣло». Остальныхъ истцовъ царь разсудилъ такимъ же образомъ и всѣ они уступили въ спорѣ Джугпачану. Такъ какъ дровосѣкъ несъ во рту вещь, которую долженъ былъ нести за плечами, то ему слѣдовало въ наказаніе выбить два зуба, а Джугпачану за его во-

просъ отрѣзать языкъ. Другую вину Джугпачана и небрежность женщины, у которой онъ задавилъ ребенка, царь рѣшилъ наказать тѣмъ, что велѣлъ Джугпачану быть ея мужемъ и вознаградить ее за ребенка. Женщинѣ, у которой Джугпачанъ убилъ мужа, свалившись со стѣны, царь также рѣшилъ взять Джугпачана въ мужья. Всѣ они отказались отъ подобныхъ удовлетвореній: пусть лучше Джугпачанъ выиграетъ дѣло. Такимъ образомъ царь уладилъ всѣ споры, принялъ сторону Джугпачана и избавилъ его отъ всякаго наказанія.

Разсказъ оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ:

По окончаніи суда, Джугпачанъ сказалъ царю: «когда эти люди взяли меня и вели сюда, одна змѣя просила меня передать тебѣ такой вопросъ: когда я выползаю изъ своей норы (говорила она), то мнѣ бываетъ пріятно; когда возвращаюсь въ нее, мнѣ дѣлается тяжело; она спрашиваетъ, отчего это происходитъ?» Царь отвѣчалъ: «скажи этой змѣѣ слѣдующее: оттого такъ бываетъ, что, выползая изъ норы, ты не бываешь разгорячена и чувствуешь голодъ; но такъ какъ ты, вышедши изъ норы, много жрешь и страдаешь отъ нападеній птицъ, и отъ гнѣва раздуваешься, то, вползая въ нору, встрѣчаешь препятствіе, которое тебя безпокоитъ. Если бы ты теперь меньше принимала пищи и не предавалась злобѣ, то входъ въ нору будетъ тебѣ столько же удобенъ, какъ и выходъ изъ нея». Когда Джугпачанъ передалъ вопросъ молодой женщины, царь отвѣчалъ: «скажи этой молодой женщинѣ слѣдующее: въ домѣ родителей твоихъ есть у тебя другъ, и бывая у свекра, ты изъ любви къ этому другу желаешь быть въ домѣ родителей; когда же приходишь къ нимъ и другъ твой тебѣ наскучитъ, ты желаешь видѣть мужа и торопишься въ домъ свекра: откажись отъ одного изъ этихъ мѣстъ и крѣпче держись другаго, тогда твое безпокойство кончится». Наконецъ Джугпачанъ передалъ вопросъ ворона, сидящаго на деревѣ «шакотака», и царь отвѣчалъ: «подъ этимъ деревомъ лежитъ золото, и оттого голосъ твой становится пріятенъ; вблизи другихъ деревьевъ золота нѣтъ, и голосъ твой теряетъ свою пріятность». Затѣмъ царь сказалъ Джугпачану: «хотя ты и провинился во многихъ дурныхъ дѣлахъ, я освободилъ тебя отъ нихъ; ты бѣденъ и терпишь нужду, поэтому вырой скрытое подъ деревомъ «шакотака» сокровище и возьми его себѣ!»... Джугпачанъ передалъ каждому изъ

спрашивавшихъ рѣшеніе царя, досталъ золото, скрытое подъ деревомъ, и взялъ его себѣ: онъ завелъ собственное хозяйство, не терпѣлъ больше никакихъ недостатковъ и остальное время своей жизни былъ богатъ и веселъ (Dsanglun oder der Weise und der Thor. Aus d. Tibet, übers. von Schmidt. St. Petersb. 1843, II, 338—346).

Сличивъ два приведенные разсказа, читатель легко можетъ видѣть строгое соотвѣтствіе между русскимъ разсказомъ о Шемякѣ и восточнымъ сказаньемъ о Джугпачанѣ. Разница между ними состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что наша редакція вставляетъ сатирическую мысль и пріурочиваетъ разсказъ къ историческому лицу и къ извѣстнымъ обстоятельствамъ старинаго русскаго быта; во-вторыхъ, наша редакція не имѣетъ сказочнаго окончанія тибетской повѣсти, гдѣ миѳическая основа удержалась свѣжѣе.

Сравненіе это убѣждаетъ, кажется намъ, что наша повѣсть о Шемякинѣ судѣ не была первоначально сатирой, сочиненной именно по поводу извѣстнаго лица; напротивъ, скорѣе это былъ давнишній народный разсказъ, который однажды примѣненъ былъ къ дѣйствительному лицу и съ тѣхъ поръ остался въ этомъ видѣ. Подробности, прибавленныя къ главному сюжету въ тибетской редакціи—вопросы, предложенные царю отъ ворона, змѣи и молодой женщины, также чисто миѳическаго происхожденія; они повторяются и въ славянскихъ преданіяхъ. Указываемъ сербскую сказку объ *Усудѣ*, въ изданіи Вука Стефановича, и русскую о *Маркѣ-богатомъ*, въ первомъ выпускѣ сказокъ г. Аѳанасьева. Эти два варіанта еще лучше показываютъ значеніе вставки въ разсказѣ о Джугпачанѣ; вопросы къ царю мотивированы точнѣе и становятся необходимой чертой разсказа, чего нельзя сказать о тибетскомъ текстѣ.

Любопытно было бы дальнѣйшее разъясненіе этого сюжета; оно очевидно не было бы лишено особенностей, замѣчательныхъ для исторіи народныхъ преданій.

А. ПЫПИНЪ.

ЗАГОВОРЫ.

I. Приворотные.

На морѣ на-окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, спитъ младъ младенецъ, тоскуетъ, мечется о матерни груди: такъ же бы тосковала, горевала раба *(имя)* обо мнѣ рабѣ *(имя)*. Какъ раба *(имя)* хлѣбъ-соль любитъ, такъ же бы она любила меня раба *(имя)* отнынѣ и до вѣка.

Ложусь я рабъ *(имя)* не молясь, встаю не благословясь; иду я изъ двери въ дверь, изъ воротъ въ вороты, иду черною тропою, мышиною норою; на встрѣчу мнѣ 77 бѣсовъ съ сатанищею. Прекло-няюся я къ 77 бѣсамъ съ сатанищею: куда вы идете 77 бѣсовъ съ сатанищею? Идемъ мы на синё море—сине море колебать, горючь-камень зажигать. Не ходите вы на сине-море: синё море не колебайте, горючь-камень не зажигайте. Подите у рабы *(имя)* зажгите ретивое сердце, легкое, печень, 77 жилъ съ полужилками, 77 ноготковъ съ подноготками, 77 суставовъ съ полусуставами, чтобы она раба *(имя)* безъ меня раба *(имя)* не-пила-не-ѣла и терпѣть не могла.

Пойду я на море на окіянъ. На морѣ на окіянѣ стоитъ баня, въ банѣ доска, подъ доскою тоска: бросься тоска въ рабу *(имя)*, чтобы она отреклась ото всего роду-племени, отъ отца и матери, и думала бы обо мнѣ рабѣ день и ночь и глухую полуночь, ѣла не заѣла, пила не запила.

II. Отъ лихорадки.

Ложусь я рабъ божій *(имя)* благословясь, встаю перекрестясь. Умоюсь я бѣлехонько, снаряжусь хорошохонько, пойду изъ избы въ дверь, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ восточную сторону, на окіянъ-море. На море-окіянѣ, на островѣ на Буянѣ шелъ Моисей дорогою торною, тропою черною. Встрѣтились ему двѣнадцать дѣвицъ. Что-же вы за дѣвицы?—Мы дѣвицы-трясуницы, Иродовы дочери; а ты что есть на свѣтѣ?—Я есмь царь Моисей; выхвачу острый мечь и хочу вамъ голову ссѣчь.—Ахъ, царь Моисей, не сѣки, не рубп: не будемъ мы ходить, народъ морить; никто не увидитъ нашей пляски и до вѣку тряски.

КНЯГИНИНЪ УСПЕНСКІЙ ДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ

(ВО ВЛАДИМІРѢ КЛЯЗЕМСКОМЪ).

---

1. Исторія монастыря.

Въ концѣ XII вѣка, во время княженія Всеволода Георгіевича III, столица великокняжеская — Владиміръ, распространенный (1) и украшенный великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ, сталъ еще на бо́льшую степень процвѣтанія. На дворѣ великокняжескомъ построенъ Дмитріевскій златоверхій соборъ, Успенскій соборный храмъ Боголюбскаго распространенъ боковыми пристройками и послѣ пожара въ 1185 году (2) возобновленъ и снова украшенъ. Кромѣ того В. К. Всеволодъ построилъ близъ собора дворецъ для дѣтей своихъ—дѣтинецъ, и подлѣ него на святыхъ воротахъ новую церковь во имя Богоотецъ Іоакима и Анны (3); кромѣ прежде бывшихъ мужескихъ монастырей Вознесенскаго, Спасозлатовратскаго и Успенскаго и дѣвичьяго Георгіевскаго (4), основалъ и устроилъ Рождественскій мужескій монастырь въ Кремлѣ-городѣ и создалъ въ немъ изъ бѣлаго камня соборный храмъ, какъ и В. К. Андрей въ Боголюбовѣ, въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, который и освященъ въ 1197 году, 27 октября (5). Къ этому времени относится основаніе и дѣвичьяго Княгинина Успенскаго монастыря.

Княгиня Марія Шварновна, дочь князя Чешскаго, супруга В. К. Всеволода, отличавшаяся, по свидѣтельству лѣтописцевъ, благочестивою жизнію, будучи одержима тяжкою болѣзнію, дала обѣтъ устроить во Владимірѣ женскую обитель. По сонзволенію своего супруга, она избрала для сего и купила мѣсто въ той части города, которая тогда называлась *Новымъ*, а впослѣдствіи *Китай* городомъ, на западной оконечности землянаго вала надъ рѣчкою Лыбедью, и тутъ основала дѣвичій монастырь, который сталъ именоваться *Княгининымъ*. Въ 1200 году, 15 іюля, въ день празднованія св. В. К.

Владиміру, Всеволодъ III заложилъ здѣсь каменную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы (6). Въ 1201 году, когда храмъ этотъ еще только былъ оконченъ каменною кладкою, онъ сталъ уже усыпальницею княжескою: въ декабрѣ мѣсяцѣ этого года въ немъ погребена княгиня Елена, супруга князя Ярослава Владиміровича, свояченица В. К. Всеволода (7). Въ 1202 году Успенская церковь, уже украшенная внутри иконами и усердіемъ великой княгини снабженная всякою утварью, освящена, 9 сентября, Ростовскимъ епископомъ Іоанномъ, въ присутствіи В. К. Всеволода и дѣтей его Константина, Юрія и Владиміра. Въ этой же церкви погребена дочь Всеволода, княжна Елена, скончавшаяся 30 декабря 1203 года (8).

Семь лѣтъ терпѣливо переносила болѣзнь свою великая княгиня Марія Шварновна и наконецъ, почувствовавъ приближеніе кончины, по согласію съ супругомъ своимъ, положила оставить свой княжескій домъ и перейти въ устроенный ею дѣвичій монастырь. Въ 1206 году 1 марта, напутствовавъ сына своего Константина благословеніемъ на княженіе Новгородское (9), по отъѣздѣ его назначила перейти въ слѣдующій день, 2 числа, въ Успенскую обитель, и по прибытіи туда постриглась въ монашескій чинъ, а черезъ 18 дней, 19 марта, скончалась, и тѣло ея положено въ каменномъ гробѣ въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ Успенскаго храма (10). Здѣсь же постриглась и погребена и вторая супруга Всеволода III Анна Васильевна, дочь Витебскаго князя Василька Брячиславича, съ которою онъ сочетался въ 1209 году (11). Въ 1230 году 9 марта принесены во Владиміръ изъ Болгаріи мощи св. мученика Аврамія и положены въ монастырѣ Княгининѣ въ каменномъ гробѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенскомъ Успенскаго храма (12). Въ половинѣ XIII вѣка въ этой же церкви погребены великая княгиня Александра, супруга св. великаго князя Александра Невскаго, дочь его княжна Евдокія и его же вторая супруга великая княгиня Васса (13). До начала XVI столѣтія о Княгининѣ монастырѣ ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ историческихъ актахъ не встрѣчается болѣе никакихъ извѣстій. Въ 1512 году монастырю дана была жалованная грамота (на пергаминѣ) В. К. Василіемъ Іоанновичемъ при игуменьѣ Марѳѣ, о дачѣ ежегодной руги изъ ростовыхъ денегъ за выкупленныя имъ монастырскія заложенныя вотчины, въ 2142 рублихъ, а именно: волость Дуброву и село Семьинское, за которыя князь давалъ монастырямъ росту по

гривнѣ съ рубля; тогда считалось въ монастырѣ 36 иноковъ (14). Въ 1556 году царь и великій князь Иванъ Васильевичь Грозный пожаловалъ въ вѣчное владѣніе Успенскому Княгинину монастырю водяную мукомольную мельницу, а оброку съ нея по рублю въ годъ (15). Съ этого времени Княгининъ монастырь во многихъ актахъ началъ именоваться *Новодѣвичьимъ* (16). Въ монастырской описи 1697 года кромѣ этихъ значатся еще слѣдующія царскія грамоты: *Царя Михаила Ѳеодоровича:* 7122 (1614) года на монастырскія вотчины на Неражъ и на Валковскія деревни; того же года несудимая; 7131 (1623) года на Неражъ и на Валковскія деревни; 7138 (1630) года о крестьянинѣ Ивашкѣ Курбатовѣ, за приписью дьяка Герасима Мартемьянова; 7150 (1642) года о монастырскихъ сторожахъ; 7151 (1643) года 14 сентября жалованная на пустошь Левино поле; *Царя Алексѣя Михаиловича:* 7158 (1650) года, жалованная на монастырскій огородъ, за приписью дьяка Богдана Обобурова; 7159 (1651) года съ росписью о бобыляхъ и о сторожахъ, которые взяты въ посадъ съ монастырскія земли, за приписью дьяка Ивана Охѣева, и того же года о полоняничныхъ деньгахъ; *Царя Ѳеодора Алексѣевича:* 7190 (1682) года, 16 января, которою Володимерцамъ, посадскимъ людямъ, съ церковныхъ сторожей въ земскую избу никакихъ поборовъ имать не велѣно; *Царей, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича:* 7192 (1684) года 8 января о конныхъ даточныхъ людяхъ, и 7203 (1695) года 22 іюня, о мельницѣ что подъ селомъ Краснымъ, на рѣкѣ Рпени. Первыя двѣ грамоты хранятся въ монастырской библіотекѣ и донынѣ.

Въ Княгининѣ монастырѣ жила нѣкоторое время дочь царя Бориса Ѳедоровича Годунова Ксенія, которая потомъ подъ именемъ инокини старицы Ольги скончалась и погребена въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ (17). Изъ расходныхъ тетрадей игуменьи 1629 года видно, что въ монастырѣ были особыя царицыны хоромы и ихъ «смотрѣлъ» воевода Владимірскій (18).

Въ 1665 году, по грамотѣ изъ Патріаршаго Разряда, составлены описныя книги Княгинина монастыря Владимірскаго Ѳедоровскаго монастыря игуменомъ Іустиномъ. Книги этѣ открываютъ, что въ монастырѣ: «деисусъ и праздники и пророки и праотцы и царскія двери и мѣстныя иконы, окладные и налойные, образы и пядницы окладныя жъ, и книги и ризы и кадила и паникадила и чаша

водосвятная серебряная, и стопка и блюдо и ложка сребряныя жъ, и церковь подписана и покрыта и придѣлы и алтари и паперти покрытыжъ, и трои двери церковныя желѣзныя и затворы у вѣтренницъ желѣзные жъ, и обои ворота святыя каменныя сдѣланы и въ монастырѣ вновь колодезь выкопанъ по обѣщанію блаженныя памяти великаго господина святѣйшаго Іосифа, патріарха Московскаго и всея Руси, его патріаршею келейною казною, при игуменьѣ Таисіи Сновидовѣ».

Въ 1697 году составлены вновь описныя книги монастыря архимандритомъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря Іосифомъ, а въ 1701 году, по царскому указу и по наказу изъ Монастырскаго Приказа, поручено было ихъ повѣрить и вновь составить стольнику Ивану Васильевичу Борятинскому (19). Изъ этой описи видно, что въ то время при монастырѣ было четыре священника и два діакона; жили они за монастыремъ (въ улицѣ, что нынѣ зовется Царицына); монашествующихъ было: игуменья Неонила Всеволожская, казначея старица Пелагея Вечеслова, старица Елизавета Бутурлина, 20 клирошанокъ, 80 старицъ рядовыхъ, 9 старицъ безвкладныхъ, 4 старицы въ искусѣ и сверхъ того у игумены и у старицъ въ кельяхъ жили 48 престарѣлыхъ вдовъ и дѣвокъ въ келейницахъ, изъ коихъ содержалось 2 скорбныхъ, 1 слѣпая и 2 *странныхъ* (присланныхъ подъ началъ). Хоромнаго строенія въ монастырѣ было: «подлѣ трапезы келья игуменьи двойня на жиломъ подклѣтѣ, противъ кельи сѣни, на сѣняхъ чердакъ; у святыхъ воротъ и у заднихъ воротныя кельи, да позади игуменьиныхъ келій два погреба съ напогребницами и 48 келій старыхъ и новыхъ и всякихъ, строили отъ себя сами старицы на свои деньги».

Неизлишнимъ считаемъ помѣстить здѣсь слѣдующее извлеченіе изъ описи объ источникахъ монастырскаго содержанія того времени.

«Игуменьѣ государева жалованья въ Володимерѣ изъ таможенныхъ доходовъ ружныхъ и понахидныхъ денегъ въ годъ давано было по 6 рублевъ по 15 алтынъ и хлѣбнаго жалованья изъ дворцовыхъ селъ по 7 четвертей съ осминою, овса по томужъ; съ отдаточныхъ угодій наемныхъ денегъ, коихъ емлется въ годъ по 125 рублевъ по 25 алтынъ, игуменьѣ приходитъ въ годъ по 12 рублевъ по 11 алтынъ по 4 деньги, да съ монастырскихъ крестьянъ сби-

рается хлѣба за монастырскую пашню, которая дана имъ, ржи по 111 четвертей, овса по томужъ на годъ и изъ того хлѣба игуменьѣ въ годъ по 2 четверти съ осминою ржи, овса потому жъ. Четыремъ попамъ великого государя жалованья изъ таможенныхъ доходовъ ружныхъ и понахидныхъ денегъ въ годъ было по 6 рублевъ по 15 алтынъ, двумъ дьяконамъ по 4 рубли по 10 алтынъ по 5 денегъ человѣку; имъ же четыремъ попамъ государева хлѣбнаго жалованья изъ дворцовыхъ селъ давано было по 5 четвертей ржи, овса по томужъ, двумъ дьяконамъ по 3 четверти съ осминою ржи, овса по томужъ. Старицамъ 64 человѣкамъ по 47 алтынъ по 2 деньги, да имъ же старицамъ по 2 четверти съ полчетвериком ржи, овса по томужъ. И того денежнаго жалованья въ годъ давано было игуменьѣ, попамъ и діаконамъ и старицамъ по 137 рублевъ по 12 алтынъ по 2 деньги, а хлѣбнаго по 170 четвертей съ осминою и овса по 160 четвертей. Да съ отдаточныхъ угодій изъ наемныхъ денегъ, кромѣ игуменьи, 4 попамъ и 2 діаконамъ въ годъ приходитъ по 1 рублю по 20 алтынъ по 4 деньги человѣку, да 64 старицамъ каждой по стольку же. Да съ монастырскихъ крестьянъ отсыпнаго хлѣба четыремъ попамъ да двумъ дьяконамъ по четверти съ полуосминою ржи, овса по томужъ человѣку, 64 старицамъ каждой по стольку же, итого отсыпнаго хлѣба въ годъ приходитъ по 111 четвертей. Да Успенскаго жъ дѣвичьяго монастыря въ подмонастырной-слободѣ живутъ на монастырской землѣ стряпчій Петрушка Игнатьевъ сынъ Кувакинъ да подьячей Ганька Моисеевъ; окладу имъ хлѣба по 5 четвертей съ полуосминою ржи, овса по томужъ человѣку на годъ сбирается съ крестьянъ, да съ сельнаго жалованья по четырнадцати вытей, денегъ съ выти сбирается по пяти алтынъ, да печенаго хлѣба по восьми хлѣбовъ, да четыре куренка съ вытижъ; да неокладного доходу: кто съ кѣмъ изъ крестьянъ передерется до крови, на виноватомъ смотрѣнного по четыре алтына по двѣ деньги; или кто у кого межу перепашетъ, по челобитью на виноватомъ за перепашку по четыре алтына по двѣ деньги; кто на кого побьетъ челомъ въ каковѣ дѣлѣ, и на виноватомъ по дѣлу мироваго по три алтына по двѣ деньги; кто изъ монастырскихъ вотчинъ крестьяне въ постороннія вотчины отдаютъ вдовъ и дѣвокъ, и съ нихъ емлются вводныя деньги по противнямъ, какъ и съ успенскихъ крестьянъ выводы емлютъ, кто женится

убруснаго по восьми денегъ, а изъ монастыря денежнаго казеннаго и хлѣбнаго жалованья ничего имъ не даютъ».

«Въ 1701 году іюля въ 19 день въ Володимерѣ стольнику князю Ивану Васильевичу Борятинскому Успенскаго новодѣвича монастыря попъ Василій съ братьею сказали: нынѣ де имъ великаго государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья не дается; да на монастырской же землѣ въ Никольскомъ переулкѣ ихъ поповскимъ мѣстомъ завладѣлъ де насильно Володимерецъ посадской человѣкъ Иванъ Хахалинъ; да имъ же де попамъ и дьяконамъ дана пустошь Левино поле, что нынѣ деревня, а въ ней два двора бобыльскихъ, да по писцовой выписи писца князь Василія Кропоткина 150 (1642) года написано къ той деревнѣ Левину полю пашни и сѣнныхъ покосовъ и лѣсу на двѣ версты въ длину, а поперегъ на версту и у сей нашей поповской и дьяконской дачи владѣютъ насильно Володимерцы посадскіе люди и иныхъ чиновъ на полверсты, а та пустошь Левино поле и съ угодьи дана имъ къ церкви Божіи къ престолу на ладонъ и на поминовеніе по душамъ блаженныя памяти благовѣрныхъ великихъ князей и княгинь и чадъ ихъ, а они де ладонъ покупаютъ на церковную службу на свои деньги; да у нихъ же за рѣкою Клязьмою пожня Чприковъ лугъ, 30 копенъ, а завладѣли де насильно съ 205 (1697) года патріаршей Баглачевской волости крестьяне». Тогда же били челомъ князю Борятинскому и церковные сторожа подмонастырной слободы Якимко Гавриловъ съ товарищи: «живутъ де они на монастырской церковной землѣ и всякую де церковную и монастырскую работу работаютъ, и въ ходы съ хоругвью ходятъ, и великаго государя богомолье церковь Божію стерегутъ днемъ и ночью, и подъ трапезу дрова рубятъ, и пиво варятъ, и трапезу топятъ, и около колодезя и колодезь чистятъ, и во всякія посылки къ Москвѣ и въ монастырскія вотчины ради монастырскаго дѣла ходятъ, и гряды роютъ и садъ перекапываютъ, а гдѣ де учинитца около монастырской городовой осыпи какое поврежденіе и они де починиваютъ, и зимнимъ временемъ въ монастырѣ снѣгъ огребаютъ и въ уѣзды ихъ воеводы и сыщики посылаютъ съ наказными памятьми; да съ нихъ же де по великаго государя указу взяты въ даточные солдаты шесть человѣкъ, а живутъ де они дворишками своими на монастырской землѣ, а великаго де государя хлѣбнаго и денежнаго жалованья изъ монастыря имъ ничего

не дается, а кормятся де они своею работишкою, рукодѣльишкомъ, рукавицы и шапки шьютъ и портное и овчинное дѣло дѣлаютъ; а иные де изъ нихъ кормятся въ мірѣ Христовымъ именемъ; да съ нихъ же де съ рукодѣльишка ихъ берутъ насильствомъ своимъ Володимерцы посадскіе люди оброкъ и десятую деньгу». По этой челобитной велѣно было давать сторожамъ жалованья въ годъ денегъ по два рубли и хлѣба, вмѣсто десятинной пашни, ржи и овса по пяти четвертей.

1711 года 11 мая, въ четвертое воскресенье по пасхѣ, св. мощи мученика Аврамія перенесены изъ Благовѣщенскаго придѣла въ Успенскій храмъ и положены въ ракѣ на вскрытіи архимандритомъ Рождественскаго монастыря Боголѣпомъ съ прочимъ духовенствомъ. По этому случаю, въ 1712 году учрежденъ крестный ходъ въ Княгининъ монастырь изъ Успенскаго собора, который совершается донынѣ каждогодно въ четвертое воскресенье по пасхѣ и воскресеніе это слыветъ здѣсь *Авраміевскимъ*.

Въ 1722 году, указомъ изъ синодальнаго духовнаго приказа отъ 20 іюня, велѣно было отобрать отъ образовъ всякіе привѣсы и употреблять на церковныя всякія потребы, строеніе и починки. Привѣсы эти, какъ видно изъ монастырской описи 1701 года, состояли изъ крестовъ, панагій, металлическихъ, каменныхъ, деревянныхъ и костяныхъ, серегъ, пронизокъ, булавокъ и монетъ золотыхъ и серебряныхъ (20). Вслѣдствіе такого указа продано было привѣсъ на *семдесятъ рублей и двадцать семь алтынъ* и деньги употреблены въ расходъ. И такъ не однѣ татарскія раззоренія и пожары были причиною уничтоженія памятниковъ древнихъ русскихъ искусствъ и художествъ!

Въ томъ же 1722 году 7 сентября прибыли въ Княгининъ монастырь, по указу государя Петра I, мастерицы прядильнаго дѣла: Елена Ѳедорова, Прасковья Козмина и Авдотья Андреева; съ ними присланы и матеріалы: инструменты, гайки и щетки, льну чесаного 12 золотниковъ и сырцу 17 пудовъ; въ продолженіи года выучили онѣ 12 монахинь: 6 прялокъ и 6 чесальщицъ.

Въ 1725 году переведены въ этотъ монастырь «по духовному регламенту» 24 монахини изъ Владимірскихъ женскихъ монастырей: 18 изъ Богородицкаго и 6 изъ Сергіевскаго. Нынѣ этихъ монастырей уже не существуетъ, а остались только церкви Богородиц-

кая безприходная при Духовной Семинаріи и приходская Сергіевская.

До изданія указа 1762 года объ отобраніи у монастырей вотчинъ и учрежденіи духовныхъ штатовъ у Княгинина монастыря было во владѣніи 1097 крестьянъ.

Въ 1804 году при епископѣ Владимірскомъ и Суздальскомъ Ксенофонтѣ св. мощи Аврамія переложены въ новую серебряную раку и надъ нею устроенъ балдахинъ отличной рѣзной работы, вызолоченный червоннымъ золотомъ.

Въ 1855 году 12 іюня вспыхнулъ пожаръ въ Царицынской улицѣ и при бывшемъ сильномъ вѣтрѣ пламя быстро перекинуло въ сосѣднюю улицу и оттуда въ Успенскій дѣвичій монастырь, гдѣ сгорѣли всѣ кельи, безъ остатка, числомъ 37, и обгорѣли на церквахъ кровли и главы, но внутри храмовъ и церковная утварь съ небольшимъ поврежденіемъ спасены, а св. мощи мученика Аврамія вынесены были въ Успенскій соборъ, гдѣ и находились до 17 іюля, а въ этотъ день съ крестнымъ ходомъ торжественно перенесены снова въ Успенскую обитель.

По историческимъ актамъ и руководствуясь записями, хранящимися въ монастырѣ, перечислимъ настоятельницъ упоминаемыхъ въ нихъ съ начала XVI вѣка: Маѳа въ 1512 году, Евѳимія съ 1544—1550, Евпраксія съ 1550—1560, Софія съ 1560—1566, Ольга съ 1628 — 1642, Марина съ 1642 — 1645, Тапсія съ 1645—1648, Маремьяна съ 1648—1649, Тапсія Сновидова съ 1649—1662, Елена Никитична Карамышева съ 1662—1665, Анна съ 1665—1669, Анисія Новоспльцева съ 1669—1672, Маремьяна Борисова съ 1672—1675, Ѳеодосія съ 1675—1680, Неонила Всеволожская съ 1680—1700, Ѳеоктиста съ 1700—1710, Екатерина съ 1710—1737, Амфія Бужанинова съ 1737—1755, Любовь съ 1755—1770, Серафима съ 1770—1782, Назарета Бухвостова съ 1782—1807, Марія съ 1807—1829, Евгенія съ 1829—1832, Изумрагда съ 1832—1840, Елизавета съ 1840—1848 и Евгенія съ 1848 года, игуменствующая донынѣ.

Теперь перейдемъ къ описанію настоящаго состоянія Княгининой Успенской обители. Для этого обратимъ вниманіе на ея зданія, ризницу и библіотеку.

II. *Настоящее состояніе монастыря.*

Здапія. Успенскій монастырь обнесенъ каменною оградою съ семью башнями; надъ святыми вратами съ южной стороны устроена въ началѣ нынѣшняго столѣтія новая колокольня, а прежняя шатровая, строеніе патріарха Іосифа, бывшая при Успенской церкви, разобрана (21). Церквей въ монастырѣ двѣ съ четырьмя придѣлами.

Соборная Успенская холодная церковь каменная объ одномъ верхѣ; стѣны раздѣляются на три части выдающимися дуговыми лопатками, алтарь троечастный, окна узкія и длинныя съ дуговыми перемычками; стѣны толщиною 2 аршина 2 вершка. Внутри храма стѣны росписаны по штукатуркѣ, укрѣпленной на гвоздяхъ съ широкими шляпками, по сырому грунту (альфреско); письмо половины XVII вѣка (22); во многихъ мѣстахъ въ стѣнахъ показались трещины насквозь съ верху до низу, не смотря на толщину ихъ. Храмъ длиною отъ горняго мѣста до западныхъ дверей 26, а въ ширину отъ сѣверныхъ до южныхъ дверей 19 аршинъ. Въ алтарѣ престолъ и жертвенникъ каменные. Иконостасъ рѣзной новый, устроенный въ началѣ нынѣшняго столѣтія, иконы въ немъ, кромѣ мѣстныхъ, также новаго письма, а древнія, изъ прежняго иконостаса, отданы въ церковь подгороднаго села Краснаго, гдѣ находятся и донынѣ. Нѣсколько древнихъ иконъ остались впрочемъ въ тепломъ храмѣ и въ паперти при Успенской церкви. У праваго столпа почиваютъ мощи св. Аврамія; на серебряной ракѣ находится слѣдующая надпись: «Пренесены честныя мученическія мощи святаго Аврамія, Владимірскаго чудотворца, во градъ Владиміръ во время княженія святаго благовѣрнаго Князя Георгія Всеволодовича въ лѣто 6739 мѣсяца марта въ 6 день (23) и положены въ Успенской соборной церкви дѣвичьяго монастыря, рекомаго Княгининъ, въ придѣлѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а изъ онаго пренесены въ соборную церковь и положены въ рацѣ у праваго столпа въ лѣто 7219 мѣсяца маія въ 11 день, преложены въ новую серебряную раку въ лѣто отъ Рождества Христова 1804 мѣсяца октября въ . . день.» При мощахъ находятся желѣзныя вериги Св. Аврамія; хотя въ описи 1701 года и сказано, что ихъ въ описной книгѣ 1697 года не значится—«явились вновь»,—но они были и прежде и въ описи

1665 года записаны такъ: «надъ гробомъ мученика Аврамія вериги, три креста верижныхъ желѣзныхъ».

Изъ иконъ въ Успенскомъ храмѣ замѣчательны по древности: въ иконостасѣ на поклонѣ Спасителя и Владимірскія Божія матери, у сѣверныхъ алтарныхъ дверей—Казанскія Божія матери въ богатоукрашенной ризѣ; убрусъ и цата шиты жемчугомъ, по угламъ въ клеймахъ евангелисты, въ вѣнцѣ по срединѣ жемчужина величиною больше волошскаго орѣха и другія двѣ поменьше; на правомъ столпѣ икона Успенія Пресвятыя Богородицы, обложенная по полямъ серебромъ басебнымъ, письма XV вѣка; у лѣваго столпа на иконѣ Донскія Божія матери къ серебряной цатѣ, украшенной крупною бирюзою, привѣшена папагія агатовая, обнизанная жемчугомъ, съ вырѣзаннымъ выпукло (cameo) изображеніемъ молящейся Божіей матери. Всѣ этѣ иконы вкладъ патріарха Іосифа.

При Успенскомъ храмѣ два придѣла: Благовѣщенскій, современный самому храму, и Христорождественскій, построенный въ XVII столѣтіи. Въ алтарѣ Благовѣщенскаго придѣла во впадинѣ (въ нишѣ) покоятся въ каменныхъ гробахъ тѣла княгинь Маріи, въ иноцѣхъ схимницы Маѳы Шварновны, и Анны, второй супруги В. К. Всеволода III. Въ Христорождественскомъ придѣлѣ на правомъ клиросѣ у стѣны къ самому иконостасу на деревянномъ надгробіи надпись: «Мощи благовѣрныя великія княгини Александры, святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго супруги; мощи благовѣрныя великія княжны Евдокіи, святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго дщери». На лѣвой сторонѣ у сѣверной алтарной двери на такомъ же надгробіи надпись: «мощи благовѣрныя великія княгини Вассы, супруги святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго». Въ этомъ же придѣлѣ замѣчательны шитыя шелками и золотомъ иконы Казанскія и Тихвинскія Божія матери; надъ ликомъ Тихвинскія вышитъ серафимъ, а по сторонамъ евангелисты; образъ Божія матери Владимірскія, весьма сходный съ находящимся въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ, на немъ по полямъ вышитъ тропарь, и еще шитый же образъ Николая Чудотворца съ изображеніями изъ житія и чудесъ его. Когда и кѣмъ шиты этѣ иконы неизвѣстно, но въ описи 1665 года онѣ уже значатся.

Вокругъ всего Успенскаго храма и придѣловъ, какъ видно изъ

описи 1665 года, были каменныя ходовыя паперти, украшенныя разными иконами и стѣннымъ письмомъ.

Отдѣльно стоитъ теплая церковь во имя Казанскія Божія матери съ придѣлами св. Іоанна Златоустаго и мученика Аврамія; иконостасы въ ней въ послѣднее время сдѣланы вновь, только однѣ царскія двери изъ прежняго иконостаса остались донынѣ, мелкой рѣзной работы съ столпцами, росписанныя разными красками, работы XVI вѣка; двери этѣ весьма сходны съ хранящимися въ Переславлѣ Залѣсскомъ въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы изъ упраздненной деревянной церкви св. апостолъ Петра и Павла (24).

Изъ иконъ въ этомъ храмѣ по древности и художеству замѣчателенъ образъ Господа Вседержителя, сѣдящаго на престолѣ съ разгнутою книгою на словахъ: «пріидите ко мнѣ вси труждающіеся» и проч.; предъ Спасителемъ изображены колѣнопреклоненные въ молитвенномъ положеніи св. Александръ Невскій въ схимѣ и мученикъ Аврамій,—прикладъ патріарха Іосифа.

Ризница. Въ соборной ризницѣ, заключающейся въ особой палаткѣ, пристроенной къ Успенской церкви, кромѣ разной новой утвари и облаченій священническихъ, хранятся слѣдующіе вклады XVII вѣка.

1) Крестъ съ мощами серебряный, вызолоченный, обнизанный жемчугомъ; на задней сторонѣ его вырѣзана подпись: «Лѣта 7158 (1650) году мѣсяца генваря въ.. день, повелѣніемъ велпкаго господина святѣйшаго Іосифа, патріарха Московскаго и всея Русіи сдѣланъ сіи крестъ въ домъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія въ дѣвичь монастырь, что въ Володимери.» Подъ распятіемъ на лицевой сторонѣ литое изображеніе св. Николая чудотворца, надъ нимъ слова: «Агіосъ Николае».

2) Водосвятная чаша серебряная, поддонъ ложчатый, черезъ одну ложку позолоченный; по краю вырѣзаны вязью слова: «Лѣта 7153 (1645) ноемврія въ 1 день Божіею милостію, по благословенію и повелѣнію господина святѣйшаго патріарха Іосифа, царствующаго града Москвы и всея великія Русіи, при державѣ благовѣрнаго христолюбиваго великаго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи и при благовѣрной царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Лукьяновнѣ и при благовѣрномъ царевичѣ князѣ Алексіѣ Михайловичѣ сдѣлана сія водосвятная чаша въ домъ пре-

чистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея успенія въ дѣвичь монастырь въ городъ Володимерь по своихъ родителѣхъ въ вѣчный поминъ». Внутри чаши на днѣ въ чеканной окраинѣ литой крестъ съ копіемъ и тростію, на верху слова: «Царь славы».

3) Серебряное блюдо чеканной работы, позолоченное, по краю слова: «блюдо Іосифа патріарха понахидное».

4) Кадило серебряное вызолоченное, на немъ по краямъ вырѣзана надпись: «7201 (1693) ноемврія въ . . день великая государыня благовѣрная царица и великая княгиня Марѳа Матвѣевна приложила сіе кадило, вѣсу 133 золотника, по великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержцѣ, въ Володимерь въ дѣвичь монастырь Пречистыя Богородицы Успенія».

5) Ковчегъ серебряный чеканной работы въ видѣ храма, верхъ вѣнчается восьмиконечнымъ крестомъ. Ни надписи, ни клеймъ никакихъ на немъ нѣтъ.

Кромѣ того въ ризницѣ хранятся не церковныя вещи: мѣдные подносы и оловянныя мисы и блюда (25).

Библіотека помѣщается тамъ же, гдѣ и ризница; въ ней въ числѣ разныхъ служебныхъ книгъ находятся слѣдующія, болѣе другихъ замѣчательныя:

1) *Страсти Господни*, рукоп. въ четверку, уставная; въ концѣ помѣщено «Слово во святый великій вторникъ Евсевія, епископа Самосадскаго, о сошествіи Іоанна Предтечи во адъ». Съ начала книги по листамъ подписано: «Сія книга, глаголемая Четья, о страстѣхъ Господа нашего Іисуса Христа, Владимірскаго Успенскаго дѣвича монастыря церковная, которая написана и во отписныхъ книгахъ; а кто злымъ ухищреніемъ восхощетъ завладѣть или нагле отнять, и того будетъ судить Господь Богъ въ будущемъ вѣцѣ, аминь».

2) *Патерикъ Печерскій*, начала XVII вѣка, кіевской печати; по листамъ подпись: «Печерскій патерикъ окольничего Ѳедора Васильевича Бутурлина». Далѣе же: «Сія книга стольника Ивана Ѳедоровича Бутурлина».

3) *Требникъ*; на немъ по листамъ надпись: «Лѣта 7162 (1654) іюня въ 25 день, по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи указу и по благословенію великаго госу-

даря святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Русіи, дана сія книга Потребникъ въ Успенскій дѣвичь монастырь по душѣ на поминъ блаженныя памяти по великомъ господинѣ святѣйшемъ Іоспфѣ, патріархѣ Московскомъ и всея Русіи, а подписалъ сію книгу Володимерской Богородицкой протопопъ Андреи».

4) *Вечеря духовная*, выхода 1676 года; на ней по листамъ подписано: «1708 года мѣсяца *Мехара*, а по словенски февруарія въ 1 день, сія святая богодухновенная книга Вечеря Душевная стольнаго града Владиміря Успенскаго дѣвича монастыря казенная; аще кто похощетъ которымъ своимъ надѣяніемъ, или надѣяся на мочь свою сію святую книгу утапть и не отдать своимъ злымъ умышленіемъ и да пріидетъ на него и отъ Господа Бога клятва церковная и неблагословеніе и затворитъ двери милосердія щедротъ своихъ, яко же Ананіи и Сапфирѣ, солгаста они Духу святому, и на второмъ страшномъ Его пришествіи будетъ судитца предъ нелицемѣрнымъ судіею Христомъ Богомъ нашимъ, предъ всевидящимъ его окомъ ничтоже отъ него здѣ и онаго утаитися не можетъ, вся вѣсть еще несодѣянная всѣхъ человѣковъ».

5) *Требникъ* выхода 1680 года, на немъ подпись: «.... августа въ день пожаловали государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексіевичь, Петръ Алексіевичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, сію книгу въ Володимерь въ Успенскій дѣвичь монастырь по челобитью старицы Максимиллы Шаховской».

Кромѣ книгъ, въ библіотекѣ хранятся двѣ царскія жалованныя грамоты, монастырскія описи и столбцы, заключающія въ себѣ разныя вотчинныя дѣла по деревнямъ Филяндиной, Нежитиновой, Господиновой, Валковой, Митиной, Мокѣевой, Оксенцовой, Неражу, Валкамъ, сельцу Тельмячееву и Семягину, принадлежавшимъ до учрежденія штатовъ этому монастырю ([20]). Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ деревень даны были царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ.

Нынѣ въ Успенскомъ монастырѣ по штату 17 монахинь; всѣхъ же живущихъ въ немъ до 80 человѣкъ, послужницъ, бѣлицъ и безъуказныхъ, и состоитъ онъ во второмъ классѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Городъ Владиміръ еще при отцѣ Андрея Боголюбскаго Юріи Владиміровичѣ Долгорукомъ былъ укрѣпленъ по земляным осыпямъ или валамъ и раздѣлялся на двѣ части: ветшаный городъ и Печерній или Кремль. Андрей Боголюбскій «городъ заложи болій» и большое пространство на западъ отъ Печерняго города между рѣками Клязьмой и Лебедью также обнесъ валами, и на западной оконечности этого «Новаго» и потому получившаго названіе «Китай города» соорудилъ Золотыя ворота, а противъ нихъ на востокъ Серебряныя. Въ послѣдствіи, при преемникахъ Боголюбскаго, городъ по всѣмъ земляным валамъ укрѣпленъ былъ деревянными стѣнами съ башнями, или воротами, которыя носили названія: Мѣдяныя, Орынины, Волжскія, Ивановскія и Фроловскія. Городскіе валы, хотя и не всецѣло, сохранились донынѣ, но стѣны и башни въ половинѣ прошедшаго столѣтія разобраны за ветхостію и только на валахъ остались признаки каменнаго фундамента ихъ. Нельзя не пожалѣть, что по откосамъ валовъ съ каждымъ годомъ разводятся огороды, вырываются ямы для добыванія песку и глины и даже самые валы разрываются для постройки новыхъ домовъ частными лицами. Притомъ же сколько можетъ погибнуть безвозвратно для науки разныхъ предметовъ древности. Неоднократно при раскопкѣ грядъ на валахъ находимы были не только русскія, но восточныя и даже западныя (напр. Французскій жетонъ) монеты, а при разрытіи вала для проведенія шоссе найдены были княжескія бармы. Все это чрезвычайно важно для исторіи и археологіи.

2. «Априля въ 13 день въ середу погорѣ бо мало не весь городъ и церквій числомъ 30 и 2 и сборная церкы святая Богородиця златоверхая, юже бѣ украсилъ благовѣрный князь Андрей, и та загорѣся сверху и что бяше въ ней днѣ узорочій, поникадила сребряная и ссудъ златыхъ и сребряныхъ и портъ золотомъ шитыхъ и женчугомъ и чюдныхъ иконъ, золотомъ кованыхъ и каменьемъ драгымъ и женчугомъ великимъ имъ же нѣсть числа; Богу попущьшю грѣхъ ради нашихъ и умъ отъ человѣка отъемъшю и вымыкаша изъ церькви на дворъ до всего, а *изъ терема* куны, и книгы, и паволокы, укси церковныѣ, иже вѣшаху на

праздникъ и до ссудъ, имъ же нѣсть числа, все огнь взя безъ утеча.» Полн. собр. рус. лѣт. т. I стр. 165 и 166. Въ этомъ лѣтописномъ сказаніи всего интереснѣе то, что положительно говорится о существованіи при соборномъ храмѣ *терема*. При храмахъ XII вѣка, строенія великихъ князей Георгія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, во Владимірѣ, Юрьевѣ, Переславлѣ, Боголюбовѣ и Кидекшѣ близъ Суздаля терема находились у однихъ съ сѣверной, у другихъ съ южной стороны и изъ нихъ былъ прямый ходъ на церковныя полати (хоры), гдѣ обыкновенно молились или сами князья или ихъ великокняжескія семейства. Къ сожалѣнію терема эти вездѣ, по незнанію, въ позднѣйшее время отломаны, а для входа на хоры пробиты своды арокъ въ самыхъ храмахъ; только въ Боголюбовомъ монастырѣ сохранилась часть терема при храмѣ Боголюбскаго съ сѣверной стороны. При церквахъ въ Кидекшѣ и въ Покровской близъ Боголюбова доселѣ видны снаружи двери на хоры изъ теремовъ, вадѣланныя кирпичемъ и обращенныя въ окна: у послѣдней сохранился даже и цоколь терема, сложенный изъ бѣлаго камня. При Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ теремъ съ сѣверной стороны существовалъ всецѣло со всѣми высѣченными на немъ снаружи по стѣнамъ, изъ бѣлаго камня, изображеніями, до 1835 года; но когда стали приводить его въ первобытный видъ по Высочайшей волѣ покойнаго Государя Императора, то вмѣстѣ съ позднѣйшими пристройками, не справясь съ лѣтописью, сломали до основанія и теремъ и дверь также обратили въ окно, а для входа на хоры пробили сводъ. Впрочемъ вѣрный рисунокъ терема сохранился въ изданіи гр. Строганова: *Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.*

3. Надъ церковію Богоотецъ Іоакима и Анны была построена шатровая колокольня, но въ 1806 году зданіе это все разобрано и возведена колокольня новая, нисколько не соотвѣтствующая по стилю архитектуры своей древности Успенскаго храма.

4. Полн. Собр. Р. Л. т. I стр. 150, 170, 187, 197, 198, и т.IV ст. 8. Нынѣ всѣхъ этихъ монастырей нѣтъ и церкви ихъ обращены въ приходскія; въ слѣдствіе пожаровъ и другихъ случаевъ самыя церкви перестроены и утратили характеръ древняго своего существованія.

5. Полн. Собр. Р. Л. т. 1, стр. 174. Въ 1744 году именнымъ указомъ 16 іюля повелѣно обратить Рождественскій монастырь въ архіерейскій домъ. Въ августѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1858 года Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ при посѣщеніи г. Владиміра повелѣно: «сообразиться о возможности исправленія и самаго возстановленія въ древнемъ видѣ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы въ бывшемъ Рождественскомъ монастырѣ, въ которой покоились мощи преподобнаго Великаго Князя Александра Невскаго до перенесенія ихъ въ С.-Петербургъ.» Вслѣдствіе сдѣланныхъ распоряженій къ исполненію сей Высочайшей воли составленъ чертежъ существующей церкви и проектъ на ея возстановленіе. По этому проекту полагается разобрать куполъ и боковыя пристройки, возведенныя, какъ объяснилось по историческимъ свѣдѣніямъ, около 1678 года, и за тѣмъ возстановить церковь, какъ была она возведена въ 1196 году. Проектъ этотъ, составленный по смѣтѣ съ позолотою главы на 71,000 р. с., по разсмотрѣніи въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, уже удостоенъ Высочайшаго одобренія.

6. «Въ лѣто 6708 мѣсяца іулія въ 15 на память св. мученикъ Кирика и Іулиты заложи благовѣрный князь великій Всеволодъ Гюргевичъ церковь камену во имя святое Богородици Успенія въ монастыри Княгининѣ, при блаженѣмъ епископѣ Іоанѣ». П. С. Р. Л. т. I, стр. 175.

7. П. С. Р. Л. т. I, стр. 175.

8. Тамъ же, стр. 176.

9. «И проводиша и (Константина) вся братья его съ честью великою до рѣки *Шедашкы*: Георгій, Володимеръ, Іоанъ и вси бояре отця его и вси купци и вси посли братья его. *Пристигшу же вечеру* поклонишася ему братья его и вси людье и вси мужи отця его и вси посли братья его и ти поклонишася ему братья его и похвалу ему давше велику возвратишася кождо ихъ въ свояси». При этой же рѣкѣ встрѣчали Константина и по возвращеніи его изъ Новгорода (П. С. Р. Л. т. I, стр. 177 и 181). Рѣка Шедашка, по нынѣшнему именованію *Содышка*, протекаетъ въ 5 верстахъ отъ г. Владиміра на западъ и впадаетъ въ рѣку

Рпень; чрезъ нее была дорога къ г. Юрьеву. Здѣсь на возвышенномъ берегу надъ р. Содышкою, какъ гласитъ преданіе народное, былъ загородный дворецъ великой княгини Маріи Шварновны, супруги В. К. Всеволода, гдѣ она любила пребывать по лѣтамъ съ дѣтьми своими. Въ справедливости такого преданія убѣждаетъ во 1-хъ то, что при проводахъ В. К. Константина всѣ оставались здѣсь до вечера и провожали его, какъ сказано въ лѣтописи: «съ радостію веліею», а пировать 1-го марта, не въ домѣ, подъ открытымъ небомъ, по раннему времени года, было бы неудобно, и помѣститься въ такомъ количествѣ могли не иначе какъ во дворцѣ великокняжескомъ. Во 2-хъ, близъ того мѣста, гдѣ былъ дворецъ, жили дворцовые служки; нынѣ тутъ находится при рощѣ помѣщичья деревенька *Марьино*, пожалованная изъ царскихъ деревень въ XVII столѣтіи, за службу государеву, одному изъ воеводъ Владимірскихъ; самая роща носитъ также названіе *Марьиной*. Мѣстоположеніе здѣсь самое живописное изъ всѣхъ окрестностей Владимірскихъ: съ одной стороны высокая гора, осѣненная густыми деревьями, далѣе по склону горы раскинута деревенька; съ другой стороны чернѣетъ роща и за нею разстилаются широкія золотистыя поля, покрытыя хлѣбомъ; прямо противъ Марьиной рощи за рѣкою Содышкою на верху крутой горы стоитъ одиноко древній храмъ упраздненнаго Сновидскаго монастыря.

10. Приведемъ здѣсь лѣтописное сказаніе о постриженіи и кончинѣ великой княгини Маріи Шварновны: «въ лѣто 6714 мѣсяца марта въ 2 день пострижеся великая княгини Всеволожая во мнишескій чинъ въ манастыри святыя Богородица, юже бѣ сама создала и нарекоша ей имя Марія; въ то же имя крещена бысть. И проводи ю великій князь Всеволодъ самъ со слезами многими до манастыря святыя Богородица и сынъ его Георгій и дщи его Всеслава Ростиславляя, иже бѣ пріѣхала ко отцю и матери своей и не мочи видѣти тугы. И бысть епископъ Іоанъ и Симонъ игуменъ, отецъ ей духовный, и пніи игумени и черци вси и бояре вси и боярыни и черници изо всѣхъ монастыревъ и горожане вси проводиша ю со слезами многими до монастыря, зане бяше до всѣхъ преизлиха добра (*). Того же мѣсяца 19 преставися великая княгиня Всеволожая, пребысть бо въ мона-

стыри 18 дней постригшися, а всея болѣсти ея 8 лѣтъ, наставшю девятому лѣту поиде къ Богови; ту сущу великому князю плачущюся надъ нею и Юргю сыну ея плачущуся и нехотящюся утѣшити, зане бѣ любимъ ею, и Всеславѣ ту же, и епископу Іоану и Смоленьскому епископу Михаилу и игумену Отрочего монастыря (**)... и Симону игумену, отцю ея духовному, и инѣмъ игуменомъ и презвитеромъ, пѣвшимъ обычныя пѣсни, опрятавше тѣло ея, вложиша ю въ гробъ каменъ и положиша ю въ церкви святѣй Богородици (П. С. Р. Л. т. 1, стр. 178 и 179)». Предъ кончиною великая княгиня приняла схиму и наречена Маѳою.

11. *Любовію* именуетъ ее Татищевъ (Ист. Гос. Рос. Карамз. т. III, стр. 83, прим. 141).

12. Въ Успенскомъ монастырѣ хранится слѣдующее рукописное сказаніе о св. Авраміи: «Сей святый страстотерпецъ великомученикъ Аврамій бысть въ лѣто 6738 (1230) во дни великаго княженія святаго благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича Владимірскаго при блаженномъ епископѣ Митрофанѣ Владимірскомъ. Сей святый мученикъ Аврамій, родомъ изъ Болгарскихъ Татаръ, принялъ христіанскую вѣру, былъ богатый купецъ, нищихъ питаше и помогаяй бѣднымъ. Когда пришелъ въ Великій Болгарскій градъ и сталъ прославлять имя Божіе, былъ мучимъ много дней, чтобы отрекся Христа. Мучили, били желѣзными палицами, повѣсили наконецъ на деревѣ и подожгли, обливъ его смолою и жупеломъ, и отсѣкли главу его мечемъ. Тѣло его богобоязливыми людьми погребено 1 апрѣля 1230 года отъ Рождества Христова. Черезъ годъ Болгары пришли къ великому князю Георгію Всеволодовичу, прося у него мира. Георгій Всеволодовичь согласился на сіе и послалъ къ нимъ за тѣломъ великомученика Аврамія и принесоша во Владиміръ и положиша въ Княгининѣ монастырѣ въ церкви Успенія пресвя-

---

(*) Лѣтописецъ, говоря о душевныхъ свойствахъ ея, называетъ её *блаженною*.

(**) Смоленскій епископъ и игуменъ Отроча монастыря пріѣхали незадолго предъ этимъ случаемъ изъ Смоленска отъ князя Мстислава, свата в. к. Всеволода III, просить о мирѣ (П. С. Р. Л. т. I, стр. 178).

тыя Богородицы въ Благовѣщенскомъ придѣлѣ. Святый князь Георгій съ епископомъ Митрофаномъ честное тѣло положиша своима рукама въ гробъ каменный, идѣже и доднесь всѣмъ видимо (*). Великая же княгиня Агаѳія супруга и съ чады со Всеволодомъ, Владиміромъ и Мстиславомъ Георгіевичами и со дщерію Ѳеодорою, со снохами и со внучаты прихождаше въ Княгининъ монастырь и къ мощамъ припадаше, кормили нищихъ. Георгій просилъ своего епископа Митрофана и потомъ Ростовскаго Кирилла да сотворятъ торжество страстотерпцу Аврамію, и уставиша праздникъ торжествовати со стихирами и каноны въ славу и честь ему въ лѣто 1231 мѣсяца *марта въ 6 день*, понеже того году и мѣсяца и числа святое и многострадальное его тѣло принесено во славный градъ Владимеръ». Это послѣднее извѣстіе заимствовано изъ позднѣйшихъ источниковъ второстепенныхъ, а потому несправедливо и явно противорѣчитъ лѣтописи, гдѣ положительно сказано: «Въ лѣто 6738, мѣсяца марта *въ 9 день, 40 святыхъ мученикъ*, принесенъ бысть Христовъ мученикъ Аврамій новый изъ Болгарьское земли въ славный градъ Володимерь» (П. С. Р. Л. т. I, стр. 192).

13. Ист. Рос. Гос. Карамз. т. IV, стр. 58, прим. 110.

14. Акты Археогр. Эксп. т. I, № 155.

15. Тамъ же № 249.

16. Почему Успенскій Княгининъ монастырь съ XVI вѣка сталъ именоваться *новодѣвичьимъ*, не имѣя никакихъ данныхъ, объяснить трудно. Если потому, что до него, еще при Боголюбскомъ, были во Владимірѣ дѣвичьи монастыри, а Княгининъ устроенъ *новый* при Всеволодѣ III, то почему же онъ ни при основаніи не названъ, ни во все время съ XIII до XVI вѣка не именовался *новодѣвичьимъ?* Развѣ не было ли такъ: въ 1411 году монастырь не былъ ли раззоренъ во время нашествія на Владиміръ Татаръ подъ предводительствомъ Казанскаго царевича Талыча (**) и не оставался ли въ запустѣніи, а въ послѣдствіи,

---

(*) Въ 1711 году св. мощи перенесены въ Успенскій храмъ,—слѣдовательно сказаніе это писано или въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка.

(**) «Пришедше безбожніи Татарове изгономъ къ Володимерю и граду *много зла створиша* и церковь сборную святыя Богородица разграбиша и икону чудотворную одраша, а *градъ пожгоша*, отъ того огня и *колокола*

когда былъ устроенъ, собрались инокини и онъ сталъ *вновь дѣвичьимъ* монастыремъ, не тогда ли придано ему именованіе *новодѣвичьяго?*

17. Ист. Гос. Рос. Карамз. Т. XII прим. 72; Акты Археогр. Эксп. Т. III, стр. 176. Во время Московской осады Поляками и Литовцами царевна Ксенія Борисовна съ бывшею Ливонскою королевою Маріею, во инокиняхъ Маѳою, пребывали первоначально въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ (*), а потомъ, когда старицы изъ него выведены были во Владимірскіе монастыри, они перешли на нѣкоторое время въ Троицко-Сергіеву лавру (Ист. Акты Т. II, стр. 212, 213, 284—286).

18. Въ расходной тетради игуменьи Ольги между прочимъ записано: «да воевода Карпъ Нероновичь съ дьякомъ Семеномъ Кирильевичемъ и съ подьячими смотрилъ хоромъ Царицыныхъ; куплено вина на 3 алтына, чернильницу купила, дала грошъ, бумаги на 2 деньги куплено.»

19. Переписная книга начинается такъ: «Лѣта 1701, іюля въ . . день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и по наказу изъ Монастырскаго Приказа, за приписью дьяка Ефима Зотова, Владимірскаго Успенскаго дѣвича монастыря книги переписныя стольника Ивана Васильевича Борятинскаго, а что въ томъ монастырѣ церковной утвари и въ казнѣ денегъ и жалованныхъ грамотъ и всякихъ вотчинныхъ крѣпостей и въ монастырѣ старицъ и слугъ и служебниковъ и бобылей и всякаго заводу, и то писано въ сихъ книгахъ именно по статьямъ противъ указу.»

20. Извлекаемъ здѣсь опись снятыхъ съ образовъ привѣсовъ и прикладовъ:

«Въ казенной палаткѣ въ окованомъ ларчикѣ утвари церковной и снятаго отъ мѣстныхъ старыхъ образовъ прикладу: одиннадцать аспидныхъ крестовъ розныхъ цвѣтовъ въ серебрѣ золоченомъ, иные въ нихъ съ жемчугами; шесть крестовъ иноче-

---

разліяшася, а людей множество изсѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша» (П. С. Р. Л. т. I, стр. 234).

(*) Московскаго стола книги № 1079.

скихъ древяныхъ въ серебрѣ; три креста мужескихъ серебряныхъ; понагія рѣзная на кости въ серебрѣ золоченомъ; понагія на раковинѣ рѣзная, да понагія маленькая рѣзная, по осмотру явилась вся серебряная; Деисусы рѣзные на камени; икона святыя Троицы на деревѣ рѣзная; и тѣ понагіи и Деисусы и икона въ серебрѣ; серьги серебряныя, золочены, каменья яхонты лазоревые съ жемчуги; серьги двойчатки серебряныя золочены съ жемчуги; двѣнадцать вѣнчиковъ и цатъ серебряныхъ, въ двухъ вѣнчикахъ пять камешковъ розныхъ цвѣтовъ; сіи двѣнадцать вѣнчиковъ положены въ вѣнецъ къ Спасителеву мѣстному образу; да образныхъ же двадцать камешковъ розныхъ цвѣтовъ въ серебряныхъ гнѣздахъ; крестъ янтарный; крестъ хрустальный обложенъ серебромъ; четыре пронизки корольковыя; крестъ маленькой серебряный золоченъ, кончикъ отломленъ; сей крестъ положенъ въ большой вѣнецъ къ Спасителеву мѣстному образу; понагія хрустальная обложена серебромъ сканнымъ, золочена; пять копѣекъ большихъ серебряныхъ золоченыхъ да четыре копѣйки серебряныя золочены, деньга золоченая жъ, да двадцать три булавки серебряныя съ корольками и съ жемчужки.»

2. Въ описи 1697 года значится: «У соборныя церкви колокольница каменная шатровая, на ней крестъ желѣзной, да на той же колокольницѣ часы боевые. Святыя ворота каменныя, на воротѣхъ глава каменная жъ, крестъ желѣзный, крыты тесомъ; во входѣ святыхъ воротъ въ длину двѣ сажени, поперегъ двѣжъ сажени безъ шти вершковъ. Да во входныхъ вратѣхъ въ длину двѣ сажени, поперегъ сажень три вершка; а у тѣхъ святыхъ вратъ затворы дощатые стомовые створные, на желѣзныхъ крюкахъ, замокъ висячій. Отъ святыхъ вратъ по правую сторону оградной каменной стѣнки по уголъ въ длину двѣ сажени съ вершкомъ, а отъ того угла каменныя жъ оградныя стѣнки до углажъ тридцать пять саженъ съ полуаршиномъ, а отъ угла на поворотѣ каменныя жъ стѣнки до деревянной ограды двѣ сажени два аршина безъ четверти. Отъ святыхъ же вратъ по лѣвую сторону оградной же каменной стѣнки до угла двѣ сажени, а отъ того угла до угла жъ тояжъ оградной стѣнки тридцать шесть саженъ, а отъ угла на поворотѣ тояжъ оградной каменной стѣнки до деревянной башни три сажени два аршина; а та каменная

стѣнка по обѣ стороны отъ святыхъ вратъ крыта тесомъ, ветха а отъ башней по оградной древяной стѣнѣ до наугольной башни пятдесятъ семь саженъ два аршина съ четвертью. А съ наугольной башни по оградной стѣнѣ до наугольной же башни мѣрою двадцать саженъ два аршина. А съ другой наугольной башни и по оградной стѣнѣ до заднихъ вратъ четырнадцать саженъ, а въ заднихъ вратѣхъ во входѣ три сажени два аршина съ четвертью. А на тѣхъ вышеписанныхъ башняхъ и на заднихъ вратѣхъ верхи шатровые, ограда вся крыта тесомъ; у заднихъ вратъ затворы дощаные на желѣзныхъ крюкахъ, у однихъ дверей замокъ личинной. А отъ заднихъ вратъ той же древяной ограды до угла семь саженъ безъ десяти вершковъ. А отъ угла той же ограды до каменныя стѣнки семдесятъ три сажени; а та ограда рублена въ клѣтки. А въ монастырѣ отъ святыхъ вратъ до древяной ограды въ длину семдесятъ одна сажень два аршина безъ четверти, поперегъ того монастыря шестдесятъ шесть саженъ три четверти. А въ томъ монастырѣ воинскаго снаряду, пушекъ и всякаго ружья, свинцу и пороху и иныхъ всякихъ воинскихъ припасовъ не явилось».

22. Въ недавнее время въ алтарѣ стѣнное письмо возобновлено по прежнимъ рисункамъ, а въ самомъ храмѣ сохранилось прежнее, только лѣтъ двадцать тому назадъ закрашена внизу кайма съ лѣтописью, свидѣтельствовавшею о времени росписанія храма въ 1652 году, усердіемъ патріарха Іосифа.

23. Явная ошибка; см. прилож. 12, въ концѣ.

24. См. Памятн. древн. худож. въ Россіи, изд. А. А. Мартынова, стр. 48.

25. Въ описи 1701 года значатся: «Въ казенной полаткѣ монастырской мѣдной посуды: яндова, пять сковородокъ, братина, кандейка мѣдные луженые, всего вѣсу 24 фунта. Да оловянныхъ церковныхъ два блюдца; да оловянной посуды пять блюдъ, два изъ нихъ ветхи, да кружка оловянникъ, вѣсу 35 фунтовъ.»

26. Въ эту же опись включены слѣдующія памяти и выписи: «1) Выпись Ѳедора Скрябина на полсельца Тельмечеева 137 (1629) году, а по осмотру противъ описныхъ книгъ подлинные выписи не явилось, явился списокъ. 2) Выпись съ мѣрныхъ книгъ письма и мѣры Володимерскихъ писцовъ князь Василья Кропоткина,

дьяка Игнатья Лукина на деревню Левино-поле 150 (1642) года ноября 19-го. 3) Выпись князь Григорья Шехонскаго съ товарищи на всѣ монастырскія вотчины 153 (1645) и 155 (1647) годовъ. 4) Выпись князь Василья Кропоткина на деревню Господиново съ пустошьми 155 (1647) года. 5) Память за приписью дьяка Ивана Чистого, задаточного денегъ не спрашивать, 167 (1659) года. 6) Память Андрею Комарову въ монастырскія вотчины не въѣзжать, 169 (1661) года. 7) Запись сдѣлочная Царя-Константиновскаго монастыря со властьми о рыбныхъ ловляхъ 7179 (1671) года генваря въ 4 день. 8) Выпись съ Юрьевскихъ переписныхъ книгъ переписи Борися Зубова да подьячаго Ивана Бѣловитцкого 186 (1678) года. 9) Запись (года не показано) Рождественскаго монастыря со властьми о сѣнныхъ покосѣхъ.»

К. ТИХОНРАВОВЪ.

Владиміръ на Клязьмѣ.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ПЕРЕСЛАВСКАГО ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ.

Въ архивѣ Данилова монастыря (Владимірской губ. въ Переславлѣ Залѣсскомъ) хранится *настольная книга*, въ которой, начиная съ 1703 года по 1747 годъ (въ бытность архимандритовъ Досиѳея, Варлаама, Іоасафа, Викентія, Моисея, Діонисія, Іакова) записывались полюбовныя сдѣлки между вотчинными людьми этого монастыря, подаваемыя ими челобитныя и разныя, относящіяся до нихъ дѣла. Изъ числа ихъ акты, внесенные въ книгу при архимандритѣ Варлаамѣ, скрѣплены всѣ собственноручною его подписью и мѣстами дополнены его резолюціями. Какъ документы, поясняющіе юридическій бытъ означеннаго времени, акты эти заслуживаютъ особеннаго вниманія, почему считаемъ не безполезнымъ разсмотрѣть ихъ съ нѣкоторою подробностію. Они относятся: 1) къ лицамъ духовнаго званія, и 2) къ крестьянамъ.

I.

1) 1730 г. марта 9 дьячекъ села Будовскаго Лукьянъ Яковлевъ подалъ архимандриту челобитье слѣдующаго содержанія: «при свидѣтельствѣ душъ при церкви села Будовскаго 1722 г., бывшій попъ тоя церкви Михайло Борисовъ, нынѣшняго попа Петра отецъ, утая отца его Якова Лукьянова и его просителя при той церкви дѣйствительными дьячками не написалъ, дабы отцу его и ему у той церкви не быть, а написалъ своего отца Петра дьячкомъ, который нынѣ попомъ, а пономаремъ племянника своего Андрея Васильева, и его дьячка Лукьяна онъ попъ Петръ отъ церкви Божіей отрѣшаетъ напрасно и доходу церковнаго и земли и третьей доли не даетъ». На сей челобитной рукою архимандрита написано: «быть ему Лукьяну дѣйствительнымъ дьячкомъ и всякій церковный доходъ брать ему дьячку третью долю, также и въ полевой и пашенной землѣ и сѣнныхъ покосахъ».

2) Села Будовскаго крестьянскія дѣти Спиридонъ Андреевъ села

Романова съ крестьянскими жъ дѣтьми, которые нынѣ во священникахъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ въ селѣ Пестовѣ, со вдовымъ попомъ Леонтіемъ, да съ братомъ его Ильею Емельяновыми дѣтьми договорились полюбовно въ томъ, чтобы быть имъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ въ селѣ Пестовѣ у церкви Николая чудотворца—во дьячкахъ, Спиридону Андрееву на своей дьяческой трети съ сыномъ своимъ Григорьемъ, и на поповскую долю имъ челомъ не бить, а дворовою и усадебною и полевою землею и сѣнными покосы владѣть дьячковскою третьею долею, а до поповскихъ двухъ третей церковныхъ доходовъ и до дворовой и усадебной земли и сѣнныхъ покосовъ имъ—Спиридону и сыну его Григорью дѣла нѣтъ.

3) Села Романова попъ Никита по полюбовному (1720 г.) договору уступилъ брату своему попу Ѳедору мѣсто свое съ своею долею и полевою пашнею за 20 рублей, кромѣ дворового строенія, съ тѣмъ, чтобы впередъ ему Никитѣ не вступаться и челомъ не бить (1724 г.).

4) Села Самарова попы: Андрей Борисовъ и Михаилъ Алексѣевъ и дьяконъ Николай Яковлевъ подали архимандриту договорную полюбовную записку: «чтобы сыну попа Андрея Васплью къ той церкви села Самарова на отцовское мѣсто по заручной мірской въ попы стать, а пономарскою службою впредь удостоить, кого надлежитъ, и чтобы ему Васплью, когда онъ въ попы станетъ, довольствоваться всѣми церковными доходами по стольку, какъ напередъ сего отецъ его владѣлъ, а до доходовъ попа Михаила и діакона ему, Васплью, и отцу его дѣла нѣтъ; а молитвенныя деньги брать по прежнему и служить, какъ напередъ сего служили понедѣльно. «А если кто изъ насъ окажетъ въ томъ неустойку или учинитъ обиду, то взять съ каждой персоны по 30 рублей». Чтобы сей договоръ имѣлъ законную силу архимандритъ повелѣлъ записать его въ книгу, и дать указъ попу Михайлу (1737 г.).

5) Въ 1739 году поступило къ архимандриту отъ старосты съ крестьянами вотчины Данилова монастыря села Романова прошеніе такого содержанія: «Въ селѣ Романовѣ дьячекъ Иванъ Ѳедоровъ померъ, а послѣ онаго дьячка остался сынъ его малолѣтній Гаврило, и нынѣ мы, приходскіе люди, со всего мірскаго сбора выбрали и излюбили ко оной церкви на мѣсто его во дьячки помянутаго сына Гаврила, а церковную дьячковскую службу до возрасту своего будетъ онъ Гаврило отправлять по найму. Того ради покорно вашего

отеческаго преподобія проспмъ, дабы повелѣно было сіе наше прошеніе принять и записать впредь для спору тоя церкви отъ сына діакона Ивана Иванова, и о бытіи ему Гавриле дьячкомъ дать свой милостивой властинной указъ». Архимандритъ повелѣлъ считать дьячкомъ его Гаврила, а не дьяконова сына.

6) Въ 1743 году села Романова попъ Ѳедоръ Андреевъ подалъ прошеніе архимандриту, что онъ уступаетъ свое поповское мѣсто до возрасту внука своего Гаврила Иванова зятю своему дьячку тогожъ села Демиду Гераспмову съ тѣмъ, чтобы по возрастѣ его внука Гаврила, ему, Демиду, мѣсто сіе опорожнить, или выдать ему за мѣсто восемдесятъ рублевъ, ежели оное не опорожнитъ. Архимандритъ изъявилъ на то согласіе и велѣлъ впредь для спору записать въ книгу.

Изъ приведенныхъ актовъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

а) Обпженное кѣмъ-либо лицо изъ церковнаго причта относилось съ жалобою къ архимандриту, а не къ епархіальному начальству, и довольствовалось рѣшеніемъ архимандрита (№ 1).

б) Опредѣленіе къ церковнымъ должностямъ въ вотчинахъ Данилова монастыря зависѣло отъ архимандрита того монастыря, а не отъ епархіальнаго начальства (№ № 2, 3, 4, 5 и 6).

в) При опредѣленіи къ церковнымъ должностямъ архимандритомъ принималось въ уваженіе прошеніе приходскихъ извѣстной церкви людей (№ 5).

г) Дозволялось передавать священническое мѣсто родственнику по полюбовному согласію за полюбовную за то мѣсто плату (№ 3, 6).

д) Дозволялось отцу передать свое священническое мѣсто сыну, и принимался при семъ въ уваженіе договоръ съ прочими лицами изъ церковнаго причта, чтобы опредѣляемый на мѣсто не бралъ лишнихъ доходовъ (№ 4).

е) Къ церковнымъ должностямъ допускались лица и изъ крестьянскихъ людей. Священникъ получалъ доходу $^2/_3$, а дьячекъ $^1/_3$ (№ 2).

II.

1) Въ 1703 году крестьянинъ села Усолья Семенъ Емельяновъ, по прика зу архимандрита, взялъ къ себѣ въ сына изъ села Тропц-

каго Степана Аѳонасьева съ тѣмъ, чтобы онъ былъ наслѣдникомъ его имѣнія; а если онъ, Степанъ, захочетъ отойти отъ него, то ему, Семену, надѣлить его по своему усмотрѣнію.

2) Въ 1705 году крестьянинъ тогожъ села Кононъ Филипповъ взялъ, по приказу архимандрита, къ себѣ за мѣсто сына Гаврила Ѳаддѣева изъ деревни Савельева съ тѣмъ, чтобы по смерти его Конона отдать во владѣніе Гаврилѣ всѣ домовыя пожитки, всякій заводъ, всякое крестьянское «приготовленіе», лошадей и рогатый скотъ и хлѣбъ, и чтобы сродникамъ Кононовымъ до дворовaго и задворнаго его строенія и до другихъ пожитковъ дѣла не было.

3) Въ 1708 году села Самарова крестьянинъ Ерофей Ивановъ взялъ за мѣсто сына тогожъ села Якова Васпльева, съ тѣмъ, чтобы ему, Ерофею, его Якова поить, кормить и женить, а ему Якову быть у него Ерофея во всякомъ послушаніи, а послѣ смерти его Ерофея всякіе домовые пожитки, всякой крестьянской заводъ, ему—Якову, а родственникамъ его Ерофея никому ни до чего дѣла нѣтъ. «А буде онъ Яковъ жить у него не похочетъ и съ женою своею пойдутъ изъ дома Ерофеева прочь, и ему Якову и женѣ его за тѣ ихъ жилые годы дать Ерофею по рублю на годъ, а до пожитковъ и ни до чего ему Якову и женѣ его дѣла нѣтъ».

4) Въ 1708 году сельца Троицкаго крестьянинъ Алексѣй Алексѣевъ взялъ къ себѣ «въ сына мѣсто» изъ села Биберева Якова Петрова, «и живучи ему Якову у него Алексѣя во всемъ быть послушну и въ домѣ о всемъ радѣть, а его Алексѣя и жену его почитать, а буде его Алексѣя волею Божіею въ животѣ не станетъ, и ему Якову жену его Алексѣеву поить и кормить по ея смерть, а буде послѣ его Алексѣя останутся дѣти, и ему Якову изъ его Алексѣевыхъ пожитковъ всякихъ взять половину».

5) Въ 1720 году села Романова крестьянинъ Тимофѣй Филатовъ отдалъ пасынка своего Ивана, надѣливши его, чѣмъ слѣдуетъ, вмѣсто сына въ село Усолье крестьянину Алексѣю Дмитріеву съ такимъ условіемъ: «буде онъ Иванъ похочетъ женитца, то женить его, и по смерти его Алексѣя всякіе крестьянскіе пожитки отдать ему Ивану, а Ивану поминать его вѣчно; а буде онъ Алексѣй въ чемъ не устоитъ и его Ивана со двора сошлетъ, и за ту неустойку учинить ему Алексѣю жестокое наказаніе со взятіемъ монастырскаго штрафа, что господа власти укажутъ».

6) Въ 1721 году Подмонастырной луговой слободки бобыль Ѳедоръ Романовъ принялъ къ себѣ въ домъ изъ вымѣнной вотчины Данилова монастыря села Твердилкова крестьянина Ивана Якимова, къ своей дочери, съ тѣмъ, чтобы «ему Ивану жить въ его домѣ Ѳедоровѣ, поить и кормить его Ѳедора, и въ одеждѣ верхней и исподней, въ чемъ будетъ нужда, не оставлять и почитать, какъ повелѣваютъ церковныя правила о родителяхъ и ближнихъ своихъ со всякимъ покореніемъ, безъ досажденія; а буде его Ѳедора, волею Божіею, въ животѣ не станетъ, и ему Ивану въ домѣ жить и владѣть всякимъ дворовымъ строеніемъ и всякою рухлядью и огородною землею, а подати всякія великаго государя и мірской оброкъ съ тягла платить съ своею братьею въ равности».

7) Въ 1708 году крестьянинъ сельца Троицкаго Сергѣй Петровъ подалъ челобитье архимандриту, что дочь его Ирина обезчещена крестьяниномъ тогожъ села Петромъ Кузьминымъ. Наряженъ былъ судъ; пріѣхалъ монастырскій стряпчій и подьячій: сдѣлали Петру Кузьмину очную ставку съ Ириной, и виновный сознался въ винѣ, а отецъ его Кузьма подъ судъ не дался, учинилъ бунтъ, стряпчаго и подьячаго на мірскомъ дворѣ съ дѣтьми билъ. Его Кузьму связали и отправили въ монастырь со слугою, но дѣти его, выбѣжавъ на дорогу, перерѣзали веревки, отца отбили, а за стряпчимъ и подьячимъ гонялись и кидали въ нихъ каменьями. За эту вину положено имъ было нести наказаніе въ монастырѣ. Братья Кузьмы Алексѣй, Иванъ, да Игнатей Ѳедоровы поручились какъ за него Кузьму, такъ и за дѣтей его Петра, Аѳонасья, Ивана и Захара въ томъ, что они будутъ жить въ селѣ смирно, на стороны ходить и обидъ никому чинить не будутъ, всѣмъ будутъ послушны и безчестить никого не станутъ. По сему договору виновные были возвращены изъ монастыря на свое мѣсто.

8) Крестьянинъ городовой слободки Иванъ Павловъ просилъ архимандрита поставить дворишко на монастырской землѣ, и обѣщался за то каждый годъ поставлять въ монастырь по 500 обожженыхъ кирпичей. Архимандритъ согласился и приказалъ, записавъ это въ книгу, дать Павлову дозволеніе изъ казеннаго приказа (1710 г.).

9) У крестьянина деревни Борисовой отдали сына въ солдаты, и сидѣлъ тотъ сынъ за карауломъ. Подалъ отецъ челобитную архи-

мандриту о возвращеніи его и обѣщался за то дать вкладу 20 рублей. Архимандритъ согласился, и сынъ его изъ подъ-караула освобожденъ (1711 г.).

10) 1723 г. былъ 19-й рекрутскій наборъ; крестьянинъ Тихонъ подалъ прошеніе архимандриту объ освобожденіи себя и семьи его отъ набора и обѣщался за то платить 20 рублей. Архимандритъ согласился и семья Тихона была послѣ того свободна отъ рекрутства.

11) Крестьянинъ Кузьма изъ села Биберева бѣжалъ съ тягла, и найденъ въ Москвѣ. По поимкѣ архимандритъ положилъ съ него оброку по рублю въ годъ, и дозволилъ ему жить, гдѣ онъ похочетъ (1710 г.).

12) Крестьяне села Романова подали челобитье архимандриту, что имъ однимъ, за лошадинымъ падежемъ, отправлять монастырскую Лубенкинскую пашню не въ мочь. Архимандритъ велѣлъ управлять ту пашню еще крестьянамъ изъ села Березникова и Исакова (1713.)

13) Села Биберева крестьяне съ дьячкомъ били челомъ архимандриту, чтобы имъ владѣть пустошью Бузановою за 10 р. въ годъ. Архимандритъ согласился, и велѣлъ дать имъ на то владѣльную память (1718 г.).

14) Изъ села Будовскаго одинъ крестьянинъ переходилъ жить въ село Исаково. Архимандритъ велѣлъ дать ему на то указъ изъ монастырской казенной палаты, и дѣло это внести въ книгу (1718 г.).

15) Двое изъ вотчинныхъ бобылей деревни Сотьми захотѣли работать въ Москвѣ. Архимандритъ потребовалъ поручительства. Крестьяне той деревни поручились за нихъ въ томъ: «что они въ Москвѣ не станутъ торговать ни виномъ, ни табакомъ, съ воровскими людьми знаться не будутъ,—каждый годъ будутъ являться къ мірскимъ властямъ и платить оброку съ человѣка по полутора рубля и въ случаѣ неплатежа ихъ они поручители отвѣчаютъ сими деньгами безъ всякой для нихъ пощады (1724 г.).»

16) Крестьянинъ села Усолья желалъ уйти на годъ въ луговую слободку къ бобылю для наученья сапожному ремеслу. Архимандритъ повелѣлъ дать ему отпускъ (1728 г.).

17) Служній сынъ Иванъ Мостаухинъ просилъ архимандрита опредѣлить его къ житенным дѣламъ подьячимъ. Архимандритъ

написалъ на прошеніи: «принять, записать о семъ въ книгу, а о дачѣ ему хлѣбнаго и денежнаго жалованья противъ другихъ слугъ, два рубля, написать въ жалованные книги (1742 г.)».

17) Подьячій Савва Подобѣдовъ подалъ архимандриту челобитье, что онъ служилъ въ монастырѣ съ 7171 по 7211 (40 лѣтъ) и получалъ за то денежное и хлѣбное жалованье, а ему теперь не дается ничего и кормиться нечѣмъ. За прежнюю его работу архимандритъ велѣлъ давать ему мучной хлѣбъ и записать о томъ въ книгу впредь для вѣдѣнія (1711 г.).

19) Подмонастырной луговой слободки каменщикъ Никифоръ Родіоновъ продалъ свой домъ со всѣмъ дворовымъ строеніемъ бобылю той же слободки Климу Петрову за [illegible]ять рублей съ тѣмъ, чтобы впредь ему Никифору и женѣ его и дѣтямъ о томъ дворѣ властямъ о поворотѣ не бить челомъ. Архимандритъ приказалъ эту продажу записать въ книгу впредь для спору (1711 г.).

20) Села Исакова крестьянинъ Максимъ Ивановъ при всѣхъ мірскихъ людяхъ взялъ у крестьянина того же села Кирила Иванова половину тягла своего усадебной земли и съ дворовымъ строеніемъ и съ овиномъ на промѣнъ ему Кирилѣ на свою усадебную землю съ избою и съ овиномъ и со всякимъ строеніемъ. Впредь ради владѣнія безъ переговору архимандритъ велѣлъ записать это условіе въ настольную книгу (1719).

Изъ приведенныхъ актовъ, относящихся къ крестьянамъ, выводятся слѣдующія положенія:

а) Принятіе въ домъ вмѣсто сына изъ чужой семьи было въ большомъ употребленіи у нашихъ предковъ. Оно обставляемо было слѣдующими условіями: принятый вмѣсто сына обязывался оказывать послушаніе отцу и матери, усыновившимъ его, о домѣ ихъ радѣть, поить, кормить и не оставлять ихъ въ одеждѣ. Подъ этимъ условіемъ усыновленный дѣлался наслѣдникомъ всего ихъ имѣнія. Въ случаѣ произвольнаго отхода усыновленнаго отъ дома отца, иногда надѣляли его по своему усмотрѣнію, иногда же взыскивали съ него за жилые годы (по 1 рублю въ годъ). Въ случаѣ несоблюденія отеческихъ отношеній къ принятому въ домъ самимъ усыновившимъ иногда подвергали его жестокому наказанію и монастырскому штрафу по указанію монастырской власти (NN 1—6).

б) Преступленія вотчинныхъ людей изслѣдовались судомъ мона-

стырской власти, которая опредѣляла наказанія за нихъ и избавляла отъ нихъ, если за виновныхъ поручались другія лица (N 7).

в) Архимандритъ за извѣстную плату въ монастырь увольнялъ вотчинныхъ людей отъ рекрутства и возвращалъ назадъ отданныхъ въ рекруты (N 9, 10).

г) Отдача монастырскихъ угодій и дозволеніе строиться на монастырской землѣ, за условленную плату, производились съ дозволенія архимандрита (N 8, 13).

д) Назначеніе штрафа за побѣгъ съ тягла и облегченіе въ повинностяхъ принадлежало архимандриту (N 11, 12).

е) Переходъ крестьянъ на жительство изъ одного мѣста въ другое, состоящее въ вѣдѣніи Данилова монастыря, ограничивался только даннымъ имъ на то изъ монастыря, по приказу архимандрита, указомъ; а переходъ на жительство въ мѣсто, неподлежащее вліянію монастыря, дозволялся, кромѣ сего, за поручительствомъ другихъ постороннихъ лицъ (N 14, 15, 16).

ж) Опредѣленіе крестьянъ въ монастырскія должности и назначеніе имъ за то жалованья принадлежало архимандриту. Существованіе пенсіоновъ подъячимъ за монастырскую ихъ службу было извѣстно (N 17, 18).

з) Полюбовныя сдѣлки крестьянъ между собою, напр. продажа домовъ, совершались съ дозволенія архимандрита.

Свящ. Александръ Свирѣлинъ.

АНЕКДОТЫ ИЗЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

I. МОСКОВСКАЯ ВОЛОКИТА.

«Не бойся суда: бойся судей», говоритъ старинная пословица. Но трудно представить себѣ, какъ можно не бояться суда, если судьи боишься; потому что судъ безъ судьи быть не можетъ. Судъ—понятіе отвлеченное; естественно, что обиженный, въ первую минуту негодованія на обиду, съ полнымъ довѣріемъ помышляетъ о силѣ своей правды, и, обращаясь къ идеалу суда, не только не боится его, но возлагаетъ на судъ всю свою надежду. Но когда въ этой надеждѣ начинаетъ онъ дѣло, тогда является передъ нимъ судъ уже не въ отвлеченномъ понятіи, а въ дѣйствительности, со всѣми своими формами, обрядами и личностями. Идеальный образъ правды и суда мало по малу блѣднѣетъ, а на мѣсто его становится тоскливый и страшно искривленный образъ *дѣла*, образъ слишкомъ хорошо знакомый всякому, кому приходилось имѣть такъ называемыя *дѣла* и проходить скорбную лѣстницу судебныхъ испытаній. Для того, кто прошелъ ее, становится ясно, что идеальный смыслъ приведенной пословицы, вѣроятно очень древней, не оправдывается тяжкимъ опытомъ: бояться судьи и бояться суда—кажется однимъ и тѣмъ же, и потому на практикѣ у насъ до сихъ поръ боятся суда и стараются обходить его другими путями, или въ самомъ судѣ каждый хочетъ найдти для себя *свою* скрытую тропинку, чтобы по ней какъ нибудь покороче и повѣрнѣе достигнуть своей цѣли.

Медленность судовъ всѣмъ извѣстна и у всѣхъ какъ бѣльмо на глазу: всѣхъ одолѣваетъ нетерпѣнье отъ нея избавиться; всѣ усердно призываютъ перемѣну къ лучшему; всѣмъ болѣе или менѣе представляется, что стоитъ перемѣнить форму —и все пойдетъ

успѣшно,—завѣтный идеалъ суда осуществится въ дѣйствительности. Такое нетерпѣніе очень понятно. Это нетерпѣніе голоднаго, котораго истомилъ мякинный хлѣбъ: ему хочется здоровой и сытной пищи, и если является возможность добыть её,—гдѣ ему разсуждать о томъ, отъ чего онъ до сихъ поръ не зналъ другаго хлѣба, кромѣ мякиннаго. Слава Богу еще, что, воспитавшись на плохомъ хлѣбѣ, не утратилъ онъ понятія о томъ, что должна быть и есть дѣйствительно лучшая, здоровая пища.

Но подъ вліяніемъ нетерпѣнія не трудно составить себѣ неправильное понятіе, увлечься одностороннимъ взглядомъ. Нетерпѣніе мѣшаетъ обозрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, мѣшаетъ, слѣдовательно, взяться за дѣло преобразованія съ той именно точки, съ какой начать слѣдуетъ,—побуждаетъ ухватиться за первое попавшееся орудіе, привесть въ исполненіе первую мысль, родившуюся подъ вліяніемъ не столько идеи, сколько чувства. Нетерпѣніе склонно скользить по поверхности предмета, склонно приписывать причины явленій той или другой личности, взводить обвиненіе на ту или другую эпоху, страстно негодовать на одну систему и страстно увлекаться другою. Этому нетерпѣливому чувству не слѣдуетъ вполнѣ довѣряться. Но да избавитъ насъ Богъ и отъ другой крайности, еще болѣе пагубной — отъ тупаго, безсмысленнаго, упрямаго терпѣнія, которое, не видя ничего за предѣлами существующаго, упорно отвергаетъ всякое преобразованіе, боязливо или недобросовѣстно закрываетъ глаза отъ всякаго свѣта, довольствуясь настоящимъ, насильственно гонитъ отъ себя всякую заботу о будущемъ, не хочетъ знать ни уроковъ исторіи, ни признаковъ времени, ни голосу общаго мнѣнія, и, запершись въ самомъ себѣ, неспособно однакоже почерпнуть въ глубинѣ своего духа и выработать въ немъ для себя твердое убѣжденіе, плодотворную идею. Мысль не должна прекращать своей работы; духа никогда и ни подъ какимъ предлогомъ угашать не должно; но для того, чтобы этотъ трудъ мысли былъ трудомъ не безплоднымъ и прочнымъ, необходимо спокойное отношеніе мысли къ предмету. Безъ этого отношенія не будетъ правды и мѣры, не будетъ слѣдовательно истиннаго *знанія*, обнимающаго цѣльнымъ взглядомъ всю совокупность явленій съ ихъ причинами и послѣдствіями. А только при помощи такого знанія возникаетъ и созрѣваетъ истинное, очевидное

убѣжденіе, для котораго, вмѣстѣ съ необходимостью преобразованія, становятся ясны и тѣ начала, на которыхъ оно можетъ и должно совершиться.

Медленность судовъ нашихъ дѣло не новое и не принадлежитъ нынѣшней только судебной организаціи: она связана съ исторіей и на страницахъ ея обнаруживается тѣмъ явственнѣе, чѣмъ болѣе ослабѣваетъ въ государственной организаціи начало мѣстнаго управленія. По мѣрѣ того, какъ Московское государство стремится притянуть къ себѣ и сосредоточить въ центральныхъ пунктахъ разнородныя дѣла изъ сферы мѣстнаго суда и управленія, расширить государственный надзоръ надъ дѣйствіями областныхъ органовъ суда и расправы,—по мѣрѣ того умножаются обрядности и неразлучная съ ними медленность производства. Этимъ обрядностямъ покровительствуютъ еще фискальныя цѣли, которыя у Московскаго правительства стоятъ всегда на первомъ планѣ. Отсюда возникаетъ мало по малу то зло, которое предки наши называли «Московскою волокитой»,—страшилище, знакомое истцамъ и отвѣтчикамъ, привычное лакомство для судей, дьяковъ и подьячихъ. Зло это, по всей вѣроятности, родилось съ учрежденіемъ Московскихъ Приказовъ, и развитіе его шло на ряду съ развитіемъ той формы суда, которая и донынѣ остается у насъ типическою его принадлежностью,—формы *приказной*. Подъ этимъ словомъ разумѣемъ мы ту историческую форму судовъ нашихъ, подъ покровомъ которой судьи имѣютъ возможность оставаться судьями только по имени, а дѣйствительный судъ принадлежитъ дьяку, секретарю и вообще канцеляріи. Сколько ни измѣнялось со времени Петра оффиціальное устройство судовъ нашихъ, сколько разъ ни передѣлывались на разные образцы оффиціальныя формы суда,—въ дѣйствительности каждая вновь учрежденная форма стремилась тотчасъ же обратиться къ своему историческому первообразу—къ формѣ приказной. Всего менѣе можно обвинить Петра въ равнодушіи къ судебнымъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ; во всемъ законодательствѣ его видно горячее, нетерпѣливое желаніе искоренить ихъ, ввесть лучшую форму суда, положить предѣлъ Московской волокитѣ; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ доброму намѣренію. Извѣстно, какъ часто измѣнялись формы нашего судоустройства при Петрѣ и при первыхъ его преемникахъ: читая законы того времени, присутствуешь какъ

будто при безпрерывной ломкѣ старыхъ зданій для того, чтобы на ихъ развалинахъ воздвигнуть новое. Но, какъ и слѣдовало ожидать, отъ этой ломки всего менѣе могла уменьшиться Московская волокита; напротивъ, она только развивалась и усиливалась съ измѣненіемъ формъ, съ безпрерывною замѣной однихъ судовъ другими, съ безпрерывною передачей дѣлъ изъ одного мѣста въ другое, съ раздробленіемъ подсудности по новымъ еще не опредѣлившимся и неуясненнымъ началамъ. Притомъ, старыя формы, какъ ни были онѣ отяготительны, какъ много ни давали приказному сословію случаевъ выжимать деньги изъ просителей,—существовали издавна; слѣдовательно и приказнымъ людямъ и ходатаямъ были вполнѣ извѣстны; съ новымъ же судоустройствомъ соединены были нѣкоторыя новыя формальности, съ которыми ни тѣ, ни другіе не успѣли еще достаточно ознакомиться, такъ что существеннымъ могло казаться иное дѣйствіе, имѣвшее только второстепенное значеніе; иной обрядъ, не имѣвшій общей обязательной силы, пріобрѣталъ на практикѣ силу безусловную; отсюда возникали для приказныхъ людей новые случаи къ обману и стѣсненію тяжущихся, а для тяжущихся—новые поводы бояться суда и входить въ тайныя сдѣлки съ людьми, которые приводили въ движеніе скрытыя пружины приказнаго дѣла. Нынѣшній приказный порядокъ существуетъ еще по преданіямъ той эпохи: типическій обрядъ суда и у насъ въ главныхъ чертахъ своихъ остается еще тотъ же самый, какой былъ у нашихъ предковъ; между нами слышатся столь же горькія жалобы на «волокиту», хоть названіе «Московской» стало уже для нея слишкомъ тѣсно,—многія черты этой волокиты, взятыя изъ прежняго времени, еще не удивляютъ насъ слѣдами чего-то давно-прошедшаго. Но должно сознаться, что духъ времени все-таки взялъ свое: нынѣшнему просителю все-таки легче дышать въ приказной атмосферѣ, чѣмъ было тогдашнему; надежда на судъ и на управу все-таки живѣе и дольше держится въ насъ, и бывали въ старину такія дѣла, которыя въ наше время представляются *почти* невозможными.

Чтобы дать читателю понятіе о томъ, что значила «Московская волокита»—вотъ два судебныхъ случая, взятые изъ первой четверти XVIII столѣтія.

Въ октябрѣ 1706 года дворянинъ Илья Заломовъ подалъ въ Разрядъ къ боярину Стрѣшневу челобитную, жалуясь, что сосѣдъ его

по Суздальской деревнѣ, Андрей Танѣевъ, пріѣхалъ къ нему нарочнымъ дѣломъ съ намѣреніемъ убить и ранилъ его выстрѣломъ изъ ружья, да онъ же Танѣевъ умысломъ сбѣжалъ съ Государевой службы изъ Переславля-Залѣсскаго и самовольно живетъ въ Суздальской своей вотчинѣ. По этому челобитью послали изъ Разряду грамоту къ Переславскому воеводѣ—справиться по смотрѣннымъ спискамъ, по какому случаю отлучился Танѣевъ и записанъ ли въ пріѣздѣ, и выслать его въ Москву; потомъ съ вызовомъ отвѣтчику посланъ въ деревню къ нему подьячій по наказу; но 25 ноября отвѣтчикъ явился самъ собою и предъявилъ на Заломова встрѣчный искъ, показывая, что Заломовъ самъ, «собрався съ людьми своими и со крестьяны», пріѣхалъ къ нему на поле жать насильно посѣянный хлѣбъ, что онъ Танѣевъ вынужденъ былъ защищаться и выстрѣлилъ «боронясь отъ себя». Чрезъ нѣсколько дней обѣ стороны стали въ Разрядѣ къ допросу и уликѣ: пересрочки между ними не было, и потому судныя рѣчи завершились скоро; послѣ рѣчей собирались, по обычаю, поручныя записи въ неотлучкѣ отъ суда. Дѣло это поручалось приставу: ему давался для того такъ называемый *перечень*, съ которымъ онъ отправлялся собирать поруки. 10 декабря приставъ разрядный, сынъ боярской, подалъ поручныя записи; судныя рѣчи съ чернового списка переписаны на бѣло, и, казалось бы, нечего долѣе медлить приговоромъ; но приказная практика не любила спѣшить: каждое дѣло должно было переходить по ступенькамъ лѣстницы, состоявшей изъ разныхъ обрядовъ и формальностей. Ступеньки эти выражались въ формѣ такъ называемыхъ *помѣтъ*, которыя дѣлалъ дьякъ отъ имени боярина съ товарищи. Каждою помѣтой опредѣлялось положеніе дѣла въ данную минуту, а совокупность этихъ помѣтъ составляла то, что и тогда называлось и нынѣ называется «движеніемъ» дѣла, посредствомъ формальной канцелярской очистки; но эти моменты движенія въ сущности оказывались большею частію моментами, на которыхъ дѣло останавливалось въ дальнѣйшемъ движеніи. Количество этихъ ступенекъ не было и не могло быть опредѣлено закономъ: стало-быть, оно зависѣло отъ приказнаго произвола и отъ ходатайства интересованной стороны, имѣвшаго въ то время въ судебномъ производствѣ гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, формальнаго значенія. Проситель, наскучивая ждать, подавалъ челобитную, «чтобъ Великій

Государь пожаловалъ учинилъ указъ по дѣлу». Челобитная эта имѣла цѣлью—напомнить о дѣлѣ суду, разбудить остановившуюся его дѣятельность. Пробужденіе суда выражалось обыкновенно въ помѣтѣ, за которою слѣдовало нерѣдко безмолвіе, столько же, какъ прежде, продолжительное, до новой помѣты, и такъ далѣе. Случалось, что послѣ многихъ челобитныхъ и многихъ помѣтъ истецъ прекращалъ свои напоминанья; тогда противная сторона, стараясь воспользоваться этимъ молчаньемъ, начинала вопіять предъ судомъ, что истецъ «за дѣломъ не ходитъ и его отвѣтчика волочитъ и убытчитъ», и судъ оканчивалъ дѣло за нехожденіемъ челобитчика. За тѣмъ челобитчикъ, проснувшись въ свою очередь, возобновлялъ свое хожденіе, начиналъ снова вопіять о правосудіи; тогда законченное производство возобновлялось новою помѣтой, и судебная машина опять приходила въ движеніе. Можно себѣ представить, что, при такомъ производствѣ, стороны являлись на судѣ дѣйствительно борцами и должны были другъ передъ другомъ спорить въ ловкости и умѣньи пользоваться всѣми тайными и явными пружинами канцелярскаго механизма.

На выпискѣ изъ судныхъ рѣчей уже въ 1707 году сдѣлана въ Разрядѣ помѣта: «выписать изъ указовъ Великого Государя». Выписка изъ законовъ зависѣла тоже отъ канцеляріи: въ ея власти было подвесть подъ записку тѣ или другіе законы, и не было помину на судѣ о другихъ указахъ, кромѣ выписанныхъ; слѣдовательно, по окончаніи выписки, оказывалось иногда, что нѣтъ въ ней того или другаго указа. Этотъ недостатокъ исправлялся однакожъ не просто, а посредствомъ помѣты. Такъ и въ дѣлѣ Заломова на выпискѣ изъ указовъ дьякъ дѣлаетъ, уже въ концѣ 1707 года, новую помѣту: выписать новоуказную статью о розыскѣ, вмѣсто очныхъ ставокъ, въ обидахъ и разореніяхъ.

Выписали статью, но за выпискою слѣдовала иногда такъ называемая «росписка». *Изъ дѣла выписано* и—*изъ дѣла росписано*—значило не одно и то же. Въ роспискѣ обозначались обыкновенно вкратцѣ обстоятельства дѣла, нужныя для разрѣшенія того или другаго вопроса; такъ, напримѣръ, на судныхъ рѣчахъ истецъ слался на свидѣтеля, котораго предстояло допросить: въ роспискѣ было означено, что̀ за свидѣтель, о чемъ долженъ свидѣтельствовать и каковы должны быть формальныя его качества. На роспискѣ, уже

въ январѣ 708 года, помѣчено: «допросить свидѣтеля»; въ февралѣ сыскали его и допросили. Дѣло опять залегло безъ движенія, и стороны начинаютъ ходатайствовать объ «*учиненіи указа*». Въ февралѣ 1708 года сдѣлана на такой челобитной помѣта: *положить дѣло на столъ*, но прошелъ и 1708 годъ,—а объ дѣлѣ не было и помину. Въ іюнѣ 1709 года истецъ Заломовъ проситъ снова учинить указъ, и прежняя помѣта повторяется. На этотъ разъ помѣта оказалась дѣйствительною, и дѣло отчасти разрѣшено тѣмъ, что Танѣеву велѣно за самовольный отъѣздъ отъ службы учинить наказанье, «а что онъ отвѣтчикъ истца на которой землѣ пострѣлилъ изъ пищали, и о той землѣ велѣть вѣдаться имъ въ Помѣстномъ Приказѣ, а отъ кого на той землѣ напередъ учинился задоръ, о томъ выписать изъ указу».

Помѣта была еще неокончательная: рѣшеніе было еще впереди; сторонамъ оставалось еще долго просить объ указѣ. Дѣйствительно, въ февралѣ 1710 года начинаетъ просить Танѣевъ. «Положить дѣло на столъ»—возгласила на эту просьбу помѣта. Сдѣлана вновь выписка; казалось бы, нечего медлить рѣшеньемъ; но миновалъ 1711 годъ, за нимъ 1712 и 1713, а вершенья все нѣтъ. Въ іюнѣ 1714 года Заломовъ, уже не въ первый разъ, бьетъ челомъ: пожалуй, Государь, смилуйся, вели учинить указъ. Помѣчено: «*выписать и вынесть къ столу*». Наступилъ февраль 1715 года, а къ столу все еще не вынесено. Заломовъ снова проситъ, и опять получаетъ въ отвѣтъ помѣту: «положить дѣло на столъ». Наконецъ, по жалобѣ его на волокиту, Сенатъ въ апрѣлѣ 1715 года предписываетъ изъ Петербурга: взять дѣло изъ Разряда и отослать для рѣшенья въ Московскую Губернскую Канцелярію. Но и отослать дѣло нельзя было скоро. Во-первыхъ, указъ Сената шелъ не прямо въ Разрядъ, а присланъ сначала на имя Канцеляріи Сенатскаго Правленія въ Москвѣ; отсюда уже отправлено предписаніе Разряду и Губернской Канцеляріи. Во-вторыхъ, чтобъ отослать дѣло, надо было привесть его въ порядокъ и сдѣлать опись всѣмъ бумагамъ, такъ что на отсылку не рѣдко требовалось по нѣскольку мѣсяцевъ.

Не стало легче просителямъ и отъ пересылки дѣла. Въ Губернской Канцеляріи снова довелось имъ просить объ указѣ. Указъ этотъ состоялъ въ томъ, что по губернаторской помѣтѣ велѣно

передать дѣло въ Канцелярію Земскихъ Дѣлъ. Канцелярія Земскихъ Дѣлъ дѣйствовала не поспѣшнѣе Разряда. Дѣло до 1720 года лежитъ въ ней безъ всякаго движенія, подъ покровомъ разныхъ помѣтъ: то приказываютъ положить его на столъ, то учинить выписку, но ни то, ни другое не исполняется. Единственное движеніе дѣла состоитъ въ томъ, что, по учрежденіи Надворныхъ Судовъ, его отсылаютъ въ Московскій Надворный Судъ, куда Заломовъ въ 1724 году обращается съ просьбами о вершеніи, жалуясь, что Танѣеву не учинено даже наказанія, по приговору Разряда. Помѣчено: «росписавъ, доложить». Начали составлять выписку, но окончаніе этого труда совершилось уже чрезъ 12 лѣтъ, въ 1736 году, и не въ Надворномъ Судѣ, а въ Судномъ Приказѣ, куда дѣло передано по новому распредѣленію подсудности. Удивительно, какъ достало терпѣнья у злополучнаго истца продолжать свое ходатайство, но онъ ходатайствуетъ упорно. Наконецъ выписка составлена по общему правилу; обѣ стороны должны были приложить къ ней руки. Законъ этотъ имѣлъ цѣлью сократить производство, предупредить многочисленныя жалобы на неполноту выписки, жалобы, къ которымъ обыкновенно прибѣгали обвиненные рѣшеніемъ, для того, чтобы оспорить правильность приговора и возобновить законченное производство. Но, при исполненіи закона, цѣль его не достигалась нисколько: чтеніе и обрукоприкладствованіе выписки было въ то время не правомъ сторонъ, а обязанностью ихъ, отъ которой та или другая сторона старалась уклониться. Такимъ образомъ истца и отвѣтчика требовали въ судъ для чтенія выписки наспльно, и не приступали къ слушанію дѣла, покуда они не явятся: отсюда происходила новая медленность, и рождались новые предлоги проволочить дѣло.

Въ 1736 году Судный Приказъ сталъ требовать Танѣева для «прикладыванья рукъ къ выпискѣ»; но когда посланный солдатъ пошелъ къ нему на дворъ съ сыскной памятью, оказалось, что Танѣева пятый годъ уже нѣтъ на свѣтѣ, а несовершеннолѣтній сынъ его живетъ въ отцовской Суздальской вотчинѣ. Стали писать въ Суздаль къ воеводѣ, чтобъ выслалъ Танѣева сына въ Москву за поруками, а буде сысканъ не будетъ, взялъ бы людей и крестьянъ его. Такова была помѣта въ февралѣ 1736 года, но указъ къ воеводѣ не былъ еще посланъ и въ февралѣ слѣдующаго года—«за нехож-

деніемъ просителя и за непредставленіемъ гербовой бумаги.» Между тѣмъ Заломовъ, жившій въ Москвѣ, узналъ, что въ Москвѣ же проживаетъ Иванъ Молчановъ, который еще въ 1706 году, когда дѣло производилось въ Разрядѣ, ручался по Танѣевѣ «въ статьѣ къ суду»; его-то просплъ теперь Заломовъ вытребовать къ рукоприкладству подъ выпиской, вмѣсто умершаго Танѣева. Послали за Молчановымъ, привели его въ Приказъ и сдали подъ карауль солдату, вмѣстѣ съ прочими колодниками. Но Молчанову не хотѣлось ни сидѣть подъ карауломъ, ни читать выписку за умершаго Танѣева: онъ отказался сдѣлать рукоприкладство и требовалъ, чтобъ его освободили; но на всѣхъ его челобитныхъ и жалобницахъ ставилась одинаковая помѣта: *дополнить просьбою выписку*. Наконецъ въ августѣ 1737 года велѣно произвесть изслѣдованіе, точно ли Танѣевъ умеръ. Спросили хозяйку дома, въ которомъ жилъ онъ; она подтвердила то же самое, что сказала солдату, и Молчанова въ ноябрѣ пришлось освободить, а Танѣева сына приказано вызвать изъ Суздаля. На этой помѣтѣ судъ успокоился: объ исполненіи ея никто не думалъ, кромѣ несчастнаго истца, который настойчиво добивался высылки рукоприкладчика, получая въ отвѣтъ все тѣ же помѣты. Наконецъ, уже въ ноябрѣ 1739 года посланъ къ воеводѣ на Суздаль солдатъ, для высылки Танѣева, но солдатъ, воротившись черезъ шесть недѣль, подалъ донесеніе, что воевода за Танѣевымъ не посылаетъ и людей его не забираетъ.

Между тѣмъ Заломовъ, потерявъ всякое терпѣніе, рѣшился самъ собою сдѣлать то, чего не могъ достигнуть при помощи приказныхъ распоряженій. Оставивъ за себя на судѣ повѣреннаго, онъ отправился въ деревню. Въ то время самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для побужденія къ явкѣ на судъ скрывшагося отвѣтчика считалось—взять людей и крестьянъ его, чтобъ онъ ради ихъ объявился. Проѣзжая черезъ одно торговое селеніе Костромскаго уѣзда, Заломовъ пошелъ на торгъ и встрѣтилъ Танѣевскаго крестьянина, пріѣхавшаго на саняхъ парою для продажи дровъ и хлѣба. Заломовъ не сталъ долго думать, захватилъ крестьянина, посадилъ къ себѣ въ сани и повезъ—прямо въ Москву: крестьянскія сани съ лошадьми и имуществомъ, какъ были на улицѣ, такъ и остались. Въ Москвѣ Заломовъ съѣхался съ тѣмъ самымъ солдатомъ, который только что воротился изъ неудачной посылки въ Суздаль и сдалъ

ему съ рукъ на руки свою добычу для представленія въ Приказъ. Въ Приказѣ добыча эта никого не удивила; крестьянина приняли и сдали подъ караулъ. Однако успѣха отъ этой мѣры не было и не могло быть, потому что крестьянинъ самъ былъ неграмотенъ, а помѣщикъ его могъ и не знать объ его задержаніи. Посидѣвъ подъ карауломъ съ мѣсяцъ, колодникъ подалъ челобитную, что господинъ его на службѣ въ Путивльскомъ драгунскомъ полку, и просилъ отпустить его на поверстный срокъ до Путивля, обязуясь вызвать Танѣева или доставить отъ него вѣрющую челобитную. Крестьянина отпустили на этомъ условіи въ маѣ 1740 года, но съ того времени не было уже слуха ни объ немъ, ни объ его помѣщикѣ.

Насталъ 1743 годъ. Заломовъ все еще продолжалъ просить, и въ іюнѣ является слѣдующая помѣта: публиковать у Спасскихъ и у Никольскихъ воротъ съ барабаннымъ боемъ, что если ни самъ Танѣевъ, ни отпущенный его крестьянинъ въ недѣлю не явится, то выписка слушана будетъ и безъ него, «поиеже—такъ заключаетъ судъ—по неоднократнымъ указамъ дѣла вершить вслѣпо *безъ продолженія*». Какъ будто мало было продолженія до этой помѣты!

Продолженіе и послѣ ися однако же не кончилось. Прошелъ 1743 годъ, а объ рѣшеніи и не думали. Въ 1744 году потребны были новыя просьбы Заломова для того, чтобы вызвать со стороны Приказа этотъ окончательный подвигъ. Онъ совершился наконецъ—и что же получилъ истецъ въ награду за долгое терпѣнье? Приговоръ, которымъ Судный Приказъ, по недостатку доказательствъ, предоставляетъ сторонамъ *вѣдаться судомъ особо*.

Приведенный примѣръ взятъ нами изъ числа многихъ ему подобныхъ; но вотъ и другой примѣръ, изъ котораго можно видѣть, какъ трудно незнатному истцу отыскать себѣ судъ и правду на знатнаго отвѣтчика.

Въ 1705 году кравчій Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ помѣнялся пустыми помѣстными землями съ жильцомъ Климонтовымъ и выменялъ у него въ Кромскомъ уѣздѣ пустошь Курбакину. По заручной ихъ челобитной и по допросу въ Помѣстномъ Приказѣ помѣчено было: росписать между ними пустыя земли, и для того посланъ былъ по наказу въ Кромскій уѣздъ подьячій. Но при отказѣ пустоши за Салтыковымъ оказалось, что земля была не пустая: на ней явилось

нѣсколько жилыхъ крестьянскихъ дворовъ. Это обстоятельство не согласовалось съ мѣновными книгами, въ которыхъ было писано, что мѣна происходила пусто на пусто; однако же откащикъ записалъ за Салтыковымъ прежнюю пустошь Курбакину деревней, а чьи крестьяне и кто ихъ на той землѣ поселилъ, того въ отказныхъ книгахъ не означилъ. Съ тѣхъ поръ крестьянами сталъ владѣть Салтыковъ.

Между тѣмъ крестьяне эти значились по Галицкимъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ за стольникомъ Матвѣемъ Ивановымъ Засѣцкимъ, изъ-за котораго бѣжали въ 1695 году и приняты были къ Салтыкову, а онъ въ послѣдствіи поселилъ ихъ на новой землѣ своей, но Засѣцкій во все это время долженъ былъ платить подати по переписнымъ книгамъ за бѣглыхъ крестьянъ своихъ. Въ то время помѣстья и вотчины богатыхъ и знатныхъ людей наполнялись бѣглыми крестьянами на счетъ бѣднѣйшихъ владѣльцевъ. Въ 1712 году человѣкъ Засѣцкаго поймалъ двухъ изъ числа этихъ крестьянъ и привелъ ихъ къ допросу въ приказную избу, а въ слѣдъ за тѣмъ самъ Засѣцкой началъ въ Московскомъ Приказѣ Земскихъ дѣлъ искъ на Салтыкова о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ. Тягаться съ Василіемъ Ѳедоровичемъ Салтыковымъ было трудно: онъ былъ близкій къ двору человѣкъ, родной братъ Царицы Параскевіи Ѳедоровны, которую особенно любилъ и уважалъ Императоръ Петръ I; однакожъ и Салтыковъ счелъ нужнымъ принять мѣры противъ отвѣтственности; узнавъ объ искѣ, онъ поспѣшилъ *ударить челомъ* помѣстьемъ своимъ, деревней Курбакиной, со всѣми людьми и крестьяны, Царицѣ Параскевіи; изъ Помѣстнаго Приказу послали допросить его, какъ знатнаго человѣка, на домъ, и по допросѣ послана на мѣсто грамота о записке той деревни за Царицей.

Искъ противъ такого знатнаго человѣка не могъ идти скорымъ шагомъ. Прежде всего надобно было вызвать отвѣтчика. Люди, подобные Салтыкову, и нынѣ рѣдко являются сами на судъ, а въ то время у каждаго изъ нихъ въ дворнѣ бывалъ «человѣкъ, который за дѣлы ходитъ», отвѣчавшій во всѣхъ дѣлахъ за господина. И такъ на челобитной Засѣцкаго въ маѣ 1713 года помѣчено: «человѣка, который за дѣлы ходитъ, сыскавъ, допросить»; однако по этой помѣтѣ ничего не сдѣлано до новой просьбы истца. Тогда велѣно по-

слать для сыску въ домъ Салтыкова подьячаго. Но подьячій, которому дано было порученье, не исполнилъ его, уѣхалъ въ другую посылку, такъ что истецъ снова долженъ былъ ходатайствовать объ исполненіи прежней резолюціи. Велѣно: послать иного подьячаго. Наказъ подьячему былъ написанъ со всей формальной строгостью, и посланный 2 іюня подалъ его самому Салтыкову на дворѣ за Яузскими воротами за земляным городомъ. «И тотъ указъ высмотря, онъ кравчей Василей Ѳедоровичъ выслалъ изъ хоромъ своихъ съ дворецкимъ и велѣлъ сказать, что пришлетъ человѣка на другой день, 3 іюня.» Человѣкъ явился 6 числа, но за отсрочками обѣихъ сторонъ допросныя рѣчи завершены не прежде 28-го октября 1713 года.

Въ декабрѣ того же года Земскій Приказъ затребовалъ свѣдѣній по ссылкѣ сторонъ и получилъ изъ Помѣстнаго Приказа справки и выписи изъ книгъ; въ слѣдъ за тѣмъ приготовлена выписка, но дѣло оставалось безъ вершенья, такъ что Засѣцкій принужденъ былъ жаловаться. Въ то время жалоба на волокиту и даже на неправое вершенье Приказа приносилась прежде всего главному начальнику, завѣдывавшему Приказомъ. Въ Приказѣ Земскихъ дѣлъ судьей былъ Иванъ Чириковъ, а главное завѣдываніе тѣмъ Приказомъ принадлежало ближнему боярину и Московскому губернатору Алексѣю Петровичу Салтыкову, который въ то же время завѣдывалъ и Московскою Губернскою Канцеляріей, и потому по жалобамъ на Земскій Приказъ, къ нему подававшимся, приказывалъ обыкновенно брать дѣло въ Губернскую Канцелярію. По тремъ просьбамъ Засѣцкаго губернаторъ приказывалъ: указъ учинить въ Земскомъ Приказѣ судьѣ Чирикову немедленно; по четвертой же, въ іюнѣ 1714 года, велѣно взять дѣло въ Губернскую Канцелярію; но вскорѣ дѣло отослано и оттуда обратно въ Приказъ Земскихъ дѣлъ «для вершенья по указу». Съ тѣхъ поръ дѣло залегло въ Земскомъ Приказѣ безъ всякаго движенія; Засѣцкій неутомимо трудится въ подаваніи просьбъ къ губернатору, а дьякъ на всякой просьбѣ отъ имени губернатора дѣлаетъ строгія помѣты: «учинить указъ безъ замедленья; учинить указъ безъ волокиты судьѣ Чирикову, а если вскорѣ не вершитъ, и на немъ доправленъ будетъ штрафъ; допросить судью Чирикова, для чего онъ то дѣло не вершитъ». Такъ гласила помѣта въ ноябрѣ 1714 года; однакоже ни

штрафу съ Чирикова не взыскано, ни допросу ему не сдѣлано. Засѣцкій продолжаетъ просить, ссылается уже въ мартѣ 1714 года на новый указъ Государя, по которому строжайше повелѣно «дѣла вершить безъ провожденія не наровя никому ни для чего, дабы истцы за приказною неправдивымъ людямъ понаровкою и продолженіемъ вершенья дѣлъ отъ своихъ правыхъ исковъ много волочась напрасно не отбыли.»—Эта ссылка внушаетъ только дьяку Губернской Канцеляріи новую редакцію помѣты, отъ имени губернатора съ ландратами: «противъ сего челобитья о рѣшеніи означеннаго дѣла по новосостоятельному Государеву указу указъ учинить въ Земскомъ Приказѣ судьѣ господину Чирикову въ самой скорости.» Но въ самой скорости дѣло не дѣлалось, и уже чрезъ годъ слишкомъ, въ іюнѣ 1716 года, помѣта на новой просьбѣ Засѣцкаго, сдѣланная отъ имени новаго губернатора Кирила Алексѣевича Нарышкина съ товарищи, гласитъ: «учинить въ Приказѣ Земскихъ дѣлъ господину ландрихтеру съ товарищи немедленно.»—Ландрихтеръ Тобольской не былъ исправнѣе судьи Чирикова: онъ, подобно Чирикову, подъ губернаторскими резолюціями велитъ дѣлать свою однообразную помѣту: записать въ книгу и взять къ дѣлу и выписавъ изъ указовъ поднесть къ слушанью въ скорости.» Засѣцкій проситъ перенесть дѣло къ «иному подьячему»; но и это средство не помогаетъ: у иного подьячаго повторяются тѣ же самыя помѣты въ теченіе 1717 и 1718 годовъ. Наконецъ въ 1719 году посылаютъ солдата, потомъ подьячаго по наказу на дворъ къ Салтыкову «по человѣка его, который ходитъ за дѣлы», чтобъ онъ къ выпискѣ руку приложилъ. Но стряпчаго въ Москвѣ не оказалось, и въ іюнѣ 1719 года выписка предложена къ слушанію въ Земской Канцеляріи, въ которую преобразовался Приказъ Земскихъ дѣлъ. Состоялся приговоръ: обвинить отвѣтчика; человѣку его, который за дѣлы ходитъ, велѣть поставить истцовыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и съ животы.

Приговоръ сдѣланъ, но только еще начинается исполненіе, сопровождаемое непрестаннымъ ходатайствомъ истца. Начинается оно съ того, что посылаютъ на дворъ къ Салтыкову солдата съ сыскной памятью для сыску человѣка, который за дѣлы ходитъ. И солдатъ «ко двору его кравческому ходилъ многое время и человѣкъ его, который за дѣлы ходитъ, и другіе его люди съ двора не сходятъ

и укрываютца».—Посланный вмѣсто солдата подьячій имѣлъ не болѣе успѣха; онъ въ домѣ кравческомъ видѣлъ человѣка его, Бориса Торицына: «и онъ Торицынъ въ Приказъ съ нимъ не пошелъ».—Дѣло на этомъ останавливается, но въ слѣдующемъ 1720 году, по новой просьбѣ Засѣцкаго, *исканіе человѣка* повторяется съ тѣмъ же результатомъ: солдатъ и подьячій ходятъ «не по одно время», но никого не приводятъ. Наконецъ въ концѣ года, въ слѣдствіе усильныхъ просьбъ Засѣцкаго, является слѣдующая помѣта: «по указу Великаго Государя и по словесному приказу оберъ-ландрихтера Ивана Петровича Топильскаго велѣно къ кравчему Василью Ѳедоровичу Салтыкову на дворъ послать ассессора Семена Катыгулова и *донесть* ему кравчему самому, чтобъ онъ по вершенному дѣлу стольника Матвѣя Засѣцкаго, по которому онъ кравчей обвиненъ во крестьянехъ, прислалъ бы человѣка своего для указной отправы по тому дѣлу, *а ежели то дѣло рѣшено неправильно, и онъ бы о томъ билъ челомъ въ Надворномъ Судѣ*».—Весьма замѣчательна эта приказная учтивость, этотъ предупредительный намекъ судьи рѣшившаго дѣло на неправильность собственнаго рѣшенья. Однакожъ и ассессору Катыгулову на *донесеніе* его Салтыковъ сказалъ, чтобъ де потому вершенному дѣлу Засѣцкаго брали въ Земскую Канцелярію людей его кравчего, «а больши того ему ничего не сказалъ».

Что еще оставалось дѣлать оберъ-ландрихтеру Топильскому съ товарищи, по новой просьбѣ Засѣцкаго? Они придумали: вновь послать подьячаго за стряпчимъ, «и буде тотъ стряпчей покажетъ силу и въ канцелярію взять себя не дастъ, взнесть о томъ доношеніе въ Надворный Судъ, понеже Земская Канцелярія такимъ ослушникамъ указу учинить не можетъ». Подьячій никого въ домѣ кравчаго не нашелъ, и Земская Канцелярія въ мартѣ 1721 года представила доношеніе Надворному Суду. Но Надворный Судъ, по извѣстному приказному обычаю отклонять отъ себя всякія сомнительныя дѣла и избѣгать всякаго непріятнаго столкновенія,—не разсудилъ за благо принять какія-либо мѣры. Вице-президентъ Иванъ Лукичъ Воейковъ и господа судьи велѣли написать въ Земскую Канцелярію, «чтобъ чинили какъ о томъ Великого Государя указы повелѣваютъ», то есть «поступить на законномъ основаніи», какъ нынѣ пишется.

Просьбы злополучнаго истца повторяются до 1725 года. Къ чему же привели онѣ? Къ помѣтамъ: предложить къ слушанію. За этими помѣтами слѣдуетъ только *ultima ratio* всѣхъ возможныхъ Приказовъ: помѣта о сдачѣ дѣла въ архивъ. Если Засѣцкій не могъ достигнуть успѣха до 1726 году, то чего же могъ бы онъ добиться въ 1730, когда Императрицею Всероссійской была родная племянница противника его Василія Ѳедоровича Салтыкова?

II. ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ ПЫТКА.

Въ 1717 году 31 января въ Канцелярію Земскихъ Дѣлъ явился шестилѣтній мальчикъ Ѳедоръ, сынъ подьячаго Степана Голубцова и объявилъ, что въ прошлую ночь на дворъ отца его за Земляным городомъ, въ приходѣ у церкви Смоленскія Богородицы, пріѣхали грабить неизвѣстные люди, въ числѣ которыхъ узналъ онъ приходскаго дьякона Алексѣя Михайлова, въ нѣмецкомъ платьѣ, съ палашомъ; на крикъ его Ѳедора прибѣжали сосѣди, дьякъ Никифоръ Пановъ съ людьми своими, и поймали четырехъ воровскихъ людей, а остальные разбѣжались. Это объявленіе записано въ Приказѣ подъ видомъ словеснаго челобитья, а приводные люди въ тотъ же день распрошены; лошадей, которые взяты были вмѣстѣ съ ними, велѣно описать и оцѣнить, запятнавъ приказнымъ пятномъ.

По распросу одинъ человѣкъ сказался драгуномъ Луцкаго полку, пріѣхавшимъ въ Москву въ деньщикахъ съ капитаномъ Луцкаго полку Иваномъ Дмитреевымъ Бахметевымъ. Второй былъ солдатъ, присланный изъ Уфы въ Посольской Приказъ съ письмомъ отъ Аюки хана, и жилъ на Московскомъ дворѣ у стольника Бахметева, къ которому сынъ его капитанъ пріѣхалъ въ отпускъ. Третій, Вязникоецъ—посадской человѣкъ, жилъ по знакомству у того же Бахметева, а четвертый сказался крестьяниномъ Бахметева, пріѣхавшимъ къ Москвѣ съ запасами изъ Алатырской деревни. Всѣ они показали, что въ прошлую ночь часу во второмъ капитанъ Бахметевъ со двора своего изъ за Пречистенскихъ воротъ послалъ ихъ на подводахъ вмѣстѣ съ дьякономъ Алексѣемъ Михайловымъ и велѣлъ: что дьяконъ отдастъ имъ, привезти домой. Они подъѣхали къ воротамъ на дворъ къ женѣ подьячаго Голубцова Матренѣ; дьяконъ вошелъ въ домъ, а они дожидались его у воротъ; тутъ невѣдомо какіе люди пашли на нихъ и ихъ захватили.

Показанія эти разнились въ подробностяхъ, и потому приводнымъ людямъ дана была очная ставка въ застѣнкѣ, то есть ихъ стали пытать. Дали имъ на вискѣ по 50 ударовъ, но ничего новаго отъ нихъ не добились. Между тѣмъ послали за Бахметевымъ, послали за дьякономъ, послали за матерью малолѣтняго Ѳедора Голубцова: про нее приводные понимали уже, что съ дьякономъ имѣла она любовную связь и что она ночью въ сѣняхъ пошла ихъ виномъ. Матрена Голубцова сказала тоже, что сынъ ея, и послѣ распросу освобождена на «добрую росписку». Капитана Бахметева вовсе не сыскали, а люди его сказали, что не знаютъ куда онъ съѣхалъ; дьяконъ же Алексѣй Михайловъ, сысканный на дворѣ у Бахметева, показалъ слѣдующее:

Овдовѣвъ года съ полтора тому назадъ, онъ разсудилъ продать свое дьяконское мѣсто и продалъ его за 230 рублей дьячку церкви Петра и Павла, что въ Капитанской, но оставался еще служить при церкви. Однажды на маслянницѣ позвали его вмѣстѣ съ попомъ пѣть молебенъ на дворъ подьячаго Степана Голубцова къ женѣ его Матренѣ, и послѣ того оставили обѣдать; хозяйка поднесла ему три стакана пива. Послѣ поста пришла къ нему послуживица отъ Матрены Голубцовой и стала говорить: «что де ты къ моей хозяйкѣ не зайдешь; очень ты ей полюбился». Онъ съ своей стороны отвѣчалъ, что съ того числа, какъ поднесла ему пиво съ виномъ, и она ему крѣпко полюбилась. Такимъ образомъ началась у нихъ любовная связь, и онъ часто къ ней хаживалъ. Въ январѣ ходилъ онъ въ Московскій уѣздъ въ село Бесѣды къ сроднику своему, тамошнему священнику, и воротившись, съ недѣлю тому назадъ, жилъ по знакомству въ домѣ у капитана Бахметева. Однажды, когда пришелъ онъ Бахметеву поклониться, Бахметевъ, собираясь возвращаться къ полку своему въ низовый край, сталъ его спрашивать: хочешъ ли де ты со мною ѣхать на низъ? я де тебя пристрою въ подьячіе или въ иной какой чинъ. Дьяконъ отвѣчалъ, что готовъ ѣхать, только сознался въ томъ, что есть у него связь съ подьяческой женой. Нѣтъ ли у нея денегъ? спросилъ Бахметевъ и не дастъ ли мнѣ въ займы, и когда дьяконъ сказалъ, что не знаетъ, велѣлъ къ ней съѣздить и объ тѣхъ деньгахъ поговорить, обѣщая дать заемное письмо: когда-молъ поѣдешь на низъ, ты и ее возьми съ собою, и я де тебя укрою и съ нею. По тѣмъ словамъ послалъ его Бахметевъ съ двумя

своими деньщиками да съ Вязниковцемъ на двухъ лошадяхъ. Пріѣхавъ, они постучались у воротъ; вышелъ человѣкъ Матренинъ Иванъ и сказалъ, что она дома и никого у нихъ нѣтъ. Только что отворили ворота и стали они въѣзжать на дворъ, какъ наѣхали невѣдомо какіе люди и стали ихъ ловить; товарищей его поймали, а самъ онъ ушелъ къ Бахметеву.

По порядку приходилось пытать дьякона въ разныхъ рѣчахъ, но нельзя было пытать его, не снявъ съ него дьяконскаго сана, не *обнаживъ* его, какъ тогда говорилось. Объ этомъ обнаженіи Земская Канцелярія послала указъ Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому. Но митрополитъ, по челобитью отца дьяконова, бывшаго священникомъ въ селѣ Преображенскомъ, не согласился снять съ дьякона санъ до присылки подлинныхъ роспросныхъ рѣчей его, и требовалъ самого дьякона прислать къ допросу. Приказныя сношенія производились тогда посредствомъ указовъ отъ высочайшаго имени и потому митрополитъ, получивъ указъ изъ Земской Канцеляріи, отвѣчалъ ей также указомъ.

Между тѣмъ дьяконъ, въ качествѣ колодника, содержался, вмѣстѣ съ другими приводными людьми, при канцеляріи въ колодничьей палатѣ, куда сажали обыкновенно всѣхъ подсудимыхъ до рѣшенія дѣла. Положеніе его было ненадежное. Подьяческая жена отъ него отступилась, и все дѣло было начато подьячимъ Ветошниковымъ, которому домъ Голубцова порученъ былъ въ надзоръ отцемъ Матрены, дьякомъ Монастырскаго Приказа, Осипомъ Протопоповымъ. Ветошниковъ тоже, судя по намекамъ дьякона, былъ когда то въ связи съ Матреной и теперь, согласясь съ ея родственниками, завелъ дѣло и подавалъ прошенія на погубу дьякона отъ имени малолѣтняго Ѳедора Голубцова. Въ то время была еще возможность погасить такое непріятное дѣло частною сдѣлкой, и Алексѣй Михайловъ началъ тайными путями входить въ переговоры о мирѣ съ своими обвинителями. Приказные подьячіе не упускали случая поживиться на счетъ колодниковъ и отнимали у нихъ все, что можно было отнять. Такъ однажды подьячій Земской Канцеляріи, осматривая дьякона, нашелъ у него письмо, писанное на полулистѣ бумаги и представилъ бумагу въ Приказъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ ней писана «многая непристойность». Это письмо, наполненное нѣжностями, написано было съ

цѣлью умилостивить жестокосердую подьячиху. Вотъ оно въ подлинникѣ:

«Веселообразной, умильногласной, въ отвѣтехъ умной, въ рѣчахъ поспѣшной, въ мыслехъ крѣпкой, отъ людей почтенной, отъ Бога превознесенной и Богомъ хранимой, другу моему сердешному и сердцу моему обо мнѣ болѣзненному, взгляду умильному, смѣху веселому, цвѣту моему драгому яко драгимъ каменіемъ, златомъ и сребромъ украшенной, здравствуй свѣтъ моя предражайшая и прелюбезная Марусенка и Матрешенка въ милости Божіи на множество лѣтъ! Прошу моя любезная и надежда моя крѣпкая и любовь нелицемѣрная у тебя надежнаго премилосердія слезно, въ темницѣ не остави меня заключеннаго, и буди тебѣ во извѣстіе, договариваюся съ дядемъ твоимъ Ѳеодоромъ Миничемъ и съ братомъ твоимъ Михайломъ Савичемъ на тридцати рубляхъ и они такъ обѣщаютъ—мы де не станемъ о семъ дѣлѣ исковать и ходить, такъ де и дѣло все минется, и ты ко мнѣ о семъ вѣдѣніе учини, вѣрно ли такъ они договариваются со мною, да еще доношу милости твоей, батюшка велѣлъ просить изъ нѣкоторыхъ нуждъ у тебя, и я пришлю къ тебѣ Татьяну тетушку и она милости твоей сію нужду донесетъ, и ты, пожалуй, не остави меня холопа своего о сей нуждѣ, долженъ вѣкъ при милости твоей быть неотвратно».

Письмо это осталось непосланнымъ, но дьякопъ Алексѣй Михайловъ не переставалъ хлопотать объ мировой. Посредникомъ для переговоровъ служилъ ему двоюродный братъ его подьячій Адмиралтейской Канцеляріи Григорій Семеновъ; свиданіе родныхъ съ приказными колодниками не было затруднительно, и потому Григорій могъ каждый день приходить къ брату. Написали мировую челобитную: оставалось только уговорить Матрену Голубцову и родныхъ ея, чтобы они согласились подписать ее. Григорью поручено было ходить къ Матренѣ и ее уговаривать. Но подьяческая жена была хитра и уговорить ее можно было не скоро. Она взяла къ себѣ челобитную, чтобы посовѣтоваться съ родными: главнымъ совѣтникомъ ея былъ тоже подьячій Ѳедоръ Протопоповъ, родной ея дядя. Онъ взялъ къ себѣ челобитную и не хотѣлъ отдать ее обратно. Григорій написалъ другую челобитную и каждое утро ходилъ съ нею къ Матренѣ для прикладыванія руки. Матрена все отказывалась, требуя съ дьякона 50 рублей. Но отецъ дьякона не соглашался

дать болѣе 25. Переговоры затянулись. Однажды, когда всѣ собрались у дьякона въ Земской Канцеляріи, Ѳедоръ Протопоповъ и вторую челобитную успѣлъ захватить въ свои руки безъ отдачи. Дьякона брала уже досада и онъ просилъ Григорья употребить послѣднее средство: напоить Протопопова до пьяна и пьянаго заставить подписать просьбу за свою безграмотную племянницу. Но и это не помогло. На другой день найдя Протопопова въ Китаѣ городѣ въ пирожномъ ряду, Григорій поилъ его виномъ и привелъ къ дьякону; но напившись до пьяна, Протопоповъ еще возвысилъ цѣну и требовалъ уже сто рублей за свою подпись: дьяконъ давалъ ему пятьдесятъ, но тотъ не согласился и ушелъ вмѣстѣ съ Григоріемъ.

Они пошли опять въ Китай-городъ и дорогою бранились. На площади, противъ церкви Казанской Богородицы, наконецъ Григорія взяла досада и онъ, остановившись, сталъ съ сердцемъ говорить Ѳедору Протопопову: для чего де ты къ челобитной руки не прикладываешь и у себя ее держишь?—А для того, что не приложу ни за что,—отвѣчалъ Ѳедоръ. Тогда, вовсе разсердясь, началъ Григорій бить Ѳедора кулаками и, сваля съ ногъ, билъ топунками и покинувъ замертво побѣжалъ прочь.

Жена Ѳедора Протопопова заявила о случившемся въ Земской Канцеляріи и просила объ розыскѣ, а на другой день, 25 марта, объявила, что мужъ ея отъ побоевъ умеръ. Посланъ былъ подьячій для осмотру и донесъ, что на тѣлѣ битыхъ мѣстъ спина вся и плеча и бока—все сине и багрово, и на ногахъ во многихъ мѣстахъ снежъ и багрово. Это было 26 марта. Убійцу велѣно было, сыскавъ, распросить.

Между тѣмъ Григорій Семеновъ, прибѣжавъ съ площади снова въ Земскую Канцелярію къ дьякону сталъ совѣтоваться, что еще дѣлать. Положили написать третью челобитную и попытаться еще разъ уговорить Матрену. На этотъ разъ переговоры удались. Матрена Голубцова согласилась взять 25 рублей, и послала къ Спасскому собору за дворцовымъ дьячкомъ, который приложилъ руку къ мировой челобитной за нее и за малолѣтняго ея сына. Григорій принесъ её къ дьякону въ Земскую Канцелярію, потомъ уже отъискивали убійцу Протопопова и схватили его вмѣстѣ съ челобитной. Дьякъ Никифоръ Дружининъ тотчасъ приказалъ зако-

вать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по просьбѣ жены убитаго, посланъ старый подьячій съ понятыми описать и опечатать дворъ убійцы.

Такимъ образомъ розыскъ получилъ новое направленіе. Григорія Семенова допросили: онъ оговорилъ дьякона въ томъ, что дьяконъ приказывалъ ему: если де Ѳедоръ тебя не послушаетъ, ты убей его до смерти. Дьякона опять доводилось пытать, и на этотъ разъ духовное начальство немедленно исполнило требованіе Земской Канцеляріи относительно «обнаженія».

Второй распросъ былъ съ пыткою 1 апрѣля. Алексѣя Михайлова, сдѣлавшагося уже раздьякономъ, распрашивали въ застѣнкѣ и о ночномъ пріѣздѣ для грабежа и объ послѣднемъ убійствѣ. Ему дано 46 ударовъ, но онъ остался при прежнемъ своемъ показаніи и утверждалъ, что ничего не знаетъ про смертное убійство Протопопова и отъ него изволенія на то убійство не было. А Григорій Семёновъ въ застѣнкѣ у дыбы уличалъ раздьякона и подтверждалъ прежнія свои рѣчи. Въ слѣдствіе того черезъ недѣлю Алексѣй Михайловъ пытанъ въ другой разъ противъ очной ставки, и на новой пыткѣ во всемъ повинился.

По закону не требовалось уже дальнѣйшихъ доказательствъ виновности обоихъ подсудимыхъ. О первомъ предметѣ розыска, то есть о ночномъ пріѣздѣ, Алексѣй Михайловъ съ двухъ пытокъ показалъ тоже самое, что на первомъ распросѣ, и согласно съ пыточными рѣчами другихъ приводныхъ людей; слѣдовательно въ полномъ разбоѣ онъ себя очистилъ: недоставало только Бахметева, котораго все еще не могли сыскать. О всѣхъ остальныхъ подсудимыхъ не было уже препятствія постановить приговоръ. Основаніемъ приговора служилъ въ подобныхъ случаяхъ — вмѣсто выписки изъ дѣла статейный списокъ о колодникахъ. Онъ составлялся въ видѣ записки: на одномъ боку перегнутаго на двое листа излагались вкратцѣ обстоятельства дѣла относительно каждаго изъ подсудимыхъ и выписывались въ концѣ законы; на другомъ боку противъ каждаго лица дьякъ отмѣчалъ приказаніе судей. Такой точно статейный списокъ былъ составленъ и по этому дѣлу. На немъ отъ имени судей—ближняго кравчаго и Московскаго Губернатора Кирила Алексѣевича Нарышкина, 13 апрѣля 1717 года, отмѣчено слѣдующее: драгуна и солдата и людей Бахметева свободить на добрыя росписки до указу, а Бахметева сыскивать по

прежнимъ помѣтамъ неотложно, а какъ онъ сысканъ будетъ и оныхъ всѣхъ собрать и давать очныя ставки и разыскивать по указу. А Алексѣю Михайлову и Григорью Семенову велѣно учинить обоимъ по Уложенью, то есть за убійство и за наущеніе къ убійству обоихъ казнить смертью.

Осужденныхъ къ смертной казни по Уложенію должно было сажать въ тюрьмѣ въ избу на шесть недѣль для покаянія: для этой цѣли на тюремномъ дворѣ была особая покаянная палата, гдѣ осужденныхъ передъ казнью исповѣдывали и пріобщали св. таинъ. Туда же 1 мая отослали изъ Земской Канцеляріи раздьякона вмѣстѣ съ подьячимъ.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Прошли указныя шесть недѣль, а преступники не были еще казнены и оставались въ покаянной до 1718 года. Имъ оставалась еще надежда на избавленіе отъ смерти: можно было оболжливить прежнія свои пыточныя рѣчи. Въ системѣ тогдашняго судопроизводства не было мѣста правильной апелляціи, но законъ, давшій пыткѣ рѣшительное значеніе въ ряду судебныхъ доказательствъ, дозволялъ повѣрять пытку пыткою же, такъ какъ въ прежнее время дозволялъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ протестовать противъ свидѣтелей и судей и требовать *поля* съ ними.—«Которые воры,—сказано въ указѣ 1656 года—будутъ съ трехъ пытокъ и съ огня прежнія свои распросныя и пыточныя рѣчи лживить, тѣмъ вѣрить». Этотъ законъ разумѣлся въ томъ смыслѣ, что тремя новыми пытками съ огнемъ преступникъ могъ очиститься отъ сознанія, сдѣланнаго на первыхъ двухъ пыткахъ.

Надо было имѣть большую увѣренность въ себѣ, большую силу воли, чтобъ рѣшиться на это послѣднее средство; но пытка—дѣло рукъ человѣческихъ, дѣйствующихъ по приказному обычаю, и очень вѣроятно, что, съ помощью извѣстныхъ обычаевъ приказныхъ, самая пытка могла казаться болѣе или менѣе страшною. Раздьяконъ и подьячій въ январѣ 1718 года прислали въ Приказъ челобитныя, что они «не утерпя жестокаго розыску и страху, сказали на себя напрасно». Тотъ и другой просили не вѣрить тому, что они другъ на друга показали.

Ихъ велѣно снова пытать въ перемѣнныхъ рѣчахъ и чинить окончательный розыскъ. Пытали одного Григорья Семенова, вѣроятно потому, что онъ былъ признанъ главнымъ убійцей, и оправданіе

его въ убійствѣ должно было необходимо весть къ оправданію раздьякона въ подговорѣ къ убійству. На первой пыткѣ, 28 января, дано ему 55 ударовъ. Онъ объявилъ, что Ѳедора Протопопова виномъ не наивалъ и до смерти не бивалъ, а кто билъ про то невѣдаетъ. 12 февраля пытали его во второй разъ: дано 60 ударовъ. Онъ потвердилъ тоже самое. 1 марта, на третьей пыткѣ дано ему 50 ударовъ и жженъ огнемъ, но и съ огня говорилъ тоже самое.

По этому окончательному розыску 17 марта сдѣлана слѣдующая помѣта: Подьячаго Григорія Семенова свободить на добрую росписку, для того что онъ въ перемѣнныхъ рѣчахъ съ трехъ пытокъ и съ огня въ убивствѣ Ѳедора Протопопова съ себя сговорилъ; а раздьякону Алексѣю Михайлову за его пріѣздъ къ Голубцову и что онъ жилъ съ его женою блудно, учинить указъ въ Духовномъ Приказѣ, и для того его отослать туда съ указомъ, понеже помянутой подьячей въ убивственномъ дѣлѣ его раздьякона съ розысковъ очистилъ, и кромѣ онаго его пріѣзду и блуднаго житія до него раздьякона и дѣло не касается и ежелибъ не показано было онымъ подьячимъ на него раздьякона по первому розыску въ томъ убивствѣ оговоромъ, то бы онъ и пытать не довелся, а надлежало бы тогда отослать за ту вину въ Духовный Приказъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось. О Бахметевѣ же, который стоялъ въ главѣ всѣхъ показаній о ночномъ пріѣздѣ, и не поминалось болѣе, потому конечно, что всякое ходатайство объ отысканіи его прекратилось.

О БИЛЕТАХЪ НА СПЛАВЪ ПОМѢЩИЧЬИХЪ ЛѢСОВЪ.

При осмотрѣ на лѣсныхъ заставахъ сплавляемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ, на тѣ изъ послѣднихъ, которые заготовлены въ помѣщичьихъ дачахъ предъявляются лѣсопромышленниками различные сплавные билеты. Такъ, у однихъ оказываются билеты, выданные городскою или земскою полиціею, за подписью лишь членовъ ея, а другіе предъявляютъ билеты, выданные не полиціею, но самими владѣльцами дачъ, съ однимъ только засвидѣтельствованіемъ первой.

Которые изъ этихъ билетовъ правильнѣе? Имѣютъ ли они равную силу? И наконецъ кому именно принадлежитъ право на выдачу билетовъ на сплавъ владѣльческихъ лѣсовъ? вотъ тѣ вопросы, которые вызываетъ означенное противорѣчіе и для разрѣшенія которыхъ необходимо обратиться къ существующимъ въ законахъ правиламъ о сплавѣ лѣсовъ, и именно о порядкѣ выдачи сплавныхъ билетовъ на помѣщичьи лѣса.

По этому предмету статьею 1425 т. VIII Уст. Лѣснаго (Св. Зак. 1857 г.) постановлено: «если лѣса вырублены изъ владѣльческихъ дачъ, то на сплавъ оныхъ надлежитъ имѣть отъ городской или земской полиціи по установленной формѣ сплавный билетъ».

Казалось бы, что послѣ такого точнаго и яснаго опредѣленія,—что выдача на помѣщичьи лѣса сплавныхъ билетовъ должна быть производима полиціею,—не должно быть и рѣчи о возможности выдавать какіе либо другіе билеты. Но, какъ сказано выше,—такая противорѣчащая этому закону выдача существуетъ на практикѣ, а слѣдовательно должны существовать и причина или поводъ, которые вызвали ее.

Причину эту не трудно найти. Исторія законодательства нашего указываетъ ее, а съ тѣмъ вмѣстѣ убѣждаетъ насъ, что весьма нерѣдко то, что съ перваго взгляда кажется неправильностію, бываетъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ правильнымъ, и на оборотъ то, что признается правильнымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, иногда вовсе не имѣетъ основанія, оказывается невѣрнымъ.

Доказательствомъ этому служитъ слѣдующее:

30 января 1807 года (по Полн. Собр. Зак. № 22437) былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ I докладъ Министра Финансовъ объ установленіи билетовъ на сплавъ лѣса, вырубаемаго промышленниками въ казенныхъ и частныхъ дачахъ.

Во 2-мъ пунктѣ этого доклада сказано: «на сплавливаемые лѣса и лѣсныя издѣлія, заготовленныя въ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачахъ, промышленники и сплавщики должны имѣть билеты по приложенному образцу, за подписаніемъ помѣщиковъ, въ чьихъ дачахъ лѣса рублены, или же ихъ управителей, прикащиковъ и выборныхъ, съ засвидѣтельствованіемъ Земскаго Суда и съ приложеніемъ печати того Суда, который долженъ удостовѣрить, что билетъ дѣйствительно подписанъ рукою помѣщика, или его управителя, прикащика или выборнаго, кому вотчина повѣрена, и что тотъ помѣщикъ имѣетъ лѣсныя дачи въ томъ мѣстѣ, какое въ билетѣ прописано и означенное количество лѣса точно вырублено въ его дачахъ».

Такимъ образомъ, при самомъ установленіи того порядка, что на сплавляемые лѣса и издѣлія изъ нихъ должны быть у промышленниковъ надлежащіе билеты, опредѣлено было и то, что на лѣса, вырубаемые въ помѣщичьихъ дачахъ, билеты выдаются самими помѣщиками, или управляющими ихъ имѣніями; полиція же лишь свидѣтельствуетъ дѣйствительность и правильность выдачи билета.

Порядокъ этотъ существовалъ до составленія Свода Законовъ, когда въ VIII т. послѣдняго было включено вышеприведенное правило, помѣщенное въ 1425 ст. Устава Лѣснаго того же тома по изданію 1857 г. почти безъ измѣненія, по крайней мѣрѣ безъ всякой перемѣны въ отношеніи разбираемаго нами предмета, при чемъ указанъ былъ въ цитатѣ подъ нею и тотъ, прежде изданный, законъ, который былъ принятъ въ руководство при составленіи означеннаго правила.

Законъ этотъ есть указъ 21 января 1825 года (по Полн. Собр. Зак. № 30,201) о взиманіи пошлинъ за свидѣтельства и билеты, выдаваемые на постройку судовъ и на сплавъ и вырубку лѣсовъ.

Изъ одного уже этого заглавія видно, что не установленіе новаго порядка выдачи сплавныхъ билетовъ, а лишь взиманіе за нихъ пошлины составляетъ предметъ указа, на которомъ основана статья 1425-я. И дѣйствительно, имъ опредѣлено только количество

гербовой пошлины за билеты и свидѣтельства; самаго же порядка выдачи послѣднихъ онъ не касался. Хотя же въ приведенныхъ въ немъ соображеніяхъ Министра Финансовъ и сказано между прочимъ, что свидѣтельства на сплавъ лѣсовъ, вырубаемыхъ изъ помѣщичьихъ дачъ, выдаются отъ Земскихъ Судовъ, но это очевидная ошибка; ибо въ основаніи для такого заключенія приведенъ діаметрально противоположный ему, помянутый выше докладъ, Высочайше утвержденный 30 января 1807 г.

Не ясно ли отсюда, что существующій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Имперіи обычай выдавать на помѣщичьи лѣса сплавные билеты отъ лица самихъ помѣщиковъ имѣетъ своимъ основаніемъ распоряженіе Правительства, а не одинъ личный произволъ выдающихъ тѣ билеты? не ясно ли также, что вмѣненіе 1425 статьею Устава Лѣснаго въ обязанность городской и земской полиціи выдавать означенные билеты не имѣетъ никакого юридическаго основанія?

ГР. РѢПИНСКІЙ.

ОБЪ АКТАХЪ БЕЗДЕНЕЖНЫХЪ И СОВЕРШАЕМЫХЪ ПО ДОПРОСАМЪ И ДОВѢРЕННОСТЯМЪ.

По законодательству нашему *безденежными* актами могутъ быть признаваемы только заемныя обязательства, совершенныя явочнымъ порядкомъ (домовыя заемныя письма), крѣпостныя же заемныя письма нельзя опровергать тѣмъ, что они выданы безденежно (Св. Зак. Гр. ст. 2015). Но на самомъ дѣлѣ сплошь и рядомъ составляются всякаго рода безденежные акты. Отчего же существуетъ такая разладица между закономъ и жизнію? Сама наука—юриспруденція говоритъ, что законы должны основываться и опираться на обычаяхъ и фактахъ. Юридическая формалистика не должна быть мертвою буквою, отрицающею всякое живое проявленіе самодѣятельности человѣческой; скажу болѣе: она должна сообразоваться съ обыденными потребностями, съ стремленіями и дѣйствіями народа, которыя въ гражданскихъ отношеніяхъ законодательству предлежитъ не только опредѣлять, но и охранять отъ всякаго подлога и ухищренія.

Безденежность актовъ домашнихъ и совершаемыхъ крѣпостнымъ

порядкомъ можетъ быть доказываема многими юридическими доводами, какъ то: показаніями свидѣтелей, сознаніемъ лица, получившаго актъ, обстановкою и разными принадлежностями даннаго случая, и т. п. И это право слѣдуетъ предоставить всякому истцу на основаніи того, что судебными доказательствами признаются вообще не одни мертвые документы, но и другія фактическія указанія на обстоятельства, коими сопровождалось и обусловливалось дѣйствіе, подлежащее судебному разсмотрѣнію и разрѣшенію.

Въ моей судебной практикѣ я встрѣтилъ не одинъ случай тяжбы и иска, которыми доказывались безденежныя совершенія крѣпостныхъ заемныхъ писемъ и закладныхъ; по двумъ дѣламъ того и другаго рода актовъ я лично зналъ, что они были выданы безденежно владѣльцами значительныхъ имѣній, въ одномъ случаѣ вышедшей за мужъ за мѣщанина крѣпостной женщинѣ и мужу ея, въ другомъ—уѣздному почтмейстеру, которые до того времени не имѣли никакихъ капиталовъ, притомъ всѣ другія показанія ясно обнаруживали безденежность представленныхъ въ судъ документовъ; но я принужденъ былъ держаться буквальнаго смысла узаконеній... Иногда же дѣла такого свойства подаютъ удобный случай къ взяточничеству и криводушію судей и секретарей.

Въ одномъ изъ означенныхъ дѣлъ опровергалась закладная на 80,000 р. сер. Актъ этотъ былъ совершенъ по довѣренности отъ слабой, недальновидной и больной женщины, которая не могла лично быть не только въ Гражданской Палатѣ, но и въ Уѣздномъ Судѣ, гдѣ предъявлялась къ свидѣтельствованію написанная отъ нея довѣренность. Законъ въ подобномъ случаѣ дозволяетъ заочное представленіе вѣрющаго письма чрезъ другое лицо, съ допросомъ довѣрителя на дому (Св. Зак. Гр. ст. 2310); но подробностей о томъ, какъ долженъ быть сдѣланъ этотъ допросъ и какъ должно быть судебнымъ мѣстомъ получено удостовѣреніе въ дѣйствительной выдачѣ акта не опредѣляетъ. На практикѣ дѣлается обыкновенно такъ, что судъ командируетъ одного изъ своихъ членовъ на домъ къ довѣрителю для отобранія отъ него показанія, точно ли имъ составлено вѣрющее письмо. Значитъ, вся сила удостовѣренія основывается на допросѣ одного офиціальнаго лица, которое можетъ поступить и неправильно и безчестно, и тѣмъ причинить большой вредъ заинтересованной въ дѣлѣ, но отсутствующей сто-

ронѣ; почему такимъ образомъ можетъ быть легко составленъ актъ, лишающій эту сторону имѣнія. Такъ именно и случилось въ означенномъ дѣлѣ: довѣрительница томилась, умирала, была не въ полномъ умѣ и памяти, когда довѣренность и потомъ закладная совершались въ судебныхъ мѣстахъ. Для допроса былъ посланъ одинъ засѣдатель, который даже не пригласилъ свидѣтелей къ своему дѣйствію; словомъ, не было соблюдено никакой осторожности, и не смотря на все это оба акта утверждены законнымъ порядкомъ и впослѣдствіи составили полныя доказательства въ пользу корыстолюбиваго родственника. Хотя этого послѣдняго и спрашивалъ начальникъ его по службѣ, откуда онъ взялъ 80,000 р. сер., будто бы данные въ займы умершей въ домѣ его женщинѣ, которая никуда не могла истратить такую огромную сумму; но онъ отдѣлался обычными отговорками, указывая на законы, которые служили ему оправданіемъ...

Въ правилахъ или *подробномъ наставленіи о совершеніи и свидѣтельствованіи актовъ* говорится прямѣе, что крѣпостной актъ, составляемый кѣмъ либо на дому по болѣзни или другой причинѣ, подтверждается допросомъ дающему этотъ актъ въ присутствіи члена того присутственнаго мѣста, въ которомъ онъ совершается (Св. Зак. Гр. ст. 766). По записке акта, книга, въ которую онъ внесенъ, можетъ быть также послана къ дающему актъ на домъ, для росписки въ его полученіи (тамъ же, ст. 767). Но и здѣсь не опредѣляется должная предосторожность, ибо какъ можно довѣрять все дѣло одному члену, хотя бы и обязанному присягою и отвѣтственностью (*)? Отчего бы не принять болѣе дѣйствительныхъ и вѣрныхъ мѣръ къ устраненію всякихъ подлоговъ и обмановъ? Пусть бы допросъ производился при присяжномъ депутатѣ, при свидѣтеляхъ и даже священникѣ.

Въ законахъ о духовныхъ завѣщаніяхъ постановлено, что если крѣпостное завѣщаніе по болѣзни или неграмотности подписывается не самимъ завѣщателемъ, а другимъ лицомъ, то при явкѣ завѣщанія въ судѣ долженъ находиться какъ рукоприкладчикъ, такъ и

(*) Авторъ забываетъ, повидимому, что крѣпостной актъ пишется на дому писцомъ присутственнаго мѣста, и при немъ же подписывается какъ дающимъ оный, такъ и призванными свидѣтелями (Св. Зак. Гр. ст. 765). *Ред.*

самъ завѣщатель, и имъ обоимъ дѣлается допросъ въ присутствіи; а въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской, въ случаѣ болѣзни завѣщателя, разрѣшается просить подвѣдомственный судъ принять сознаніе духовнаго завѣщанія на дому, и если нельзя всѣмъ членамъ суда быть при такомъ сознаніи, то довольно и одного; но тогда должны быть приглашены еще два свидѣтеля, имѣющіе право быть къ тому допущенными (Св. Зак. Гр. ст. 1044 и 1045). Здѣсь уже видна предосторожность и предусмотрительность законодателя. Почему бы это правило не узаконить и для всей Имперіи: въ настоящее время жители Полтавской и Черниговской губерній не имѣютъ никакихъ особенностей отъ жителей другихъ областей Россіи, и если тамъ такое постановленіе удерживаетъ силу какъ остатокъ древняго Статута, то почему бы въ прочихъ губерніяхъ не установить вновь столь важную статью, гарантирующую имущественныя права частныхъ лицъ?

Екатерина Великая въ Наказѣ своемъ о сочиненіи новаго Уложенія сказала: «надобно стараться и беречься, чтобъ между законами не были такіе, которые не достигаютъ до намѣреннаго конца. *Надлежитъ положить правила, приличныя каждому случаю, чтобы законъ предохранялъ отъ насилія и крайностей, могущихъ быть при семъ, понеже ничто не наноситъ ослабленіе законамъ, какъ возможность коварствомъ избѣгнуть отъ оныхъ*».

Вполнѣ сочувствуя этому сужденію мудрой законодательницы, мы полагаемъ, что для огражденія частныхъ лицъ и предупрежденія всякихъ злоумышленностей при совершеніи актовъ на движимыя и недвижимыя имущества, необходимо дозволить доказывать *безденежность* и крѣпостныхъ и явочныхъ актовъ такого рода доводами и фактами, которые могутъ быть принимаемы въ уваженіе. Равнымъ образомъ надлежитъ, по нашему мнѣнію, установить необходимыя ограниченія и предосторожности при совершеніи довѣренностей, завѣщаній и всѣхъ другихъ актовъ, когда дающій ихъ боленъ или по другимъ причинамъ не является лично въ судъ, какъ то: производить допросы или цѣлымъ составомъ членовъ судебнаго мѣста или, если этого сдѣлать нельзя, то посылкою одного изъ нихъ, но съ приглашеніемъ къ допросу свидѣтелей и священника.

Хр. Козловъ.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ НАЙМА ЗЕМЕЛЬ (*).

Послѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, когда произойдетъ, быть можетъ, и выкупъ обработываемыхъ земель отъ частныхъ лицъ и казны въ собственность поселянъ, быть конхъ желаютъ улучшить Правительство и дворянство, мы землевладѣльцы должны будемъ измѣнить настоящій порядокъ и образъ хлѣбопашества и скотоводства съ прочими отраслями сельскаго хозяйства. Главною и самою важною заботою нашею тогда будетъ раздѣленіе полей и луговъ на участки для сдачи ихъ фермерамъ или арендаторамъ въ кортому на болѣе или менѣе продолжительные сроки, потому что не всѣмъ, особенно богатымъ землевладѣльцамъ, которыхъ имѣнія находятся въ разныхъ мѣстахъ, можно и удобно будетъ самимъ заниматься хозяйствомъ, а гораздо вѣроятнѣе, что большей части придется отдавать земли въ арендное содержаніе.

Въ нашихъ законахъ опредѣленъ 12-лѣтній срокъ на отдачу въ наемъ недвижимыхъ имуществъ; но въ видѣ изъятія дозволяется сдавать въ аренду *благопріобрѣтенныя пустопорожнія* земли на продолжительнѣйшіе сроки, именно до 30 лѣтъ, если предполагается на нихъ устроить фабрики или заводы, а равно и подъ устройство дачь въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ, на 25-ти верстномъ отъ нихъ разстояніи (Св. Зак. Гр. ст. 1693). Болѣе подробныхъ узаконеній объ условіяхъ найма въ законахъ не встрѣчается, но допускаются всякіе произвольные договоры, не противные законамъ о правахъ и обязанностяхъ хозяина и наёмщика со вклю-

---

(*) Печатая эту замѣтку нашего почтеннаго корреспондента, мы предоставляемъ себѣ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ Архива войти въ подробное разсмотрѣніе какъ условій найма земель, принятыхъ за границей, такъ и тѣхъ правилъ, по которымъ они могутъ быть постановлены у насъ по измѣненіи отношеній между помѣщиками и крестьянами. *Редакторъ.*

ченіемъ правилъ о пользованіи имуществомъ, отвѣтственностью за ущербъ, порчу и за самую гибель его, и тому подобныя взаимныя обязательства.

Мы намѣрены войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности относительно сдачи и найма земель; но прежде напомнимъ читателямъ, что̀ говоритъ о томъ авторъ «Исторіи французскихъ крестьянъ» и «Писемъ о земледѣліи во Франціи».

«Фермерство, по мнѣнію Боннера, за плату денежнаго оброка или аренды служитъ доказательствомъ значительнаго улучшенія въ образованіи и распредѣленіи богатствъ. Фермеръ всегда въ состояніи гораздо лучше самаго владѣльца (?) воздѣлывать землю: обоюдный интересъ ихъ требуетъ, чтобъ арендатору принадлежало право устанавливать способъ обработки полей и раздѣленіе ихъ на пашни; для фермера гораздо выгоднѣе длинные наемные сроки, такъ что принятые нынѣ во Франціи 9-лѣтніе кажутся слишкомъ кратковременными, если принять въ соображеніе продолжительность земледѣльческихъ операцій, то время, въ которое потраченные капиталы могутъ быть возвращены, и необходимость между тѣмъ ежегодно тратить значительныя суммы, особенно когда дѣло идетъ о томъ, чтобы привести въ хорошее состояніе землю, истощенную прежнимъ фермеромъ, и поддерживать надлежащимъ образомъ ея обработку.»

«Крайне ошибочно, продолжаетъ авторъ, навязывать фермеру способъ воздѣлыванія и распредѣленія пашней, наполнять контрактъ стѣснительными условіями, которыя затрудняютъ его дѣятельность, отбиваютъ у него охоту къ улучшеніямъ и покровительствуютъ невѣжеству. Владѣлецъ можетъ только опасаться, чтобы арендаторъ, не увѣренный въ возобновленіи своего договора, не истощилъ земли въ послѣдніе годы пользованія ею и не преслѣдовалъ, въ ущербъ ему, исключительно собственныхъ интересовъ. Но есть вѣрное средство предостеречься противъ опасности такого рода,—именно выговорить въ контрактѣ, какого именно способа обработки долженъ придерживаться пахматель въ послѣдніе 3—4 года аренды. Благодаря этому, интересы владѣльца получатъ полное обезпеченіе, а фермеръ будетъ пользоваться совершенною свободою дѣйствій, необходимою ему для благоразумнаго развитія земледѣлія и скотоводства.»

«Продолжительныя аренды встрѣчаютъ, впрочемъ, очень серьезныя возраженія; владѣльцу, во 1-хъ, очень хорошо извѣстно, что наемная цѣна за землю, не говоря уже о случайныхъ ея колебаніяхъ, которыя можно опредѣлить среднимъ числомъ, взявши періодъ 20—25 лѣтъ, постоянно стремится къ возвышенію, даже при отсутствіи всякихъ улучшеній почвы, просто въ силу успѣховъ общественнаго развитія; онъ остережется, слѣдовательно, отдать землю въ наемъ на слишкомъ долгое время; во 2-хъ, такъ какъ, по Французскому законодательству, наслѣдство дѣлится на равныя части между всѣми дѣтьми, то глава семейства имѣетъ весьма удовлетворительныя причины избѣгать наймовъ на длинные сроки, ибо это могло бы затруднить раздѣлъ. Къ тому же законъ, согласно съ нравами и обычаями общества, запрещаетъ опекунамъ, общинамъ и благотворительнымъ заведеніямъ заключать контракты болѣе чѣмъ на 9 лѣтъ.»

Остановимся пока на этихъ замѣчаніяхъ Бопмера и поговоримъ собственно о нашей русской сдачѣ земель въ кортому, основываясь на сдѣланныхъ нами опытахъ и наблюденіяхъ относительно заключенія условій между землевладѣльцами и арендаторами.

Само собою разумѣется, что сроки—французскій 9-лѣтній и нашъ русскій 12-лѣтній—не всегда примѣнимы къ дѣлу; хотя время, на которое заключаются контракты найма земель, и не можетъ быть признано неограниченнымъ, тѣмъ не менѣе, по всей справедливости, всѣ владѣльцы и съёмщики земель должны воспользоваться по крайней мѣрѣ тѣми изъятіями, какія законъ установилъ для отдачи *благопріобрѣтенныхъ* пустопорожнихъ земель подъ устройство фабрикъ и др. заведеній, а подъ столицами загородныхъ дачь. Въ предѣлахъ же 30 лѣтъ, мы полагаемъ, слѣдуетъ предоставить владѣльцу и фермеру полную свободу въ назначеніи срока договора. У насъ въ Россіи въ отдачу будутъ поступать почвы весьма различныхъ свойствъ: глинистыя, песчаныя, супесчаныя, суглинистыя, иловатыя, черноземныя, выпашныя (ветошныя), истощенныя, удобренныя, болотистыя, поёмныя, степныя, лѣсныя со всѣми ихъ подраздѣленіями на особыя еще отличія; поэтому наши условія для арендованія земель должны быть весьма разнообразны, разнохарактерны, и установить какія либо общія для этого правила невозможно. Впрочемъ, не трудно указать на тѣ главныя основанія,

которыми будутъ руководствоваться арендаторы относительно сроковъ и измѣненія наемныхъ цѣнъ въ своихъ контрактахъ. Они могутъ напр. назначить время на разчистку лѣса и корчеваніе пней для образованія изъ этого пахатнаго поля или сѣнокоснаго луга, съ распредѣленіемъ сроковъ на внось платы извѣстными кушами, и съ назначеніемъ количества денегъ въ постепенномъ возвышеніи его по мѣрѣ прихода почвы въ бо́льшее плодородіе отъ разнообразныхъ пріемовъ воздѣлыванія или удобренія. Также безъ труда всякій землевладѣлецъ и съёмщикъ можетъ опредѣлить срокъ содержанія въ арендѣ степной цѣлинной или залежной почвы, съ установленіемъ постепеннаго попиженія цѣны по мѣрѣ обращенія земли изъ новой въ ветошную, а за тѣмъ назначить плату постоянную на извѣстное время, съ правомъ переоцѣнки земли чрезъ нѣсколько лѣтъ, напримѣръ чрезъ 5 или 10. Бонмеръ говоритъ, что ему извѣстны лично два собственника, которые заключаютъ съ фермерами такого рода договоръ: по истеченіи 6 лѣтъ условленнаго найма, ферма должна быть переоцѣниваема, и если арендаторъ трудами своими увеличилъ цѣнность земли на 10% дохода, то ферма оставляется въ его пользованіи еще на 6 лѣтъ и т. д. съ надбавкою только 20-й части противъ прежней цѣны. Я думаю, что такой системы удобно придерживаться и нашимъ владѣльцамъ.

Бонмеръ сообщаетъ еще объ особомъ родѣ фермерства, существующемъ въ Нижней Бретани (древней Арморикѣ), которое можетъ быть довольно удобно примѣнено къ нашему переходному состоянію при перемѣнѣ отношеній къ поселянамъ. Это *domaine congéable*, или *bail à convenant*, т. е. договоръ, составляющій нѣчто среднее между арендным контрактомъ и купчею крѣпостью, по коему землевладѣлецъ получаетъ ежегодную плату, пропорціональную дѣйствительной цѣнности земли въ томъ необработанномъ состояніи, въ какомъ она находилась. Но вмѣстѣ съ тѣмъ полагается условіемъ, чтобы при устройствѣ фермы, всѣ зданія и плантаціи, и вообще нововведенія, сдѣланныя на счётъ арендатора, составляли его собственность, что разумѣется подъ общимъ названіемъ: *édifices et superfices*. Землевладѣлецъ принимаетъ на себя обязательство по истеченіи аренднаго срока вознаградить фермера за всѣ его пожертвованія по устройству имѣнія, а если хозяинъ не захочетъ

уплатить за всѣ édifices и superfices, то съёмщикъ можетъ оставаться въ званіи фермера на дальнѣйшій срокъ и на тѣхъ же условіяхъ; въ случаѣ же, если землевладѣлецъ вздумаетъ вступить въ полное распоряженіе своимъ имѣніемъ, то долженъ предварить о томъ арендатора за полгода до исхода условнаго срока. Но при этомъ фермеръ обязанъ производить тѣ только постройки или работы, которыя необходимы для хозяйства, или которыя разрѣшены собственникомъ и обозначены въ контрактѣ.

Въ нашемъ законодательствѣ постановлено весьма справедливое правило, что контракты на отдачу въ аренду земель, если они будутъ совершаемы съ полученіемъ, или назначеніемъ къ полученію арендныхъ денегъ болѣе чѣмъ за годъ впередъ,—должны быть свидѣтельствуемы въ присутственныхъ мѣстахъ, коимъ по закону дозволено совершеніе крѣпостныхъ актовъ, съ тѣмъ: а) чтобы на самыя имѣнія, по количеству взятой суммы, налагались запрещенія; б) чтобы въ противномъ случаѣ, при несоблюденіи этого правила, заключенные контракты считались недѣйствительными, и в) чтобы запрещеніе, налагаемое на арендованное имѣніе по количеству взятой владѣльцемъ у содержателя суммы, не препятствовало владѣльцу въ продажѣ и закладѣ той собственности, лишь бы покупатель или принимать залога имѣли въ виду контрактъ, который они должны соблюдать въ точности (Св. Зак. Гр. ст. 1703).

Кромѣ введенія въ контракты на сдачу земель помѣщиками добровольныхъ частныхъ условій, ограждающихъ взаимные интересы договаривающихся сторонъ, необходимо и чрезъ узаконенія обезпечить какъ землевладѣльцевъ, такъ и арендаторовъ болѣе подробными правилами, которыми бы гарантировались условія той и другой стороны, дабы установилось прочное довѣріе между контрагентами; столь же необходимо обезпечить условія между рабочими и хозяевами по обработкѣ земель и уходѣ за скотомъ, чѣмъ только и можно доставить способы къ развитію сельскаго хозяйства. Въ числѣ такихъ постановленій нельзя не признать самыми коренными словесное и публичное судопроизводство и скорое рѣшеніе дѣлъ.

Хр. Козловъ.

О САМОВОЛЬНЫХЪ ПОРУБКАХЪ *.

(Матеріалы для Сельскаго и Лѣснаго Уставовъ).

Необходимость составленія Сельскаго Устава давно уже сдѣлалась у насъ ощутительна, но не достигла еще той степени сознанія, на которой мысль какъ бы сама собою обращается въ дѣло. Уничтоженіе черезполосности во владѣніи землею вызываетъ потребность въ болѣе точныхъ, болѣе ясныхъ и болѣе опредѣленныхъ постановленіяхъ о потравахъ, а уничтоженіе лѣсовъ и происходящая отъ того дороговизна топлива и лѣсныхъ матеріаловъ—потребность въ законахъ противъ самовольныхъ порубокъ. Но между тѣмъ привычка къ вѣковой неурядицѣ въ сельскомъ быту, неуваженіе къ чужому праву, а потому и неумѣнье отстаивать свое собственное, наконецъ мысль, что законы всѣ хороши, а дурны только ихъ исполнители и что хорошихъ исполнителей нѣтъ и быть не можетъ—все это вмѣстѣ парализировало до сихъ поръ жалобы на совершенное отсутствіе Сельскаго Устава и мѣшало заявить официально недостаточность и неудовлетворительность законовъ, относящихся къ потра-

(*) Принося искреннюю благодарность В. К. Ржевскому за сообщеніе этой превосходной статьи, считаемъ однако долгомъ просить какъ его, такъ и другихъ нашихъ сотрудниковъ о доставленіи намъ тѣхъ свѣдѣній и указаній, которыя могли бы служить къ пополненію предлагаемыхъ здѣсь соображеній. Вопросъ, затронутый В. К. Ржевскимъ, такъ важенъ и требуетъ такого всесторонняго разсмотрѣнія, что чѣмъ болѣе онъ будетъ обсуждаемъ, тѣмъ болѣе облегчитъ этимъ Правительству трудъ составленія Лѣснаго Устава, о которомъ, какъ намъ извѣстно, оно теперь заботится. Съ своей стороны Редакція Архива надѣется представить въ скоромъ времени перечень существующихъ по этому предмету правилъ въ наиболѣе замѣчательныхъ иностранныхъ законодательствахъ. *Редакторъ.*

вамъ и порубкамъ. Въ практической жизни неудовлетворительность эта пополнялась содѣйствіемъ подъ извѣстными условіями чиновниковъ земской полиціи, а кто не умѣлъ или не хотѣлъ прибѣгать къ этому хотя и простому, но недешевому средству, того обвиняли въ упрямствѣ, въ скупости или по крайней мѣрѣ въ неумѣньи взяться за дѣло. Можетъ быть порядокъ этотъ или безпорядокъ продолжился бы на весьма долгое время, если бы реформа въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ не заставила предвидѣть невозможность отдѣлываться увертками и хитростями безъ ясныхъ, благоразумныхъ и практическихъ постановленій. Хотя никто не сомнѣвался, что такое важное дѣло, какъ охраненіе всей земледѣльческой дѣятельности отъ внѣшнихъ насилій, не можетъ быть оставлено безъ вниманія, однако, предвидя опасность, каждый думалъ только о себѣ и уже не ограничивался одними жалобами и разсужденіями, а прибѣгалъ къ дѣйствіямъ и принималъ тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, могли хотя отчасти вести къ сохраненію его собственности. Въ отношеніи къ предупрежденію потравъ единственная мѣра, къ которой можно было прибѣгнуть, при несуществованіи на этотъ предметъ законныхъ постановленій, состояла въ удаленіи крестьянскихъ полей, а еще болѣе самихъ крестьянъ отъ полей господскихъ. Вотъ главная причина переселеній крестьянъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время. Если неясность постановленій и слабость взысканій за потравы, равняющаяся совершенной безнаказанности, отразилась тяжелыми послѣдствіями какъ для владѣльца земли, котораго вынуждала къ значительнымъ расходамъ на переселеніе, такъ и для крестьянъ, которыхъ подвергала неизбѣжнымъ лишеніямъ и затрудненіямъ, то этотъ же недостатокъ въ отношеніи къ порубкамъ имѣлъ еще болѣе гибельныя послѣдствія, которыя будутъ сильно ощутительны только по прошествіи шести или семи лѣтъ. Чтобы сохранить лѣса отъ порубокъ и совершеннаго уничтоженія, при дѣйствіи нынѣшнихъ постановленій, когда это дѣйствіе не будетъ находить болѣе опоры въ крѣпостномъ правѣ, т. е. въ произволѣ помѣщиковъ и отсутствіи права со стороны крестьянъ, владѣльцу оставалось одно средство—самому срубить ихъ. Дѣйствительно, со времени объявленія о принятіи мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ проданы на срубъ почти всѣ лѣса, которые только могли быть проданы. Ученыя таксаціи и правильная рубка лѣсовъ участками, все это лишь

прекрасныя мечты при отсутствіи законовъ, охраняющихъ лѣса отъ неученыхъ и неправильныхъ самовольныхъ порубокъ, а потому лѣсъ обыкновенно продается на срубъ въ полномъ составѣ съ обязанностью свести его и уплатить деньги въ непродолжительный срокъ—обыкновенно отъ 5 до 8 лѣтъ. Почему же не продаютъ помѣщики своихъ лѣсовъ участками? По той же причинѣ—по недостаточности законоположеній о порубкахъ. Купившій въ большомъ лѣсу небольшой участокъ можетъ безнаказанно, при нынѣшнихъ постановленіяхъ, вырубить всѣ лучшія деревья во всемъ лѣсу и завести безконечную тяжбу, если ему будутъ въ томъ препятствовать. Какъ бы то ни было, большая часть лѣсовъ проданы на срубъ и по окончаніи контрактныхъ сроковъ, т. е. черезъ 6 или 7 лѣтъ будутъ уничтожены. Въ продолженіи этого періода топливо и лѣсные матеріалы, можетъ быть, даже подешевѣютъ, но по окончаніи его наступитъ страшная дороговизна, которая представитъ еще бо́льшую премію къ расхищенію и покражѣ лѣса. Что же дѣлать при этихъ обстоятельствахъ? Я увѣренъ, что въ умѣ каждаго бюрократа блеснетъ мысль: запретить продажу лѣсовъ на срубъ. Но это значитъ запретить пользоваться лѣсомъ только самому владѣльцу, дозволивъ рубить его всѣмъ посторонимъ, ибо нынѣшнія постановленія о порубкахъ не представляютъ ни малѣйшаго въ этомъ случаѣ препятствія. Что же однако дѣлать? Въ отношеніи къ прошедшему покориться судьбѣ, а въ отношеніи къ будущему принять практическія мѣры, т. е. установить такія законоположенія, которыя бы сдѣлали возможнымъ охраненіе лѣсовъ существующихъ и выгоднымъ разведеніе ихъ вновь, не смотря на неизбѣжныя въ этомъ случаѣ издержки. Обыкновенное и притомъ единственное возраженіе, которое мнѣ случалось слышать противъ установленія болѣе строгихъ мѣръ взысканія за порубки и въ особенности болѣе точныхъ правилъ для предупрежденія мелкаго расхищенія лѣса, есть слѣдующее: гдѣ же взять бѣдному крестьянину необходимое ему топливо, лыки для лаптей, грядки, вязки, оглобли для телѣгъ и саней, обручи для кадокъ, колья, хворостъ для заборовъ и проч. и проч. Но не ужели кража чужой собственности можетъ входить какъ неизбѣжное условіе въ систему какого бы то ни было улучшенія и благоустройства? Гдѣ же берутъ всѣ эти предметы крестьяне безлѣсныхъ мѣстностей: они ихъ поку-

наютъ, не смотря на то, что они тамъ дороги. Почему же позволять воровать тамъ, гдѣ они пока еще дешевы, до тѣхъ поръ, когда съ истребленіемъ лѣсовъ они вездѣ сдѣлаются столь же дороги? Убытокъ, который терпитъ Россія отъ неудовлетворительности постановленій о порубкахъ, неизчислимъ, не говоря уже о томъ нравственномъ вредѣ, который происходитъ отъ всеобщей привычки, обратившейся въ необходимость, ибо соперничество воровъ дѣлаетъ невозможнымъ промыселъ честный. Многіе крестьяне занимаются дѣланіемъ колесъ: они покупаютъ ободья, но спицы и ступки дѣлаютъ изъ краденаго лѣсу. Отъ этого готовыя колеса дешевле матеріала, изъ котораго они сдѣланы. Возможно ли послѣ этого соперничать съ ними тому, кто бы вздумалъ вести свое ремесло честнымъ образомъ. По этой же причинѣ выбиваніе масла изъ конопли выгодно только при условіи даровыхъ, т. е. краденыхъ дровъ. Кража лѣса до такой степени вошла въ обычай, что образовалась цѣлая промышленность изъ похищеннаго матеріала, напримѣръ, продажа лыкъ, метелъ, вѣниковъ, обручей, боронъ, и проч. Примѣровъ можно привести безчисленное множество и они всѣ подтвердили бы, что лѣсное хозяйство, при нынѣшнихъ постановленіяхъ о порубкахъ, совершенно невозможно.

Выпишемъ дѣйствующія у насъ постановленія для охраненія частныхъ лѣсовъ изъ разныхъ частей Свода Законовъ, чтобы облегчить пріискиваніе ихъ для тѣхъ изъ читателей, которые имѣютъ въ нихъ практическую необходимость, а потомъ прибавимъ нѣсколько теоретическихъ замѣчаній и сдѣлаемъ сравненіе съ постановленіями по этому предмету во Французскомъ законодательствѣ.

«За самовольную порубку частныхъ лѣсовъ виновные подвергаются тому же самому взысканію, какое въ отношеніи самовольныхъ порубокъ казенныхъ лѣсовъ постановлено» (Св. Зак. т. VIII Уст. Лѣснаго ст. 1529).

Въ чемъ же заключается взысканіе, постановленное за самовольныя порубки казенныхъ лѣсовъ? Отвѣтомъ можетъ служить статья 1462 Лѣснаго Устава. Вотъ она:

«За похищеніе и самовольную порубку казеннаго лѣса виновные подвергаются взысканіямъ и наказаніямъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

«1. За похищеніе казеннаго лѣса виновные, сверхъ отобранія отъ нихъ всего найденнаго налицо похищеннаго лѣса, подвергаются наказаніямъ и денежному взысканію по статьѣ 976 Уложенія о Наказаніяхъ».

«2. Изобличенные въ похищеніи лѣсовъ дубовыхъ, саженыхъ и сѣяныхъ, сверхъ отобранія всего лѣса, сколько онаго налицо у нихъ найдется, подвергаются наказаніямъ и взысканію по статьѣ 977 Уложенія о Наказаніяхъ».

«3. За самовольную порубку въ казенномъ лѣсѣ, хотя и безъ вывоза срубленныхъ деревъ, виновные подвергаются наказаніямъ и взысканіямъ по статьѣ 978 Уложенія о Наказаніяхъ, и вырубленный лѣсъ отъ нихъ отбирается».

«4. Если самовольные порубщики казеннаго лѣса по первому требованію лѣсной стражи не прекратятъ своихъ дѣйствій, или при поимкѣ окажутъ сопротивленіе, хотя и безъ насилія, а равно когда оказанное порубщиками сопротивленіе было сопровождаемо насиліемъ противъ лѣсной стражи: то виновные въ томъ подвергаются наказаніямъ по статьѣ 979 Уложенія о Наказаніяхъ».

«5. Если похищеніе или самовольная порубка казеннаго лѣса сдѣланы цѣлыми селеніями или же въ оной участвовали болѣе девяти человѣкъ, то опредѣленнымъ, въ статьяхъ 976, 977 и 978 Уложенія о Наказаніяхъ, личнымъ наказаніямъ подвергаются только главные виновные или подговорщики, или же когда невозможно съ точностію опредѣлить главныхъ виновныхъ, то старшіе въ семействахъ или домохозяева въ томъ участвовавшіе, а равно и старшины селеній, если они участвовали въ преступленіи. Всѣ прочіе приговариваются лишь къ денежнымъ по статьямъ 976, 977 и 978 Уложенія о Наказаніяхъ взысканіямъ. Вырубленный или похищенный и налицо у нихъ найденный лѣсъ отбирается».

«6. Укрывающіе завѣдомо похищенный другими казенный лѣсъ, или выработанныя изъ онаго произведенія, подвергаются наказанію по статьѣ 981 Уложенія о Наказаніяхъ».

Мы желали бы сдѣлать приведенныя статьи закона вполнѣ понятными для нашихъ читателей буквальнымъ приведеніемъ 976, 977, 978, 979 и 981 статей Уложенія о Наказаніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ пришлось бы еще привести статьи 2238, 296—299 и 301—304, также ст. 131, на которыя въ нихъ сдѣланы ссылки, а это

повело бы къ дальнѣйшимъ выпискамъ статей 86, 35, 2226—2237, 21, 296—298 и проч.

Смыслъ всѣхъ этихъ статей заключается въ томъ, что лица, уличенныя свидѣтелями, и сами сознавшіяся, приговариваются къ лишенію правъ состоянія и къ ссылкѣ, если они изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, а если не изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній (классъ людей, къ которому именно и принадлежатъ всѣ порубщики), то къ простому наказанію извѣстнымъ числомъ ударовъ розгами, соотвѣтственно цѣнности похищеннаго лѣса, съ возвращеніемъ на мѣсто жительства. Послѣднее обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ всякое уличеніе въ преступленіи посредствомъ показанія сторонннхъ людей—это камень преткновенія для всѣхъ производителей слѣдствій.

Кромѣ приведенной нами статьи Лѣснаго Устава есть еще въ XV Томѣ Свода Законовъ особое VI-е отдѣленіе во второй книгѣ подъ заглавіемъ: «*о судопроизводствѣ по дѣламъ о лѣсныхъ порубкахъ, поджогахъ и другихъ лѣсныхъ преступленіяхъ*», и въ ней слѣдующая (1027) статья:

«Равномѣрно и о нарушеніи законовъ о частныхъ лѣсахъ слѣдствіе производится земскою полиціею и поступаетъ къ судебному разсмотрѣнію согласно общимъ правиламъ, для уголовныхъ дѣлъ установленнымъ».

Изъ приведенныхъ нами узаконеній и въ особенности изъ перваго (ст. 1529 Лѣснаго Устава) и послѣдняго (ст. 1027 книги 2-й XV т.) можно вывести слѣдующее заключеніе: законъ не полагаетъ никакого различія между частными и казенными лѣсами, какъ въ отношеніи къ мѣрѣ взысканій за самовольныя порубки, такъ и въ отношеніи къ тому способу, которымъ доказывается проступокъ и произносится судебный приговоръ. Повидимому невозможно было дать частнымъ лѣсамъ бо́льшей гарантіи, какъ предоставивъ имъ ту же защиту, какою пользуются лѣса казенные; послѣднее было даже совершенно не логично. Отъ чего же на практикѣ эта гарантія оказывается недостаточною до такой степени, что невозможность сохраненія частныхъ лѣсовъ отъ совершеннаго расхищенія перешла во всеобщее убѣжденіе и сдѣлалась аксіомою?

Прежде нежели дадимъ отвѣтъ на этотъ самый важный и самый существенный вопросъ въ занимающемъ насъ предметѣ, необходи-

мо прослѣдить весь процессъ поимки вора, производство слѣдствія, произнесеніе судебнаго приговора и приведеніе его въ исполненіе.

Предположимъ всѣ самые выгодные случаи для помѣщика и самые невыгодные для вора.

Лѣсные обходчики въ числѣ двухъ или трехъ человѣкъ (болѣе предположить невозможно, ибо не посылать же въ обходъ цѣлыя толпы сторожей) поймали одного вора или двухъ, которые или срубили одно или два дерева, не слишкомъ большихъ, или нарубили одинъ или два воза мелкаго лѣса. Дерева слишкомъ крупнаго двое не могутъ положить на колесни, а если похитителей было болѣе, то они, вооруженные топорами, конечно не позволятъ взять себя двумъ или тремъ обходчикамъ.

Послѣ поимки воровъ слѣдуетъ представить ихъ въ Земскую Полицію. Положимъ, что подъ словомъ Земской Полиціи можно разумѣть Становаго Пристава, а не Земскій Судъ. Чтобы представить двухъ воровъ къ Становому, необходимо послать по крайней мѣрѣ четырехъ человѣкъ и подать объявленіе, въ которомъ слѣдуетъ подробно описать всѣ обстоятельства дѣла. На все это нужно время, т. е. оторвать нѣсколько человѣкъ отъ работы, и деньги, чтобы написать это объявленіе, если самъ владѣлецъ не живетъ въ имѣніи и если нѣтъ въ немъ грамотѣя, искуснаго на судебныя дѣла. Положимъ также, что̀ весьма рѣдко случается, что Становой не въ отлучкѣ, и что онъ не имѣетъ, что̀ случается еще рѣже, другихъ занятій и потому можетъ тотчасъ приступить къ произведенію слѣдствія.

Какимъ порядкомъ будетъ онъ производить дѣло: обыкновеннымъ, т. е. медленнымъ или сокращеннымъ?

Непремѣнно медленнымъ, потому что о случаяхъ воровства-кражи, къ которымъ конечно относятся порубки, именно въ статьѣ 843-й 2-й книги XV тома Свода Законовъ сказано: «по дѣламъ о воровствѣ-кражѣ и воровствѣ-мошенничествѣ Становой Приставъ не постановляетъ рѣшенія, но, по произведеніи слѣдствія, представляетъ оное въ Земскій Судъ».

И такъ безъ поѣздки и посылки въ Земскій Судъ, т. е. въ уѣздный городъ, часто за 80 и болѣе верстъ, обойтись невозможно.

Гдѣ однако содержатся и воры и ихъ лошади, кто ихъ карауллтъ

и кто ихъ кормитъ въ продолженіи слѣдствія? Все это конечно дѣлается на счетъ истца.

И такъ о порубкѣ производится слѣдствіе обыкновеннымъ порядкомъ, какъ о всякой другой покражѣ.

Пойманный въ порубкѣ всегда и постоянно не сознается въ покражѣ, а говоритъ, что онъ ѣхалъ черезъ лѣсъ и что лѣсные сторожа сами срубили дерево или мелкій лѣсъ, и положили ему на возъ насильно, чтобы обвинить его въ покражѣ. Всѣ крестьяне, ворующіе лѣсъ, очень хорошо знаютъ эту отговорку, а если бы нашъ воръ былъ такъ невиненъ, что не умѣлъ бы прибѣгнуть къ этой пошлой уловкѣ, то его конечно научатъ въ стану. Случай этотъ предвидѣнъ во Французскомъ законодательствѣ, но у насъ онъ можетъ быть разрѣшенъ только показаніемъ сторонникъ свидѣтелей. Въ лѣсу, особенно густомъ и отдаленномъ отъ дороги (хотя впрочемъ воры умѣли проходить большую часть лѣсовъ и проложить въ нихъ дороги), свидѣтели, по природѣ своей, робкаго свойства и не согласятся подойти къ слѣдователю и заговорить съ нимъ, ни въ пользу обвиненнаго, ни противъ него, а скорѣе прибѣгнутъ къ быстротѣ своихъ ногъ, чтобы самимъ не попасть въ руки суда.

Во Французскомъ законодательствѣ, какъ мы уже сказали, случай этотъ разрѣшается очень коротенькою (188-ю) статьею Лѣснаго Кодекса. Les procès-verbaux dressés par les gardes des bois et forêts des particuliers feront foi jusqu'à preuve contraire, т. е. что нелѣпую отговорку приносить безполезно, и если уже придется искать небывалыхъ свидѣтелей, то не тому честному человѣку, который поймалъ вора, а самому вору, который сваливаетъ свою вину на честнаго человѣка.

Но положимъ, такъ какъ мы уже рѣшились дѣлать самыя выгодныя предположенія для владѣльца лѣса, что воровство по слѣдствію доказано и воры съ поличнымъ отправляются въ уѣздный городъ для представленія ихъ въ Земскій Судъ.

Прежде нежели Судъ постановитъ какое либо рѣшеніе, должно сдѣлать оцѣнку покражѣ, т. е. бревну или мелкимъ дровамъ. Оцѣнка производится присяжными цѣновщиками, на основаніи 89 ст. кн. 2-й XV т., и только за неимѣніемъ ихъ посторонними людьми. Какъ оцѣнятъ ваше бревно или вашъ хворостъ? Виноватъ, слѣдовало сказать: бревно или хворостъ вашего вора, потому что у васъ было

дерево или молодой лѣсъ, которые вы ростили и караулили, а не бревно или хворостъ. Не будемъ однако спорить о словахъ въ предметѣ, столь ничтожномъ. Ихъ оцѣнятъ непремѣнно дешево, потому что цѣновщики жители города и покупаютъ дрова, а слѣдовательно стараются понизить на нихъ цѣну. Впрочемъ для васъ и лучше если порубку оцѣнятъ дешево, потому что тогда рѣшеніе Земскаго Суда получитъ окончательную силу, на основаніи 843 ст. 2-й кн. XV т. Св. Зак., и вамъ предоставлено будетъ право получить, на основаніи 845 статьи той же книги, деньги по оцѣнкѣ, а виновный можетъ быть будетъ наказанъ розгами отъ 3 до 30 ударовъ. Я говорю: *можетъ быть*, потому что наказаніе розгами производится на основаніи 545 ст. 2-й кн. XV т. Св. Зак. при полиціи, т. е. не публично и отъ него весьма легко откупиться. Притомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что государственные крестьяне въ этомъ случаѣ не подлежатъ обыкновенному суду Земской Полиціи, *а судятъ и наказываютъ за покражу помьщичьяго лѣса сами себя* въ Сельскихъ Расправахъ на основаніи 846 ст. 2-й кн. XV т.

Если же порубку оцѣнятъ выше 30 р. серебромъ или вы поймали того же вора въ третій разъ, то дѣло ваше подвергается всѣмъ случайностямъ и непріятностямъ уголовнаго, т. е. медленнаго, а не сокращеннаго судопроизводства, и воръ конечно успѣетъ скрыться, дрова ваши будутъ сожжены или сгніютъ, пока дѣло пройдетъ Уѣздный Судъ, Уголовную Палату и уголовный столъ Канцеляріи Губернатора.

При оцѣнкахъ еще встрѣчается слѣдующая странность: вы имѣете несчастіе владѣть лѣсомъ въ степной части уѣзда, а городъ находится въ лѣсной, и вы везете покраденныя дрова, вопреки правилу Горація: non lignum ferre in silvam, изъ степи въ лѣсъ, сопровождаемые насмѣшками всѣхъ встрѣчающихся, для того чтобы ихъ тамъ оцѣнили дешевле. Но скажутъ мнѣ: можетъ случиться и на оборотъ, что городъ находится въ степной части и тогда ихъ оцѣнятъ дороже. Въ такомъ случаѣ значитъ законъ косвенно противудѣйствуетъ разведенію и сохраненію лѣсовъ въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ (*).

Впрочемъ мы забыли о нашемъ ворѣ и его покражѣ. Положимъ,

(*) Это косвенное противодѣйствіе сбереженію лѣсовъ встрѣчается всего рѣзче при залогахъ незаселенныхъ земель въ Приказахъ Общественнаго

что его наказали розгами, а порубка?—Вы можете взять ее и везти на свой счетъ домой за 80 верстъ, или продать ее за безцѣнокъ, или предоставить ее вору и получить съ него деньги по оцѣнкѣ. Но чтобы получить ихъ, вамъ предстоитъ новый гражданскій искъ вмѣсто уголовнаго. А всѣ расходы на бумагу, на поѣздки, на харчи ворамъ и фуражъ ихъ лошадямъ, пока окончатъ слѣдствіе и доставятъ ихъ въ Земскій Судъ? Все это пропадаетъ безвозвратно. Вора высѣкли или присудили высѣчь розгами—чего же вамъ больше? Въ другой разъ не ловите вора въ лѣсу или по крайней мѣрѣ не представляйте въ судъ, а справляйтесь съ нимъ сами по праву сильнаго, если вы сильнѣе. Если же вы не сильнѣе, то продайте вашъ лѣсъ на срубъ, а потомъ обратите землю подъ пашню или хоть даже подъ пастбище—это будетъ для васъ выгоднѣе, чѣмъ дожидаться невозможнаго возрастанія лѣса.

Неудовлетворительность нашихъ постановленій объ охраненіи частныхъ лѣсовъ на практикѣ происходитъ отъ двухъ теоретическихъ ошибокъ:

1) Порубки въ частныхъ лѣсахъ преслѣдуются наравнѣ съ порубками въ лѣсахъ казенныхъ, что совершенно неисполнимо на дѣлѣ, ибо главная гарантія, какъ то: участіе депутата лѣснаго вѣдомства, круговая отвѣтственность ближайшихъ казенныхъ селеній (ст. 1475 Лѣснаго Устава) и выраженіе своего мнѣнія Палатою Государственныхъ Имуществъ предварительно рѣшенію Уголовной Палаты, не могутъ имѣть мѣста въ отношеніи къ порубкамъ, произведеннымъ въ лѣсахъ частнаго владѣнія.

2) Въ нашихъ постановленіяхъ о самовольныхъ порубкахъ принята система пенальности, вмѣсто системы вознагражденія. Лѣсныя порубки преслѣдуются въ тѣхъ же формахъ и по тѣмъ же общимъ уголовнымъ законамъ, какъ и всѣ другія нарушенія права собственности, но для лѣсовъ необходимо установить не только особенныя исключительныя формы изслѣдованія проступка, но и другія мѣры взысканія.

Призрѣнія. При производившихся доселѣ ссудахъ, за землю подъ лѣсомъ не выдавалось никакой суммы, но если вы срубили лѣсъ и обратили землю подъ пашню или просто подъ выгонъ, то вамъ давали въ ссуду половину оцѣночной суммы. Правило это, сколько намъ извѣстно, основывалось на неопубликованномъ постановленіи Государственнаго Совѣта.

Эта послѣдняя мысль можетъ подать поводъ къ ошибочному заключенію, будто я предлагаю учрежденіе *привилегіи* въ отношеніи къ владѣльцамъ лѣсовъ, хотя я вовсе не вижу никакой надобности въ какой либо исключительности для нихъ, а нахожу лишь необходимымъ примѣненіе и здѣсь общаго правила, что законъ долженъ имѣть въ виду облегчить каждому частному лицу охраненіе его собственности отъ внѣшняго нападенія другихъ частныхъ лицъ.

Естественно, что мѣры охраненія не могутъ быть одинаковыя для всѣхъ родовъ собственности, а должны сообразоваться съ ея формою. Объяснимъ примѣромъ: одинъ человѣкъ имѣетъ въ карманѣ 10 т. рублей, другой имѣетъ на 10 т. рублей зернового хлѣба, третій лѣсную дачу, также цѣнностью въ 10 т. рублей. Охраненіе собственности первому ничего не стоитъ и онъ даже можетъ извлечь выгоду отъ ея охраненія, положивъ свои деньги въ банкъ на именной билетъ. Охраненіе собственности втораго лица сопряжено съ расходомъ: ему нужно помѣстить свой хлѣбъ въ амбаръ и приставить къ нему сторожа, который бы могъ увѣдомить полицію, если бы пріѣхали воры съ подводами и стали выламывать запертыя двери амбаровъ; но въ этой формѣ собственности охраненіе требуетъ несравненно меньшихъ расходовъ, нежели охраненіе лѣса на такую же сумму. Лѣсъ нельзя положить въ карманъ, нельзя запереть въ амбаръ: его нужно карауллть и притомъ не одному сторожу, который бы увѣдомилъ только полицію о приближеніи воровъ, но нѣсколькимъ и притомъ на столько сильнымъ, чтобы они могли сами задержать хищниковъ. Наконецъ похищеніе денегъ или взломъ амбара есть дѣйствіе однократное, а потому и легко предупреждаемое. Воръ конечно не станетъ красть денегъ по одному рублю или хлѣбъ по зернамъ, между тѣмъ какъ лѣсъ ворується именно по частямъ и можетъ быть и дѣйствительно бываетъ уничтоженъ по одному дереву. Если назовутъ безумцемъ перваго изъ приведенныхъ нами собственниковъ, если бы онъ вздумалъ разложить свои 10 т. въ видѣ цѣлковыхъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ, то отчего же упрекать послѣдняго, если онъ соберетъ свою собственность въ одно мѣсто, т. е. срубитъ свой лѣсъ, продастъ дрова и положитъ деньги въ карманъ? Но уничтоженіе лѣса вредитъ цѣлой странѣ, возвышая цѣнность топлива и даже угрожаетъ совершенною невозможностью имѣть его за какую либо цѣну. Если есть выгода общества въ со-

храненіи лѣсовъ, то общество обязано за эту выгоду платить облегченіемъ способовъ ихъ охраненія. Тутъ идетъ рѣчь не о привилегіи, т. е. объ отнятіи у одного и объ отдачѣ другому, а о соблюденіи взаимныхъ выгодъ. Если для государства полезно, чтобы во всѣхъ по возможности мѣстностяхъ были лѣса, чтобы эти лѣса выростали до такой зрѣлости, которая необходима какъ для полученія наибольшаго количества топлива, такъ и для полученія годнаго строительнаго матеріала, то необходимо, чтобы государство предоставило какія либо выгоды тѣмъ лицамъ, которыя заботятся и даже терпятъ нѣкоторую денежную потерю отъ оставленія земли своей подъ лѣсомъ. Извѣстно, что земля, обращенная подъ пашню или даже подъ пастбище, даетъ у насъ болѣе дохода, нежели сколько можно получить отъ продажи дровъ, раздѣливъ лѣсъ хотя бы только на 30 участковъ и вычтя расходы на успленный караулъ, который, при недостаткѣ нашихъ постановленій, охраняющихъ лѣса отъ порубокъ и расхищенія, обойдется весьма дорого. Если раздѣлить лѣсъ на большое число лѣсосѣкъ, какое именно и требуется наукою, то продажа участковъ не окупитъ и караула, т. е. лѣсъ будетъ въ убытокъ. Въ чемъ же могутъ заключаться выгоды, которыя слѣдуетъ предоставить лѣсовладѣльцамъ со стороны государства? По нашему убѣжденію всякая выдача премій въ простой или хитрозапутанной формѣ, какъ покровительство фабричной и заводской промышленности, есть ничто иное какъ даровое перемѣщеніе денегъ изъ одного кармана въ другой и противно какъ чувству справедливости, такъ и здравому смыслу. *Выгоды*, которыя могутъ быть предоставлены лѣсовладѣльцамъ, безъ малѣйшаго нарушенія справедливости, должны заключаться только въ противодѣйствіи тѣмъ *невыгодамъ*, которыя заключаются въ самой сущности предмета владѣнія, т. е. лѣса. Если у всѣхъ народовъ легальныя мѣры охраненія собственности сообразуются съ ея формою, то почему же не распространить этого правила и на лѣса. Законъ, напримѣръ, не вмѣшивается въ работу суконнаго фабриканта или ткача и предоставляетъ покупщику самому изслѣдовать доброту товара, но онъ требуетъ отъ серебренника и отъ золотыхъ дѣлъ мастера, чтобы онъ представилъ свои произведенія въ пробирную палатку для наложенія клейма, означающаго пробу, имѣя въ виду оградить покупщика отъ обмана и поддѣлки. Эта заботли-

вость о покупщикѣ условливается свойствомъ товара. Почему же свойство товара не можетъ обусловливать и заботы о продавцѣ? Если форма и свойства этого товара таковы, что безъ этой заботливости и самая торговля имъ невозможна, то постановленіе для него особенныхъ, исключительныхъ правилъ будетъ не исключеніемъ, но необходимымъ и совершенно логическимъ выводомъ изъ общей обязанности государства принимать для сохраненія и обезпеченія собственности такія мѣры, которыя соотвѣтственны ея свойствамъ и формѣ.

Опредѣлимъ эти свойства и эту форму.

Свойство лѣса какъ товара есть увеличеніе его цѣнности отъ произрастанія.

Для произрастанія лѣса требуется продолжительное время.

Въ различныя эпохи своего роста лѣсъ требуетъ бо́льшей или меньшей отѣненности.

Если не прорѣживать лѣсъ въ извѣстную эпоху его роста, то нѣкоторыя деревья сами собою засыхаютъ и пропадаютъ безъ дохода для владѣльца.

Для различнаго употребленія требуются деревья различной зрѣлости.

Срубленный участокъ требуетъ тщательнаго охраненія отъ потравы скотомъ. Въ случаѣ несоблюденія этой предосторожности лѣсъ или обращается въ безполезный, почти орѣховый кустарникъ, или нѣкоторыя, наболѣе цѣнныя породы деревъ совершенно уничтожаются, или наконецъ остаются однѣ тощія кривыя, изрѣдка стоящія березки.

Что касается до формы собственности въ видѣ лѣса, то она самая удобная для похищенія и самая затруднительная для храненія. Сравненіе съ капиталомъ, размѣненнымъ на копѣйки и разложеннымъ по полю, не только не преувеличено, но даже недостаточно, если вспомнить, что капиталъ такимъ образомъ разбросанный остается въ прежней цѣнности, между тѣмъ какъ цѣнность лѣса, если бы онъ могъ быть сохраненъ отъ похищенія, возрастаетъ почти со скоростію сложныхъ процентовъ.

Положимъ, что частный человѣкъ, не боящійся пожертвованій на устройство канавъ и оградъ, на наемъ значительнаго караула, и наконецъ устремляющій все свое вниманіе и всю свою дѣятельность на предупрежденіе покражъ и употребляющій съ надле-

жащею ловкостію легкія, но недешевыя средства къ ихъ законному наказанію, и достигъ бы сохраненія своего лѣса,—не смотря на это дохода отъ него онъ не получилъ бы иначе какъ совершенно или отчасти срубивъ его. Весь ежегодный и весьма значительный доходъ, который долженъ получаться отъ прорѣживанія лѣса, какъто: продажи хвороста, мелкихъ дровъ, метелъ, вѣниковъ, обручей, лыкъ и проч., доходъ, котораго естественное назначеніе есть покрывать расходы на караулъ, не можетъ имѣть мѣста, пока всѣ владѣльцы лѣсовъ не примутъ равно энергическихъ и, главное, равно хитро-кляузныхъ мѣръ для предупрежденія и преслѣдованія самовольныхъ порубокъ. Соперничество торговли собственными произведеніями съ торговлею произведеніями крадеными невозможно, пока этотъ послѣдній родъ промысла будетъ пользоваться привилегіею безнаказанности. Уничтожьте этотъ незаконный промыселъ прямыми предупредительными мѣрами, и доходы отъ лѣсовъ возвысятся на столько, что будутъ по крайней мѣрѣ окупать содержаніе караула, а потому и сдѣлаютъ возможнымъ расходы на этотъ предметъ для всѣхъ владѣльцевъ лѣсовъ, чѣмъ еще болѣе отстранится и сдѣлается совершенно невозможною торговля и промыселъ похищенною чужою собственностію. Не должно однако думать, что мелкія лѣсныя произведенія чрезвычайно подорожаютъ отъ устраненія воровской промышленности. При введеніи правильнаго пользованія собственными лѣсами, вмѣсто неправильнаго пользованія чужими, число этихъ произведеній значительно увеличится. Укажемъ для примѣра хоть на одинъ сортъ деревьевъ, именно липу. Дерево это, столь необходимое для нѣкоторыхъ фабричныхъ и промышленныхъ производствъ, нынѣ почти совершенно уничтожено вырубаніемъ молодыхъ деревьевъ на лыки. Липа ростетъ обыкновенно кустомъ и только тогда обращается въ дерево, когда одинъ изъ многочисленныхъ побѣговъ возметъ силу, чтобы обратиться въ штамбъ. Чтобы ускорить ея произрастаніе слѣдуетъ очистить лишніе побѣги, которые пойдутъ на лыки. Это и сдѣлаетъ хозяинъ лѣса, но не воръ, который конечно не станетъ входить въ такія тонкости, а уничтожитъ весь кустъ, чтобы воспользоваться и притомъ единовременно небольшею его частью. Въ настоящее время кое гдѣ сохранились старые дубы, довольно значительной толщины, по невозможности ихъ скоро

спилить и похитить, но дубовъ молодыхъ, средней величины, которые бы могли современемъ замѣнить ежегодно уничтожаемые старые дубы, нигдѣ не существуетъ, за то вы всюду увидите множество вѣчнаго дубоваго кустарника, не приносящаго владѣльцамъ ни малѣйшаго дохода. Эти дубовые кустарники суть остатки прежнихъ дубовыхъ рощъ; не выростаютъ же они никогда, потому что каждый прутъ, достигающій вершка и даже меньше въ діаметрѣ, похищается на разныя подѣлки для боронъ, телѣгъ, саней и на обручи. Система пенальности по оцѣнкѣ дѣлаетъ преслѣдованіе воровъ невозможнымъ; между тѣмъ если бы было возможно охранить дубовыя поросли отъ хищенія, то было бы выгодно не только обратить вѣчные дубовые кустарники въ рощи посредствомъ подчистки, но даже засѣвать вновь неудобныя для земледѣлія пространства желудями для продажи лишнихъ дубовъ на обручи, вязки, колья и проч.

Какого свойства должны быть тѣ законныя мѣры, которыя мы почитаемъ необходимыми для охраненія лѣсовъ.

Главная цѣль, какую слѣдуетъ имѣть въ виду при теоретическомъ опредѣленіи этихъ мѣръ, должна быть двоякая:

1) Предупредить или сколь возможно затруднить хищеніе лѣса.

2) Въ случаѣ совершеннаго уже похищенія, скоро и достаточно вознаградить владѣльца.

Основное правило всякаго уголовнаго кодекса въ отношеніи къ предупрежденію преступленій и въ особенности проступковъ заключается въ томъ:

а) что непзбѣжность наказанія гораздо скорѣе приводитъ къ цѣли, нежели его строгость, и

б) что чѣмъ сильнѣе и строже наказаніе, тѣмъ менѣе вѣроятности въ его примѣненіи, т. е. тѣмъ чаще бываетъ безнаказанность.

Руководствуясь этою мыслію, я полагалъ бы необходимымъ:

1) съ одной стороны вовсе отмѣнить пенальность и личныя наказанія за порубки, а съ другой устранить всю уголовную формальность и облегчить примѣненіе закона къ частному случаю.

2) Замѣнить личныя уголовныя наказанія денежнымъ взысканіемъ и притомъ не по оцѣнкѣ, которая не можетъ никогда вознаградить владѣльца, но по установленной напередъ таксѣ, которая вознаграждала бы владѣльца какъ за потерю вырубленнаго лѣса,

такъ и за всѣ издержки и хлопоты по караулу и поимки хищника. Денежное взысканіе и притомъ въ нѣсколько возвышенномъ размѣрѣ необходимо для вознагражденія владѣльца, какъ за похищенную собственность, такъ и за труды и хлопоты по поимкѣ и законному преслѣдованію вора. Оцѣнка похищеннаго лѣснаго матеріала невозможна по слѣдующимъ причинамъ:

При всякой обязательной оцѣнкѣ, посредствомъ ли присяжныхъ цѣновщиковъ или посредствомъ сторонннихъ людей, подвергающихся равной съ ними отвѣтственности, предметъ цѣнится всегда дешевле его дѣйствительной стоимости.

Стоимость нарубленнаго хворосту или какого нибудь бревна никакъ не можетъ равняться вреду, нанесенному тому лѣсу, въ которомъ онъ срубленъ. Въ отношеніи къ цѣнности мелкихъ дровъ совершенно всеравно какого они происхожденія—нарублены ли они въ густомъ мѣстѣ или въ рѣдкомъ, состоятъ ли они изъ молоденькихъ деревецъ или только изъ вершинъ и сучьевъ большихъ деревьевъ, срубленныхъ съ другою цѣлью. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ какъ топливо стоятъ даже нѣсколько дороже, совершенно обратно тому, какъ ихъ цѣнитъ лѣсовладѣлецъ, для котораго потеря молодыхъ деревьевъ 10 или 15 лѣтъ невозвратима и конечно не можетъ быть уравновѣшена цѣнностію хвороста или сучьевъ. Такое вознагражденіе равнялось бы вознагражденію за потоптанную весною пшеницу, не по той цѣнности, которую она должна бы имѣть осенью во время жатвы, а по ея настоящей цѣнности, т. е. наравнѣ съ плохою и грубою травою.

Впрочемъ, если бы даже оцѣнки производились съ математическою точностію, если бы вознаграждались и всѣ дѣйствительныя потери лѣсовладѣльца при каждой самовольной порубкѣ, то и въ такомъ случаѣ принципъ равномѣрности вознагражденія былъ бы величайшею несправедливостію и повелъ бы къ совершенному расхищенію лѣсовъ. Это значило бы объявить всѣ лѣса продажными въ разницу противъ воли владѣльцевъ, съ тою еще для нихъ невыгодою, что покупщики платятъ за товаръ только въ томъ случаѣ, если будутъ пойманы.

Расходы на поимку, представленіе къ слѣдствію и суду, гербовая бумага и проч. и проч., все это остается безъ вознагражденія, слѣдовательно составляетъ убытокъ и потерю для лѣсовладѣльца

при системѣ даже равномѣрнаго вознагражденія: чего же должно ожидать при системѣ неравномѣрнаго вознагражденія по офиціальнымъ оцѣнкамъ? Совершенной невозможности охранять лѣса, а вслѣдствіе того и совершеннаго ихъ уничтоженія, что̀ мы и видимъ на самомъ дѣлѣ.

Конечно недостаточное денежное взысканіе съ порубщика̀ сопровождается еще личною отвѣтственностію, т. е. извѣстнымъ числомъ ударовъ розгами, но какъ бы ни было это число велико, дефицитъ въ доходѣ лѣсовладѣльца отъ нихъ никогда не пополнится. Ими удовлетворится только чувство мщенія, но не желаніе, и притомъ совершенно законное, получить полное вознагражденіе. Убавьте число ударовъ розгами, а еще лучше отмѣните ихъ вовсе и замѣните денежнымъ взысканіемъ, которое бы вознаграждало лѣсовладѣльца, не только за всѣ положительныя потери, но и за всѣ *проторы* и *волокиты*, какъ говорили въ старину. Пенальность никогда не должна и не можетъ быть поставлена наравнѣ съ денежнымъ взысканіемъ. Если она довольно велика и, главное, если примѣненіе ея неизбѣжно̀ или хотя не очень затруднительно, то самовольный порубщикъ подвергается произволу лѣсовладѣльца или лѣснаго сторожа: чтобы избѣгнуть ея онъ готовъ заплатить все, что тотъ или другой отъ него потребуютъ; если же эта пенальность слаба или примѣненіе ея представляетъ мало вѣроятности и сопряжено для обиженной стороны съ большими хлопотами и издержками, то воръ смѣется надъ собственникомъ лѣса, что̀ у насъ постоянно и случается.

Само собою разумѣется, что отмѣненіе уголовной пенальности за порубки можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, если размѣръ денежныхъ взысканій будетъ увеличенъ въ достаточной степени и, главное, если вся процедура по доказательствамъ этого рода проступковъ и по опредѣленію приговоровъ будетъ упрощена сообразно практическимъ требованіямъ и условіямъ.

Уголовная пенальность при самовольныхъ порубкахъ должна находить свое примѣненіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ сопровождаются другими преступными дѣйствіями, какъ-то: насиліемъ, побоями караульщиковъ, уничтоженіемъ окоповъ или загородей и проч. Но эти обстоятельства должны составлять особый предметъ обвиненія и изслѣдованія и не быть смѣшиваемы съ вопросомъ о назначеніи вознагражденія собственно за порубку. Вознагражденіе

это должно быть опредѣляемо безотлагательно и безъ запутанныхъ формальностей, иначе отягчающія обстоятельства будутъ служить къ замедленію дѣла о денежномъ взысканіи, главной цѣли лѣсовладѣльца, и поведутъ только къ усиленію возможности брать взятки съ той и съ другой стороны.

Такъ какъ цѣль постановленій о взысканіяхъ за самовольныя порубки должна заключаться въ облегченіи сохраненія лѣсовъ, какъ доставленіемъ скораго и достаточнаго вознагражденія лѣсовладѣльцу въ случаѣ похищенія и порчи лѣса, такъ и предупрежденіемъ этого вида нарушенія собственности, то необходимо сообразоваться съ особенными свойствами этой собственности, указанными выше, и съ тѣми мѣрами, которыя употребилъ или не употребилъ собственникъ для ея сохраненія или даже для ея воспроизведенія.

Такимъ образомъ невозможно постановить одинаковыхъ правилъ для лѣсовъ, въ которыхъ находится караулъ или для тѣхъ, гдѣ его вовсе нѣтъ по безпечности собственника, или онъ недостаточенъ по обширности лѣса, для лѣсовъ, окопанныхъ канавами или огороженныхъ, или открытыхъ совсѣхъ сторонъ, для лѣсовъ, находящихся вблизи большихъ дорогъ и дорогъ проселочныхъ, но часто проѣзжихъ, или для лѣсовъ, находящихся въ сторонѣ и куда посторонія лица въѣзжать не имѣютъ никакого права, для лѣсовъ, ростущихъ по старымъ ссѣчкамъ или вновь посѣянныхъ или насажденныхъ, и проч. и проч.

Что подобныя постановленія возможны и легко исполнимы, читатели увидятъ сами изъ нижеслѣдующаго образца Французскаго законодательства по этому предмету.

«Всѣ частные владѣльцы лѣсовъ могутъ для сохраненія ихъ содержать лѣсную стражу.

«Лица, ими избираемыя, утверждаются въ должности подпрефектомъ округа, а въ случаѣ его отказа префектомъ Департамента.

«Въ отправленіе своихъ обязанностей они вступаютъ по принесеніи присяги въ присутствіи суда первой инстанціи (Code For. 117).

«Лѣсные сторожа имѣютъ право задержать и представить къ мировому судьѣ всякое неизвѣстное лице, захваченное на мѣстѣ преступленія (C. F. 163).

«Они имѣютъ также право задержать и отдать подъ сохраненіе находившихся при этомъ животныхъ, повозки и упряжъ. Они мо-

*

гутъ слѣдовать за похищенными предметами до того мѣста, гдѣ они скрыты и также брать ихъ подъ надзоръ. Они не имѣютъ однако права входить въ дома, строенія, дворы и загороженныя мѣста иначе, какъ въ присутствіи или мирового судьи, или занимающаго его мѣсто или мера, или его помощника, или полицейскаго коммисара (C. F. 161).

«Всѣ сіи лица не имѣютъ права отказываться сопровождать лѣсныхъ стражей для произведенія изслѣдованія и кромѣ того обязаны подписать письменное изложеніе (procès verbal). Еслибы они сего не исполнили, то лѣсной стражъ обязанъ упомянуть объ ихъ отказѣ въ своемъ письменномъ изложеніи (C. F. 162).

«Лѣсные стражи обязаны сами составлять письменное изложеніе о случившемся происшествіи и не далѣе какъ на другой день лично подтвердить его содержаніе въ присутствіи мироваго судьи или занимающаго его мѣсто или въ присутствіи мера или его помощника той общины, гдѣ они имѣютъ свое мѣстожительство или той, гдѣ преступленіе было совершено или открыто. Если письменное изложеніе писано не рукою самаго стража, а только имъ подписано, то вышеозначенныя лица обязаны предварительно утвержденія прочесть ему его содержаніе.

«Письменное изложеніе, составленное лѣсными стражами, почитается достовѣрнымъ, пока не будетъ доказано противнаго (C. F. 188)».

Это постановленіе весьма важно въ практическомъ отношеніи, потому что имъ предотвращаются и уничтожаются всѣ нелѣпыя отговорки и всѣ уловки опытныхъ воровъ; которыя дѣлаютъ у насъ всякое доказательство самовольной порубки невозможнымъ. Только этимъ правиломъ можно избѣгнуть того страннаго положенія, въ которое поставленъ у насъ всякій поймавшій въ лѣсу вора необходимостію представлять свидѣтелей, въ доказательство, что пойманный воръ дѣйствительно сдѣлалъ порубку. Эта странность доходитъ до нелѣпости, когда обвинитель обращается въ обвиненаго простымъ бездоказательнымъ утвержденіемъ захваченнаго на мѣстѣ преступленія, что ему насильно положили на повозку лѣсные матеріалы, дали въ руки его собственный топоръ или его собственную пилу и такъ далѣе. Подобное обвиненіе слишкомъ важно и лѣсной сторожъ, который пустился бы на такія продѣлки, заслу-

живаетъ строжайшаго наказанія, нежели простой похититель чужихъ дровъ, и потому необходимо, чтобы обвиненіе въ этомъ фактѣ было подтверждено доказательствами и составляло предметъ отдѣльнаго, серьезнаго изслѣдованія, а не допускалось такъ, мимоходомъ, въ видѣ простой отговорки. Могутъ возразить, что изслѣдованія этого сдѣлать невозможно, по той же причинѣ какъ и изслѣдованія о порубкѣ. Я этого не полагаю, но если неизбѣжно допустить здѣсь равномѣрное отсутствіе доказательствъ, то, основывая предположеніе о виновности на большей или меньшей степени вѣроятности, скорѣе можно допустить, что воръ самъ рубилъ дрова, а не сторожъ наложилъ ему ихъ для обвиненія. Когда, гдѣ, какимъ образомъ и съ какою цѣлью могъ сторожъ насильно положить дрова обвиняемому имъ въ покражѣ? Сдѣлать это могъ сторожъ только ночью и притомъ въ сторонѣ отъ дороги. Днемъ и на дорогѣ трудно рисковать подобнымъ насиліемъ, потому что проѣзжіе легко могутъ вступиться за обиженнаго, притомъ же нарубленные впередъ лѣсные матеріалы необходимо таскать издали на нѣкоторое разстояніе, на что нужно время, наконецъ необходимо, чтобы съ обвиняемымъ были его собственные топоръ или пила, веревки для увязыванія предполагаемой покражи, обстоятельства, которыя трудно знать сторожу, нападающему на невиннаго проѣзжаго. Если же воръ пойманъ ночью и въ сторонѣ отъ дороги, со всѣми орудіями для воровства, то развѣ только ребенокъ можетъ повѣрить, что ему насильно положили на возъ украденные предметы. Это почти тоже что требовать доказательствъ отъ человѣка, поймавшаго у себя въ комнатѣ вора надъ отпертою шкатулкою, что не онъ самъ вырѣзалъ стекло въ окнѣ, втащилъ въ комнату вора, далъ ему въ руки поддѣльный ключь или инструментъ для взлома и положилъ въ карманы собственныхъ денегъ. Мы увидимъ далѣе, что нахожденіе въ чужомъ лѣсу, въ сторонѣ отъ дороги, съ орудіями для похищенія лѣсныхъ матеріаловъ и въ особенности въ ночное время само по себѣ уже составляетъ нарушеніе лѣсныхъ постановленій и подвергаетъ пойманнаго денежному штрафу, слѣдовательно остается возможность насилія только въ отношеніи къ проѣзжающему черезъ лѣсъ по дорогѣ. Что эта возможность невозможна—уже было объяснено выше. Для чего же, скажутъ намъ, такъ долго и подробно объяснять вещь, которая ясна сама по себѣ? Для того, что на этомъ пунк-

тѣ обратнаго обвиненія со стороны похитителей лѣсныхъ матеріаловъ останавливаются у насъ всѣ судебныя разбирательства о самовольныхъ порубкахъ и что воръ, вслѣдствіе его запирательства и нелѣпыхъ отговорокъ, оставляется только въ подозрѣніи, а обиженный de facto подвергается наказанію, т. е. потери времени, похищенныхъ матеріаловъ и денегъ, употребленныхъ имъ на непзбѣжные расходы при поимкѣ и представленіи вора къ суду и слѣдствію. Хотя обычное право (droit coutumier) и не допускается нашимъ положительнымъ законодательствомъ, но такъ называемые *крючки* суть не иное что, какъ *обычные юридическіе пріемы* для постановленія въ затруднительное положеніе того изъ тяжущихся, который богаче, т. е. отъ котораго можно падѣяться получить болѣе незаконныхъ поборовъ, и приводимый нами случай есть одинъ изъ этихъ крючковъ, столь гибельныхъ для нашей общественной жизни.

Но возвратимся къ правиламъ, принятымъ во Французскомъ законодательствѣ.

Сужденіе о самовольныхъ порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ производится мировыми судьями (juges de paix, Code d'instr. Cr. 139), а о порубкахъ въ лѣсахъ казенныхъ судомъ исправительной полиціи (tribunaux correctionnels, C. F. 171).

Мировый судья назначаетъ день засѣданія, который не измѣняется за неявкою обвиняемаго. Судъ производится публично и рѣшеніе получаетъ свою силу и приводится въ исполненіе, кромѣ случаевъ апелляціи, на которую даются весьма непродолжительные сроки. Признанный виновнымъ подвергается, кромѣ шрафа, вознагражденію всѣхъ убытковъ (demandes en restitution et en dommages-intérêts), о количествѣ коихъ постановляется въ самомъ рѣшеніи, а не предоставляется, какъ у насъ, искать особо или вѣдаться формою суда.

Если бы обнаружились проступки, превышающія власть мироваго судьи, то онъ передаетъ дѣло императорскому прокурору, который и переноситъ его или въ судъ исправительной полиціи или подвергаетъ уголовному суду на основаніи общихъ законовъ.

Рѣшенія мировыхъ судей по дѣламъ *до трехъ сотъ франковъ* приводятся немедленно въ исполненіе, не смотря на апелляцію и безъ обезпеченія залогомъ; въ другихъ случаяхъ они могутъ предписать предварительное исполненіе своего рѣшенія, но съ обезпеченіемъ залогомъ (Code de proced. civile art. 17).

Взысканія штрафовъ и вознагражденія за убытки производятся на основаніи общихъ законовъ о взысканіяхъ, дѣйствіе коихъ весьма удовлетворительно по ясности и практичности постановленій. Любопытствующіе узнать ихъ могутъ обратиться къ V книгѣ Кодекса гражданскаго процесса (Code de procédure civile). Въ дополненіе приведемъ только 169 статью лѣснаго кодекса о животныхъ, захваченныхъ въ лѣсу, коихъ хозяинъ не явится для полученія:

«Если захваченнымъ животнымъ не отыщется хозяинъ въ теченіи пяти дней или если онъ не представитъ удовлетворительнаго и достаточнаго залога, то онѣ продаются по распоряженію мироваго судьи съ аукціона на ближайшемъ торгу».

Животныя эти содержатся до продажи или возвращенія хозяину въ особыхъ заведеніяхъ, у насъ вовсе неизвѣстныхъ, называемыхъ fourrières, на счетъ владѣльца ихъ, и слѣдующія за ихъ прокормленіе деньги взыскиваются съ него при обратномъ ихъ полученіи или вычитаются изъ суммы, вырученной при продажѣ, если хозяинъ отыщется не скоро или не представитъ залога для обезпеченія иска. Такимъ образомъ законъ отвращаетъ всѣ поводы къ издержкамъ со стороны того, кто потерпѣлъ уже убытокъ чрезъ его нарушеніе и обращаетъ ихъ на виновнаго не только въ теоріи, но и на самой практикѣ. Этою мѣрою уничтожается самый поводъ къ обратнымъ искамъ, столь обыкновеннымъ у насъ при поимкѣ животныхъ.

Объяснивъ формы процесса при поимкѣ нарушителей постановленій, служащихъ къ охраненію лѣсовъ, мы приведемъ и самыя эти постановленія:

«Всякое самопроизвольное выкапываніе камня, песку, минераловъ, дерна, торфа, травъ, листвы сухой или съ деревьевъ, всякаго удобренія, въ лѣсу находящагося, желудей или другихъ плодовъ и сѣмянъ древесныхъ подвергаетъ виновнаго слѣдующему денежному штрафу:

За каждую повозку отъ 10 до 30 франковъ съ упряжи, отъ 5 до 15 франковъ съ вьючнаго животнаго и отъ 2 до 6 франковъ съ вязанки или мѣшка, который можно нести на плечахъ.

«Кто будетъ найденъ въ лѣсу, не на проѣзжей обыкновенной дорогѣ, съ серпомъ, топоромъ, пилою или другимъ подобнымъ инструментомъ, подвергается пени въ 10 франковъ и лишенію означенныхъ инструментовъ.

Тѣ лица, коихъ повозки, животныя, лошади упряжныя или верховыя будутъ найдены въ лѣсу внѣ обыкновенныхъ проѣзжихъ дорогъ, подвергаются штрафу за каждую упряжъ въ лѣсахъ, коимъ 10 лѣтъ возраста или болѣе, по 10 франковъ, а въ лѣсахъ, коимъ менѣе 10 лѣтъ, по 20 франковъ. Штрафъ этотъ взыскивается независимо отъ вознагражденія за всѣ убытки и расходы.

Запрещается приносить или разводить огонь внутри лѣсовъ или въ разстояніи двухъ сотъ метровъ (около ста саженъ) подъ опасеніемъ взысканія штрафа отъ 20 до 100 франковъ, кромѣ наказанія въ случаѣ пожара по законамъ уголовнымъ и уплаты убытковъ и расходовъ.

За самовольную порубку или похищеніе деревьевъ, имѣющихъ два дециметра и болѣе въ окружности (т. е. 4½ вершка), взыскивается штрафъ на слѣдующемъ основаніи:

Деревья раздѣляются на два класса.

Если деревья перваго класса имѣютъ два дециметра въ окружности, то штрафъ полагается по 1 франку за каждый изъ двухъ первыхъ дециметровъ.

Если деревья втораго класса имѣютъ два дециметра въ окружности, то за два первыхъ полагается штрафъ по 50 сантимовъ, а за слѣдующіе по 5 сантимовъ.

Окружность измѣряется на разстояніи 1 метра (1½ арш.) отъ корня.

Къ первому классу относятся: дубъ, букъ, грабина, ясень, кленъ, сосна, ель, лиственница, каштанъ, орѣхъ, черемха, рябина (sorbier ou cormier), вишня и другія плодовитыя деревья.

Ко второму классу относятся: осокорь, липа, береза, осина, тополь, ива и другія деревья, непоименованныя въ первомъ классѣ.

Если деревья не отысканы, то окружность измѣряется по пню.

Если и дерево и пень не отысканы, то толщина опредѣляется по усмотрѣнію суда на основаніи документовъ процесса.

Штрафъ за порубку или похищеніе деревьевъ менѣе двухъ дециметровъ въ окружности полагается съ каждаго воза по 10 франковъ, съ вьюка по 5 франковъ и съ вязанки по 2 франка.

Если порубка сдѣлана въ лѣсу сѣяномъ или саженомъ и имѣющемъ менѣе 5 лѣтъ возраста, то за каждое дерево, какова бы ни была его толщина, полагается штрафу по 3 франка и кромѣ того виновный подвергается аресту отъ 6 дней до двухъ недѣль.

Кто будетъ выдергивать поросли въ лѣсахъ, подвергается штрафу не менѣе 10 франковъ и не болѣе 300 франковъ, а если этотъ проступокъ сдѣланъ въ лѣсу сѣяномъ или саженомъ, то сверхъ того и тюремному заключенію отъ 2 недѣль до одного мѣсяца.

Тѣ лица, которыя портятъ деревья, снимаютъ кору или срубаютъ главныя вѣтви, подвергаются штрафу наравнѣ съ порубщиками самаго дерева.

Похитители валежника или срубленныхъ деревьевъ наказываются наравнѣ съ порубщиками.

Виновные, кромѣ денежнаго штрафа, приговариваются къ возвращенію похищеннаго или его цѣнности и къ уплатѣ всѣхъ убытковъ и расходовъ. Всѣ орудія, служившія къ совершенію порубки, конфискуются.

Владѣльцы животныхъ, найденныхъ въ лѣсу днемъ, подвергаются штрафу: 1 франка за свинью, 2 франковъ за овцу, 3 франк. за лошадь или вьючное животное, 4 франковъ за козу, 5 франк. за корову, быка или теленка.

Штрафъ полагается вдвое въ лѣсахъ моложе 10 лѣтъ, кромѣ взысканія убытковъ и расходовъ.

Въ случаѣ повторенія проступка, штрафъ удвоивается. Повтореніемъ почитается, если виновный былъ приговоренъ къ штрафу въ теченіи 12 предшествовавшихъ мѣсяцевъ.

Штрафъ удвоивается также если проступокъ совершенъ ночью, или если деревья были подпилены.

Вознагражденіе за расходы и убытки никогда не опредѣляются менѣе суммы, причитающейся въ штрафъ.

Штрафъ и деньги за конфискованные инструменты поступаютъ въ казну, а вознагражденіе за убытки и расходы въ пользу владѣльца лѣса.

Мужья, отцы, матери и опекуны и вообще всѣ хозяева отвѣчаютъ за проступки и нарушеніе лѣсныхъ правилъ, сдѣланные ихъ женами, дѣтьми, малолѣтными питомцами, живущими съ ними и неженатыми, работниками, конюхами и другими, зависящими отъ нихъ лицами.»

Вотъ въ чемъ заключаются гарантіи, доставляемыя Французскимъ законодательствомъ сохраненію частныхъ лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ и отъ истребленія ихъ скотомъ, пожарами и прочими способами. Излагая эти постановленія, какъ примѣръ, я не думалъ

предлагать ихъ для буквальнаго подражанія; но мысль, въ нихъ заключающаяся, кажется, совершенно справедлива и заслуживаетъ быть принятою въ основаніе тѣхъ мѣръ, которыя необходимо въ настоящее время постановить для предупрежденія угрожающаго всей Россіи и особенно губерніямъ средней полосы совершеннаго и окончательнаго истребленія лѣсовъ. Мысль эту можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ.

1. Нарушеніе права собственности лѣсными проступками, т. е. порубкою деревьевъ, потравою и порчею не можетъ быть преслѣдуемо общими уголовными законами.

2. Противъ этихъ проступковъ должны быть постановлены денежные штрафы и полное удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ вознагражденіе потерпѣвшаго убытокъ, а личная уголовная пенальность должна быть вовсе устранена.

3. Процессъ изслѣдованія проступка долженъ быть упрощенъ по возможности.

4. Обвиненный, захваченный на мѣстѣ преступленія лицемъ, официально къ тому уполномоченнымъ, не долженъ имѣть права требовать другихъ доказательствъ своей виновности, а если ее отрицаетъ, то долженъ самъ представить доказательства въ свое оправданіе.

5. Произнесеніе рѣшенія должно быть предоставлено ближайшей мѣстной власти или мѣстному суду и должно быть сдѣлано въ наикратчайшій срокъ.

6. Если лѣсной проступокъ сопровождался другими дѣйствіями, заключающими въ себѣ уголовное преступленіе, то эти дѣйствія должны быть преслѣдуемы общими уголовными законами.

7. Преступленія, совершенныя одновременно съ лѣсными проступками, не должны служить поводомъ къ замедленію примѣненія взысканія за сіи послѣдніе. Въ этомъ случаѣ должны быть ведены два особыхъ дѣла, каждое въ формахъ, для него установленныхъ: одно о нарушеніи лѣсныхъ постановленій, которое должно быть приведено въ исполненіе скоро и окончательно, другое объ уголовномъ преступленіи со всѣми формами и предосторожностями, которыя необходимы, чтобы дать обвиняемому полную возможность оправданія и защиты.

В. РЖЕВСКІЙ.

МИРОВЫЕ СУДЬИ ВЪ АНГЛІИ.(*)

I.

Взглядъ на историческое развитіе мѣстнаго управленія въ Англіи отъ Вильгельма Завоевателя до учрежденія мировыхъ судей.

Учрежденіе мировыхъ судей въ Англіи имѣетъ такой самостоятельный характеръ, отличающій его отъ соотвѣтствующихъ учрежденій въ другихъ государствахъ, что яснѣйшее пониманіе и вѣрнѣйшая оцѣнка его обусловливаются предварительнымъ ознакомленіемъ съ его началомъ и постепеннымъ развитіемъ въ связи съ общимъ развитіемъ цивилизаціи и государственнаго быта Великобританіи и съ частнымъ развитіемъ другихъ административныхъ учрежденій, изъ которыхъ оно произошло и которыя въ свою очередь пополняло или замѣняло въ послѣдующее время.

Въ эпоху водворенія въ Англіи норманскаго элемента управленіе графствъ сосредоточивалось въ одномъ лицѣ, назначавшемся отъ правительства изъ богатѣйшихъ коронныхъ вассаловъ. Этотъ намѣстникъ или штатгальтеръ, съ именемъ vicecomes (иногда и bailif—въ ознаменованіе исполнительнаго характера его власти), заступалъ мѣсто саксонскаго earl и sheregerefa, которыми управлялись графства при саксонскихъ королях до нашествія Норманновъ. Но въ народѣ, состоявшемъ большею частью изъ побѣжденныхъ, изъ Англосаксовъ, за новыми штатгальтерами осталось прозваніе sheregerefa, что̀ въ послѣдствіи перешло въ *sheriff*, которое сохранилось и въ позднѣйшемъ законодательствѣ.

Эти древніе шерифы имѣли гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ

(*) Статья эта составлена преимущественно на основаніи сборниковъ *Туна* (William Toone): «Magistrates manual or a summary of the duties of a justice of the peace» и *Бёрна* (Burn): «The justice of the peace and parish officer», и сочиненій *Финка* (Darstellung der innern Verwaltung Grossbritanniens) и *Гнейста* (Das heutige englische Verfassungs-und-Verwaltungs-Recht).

нынѣшніе: они одни завѣдывали всѣми дѣлами графства, распредѣленными нынѣ между лордлейтенантомъ, шерифомъ, коронерами, мировыми судьями, разными сессіями (sessions), ассизами, и т. д. Власть ихъ была троякая: 1) военная, которая принадлежала имъ какъ начальникамъ милиціи, поставляемой графствомъ; 2) финансовая, въ силу которой они управляли государственными имуществами графства (т. е. казенными ленами), и 3) судебная, которая дѣлала ихъ верховными блюстителями правды и охранителями закона въ отношеніи къ гражданамъ подвѣдомственныхъ имъ графствъ.

Естественно, что по мѣрѣ умноженія народонаселенія и успѣховъ цивилизаціи короли стали замѣчать въ мѣстномъ управленіи провинцій множество неудобствъ, которыхъ источникъ заключался въ общей централизаціи этого управленія въ лицѣ шерифовъ, въ ихъ слишкомъ разнообразной власти и слишкомъ большой отвѣтственности. Поэтому они нерѣдко исключали изъ вѣдѣнія шерифовъ нѣкоторые предметы, назначая имъ спеціальныя управленія. Такъ мало по малу появились отдѣльныя вѣдомства лѣсовъ, таможенъ, конфискованныхъ имѣній и т. п., которые ввѣрялись особымъ для каждаго графства лѣсничимъ (foresters), таможеннымъ чиновникамъ (customers) и фискаламъ (escheators); нѣкоторые города получили своихъ особенныхъ городничихъ (burghers), независящихъ отъ шерифа, но безъ распространенія судебно-исполнительной власти ихъ на самые округи, центрами которыхъ были эти города; духовенство получило особое судопроизводство.

Но кромѣ такого рода неудобствъ во власти шерифа, которыя были исправляемы правительствомъ посредствомъ образованія отдѣльныхъ вѣдомствъ,—съ этою властью соединялись еще другіе болѣе важные недостатки, долженствовавшіе оказаться впослѣдствіи, когда окончательно устанавливалось въ Великобританіи государственное устройство. Недостатки эти заключались не столько въ самомъ разнообразіи и обширности власти шерифовъ, сколько въ ея характерѣ, который, сформировавшись вдругъ подъ вліяніемъ первоначальной системы норманскаго владычества, не могъ остаться неизмѣненнымъ впослѣдствіи съ постепеннымъ разрушеніемъ феодализма.

Феодальный характеръ власти шерифа, а слѣдовательно и всего мѣстнаго управленія графствъ выражался въ первенствующей

важности сначала военной, а потомъ, на долгое время, финансовой ея стороны, которой подчинялась судебная.

Управленіе ленами и извлеченіе изъ нихъ казенныхъ доходовъ было главною заботою правительства; правосудіе же стояло на заднемъ планѣ: оно было въ полной зависимости отъ денежнаго и матеріальнаго интереса.

Въ подтвержденіе сказаннаго достаточно обратить вниманіе на сущность феодальной системы и отношеній тогдашней королевской власти къ территоріи владѣемаго ею государства. Извѣстно, что Вильгельмъ Завоеватель покорилъ Англію съ горстью норманскихъ выходцевъ, не столько военною силою, сколько удачнымъ вмѣшательствомъ въ разстроенныя дѣла Англосаксонскаго государства. Чтобы удержать за собою землю, такъ случайно ему доставшуюся, ему необходимо было начать съ водворенія въ ней феодальнаго начала во всей его строгости; онъ понялъ, что только раздача леновъ покоренной имъ земли въ собственность вассаловъ подъ условіемъ отправленія военной повинности, т. е. поставки вооруженной милиціи, можетъ обезпечить ему военную силу, которой онъ не имѣлъ въ количествѣ, достаточномъ для удержанія покореннаго народа. Съ другой стороны на самую землю завоеватель смотрѣлъ, какъ на источникъ также полезной и необходимой для него финансовой силы, къ извлеченію которой онъ и порѣшилъ приступить немедленно. О новыхъ своихъ подданныхъ и объ ихъ гражданскихъ отношеніяхъ онъ думалъ мало, расчетливо откладывая всякія законодательныя начинанія и административныя распоряженія на будущее время, когда обезпечены будутъ безопасность его престола и богатство его казны. Такой взглядъ на государство, какъ на обширную поземельную собственность короля, какъ на имущество казны, а не какъ на гражданскій союзъ, имѣющій цѣлью охраненіе личныхъ правъ, общественныхъ и частныхъ интересовъ, отразился и на мѣстномъ управленіи: графства были поручаемы шерифамъ, которымъ въ главнѣйшую обязанность вмѣнялось заботиться о пошлинахъ съ земли, объ извлеченіи изъ нея возможно большихъ финансовыхъ выгодъ, и надзоръ за правильнымъ отправленіемъ на помѣщичьихъ (вассальныхъ) земляхъ милиціонной повинности. Но по мѣрѣ того какъ норманское владычество утверждалось на прочныхъ основаніяхъ, по мѣрѣ того какъ отношенія между побѣдителя-

ми и Саксонцами теряли свой враждебный характеръ и стремились къ обобщенію интересовъ обѣихъ партій, забота о войскѣ стала охладѣвать и военный характеръ мѣстнаго управленія сталъ также отодвигаться на задній планъ; за то финансовые или ленные и доменные интересы выдвинулись на первый планъ и поглотили собою всѣ другія стороны администраціи. При такомъ порядкѣ вещей шерифъ носилъ только номинально званіе судьи; на самомъ же дѣлѣ жители графства судились болѣе домашнимъ образомъ (manors и courts) и если кто либо имѣлъ вліяніе на судебныя рѣшенія, то конечно не правительственные чиновники, а коронные (tenentes in capite) богатые вассалы и изъ нихъ преимущественно только самые богатые; у кого было больше земли, у того было и больше порядка, лучшая полиція и лучшій судъ. Такимъ образомъ король имѣлъ значеніе помѣщика, а государство—земли, съ которой онъ получалъ доходъ на счетъ своихъ крѣпостныхъ, подданныхъ. Шерифы были его арендаторы (*).

Преобладаніе финансоваго элемента въ мѣстномъ управленіи могло держаться въ силѣ только до тѣхъ поръ, пока верховная власть имѣла характеръ власти личной, заботящейся преимущественно о собственномъ интересѣ.

Преемники Вильгельма Завоевателя не долго сохранили однако такой взглядъ на государство, и обратили бо̀льшее вниманіе на своихъ подданныхъ. Съ другой стороны и народъ сталъ понимать яснѣе цѣль своего гражданскаго союза и значеніе государственной власти.

Прежде всего бросалось въ глаза подчиненіе общей администраціи поземельному управленію, суда — финансамъ, благосостоянія гражданъ — интересу королевской казны. Нечего доказывать несостоятельность такой системы: судъ творится для правды, и ввѣрить его арендатору, лицу котораго главная дѣятельность обращена на хозяйственное и финансовое управленіе имуществомъ, — значитъ поставить правосудіе въ зависимость отъ матеріальнаго богатства, и личное благосостояніе и свобо-

---

(*) Управленіе городовъ также отдавалось въ арендное содержаніе: королева Матильда ввѣрила столицу своего государства Лондонъ управленію Готфрида Эссекса (Geoffroy earl of Esseks) за 300 ф. стерлинговъ въ годъ, другими словами, отдала его въ аренду, на откупъ (Gneist).

ду гражданъ принести въ жертву корыстолюбію. И такъ первымъ шагомъ къ реформѣ и мѣрамъ благоустройства было отдѣленіе судебной власти отъ хозяйственной—скажемъ для большей ясности: отъ помѣщичьей,—и учрежденіе государственныхъ судей, разъѣзжающихъ по графствамъ для суда и расправы на мѣстахъ. Вотъ начало будущихъ ассизовъ, этой безпримѣрной въ политическомъ мірѣ централизаціи судопроизводства. Характеръ путешествующихъ судей былъ въ то время весьма неопредѣленный: должность ихъ часто изъ чисто судебной переходила въ полицейскую и нерѣдко въ финансовую: они ѣздили какъ бы помогать шерифу (и въ тоже время контролировать его) по разнымъ предметамъ подвѣдомственнаго ему управленія. Мы не станемъ однако слѣдить за постепеннымъ развитіемъ ихъ настоящаго, чисто юридическаго характера паралельно съ появленіемъ и развитіемъ jury, и т. п., потому что по предмету нашего изслѣдованія должны имѣть дѣло только съ полицейскимъ судомъ.

Послѣ отдѣленія судебной власти отъ обязанностей шерифа и по изысканіи мѣръ къ образованію особаго мѣстнаго судопроизводства, правительство обратило вниманіе на собственно административныя учрежденія и на устройство мѣстной полиціи, о которой графства еще не имѣли понятія. Со дня на день всѣ сознавали необходимость такой самостоятельной мѣстной полиціи, которая раздѣлила бы съ шерифомъ надзоръ за благочиніемъ и спокойствіемъ въ графствахъ. Одинъ шерифъ не могъ удовлетворительно заботиться о безопасности огромнаго числа подвѣдомственныхъ ему жителей: число безпорядковъ и проступковъ по нарушенію общественнаго спокойствія съ каждымъ днемъ увеличивалось, а ему недоставало средствъ разбирать ихъ и преслѣдовать виновныхъ; отсюда стала ясною необходимость такой новой власти, которая соединяла бы съ главнымъ назначеніемъ своимъ: блюсти за общественнымъ спокойствіемъ и предупреждать преступленія, т. е. съ обязанностію полицейскою—право короткаго суда и расправы въ неважныхъ проступкахъ. Такимъ точно образомъ и у всѣхъ народовъ рано или поздно развивалось понятіе о полицейскомъ судѣ, о мѣстной полиціи и о чиновникахъ, которые съ чисто полицейскою обязанностью соединяли бы въ себѣ должность судей. Англійское названіе: justice of the peace, французское juge de paix, т. е. судьи мира (судьи-

блюстители спокойствія и порядка) лучше всего выражаетъ характеръ такого учрежденія; въ Пруссіи оно называется Shiedmanns-institut (Shiedmann—разборщикъ жалобъ.)

Уже при Эдуардѣ I бѣдствія, слѣдовавшія за правленіемъ Генриха III, побудили его подтвердить шерифамъ строжайше ихъ полицейскія обязанности въ такъ называемомъ Winchester Statute (13 E. I.), который начинается словами: «Такъ какъ съ каждымъ днемъ замѣчается, что воровства, разбои, поджоги и убійства случаются чаще, чѣмъ прежде и т. д.» Вслѣдствіе этихъ ясно высказанныхъ королемъ причинъ, сознана имъ необходимость возстановить прежнее дѣйствіе hue and cry—отвѣтственности хозяина дома или харчевни за укрывавшихся у него воровъ и бродягъ и общины за порчу имуществъ однимъ изъ ея членовъ, въ случаѣ если не откроютъ виновныхъ; учредить ночные караулы (watch and ward), и проч. (1) Впрочемъ это напоминаніе и подтвержденіе стараго порядка не повело ни къ какимъ полезнымъ результатамъ.

Убѣдившись, что полицейское управленіе цѣлою областію не должно быть сосредоточено въ одномъ лицѣ, и что оно можетъ оказаться дѣйствительнымъ не иначе, какъ бывъ ввѣрено нѣсколькимъ отдѣльнымъ чиновникамъ по округамъ и по большимъ участкамъ графства, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ сознало, что для всякаго случая такая власть должна быть у него подъ рукою: Эдуардъ I назначилъ съ этою цѣлью изъ лордовъ и рыцарей временныхъ полицейскихъ судей, которые назывались custodes placitorum coronae. По сверженіи съ престола Эдуарда II, преступная супруга его, боясь смутъ и безпорядковъ, дала шерифамъ и разъѣзжающимъ судьямъ постоянныхъ помощниковъ, но собственно для одного только надзора, безъ судебной власти. Въ слѣдующемъ году учредили особыхъ полицейскихъ судей съ властію изслѣдовать и наказывать преступленія противъ общественнаго благочинія, но и такая попытка было несовсѣмъ удачна; уставъ этихъ судей былъ такъ неполонъ и неудовлетворителенъ, что они вскорѣ отмѣнены. Какъ бы то ни было, мысль объ учрежденіи мѣстной полиціи на прочныхъ основаніяхъ съ каждымъ днемъ дѣлалась популярнѣе и сознавалась какъ верховною властію, такъ и представителями народа.

---

(1) См. Gneist, Das heutige Englische Verfassungs-und Verwaltungs-Recht, ч. I.

Эдуардъ III, съ самаго начала своего царствованія пытался ввести повсемѣстное полицейское управленіе (St. 18, 20 и 21); Нижній Парламентъ представилъ ему проектъ объ учрежденіи 6 полицейскихъ чиновниковъ на каждое графство: 2 лордовъ, 2 рыцарей (помѣщиковъ) и 2 правовѣдовъ. Наконецъ статутами 34-мъ и 36-мъ того же короля окончательно учреждается полиція графствъ въ лицѣ такъ называемыхъ «*блюстителей мира*», conservatores pacis, conservators of peace (или какъ въ то время говорили conservators of the peace, подразумѣвая the *king's* peace, his *Majesty's* peace), съ правомъ производства слѣдствій и постановленія приговоровъ по неважнымъ и обыденнымъ уголовнымъ дѣламъ, съ обязанностію всѣмъ таковымъ судьямъ одного и того же графства собираться четыре раза въ годъ для пересмотра болѣе важныхъ, нерѣшенныхъ отдѣльными судьями дѣлъ, а равно для пересмотра отдѣльныхъ, неудовлетворительныхъ приговоровъ и рѣшенія болѣе важныхъ и затруднительныхъ случаевъ. Такимъ образомъ установились двѣ инстанціи или, вѣрнѣе, два вида мѣстнаго полицейскаго суда, представляемые одними и тѣми же чиновниками, только въ разныхъ формахъ: въ первой инстанціи въ формѣ бюрократической, во второй въ формѣ коллегіальной. Не нужно прибавлять, что эти conservators были тоже самое, что и justices; послѣднее названіе, какъ болѣе ясно выражающее ихъ судебный характеръ, дано имъ вскорѣ послѣ Эдуарда III и осталось за ними по сіе время.

Таково было начало мировыхъ судей въ Великобританіи, но здѣсь оканчивается и самая исторія этого учрежденія, ибо существенныя черты его не измѣнились въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ и въ томъ же видѣ сохранились донынѣ. Теперешніе мировые судьи отличаются отъ conservators of the peace временъ Эдуарда и justices of the peace царствованія Елизаветы только въ частностяхъ, а по характеру своему они все тѣже.

II.

Значеніе мировыхъ судей.—Опредѣленіе ихъ.—Вступленіе въ должность.—Прекращеніе должности.—Денежные доходы (fees).—Пространство власти мировыхъ судей.—Обязанности ихъ.

Въ сборникѣ Бёрна (1) значеніе мировыхъ судей опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «Justices of the peace суть оффиціальные судьи, назначаемые королемъ для охраненія королевскаго мира и общественнаго благочинія въ границахъ ввѣренныхъ имъ округовъ по силѣ даруемыхъ имъ грамотъ (commissions). Формальный письменный документъ, судебный протоколъ (record), журналъ или меморія, подписанный мировымъ судьею и законно въ его присутствіи составленный, имѣетъ самую неоспоримую силу и не подлежитъ никакому возраженію ни съ чьей стороны. Законъ и правительство полагаются на сказанное въ record-ѣ, не обращая никакого вниманія на сторонніе претензіи. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ власть мироваго судьи основана на довѣріи къ нему правительства, которое выбрало и назначило его, то должность эта не можетъ быть самимъ судьею передаваема или поручаема кому либо другому; онъ не имѣетъ права перенести на другое лице довѣріе, которое лично ему оказала верховная власть. Поэтому мировые судьи имѣютъ самыя сильныя и побудительныя причины не употреблять во зло дарованной имъ власти притѣсненіемъ гражданъ, подлогомъ, составленіемъ невѣрныхъ протоколовъ, сокрытіемъ истины отъ правительства, или какими либо иными нарушеніями служебнаго долга. Изъ такихъ же свойствъ должности мироваго судьи проистекаетъ, что всякое распоряженіе его, вслѣдствіе котораго лицо, пойманное или подозрѣваемое въ нарушеніи благочинія въ ввѣренномъ ему округѣ, подвергается судебному слѣдствію и заключенію,—не можетъ быть остановлено или отмѣнено никакою высшею судебною инстанціею».

Въ этихъ словахъ заключается вся сущность того высокаго значенія и той самостоятельной власти, которыя характеризуютъ

---

(1) The justice of the peace and parish officer by Richard Burn—по 23-му изданію 1820 года, въ III-мъ томѣ стр. 108.

учрежденіе англійскихъ мировыхъ судей, учрежденіе, про которое знаменитый юристъ лордъ Кокъ сказалъ: «*of which* (т. е. institute или office) *the whole christian world has not the like, if it be duly executed*». Подробное разсмотрѣніе обязанностей мировыхъ судей еще ближе познакомитъ насъ съ исчисленными выше свойствами и значеніемъ этого учрежденія.

Начнемъ съ опредѣленія въ мировые судьи. Разсмотримъ: 1) условія, которыхъ требуетъ законъ для пріобрѣтенія права на помѣщеніе въ число представляемыхъ на выборъ короля кандидатовъ на эту должность; 2) королевскую грамоту или патентъ, коими дается это званіе, и 3) присягу, къ которой приводятся вновь назначенные мировые судьи при вступленіи въ свою должность.

1) Условія назначенія въ мировые судьи. По старымъ законамъ въ мировые судьи избирались «*наиболѣе богатые дворяне*» (most sufficient knights and esquires) и также нѣкоторые изъ небогатыхъ, но извѣстные своими спеціальными юридическими свѣдѣніями. Новѣйшіе же законы (18 G. II, c. 20) опредѣляютъ *minimum* капитала или имущества тѣхъ, которые имѣютъ право быть представленными королю какъ кандидаты въ мировые судьи Англіи и Валлиса: въ силу этого узаконенія въ англійскихъ и валлійскихъ графствахъ только тотъ можетъ ходатайствовать о вступленіи въ должность мироваго судьи, кто имѣетъ *сто фунтовъ стерлинговъ* годоваго доходу съ имѣнія, принадлежащаго ему самому и находящагося въ собственномъ его пользованіи. Надо замѣтить, что въ Великобританіи полученіе дохода въ опредѣленномъ количествѣ, и въ особенности съ поземельной собственности, составляетъ необходимое условіе для исправленія почти всякой публичной должности, злоупотребленіемъ которой можетъ быть причиненъ вредъ другому лицу: предполагается, что человѣкъ съ состояніемъ обыкновенно честнѣе и неподкупнѣе въ своемъ образѣ дѣйствій, лучше образованъ, имѣетъ менѣе случаевъ противустоять искушенію, и наконецъ обладаетъ средствами для того, чтобы быть подвергнутымъ отвѣтственности въ случаѣ неисполненія своихъ обязанностей. Должности безъ жалованія также не составляютъ исключенія изъ этого правила; въ отношеніи къ нимъ дѣлается лишь дальнѣйшее распространеніе обязанности представлять обезпеченіе по денежной должности и на тѣхъ, которымъ над-

лежитъ отвѣчать не передъ интересомъ казны, а передъ гражданами.

Въ силу означеннаго же статута Георга II не имѣетъ права быть избраннымъ въ кандидаты на званіе мироваго судьи ни одно изъ лицъ, занимающихъ должности коронера, шерифа, адвоката; но съ другой стороны назначеніе мироваго судьи въ высшія дворянскія или духовныя званія или въ верховные судьи и такъ называемые serjeant at law (первый классъ адвокатовъ, изъ котораго обыкновенно избираются верховные судьи), не препятствуетъ имъ продолжать прежнія обязанности, по званію мироваго судьи. Напротивъ того съ этимъ званіемъ несовмѣстны тѣ должности, надъ которыми контроль принадлежитъ мировому судьѣ, или которыя могли бы хотя наглядно компрометировать его достоинство, наприм. должность опекуна надъ бѣдными (overseer of the poor), такъ какъ послѣдній представляетъ отчеты ему же, должность простаго адвоката и т. д. При этомъ обыкновенно руководствуются общимъ правиломъ, что принятіе на себя второй должности, несовмѣстной съ первою,—эту послѣднюю ipso facto уничтожаетъ, какъ скоро она (т. е. вторая) болѣе значительна.

Если взять въ соображеніе, что въ Великобританіи, по статистическимъ свѣдѣніямъ, всего около 1500 жителей имѣютъ доходъ въ 10,000 фунт. стерл. и болѣе, то можно сказать, что королю представляется обширное поле для выбора мировыхъ судей, тѣмъ болѣе, что при этомъ онъ нисколько не стѣсняется ни степенью образованія кандидатовъ, ни числомъ судей для одного графства. Обыкновенно онъ выбираетъ въ мировые судьи изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ тѣхъ, въ которыхъ полагаетъ навѣрное найти: здравый образъ мыслей, логичное сужденіе, быстрое соображеніе, дѣятельность, честность, добродушіе и охоту съ пользою исполнять долгъ службы. Добросовѣстное и усердное исполненіе этой должности составляетъ интересъ всѣхъ землевладѣльцевъ; они стоятъ на томъ, чтобы званіе мироваго судьи, соединенное съ такимъ значеніемъ и вліяніемъ, оставалось постоянно за ними, и потому, въ предупрежденіе тѣхъ случаевъ, чтобы правительство при новыхъ выборахъ, за ненахожденіемъ въ средѣ ихъ готовыхъ и способныхъ, не обратилось къ лицамъ другихъ классовъ, какъ напр. изъ духовенства или арендаторовъ, они обыкновенно заранѣе домогаются у

лорда канцлера быть внесенными въ списокъ кандидатовъ, съ тѣмъ, чтобы по предварительному испытанію удостоиться вниманія короля и получить мѣсто въ ближайшіе выборы.

2) *Самое назначеніе въ мировые судьи* производится троякимъ способомъ: a) посредствомъ королевской грамоты (by commission), b) посредствомъ постановленія Парламента (by act of Parliament) и c) посредствомъ особеннаго всемилостивѣйшаго разрѣшенія или рескрипта (by Grant and Charter) короля за большою государственною печатью. Первый способъ назначенія такъ общеупотребителенъ, что его по настоящему слѣдуетъ назвать единственнымъ,— два же остальные столь рѣдки, что составляютъ лишь исключенія. Разсмотримъ прежде эти исключенія.

a) *Актомъ Парламента* собственно не назначаются, а *утверждаются* въ званіи мироваго судьи такія лица или, вѣрнѣе, сановники, которымъ это званіе принадлежитъ по наслѣдству отъ предшественника, вслѣдствіе давности, обычая; такихъ лицъ только три: архіепископъ Іоркскій, епископы Или (Ely) и Дюргама (Durham) (27 Henry VIII, §§ 20, 21 и 22)

b) *By Charter or Grant* made by the King under the Great Seal, т. е. королевскимъ рескриптомъ или грамотою за большою государственною печатью, получаютъ званіе мироваго судьи: маіоры и старшія должностныя лица многихъ городскихъ корпорацій.

Что касается до *назначенія посредствомъ королевскаго полномочія*, *патента*, *commission* (называемаго также въ отличіе отъ другихъ полномочій *commission of the peace*, что можно перевести словомъ: *мировый патентъ*), то со времени перваго такого полномочія, изданнаго Эдуардомъ III въ первые годы его правленія, оно съ каждымъ годомъ измѣнялось, пополнялось и усложнялось, пока въ царствованіе Елисаветы тогдашній Lord Chief Justice Кингсбенча сэръ *Чарльсъ Рэ* (Wrey) не занялся приведеніемъ въ систему всѣхъ изданныхъ до того времени статутовъ относительно мировыхъ судей и составленіемъ полной на этотъ предметъ формы. Форма эта, утвержденная государственнымъ канцлеромъ, съ весьма незначительными измѣненіями сохранилась до нашихъ временъ, и теперь еще употребляется правительствомъ. Самая замѣчательная особенность ея состоитъ въ томъ, что на каждое графство дается одинъ патентъ, въ которомъ исчисляются поименно всѣ судьи,

назначаемые въ это графство. Она заключаетъ въ себѣ такое сжатое опредѣленіе того, что касается сущности учрежденія мировыхъ судей, что я считаю долгомъ представить здѣсь переводъ ея *слово въ слово*, съ сохраненіемъ по возможности англійскаго дѣловаго слога, съ его безпрестанными повтореніями и безконечными періодами.

«Мы Георгъ I, милостію Божіею, Соединеннаго Королевства Великобританіи Король и Защитникъ Церкви такому-то, такому-то, такому-то, и т. д.

Да будетъ вамъ извѣстно, что Мы назначили всѣхъ васъ вмѣстѣ и каждаго изъ васъ по одиначкѣ въ судьи, для охраненія Нашего мира въ графствѣ N.,—для соблюденія и для побужденія другихъ къ соблюденію въ графствѣ всѣхъ уставовъ и статутовъ, постановленныхъ на счетъ благоустройства и благочинія нашихъ подданныхъ, какъ въ цѣлости, такъ и въ отдѣльныхъ пунктахъ оныхъ, сообразно съ заключающимися въ нихъ: сплою, формою и цѣлью *(according to the force, form and effect of the same)*; для преслѣдованія и наказанія всѣхъ тѣхъ жителей означеннаго графства, которые окажутъ сопротивленіе законамъ въ вышеупомянутыхъ статутахъ и уставахъ установленнымъ; для требованія на судъ передъ всѣми вами или кѣмъ либо однимъ изъ васъ всѣхъ тѣхъ жителей графства, которые хотя только угрожаютъ спокойствію Нашихъ подданныхъ покушеніями на ихъ личную свободу и права, или на имущество; для собранія относительно этихъ уличенныхъ въ угрозѣ ручательствъ въ добромъ поведеніи на будущее време (securily of good behaviour) и въ храненіи мира, какъ относительно Нашей особы, такъ и относительно Нашихъ подданныхъ, и для заключенія ихъ въ тюрьму въ томъ случаѣ если они не представятъ такого ручательства, пока онаго не отыщутъ и не предъявятъ.

«Въ тоже время Мы разсудили за благо поручить всѣмъ вамъ вмѣстѣ или же двумъ или болѣе изъ васъ (въ числѣ которыхъ двухъ желаемъ, чтобы былъ одинъ изъ слѣдующихъ: A, B, C, D, и т. д.) изслѣдовать сообща правду, на основаніи свидѣтельства добрыхъ и надежныхъ (good and lawful) людей сказаннаго графства, по всѣмъ какимъ бы то ни было видамъ мошенничествъ (felonies), отравленій, чародѣйствъ и злоупотребленій магіи (inchantments, sorceries, arts magic), нарушеній всякаго рода (trespasses),

незаконныхъ вчинаній, самоуправствъ (forstallings), злоупотребленій (regratings) и насилія (ingrossings and extortions) и по всѣмъ другимъ преступленіямъ, проступкамъ и обидамъ, которые вы въ качествѣ мировыхъ судей должны предупреждать, разыскивать, наказывать, искоренять, кто бы въ нихъ ни провинился и въ какой бы степени ни было преступно самое намѣреніе; также предупреждать и преслѣдовать разныя шайки, сборища людей вооруженныхъ, странствующихъ или разъѣзжающихъ, или имѣющихъ намѣреніе ходить и разъѣзжать по означенному графству, съ цѣлью нарушить Нашъ миръ и безпокоить Нашихъ подданныхъ, пребывающихъ въ границахъ означеннаго графства; также всѣхъ разбойниковъ, которые стали бы поджидать (who have lain in wait) или намѣревались бы поджидать кого либо изъ Нашихъ подданныхъ, чтобы убить его изъ за угла или ранить или изувѣчить; также всѣхъ продавцевъ и другихъ людей, которые бы нарушили законами для блага всей Англіи постановленныя правила о вѣсахъ и мѣрахъ; также всѣхъ шерифовъ, тюремщиковъ, констэблей и пр., уличенныхъ въ злонамѣреніи, въ недобросовѣстности, въ безпечности и во всякомъ нарушеніи служебныхъ обязанностей; пересматривать затруднительныя дѣла уже изслѣдованныя однимъ изъ васъ или изъ прежнихъ мировыхъ судей, по которымъ не состоялось еще рѣшенія, и продолжать судъ по симъ дѣламъ пока замѣшанные въ нихъ преступники не будутъ обвинены и приговорены къ заточенію или какому другому наказанію, пока они сами сдадутся или будутъ пойманы или будутъ объявлены лишенными всѣхъ гражданскихъ правъ и заступничества закона (until they can be taken, or surrender themselves or be outlawed); равнымъ образомъ выслушивать и рѣшать, сообразно съ законами Англіи и по установившемуся издавна обычаю, всѣ жалобы по вышеозначеннымъ мошенничествамъ, отравамъ, чародѣйствамъ, нарушеніямъ, самоуправствамъ и насиліямъ всякаго рода; также наказывать всѣхъ виновныхъ въ означенныхъ проступкахъ заключеніемъ въ тюрьму, взиманіемъ выкупной платы и денежнаго удовлетворенія въ пользу обиженной стороны и другими способами, опредѣленными какъ неписьменно—обычаями, такъ и письменно—статутами.

«Вамъ также надлежитъ постоянно имѣть въ виду, что всѣ важные или затруднительные или несоотвѣтствующіе пространству

даруемой вамъ власти случаи могутъ быть разсматриваемы и рѣшаемы вами въ общемъ собраніи, вдвоемъ или втроемъ и болѣе, или поодиначкѣ, не иначе какъ въ присутствіи государственнаго судьи той или другой судебной палаты (скамьи—bench) или одного изъ государственныхъ же судей, посланныхъ въ подвѣдомственное вамъ графство для держанія въ ономъ ассизовъ.

«По симъ соображеніямъ Мы повелѣваемъ всѣмъ вамъ и каждому изъ васъ: приложить все ваше стараніе къ охраненію мира и къ соблюденію уставовъ и статутовъ Нашихъ; также повелѣваемъ всѣмъ вамъ вмѣстѣ или двоимъ и болѣе изъ васъ заранѣе назначить дни и мѣсто, когда и гдѣ всѣ вы или означенные двое и болѣе изъ васъ будете собираться для взаимнаго содѣйствія въ отправленіи возлагаемыхъ на васъ по сему предмету обязанностей; за симъ повелѣваемъ вамъ всѣ относящіяся до васъ дѣла разбирать, изслѣдовать и рѣшить по совѣсти и присягѣ и въ самомъ производствѣ оныхъ руководствоваться законами Англіи и соображаться съ требованіями правосудія, не выходя за предѣлы дарованной вамъ власти и предоставляя личному Нашему усмотрѣнію помилованіе и другія дѣйствія, собственно Намъ по праву принадлежащія.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ Мы повелѣваемъ шерифу нашему графства N. являться въ то время и мѣсто, которое всѣ вы или двое или болѣе изъ васъ, какъ сказано выше, назначите для обсужденія подвѣдомственныхъ вамъ предметовъ, и приводить съ собою по собственному его усмотрѣнію нѣкоторое число добрыхъ и надежныхъ людей, которые могли бы своими показаніями облегчить вамъ производство слѣдствія и оказывать помощь въ обнаруженіи истины.

«Наконецъ Мы разсудили за благо назначить одного изъ васъ, именно вышепомѣнованнаго NN Нашимъ хранителемъ всѣхъ бумагъ и документовъ, относящихся до благочинія означеннаго графства (Keeper of the rolls of Our peace in Our said county), и потому повелѣваемъ вамъ по окончаніи разсмотрѣнія вами дѣлъ представить въ означенный Архивъ всю официальную по онымъ переписку, дабы она заблаговременно была разсмотрѣна и приведена въ порядокъ.

«Въ удостовѣреніе чего Мы даруемъ вамъ сію грамоту за Собственною Нашею печатью и подписью.

Въ Вестминстрѣ, и т. д.»

Изъ этой формы видно, что мировые судьи рѣшаютъ нѣкоторыя

дѣла по одиначкѣ, каждый отдѣльно, нѣкоторыя же вдвоемъ, втроемъ и болѣе (special и petty sessions, т. е. частныя и малыя засѣданія), а нѣкоторыя—всѣ вмѣстѣ въ general quarter sessions (общихъ собраніяхъ). Но самыя основанія такого порядка рѣшеній не объяснены. Обязанности мировыхъ судей исчислены здѣсь общими чертами весьма неясно, и полное понятіе объ нихъ можно имѣть только изъ самихъ статутовъ, изданныхъ въ разное время въ отношеніи къ ихъ дѣятельности. Степень и пространство власти опредѣлены также довольно поверхностно, однако слова: «Также (т. е. уполномочиваемъ васъ) наказывать всѣхъ виновныхъ въ означенныхъ проступкахъ заключеніемъ, взиманіемъ выкупной платы и удовлетворенія въ пользу обиженной стороны и другими способами, опредѣленными въ законахъ и т. д.—*by fines, ransoms, amerciaments, forfeitures and other means to chastise and punish*»,—ясно выражаютъ уголовно-судебный характеръ мировыхъ судей въ отличіе ихъ отъ прежнихъ conservators of the peace, которые не имѣли права требовать явки отвѣтчика, ни подвергать его осмотру, ни выслушивать его оправданія, или изслѣдовать дѣло, ни полагать по этому послѣднему какое либо рѣшеніе, ни даже наказывать преступника, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, о которыхъ мы упомянули выше.

Послѣ назначенія лица въ званіе мироваго судьи записаніемъ по имени во вновь изготовленномъ для извѣстнаго графства патентѣ, одинъ изъ старыхъ мировыхъ судей этого графства получаетъ порученіе (*) привести своего новаго сотоварища къ присягѣ служебной и имущественной (oath of office и oath of qualification).

Первая, т. е. служебная присяга начинается словами: «You shall swear that as justice of the peace in the county of N. in all articles in the King's commission to you directed you shall do equal right to the poor and to the rich, after your cunning, wit and power and after the laws and customs of the realm and statutes thereof made etc» (т. е. «Присягните въ томъ, что вы по званію мироваго судьи, согласно пунктамъ дарованной вамъ грамоты, будете стараться воздавать

(*) Порученіе это высылается ему изъ Court of Chancery и называется writ of *dedimus potestatem* (запись о дарованіи полномочія) по словамъ, которыми оно начинается.

должную справедливость и богатому и бѣдному, по вашему крайнему разумѣнію и способности и по силѣ законовъ и обычаевъ королевства, и т. д.»). Присяга эта основана на законѣ Ричарда II, въ которомъ мировымъ судьямъ приказывается непремѣнно и безъ всякихъ исключеній (*duly and without favour*) присягнуть на охраненіе и исполненіе всѣхъ статутовъ и уставовъ, относящихся до ихъ должности.

Вторая присяга, т. е. *oath of qualification*, должна показывать вѣрную и точную цифру имѣнія во всѣхъ его подробностяхъ и частностяхъ; она начинается словами: «I N. N. do swear that I truly and bona fide have such an estate in law on equity, to and for my own use and benefit, consisting of etc». (Я N. N. клянусь въ томъ, что владѣю на дѣлѣ и по доброй совѣсти такимъ то имѣніемъ, законно и справедливо мнѣ доставшимся и состоящимъ изъ и т. д.). Всякій имѣетъ право достать подробную опись изъ Регистратуры, и на основаніи ея въ продолженіи шести мѣсяцевъ повѣрить присягнувшаго и въ случаѣ сомнѣнія требовать объясненія; въ послѣднемъ случаѣ присягнувшій обязанъ подтвердить непреложными доказательствами до истеченія срока правильность своихъ показаній, причемъ истецъ можетъ, заплативъ издержки иска, отказаться отъ своей жалобы, если же онъ упорствуетъ и теряетъ искъ, то платитъ тройныя издержки, а если выигрываетъ, то обвиненный платитъ 100 фунт. стерл. (*).

Отъ *oath of qualification* при назначеніи въ мировые судьи освобождены слѣдующія лица: 1) мировые судьи городовъ (cities, towns and liberties, которые, какъ говорятъ Англичане, have justices of their own); 2) пэры королевства, лорды Тайнаго Совѣта (Lords of the Privy Council), верховные судьи, генералъ-прокуроръ; 3) старшіе сыновья или наслѣдники по представленію (heir apparent) пэровъ и лицъ, избранныхъ въ представители графства

(*) Нельзя не отозваться съ особенною похвалою объ этомъ учрежденіи публичной повѣрки имущества, вслѣдствіе котораго Англійское правительство, во всемъ ищущее простоты и сокращенія, само избавляется отъ многосложнаго труда повѣрять имѣнія тѣхъ изъ подданныхъ, отъ которыхъ требуется показаніе, передавая такъ сказать трудъ этотъ самому обществу, котораго контроль едва ли не оказывается въ настоящемъ случаѣ дѣйствительнѣе всѣхъ правительственныхъ мѣръ.

(Knights of the Shire) въ Парламентѣ; 4) высшіе чины флота и войска, и двое помощниковъ (undersecretaries) каждаго изъ статсъ-секретарей; 5) секретарь Челси (Chelsea); 6) главы коллегій и училищъ (colleges and halls), вице-канцлеры университетовъ; 7) мàйоры Оксфордскій и Кембриджскій.

Вновь избранные мировые судьи должны также наравнѣ съ другими гражданскими и военными чиновниками при вступленіи въ должность принести слѣдующія присяги передъ однимъ изъ высшихъ судовъ (Courts at Westminster) или на Quarter Sessions: 1) *oath of allegiance*—присяга на вѣрность королю. 2) *oath of supremacy*—присяга Церкви. 3) *oath of abjuration*—непризнаніе Претендента, буде такой случится, и 4) они должны подписать декларацію противъ транссубстанціаціи, 5) представить свидѣтельство, что въ теченіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ были у св. причастія. Эти многократныя клятвоприношенія и присяги имѣютъ, кажется, одно только внѣшнее значеніе и сохраняются въ англійскомъ законодательствѣ только изъ уваженія къ давности и обычаю. Финке справедливо замѣчаетъ, что Правительство въ правѣ требовать религіознаго образа мыслей отъ своихъ чиновниковъ, но ставить ихъ въ зависимость отъ какого либо вѣроисповѣданія противно началу вѣротерпимости, которою впрочемъ не отличается Великобританія.

Король имѣетъ право лишить мироваго судью его званія и отрѣшить его отъ должности, какъ и вообще верховная власть въ Англіи можетъ отрѣшать отъ всякой свѣтской должности, за исключеніемъ должности государственнаго судьи. Отрѣшеніе мироваго судьи отъ его должности дѣлается или открыто, словесно, или негласно—посредствомъ изданія новаго патента, въ которомъ выпускается имя уволеннаго. По смерти короля мировый судья остается въ своей должности по общему закону гражданской службы еще шесть мѣсяцевъ. Правило это не распространяется на мàйоровъ и высшихъ чиновъ корпорацій, которые, какъ мы видѣли, суть мировые судьи не по назначенію посредствомъ commission of the peace, а по самой своей должности, посредствомъ Grant или Charter, даваемой однажды навсегда имъ и ихъ преемникамъ, не требующей, какъ commission, возобновленія для новыхъ мàйоровъ и не подлежащей отмѣнѣ по вступленіи на престолъ новаго короля.

Всякій мировый судья имѣетъ своего писца или клерка *(clerc of justice)* и кромѣ того общее собраніе или *General Quarter Session* имѣетъ одного общаго секретаря, котораго мы назовемъ мировымъ секретаремъ *(clerc of the peace)*; послѣдній въ то же время завѣдываетъ архивомъ мироваго суда въ графствѣ подъ главнымъ начальствомъ Custodis Rotulorum, назначаемаго изъ мировыхъ судей, но имѣющаго передъ другими только одно преимущество: назначать вышепомянутаго мироваго секретаря, хотя онъ можетъ быть смѣненъ общимъ собраніемъ. Клерки занимаются только письмоводствомъ, до котораго судьи вовсе не прикасаются. Слѣдующіе этимъ послѣднимъ за рѣшеніе разныхъ дѣлъ опредѣленные закономъ *fees* (доходы) они предоставляютъ совершенно своимъ писцамъ; но такъ какъ обыкновенно такая плата весьма незначительна и неудовлетворительна для ихъ потребностей, то большею частью писцы получаютъ содержаніе изъ кармана своего судьи. Кромѣ того мировый секретарь имѣетъ значительный доходъ отъ платы за выдаваемыя имъ изъ архива кому нужно копіи, справки и свидѣтельства.

Мировой судья не получаетъ никакого жалованья, но законы въ пользу его опредѣляютъ денежные бенефиціи (fees) за рѣшаемыя имъ дѣла. Такса этихъ доходовъ опредѣляется (26 George II, c. 14 § 1) на Quarter Session, но она получаетъ законную силу только по вторичномъ пересмотрѣ ея въ слѣдующемъ Session и по утвержденіи въ ассизахъ государственнымъ судьею. Въ Мидлсекскомъ графствѣ (22 George II, c. 16 § 4) она утверждается сверхъ того двумя Lords Chief Justices или лордомъ Chief Baron и однимъ лордомъ Chief Justice. Копіи съ опредѣленной и утвержденной табели судейскихъ доходовъ должны быть вывѣшены въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ экземпляровъ на всѣхъ видныхъ мѣстахъ и углахъ того города, въ которомъ назначены sessions и ассизы. Это обнародованіе таксы лежитъ на обязанности мироваго секретаря, который за всякую съ своей стороны неисправность въ этомъ платитъ 10 фун. штрафа. Всякій судья или его клеркъ, берущій за оконченное дѣло больше, чѣмъ по закону слѣдуетъ, долженъ за такую взятку въ трехмѣсячный срокъ заплатить 20 фунт. штрафа тому, кого онъ обманулъ. Мировые судьи получаютъ также за каждый день засѣданія по 4 шиллинга *поденной платы* для себя и 2 шиллинга для своихъ клерковъ изъ взимаемыхъ съ подсудимаго штрафныхъ суммъ; но

этими деньгами рѣдко кто пользуется, такъ какъ мировые судьи всегда богаты, нерѣдко бароны, графы (earls) и герцоги. Каждый мировый судья и оба sessions, какъ petty, такъ и quarter, обязаны каждый годъ къ Михайлову дню (Michaelmasterm) представить шерифу отчетъ о всѣхъ присужденныхъ ими штрафахъ съ препровожденіемъ всей уже поступившей къ нимъ такой суммы, а шерифъ, удостовѣрившись въ вѣрности этой послѣдней, вноситъ ее въ казначейство, увѣдомивъ предварительно всѣ лица, кому какая часть изъ этой суммы приходится, и приглашая ихъ за 10 дней явиться къ нему за полученіемъ слѣдующей имъ выдачи.

Изъ сказаннаго можно вывести, что должность мироваго судьи отправляется въ Англіи *безвозмездно* повсюду, за исключеніемъ Вестминстера, гдѣ необыкновенная сложность и разнообразіе дѣлъ требуетъ отъ мировыхъ судей занятій усиленныхъ и посвященія каждой минуты времени для общественной службы и гдѣ сверхъ того должность эта принимается небогатыми и гораздо менѣе достаточными, въ сравненіи съ мировыми судьями графствъ, лицами, такъ что труды ихъ требуютъ необходимаго вознагражденія жалованьемъ; поэтому они въ отличіе отъ другихъ называются *stipendiary justices*. Эта безвозмездность, устраняя въ правительствѣ всякую тѣнь сомнѣнія или недовѣрія къ своимъ чиновникамъ, служитъ объясненіемъ того почета, которымъ пользуются въ народѣ мировые судьи и того страха, который власть ихъ внушаетъ всякому, зависящему отъ нихъ гражданину.

Власть мироваго судьи распространяется только на то графство, которое названо въ патентѣ и въ которомъ онъ обязанъ имѣть свое постоянное мѣстопребываніе. При этомъ естественно раждаются вопросы: 1) въ какой степени мировый судья сохраняетъ свою власть на подвѣдомственное ему графство, когда онъ на нѣкоторое время выѣзжаетъ изъ него и живетъ въ другомъ графствѣ?; съ другой стороны 2) въ какомъ отношеніи состоитъ его власть къ сосѣднимъ и другимъ графствамъ, или другими словами, въ какой степени власть его дѣйствительна внѣ границъ ввѣреннаго ему графства? и въ 3) въ какомъ отношеніи мировый судья графства состоитъ къ отдѣльнымъ мировымъ судьямъ (by charter or grant) городовъ и корпорацій, находящихся внутри его графства?

1) На то время, въ продолженіи котораго мировый судья нахо-

дится внѣ того графства, гдѣ долженъ имѣть свое мѣстопребываніе, онъ лишается понудительной или распорядительной власти (coercive power) по дѣламъ этого графства, такъ что не можетъ, напримѣръ, предписать хозяину уплатить жалованье работнику по иску послѣдняго и т. п. Но законъ не отнимаетъ оффиціальной силы у выдаваемыхъ мировымъ судьею, находящимся внѣ своего графства, свидѣтельствъ и справокъ изъ протокола (recognizances and informations). Если же мировый судья назначенъ для двухъ смежныхъ графствъ, то власть его дѣйствительна въ обоихъ, хотя бы онъ постоянно пребывалъ лишь въ одномъ изъ нихъ.

2) Власть мироваго судьи на жителей графства въ томъ случаѣ, когда эти жители во время производства о нихъ дѣла убѣжали или временно переселились въ другія графства—будетъ объяснена далѣе при разсмотрѣніи хода дѣлопроизводства вообще.

3) Мировый судья, имѣющій постоянное жительство въ какомъ либо городѣ или корпораціи, которая составляетъ сама по себѣ графство и находится внутри другаго бо́льшаго графства (county at large), куда этотъ судья назначенъ, можетъ дѣйствовать съ полною властію въ этомъ графствѣ, не выѣзжая изъ сказаннаго города или корпораціи. Но съ другой стороны, въ силу статута 28 G. III, c. 49 § 4, власть и вмѣшательство такого мироваго судьи, назначеннаго для цѣлаго графства (county at large), но живущаго постоянно въ городѣ или корпораціи, составляющихъ отдѣльное графство,—не распространяется на это послѣднее.

Относительно тѣхъ городовъ и корпорацій, которые сами по себѣ не составляютъ графства, но также имѣютъ своихъ собственныхъ мировыхъ судей (*) by grant and charter (какъ напр. Лондонъ, Іоркъ, Ньюмаркъ), надобно замѣтить, что власть мировыхъ судей (by comission) графства, въ которомъ находятся такіе города, распространяется на эти послѣдніе, если въ вышеупомянутыхъ grant and charters не оговорено, *что мировые судьи, спеціально назначаемые для этихъ городовъ* (т. е. мэйоры и альдермены ихъ), *освобождаются отъ конкурренціи съ мировыми судьями графства и что этимъ послѣднимъ запрещается вмѣшиваться (se non in-*

(*) Такіе города называются liberties and franchises which haue return of writs.

termittant) въ дѣла тѣхъ городовъ. Такъ напр. лордъ мэйоръ и нѣкоторые альдерманы Лондона суть мировые судьи by charter, и въ силу этого власть ихъ распространяется и на часть Лондона, называющуюся Southwark и находящуюся въ графствѣ Surrey (сѣверная часть Лондона лежитъ въ графствѣ Meddlesex); но такъ какъ въ Лондонской charter нѣтъ отоворки se non intermittant относительно мировыхъ судей графства Surrey, то эти послѣдніе конкурируютъ съ мэйоромъ и альдерменомъ Лондона въ дѣлахъ Соутварка.

Останавливаясь на обязанностяхъ мировыхъ судей, мы перечислимъ ихъ сперва по Гнейсту, который подводитъ ихъ подъ двѣ категоріи: 1) Обязанности по уголовному судопроизводству (Strafgewalt), въ силу которыхъ мировымъ судьямъ принадлежитъ власть первоначальнаго изслѣдованія по самостоятельнымъ приговорамъ къ наказанію безъ участія jury относительно всѣхъ тѣхъ проступковъ и нарушеній, за которые по закону полагается денежное взысканіе или заключеніе въ тюрьму не болѣе какъ на три мѣсяца (*); уголовно-судебная власть по таможеннымъ, тарифнымъ и податнымъ нарушеніямъ и наконецъ уголовно-судебная власть въ дѣйствительныхъ уголовныхъ преступленіяхъ; эта послѣдняя впрочемъ принадлежитъ только общему собранію (sessions) всѣхъ мировыхъ судей не иначе какъ съ участіемъ jury. 2) Обязанности собственно административныя, въ силу которыхъ на нихъ возложено взиманіе повинностей, податей графствъ, раздача торговыхъ свидѣтельствъ питейнымъ домамъ, харчевнямъ, продавцамъ, разнощикамъ, театрамъ и мѣстамъ публичнаго увеселенія, раздача охотничьихъ квитанцій (Jagdſcheine) (St. 3 Will. IV, c. 40), надзоръ за путями сообщенія, за тюрьмами, исправительными домами, богадѣльнями, больницами, назначеніе констэблей, опекуновъ надъ бѣдными (overseers of the poor—Armvater) и т. д.

(*) Взглядъ Гнейста на судебную власть мировыхъ судей, дѣйствующихъ отдѣльно, не совсѣмъ вѣренъ. Многіе статуты уполномочиваютъ мировыхъ судей въ извѣстныхъ случаяхъ, за извѣстные проступки подвергать виновныхъ наказанію собственною властью; случаевъ этихъ довольно много, но они съ точностью опредѣлены. Такіе статуты противны общему закону Англіи и Великой Хартіи, въ которой сказано, что никто не можетъ быть судимъ иначе какъ судомъ своихъ равныхъ, и составляютъ *исключеніе*. При-

Для болѣе подробнаго разсмотрѣнія обязанностей мировыхъ судей мы послѣдуемъ Фпике, который раздѣляетъ ихъ на пять классовъ: 1) общая полиція (allgemeine polizeipflege), 2) ремесленная полиція, 3) взиманіе общественныхъ податей и государственныхъ повинностей, 4) военныя обязанности, 5) управленіе имуществомъ графства.

1) Относительно *общей полиціи*—мировые судьи соединяютъ въ себѣ власть собственно полицейскую и исполнительную съ властью гражданско-и уголовно-судебною въ такой степени, въ какой того требуетъ правильное и самостоятельное отправленіе первой, т. е. административной. Власть мироваго судьи въ отношеніи къ предметамъ, сюда относящимся, имѣетъ три степени: 1) она полна и самостоятельна по тѣмъ предметамъ общей полиціи, которые точно и окончательно опредѣлены статутами и актами Парламента, другими словами, которые имѣютъ свой уставъ въ собраніи законовъ; 2) она ограничена потакимъ предметамъ, которые не подлежатъ общимъ постояннымъ и неизмѣннымъ постановленіямъ, каковы разныя мѣстныя и временныя учрежденія, и наконецъ 3) она вовсе не касается такихъ предметовъ, которые еще не подведены подъ общіе законы, по которымъ еще не составлено парламентскихъ актовъ или статутовъ. По предметамъ *перваго рода* полицейско-судебной власти мировыхъ судей, съ отвѣтственностію ихъ, предоставляется: 1) охраненіе спокойствія страны (the kings peace); 2) наложеніе рукъ на всякаго рода виновныхъ, слѣдствіе надъ ними, отдача ихъ въ заключеніе и наказаніе за нижайшія степени какъ личной обиды, такъ и порчи чужаго имущества: за просрочку платежа векселей не менѣе 20 шил. и не выше 5 фунтовъ, за всякое насиліе, за подлогъ и обманъ въ торговлѣ, какъ то: въ продажѣ жизненныхъ припасовъ, въ вѣсахъ и мѣрахъ, опредѣленіи цѣнъ на хлѣбъ; по спорамъ и недоразумѣніямъ о ремесленныхъ цехахъ, о платѣ подмастерьямъ и работникамъ, о фабричныхъ и ремесленныхъ покражахъ; 3) совѣщаніе объ опекѣ надъ незаконны-

---

мѣняя эти статуты въ данныхъ случаяхъ, мировый судья принужденъ строго держаться *буквальнаго* ихъ смысла,—и *никакъ нельзя основывать на нихъ вывода*, будто отдѣльные мировые судьи безъ jury имѣютъ право суда по всѣмъ проступкамъ, которые наказываются не болѣе какъ трехъ-мѣсячнымъ заключеніемъ. Сравни Burn's justice of the peace, v. I, p. 586 (по 23 изд.).

ми дѣтьми; 4) наказаніе негодяевъ, нищихъ и бродягъ; 5) попеченіе о неимущихъ (das Armwesen) и устройство благотворительныхъ и вспомогательныхъ обществъ и заведеній; 6) общественные нравы и публичная честь, клятвы, брань, пьянство, непотребные дома, запрещенныя игры; разрѣшеніе производить продажи разнощикамъ, продавцамъ вина и портерщикамъ (въ Англіи есть законъ, по которому произведенія и товары, вредные въ извѣстныхъ случаяхъ, должны подлежать контролю правительства: неумѣренность въ употребленіи ихъ съ пользою ограничивается пошлиною въ 4 фунта за всякое позволеніе мироваго судьи къ продажѣ ихъ); 7) предупрежденіе всякихъ публичныхъ безпорядковъ, непристойныхъ дѣйствій и всякихъ предметовъ, мѣшающихъ общественному благоустройству (nuisances) (*). Къ предметамъ *втораго рода*, т. е. въ отношеніи къ коихъ полицейская власть мировыхъ судей ограниченна, принадлежатъ различныя временныя и мѣстныя учрежденія, какъ напр. мостовыя, публичные фонтаны, освѣщеніе города, поправка улицъ и вообще такіе предметы, которые относятся къ украшеніямъ отдѣльныхъ мѣстностей и требуютъ постоянныхъ улучшеній и измѣненій (по англійски весь кругъ такихъ предметовъ называется parochial improvements). Вѣдѣніе этими предметами опредѣляется мѣстными актами Парламента, въ которыхъ также показывается и степень контроля надъ ними мировыхъ судей. Для предметовъ *третьяго рода*, т. е. такихъ, которыхъ полицейская власть мировыхъ судей вовсе не касается, Финке (писавшій свою книгу въ 1815 г.) приводитъ въ примѣръ слѣдующіе: такъ называемую учебную полицію (die Unter-

(*) Подъ словомъ *nuisances* надобно разумѣть: 1) всѣ дѣйствія, противныя приличію и даже самымъ предразсудкамъ гражданъ, напр. открытіе дубильныхъ колодцевъ и продажа веществъ, издающихъ дурной запахъ или производящихъ шумъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ этого прежде не водилось (не потому только, что они могутъ вредить здоровью, но также потому что мѣшаютъ *комфорту* въ домашней и общественной жизни), оставленіе на дорогахъ и улицахъ бревенъ, шлагбаумовъ и навозныхъ кучъ и т. п.; 2) упущеніе такихъ дѣйствій, которыхъ требуетъ общественное благоустройство, напр., неприбраніе нечистотъ и остатковъ строительнаго матеріала на улицахъ и т. п. Въ большихъ городахъ нѣкоторые граждане образуютъ изъ себя annoyance jury съ цѣлью предупреждать подобные публичные безпорядки; этимъ же гражданамъ вмѣняется присмотръ за мѣрами и вѣсами.

richtspolizei); полицію народнаго здравія, въ вѣдѣніи которой находятся только забота о продажѣ неиспорченной пищи и мѣры о предотвращеніи прилипчивыхъ и эпидемическихъ болѣзней, и контроль которой не распространенъ еще на здоровье въ тюрьмахъ и на фабрикахъ и на благочиніе и порядокъ въ домахъ умалишенныхъ; полицію «по части огня», которая не столько касается пожаровъ, сколько публичныхъ фейерверковъ, продажи ракетъ и фабрикаціи пороху.

2. *Ремесленная полиція* (Gewerbepolizei). На мировыхъ судей возлагается надзоръ за исполненіемъ законовъ, относящихся до производства и распродажи произведеній сельскаго хозяйства, рыболовства, охоты и лѣсоводства, фабричной промышленности, выставокъ, горнаго производства, премій на устройство заведеній для обработки пеньки и льну, публичныхъ путей сообщенія, мостовъ, каналовъ, рѣкъ, извощиковъ и т. п.

3. *Взиманіе государственныхъ и общественныхъ податей.* Всѣ случающіяся при этомъ недоразумѣнія и недоимки (контравенціи и дефраудаціи) подлежатъ разсмотрѣнію мироваго судьи *безъ jury*, но съ правомъ апелляціи въ session, на которое уже нѣтъ дальнѣйшей апелляціи высшимъ инстанціямъ суда и которое часто есть апелляціонный судъ для чиновниковъ, назначенныхъ для раскладки повинностей (commissionaries of aids).

4. *Въ военныхъ дѣлахъ* мировые судьи приводятъ къ присягѣ набранныхъ вновь солдатъ и матросовъ, ловятъ дезертировъ, присутствуютъ для надзора при разводахъ линейныхъ войскъ и въ послѣднемъ случаѣ могутъ уподобиться французскимъ inspecteurs aux revues, которые суть также гражданскіе чиновники; изготовляютъ свидѣтельства для пенсіонеровъ, заботятся о квартированіи и фуражѣ войскъ, наказываютъ за воровство и порчу военныхъ принадлежностей, какъ то: оружія, фуража и т. д.

5. *Управленіе имуществомъ графства* (die Verwaltung des Grafshafts-Vermögens). Сюда относится надзоръ за общественными заведеніями, тюрьмами (county gaol), за исправительными домами (houses of correction). Въ вѣдѣніи ихъ также состоятъ такъ называемыя county rates (общественныя суммы графства): ихъ раскладка, сборъ и израсходованіе на общественныя потребности.

Напротивъ чуждо обязанности британскихъ мировыхъ судей

все то, что касается «моего и твоего,» всякая разбирательно-судебная власть, всякое примирительное вмѣшательство въ дѣла о *частныхъ* правахъ (Rechtssachen), наконецъ все то, что не имѣетъ *публичнаго* (öffentlich) интереса, исключая немногихъ замѣченныхъ выше случаевъ, отнесенныхъ къ обязанностямъ мировыхъ судей на основаніи особыхъ соображеній. Они также имѣютъ право наказывать и взыскивать и за болѣе значительныя преступленія впрочемъ въ подобныхъ случаяхъ обязанность ихъ ограничивается только производствомъ слѣдствія и взятіемъ подъ стражу отвѣтчика, а остальное они предоставляютъ суду разъѣзжающихъ верховныхъ судей. Частное удовлетвореніе всегда различается отъ общественнаго и не входитъ въ кругъ обязанностей мироваго судьи, исключая разумѣется тѣхъ случаевъ, когда обѣ стороны изъявятъ на то согласіе.

Вникнувъ внимательно въ исчисленныя обязанности мировыхъ судей, мы убѣждаемся что такія многочисленныя и разнообразныя занятія не могутъ лежать на слишкомъ ограниченномъ числѣ лицъ. Поэтому англійское правительство всегда старалось, съ расширеніемъ круга дѣйствій мировыхъ судей, увеличивать и число ихъ въ каждомъ отдѣльномъ графствѣ. При этомъ постоянно имѣлось въ виду, чтобы занятія никакъ не казались слишкомъ обременительными для лицъ, которыя принимаютъ ихъ на себя безвозмездно, и чтобы они не приковывали эти лица постоянно къ одному и тому же мѣсту. Съ другой стороны при увеличеніи числа судей руководствовались соображеніемъ, что можно легко ошибиться въ выборѣ и назначеніи; не всѣ избираемые въ одинаковой степени владѣютъ умомъ, способностями и познаніями, необходимыми для добросовѣстнаго, правильнаго и скораго исполненія своихъ обязанностей; у иныхъ при всей охотѣ и полномъ прилежаніи недостаетъ навыка и знанія дѣла, у другихъ напротивъ при быстротѣ соображенія и опытности нѣтъ достаточнаго желанія и усердія; наконецъ не должно забывать и того, что не всякій человѣкъ на всякое дѣло одинаково способенъ, что̀ при чрезвычайномъ разнообразіи обязанностей мировыхъ судей особенно важно. Въ предотвращеніе неудобствъ, которыя могли бы возникнуть изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, англійское законодательство постановило болѣе или менѣе значительное число мировыхъ судей на каждое графство и предоставило всѣмъ

поименованнымъ въ одномъ патентѣ лицамъ свободную и полную между собою конкурренцію въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію внутри одного и того же графства. Въ силу этого закона всякій житель графства можетъ обратиться съ своею надобностью къ тому изъ мировыхъ судей, къ которому онъ пожелаетъ, или къ опытности и знанію котораго онъ имѣетъ наибольшее довѣріе; такимъ образомъ онъ вовсе неподвѣдомственъ одному тому мировому судьѣ, въ округѣ котораго живетъ, и на оборотъ власть каждаго изъ мировыхъ судей, поименованныхъ въ одномъ патентѣ, распространяется на все графство *(pervades the whole county)*. Учрежденіе это, чтобы противъ него ни приводили представляетъ много такихъ условій, которыя говорятъ рѣшительно въ его пользу. Конкурренція между лицами, облеченными правительствомъ судебно-административною властью, благодѣтельна не только для гражданъ тѣмъ, что предоставляетъ имъ значительную степень свободы въ гражданскихъ дѣлахъ, ставя ихъ подсудность должностнымъ лицамъ въ тѣсную связь съ ихъ произвольнымъ выборомъ и тѣмъ какъ бы представляя имъ ручательство въ успѣшномъ ходѣ и окончаніи этихъ дѣлъ, но она полезна и самому правительству тѣмъ, что увеличиваетъ число способныхъ и дѣятельныхъ его органовъ. Соревнованіе въ дѣлѣ административномъ, какъ и въ торговыхъ оборотахъ, въ противоположность монополіи, не только не убиваетъ, а напротивъ развиваетъ способности конкуррентовъ. Благодаря этому учрежденію, большая часть мировыхъ судей въ Англіи суть лица, отличающіяся дѣятельностію (residing, acting magistrates), коихъ кредитъ привлекаетъ къ нимъ постоянныхъ кліентовъ и доставляетъ имъ постоянныя занятія. Понятно, что съ одной стороны похвальное честолюбіе и желаніе поддержать свою добрую славу, а съ другой—и самый интересъ помѣщиковъ, имѣющихъ нужду въ совѣтѣ, помощи или защитѣ мировыхъ судей, суть такія побужденія, которыя всегда будутъ содѣйствовать къ умноженію въ кругу ихъ достойныхъ чиновниковъ.

Законами опредѣляется ясно, когда дѣло должно быть рѣшено однимъ, когда двумя или нѣсколькими мировыми судьями и когда общимъ собраніемъ всѣхъ мировыхъ судей одного графства (Quarter Session). Новѣйшіе законы, въ большей части дѣлъ допускаютъ разбирательство *одного* судьи, но по прежнимъ законамъ большая

часть случаевъ подлежала разсмотрѣнію *двухъ* судей, изъ коихъ одинъ принадлежалъ къ числу quorum: такъ назывались тѣ, которые въ патентѣ означались особо, въ отдѣльномъ пунктѣ, начинающемся словами *quorum* A, B, C, etc. unum esse volumus, т. е. изъ которыхъ (изъ двухъ или трехъ) желаемъ, чтобы одинъ былъ А или Б или С и т. д. Въ число этихъ quorum, назначаемыхъ именно для тѣхъ случаевъ, которыхъ рѣшеніе требовало 2-хъ или нѣсколькихъ судей, избирались обыкновенно тѣ изъ поименованныхъ въ грамотѣ, которые отличались своимъ образованіемъ и знаніемъ законовъ. Само собою разумѣется, что теперь, когда образованіе распространилось повсюду и сдѣлалось достояніемъ всѣхъ достаточныхъ землевладѣльцевъ, въ особенности въ такой странѣ какъ Англія, подобное указаніе уже совершенно лишнее и весь артикулъ: quorum и т. д., сохранился въ грамотѣ только изъ уваженія къ древнимъ обычаямъ, какъ форма. Вотъ почему въ выдаваемыхъ вновь патентахъ въ артикулѣ, начинающемся словомъ quorum, повторяются вторично имена всѣхъ мировыхъ судей.

Въ подобныхъ собраніяхъ двухъ и болѣе судей всѣ члены имѣютъ равный голосъ и власть. Въ одномъ только случаѣ одинъ судья имѣетъ передъ другими право первенства: это бываетъ именно тогда, если онъ рѣшилъ уже *окончательно* какое нибудь дѣло: въ такомъ случаѣ истецъ уже не имѣетъ права просить другаго судью о новомъ пересмотрѣ своего дѣла. За то пока дѣло его не кончено, а только находится въ производствѣ, истцу всегда предоставлено передавать его отъ того судьи, который уже началъ его, на разсмотрѣніе другаго по взаимному соглашенію съ послѣднимъ; но такимъ правомъ истцы пользуются весьма рѣдко, потому что это противно ихъ собственному интересу: при свойствахъ и качествахъ мировыхъ судей въ Англіи передача дѣлъ отъ одного изъ нихъ къ другому можетъ только замедлить и усложнить ихъ производство.

III.

Отношеніе власти мироваго судьи къ закону. — Порядокъ и ходъ судопроизводства по предметамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію: а) одного мироваго судьи, в) двухъ и болѣе (petty sessions) и с) общаго собранія мировыхъ судей (general quarter sessions). — Аппеляція на мировыхъ судей. — Общественное мнѣніе, какъ лучшій контроль надъ мировыми судьями.

Мировый судья обязанъ основывать всѣ свои дѣйствія на законахъ; но въ примѣненіи этихъ послѣднихъ къ различнымъ случаямъ гражданской жизни онъ можетъ руководствоваться своимъ крайнимъ разумѣніемъ (discretionary power), основываясь на чувствѣ правды, внушаемомъ ему разумомъ, закономъ и честью. Если же онъ иногда и переступитъ за предѣлы дарованной ему власти, то правительство не считаетъ себя обязаннымъ взыскивать съ него за это слишкомъ строго; въ извѣстной степени снисходительность тутъ необходима, потому что нельзя предполагать злаго намѣренія въ лицахъ, которыя не изъ личныхъ интересовъ, не по корыстолюбію, а только по чистѣйшему и похвальнѣйшему чувству любви къ отечеству приняли на себя подъ присягою многотрудныя обязанности такого важнаго званія, каково званіе мироваго судьи. Поэтому констэбль или другой полицейскій чиновникъ (peace officer), на имя котораго мировый судья выдаетъ какое нибудь приказаніе (warrant), долженъ исполнить это послѣднее въ точности, хотя бы оно выходило нѣсколько изъ предѣловъ власти мироваго судьи, и лишь въ томъ случаѣ если приказаніе будетъ касаться предмета, вовсе неподлежащаго его вѣдѣнію, полицейскій чиновникъ можетъ не исполнить такого предписанія. Дѣйствительно, въ опредѣленіи *мѣры наказанія* мировые судьи руководствуются часто собственными соображеніями, потому что законъ для бо́льшей части преступленій опредѣляетъ только крайніе предѣлы, maximum и minimum взысканія; исключеніе изъ этого права составляютъ только особые роды наказаній, которые ясно опредѣлены въ законахъ, напр. тѣлесныя наказанія и т. п.; они должны быть исполняемы безъ всякаго измѣненія. Сверхъ того право мироваго судьи въ опредѣленіи наказанія ограничивается также закономъ,

по которому онъ не можетъ избавить вовсе отъ *наказанія* преступника, имъ самимъ уличеннаго.

Для бо̀льшей точности въ изложеніи мы разсмотримъ способы отправленія мировыми судьями лежащихъ на нихъ обязанностей въ трехъ отдѣлахъ: 1) производство дѣлъ, рѣшаемыхъ однимъ судьею; 2) производство дѣлъ двумя, тремя судьями и т. д.—petty sessions, и 3) производство дѣлъ въ общемъ собраніи—quarter sessions.

Мировый судья приступаетъ къ производству слѣдствія «по собственному взгляду и пониманію дѣла» *(upon his own view and knowledge)*, т. е. на основаніи того, что онъ самъ видѣлъ и знаетъ, или же по доносу свидѣтелей. Слѣдовательно въ англійскомъ полицейскомъ судопроизводствѣ весьма удачно согласованы и допущены оба начала, столь различныя и несовмѣстныя по мнѣнію бо̀льшей части юристовъ, именно: слѣдственное (processus inquisitorius, (Unterſuchungsprinzip), и обвинительное (processus accusatorius, Anklageprinzip). Свидѣтелей онъ самъ отыскиваетъ и приводитъ къ присягѣ, потомъ посредствомъ «приглашенія *(summons)*» назначаетъ указаннымъ свидѣтелями лицамъ явиться къ себѣ, или же отдаетъ «приказаніе» привести ихъ къ себѣ (warrant to appear). Послѣднее употребляется въ томъ случаѣ, если вина подсудимаго подлежитъ тѣлесному наказанію *(where the body is liable)*, если она по закону не допускаетъ освобожденія виновнаго съ ручательствомъ (т. е. если она *not bailable)*, и если обвиненіе подтверждено присягою *(a complaint on oath)*, доказательства обезпечены, или наконецъ представлено основательное и разумное подозрѣніе. Приглашенному или приведенному дѣлается допросъ, послѣ котораго онъ или отпускается (discharged), что̀ впрочемъ не должно имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда подсудимый обвиненъ въ зломъ умыслѣ (felony) присягою истца, или подвергается установленному денежному или другому взысканію, или освобождается съ ручательствомъ вести себя осторожно и «*не нарушать мира*» (это ручательство по англійски называется surety *for the peace)*, или съ ручательствомъ явиться на ближайшее quarter session (т. е. общее собраніе) для дальнѣйшаго слѣдствія (въ этомъ случаѣ ручательство просто называется *bail*), если таково желаніе мироваго судьи или если законъ велитъ ему предоставить дальнѣйшее рѣшеніе дѣла общему собранію; въ слу̀чаѣ же непредставленія подсудимымъ требуемаго удовлетворенія или руча-

тельства, онъ подвергается тюремному заключенію (he is comitted). Отдавая warrant to appear—приказаніе явиться или уполномочивая нижнихъ полицейскихъ чиновниковъ поймать и привести подсудимаго, судья обязанъ непремѣнно дать время этому послѣднему собрать всѣ средства къ своей защитѣ и также всѣнеобходимыя ручательства; за тѣмъ шерифъ и помощники его, констэбли или другія офиціальныя полицейскія лица обязаны представить его къ мировому судьѣ, давшему это приказаніе, негласно, осторожно и немедленно. Если подсудимый убѣжалъ или переселился въ другое графство, неподвѣдомственное этому судьѣ, ближній къ нему мировый судья, удостовѣрившись присягою предъявляющаго warrant въ подлинности этой бумаги и въ томъ, что она подписана надлежащимъ судьей, означаетъ *(индосируетъ)* на ней и свое имя. Послѣ этого она дѣлается обязательною и для жителей другаго графства, и виновный приводится къ индоспровавшему или къ другому мировому судьѣ этого графства, допрашивается имъ и представляетъ ему *bail* или ручательство въ явкѣ на quarter sessions того графства, гдѣ преступленіе было совершено, если проступокъ допускаетъ ручательство. Если же преступникъ не представитъ bail, или же ручательство не можетъ быть допущено, то предъявитель warrant' а представляетъ его въ руки одного изъ мировыхъ судей того графства, гдѣ преступленіе было совершено (24 Geor. II c. 55).

Тотъ, кому поручено исполнить warrant мироваго судьи, т. е. представить подсудимаго для допроса, въ правѣ привесть это въ исполненіе и въ воскресный день, а въ случаѣ нужды, если подсудимый не пуститъ его въ свой домъ, силою войти туда и взять его. Вообще домъ считается у Англичанъ святынею; никакая власть не имѣетъ права войти въ него насильственно, но законъ дѣлаетъ исключеніе для такихъ случаевъ, въ которыхъ укрывательство въ собственномъ домѣ можетъ повести къ задержкѣ дѣлопроизводства и мѣшать дѣйствіямъ суда; онъ перестаетъ быть святынею для правительства, коль скоро обитатель его преступаетъ законъ. Кромѣ того мировый судья имѣетъ право насильнаго обыска для розысканія украденныхъ вещей.

Ручательство въ охраненіи мира на будущее время—*security for the peace*,—должно быть непремѣнно представлено мировымъ судьею всякому, кто объявляетъ себя въ опасеніи какого либо зла въ слѣдствіе

угрозъ, сдѣланныхъ въ отношеніи къ его личности или имущества, даже въ томъ случаѣ, если бы такое заявленіе сдѣлалъ иностранецъ, экскомуницированный, или обвиненный въ *high treason* (государственномъ преступленіи). На такое обезпеченіе онъ имѣетъ право и тогда, еслибъ даже не было у него вполнѣ достаточныхъ доказательствъ, которыми бы подтверждались его опасенія; но опредѣленіе рода и срока этого security предоставляется соображенію судьи.

Отъ такихъ лицъ, которыя, по подозрѣнію мироваго судьи или по указанію другихъ, не совсѣмъ хорошаго поведенія и конхъ сомнительный образъ жизни представляется опаснымъ для другихъ какъ дурной примѣръ, мировый судья можетъ требовать такъ называемаго *surety for the good behaviour*. Однако много спорили и спорятъ еще о томъ, какъ велика можетъ быть здѣсь власть мироваго судьи, и что именно должно разумѣть подъ *дурною репутаціею*? Прежде на этотъ счетъ были гораздо требовательнѣе: подозрѣнію и вышепомянутому *surety for the good behaviour* подвергали всякаго отца незаконно прижитыхъ дѣтей, всякаго спящаго днемъ и бдящаго ночью; теперь стали гораздо осторожнѣе, снисходительнѣе въ обсужденіи образа жизни и поступковъ частныхъ лицъ.

Quarter sessions могутъ избавить отъ обоихъ вышеприведенныхъ родовъ *surety* и отъ заключенія, которому подвергается виновный, если не представитъ ручательство, впрочемъ не иначе какъ по предварительномъ объявленіи запроса: не подвергнетъ ли это кого нибудь опасности?

Какъ названныя, такъ и всѣ подобныя имъ sureties должны быть опредѣлены на деньги, и мировый судья отвѣчаетъ за ихъ достаточность. Важнѣйшее и чаще всего (почти ежедневно) встрѣчающееся ручательство есть такъ называемое bail, т. е. ручательство, даваемое подсудимымъ при освобожденіи его отъ заключенія, въ томъ, что онъ явится на ближайшія *sessions*. Мировый судья не въ правѣ отвергать такое ручательство, если законъ его не воспрещаетъ или если оно по собственному его соображенію можетъ быть допущено. Если же онъ найдетъ ручательство неудовлетворительнымъ, то посылаетъ провинившагося (felon) въ тюрьму съ приказаніемъ принять его. Это приказаніе называется warrant *of commitment* или *mittimus* отъ слова, которымъ латинская форма его начинается. Содержаніе его состоитъ въ означеніи мѣста, времени, имени заключае-

маго и въ полномочіи держать присланнаго въ заключеніи до дарованія ему законнаго освобожденія. Незаконный отказъ въ ручательствѣ предотвращается актомъ *Habeas corpus*, который даетъ право тѣмъ, которые не обвинены въ felony и которые на двухъ ближайшихъ sessions, по пересмотрѣ дѣла, не были ни приговорены къ наказанію, ни обязаны представить bail, обратиться съ просьбою къ великому канцлеру или одному изъ государственныхъ судей съ приложеніемъ копіи millimus'a (копія эта должна быть дана просителю начальникомъ тюрьмы (Gaoler) въ теченіи 6 часовъ, въ противномъ случаѣ съ него взыскивается 100 фунтовъ штрафа). Канцлеръ или государственные судьи уполномочиваютъ начальника тюрьмы посредствомъ такъ называемаго *writ of habeas corpus*, привести къ нимъ заключеннаго въ опредѣленный закономъ срокъ съ тѣмъ, чтобы, по пересмотрѣ его дѣла, объявить слѣдуетъ ли дозволить ему bail или же, если основанія, на которыхъ мировый судья заключилъ его въ тюрьму, окажутся справедливыми, снова отослать его въ тюрьму. На основаніи того же writ'a проситель можетъ быть порученъ Военному Суду или Коммисіи о Банкрутствѣ для ускоренія его тяжбы. Тотъ, кто взялъ на себя ручательство, можетъ, если онъ чрезъ то помогъ преступнику убѣжать, требовать его назадъ и даже настоять на томъ, чтобы мировый судья арестовалъ его въ воскресный день, хотя въ другихъ случаяхъ никто не можетъ быть задержанъ въ этотъ день по денежнымъ долгамъ.

Праздношатающихся и безпорядочныхъ (*idle* and *disorderly*), которыхъ законъ принимаетъ пять видовъ, мировый судья обязанъ засадить въ исправительный домъ, не болѣе какъ на одинъ мѣсяцъ; мошенниковъ и бродягъ (*rogues and vagabonds*), которыхъ насчитываютъ двадцать видовъ, и неисправимыхъ беззаконниковъ (incorrigible rogues), коихъ принимается пять видовъ, онъ долженъ публично наказать тѣлесно и потомъ держать въ рабочемъ домѣ до ближайшихъ sessions, которые продолжаютъ ихъ заключеніе еще на 6 мѣсяцевъ съ тѣлеснымъ же наказаніемъ, или отдаютъ ихъ въ пѣхотную или морскую службу въ колоніи (большею частью въ полки Западной Индіи). Всѣ эти лица поступаютъ въ исправительный домъ посредствомъ особеннаго письменнаго приказанія — *committment in execution*. Въ обязанность мироваго судьи входитъ также поискъ, по крайней мѣрѣ четыре раза

въ годъ, бѣглыхъ и «охота на бродягъ», къ чему они имѣютъ право требовать содѣйствія гражданъ по собственному усмотрѣнію.

Власть мировыхъ судей изслѣдовать и наказывать безъ приговора присяжныхъ (jury) подлежащія ихъ вѣдѣнію проступки во многихъ случаяхъ встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны знаменитаго права—*быть суди мымъ только равными себѣ*, которое издревле утвердилось въ Англіи въ видѣ обычая и въ послѣдствіи Великою Хартіею подтверждено письменно и обращено въ законъ. Это столь дорогое для Англичанъ право, этотъ краеугольный камень ихъ свободы, можетъ быть обойдено только властью, равною той, которая его постановила, т. е. особеннымъ актомъ Парламента; по и въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ послѣднимъ мировый судья къ тому уполномочивается, онъ никакъ не долженъ выходить изъ предѣловъ данной ему власти: онъ долженъ помнить, что въ его лицѣ соединяются судья и присяжные (judge and jurors), что на его совѣсти лежитъ и обсужденіе самаго факта и примѣненіе къ нему закона, и что при несоблюденіи имъ надлежащей осторожности и необходимой добросовѣстности *common law* возьметъ верхъ надъ его судомъ и объявитъ его распоряженія ничтожными. Отсюда видно, что въ дѣлахъ, подлежащихъ разбирательству мироваго судьи, онъ не долженъ ничего предпринимать, пока не имѣетъ подъ рукою несомнѣнныя доказательства—собственное убѣжденіе изнаніе или жалобу истца и доносъ свидѣтелей. Обвиненный долженъ быть предупрежденъ, и ему должны быть даны всѣ средства къ оправданію. Доказательства должны быть выслушиваемы на основаніи common law, если статуты не опредѣляютъ для того особеннаго правила. Приговоръ же и исполненіе должны быть также, какъ и въ обыкновенномъ судопроизводствѣ, основаны непремѣнно на статутѣ, т. е. письменномъ законѣ (statute law). Наконецъ все дѣло должно быть внесено въ протоколъ (record), который прочитывается подсудимому, дабы онъ могъ, въ случаѣ нужды, указать на него высшей инстанціи, и съ этою же цѣлью хранится въ регистратурѣ мироваго суда. При этомъ не надо забывать той особенной осторожности и точности, которыхъ требуетъ составленіе такихъ протоколовъ: малѣйшая ошибка въ нихъ можетъ повлечь за собою признаніе всего дѣлопроизводства и суда недѣйствительными. Въ отвращеніе ошибокъ, могущихъ легко случиться при всякомъ

письменномъ дѣлопроизводствѣ, англійскими законами установлены формы для всѣхъ случаевъ, гдѣ оно имѣетъ мѣсто; по этимъ формамъ печатаются *бланки*, на которыхъ протоколы пишутся весьма просто и легко (*).

Мировые судьи въ правѣ во всѣхъ подлежащихъ разсмотрѣнію ихъ дѣлахъ приводить къ присягѣ свидѣтелей или другія лица, отъ которыхъ они надѣются получить свѣдѣнія о какихъ либо обстоятельствахъ; они могутъ также задерживать всякаго, въ комъ только подозрѣваютъ недобрыя намѣренія относительно правительства, и брать съ него присягу въ вѣрности престолу и церкви (oaths of allegiance, supremacy and abjuration). Приведеніе къ присягѣ производится въ обыкновенныхъ случаяхъ весьма просто: присягающій произноситъ клятву, дотрогиваясь до книги Новаго Завѣта или даже до молитвенника, въ которомъ между прочимъ помѣщены Евангелія и Посланія Апостоловъ. Ложная присяга влечетъ за собою самое строгое наказаніе. Не смотря на общепринятое мнѣніе, перешедшее почти во всѣ законодательства, что для дѣйствительности присяги необходимо обставить ее внѣшнею торжественностью, которая напоминала бы присягающему, что онъ предстоитъ лицомъ къ лицу предъ Верховнымъ Судьею, и наполняла бы его душу страхомъ небесной кары, въ спискахъ тяжебныхъ дѣлъ Великобританіи не встрѣчается значительнаго числа ложныхъ клятвъ. Фишке полагаетъ, что это слѣдуетъ приписать большой религіозности Англичанъ. Едва ли однако такое объясненіе можетъ быть признано основательнымъ. Лжеприсяга есть слѣдствіе развращенной нравственной природы, которая утратила всѣ вѣрованія и убѣжденія и между прочимъ чувство чести, не находящееся ни въ какомъ отношеніи съ внѣшнимъ величіемъ и торжественностію церемоніи. Противъ этого могутъ замѣтить, что большею частію приходится присягать лицамъ низшихъ сословій, руководствующимся, независимо отъ религіозныхъ убѣжденій и понятій о чести, предразсудками, которые не такъ легко про-

---

(*) Употребленіе бланковъ значительно облегчаетъ письменное дѣлопроизводство, ставя его такъ сказать въ опредѣленныя рамки. И сколько при этомъ сберегается времени и силъ; тотъ, кому поручено провѣрить такимъ образомъ составленный журналъ, читаетъ только писанное и смѣло пропускаетъ печатанное.

падаютъ въ нихъ какъ первыя и которые тѣмъ скорѣе заставляютъ ихъ открыть истину подъ вліяніемъ таинственныхъ священныхъ обрядовъ. Но и это возраженіе врядъ ли можетъ быть допущено: кто не слушаетъ своей совѣсти, на какой бы низкой степени цивилизаціи онъ ни стоялъ, тотъ не будетъ стѣсняться и предразсудками; съ другой стороны было бы совершенно неосновательно ставить отъ нихъ въ зависимость значеніе и силу присяги.

Гораздо основательнѣе мнѣніе Финке о несправедливости того правила въ англійскомъ законодательствѣ, вслѣдствіе котораго въ свидѣтели и къ присягѣ допускаются *всѣ безъ изъятія:* и дѣти, и лица подозрительныхъ свойствъ и даже тѣ, которые извѣстны своими безчестными поступками. Въ самомъ дѣлѣ, какъ полагаться на свидѣтельство того, въ обстоятельности или искренности показаній котораго есть полное основаніе сомнѣваться?

Въ большей части случаевъ считается достаточнымъ *одного* свидѣтеля для доказательства преступленія; только high treason требуетъ *двухъ*, подобно тому какъ въ духовныхъ и *третейскихъ* судахъ (гдѣ нѣтъ присяжныхъ); письменныя судебныя доказательства принимаются только въ случаѣ смерти свидѣтелей.

Мировые судьи не имѣютъ права рѣшать тѣ дѣла, въ которыхъ они сами лично замѣшаны или заинтересованы. Лордъ Кокъ въ своихъ комментаріяхъ на Англійское законодательство основаніемъ такого узаконенія считаетъ то общее правило, что люди менѣе способны разумно и честно дѣйствовать въ собственныхъ дѣлахъ, нежели въ чужихъ.

Исключеніе изъ этого правила составляютъ два случая: 1) если мировый судья понесъ какую нибудь личную обиду *какъ должностное лицо* во время отправленія своей должности, то онъ можетъ на мѣстѣ самъ судить обидчика, когда не случится подъ рукою другаго судьи, и 2) онъ также можетъ разбирать, но безъ права апелляціи въ sessions, дѣла (въ которыхъ замѣшанъ и его интересъ), относящіяся до его прихода (parochial matters), какъ то: о вспоможеніи бѣднымъ (maintenance and settlement of the poor), о различныхъ церковныхъ сборахъ (parish rates and parochial taxes), о ремонтѣ большихъ дорогъ (repair of highways), преслѣдованіи и наказаніи бродягъ (passing and punishing vagrants), и т. п.

Для разсмотрѣнія судебныхъ (judicial) дѣлъ, подлежащихъ по

закону разбирательству двухъ мировыхъ судей, они должны на самомъ дѣлѣ соединяться въ одинъ составъ и обсуждать такія дѣла вмѣстѣ; но въ отношеніи административномъ (ministerial) каждый можетъ дѣйствовать отдѣльно. Для тѣхъ дѣлъ административныхъ, которыя требуютъ непремѣннаго окончанія къ извѣстному сроку, обыкновенно собираются нѣсколько мировыхъ судей и объявляютъ, что въ такой то день они откроютъ *спеціальное*, особенное (*) (special) засѣданіе, въ которомъ будутъ разсматривать такія то дѣла. Къ нимъ могутъ присоединиться и другіе товарищи ихъ въ графствѣ— и за тѣмъ дѣла эти идутъ правильнымъ порядкомъ безъ всякаго контроля отъ правительства. Послѣднее ограничивается только постановленіемъ, чтобы извѣстныя дѣла были рѣшаемы въ извѣстные сроки, напримѣръ: въ первый понедѣльникъ послѣ 5-го апрѣля и т. п.,—весьма дѣйствительное средство обезпечить порядокъ и правильность дѣлопроизводства и избѣжать вредной оттяжки. Resident active justices также считаютъ долгомъ условиться между собою о томъ въ какіе дни и въ какомъ мѣстѣ кто изъ нихъ будетъ постоянно принимать просителей по извѣстнымъ дѣламъ; такія предварительныя распоряженія ихъ значительно облегчаютъ самимъ жителямъ хожденіе по ихъ дѣламъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1800 г. пять мировыхъ судей объявили въ Манчестерѣ, что по средамъ двое изъ нихъ, а по субботамъ кто нибудь одинъ будутъ разбирать въ county court (такъ называется палата, въ которой собираются sessions), съ 11 часовъ утра, слѣдующія дѣла въ слѣдующемъ порядкѣ:

а) По средамъ *двое* мировыхъ судей:

1) Дѣла по жалобамъ нищихъ и бѣдныхъ.

2) Объ усыновленіи незаконнорожденныхъ.

3) О перемѣщеніи бѣдныхъ по общинамъ, обязавшимся содержать ихъ.

4) Приглашенія къ слѣдующимъ судебнымъ днямъ.

(*) Въ слѣдующихъ статутахъ упоминается о *special sessions*: 43 Eliz. c. 2: о special sessions для назначенія опекуновъ (overseers of the poór), 13 Geo. III, c. 78 о special sessions для назначенія начальника большихъ дорогъ (surveyor of the highways); 55 Geo. III, c. 68: о special sessions также по предмету дорогъ; 37 Geo. III, 143: о special sessions для назначенія смотрителей за вѣсами и мѣрами (examiners of weights and balances).

5) Выслушиваніе лицъ, приведенныхъ по такъ называемому warrant to appear.

6) Выслушиваніе лицъ, приглашенныхъ судьями.

7) Жалобы по дѣламъ о недѣльной и мѣсячной задѣльной платѣ работникамъ.

8) Жалобы подмастерій на мастеровъ и обратно.

9) Жалобы о порчѣ рабочаго матеріала (embezzling).

10) Дѣла о дорогахъ, для которыхъ каждая среда составляетъ special sessions.

11) Дѣла объ акцизахъ и контравенціяхъ.

b) по субботамъ *одинъ* судья:

1) Дѣла по жалобамъ нищихъ.

2) Выслушиваніе лицъ, находящихся подъ стражею или надзоромъ полиціи.

3) Приглашенія къ слѣдующимъ судебнымъ днямъ.

4) Доносы о преступленіяхъ и преступникахъ.

5) Доносы о насиліяхъ и нападеніяхъ (assaults).

Это росписаніе въ тоже время даетъ понятіе о дѣлахъ, требующихъ скораго рѣшенія и о томъ, какъ дѣла эти, столь разнообразныя, рѣшаются быстро и притомъ какимъ малымъ количествомъ чиновниковъ въ одномъ изъ богатѣйшихъ и промышленныхъ городовъ.

Всѣ мировые судьи одного и того же графства обязаны собираться четыре раза (*) въ годъ (въ Миддльсексѣ 8 разъ) на такъ называемыя general quarter sessions или просто sessions въ двухъ главныхъ мѣстахъ графства (обыкновенно тамъ, гдѣ находится мировой архивъ и тюрьма графства) поочередно. Впрочемъ король можетъ назначить особую comission of the peace, особыхъ мировыхъ судей для какого нибудь участка графства, и тогда если въ означенной comission есть оговорка *se non intermittant* (**), мировые судьи цѣлаго графства не участвуютъ въ quarter sessions этого участка. Открытіе засѣданій объявляется за двѣ недѣли двумя судьями

(*) Эти собранія слѣдующія: первое во время такъ называемой Ultas of the Epiphany (т. е. 8-й день послѣ епифаньева дня), второе—послѣ второй недѣли поста Midlent, третье—между троицынымъ (Penticost) и иваповымъ днемъ, четвертое—спустя недѣлю послѣ михайлова дня.

(**) Значеніе этого термина объяснено было выше (см. главу II).

шерифу, который назначаетъ къ тому (на sessions) присяжныхъ (grand jury) и распоряжается чтобъ всѣ короперы, констэбли, начальники тюремъ (gaoler, jailor) и помощники ихъ явились на эти sessions. Всѣ граждане обязаны по его призыву всегда быть готовыми содѣйствовать общему правосудію своимъ присутствіемъ на засѣданіяхъ, если того потребуетъ производство дѣла; они приглашаются къ тому съ правомъ свободнаго доступа и безъ опасенія ареста— eundo, morando et redeundo, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ имъ пришлось идти или ѣхать довольно далеко и истратить на это даже не мало времени.

Всѣ дѣла рѣшаются при отворенныхъ дверяхъ. Дѣла, подлежащія вѣдѣнію sessions, суть:

a) дальнѣйшее производство по слѣдствіямъ, начатымъ отдѣльными мировыми судьями о заключенныхъ въ тюрьмѣ или о обязавшихся ручательствомъ (bail) явиться на session, и допросъ лицъ, обязавшихся явиться для подтвержденія какого нибудь факта, для указанія свидѣтелей и т. п.;

b) рѣшеніе дѣлъ, поступившихъ по апелляціи на мировыхъ судей или на коммисіонеровъ по предмету раскладки податей, общиннаго раздѣла и т. п.;

c) разсужденіе о предметахъ, касающихся общаго управленія цѣлымъ графствомъ.

Лица, участвующія въ засѣданіяхъ, суть слѣдующія: 1) всѣ мировые судьи графства, кромѣ тѣхъ, которые лично заинтересованы въ дѣлахъ, назначенныхъ къ слушанію въ опредѣленномъ засѣданіи; 2) Custos Rotulorum или начальникъ мироваго Архива; 3) мировый секретарь; 4) шерифъ, который собираетъ денежныя уплаты, назначаетъ присяжныхъ, исполняетъ приговоры и проч.; 5) всѣ коронеры; 6) всѣ констэбли и чиновники, уполномоченные въ теченіи предъидущаго времени такъ называемыми warrants; 7) белифы (bailifs) сотенъ и мѣстечекъ; 8) джелеръ или начальникъ тюрьмы (the gaoler) съ заключенными или имѣющими быть заключенными; 9) начальникъ исправительнаго дома съ спискомъ препровожденныхъ къ нему лицъ; 10) присяжные (jurors), приглашенные шерифомъ; 11) всѣ лица, участвующія въ дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію засѣданія, какъ то: истцы, отвѣтчики и свидѣтели.

Въ прежнія времена, когда число мировыхъ судей было еще до-

вольно ограниченно, достаточно было двухъ для составленія sessions; теперь напротивъ въ нихъ засѣдаетъ очень много судей и рѣдко случается, чтобы не присутствовалъ на нихъ даже одинъ изъ находящихся налицо въ графствѣ.

Засѣданіе открывается троекратнымъ объявленіемъ о томъ, что сессіи начались (*); потомъ въ каждое засѣданіе одинъ изъ членовъ по очереди избирается въ предсѣдатели (chairman); далѣе читаются королевскіе патенты и полномочія вновь назначенныхъ новыхъ судей и другіе акты Парламента. За тѣмъ присягаетъ grand jury (обвинительные присяжные); ему передаются надлежащія свѣдѣнія и биллы; лица, которыя должны быть притомъ свидѣтелями, также приводятся къ присягѣ; тутъ же присягаютъ и тѣ, которые вступили въ коронную службу безъ присяги (во время этого дѣйствія всѣ другія дѣла отлагаются въ сторону); ревизуется списокъ всѣхъ лицъ, способныхъ быть присяжными—jurymen; выслушиваются апелляціи, и по исправленіи всѣхъ тѣхъ недостатковъ или упущеній, въ слѣдствіе которыхъ апелляціи эти состоялись, дѣло рѣшается окончательно. Наконецъ разбираются, при содѣйствіи *special jury* (особаго суда присяжныхъ), дѣла о такъ называемыхъ *trespasses*, *misdemeanors* и *assaults* (**), по которымъ на послѣднемъ sessions подсудимые объявили себя невиноватыми и поручились представить свои оправдательныя доказательства въ ближайшее засѣданіе (это представленіе оправдательныхъ доказательствъ означается терминомъ to traverse the indictment); если special jury признаетъ доказательства

(*) Cryer возглашаетъ: oyez (все равно что hear ye), oyez, oyez all manner of persons that have anything to do at the general quarter sessions of the peace for this county, draw near and give your attendance (т. е. «Пожалуйте сюда всѣ, у кого есть какое дѣло въ засѣданіи и прислушайтесь»). Потомъ, обращаясь къ шерифу говоритъ: Sheriff of this county! return the several precepts to you directed and returnable here this day that his majesty's justices may proceed thereon (т. е. «Шерифъ! предъявите всѣ полученныя вами предписанія, которыя должны быть предъявлены здѣсь въ нынѣшній день, дабы судьи его величества могли на основаніи ихъ приступить къ дѣлу»).

(**) Термины эти означаютъ: *1) tresspasses*—нарушенія по праву собственности и владѣнія, напр. когда кто безъ позволенія проходитъ или проѣзжаетъ чрезъ чужую изгороду, порча скота и т. д.; 2) *assaults* и причисляемые сюда *batteries*—всѣ нарушенія личности: тѣлесное поврежденіе, насиліе, дѣйстви-

эти неудовлетворительными, то session назначаетъ денежное вознагражденіе, но большею частію совѣтуетъ обвиненному помириться съ истцомъ полюбовно, и если послѣдній объявитъ, что онъ удовлетворенъ, то обвиненный платитъ только небольшой штрафъ отъ четырехъ пенсовъ до трехъ шиллинговъ 12 пенсъ. Окончивъ свои дѣла, grand jury приступаетъ къ освобожденію тѣхъ лицъ, о которыхъ не вступило на session достаточнаго обвиненія и къ выслушиванію тѣхъ, которыхъ жалобы оказались основательными; отвѣты этихъ послѣднихъ записываются въ реестръ, но дальнѣйшее производство, если дѣло идетъ о болѣе важныхъ проступкахъ (felony), откладывается обыкновенно до ближайшихъ ассизовъ, которымъ предоставляется окончить его; при менѣе важныхъ проступкахъ дальнѣйшее производство отлагается до будущихъ sessions: этимъ дается обвиненнымъ возможность обдумать свое дѣло и пріискать новыя средства защиты; впрочемъ еслибъ самъ подсудимый пожелалъ, чтобы все было поскорѣе кончено, то отсрочки не дѣлается. Послѣднее занятіе sessions заключается въ разсмотрѣніи всякаго рода другихъ дѣлъ, какъ то: назначеніе тюрьмы и исправительнаго дома въ спеціальное вѣдѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мировыхъ судей; дѣла по управленію общественными заведеніями; опредѣленіе тарифа для поставокъ фуража и подводъ войску; дѣла о постройкахъ и ремонтѣ дорогъ и мостовъ; назначеніе и приведеніе къ присягѣ констэблей; раскладка и взиманіе земскихъ сборовъ (county rates) и передача ихъ казначею графства (the treasurer of the county); утвержденіе сборовъ, назначаемыхъ приходами для ихъ собственнаго обихода (parish rates); назначеніе надзирателей въ хлопчатобумажныя фабрики, и т. д.

Что касается до предметовъ внутренняго управленія, то въ sessions констэбли и grand jury имѣютъ право и даже обязанность (какъ и всѣ вообще граждане) представлять о всякой замѣченной ими новой общественной потребности, обо всѣхъ найденныхъ или придуманныхъ ими улучшеніяхъ, и sessions обязаны пересмо-

---

тельныя и символическія обиды (injuriae), причемъ однако обида словесная не признается обидою *(no words can amount to an asssoult)*, исключая тѣхъ случаевъ, когда она направлена противъ должностнаго лица во время исправленія имъ службы; 3) *misdemeanors*—всѣ поступки, признаваемые закономъ за *felony*, однакожъ не относящіеся ни къ *trespasses*, ни къ *assaults*.

трѣть эти представленія ближе и одобрить ихъ или признать незаслуживающими уваженія. Такое указаніе называется *presentment*.

Sessions также мало, какъ и другіе суды обязаны отдавать отчетъ въ основаніи своихъ дѣйствій; они могутъ, пока засѣданія ихъ еще не заключены, отмѣнить приговоръ, прежде ими же самими постановленный, и умѣрить назначенныя въ немъ денежныя пени. Далѣе они могутъ поручить одному изъ среды себя или постороннему лицу изслѣдовать какое либо дѣло и рѣшить его по собственному усмотрѣнію, не представляя объ этомъ самому собранію. Но по закону sessions не въ правѣ входить въ изслѣдованіе такого дѣла, которое не было предварительно разсмотрѣно однимъ мировымъ судьею. Каждый изъ присутствующихъ имѣетъ равный голосъ; рѣшаетъ же большинство. Если по какому либо вопросу число несогласныхъ между собою голосовъ равно, то вопросъ этотъ откладывается до другаго дня, пока число членовъ на session не увеличится и новые голоса не дадутъ перевѣса той или другой сторонѣ. Съ мировыхъ судей не взыскивается за ошибки ихъ во время sessions; они подлежатъ отвѣтственности за тѣ лишь поступки, въ которыхъ ясно выражается злонамѣренность и недобросовѣстность.

Подобно тому, какъ всякій въ правѣ въ sessions подать жалобу на рѣшеніе одного мироваго судьи по всѣмъ подлежащимъ ему дѣламъ, такъ точно по собственно *судебной* дѣятельности можно апеллировать какъ на отдѣльныхъ судей, такъ и на самыя sessions, высшимъ судебнымъ палатамъ (Chancery и Kingsbench); эти послѣднія выдаютъ истцу такъ называемый *writ of certiorari*, т. е. приказъ о доставленіи протокола его дѣла; впрочемъ апеллировать можно не иначе, какъ подъ условіями: 1) чтобы истецъ письменно предупредилъ за 6 дней (previous notice) о своей апелляціи того судью или то собраніе, на которыхъ онъ намѣренъ жаловаться, и 2) чтобы онъ представилъ 50 фунт. ст. обезпеченія въ томъ, что онъ не будетъ вступаться въ дальнѣйшее производство дѣла и въ случаѣ признанія его апелляціи неосновательною сдѣлаетъ полное удовлетвореніе тому судьѣ или собранію, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ неправильномъ рѣшеніи своего дѣла. Судья, получившій такой writ of certiorari, обязанъ немедленно послать требуемый record съ приложеніемъ письменнаго объясненія своихъ дѣйствій

по дѣлу, о которомъ этотъ record состоялся. Также по жалобѣ на мироваго судью, что онъ поступилъ въ чемъ либо несправедливо, Судебная Палата Kingsbench можетъ дать ему приказъ (*mandamus*) немедленно исполнить то, что входитъ въ кругъ его обязанностей и чего онъ, по оказавшимся свѣдѣніямъ, не исполнилъ, или же представить причины такого съ его стороны упущенія. Если это распоряженіе судья оставитъ безъ вниманія, то Kingsbench объявляетъ свой приказъ рѣшительнымъ и требуетъ отъ него въ непродолжительный срокъ полнаго удовлетворенія истцу. Наконецъ на приговоръ, состоявшійся въ sessions, какъ по дѣламъ полицейскимъ, такъ и судебнымъ, можно апеллировать ассизамъ (assizes), но разумѣется только въ такомъ случаѣ, если этотъ приговоръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые признаются окончательными.

Какъ мировый судья обязанъ самъ выслушивать всѣхъ и помогать всякому, такъ точно съ своей стороны всякій гражданинъ обязанъ ему безпрекословно во всемъ повиноваться. Кто не повинуется въ точности его приглашеніямъ (summons) и приказамъ (warrants), тотъ подвергается самымъ тяжкимъ наказаніямъ. На этомъ основаніи мировые судьи имѣютъ право, для исполненія своихъ распоряженій, требовать содѣйствія каждаго жителя, который ближе подъ рукою или котораго они считаютъ способнѣйшимъ помочь имъ. Они имѣютъ также право спрашивать объясненія у каждаго, въ комъ они предполагаютъ знаніе какихъ либо обстоятельствъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу, которое ими производится. Въ отправленіи своей должности мировые судьи пользуются самою сильною защитою и пособіемъ закона. Письменныя объясненія ихъ того или другаго дѣйствія или мѣры принимаются съ полнымъ довѣріемъ и безпрекословно въ высшихъ учрежденіяхъ государства; удостовѣренія ихъ имѣютъ силу и въ тѣхъ случаяхъ, когда не соблюдены ими какія либо формальности; мало того: мировые судьи не отвѣчаютъ передъ королемъ и въ ошибкахъ, если впали въ нихъ неумышленно и не вслѣдствіе корыстныхъ побужденій или пристрастія къ одной изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ партій. Въ такомъ случаѣ они обязаны только вознаградить обиженную сторону. Апеллировать на нихъ можно лишь ассизамъ внутри графства въ теченіи шести мѣсяцевъ; притомъ, если апелляція окажется неосновательной, они получаютъ двойное вознагражденіе

за издержки процесса (7 Jam. c. 3.), но апелляція не принимается, если не соблюденъ законъ о заявленіи ея судьѣ, на котораго приносится жалоба, за четыре недѣли, чтобъ онъ могъ собрать всѣ средства для своего оправданія и для объясненія причинъ, побудившихъ его дѣйствовать такъ, а не иначе.

Власть мироваго судьи, какъ видно изъ предъидущаго, хотя въ извѣстной степени подлежитъ контролю высшихъ инстанцій, тѣмъ не менѣе самостоятельна и довольно обширна. При этомъ нельзя не обратить вниманія на легкій способъ, существующій въ Англіи для опредѣленія мѣры отвѣтственности мировыхъ судей передъ высшими властями.

Мѣра эта должна удовлетворять двумъ условіямъ: 1) чтобы съ одной стороны отвѣтственность мировыхъ судей не слишкомъ препятствовала имъ въ отправленіи ихъ обязанностей, и 2) чтобы, съ другой стороны, она могла служить дѣйствительнымъ побужденіемъ къ исполненію долга службы для лѣнивыхъ и недобросовѣстныхъ. И вотъ англійское законодательство признаетъ такою мѣрою общественное мнѣніе, которое распространяется на всякій поступокъ чиновника и самое незначительное дѣло одного лица обращаетъ въ дѣло всѣхъ гражданъ. Дѣйствительно, вліяніе общественнаго мнѣнія въ Англіи сильнѣе всякаго контроля, всякой цензуры, всякой централизаціи. Но для мировыхъ судей, которыхъ кругъ дѣйствія такъ великъ, что ставитъ ихъ въ безпрестанное столкновеніе съ самой разнородной публикой, общественное мнѣніе имѣетъ особенную важность. Доброе имя, репутація способнаго и полезнаго чиновника, составляетъ, правда, эгоистическую, но тѣмъ не менѣе высокую по своему значенію цѣль ихъ дѣятельности; въ особенности заботятся объ этомъ люди съ спеціальною наклонностью къ административной карьерѣ, потому что извѣстность хорошаго судьи доставляетъ ему множество голосовъ при выборѣ въ члены Парламента (County Member), самъ ли онъ добивается такого мѣста или ходатайствуетъ за другаго. Всѣ почти члены Парламента были прежде мировыми судьями и многіе изъ нихъ, получивъ это званіе, продолжаютъ отправлять и прежнюю должность. Но общественное мнѣніе доставляетъ здѣсь и другую пользу: какъ участники высшаго государственнаго учрежденія мировые судьи приносятъ огромную пользу, потому что имъ практически извѣстны текущія дѣла, а зна-

ніе страны, въ которой они дѣйствовали нѣсколько лѣтъ сряду, даетъ имъ самое важное значеніе въ особенныхъ комитетахъ (special committees), назначаемыхъ Парламентомъ изъ среды себя для рѣшенія различныхъ спеціальныхъ или мѣстныхъ вопросовъ. Финке идетъ еще далѣе: онъ положительно говоритъ, что тотъ, кто былъ хорошимъ мировымъ судьею, способенъ ко всѣмъ высшимъ должностямъ и званіямъ въ государствѣ. Въ примѣръ приводитъ онъ графа Спенсера (Spencer), который, бывъ долгое время justice of the peace, впослѣдствіи, поставленный въ главѣ Адмиралтейства, управлялъ этою частью съ необыкновеннымъ успѣхомъ и славою въ продолженіи всей первой французской войны.

Н. ИВАНОВЪ.

О ЧЕСТИ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ТРУДУ.*

I.

Понятіе *чести* имѣетъ такое же разнообразное значеніе, какъ и понятіе *труда*; постараемся точнѣе опредѣлить эти понятія, чтобы соединить съ ними рядъ историческихъ и нравоописательныхъ изысканій, относящихся къ хозяйственному быту простаго народа.

Мы обладаемъ *честью*, если сознаемъ себя личностью нравственной; мы дѣйствуемъ *честно*, если всѣ дѣйствія свои подчиняемъ суду того нравственнаго идеала, который живетъ въ насъ самихъ. Но честь, имѣя одну цѣль съ религіозностію и нравственностію, руководствуется иными побужденіями. Нравственность религіознаго человѣка основана на любви къ Богу; честный же человѣкъ дѣйствуетъ нравственно по собственному влеченію, а иногда, какъ мы увидимъ далѣе, даже изъ боязни подвергнуться осужденію. Отсюда слѣдуетъ, что честь, утверждаясь на самопознаніи, есть свѣтская добродѣтель, которая не предписывается непосредственно церковными уставами. Тѣмъ не менѣе идея чести возвысилась и укоренилась подъ вліяніемъ Христіанства, потому что самопознаніе усиливается по мѣрѣ познанія Бога. Сознаніе пребывающаго въ насъ божественнаго первообраза нашей нравственной природы, т. е. самое испытаніе себя въ чести, ведетъ къ Богопознанію.

Но недостаточно имѣть личное сознаніе чести и дѣйствовать съ

(*) Хотя настоящее изслѣдованіе экономиста *Рима*, пользующагося столь почетною извѣстностію въ ученомъ мірѣ, относится, за исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ воззрѣній (имѣющихъ свою цѣнность и для юристовъ), къ нѣмецкой народности, но въ немъ такъ глубоко и живо схвачены нѣкоторыя характеристическія черты этой послѣдней, что оно не только читается съ удовольствіемъ, но возбуждаетъ мысль о томъ, какую интересную и вмѣстѣ съ тѣмъ полезную для изученія нашей народности статью можно было бы составить въ pendant къ этому изслѣдованію о чести труда на основаніи русскихъ пѣсенъ, сказокъ и пословицъ. *Редакторъ.*

насъ честными въ томъ и другомъ отношеніи. Такое признаніе нашей чести есть ничто иное какъ признаніе права нашей личности, на которомъ зиждутся всѣ общественныя отношенія. Этимъ не ограничиваются однако наши требованія: мы хотимъ, чтобъ уваженіе, которымъ мы пользуемся лично, распространялось на самыя дѣйствія наши и преимущественно на ту дѣятельность, которою обусловливается наше общественное положеніе. Въ этомъ-то смыслѣ говоримъ мы о чести въ примѣненіи къ нашему *званію и труду*. Другими словами: мы хотимъ, чтобы въ трудѣ нашемъ уважали *насъ самихъ*, ибо трудъ самъ въ себѣ не вмѣщаетъ понятія чести.

Впрочемъ и эта потребность въ признаніи чести отличается очень ясно отъ религіозной нравственности. Молитва и добрыя дѣла не должны выставляться напоказъ; честь наша напротивъ того должна быть извѣстна міру. О достоинствѣ труда въ религіозномъ отношеніи, имѣющемъ въ виду только человѣка, говорится много въ Библіи; но понятіе о чести труда явилось въ новѣйшее время и осуществляется вполнѣ лишь въ гражданскомъ обществѣ, стоящемъ на высокой степени развитія.

Мы однако не только *желаемъ* внѣшняго признанія нашей чести, а *обусловливаемъ* полное понятіе о ней этимъ признаніемъ. Человѣкъ, сознающій самъ по себѣ, что честь его ничѣмъ не запятнана, считаетъ себя смертельно оскорбленнымъ въ отношеніи къ этой самой чести какъ скоро видитъ, что другіе отрицаютъ ее. Вотъ почему честь есть не только сознаніе своей нравственной личности, не только внѣшнее проявленіе этого сознанія въ надлежащихъ дѣйствіяхъ, но также признаніе того и другаго обществомъ. Нравственному сознанію соотвѣтствуетъ право на честь со стороны другихъ; такъ точно и народъ, дошедшій до сознанія о нравственномъ значеніи своего труда, имѣетъ право на признаніе этого труда честнымъ.

Въ различныя эпохи тотъ или другой моментъ развитія чести проявляется болѣе или менѣе явственно и нерѣдко получаетъ односторонній перевѣсъ. Такъ напр., согласно общему мнѣнію, въ средніе вѣка идея чести была особенно сильно развита, не смотря на то, что эта эпоха относительно личнаго и нравственнаго самосознанія и вытекающихъ отсюда свободныхъ дѣйствій стояла несрав-

ненно ниже послѣдующихъ столѣтій. Со всѣмъ тѣмъ *признаніе* чести со стороны другихъ было такою настоятельною потребностію въ высшихъ классахъ, и требованіе это было столь тщательно и замысловато обставлено разными формальностями, что въ самомъ дѣлѣ выработавшееся такимъ образомъ *внѣшнее право чести* нельзя не признать характеристическою чертою среднихъ вѣковъ. Но право это имѣло чрезвычайно тѣсные предѣлы, потому что понятіе о нравственныхъ и честныхъ дѣйствіяхъ было въ высшей степени ограниченное.

Пока образованіе стоитъ еще на сравнительно низкой степени развитія, честь полагается во внѣшнемъ признаніи нашей нравственной личности, а внутренняя честность соразмѣряется болѣе съ энергіей, съ которой человѣкъ утверждаетъ за собою и отстаиваетъ это внѣшнее право на честь, съ личнымъ его мужествомъ, чѣмъ съ совокупностію его нравственныхъ свойствъ. Таково было и въ новѣйшее время во многихъ случаяхъ воззрѣніе пролетаріата. Онъ требовалъ за самую низкую работу одинаковаго вознагражденія, какъ и за произведеніе высшаго творчества. Между тѣмъ «честь труда» есть только признаніе нравственной дѣятельности, силою которой этотъ трудъ произведенъ. Въ такомъ лишь смыслѣ новѣйшее время, въ противуположность среднимъ вѣкамъ, и воздаетъ должную честь всякому труду. Тотъ же, кто смѣшиваетъ плату и возмездіе съ этою чисто-нравственною оцѣнкою своей дѣятельности, уже самъ унижаетъ своимъ воззрѣніемъ настоящую честь труда.

Въ обществѣ болѣе развитомъ личная энергія, съ какою человѣкъ возстаетъ противъ всякаго внѣшняго оскорбленія его достоинства, уже считается недостаточною: здѣсь праву на признаніе чести противуполагается *обязанность* проявлять ее *совокупностію* нашихъ *нравственныхъ силъ*. Такимъ образомъ понятіе о чести становится глубже: разсматривая ее какъ долгъ съ нашей стороны поступать нравственно ради нашего собственнаго человѣческаго достоинства, мы чрезъ то самое требуемъ самосознательно и внѣшняго ея признанія.

Но высшею ступенью осуществленія чести слѣдуетъ считать не только сознаніе нашего личнаго достоинства, какъ долга, но и *признаніе* ея выраженіемъ нашей личности во всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ и принятіе ея въ этомъ же значеніи всѣми другими, иначе

пониманіе чести какъ основы общежитія, соотвѣтствующаго человѣческому достоинству.

Въ порядкѣ историческомъ проявляется обыкновенно прежде всего притязаніе на честь; за тѣмъ сознается честь какъ долгъ личнаго достоинства независимо отъ всякихъ внѣшнихъ преимуществъ; наконецъ утверждается убѣжденіе, что она должна составлять основу всякаго нравственнаго дѣйствія какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и въ общежитіи.

Само собою разумѣется, что всѣ эти моменты должны имѣть между собою связь по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, какъ и въ самомъ дѣлѣ они присущи чувству чести даже самаго грубаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, смотря по степени развитія и образованія, то тотъ, то другой моментъ проявляется ярче и сознательнѣе и тѣмъ самымъ опредѣлительнѣе уясняется характеръ идеи чести въ данное время.

Изъ вышесказаннаго видно, что какъ собственную честь, такъ и честь другихъ мы измѣряемъ субъективно. Причина та, что положительная твердая основа чести, первообразъ нашего чистаго человѣческаго достоинства, какъ скоро онъ примѣняется къ отдѣльнымъ личностямъ, представляется каждому яснѣе или смутнѣе смотря по степени самосознанія и нравственнаго состоянія. Поэтому хотя мы и требуемъ отъ каждаго, чтобы онъ былъ вполнѣ честнымъ, однако допускаемъ и болѣе грубое и болѣе тонкое, и болѣе обширное, и болѣе узкое пониманіе чести, судя по индивидуальному развитію человѣка.

Всѣ эти общія положенія имѣютъ полное примѣненіе при разсмотрѣніи «чести труда»; можно сказать болѣе: она сдѣлается для насъ ясною не иначе, какъ если мы усвоимъ себѣ предварительно означенныя положенія.

Очевидно, что я принимаю здѣсь понятіе «труда» въ тѣсномъ его смыслѣ, ибо это выраженіе такъ неопредѣленно, что соотвѣтствуетъ множеству самыхъ разнородныхъ понятій. Говорятъ: «трудъ есть добровольное проявленіе силы, имѣющее достигнуть извѣстнаго результата». Но въ такомъ опредѣленіи заключается не одинъ только человѣческій трудъ, но также трудъ безсловесныхъ животныхъ. Ясно, что говоря о «чести труда», мы не такой трудъ имѣемъ въ виду. Слово «честь» заставляетъ насъ подразумѣвать въ этой

свободно-проявляющейся силѣ трудъ, основанный на нравственныхъ побужденіяхъ и направленный къ нравственной цѣли. Если мы примемъ трудъ въ этомъ тѣсномъ значеніи, то онъ будетъ соотвѣтствовать труду извѣстнаго званія въ самомъ обширномъ смыслѣ. Тотъ и другой смыслъ труда равно оправдывается употребленіемъ этого слова въ обиходной рѣчи. Труду противополагаютъ игру, какъ проявленіе силы, не имѣющее нравственной цѣли. Кто не трудится, тотъ не имѣетъ права на насущный хлѣбъ. Употребленіе пищи есть также свободное проявленіе силъ съ опредѣленною цѣлью; только цѣль эта не можетъ назваться нравственною. Воровство и обманъ также не носятъ названія труда: это трудъ отрицательный, нерѣдко имѣющій всѣ признаки труда, но тѣмъ не менѣе рѣзко отъ него отличающійся какъ цѣлью, такъ и побужденіемъ, которые здѣсь напротивъ того безнравственны. Съ идеей всякаго труда въ обиходной рѣчи соединяется понятіе о *прилежаніи*; но никогда не назовемъ мы прилежнымъ человѣка, который играетъ, воруетъ или ѣстъ до поту лица. Дѣло въ томъ, что прилежаніемъ въ тѣсномъ смыслѣ называется то проявленіе нравственныхъ и физическихъ силъ, которое напрягается и слабѣетъ вмѣстѣ съ преградами, противопоставляемыми природой свободной дѣятельности человѣка; почему хотя и предполагается, что борьба противъ физической лѣни уже сама по себѣ нравственна, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуется, чтобы и цѣль этой борьбы была также нравственная. Отсюда слѣдовало бы заключить, что прилежанія безчестнаго, какъ и труда безчестнаго, вовсе не существуетъ, и что такъ часто употребляемое выраженіе «честный трудъ» есть тожденословіе. Но обиходное употребленіе словъ не такъ опредѣлительно, напротивъ того существительныя: «прилежаніе» и «трудъ» принимаются имъ то въ тѣсномъ, то въ обширномъ, то въ буквальномъ, то въ отвлеченномъ смыслѣ. Даже, именно самыя обыкновенныя слова выражаютъ самыя разнообразныя понятія. Это происходитъ оттого, что они вошли въ общее употребленіе для удовлетворенія множеству потребностей прежде, чѣмъ наука успѣла дать имъ опредѣленный смыслъ. Новые термины напротивъ имѣютъ точное и неизмѣнное значеніе; поэтому и пользуются ими охотно ученые, не смотря на то, что они бываютъ иногда такъ страшны и неблагозвучны.

И такъ подъ словомъ: «трудъ» я разумѣю свободное проявленіе силы, которое, какъ нравственное дѣйствіе, предпринимается для опредѣленной нравственной цѣли. Онъ долженъ быть признаваемъ за такое нравственное дѣйствіе и другими, долженъ быть цѣнимъ какъ результатъ, полезный для общества, и наконецъ мы сами должны сознавать нравственное достоинство нашего труда. Эти три момента (чтобы извѣстное дѣйствіе было нравственно само по себѣ, чтобы оно признавалось нравственнымъ самимъ дѣятелемъ и чтобы такимъ же почитали его другіе) и составляютъ *честь труда*.

II.

Въ средніе вѣка уваженіе къ труду основывалось на уваженіи къ званію; личная честь и слѣдовательно честь личнаго труда обусловливалась честью *цеховой*, тогда какъ мы, наоборотъ, основываемъ честь цеховаго общества на нравственномъ достоинствѣ индивидуальнаго труда. Поэтому изслѣдованіе о прежнемъ значеніи чести труда, какъ чести сословной, составляетъ задачу юриста, между тѣмъ какъ новѣйшее понятіе о ней есть скорѣе матеріалъ для экономиста, занимающагося притомъ нравственной философіей и изученіемъ народнаго быта.

Древнія сословія пользовались правами не въ равной степени, но на общественныхъ правахъ этихъ основывалась личная честь каждаго отдѣльнаго члена сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ честь самаго званія, тѣсно-связанная съ сословнымъ интересомъ. Трудъ мѣщанина и крестьянина, хотя почтенный самъ по себѣ, считался унизительнымъ для рыцаря. Значеніе ремесла возвысилось, когда оно перешло изъ рукъ несвободныхъ въ свободныя, т. е. когда ремеслами стали заниматься граждане, пользовавшіеся бо́льшими правами. Но эти послѣдніе въ свою очередь старались придать чести своего ремесла значеніе чести цеховой. Пѣсни, обычаи и празднества того и другаго цеха имѣли цѣлью не столько почтить трудъ вообще, какъ права́ отдѣльныхъ корпорацій. Въ эпоху упадка эта честь, такъ исключительно и тѣсно связанная съ цехомъ, могла даже служить предлогомъ къ бездѣйствію и слѣдовательно не

была вовсе тождественна съ честью труда. Незаконнорожденные, наприм., не могли, по причинамъ чисто внѣшнимъ, доставить уваженіе своему труду, хотя бы сами сознавали всю его важность и необходимость. Такимъ образомъ, принимая честь труда въ смыслѣ чести званія или сословія, средневѣковой языкъ очевидно допускалъ понятіе о трудѣ безчестномъ и потому, говоря о «трудѣ» и «чести», вовсе не признавалъ эти слова тождественными.

Изъ всего сказаннаго ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о внѣшнемъ юридически-формулированномъ признаніи чести труда. Не объективная оцѣнка того или другаго занятія, смотря по его внутреннему нравственному значенію, рѣшала вопросъ о томъ на сколько оно достойно уваженія, а преданія, основанныя на обычаяхъ и юридическихъ понятіяхъ.

Но чѣмъ больше, съ теченіемъ времени, развивался и процвѣталъ въ народѣ трудъ, чѣмъ чаще одно сословіе ослабляло исключительное вліяніе другаго на развитіе образованія, тѣмъ общѣе становилось понятіе о чести труда. Въ этомъ смыслѣ дворянство, духовенство и мѣщанство господствовали каждое въ свою очередь и наконецъ даже «столь гонимое сословіе поселянъ» возъимѣло мысль, что оно «лучшее сословіе въ государствѣ». Мало по малу смутное сознаніе перешло въ убѣжденіе, что трудъ долженъ цѣниться не по праву привилегіи, а по внутреннему содержанію обнаруженной въ немъ силы и по цѣли, имъ предполагаемой. Такое сознаніе не только сдѣлало трудъ свободнымъ и производительнымъ, но и разрушило неравенство, существовавшее въ юридическомъ отношеніи между средневѣковыми сословіями. Въ эпоху Реформаціи возникаетъ нынѣшнее понятіе о чести и въ тоже время начинается распаденіе средневѣковыхъ сословныхъ отношеній.

Конечно въ жизни не бываетъ такого рѣзкаго разграниченія понятій, какое дѣлается въ теоріи. Учрежденія, уже давно оказавшіяся несостоятельными; воззрѣнія, коренившіяся на основаніяхъ, давно утратившихъ свое значеніе, еще въ теченіи цѣлыхъ столѣтій отражаются въ убѣжденіяхъ массы. Міръ нравственный также имѣетъ свои древнія народныя преданія, свои закоренѣлые предразсудки. Иной крестьянинъ считалъ бы себя униженнымъ, если бы сынъ его захотѣлъ сдѣлаться портнымъ. Даже образованному человѣку трудно примириться съ мыслію, что наприм. живодёръ

занимается честнымъ ремесломъ: о палачѣ я уже не говорю. Есть много занятій, считавшихся въ прежнія времена мѣщанскими, которыхъ не чуждается теперь дворянство; но много есть и такихъ, которыя еще и теперь слывутъ недворянскими, хотя въ сущности они столько же достойны уваженія. Баронъ протестантъ не желалъ бы видѣть сына своего приходскимъ священникомъ; напротивъ баронъ католикъ отъ этого не прочь, за то званіе врача или профессора кажется ему несовмѣстнымъ съ его дворянскимъ достоинствомъ; съ другой стороны на званіе судьи и чиновника онъ смотритъ гораздо благосклоннѣе. Все это еще отголоски стараго времени, которое тѣсно связывало честь труда съ честью сословія.

Безъ сомнѣнія, и въ наше время говоря о чести труда, не думаютъ, чтобы всякій трудъ могъ имѣть *совершенно одинаковое значеніе* въ этомъ отношеніи. Мы весьма основательно различаемъ трудъ высшій отъ низшаго, смотря по тому, сколько нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ заключаетъ онъ въ себѣ и какого достигаетъ онъ результата, а вслѣдствіе этого высшему труду, въ отношеніи къ чести, отдаемъ преимущество передъ низшимъ. Но это различіе выводимъ мы изъ самаго понятія о трудѣ, а не основываясь на чемъ либо внѣшнемъ, какъ напр. на сословной чести, которою опредѣлялось значеніе труда въ средніе вѣка. Такое сужденіе о высшихъ и низшихъ ступеняхъ чести и труда нисколько не противорѣчитъ предпосланнымъ выше положеніямъ о той и другомъ, ибо, какъ мы увидимъ далѣе, нравственная цѣль труда соединена нераздѣльно съ результатомъ, который имъ достигается. И такъ вотъ къ какому опредѣленію мы приходимъ въ противопоножность нашимъ предкамъ:

«*Всякій трудъ долженъ быть признаваемъ честнымъ, но не всякому труду принадлежитъ равная честь; измѣряется же честь труда самою сущностью этого послѣдняго*».

Еще можно говорить о неравенствѣ браковъ, хотя бы при заключеніи ихъ уже вовсе не требовалось равенства происхожденія. Такъ точно о человѣкѣ, который, принадлежа къ высшему кругу по своему званію, взялся бы за какое либо низкое ремесло, мы сказали бы, что онъ перешелъ за должныя границы уваженія къ труду вообще, и это не по внѣшнимъ основаніямъ, заключающимся въ сословной чести, но имѣя въ виду самую сущность труда и

его отношеніе ко всему объему нашей личности въ составѣ общества.

Въ послѣднее революціонное движеніе, когда ни въ чемъ не знали мѣры, люди, стоявшіе въ главѣ толковъ о пролетаріатѣ, нерѣдко указывали на «святость» всякаго труда, что̀ другими словами значило лишь то, что во всякомъ трудѣ должна быть уважаема нравственная его сторона, т. е. «честь» его. Но съ этимъ понятіемъ соединяли они часто другое, лишенное даже здраваго смысла, именно, что всякій трудъ въ равной степени достоинъ уваженія и что поэтому всякій производитель въ правѣ требовать себѣ равнаго почета и вознагражденія. Но такъ какъ трудъ имѣетъ значеніе нравственное лишь какъ дѣйствіе извѣстной личности и въ этомъ только смыслѣ принадлежитъ ему право на всеобщее уваженіе, то уже по одному нравственному неравенству между дѣятелями нельзя допустить такого полнаго безразличія чести.

Взглядъ новѣйшаго времени на честь и трудъ несравненно шире и глубже средневѣковаго. Вслѣдствіе этого понятіе о чести получило много оттѣнковъ, а понятіе о трудѣ много подраздѣленій. Тѣмъ не менѣе мы утратили возможность опредѣлять въ данныхъ случаяхъ честь труда такъ рѣзко, какъ обозначали ее въ средніе вѣка, ибо такое опредѣленіе должны основывать не на юридическихъ данныхъ, а на соображеніяхъ экономическихъ, общественныхъ и нравственныхъ, гораздо болѣе общихъ и шаткихъ.

Мы обязаны уважать не одинъ только собственный трудъ, но и трудъ всѣхъ другихъ, смотря по занятію каждаго. Но для этого необходима достаточная степень не только нравственнаго сужденія, но и знаніе хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній. Дѣйствительно, каждый изъ насъ все еще, болѣе или менѣе, связываетъ понятіе о чести съ своимъ общественнымъ положеніемъ. И такъ *самосознаніе народа*, высшая практическая цѣль всякой науки о народѣ, есть основное условіе для конечнаго признанія «чести труда». Въ слѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія мы постараемся обозначить въ отдѣльныхъ чертахъ, какія разнообразныя и наивныя формы принимаетъ подъ часъ стремленіе народа къ такому самосознанію и потому какъ иногда странно и неудовлетворительно опредѣляется имъ честь труда.

III.

Легко подмѣтить народныя воззрѣнія на жизнь; напротивъ трудно облечь ихъ въ опредѣленную форму. Вообще всѣ особенности въ настоящемъ случаѣ можно лишь олицетворить въ извѣстномъ образѣ, но не заключить въ опредѣленіе. За то самъ народъ помогаетъ намъ въ дѣлѣ, которое иначе было бы безплоднымъ: своими пословицами, пѣснями, былинами и обычаями высказываетъ онъ многія свои затаенныя думы.

Какъ ни странною можетъ казаться мысль—искать понятіе народа о трудѣ, предметѣ экономическомъ, въ пѣсняхъ и былинахъ, нельзя однако отрицать, что въ нихъ встрѣчаются пригодные для этого матеріалы. Очень часто въ народной жизни и другихъ предметахъ открываетъ новое тотъ, кто приводитъ въ взаимную связь дѣла минувшихъ лѣтъ подъ вліяніемъ новаго воззрѣнія. Вотъ почему и экономисту не мѣшаетъ задать себѣ вопросъ: что̀ поется и говорится въ народѣ о трудѣ?

Надо сознаться, что нѣмецкій народъ не прославляетъ трудъ особенными гимнами. Въ *истыхъ* народныхъ пѣсняхъ стараго и новаго времени не скоро попадешь на какую либо похвалу прилежанію, порядку и воздержной жизни; напротивъ какъ разъ подвернется подъ руку веселая, забубенная или шутливая пѣснь, въ которой превозносится блаженство нищаго, тунеядца и бобыля, такъ что кабинетный моралистъ, который ничего не смыслитъ въ народной жизни и поэзіи, услышавъ въ первый разъ неподдѣльныя, грубыя пѣсни простолюдина (разумѣется не тѣ, которыя встрѣчаются въ вычищенныхъ и роскошныхъ изданіяхъ) безъ сомнѣнія подумаетъ, что Нѣмцы самый безпутный и лѣнивый народъ.

Вотъ старинная народная пѣснь, которую поетъ хвастливый мотыга:

Hätt ich das Kaiſerthum,
Dazu den Zoll am Rhein
Und wär' Venedig mein,
So wär'es all's verloren:
Es müßt verſchlemmet ſeyn!

(Хотя бы владѣлъ я всей Имперіей, да и пошлина, что̀ сбирается

на Рейнѣ, была бы моя, а къ тому бы придали мнѣ и Венецію, то все это не послужило бы мнѣ въ прокъ: я все бы спустилъ.)

И въ безконечныхъ варіаціяхъ повторяется таже тема, пока наконецъ попадется пѣснь, въ которой народъ высказываетъ серьезно или шутливо свою мысль о бѣдѣ, къ которой приводитъ мотовство, какъ напр. слѣдующая:

Wer lützel b'halt und viel verthut,
Der darf nit stohn in Sorgen,
Daß man zuletzt vergant sein Gut,
Kein Jud thut ihm drauf borgen!

(Кто безпутно моталъ, тотъ не ропщи, какъ напослѣдокъ придется разставаться со всѣмъ добромъ: этимъ никакого жида не разжалобишь и въ займы онъ не дастъ.)

Въ самыхъ древнихъ застольныхъ пѣсняхъ о трудѣ говорится часто съ презрѣніемъ; пьянство прославляется какъ лучшее занятіе, и винный погребъ сравнивается съ рудникомъ, изъ котораго льется растопленное золото, а шумная попойка съ благороднымъ турниромъ, на которомъ честь побѣды остается за тѣмъ, кто больше выпилъ. И именно эти-то пѣсни дышатъ неподдѣльной народной поэзіей: онѣ текучи и игривы какъ доброе вино, между тѣмъ какъ немногія нравственныя вирши, воспѣвающія трудъ и воздержную жизнь, останавливаются въ горлѣ, какъ кусокъ черстваго хлѣба.

Въ тѣхъ пѣсняхъ, въ которыхъ упоминается о трудѣ, народъ гораздо охотнѣе прославляетъ легкую работу и отдыхъ, чѣмъ тяжелую страду.

Ich thät'auch gern schneiden in der Ernt';
Wenn nur das Teufels'nab-Bücken nit wär;
Das Teufels'nab-Bücken
Verrenkt mir mein Rücken, etc.

(Я бы радъ былъ жать, еслибы не нужно было нагибаться, а какъ придется нагибаться, такъ спинушка больно болитъ.)

Въ шутливой лѣни народъ видитъ, кажется, гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ серьезномъ трудѣ. Въ старинной пѣсни объ одной лѣнивой хозяйкѣ говорится, что она не прядетъ, потому что у ней нѣтъ платья, а какъ мужъ приноситъ ей платье, то тутъ-то она и не прядетъ, потому что ей есть во что одѣться.

Я прочелъ множество народныхъ пѣсенъ *духовнаго содержанія*

чтобы убѣдиться, не найдется ли въ нихъ что либо о трудѣ съ точки зрѣнія нравственной борьбы въ паралель съ борьбою духовной, какъ этого слѣдовало бы ожидать отъ трудолюбивыхъ Нѣмцевъ. Однако и здѣсь опять восхваляется отдыхъ да покой.

Der Frühling, der bringt Gottes Segen dazu,
Ein jeglicher Bauer muß haben seine Ruh,
Muß haben seine Ruh, muß haben seine Ruh,
Gott Vater im Himmel ruht selber dazu.

(Вотъ весна, а съ нею Божья благодать; теперь каждому крестьянину нуженъ покой, нуженъ покой, нуженъ покой: и самъ Отецъ Небесный теперь отдыхаетъ.)

Такъ гласитъ одна мюнстерская (въ Вестфаліи) пѣсня. Убѣжденіе, что крестьянину нуженъ покой и что этотъ покой нуженъ ему трижды, а хлѣбъ выростаетъ или пропадаетъ по Божьей волѣ, встрѣчается въ очень многихъ крестьянскихъ пѣсняхъ. Можетъ быть такое убѣжденіе перешло въ народныя пѣсни отчасти подъ вліяніемъ молитвъ благодарственныхъ и относящихся къ жатвѣ, въ которыхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не столько упоминается о чести труда, сколько о благословеніи и благодати, ниспосылаемыхъ свыше въ награду за трудъ.

Если въ нѣмецкихъ пѣсняхъ мало воздается чести труду, то уже почти вовсе не упоминается въ нихъ о собственности или богатствѣ. За то преисполнены онѣ превосходными юмористическими и сентиментальными строфами въ честь бѣдности. Сколько ума и игривости потрачено народомъ на утѣшеніе и пропическія похвалы неимущимъ. Самодовольно воспѣваетъ онъ напр. домъ, который раскрытъ сверху и пустъ внутри; задняя половина его отдана жиду, а передняя въ залогѣ; нѣтъ въ немъ ни одной скотинки—есть только блохи да вши; даже крысъ и мышей уже давно выжилъ голодъ. Или, вотъ свадьба голяка, на которой пируютъ бѣдность и нужда; горемычная—имя невѣсты, злосчастнымъ—зовется женихъ; лучшее блюдо—вареный картофель, приправленный, за недостаткомъ масла, пустымъ мѣстомъ.

Нищіе восхваляютъ свою долю не хуже любаго цеха:

Betteln'd han's gut,
Ei das glaub ich!
Sie brauchen kein'Karr'n zu schmieren,

Sie brauchen kein'Garben zu führen.
Bettelleut'han's gut!

(Хорошо нищимъ на свѣтѣ! Право, хорошо. Имъ не нужно мазать телѣги; не нужно возить сноповъ. Хорошо нищимъ на свѣтѣ!)

На тотъ же ладъ поютъ и капуцины:

Es ist nichts schöners auf der Welt
Als das Kapuzinerleben;
Wir brauchen nicht viel Schuh',
Haben allzeit Ruh',
Mit dem Bittel-Bettelsack
Betteln wir den ganzen Tag.

(Не жизнь, а раздолье быть капуцином; не нужно намъ башмаковъ; проводимъ мы время въ вѣчномъ покоѣ,—цѣлый день ходимъ за подаяньемъ съ сумой).

Нищіе, пастухи и капуцины приводятъ насъ къ пѣснямъ ремесленниковъ, изъ коихъ многія относятся къ незапамятной древности. Но и въ нихъ восхваляется скорѣе честь сословія, нежели честь труда, а подъ часъ онѣ трунятъ надъ самымъ трудомъ. Одно ремесло смѣется надъ другимъ, ибо если пѣсня не можетъ быть сентиментальною, то она впадаетъ въ сатиру и юморъ: очень рѣдко преобладаетъ въ ней покойное размышленіе. Такъ напр. пахарь обвиняетъ мельника въ томъ, что онъ воруетъ хлѣбъ: изъ трехъ мѣшковъ зерна у него выходятъ только два мѣшка муки, а третій полагается на распылку; у мельниковъ самыя жирныя свиньи, откормленныя хлѣбомъ, который привозятся на помолъ, оттого во всемъ небесномъ царствѣ нѣтъ ни одного мельника. За то и мельникъ ѣдко подсмѣивается надъ криводушнымъ мужикомъ. Извѣстно также какъ жутко приходится въ пѣсни ткачамъ: не о трудѣ ихъ идетъ въ ней рѣчь, а объ ихъ горемычной судьбинѣ: они мокаютъ хлѣбъ въ воду, и воображаютъ что это молочный супъ, а мальчика въ ученье берутъ не иначе, какъ испытавъ, можетъ ли онъ проголодать шесть недѣль сряду. Безчисленное множество пѣсень, въ которыхъ осмѣиваются портные. Достается также пастухамъ: они воруютъ овецъ у своихъ хозяевъ и сваливаютъ бѣду на волковъ.

Въ самыхъ разнородныхъ напѣвахъ повторяется какъ одной дѣвицѣ, искавшей себѣ жениха, представляются отдѣльныя сословія и званія, но всѣ они опорочены, и лишь одному нищему воздается

*

честь. Рудокопы въ своихъ пѣсняхъ не думаютъ какъ Новалисъ, что они «властители земли», а сознаются, что любятъ смуглыхъ дѣвушекъ, крѣпкое пиво, темный табакъ и черный кофе, и хотя достаютъ золото изъ земли, а все таки не платятъ денегъ трактирщику. Въ свою очередь студенты воспѣваютъ не науку, а кутежъ; а въ типографіяхъ работники восхваляютъ свое ремесло за то, что имъ приходится ежеминутно смачивать: то бумагу водой, то горло виномъ, безъ чего и дѣло не въ дѣло.

Несравненно чаще, чѣмъ народная пѣсня, взываетъ къ труду сама по себѣ болѣе поучительная пословица. Но и здѣсь въ пословицахъ болѣе древнихъ гораздо рѣже упоминается о трудѣ, чѣмъ въ новыхъ, перешедшихъ изъ школъ въ народную рѣчь. Въ этомъ отношеніи XVIII-е столѣтіе произвело множество поучительныхъ поговорокъ, въ коихъ сжато воздается хвала труду, но эти поговорки уступаютъ много въ свѣжести и силѣ истымъ стариннымъ пословицамъ. Тѣмъ не менѣе обстоятельство, что народъ принялъ и благодарно сохраняетъ въ своихъ устахъ эти сухія изреченія мудрости и даже во многихъ случаяхъ забылъ изъ за нихъ юмористическія пословицы стараго времени, служитъ доказательствомъ сознательнаго уваженія его къ труду.

То, что мы сказали о пѣсняхъ и пословицахъ, относится также къ народнымъ обычаямъ и легендамъ. Встрѣчаются, правда, старинныя преданія, которыя наглядно проводятъ мысль, что лѣнь заслуживаетъ проклятіе, а трудъ благословеніе, но по числу своему и значенію легенды эти ничтожны въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ историческихъ и сказочныхъ преданій, юмористическихъ и поучительныхъ, въ которыхъ ясно и мощно отразились другія стороны народнаго духа.

Трудолюбіе и неизмѣнная сила дѣятельности доставили Германцамъ міровую славу. Вступленіе ихъ на поприще всеобщей исторіи составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпоху въ исторіи труда. Хозяйственныя занятія получили твердую основу и полнѣйшее развитіе у Нѣмцевъ, Голландцевъ и Англичанъ, народовъ германскаго происхожденія. Начиная съ среднихъ вѣковъ средоточіе умственной дѣятельности переносится постепенно съ римской южной почвы на сѣверъ Германіи. Даже самое трудолюбіе романскихъ народовъ смѣшаннаго происхожденія объясняется преимущественно вліяніемъ

германскаго элемента. Оно ослабѣваетъ, какъ наприм. у южныхъ Итальянцевъ и Испанцевъ, по мѣрѣ того, какъ они удаляются, по мѣсту жительства и національности, отъ Германцевъ. Въ свою очередь славянскій сѣверъ обращается въ разное время къ Нѣмцамъ, поучаясь у нихъ основательности труда, а въ Новомъ Свѣтѣ, тамъ гдѣ часто романскія племена переносили черезъ море начало разрушенія, Германцы водворяли трудъ. Въ этой врожденной имъ дѣятельности заключается одна изъ тайныхъ причинъ, благодаря которымъ ихъ народность остается вѣчно свѣжею и мощною. Такимъ образомъ честь труда составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ честь германской народности.

Если это такъ, то не удивительно-ли, что сами Нѣмцы такъ мало воздаютъ чести труду въ своихъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

Объяснить такое противорѣчіе не легко: для этого слѣдуетъ обратиться къ историческому разъясненію понятія о «чести труда».

Намъ скажутъ, можетъ быть, что трудъ самъ по себѣ, какъ нѣчто абстрактное, хотя и представляетъ обильную жатву для моралиста, но дастъ лишь скудный матеріалъ поэту. Однако и лѣнь, восхваляемая такъ часто и съ такимъ сочувствіемъ народною пѣснію, есть также понятіе абстрактное, равно какъ и кутежъ, свобода и наконецъ самая любовь, которую воспѣваютъ такъ разнообразно и съ такимъ увлеченіемъ. Поэту конечно не придется сложить пѣснь «къ труду». Напротивъ того изъ конкретныхъ образовъ той нравственной силы труда, которою мы побѣждаемъ весь міръ и самихъ себя, струится самый живительный источникъ поэзіи. Въ этомъ смыслѣ великій германскій лирикъ Гёте написалъ превосходную пѣснь о чести труда, своего «искателя клада (Schatzgräber)», одно изъ самыхъ безукоризненныхъ и глубокихъ произведеній въ поэтическомъ отношеніи. Подобно тому Гебель, первый изъ подражателей народной поэзіи, подарилъ Нѣмцамъ одну изъ самыхъ удачныхъ пѣсень въ честь труда (Wegweiser—Путеводитель). Наоборотъ, таже тема (прилежаніе и работа) сдѣлалась чрезвычайно прозаичною, благодаря такимъ виршамъ, каковы напр. стихотворенія К. Ф. Вейсе, гдѣ восхваляется только внѣшняя польза труда съ добавленіемъ пошлыхъ моральныхъ доводовъ. Это соотвѣтствовало угнетенному и жалкому положенію нѣмецкаго работника въ XVIII столѣтіи; но воззрѣніе нашего времени на трудъ несравненно глубже

и обширнѣе, и потому самому имѣетъ онъ для насъ и въ поэтическомъ и въ нравственномъ отношеніи несравненно высшее значеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ была въ ходу пѣсня: «Завтре, завтре, а не нонче,» и проч. у насъ образовалась и развилась самостоятельная наука національної экономіи, наука, относящаяся непосредственно къ труду: вотъ почему намъ позволительно пѣть объ этомъ послѣднемъ съ бо̀льшимъ одушевленіемъ. Дѣйствительно, глубина научної мысли не убиваетъ поэзію, а напротивъ того дастъ болѣе простора поэтическимъ идеямъ.

И такъ причина, почему народная пѣснь такъ рѣдко восхваляла трудъ, заключается не въ томъ, чтобы это была тема, непригодная для поэта.

Большая часть народныхъ пѣсень суть пѣсни крестьянскаго или сельскаго сословія. Скажемъ болѣе: значительная доля самыхъ удачныхъ и веселыхъ пѣсень принадлежитъ не крестьянину въ тѣсномъ смыслѣ, а относится къ быту пастуха. Эти коротенькія эпиграммы, сатиры и т. под. произведенія, въ которыхъ такъ наглядно изображается разнообразная и практическая обстановка жизни и такъ щедро расточается похвала бѣдности, бездѣлью и порывамъ чувственної любви, слагаются пастухами нѣмецкихъ альпъ и поселянами, занимающимися преимущественно скотоводствомъ. Извѣстно, что пастушество, въ противуположность другимъ занятіямъ, вовсе не располагаетъ къ дѣятельному труду. Дѣтина, въ устахъ котораго раздаются такія поэтическія пѣсни, столько же съ родни неаполитанскому лаццарони, какъ и нѣмецкому ремесленнику. Проводить лѣто на уединенної вершинѣ горы, не видя надъ собою, при умѣренної работѣ, бдительнаго надзора хозяина, сидящаго въ долинѣ, любоваться прекрасної природої да коротать время съ прелестными, столь же одинокими, пастушками; не знать многихъ удовольствій, но въ то же время быть свободнымъ отъ многихъ заботъ—вотъ истинное наслажденіе и мечта дѣтины, приставленнаго къ стаду. Этотъ образъ жизни естественно дастъ ему досугъ и средства слагать свои пѣсни остроумно и бойко. Но, безъ сомнѣнія, такої питомецъ альпійскихъ горъ не олицетворяетъ собою трудолюбиваго работника нашего времени, а напротивъ того напоминаетъ собою первобытное состояніе, уже давно оставленное бо̀льшею частію націи, состояніе, которое, какъ все младенчествующее и весеннее,

представляется намъ тѣмъ плѣнительнѣе, чѣмъ болѣе мы сами приблизились къ старости и переживаемъ осень. Какъ эти пѣсни, знаменательныя своимъ числомъ и силой, чужды настоящаго предмета, одушевляющаго нѣмецкаго работника, а выражаютъ лишь его мечту, такъ и самыя лица, которыя слагаютъ ихъ, неспособны къ той напряженной дѣятельности, силою которой германскіе народы завоевали себѣ столь почетное мѣсто въ цѣломъ мірѣ. Въ фабричныхъ городахъ, расположенныхъ на границахъ богатыхъ пѣснями горъ Баваріи, какъ напр. въ Кемптѣ, не смотря на дешевую жизнь, работника можно найти лишь за самую высокую плату, потому что юный народъ предпочитаетъ свободу и покой пастуха всѣмъ выгодамъ, покупаемымъ постоянной и отчетливой работой. Тотъ же опытъ повторился, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ проводилась желѣзная дорога.

Слѣдовательно пѣсни пастушескаго народа хотя и заслуживаютъ вниманіе экономиста, но не потому, чтобы въ нихъ отражался геній трудолюбія, присущій Нѣмцамъ, а напротивъ, потому что онѣ указываютъ, какія первобытныя состоянія встрѣчаются еще въ Германіи, какъ странныя исключенія, не взирая на высокій почетъ и значеніе, которыми пользуется здѣсь трудъ. Правда, родственныя звуки слышатся Нѣмцамъ въ тѣхъ пѣсняхъ; но эти звуки, долетаютъ до нихъ, какъ бы изъ давно минувшей старины, съ мирныхъ вершинъ туземныхъ горъ.

Почти тоже самое должно сказать о пѣсняхъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Хозяинъ-пахарь, работающій въ потѣ лица, не сложитъ новой пѣсни; по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно процвѣтаетъ земледѣліе, уже почти вовсе вымерла поэзія среди поселянъ. Напротивъ, крестьянину стараго времени, который оставляетъ на Божью волю девять десятыхъ своего труда и часто упускаетъ изъ рукъ и послѣднюю десятую долю, естественно достаетъ время сочинять пѣсни. Неудивительно при этомъ, что онъ не восхваляетъ усиленнаго труда, въ которомъ мы соперничаемъ другъ передъ другомъ, потому что о такомъ соревнованіи онъ едва знаетъ по наслышкѣ. И такъ этотъ народный пѣвецъ изъ крестьянъ живетъ старобытною жизнью, которая утратила свое значеніе для цѣлой націи. Но экономистъ не долженъ пренебрегать имъ; напротивъ можно признать счастливымъ обстоятельствомъ для великаго на-

рода, когда рядомъ съ самою напряженною дѣятельностію онъ обладаетъ еще обильнымъ и нетронутымъ запасомъ земли и людей. Не должно только судить о цѣлой націи по единичной группѣ отдѣльнаго сословія. Называя крестьянскую пѣснь, крестьянскіе обычаи и одежду народными, мы очень легко усвоиваемъ себѣ совершенно ложный на нихъ взглядъ.

Настоящее время составляетъ переходную эпоху, знаменательную энергическими преобразованіями, но вообще неблагопріятную для народной пѣсни. Однако это не даетъ намъ права сомнѣваться, что настанетъ для нея пора, болѣе благопріятная. Стремленіе въ народѣ къ изящному имѣетъ свои приливы и отливы какъ и стремленіе въ немъ къ искусству, въ смыслѣ ремесла. Но самыя лучшія и любимыя пѣсни, въ которыхъ поселяне и ремесленники прославляютъ свое званіе, суть пѣсни *старинныя*, т. е. относящіяся къ тому времени, когда взглядъ на значеніе и достоинство всякаго труда былъ несравненно уже, чѣмъ теперь. Если въ пѣсни пахарь трунитъ надъ мельникомъ, сапожникъ надъ портнымъ, то какъ бы она ни была любима, благодаря ея шутливому тону, все-таки она есть пѣсня стариннаго цеха, а не голосъ народный о значеніи труда съ нынѣшней точки зрѣнія. Не должно также увлекаться иною старинною пѣснью въ честь труда, ибо пѣсни и этого рода обыкновенно сочинялись для прославленія чести сословной, а не чести труда въ новѣйшемъ ея значеніи. Такъ точно въ пѣсняхъ, которыя слагаются теперь работниками на желѣзныхъ дорогахъ—у меня подъ рукою многія такія самородныя пѣсни, сочиненныя въ областяхъ гессенской и тюрингенской—хотя и восхваляются послѣдствія трудовой жизни, говорится съ самодовольствіемъ о получаемой за нее платѣ, и даже поется:

Zu der Arbeit ſind wir geboren.
Mit Vergnügen, ohn' Sorgen,
Mit Luſt und Pläſir,
Luſt'ge Eiſenbahner ſeynd wir!

(*Мы рождены для труда:* живемъ беззаботно и весело, работая на желѣзной дорогѣ);

но во всѣхъ этихъ народныхъ пѣсняхъ новѣйшаго изобрѣтенія прославляется только внѣшняя сторона работы, какъ и въ пѣсняхъ сухихъ стихотворцевъ прошедшаго столѣтія, а не то глубокое зна-

ченіе чести труда, которое сознаетъ лишь развитой вполнѣ человѣкъ, и потому-то неудивительно что народу нравятся несравненно больше шутливыя слова старины, чѣмъ серьезныя разсужденія новаго времени.

Даже наукѣ приходится бороться съ самыми ложными и нелѣпыми понятіями о значеніи труда; какъ же требовать, чтобы простолюдинъ имѣлъ въ этомъ отношеніи особенно свѣтлый взглядъ? Ему и безъ того по горло дѣла, чтобы усвоить себѣ всю обстановку новѣйшаго хозяйства; слѣдоват. лишь позднѣйшимъ поколѣніямъ выпадетъ на долю воспѣвать и передавать въ легендахъ тѣ условія, при которыхъ оно сложилось. Тѣмъ не менѣе для насъ важно всякое, хотя бы и очень устарѣвшее, воззрѣніе, живущее въ народѣ, ибо оно даетъ ясное понятіе о томъ, какъ грубо и узко понимаются еще трудъ и честь труда въ низшихъ слояхъ общества.

IV.

Ни въ чемъ не оказываются люди столь несправедливыми, какъ въ оцѣнкѣ чужаго труда въ сравненіи съ своимъ собственнымъ. Всякое занятіе представляется тому, кто посвятилъ ему себя, самой тяжелой работой. Это и понятно: мы испытываемъ сами горечь своего дѣла, а въ дѣлѣ *чужомъ* видимъ бо̀льшею частію лишь плодъ и наслажденіе, достигнутые въ результатѣ. Особенно рѣзко проявляется эта несправедливость въ сужденіяхъ другъ о другѣ тѣхъ, которыхъ занятія совершенно между собою различны; притомъ она здѣсь конечно возникла уже тогда, какъ произошло самое раздѣленіе труда. Добывающій себѣ хлѣбъ ручною работою воображаетъ обыкновенно, что въ сравненіи съ нимъ человѣку, посвящающему себя умственнымъ занятіямъ, очень легко; наоборотъ послѣдній очень часто слишкомъ низко цѣнитъ работу простаго поденщика. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ рождается зависть, а во второмъ высокомѣріе, въ томъ же и другомъ—несправедливое въ высшей степени сужденіе о чести чужаго труда.

Забавно подъ часъ подмѣчать это взаимное непризнаніе настоящаго значенія различныхъ занятій. Неразвитой крестьянинъ не

понимаетъ какъ бываетъ тяжело мыслить или работать умственно, и не сознаетъ того, что приводить въ порядокъ и излагать выработанныя мысли есть дѣло искусства. Ему кажется, что мѣстному священнику очень легко умствовать и важно разсуждать на каѳедрѣ. Трудъ письменный онъ цѣнитъ уже болѣе, ибо самому случается выводить буквы, часто въ потѣ лица. Поэтому нерѣдко измѣряетъ онъ умственную работу количествомъ письма. Приказный, заваленный кипами бумагъ, кажется ему трудолюбивѣе священника; за то онъ увѣренъ, что доктору, которому платится за пару неразборчиво написанныхъ словъ, деньги достаются слишкомъ легко. Какъ крестьянинъ судитъ о трудѣ по одному его окончательному, самому легкому произведенію, не имѣя въ виду потраченныхъ на него капитала и силъ въ продолженіи многихъ лѣтъ до написанія рецепта, такъ точно и ремесленникъ цѣнитъ слишкомъ низко умственную работу, потому что не охватываетъ ея *вполнѣ*. Живописецъ можетъ въ нѣсколько часовъ набросать превосходный эскизъ, между тѣмъ какъ незамысловатый столяръ едва въ нѣсколько дней сколотитъ плотный шкапъ. Не смотря на то въ эскизѣ, исполненномъ такъ легко, можетъ заключаться въ двадцать разъ болѣе труда, чѣмъ въ шкапѣ, сколоченномъ съ такимъ усиліемъ: дѣло въ томъ, что живописцу приходится учиться несравненно долѣе для того, чтобы быть въ состояніи набросать легкій очеркъ картины, чѣмъ столяру, чтобы достигнуть умѣнья сдѣлать шкапъ.

Непризнаніе истинной цѣны чужаго труда по незнанію встрѣчается не только въ сословіи крестьянъ и ремесленниковъ, но вездѣ, гдѣ есть недостатокъ въ общемъ образованіи, ибо только это послѣднее дастъ возможность быть безпристрастнымъ въ сужденіяхъ. Извѣстно преданіе объ одномъ, въ своемъ родѣ геніальномъ, основателѣ знаменитаго въ цѣломъ мірѣ банкирскаго дома, который признавалъ только два рода умственныхъ занятій, именно занятія: сводить счеты, спекулировать, и—играть на скрипкѣ. Всѣхъ ученыхъ, художниковъ и государственныхъ людей называлъ онъ скрипачами, потому что считалъ ихъ занятія столь же пустыми, какъ и трудъ виртуозовъ, игравшихъ на скрипкахъ въ его салонахъ за деньги и дорогой столъ. Одни коммерческіе обороты и счеты были въ его понятіи дѣломъ серьезнымъ и истиннымъ трудомъ. Когда дошла до него молва о знаменитомъ Гёте, находившемся въ то время на верху

своей славы, первоклассный богачъ изъявилъ желаніе узнать въ чемъ заключаются дѣянія первокласснаго поэта. Но едва стали ему объяснять заслуги Гёте, какъ онъ прервалъ рѣчь объ немъ словами: «Э, такъ и это тоже скрипачь!»

Подобно тому иной считаетъ такими «скрипачами» мужей, посвящающихъ себя именно самымъ глубокимъ умственнымъ занятіямъ. Усиліе и постоянство труда такъ различны, смотря по различію занятій, что нѣтъ никакой единичной мѣры для ихъ сравненія. Можно измѣрять силу паровыхъ машинъ силою лошади; но кому пришло бы въ голову измѣрять «лошадиной силой» ту силу, которую употребляетъ на свой трудъ въ одномъ мѣстѣ простой кузнецъ, въ другомъ—министръ.

Самая обыкновенная мѣра, которою опредѣляется человѣческій трудъ, есть *время*, *употребляемое* на дѣло; но, безъ сомнѣнія, нѣтъ никакой возможности съ помощію этой мѣры найти взаимное соотношеніе между силой, потраченной на разнородныя работы. Все, къ чему она пригодна, заключается въ доставляемой ею возможности сравнить въ механическомъ трудѣ прилежаніе одного работника съ прилежаніемъ другаго. Правда, обиходная рѣчь смѣшиваетъ количество времени съ количествомъ труда, выражая это въ картинахъ и пословицахъ. Очевидно также, что продолжительная и правильная работа составляетъ основное условіе истиннаго труда. Но одинъ и тотъ же срокъ можетъ быть «длиннымъ» для одной работы и «коротким» для другой; можно даже сказать, что для самыхъ трудныхъ умственныхъ занятій нѣтъ опредѣленнаго времени, ибо все время посвящается этой работѣ.

Постараюсь объяснить подробнѣе мою мысль, ибо именно заблужденіе, будто трудъ можно измѣрять часами, даетъ поводъ къ самымъ несправедливымъ сужденіямъ одного класса о другомъ.

Чиновникъ, ремесленникъ или подрядчикъ, ежедневно въ продолженіи двѣнадцати часовъ прикованные къ своимъ занятіямъ, завидуютъ ученымъ, художникамъ и государственнымъ людямъ, свободнымъ отъ срочной работы. Ихъ собственный трудъ кажется имъ обременительнѣе, потому только, что они обязаны употреблять на него опредѣленные часы. Но за то работникъ, занимающійся механическимъ, часами ограниченнымъ трудомъ, имѣетъ на своей сторонѣ одно важное преимущество—возможность наслаждаться отды-

хомъ въ извѣстное время. Эта возможность не существуетъ для человѣка, котораго дѣятельность ближе къ творчеству. Право, не даромъ, столь, по видимому, счастливые, мыслитель, поэтъ и художникъ, въ какой бы ни было сферѣ дѣятельности, завидуютъ долѣ поденщика, который, хотя и трудится въ потѣ лица нѣсколько часовъ сряду, но за то кончаетъ безусловно свою работу, какъ скоро раздается вечерній звонокъ. Тотъ же, кто обладаетъ творческой силой, не можетъ отдѣлаться отъ работы своихъ мыслей, гдѣ бы ни былъ: онѣ преслѣдуютъ его и днемъ и ночью до самой могилы, въ которой онъ только и находитъ себѣ отдыхъ. Пусть даже работаетъ онъ медленно и вяло, какъ бы играя, но не должно ли признать и такую работу самой трудной и изнурительной, имѣя въ виду то, что ей не предвидится конца. Но это относится не къ однимъ только умственнымъ занятіямъ въ тѣсномъ смыслѣ: столь же неусыпно трудятся всѣ тѣ, которые стоятъ въ главѣ новыхъ изобрѣтеній и предпріятій на какомъ бы то ни было поприщѣ. Вотъ тѣ люди, о которыхъ мы сказали выше, что для ихъ занятій нѣтъ опредѣленныхъ часовъ, ибо все время ихъ посвящено труду. Словомъ, временемъ измѣряется прилежаніе подмастерья, а не дѣятельность мастера.

Важное дѣло—внушить подмастерью уваженіе къ этой дѣятельности мастера, которой нельзя измѣрить: противное тому можетъ вести къ соціальнымъ революціямъ. Ненависть и зависть пролетаріевъ противъ двигателей великихъ предпріятій зарождается очень часто, и именно въ людяхъ съ самымъ благороднымъ направленіемъ, отъ этого непониманія труда. По двумъ причинамъ питаетъ обыкновенно ремесленникъ затаенную ненависть къ своему хозяину. Съ одной стороны въ этомъ классѣ много завистливыхъ, которые негодуютъ на то, что господинъ живетъ лучше слуги и воображаютъ, что на паштеты и шампанское каждый имѣетъ такое же врожденное право, какъ на воздухъ и воду. Предметъ ихъ зависти не работа, а грубое наслажденіе. Но люди съ такими матеріальными наклонностями не опасны: въ революціонныхъ движеніяхъ они лишь страшны своей массой. Напротивъ люди съ высшими, болѣе идеальными понятіями вступаютъ въ распрю съ своимъ хозяиномъ не изъ за наслажденія, но изъ за труда. По ихъ словамъ, онъ не заслуживаетъ своего хлѣба; но такъ говорятъ они, потому что не умѣютъ цѣнить его трудъ: ихъ вооружаетъ то, что почести и богат-

ства достаются на долю тому, кто, въ ихъ глазахъ, трудится несравненно меньше, чѣмъ они, его послѣдніе поденщики. А такъ какъ имъ кажется, что въ нашихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ недостаетъ справедливости, то и хотѣлось бы имъ совершенно преобразовать эти отношенія. Такіе люди могутъ быть дѣйствительно опасны, ибо ихъ исходную точку составляетъ нравственная идея, которою они измѣряютъ ложно понимаемые факты. Но съ такимъ основаніемъ человѣкъ можетъ сдѣлаться головорѣзомъ, и именно по нравственному его убѣжденію. Отсюда видно, что самое лучшее мѣрило бываетъ обманчиво, когда предметъ, подлежащій измѣренію, представляется въ ложномъ видѣ, и только ясное уразумѣніе, что дѣятельность хозяина или мастера заключается въ его непрерывномъ умственномъ трудѣ, обезоруживаетъ благородное, но несправедливое негодованіе работника.

Народъ не заботится о цѣли и результатахъ нашей дѣятельности: ему необходимо убѣдиться своими *глазами*, что мы *работаемъ*, видимо напрягаемъ силы; онъ хотѣлъ бы осязать тотъ трудъ, за который обязанъ воздать намъ должное. Всякая дѣятельность кажется простолюдину тяжкою; лишь образованный человѣкъ можетъ говорить «о трудѣ сладкомъ и пріятномъ»,—чернь же не пойметъ его: ей чудится, что нравственная сила труда заключается въ видимой работѣ; для нея «трудъ» и «тяжесть»—два однозначащія слова.

Въ народномъ языкѣ подъ глаголомъ «работать» разумѣется всякое движеніе и напряженіе силъ, всякая борьба и болѣзненное сотрясеніе. Такъ изстари употреблялось это слово для означенія мукъ родильницы и мукъ умирающаго; напротивъ примѣненіе его къ занятіямъ капиталиста, разсчитывающаго свои проценты, къ поэту, облекающему въ форму свою мысль, указываетъ на новое значеніе, придданное тому же термину, которое усвоило себѣ лишь образованное сословіе; народу такая работа вовсе не кажется работой.

По первоначальному своему понятію «работа» есть трудъ, исполняемый руками, и прежде всего трудъ земледѣльца; крестьянинъ же, пашущій въ мартѣ мѣсяцѣ въ легкой одеждѣ, не можетъ понять такую работу, которая производится не въ потѣ лица. Въ одно время, когда была въ ходу мысль изгладить соціальныя ошибки, между

самими ученымн встрѣчались лица, признававшія необходимымъ возвратиться къ работѣ рукъ, какъ къ работѣ первоначальной; таковъ былъ, напр. Андрей Боденштейнъ фонъ Карлштадтъ, который, не смотря на званіе доктора, надѣлъ войлочную крестьянскую шляпу и съ каѳедры перешелъ къ полевымъ занятіямъ, чтобы въ потѣ лица снискивать себѣ хлѣбъ своими руками. Одна такая черта дастъ понятіе объ истомъ соціалистѣ-демагогѣ. Тотъ кто въ простолюдинѣ возбуждаетъ и усиливаетъ убѣжденіе, что на его долю выпалъ весь трудъ и бремя, но что вмѣстѣ съ тѣмъ ему же принадлежитъ честь быть представителемъ высшей нравственной силы труда, можетъ вздуть пламя, гибельное для всего гражданскаго общества. Самое слово «работники», въ смыслѣ послѣднихъ поденщиковъ, унижающее высшіе классы и льстящее низшему, было изобрѣтено въ эти дни соціальнаго переворота; быть можетъ его выдумалъ самъ Карлштадтъ. Какъ онъ надѣлъ крестьянскую шляпу, такъ точно въ 1848 году вожди народнаго движенія облеклись въ французскую блузу, презрая кафтанъ честнаго нѣмца. Блуза есть одежда тѣхъ работниковъ, которые полагаютъ, что такъ какъ самая грубая работа производится буквально въ потѣ лица, то поэтому она и самая трудная, а между тѣмъ цѣнится менѣе всякой другой и вознаграждается, вопреки справедливости, крайне дурно.

Правда, что, съ другой стороны, работу простолюдина часто унижали, такъ точно какъ онъ унижалъ трудъ высшихъ классовъ. Забавно, что въ филантропическую эпоху, относящуюся ко времени, предшествующему французской революціи и совпадающему съ ней, педагоги, изучавшіе жизнь по книгамъ, старались привлечь знатное юношество къ черной работѣ, заставляя своихъ питомцевъ переходить отъ Гомера къ столярному станку, отъ латинской грамматики къ заступу и лопатѣ, и приводя въ примѣръ настоящаго образцоваго курса для практическаго уразумѣнія трудовой жизни годы, проведенные Робинсономъ Крузоэ въ изученіи на опытѣ разныхъ работъ и ремеслъ, слѣдуя порядку ихъ постепеннаго усовершенствованія. Карлштадтъ думалъ помочь болѣзни кровопусканіемъ, а филантропы микстурой, но въ отношеніи основныхъ мыслей исправленія общества какъ первый, такъ и послѣдніе были убѣждены, что лишь участіе всѣхъ и каждаго въ черной работѣ, какъ

истинномъ трудѣ, можетъ пробудить новую жизнь въ испорченномъ организмѣ общества.

Простолюдину необходимо видѣть и осязать трудъ, иначе онъ не имѣетъ для него цѣны. Чѣмъ шумнѣе въ мастерской, тѣмъ бо́льшимъ пользуется она почетомъ. У слесарей и кузнецовъ лице и руки должны быть запачканы сажей и хотя бы они даже прогуляли цѣлый день, все таки имъ необходимо быть черными, какъ будто бы они работали безъ устали съ самаго ранняго утра. По грязнымъ мозолистымъ рукамъ работника каждый можетъ судить о его трудахъ, и не мало сыпалось проклятій на людей высшаго сословія за то, что не было на ихъ рукахъ слѣдовъ упорнаго труда. Дворяне и духовенство испытали на себѣ всю тяжесть общественнаго мнѣнія, бросившаго на нихъ позоръ бездѣйствія и лѣни. Такъ, напр., въ исходѣ среднихъ вѣковъ «монашеская лѣнь» обратилась въ пословицу. Далеко разнесся слухъ и сильно вкоренилось въ народы повѣрье, что монастыри издавна служатъ прибѣжищемъ для тунеядцевъ. И мысль эта содѣйствовала къ упраздненію монастырей не менѣе, чѣмъ духъ отрицанія предшествующихъ поколѣній. И протестантскіе священники испытывали иногда ту же участь: не одна церковь опустѣла отъ того, что народъ не видалъ ея служителя трудящимся въ потѣ лица. Колоссальная цифра монастырей и духовенства въ Испаніи и Италіи служила даже въ прошедшемъ столѣтіи статистическимъ доказательствомъ врожденной лѣни этихъ народовъ. Потому при возобновленіи монастырей въ Германіи основательно обращено было особенное вниманіе на внѣшнюю дѣятельность монаха, какъ напр. попеченіе о больныхъ, душеспасительное назиданіе, обученіе дѣтей. Ревностнымъ и строгимъ исполненіемъ этихъ обязанностей монастырскія общины заслужили уваженіе и у протестантовъ.

Вообще должно съ большою осторожностью произносить приговоръ надъ цѣлымъ сословіемъ, но въ особенности опасно укорять его въ бездѣйствіи. Во всякомъ званіи непремѣнно найдутся и лѣнивые и трудолюбивые люди; но коль скоро цѣлое сословіе впадаетъ въ лѣнь, оно должно неминуемо разложиться и погибнуть, и тогда другіе слои, другія сословія принимаютъ въ свой жизненный организмъ распавшіеся элементы. Только подъ искусственной защитой внѣшней власти можетъ проживать въ бездѣйствіи цѣлая

корпорація. Но никакая монополія не бываетъ такъ ненавистна народу, какъ монополія лѣни. Были примѣры такихъ монополій, но онѣ неминуемо влекли за собой гибель тѣхъ, кто ими пользовался, и наконецъ отъ нихъ страдала самая власть, которая ихъ создала и охраняла.

Все сказанное выше можетъ быть приведено къ слѣдующимъ положеніямъ. Немалая степень образованія и проницательности потребны для того, чтобы цѣнить безпристрастно чужой трудъ. Общаго для этого масштаба не существуетъ; напротивъ всякое занятіе извѣстнаго рода подлежитъ своей особой оцѣнкѣ. Не смотря на то никто не отказываетъ себѣ въ удовольствіи произносить судъ надъ трудомъ ближняго, и потому тѣмъ несправедливѣе бываетъ «общественное мнѣніе.» Образованные классы въ этомъ отношеніи обыкновенно менѣе односторонни. Но такое несправедливое сужденіе можетъ имѣть очень вредныя послѣдствія для спокойствія цѣлаго общества. Нѣмцевъ же отличаетъ та нравственная черта, что права извѣстнаго сословія и званія они опредѣляютъ нравственной силой ихъ труда. Но чѣмъ основательнѣе и уважительнѣе это правило само по себѣ, тѣмъ становится оно гибельнѣе въ случаѣ ложнаго его примѣненія. *Установленіе правильнаго взгляда на понятіе труда во всѣхъ классахъ и составляетъ высокую задачу истиннаго народнаго образованія.* Тамъ, гдѣ одно сословіе научится цѣнить трудъ другаго, оно будетъ къ нему справедливо, и не только въ примѣненіи къ труду, но и вообще.

V.

Нерѣдко честь труда измѣряется *успѣхомъ или выгодой,* которые онъ приноситъ. Но такое мѣрило, если руководствоваться имъ вообще, не только обманчиво, но и непримѣнимо. Въ этомъ отношеніи сужденіе о трудѣ бываетъ также чрезвычайно разнообразно, смотря по степени образованія. Такъ, напр., если лавочникъ станетъ утверждать, что лучшимъ писателемъ въ сороковыхъ годахъ былъ Евгеній Сю, потому что въ короткое время онъ нажилъ своими романами такъ много денегъ, то мы посмѣемся надъ его мнѣніемъ, но согласимся, что оно очень понятно въ лавочникѣ. Напротивъ, лавочникъ осмѣетъ насъ, если мы скажемъ ему, что Кеплеръ, ко-

торый при жизни съ трудомъ вырабатывалъ кусокъ насущнаго хлѣба, былъ величайшій ученый, заслужившій своими трудами и высокій почетъ и полный успѣхъ.

Нѣсколько равномѣрнѣе становятся сужденія въ томъ случаѣ, когда понятіе о томъ, что такое *успѣхъ*, опредѣляется точнѣе. Трудъ, какъ нравственное дѣйствіе, имѣетъ двоякую цѣль: личную пользу трудящагося и пользу общественную. Поэтому дѣятельность, которая служитъ только нашимъ корыстнымъ видамъ, а обществу напротивъ приноситъ вредъ, какъ напр. воровство, азартныя игры, нельзя называть трудомъ. Подобнаго рода дѣятельность подвергается справедливому осужденію, и когда отдѣльныя личности дѣлаютъ изъ нея задачу цѣлой жизни, она принимаетъ названіе постыднаго ремесла. Конечно, стремленіе трудящагося къ удовлетворенію личныхъ интересовъ есть чувство вполнѣ законное, но нравственная сила труда, опредѣляемая его цѣлью, лежитъ внѣ предѣловъ личнаго успѣха. И безсловесная тварь ищетъ себѣ пропитанія, но съ такимъ трудомъ мы не соединяемъ понятія о чести. Только тогда трудъ можетъ назваться нравственнымъ дѣйствіемъ, честнымъ трудомъ, когда трудящійся, заботясь о личныхъ своихъ выгодахъ, содѣйствуетъ также интересамъ человѣчества, и такимъ образомъ достигаетъ двоякой цѣли труда,—пользы личной и пользы общественной. Правда, большая часть людей дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи безсознательно; они заботятся прежде всего о самихъ себѣ, однако дѣятельность ихъ тѣмъ не менѣе приноситъ общественную пользу. Въ жизни также нерѣдко бываютъ неразрывно слиты обѣ цѣли труда, но въ теоріи онѣ должны быть строго различаемы. Отъ человѣка *развитаго* мы въ правѣ ожидать полнаго, сознательнаго раздѣленія этихъ цѣлей, даже въ правѣ требовать отъ него, чтобы онъ ставилъ общественный *успѣхъ* выше личной своей *выгоды*. И чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ безкорыстнѣе долженъ быть его трудъ, тѣмъ полнѣе должно быть его самопожертвованіе для блага общественнаго.

Въ языкѣ оба эти понятія также различаются: личныя выгоды получаемыя отъ труда, называются *прибылью*, *платой*; общественная же польза—*успѣхомъ*. Какъ мы уже сказали выше, большая часть людей, т. е. необразованная масса, трудится изъ личной прибыли, едва сознавая значеніе успѣха. Не смотря на то мы и въ

этомъ случаѣ не должны слишкомъ низко цѣнить взглядъ простолюдина. Почти каждый работникъ имѣетъ смутное сознаніе о приносимой имъ общественной пользѣ. Такъ крестьянинъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, понимаетъ, что онъ не только кормитъ себя, но вмѣстѣ съ своимъ сословіемъ готовитъ хлѣбъ для всѣхъ. Мысль эта сдѣлалась до такой степени общею, что земледѣлецъ гордится своимъ трудомъ; но эта гордость есть ничто иное, какъ сознаніе имъ «успѣха» и «чести» своего труда. Послѣдній поденщикъ утѣшаетъ себя мыслію, что онъ трудится не для себя только, но для всего своего семейства; въ семействѣ же видитъ онъ олицетвореніе общества, и потому въ пользѣ, принесенной дѣтямъ, предчувствуетъ и успѣхъ своего труда. Напротивъ, въ утонченномъ дилетантѣ, занимающемся наукой изъ одной любознательности, и не видящемъ въ ней ничего кромѣ собственнаго удовольствія, мы не можемъ не признать несравненно меньшее сознаніе, чѣмъ въ простомъ работникѣ той нравственной силы труда и его успѣха, которая неразрывно соединяется съ понятіемъ о чести труда.

Чѣмъ выше степень образованія, тѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе черта, отдѣляющая въ общемъ сознаніи выгоды труда отъ его успѣха. Это относится какъ къ народу вообще, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ въ частности. Тотъ, кто понимаетъ вполнѣ все существенное различіе между выгодой и успѣхомъ, цѣнитъ въ слѣдствіе этого послѣдній несравненно болѣе. Отсюда и самое понятіе его о *чести труда* становится *глубже и яснѣе*. Простолюдинъ видитъ въ трудѣ прежде всего свои личныя выгоды, и никто не ставитъ ему этого въ укоръ; онъ смутно сознаетъ успѣхъ своей дѣятельности и гордится имъ тамъ, гдѣ его предчувствуетъ, но не ставитъ его ближайшею цѣлью труда. Поэтому понятіе его о чести труда еще грубо и неполно. Лица же, трудящіяся на поприщѣ болѣе возвышенномъ, должны предпочитать успѣхъ матеріяльнымъ выгодамъ и слѣдовательно цѣнить несравненно выше честь труда. И это не одно изъ тѣхъ школьныхъ требованій, которыя имѣютъ значеніе только на бумагѣ, напротивъ истина, глубоко утвердившаяся въ народномъ сознаніи.

Чтобы пояснить наши слова, сдѣлаемъ одно сравненіе. Мы не можемъ сочувствовать министру, который управляетъ министерствомъ только ради своихъ личныхъ выгодъ, если даже онъ работаетъ

честно и добросовѣстно. Мало того: мы считаемъ предосудительнымъ для министра финансовъ пользоваться своимъ общественнымъ положеніемъ для того, чтобы выгодно вести свои денежныя или биржевыя дѣла, хотя бы онъ при этомъ дѣйствовалъ въ формальномъ отношеніи вполнѣ честно, ни въ чемъ не нарушая закона.

Но если мы осуждаемъ министра, который предпочитаетъ свои выгоды общественному благу, то напротивъ считаемъ вполнѣ приличнымъ для лавочника торговать преимущественно ради своихъ личныхъ выгодъ, хотя при этомъ онъ очень можетъ сознавать, что мелочная торговля полезна и для общества; съ другой стороны мы, безъ сомнѣнія, назвали бы его мечтателемъ, который непремѣнно раззорится, если бы онъ, по примѣру министра, вздумалъ свои личные интересы ставить на второмъ планѣ, заботясь преимущественно о пользѣ общей.

Ремесленникъ, работающій главнымъ образомъ изъ за денегъ и не считающій это для себя предосудительнымъ, имѣетъ полное право порицать писателя, который трудится для корыстной цѣли, т. е. предпочитаетъ матеріальныя выгоды успѣху умственнаго труда. Даже справедливо плата за послѣдній называется не платой, а гонораріемъ, денежнымъ вознагражденіемъ; въ настоящемъ случаѣ оно есть только выраженіе идеальнаго успѣха высшей чести труда, а не возмездіе за работу, которое тѣмъ менѣе имѣется здѣсь въ виду, что во всѣхъ умственныхъ занятіяхъ прежде всего цѣнится талантъ и характеръ, два условія, вовсе не подлежащія денежной таксѣ, которыя однако для успѣха умственной работы несравненно важнѣе прилежанія. Если знаменитый ученый или художникъ получаетъ за произведеніе, единственное въ своемъ родѣ, необыкновенно высокую плату, общественное мнѣніе нерѣдко ставитъ ему это въ укоръ, хотя никто и не воображаетъ, чтобы онъ трудился исключительно изъ за денегъ и хотя никто не порицаетъ въ торговомъ отношеніи купца, получившаго своими оборотами неслыханный барышъ. Напротивъ, считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ, когда за произведеніе умершаго художника платятъ огромную цѣну. Насъ, слѣдовательно, возмущаетъ здѣсь мысль, что талантъ такъ явно взвѣшивается золотомъ, между тѣмъ какъ мы привыкли думать, что особенная честь умственнаго труда въ томъ именно и заключается, что представители этой чести

бѣдствуютъ въ жизни, чтобы получить тѣмъ бо̀льшій почетъ послѣ своей смерти. Тутъ нѣтъ непризнанія заслугъ. Въ основѣ этого взгляда лежитъ напротивъ глубокая истина: въ немъ ясно проявляется сознаніе, что высшій трудъ заслуживаетъ высшей чести, высшаго успѣха и что никакая мысль о матеріальныхъ выгодахъ не должна помрачать идеальной чистоты этого успѣха (*).

Изъ этого не слѣдуетъ впрочемъ, чтобы матеріальная *выгода* была вовсе несовмѣстна съ идеей высшаго труда: она не должна быть его главною цѣлью; но, съ другой стороны, выгода есть необходимое *мѣрило* степени *прилежанія*. Въ этомъ отношеніи народъ составилъ себѣ также давно убѣжденіе, которое нельзя не признать справедливымъ. Онъ не придаетъ большой цѣны ни безвозмездному труду, ни безвозмезднымъ должностямъ, въ томъ предположеніи, что-трудъ требуетъ постоянства и усидчивости. Надежда на успѣхъ придаетъ бодрость духу, но немощная плоть требуетъ матеріальной поддержки, а въ каждомъ трудѣ духъ и плоть дѣйствуютъ вмѣстѣ. Въ трудѣ предполагается не одна только свобода воли, но и нѣкотораго рода принужденіе. Это принужденіе, побуждающее насъ къ правильной, успѣшной дѣятельности, заключается именно въ той потребности пріобрѣтать, которой могутъ удовлетворять только матеріальныя выгоды. Тамъ даже, гдѣ не существуетъ этой потребности, простая игра на деньги представляется такъ заманчивой, что ее не замѣнитъ никакое вдохновеніе. Трудъ легкій и неправильный можетъ нравиться самъ по себѣ; но въ трудѣ серьезномъ всегда предполагается выгода: вотъ почему я и называю ее мѣриломъ прилежанія. Работы, успѣхъ которыхъ, по отдаленности, едва смутно представляется трудящимся, какъ напр. чисто механическія низшія занятія, требуютъ наибольшаго матеріальнаго поощренія, ибо забота объ успѣхѣ дѣла здѣсь очень слаба, потребность же платы тѣмъ сильнѣе. Польза человѣчества можетъ одушевлять проповѣдника и учителя, но никого не заставитъ пилить лѣсъ или обтесывать камни. Здѣсь одна только крайняя нужда и необходимость бороться съ ней могутъ побѣдить врожденную

(*) Взглядъ этотъ авторъ относитъ преимущественно къ нѣмцамъ, и потому прибавляетъ здѣсь: «можетъ быть ни одна страна въ мірѣ не имѣла столько безкорыстныхъ служителей, вполнѣ жертвовавшихъ своими личными выгодами для блага общаго, какъ Германія». *Ред.*

лѣнь, которая, при занятіяхъ умственныхъ, подавляется бо́льшею частію свободнымъ одушевленіемъ, производимымъ въ человѣкѣ нравственнымъ значеніемъ труда и его успѣхомъ. Поэтому трудъ дровосѣка нисколько не безчестится тѣмъ, что онъ исполняется исключительно за деньги; но нельзя съ этой же точки смотрѣть на трудъ проповѣдника или наставника. Однако никто не можетъ обойтись вполнѣ безъ выгоды, какъ мѣрила прилежанія, потому что человѣкъ не только духовное, но и матеріальное существо. Оковы матеріальныя разрушаются вещественнымъ вознагражденіемъ за трудъ. Успѣхъ побуждаетъ насъ къ работѣ; выгода убиваетъ лѣнь.

И такъ честь труда не должна измѣряться вообще ни успѣхомъ, ни выгодой; напротивъ какъ разнообразны труды и занятія, такъ различно примѣняются выгода и успѣхъ къ чести труда.

Въ наше время богословы и моралисты нерѣдко ведутъ съ экономистами открытую войну. Первые видятъ одну корысть въ неусыпномъ трудѣ, которымъ отличается наше время. «Всѣ гоняются за прибылью, за золотомъ, говорятъ они, и изъ за этой дикой охоты теряютъ душевный покой, который конечно никого не обогащаетъ, но котораго нельзя купить за деньги. Трудъ тогда только имѣетъ нравственное значеніе, когда направленъ къ нравственнымъ цѣлямъ; но пріобрѣтеніе денегъ для удовлетворенія личной корысти, для бо́льшихъ удобствъ въ жизни и для роскоши, конечно не можетъ быть названо нравственною цѣлью. Такъ гибнемъ мы подъ ярмомъ корыстнаго труда, какъ гибли наши предки подъ ярмомъ лѣни.»

На это возражаютъ экономисты: «то, что вы называете дикой охотой, есть только постоянное движеніе, которое служитъ признакомъ жизни. Надежда на прибыль возбуждаетъ это движеніе, эту любовь къ труду, безъ которой нѣтъ прогресса ни нравственнаго, ни матеріальнаго. Стремленіе къ личнымъ выгодамъ, къ деньгамъ есть въ сущности ничто иное, какъ стремленіе къ личной свободѣ. Въ этомъ-то и заключается вся непреодолимая прелесть богатства, ибо чѣмъ богатѣе человѣкъ, тѣмъ свободнѣе можетъ онъ располагать собой и тѣмъ доступнѣе для него всякаго рода наслажденія. Въ наше время рабство есть удѣлъ одной бѣдности. Эта внѣшняя свобода не можетъ, разумѣется, считаться свободой высшей, но она служитъ средствомъ къ полному развитію человѣчества: народы, не

стремящіеся къ матеріальному благосостоянію, остаются навсегда въ состояніи дикости и рабства».

Мнѣ кажется, что этотъ споръ, въ которомъ каждая сторона можетъ быть названа правою, происходитъ отъ двусмысленности одного слова и отъ одного еще неразрѣшеннаго факта. Если въ самомъ дѣлѣ одно стремленіе къ *личной выгодѣ* есть рычагъ современной поразительной дѣятельности, то богословъ въ правѣ порицать такую дѣятельность, ибо въ этомъ случаѣ корысть имѣла бы очевидно перевѣсъ надъ общественнымъ благомъ; понятіе о чести труда было бы вообще самое грубое и низшее занятіе преобладало бы надъ высшимъ. Но экономисты въ стремленіи къ выгодѣ видятъ скорѣе стремленіе къ *успѣху*. Если всякій честный трудъ непремѣнно предполагаетъ двѣ неразрывно между собою соединенныя цѣли, т. е. выгоду и успѣхъ, то ясно, что корысть отдѣльнаго лица оказывается благодѣтельною для цѣлаго общества. Стремленіе къ той внѣшней свободѣ, которая доставляетъ намъ деньги, можетъ дѣйствительно сдѣлаться безнравственною; но никогда не можетъ быть безнравственнымъ стремленіе къ свободѣ внутренней. Если однако какой либо философъ въ частности въ состояніи отказаться отъ земныхъ благъ, во имя духовной свободы, то цѣлый народъ никогда не достигалъ полнаго свободнаго развитія безъ благосостоянія, составляющаго основу этого развитія. И такъ хотя бы отдѣльныя личности, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, были рабами корысти, но для общества ихъ стремленіе, заслуживающее проклятія, несомнѣнно полезно. И здѣсь пути Провидѣнія неисповѣдимы: Испанцы искали золота, и открыли Европѣ новый свѣтъ. Фактъ этотъ повторяется ежедневно, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ.

Но что составляетъ преобладающую цѣль труда въ настоящее время, *выгода* или *успѣхъ*,—вотъ вопросъ, котораго не могутъ рѣшить окончательно ни богословы, ни экономисты. То обстоятельство, что честь труда мы цѣнимъ съ бо́льшею справедливостью и разборомъ, чѣмъ наши предки, свидѣтельствуетъ въ пользу того, что взглядъ нашъ на всѣ общественныя и экономическія отношенія расширился и сталъ свободнѣе, а онъ-то и составляетъ основное условіе всякаго труда, стремящагося сознательно къ успѣху.